Л. Пантелеев Переписка Л. Чуковская

Л. Пантелеев

Переписка

Л. Чуковская

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Л. Пантелеев

Переписка

Л. Чуковская

Л. Пантелеев

Переписка

Л. Чуковская

1929–1987

МОСКВА / НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 2011

УДК 821.161.1.09"19"
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
П68

В оформлении книги использованы фотографии
из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ),
из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб),
снимки из личного архива Е.Ц. Чуковской,
а также ранее опубликованные фотографии А.И. Пантелеева

На 1-й стороне переплета:
А.И. Пантелеев. Ленинград. 1929. Снимал С.А. Магазинер.
Л.К. Чуковская. Симеиз. 5 мая 1929 г.

На 2-й стороне переплета:
А.И. Пантелеев в рабочем кабинете. Ленинград. 1960-е годы.
Снимал Б.В. Уткин.
Л.К. Чуковская. Москва. 1980-е годы

Подготовка текста и комментарии
Е.Ц. Чуковской

Л. Пантелеев — Л. Чуковская
П68 **Переписка (1929—1987).** Предисл. П. Крючкова. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 656 с.: ил.

Переписка Алексея Ивановича Пантелеева (псевд. Л. Пантелеев), автора «Часов», «Пакета», «Республики ШКИД» с Лидией Корнеевной Чуковской велась более пятидесяти лет (1929—1987). Они познакомились в 1929 году в редакции ленинградского Детиздата, где Лидия Корнеевна работала редактором и редактировала рассказ Пантелеева «Часы». Началась переписка, ставшая особенно интенсивной после войны. Лидия Корнеевна переехала в Москву, а Алексей Иванович остался в Ленинграде. Сохранилось более восьмисот писем обоих корреспондентов, из которых в книгу вошло около шестисот в сокращенном виде. Для печати отобраны страницы, представляющие интерес для истории отечественной литературы.

Письма изобилуют литературными событиями, содержат портреты многих современников — М. Зощенко, Е. Шварца, С. Маршака и отзываются на литературные дискуссии тех лет, одним словом, воссоздают картину литературных событий эпохи.

УДК 821.161.1.09"19"
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-86793-879-6

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Заголовок этого вступления к многолетней переписке двух известных литераторов не случайно повторяет собою название хрестоматийного рассказа, принадлежащего перу одного из них: пронзительного повествования Л. Пантелеева о мальчике, которого взрослые ребята оставили в игре стоять «на часах» и позабыли о нем.

А он — так и не сумел нарушить данного им «простого» честного слова.

Эти два литератора, проработавшие в отечественной литературе по шесть с половиной десятков лет, тоже не нарушили негласно данного русской литературе слова. До самого конца своего долгого «подлунного» пути они сохраняли ответственность перед выбранной ими самими и промыслом профессией, а также — перед собственным даром и читателями, каким бы количеством они ни исчислялись.

...Это число могло равняться девяти слушателям (как в случае с «Софьей Петровной»[1] на рукописной стадии в 1940-м) или десяткам тысяч (при первом издании «Республики ШКИД» в 1927 году).

В словарно-биографической статье о Лидии Чуковской поэт Владимир Корнилов вспомнил о книге американского журналиста Хедрика Смита «Русские» (1976), который метко сравнил личность этой писательницы — с петроградским ординаром, отмеряющим уровень нравственности русского общества в поздние советские годы.

Старинное «навигационное» слово образовано от латинского ordinarius — соответствующего *обычным правилам*, *надлежащего*, *нормального*. В городе на Неве, действительно, имеется так называемый

[1] Выпуска повести на своей родине Лидия Чуковская дожидалась почти в течение 50 лет: «Софья Петровна» была опубликована журналом «Нева» в феврале 1988 г. Фактами публикации этого «крамольного сочинения» в заграничных издательствах открывался «список прегрешений» Л. Чуковской перед советской властью при ее исключении из Союза писателей СССР в 1974 г. (см. кн. «Процесс исключения», «Время». М., 2010).

нулевой уровень Кронштадтского футштока, о котором вспоминают только в дни наводнения давным-давно вошедшей в литературу реки. Лидия Корнеевна, действительно была образцом нормы, если за норму принимать органическую неспособность лгать и приспосабливаться к навязанным извне обстоятельствам.

Думаю, что этот удачно найденный образ применим и к личности Алексея Ивановича Пантелеева-Еремеева.

Другое дело, что Лидия Чуковская на определенном этапе своей биографии открыто противопоставила себя официальным общественным установкам, и в конце концов ее насильственно отстранили от общения с читателем, перестали публиковать на родине. Пантелеев же просто абстрагировался от навязанной сверху системы, ушел, насколько это возможно, в глухое «подполье», продолжая время от времени издавать свои выстраданные, но уже искалеченные советской цензурой книги[1].

* * *

Их посмертная писательская судьба сложилась очень по-разному.

У Лидии Чуковской — сначала понемногу, а затем все чаще, в уже новом веке — начали выходить из печати книги, — как переиздания известных вещей, так и подготовленные — автором и дочерью к публикации — сокровища из архива. Напомню о главных.

«Ташкентские тетради» — не вошедшие при жизни Чуковской в «Записки об Анне Ахматовой». Документальный роман «Прочерк» — о погибшем в сталинских «чистках» муже. «Дом поэта» — полемика со «Второй книгой» Надежды Мандельштам. Отрывки из дневника и воспоминания — о Тамаре Габбе, Фриде Вигдоровой, Борисе Пастернаке, Иосифе Бродском, Андрее Сахарове и Александре Солженицыне.

Опубликована и литературно-художественная подборка «Мои чужие мысли». Она тоже сложилась в книгу.

Кроме того, с включением специальных приложений, счастливым образом — в северном Архангельске — была переиздана когда-то знаменитая книга Чуковской «В лаборатории редактора», а в те дни, когда я пишу эти заметки, из печати уже вышел прокомментированный Лидией Корнеевной толстовский «Хаджи-Мурат». На очереди — республикация книги о Миклухо-Маклае, «Декабристов в Сибири», исследования о герценовских «Былом и думах».

[1] Как, например, так и не переизданный сборник «Приоткрытая дверь» (Л., 1980), в который вошли рассказы, очерки и выдержки из записных книжек (в том числе уникальные блокадные записи). Исходная рукопись этой книги, увы, пропала, и сегодня уже не представляется возможным восстановить ее авторскую первозданность.

Словом, писатель понемногу возвращается к своему (и, вероятно, уже новому) отечественному читателю. Добавлю также, что о Лидии Чуковской написано несколько интересных статей, а ее столетие в 2007 году было отмечено телевизионными передачами и литературными вечерами.

С Пантелеевым, родившимся на год позже Чуковской, все гораздо печальней.

Не считая нескольких переизданий «Республики ШКИД» и нескольких рассказов (сегодня они выходят, как правило, в детских книжных сериях), в 1991 году была выпущена лишь его заветная книга «Верую...», дополненная повестью о судьбе дочери царского генерала Хабалова «Дочь Юпитера», — с предисловием душеприказчика Алексея Ивановича, петербургского критика и эссеиста — Самуила Лурье.

«Верую...» — это потаенная книга-завещание, конспиративно поименованная в черновиках как «Credo», редкое, если не сказать единственное полнокровное свидетельство городского христианина-интеллигента, таящего свою веру от всех в безбожные советские годы.

Сегодня Интернет отсылает нас, кажется, только к двум переизданиям этой исповеди — в светском и православном издательствах (в 2004 и 2008 годах). Причем в одном случае раздумчивое многоточие заменено в названии на победный восклицательный знак («Верую!»), а в другом — к непереходному глаголу несовершенного вида приставлено торжествующее личное местоимение первого лица («Я верую»). И кто нам объяснит, почему в одном и том же 1991 году эта повесть выходила под твердой издательской обложкой и — чуть позднее — в журнале «Новый мир», с предисловием покойного ныне Вл. Глоцера (частого персонажа в представляемой нами переписке)? И какими бы глазами посмотрел на этот, как сейчас выражаются, *беспредел* сам Алексей Иванович? Или не достаточно того, что тщательно оберегаемая им от расшифровки заглавная буква в литературном псевдониме давно и прочно проросла бесконечными «Леонидами» — начиная с некролога и заканчивая статьями в энциклопедиях и писательских словарях?

Два года тому назад, когда календарь литературных дат обозначил столетие Л. Пантелеева, телевидение показало документальный фильм о нем в серии, посвященной детским писателям. В этой передаче промелькнула и «официальная» кинохроника — Пантелеев в группе советских литераторов. Скорбный голос ведущего программы сообщил зрителям, что это единственные сохранившиеся кадры с живым Пантелеевым. Диктору и невдомек было, что фигура и лицо Алексея Ивановича отлично просматриваются в ставшей уже известной несанк-

ционированной кинохронике похорон Анны Ахматовой[2]: что человек в светлом пальто с темным воротником, поддерживающий передний угол гроба на пути к кладбищу, и есть Пантелеев.

«Когда погребают эпоху...»

В тот юбилейный год петербургское телевидение выпустило и небольшой телевизионный сюжет о Пантелееве, даже показало трех-четырех человек на его могиле и сообщило о неувядающей славе «Республики ШКИД».

Коротко говоря, получается, что для пересчета пекущихся сегодня о наследии Л. Пантелеева и сохранении памяти о нем хватит одной руки.

А вы думаете, что у Лидии Чуковской таких деятельных радетелей намного больше?

Есть несколько знакомых и незнакомых друзей, любящих ее книги и время от времени откликающихся на них в печати. Есть интернет-сайт, пополняемый любящими ее молодыми читательницами[3]. Есть замешенное на почти круглосуточном трудолюбии ее дочери издательское везение. И — все.

Так что и у Пантелеева — почти никого, только немногочисленные, но верные читатели, не ограничившие общение с ним одной «Республикой ШКИД» и «Пакетом», да два-три друга, каким-то образом поддерживающие память о нем.

И, тем не менее, чудо воскрешения каким-то образом происходит. Думаю, оно продолжится и этой самой перепиской, которая не может не вызвать ответного читательского чувства, ведь перед нами не только исторический портрет эпохи, бесконечный свидетельский «очерк литературных нравов» и вереница ярких портретов замечательных людей.

Перед нами — сам собою сложившийся *роман* о дружбе, о доверии, о реликтовом чувстве братства, которое нуждается в протяженности — уже в совершенно новом времени, к новому человеку.

* * *

Мне меньше всего хотелось бы пересказывать эти разнообразные по тону, темпераменту и темам письма, протянувшиеся от тех времен, когда Лидия Чуковская работала в ленинградском Детгизе у Маршака (и в том числе готовила к печати рассказы Л. Пантелеева) — к поздним «горбачевским» годам. То есть к временам, когда убитых сталинским

---

[2] Операторы Анатолий Шафран и другие. В 1989 г. отснятые материалы были использованы режиссером Семеном Арановичем в документальном фильме «Личное дело Анны Ахматовой».

[3] www.chukfamily.ru

режимом мужа Л. К. — физика Матвея Бронштейна и соавтора Пантелеева по «Шкиде» — Григория Белых — посмертно реабилитировали...

...Когда травля писательским Союзом и органами госбезопасности мемориального дома Корнея Чуковского наконец прекратилась (бедам и победам самодеятельного музея посвящены десятки писем Л. К.).

...Когда к официальной публикации стали готовить ахматовский «Реквием».

Но и жизни оставалось совсем немного: Алексей Иванович скончался летом 1987-го.

А за год до кончины он писал Лидии Корнеевне: «С чувством благодарности прочел в “Ленинградской правде” текст выступления на съезде Д. С. Лихачева (в “Литературной [газете]” его, кажется, не было), где он настаивает на академическом издании Чуковского и на признании его музея в Переделкине. Надежда, которой я все эти годы жил, как будто как-то подкрепляется. Дай Бог не ошибиться. Как рад я был услышать Ваш голос по телефону. Не сразу узнал — поверил. Передал Ваш привет Маше. Она обрадовалась. Очень любит и Вас, и Люшу. Близких-то, ведь, немного осталось».

У жены Алексея Ивановича, замечательной Элико Семеновны, в середине 1970-х неожиданно остановилось сердце, когда она бежала к трамваю, чтобы отвезти бедным горожанам какие-то носильные вещи. После ее смерти Алексей Иванович попросил Лидию Корнеевну передать нуждающимся в память об Элико небольшие суммы денег. Я знаю людей, которые по сей день подают за Элико Семеновну и Алексея Ивановича поминальные записки. А Марии Алексеевны Пантелеевой, полюбившейся многим читателям героини «Нашей Маши» («книги для родителей») и ставшей раньше времени сиротой, не стало в 1990-м. Еще при жизни отца она все чаще и чаще проводила время в психиатрических клиниках. Над ее и отцовской могилой на Большеохтинском кладбище — общий крест. Они пронесли его до конца.

* * *

Мудрые люди говорят, что долг каждого человека — максимально приблизиться к таинственному замыслу о нем самом, воплотиться. Произошло это с человеком или не случилось — судить трудно, жизненный путь обычно оценивают по сделанному, по делам.

Я думаю, что постигать эту переписку, состоящую из почти шестисот посланий, лучше всего медленно, неторопливо, проживая вместе с ее героями их собственные судьбы и судьбу страны, в которой им выпало жить и трудиться. И не спешить заглядывать в конец. Ведь какими бы горькими ни оказывались те или иные повороты этих судеб,

радость и гордость от сделанного не умалится, и останется время обрадоваться «художественности» письма собрата, и успеется сказать ему, что именно *это* письмо обязательно должно занять место в «последнем томе» собрания его сочинений...

Зимой 1959 года Лидия Корнеевна писала Пантелееву из Переделкина:

«Дорогой Алексей Иванович. Давно не было от Вас вестей. Я не знаю, как рука Ваша и как "Республика Шкид". <...> Недавно в Переделкинской библиотеке, по моему совету, руководитель литературного кружка, Саша, читал детям вслух "Честное слово". Слушали очень хорошо, особенно девочки (этика!). Потом им дали пластилин, они лепили. Все лепили домик и мальчика на часах. Настоящий домик (не склад) и мальчика почему-то с ружьем. Одна девочка, вылепив домик и часового, спросила меня:

— А как вылепить слово? Честное? Которое он дал?»

Кажется, это достойная метафора многолетнего эпистолярного наследия двух литераторов, вплотную подошедших к тому самому воплощению. А нам стоит, наверное, помнить, что их будущая литературная судьба зависит не только от них самих.

Павел Крючков

От публикатора

Эта переписка велась почти шестьдесят лет, в разные годы с разной интенсивностью. До войны оба корреспондента жили в одном городе и поэтому писали друг другу редко, только уезжая из Ленинграда. После войны Лидия Корнеевна переехала в Москву, а Алексей Иванович остался в Ленинграде. Переписка велась довольно регулярно. В результате в архиве обоих корреспондентов сохранилось около 850 писем (письма Л. К. Чуковской из архива А. И. Пантелеева любезно передал мне наследник его архива С. А. Лурье). Вся переписка (за исключением письма 358) находится в фонде Л. К. Чуковской в РГАЛИ. Письмо 358 — в РНБ, фонд 1414.

Для публикации нами отобраны только те отрывки из писем, которые могут представить общий интерес. В письмах сокращены вопросы и ответы о здоровье, некоторые повторы, концовки: приветы, пожелания и подписи. Некоторые письма пропали. Иногда из ответов понятно, какой был вопрос.

Тональность писем различается в зависимости от того, послано письмо по почте или с оказией. В почтовых письмах много намеков или иносказаний, которые по возможности разъяснены в комментарии.

Сохранено написание названий журналов и учреждений с прописной буквы, как у авторов. Все названия взяты в кавычки (у авторов они — без кавычек). Все бесспорные сокращения слов и имен развернуты без угловых скобок.

Для удобства читателя прилагаем «Список сокращенных и уменьшительных имен, часто упоминаемых в письмах». В начале книги находится также «Список сокращенных названий». Сведения об упоминаемых лицах собраны в «Указателе имен», помещенном в конце переписки. Все остальные пояснения расположены после письма, к которому они относятся.

Комментарии к письмам 547, 575—578, 595 и 597 написаны Г. Е. Гореликом, историком физики, автором статей и книги о М. П. Бронштейне.

Благодарю *Л. А. Абрамову, Л. М. Бабаеву, С. Рубашову, М. А. Фролова и Ж. О. Хавкину* за деятельную помощь при подготовке этой публикации.

Елена Чуковская

Список сокращенных и уменьшительных имен, часто упоминаемых в письмах

А. А. — Анна Андреевна Ахматова
Ал. Иос., Шура — Александра Иосифовна Любарская
В. В. — Вера Васильевна Смирнова
Ваня — Иван Игнатьевич Халтурин
Г. И. — Герш Исаакович Егудин
Д. С. — Давид Самойлович Самойлов
Д. С. — Дмитрий Сергеевич Лихачев
Е. Л. — Евгений Львович Шварц
К. И. — Корней Иванович Чуковский
Л. П. — Леонид Петрович Романков
Люша — Елена Цезаревна Чуковская
М. Б. — Мария Борисовна Чуковская
М. П. — Матвей Петрович Бронштейн
М. С. — Мария Сергеевна Петровых
С. Я. — Самуил Яковлевич Маршак
Т. Г., Т. Гр., Туся — Тамара Григорьевна Габбе
Ф. А. — Фрида Абрамовна Вигдорова
Фина — Жозефина Оскаровна Хавкина
Шура — *см.* Ал. Иос.

Список сокращенных названий

Записки — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Существует несколько изданий «Записок»: журнал «Нева», Т. 1. 1989. № 6, № 7; Т. 2. 1993. № 4—9; Т. 3. 1996. № 8—10; Т. 1— Т. 3. М.: Согласие, 1997; М.: Время, 2007. Для того чтобы читатели могли пользоваться любым из доступных источников, при ссылке на «Записки» указан номер тома, дата записи, номер примечания в отделе «За сценой».

Переписка КИ-ЛК — Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912—1969. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Прочерк — Лидия Чуковская. Прочерк. М.: Время, 2009.

Из дневника — Лидия Чуковская. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010.

Процесс — Процесс исключения. М.: Время, 2010.

Слово — Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. М.: Русский путь, 1998.

СС-П. Л. Пантелеев. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Детская литература, 1983—1985.

Чукоккала — Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006.

А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковская

ИЗ ПЕРЕПИСКИ
(1929—1987)

1. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1 июня 1929. Ленинград[1]

Глубокоуважаемый Леня.

В воскресенье в 1 час дня (9/VI) Детская Секция устраивает утро в ЖАКТ'е дома № 50 по Фонтанке. Детская Секция просит Вас выступить. Ну пожалуйста! Там будут дети 12 лет.

Если Вы почему-либо не можете или не хотите — скорее известите меня.

[1] Записка на бланке: Государственное издательство. Ленинградское отделение. ЛЕНОТГИЗ, п/шт.: 1.6.29.

2. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/IX 29

Дорогой Леня. Большое Вам спасибо за книжку. Я не ответила сразу, потому что не знала Вашего адреса. Надпись весьма для меня лестная, но иногда не вполне справедливо описывающая события[1]. Милый Леня, я никогда не скрежетала зубами над Вашей рукописью. Я «Часы» любила, люблю и буду любить. От всего сердца.

[1] Приводим дарственную надпись Пантелеева на его книге «Часы» (надпись повреждена — нет начальных строк и отсутствует промежуточная страница; пропуски в надписи отмечены отточиями):

«Лидия Чуковская... Вы помогали мне в моей работе; Вы заботились о моем поведении и о моей репутации.

Низкий человек! Вместо благодарности я написал эту книгу. Сколько слез Вы пролили над ее страницами! Сколько раз Вы проклинали меня; И ЧАС, когда я выдумал писать книжки, наверно для Вас — самая мрачная историческая дата. Ведь мне хорошо помнится то время, когда вместе со мной и Самуилом Яковлевичем... лохматой рукописью моей дефективной повести.

Благодарный за многое, я с глубокими извинениями посылаю Вам этот печальный сувенир. Л. Пантелеев. 2 сентября 1929 г. Павловск».

3. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/I 30

Милый Леня. Очень рада была получить Вашу открытку — хотя бы и такую грустную. Как же Вы книжку будете писать, дорогой?

С. Я. много интересного и восторженного рассказывает о Гиганте[1].

Дни нашей жизни текут уныло и отравно. В Литгазете статья за Флёрину с 20-ью подписями[2]. В «Октябре» статья Шатилова[3], — он объясняет Маршаку, что стихи для детей должны быть формально хорошими стихами, и при этом цитирует — как дурные! — лучшие стихи Маршака «Усатый-полосатый».

«Человеческая глупость, безысходна, величава, бесконечна...»[4]

[1] По поручению журнала «Наши достижения» С. Я. Маршак ездил в командировку в колхоз «Гигант» (Ирбитский район Свердловской области). Статья С. Я. Маршака «Гигант учится» была напечатана в июльском номере журнала «Наши достижения» за 1930 г.

[2] В статье председателя комиссии по детской книге Наркомпроса РСФСР Е. А. Флёриной «С ребенком надо говорить всерьез» говорится: «Заострение вопросов по линии недочетов нужно считать крайне необходимым и полезным делом. Темп создания новой социально значимой детской книги — слаб». Далее упомянуты Чуковский и Маршак и утверждается, что «тенденция позабавить ребенка, дурачество, анекдот, сенсации и трюки даже в серьезных общественно-политических схемах — это есть не что иное, как недоверие к теме и недоверие, неуважение к ребенку, с которым не хотят говорить всерьез о серьезных вещах» («Литературная газета». 1929. 30 дек.).

Большая группа писателей (С. Федорченко, А. Барто и мн. др.) поддержали Флёрину в своем открытом письме к М. Горькому. Авторы утверждают: «Когда детям в семье и в школе внушают, что собственность и кулачество — зло, нельзя им давать такую хоть и народную песенку, обработанную К. Чуковским: “Давай-ка, женушка, / Домок наживать. / Пойдем, голубушка, на базар гулять” и т. д. Нельзя давать детям заучивать наизусть: “А нечистым трубочистам / Стыд и срам, стыд и срам...” И одновременно внедрять в их сознание, что работа трубочиста так же важ-

на и почтенна, как и всякая другая. Нельзя детей приносить в жертву такой разноголосице и превращать их неустойчивое сознание в сумбур и “сапоги всмятку”. Против этой разноголосицы и восстает Флёрина в своей “статейке”... И едва ли можно и нужно только забавлять их сейчас “крокодилами”, прибаутками, песенками в надежде на то, что лет через пять все “серьезное”, вся житейская грязь настоящего исчезнет и дети безболезненно войдут в светлое, безбурное царство социализма... эту “смену” мы должны подготовить к битве, воспитать не только творцов русского литературного языка, но и стойких борцов за социализм. Этого требует жизнь. Эти требования слышит Флёрина и в своей статейке призывает детских писателей не увлекаться пустыми забавами, а помочь стране воспитать детей надлежащим образом» («Литературная газета». 1930. 27 янв.).

[3] В статье под названием «Еж» Б. Шатилов пишет: «...детская литература все больше вырождается в мертвую литературщину...

Писатели, и в особенности группа ленинградских писателей (Маршак, Чуковский и их сподвижники), провозгласили примат формы над содержанием. “Хорошие писатели” — эти ловкие контрабандисты, эзопы наших дней — под хорошей формой протаскивают гнилое содержание. В этом убедится каждый разумный человек, если внимательно просмотрит “самый лучший” детский журнал “Еж”... Маршак и Чуковский по-прежнему пребывают за гранью наших дней и чирикают на «вечные темы».

Шатилов цитирует Маршака «Усатый-полосатый» и возглашает:

«Проснитесь, гр. Маршак! Кошачьего уюта уже нет... ваши стихи не только для взрослых, но и для детей беспомощны и плохи.

Маститым подпевают их поэтические отпрыски: Введенский и Хармс — эти близнецы детской литературы».

О рассказе Б. Житкова «Клоун» Шатилов сообщает: «Если в этом рассказе Житков отстает от жизни на полстолетья, то в рассказе “Девочка Катя” и “Кружечка под елочкой” он откатывается в глубь веков и создает, пожалуй, самые убогие творения из всех творений “художников”».

Вывод автора в конце статьи: «...еще курьезней то, что эта безграмотная галиматья, литературная дешевка, детская отрава, уснащена бульварными лозунгами... Неужели Главсоцвос серьезно думает, что эти курьезы, эта библиотечная гниль — есть орудие классового воспитания?» («Октябрь». 1929. № 12. С. 184—189).

[4] Строки из стихотворения Блока «Последнее напутствие».

4. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Одесса
4-I-35 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Ваше письмо — невеселое, как и все письма, которые я получаю теперь из Ленинграда.

Тем не менее, оно доставило мне большую радость.

Сознание, что у меня есть друзья не только в Ленинграде, но и в окрестностях его — помогают мне бороться с *унынием*, скрашивает мне невеселую и неуютную здешнюю жизнь.

А жизнь моя здесь очень неуютная, мрачная. Живу я в гостинице, номер у меня огромный, из двух комнат, — «с фонтаном и садом». В номере холодно.

Я простудился и несколько дней пролежал в постели.

Сегодня меня переводят в другую — не столь комфортабельную, но — теплую комнату.

Вообще, мне до чертиков надоела ресторанно-гостиничная обстановка. Я уже скучаю не только по своим Ленинградским друзьям и близким, но и по таким замечательным вещам, как — самовар, примус или — дверной звонок.

За последние 3 месяца я видел эти предметы только в кинематографе и на картинках.

Эти «мещанские штучки» очень надоедают, когда долго соприкасаешься с ними в быту, и, только очутившись в холодной и неуютной комнате, где на каждом предмете висит инвентарный номер, — начинаешь ценить их, начинаешь понимать прелесть домашнего быта и вообще «частной жизни».

Впрочем, это относится не только к самоварам и звонкам.

Удаляться полезно.

Однако я удалился и слишком далеко, и слишком надолго. У меня уже кончился приступ движения, наступил приступ покоя. Меня уже тянет восвояси. Но, к сожалению, я связал себя обязательствами, которые приподержат меня в *Одессе*.

На тех же условиях, что и я, живет и работает здесь — Юр. Олеша и французский писатель Луи Арагон. Этот — последний — единственное светлое пятно на моем одесском горизонте[1].

Это — замечательный человек и вероятно — талантливый писатель. Я очень полюбил его. На днях он уезжает в Париж. Мне очень печально. Соседом моим останется один Юрий Карлыч Олеша, этот — жалкий фигляр и кабацкий мэтр.

Я очень много работаю, никуда не хожу, нигде не бываю. Способствовала этому и простуда моя. Сейчас я оправился, чувствую себя лучше. Зима в Одессе паршивая. В этом году я еще не видел хорошего снега. А в Детском сейчас, вероятно, и вправду хорошо. Надеюсь, Вы отдохнули там.

[1] По приглашению Одесской студии детских и юношеских фильмов Л. Пантелеев приехал в Одессу и около года жил там в гостинице и писал сценарий, который в результате не был принят и поставлен. В той же гостинице жили Луи Арагон, Эль-

за Триоле и Юрий Олеша. Об этом времени см. воспоминания Л. Пантелеева «Гостиница “Лондонская”» (Собр. соч. Т. 3. 1984. С. 262—284).

5. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13 января 1935. Витебск[1]

Дорогой Алексей Иванович. Вот Вам еще письмо из окрестностей. Здесь снег и мороз, «и санок маленьких такой неверный бег»[2]. Бедный Вы, что не видите снега. Вообще Одесса отвратительный город. Когда я в первый раз приехала в Одессу, меня поразило, что все люди ходят по улицам и вслух рассказывают еврейские анекдоты. Потом оказалось — это они так разговаривают.

Я ничего не делаю, ем, сплю, гуляю, но как-то не отдыхается мне.

Поправились ли Вы? Когда Вы вернетесь? Я редко вижу Вас, когда Вы в Ленинграде, но мне хорошо знать, что Вы — тут.

На днях я была в городе — ездила слушать лекцию Бронштейна[3] — и видела всех наших и С. Я. Я отвыкла, и с непривычки это грустное зрелище. Все не обедали, все устали, С. Я. в трансе. Открывается детский университет. Пишите мне в город.

[1] Датируется по п/шт.

[2] Строка из стихотворения Ахматовой «Он длится без конца — янтарный тяжкий день!».

[3] Упомянут Матвей Петрович Бронштейн, физик-теоретик, муж Л. К. Чуковской.

6. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
3.IV.1939

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я очень рад был узнать от Зои Моисеевны[1], что Ваше пребывание в Узком оказалось для Вас и приятным и полезным. Как замечательно, если это так, если вести с фронта — не обманчивы и не преследуют никакой очковтирательской или душеспасительной цели.

Я бы очень хотел получить от Вас письмо, но не рассчитываю на это, т.к. в самые ближайшие дни надеюсь видеть Вас в Ленинграде. Если же Вы задержитесь в Узком — пожалуйста, напишите, порадуйте!..

В Узком я никогда не был и вообще понятия не имею, что это за обитель такая, но мне почему-то всегда казалось, что там — тесно. Может быть, в этом отчасти виноват С. Я. Маршак, письма которого оттуда были всегда неутоленными стонами и заставляли вспоминать Шильонского и прочих мировых узников.

По этому поводу я только что — неожиданно для себя — написал стихи, которые не могу не процитировать:

Моя натура — узкая,
Но сердце во мне русское, —
Широкое, калуцкое —
Не сердце, а скала.
С такой большой нагрузкою,
Не только Ваше Узкое, —
Мне и Тверская узкая,
Мне и Москва мала!

На этом кончаю. А то еще чего того и гляди — петь начну. Не вовремя таланты просыпаются!..

[1] Зоя Моисеевна — Задунайская.

7. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8 апреля 1939[1]

Дорогой Алексей Иванович. Очень обрадовали Вы меня своим письмом. Ведь Вы знаете: я люблю все, что Вы пишете — и Вас самих тоже.

Слухи справедливые: я и в самом деле тут поправилась. Не думаю, чтобы поправка эта была прочна — но «на сегодняшний день» я чувствую себя хорошо.

С утра меня поджаривают (кварц). Потом замораживают (лежу на балконе, укрытая шкурами). Потом варят (теплая хвойная ванна).

Принимаю лекарства ведрами.

Но все эти процедуры ничто по сравнению с воздухом, воздухом и лежанием в кровати. Я 3 часа в день гуляю. И 3 часа в день лежу.

Кроме того, я ежедневно работаю над книгой[2]. И это тоже могучее лекарство.

Узкое — очень просторное место, все в полях, лесах, пустынных дорогах. Почему оно зовется Узким, я не понимаю. По-видимому, местные московские баре страдали отсутствием воображения. Одно имение называется Узкое, а другое — Широкое.

Впрочем, бывшие владельцы этой усадьбы были людьми образованными и знаменитыми. Это князья Трубецкие — знаете? философ и скульптор. На диване в здешней библиотеке скончался Владимир Соловьев.

Мы живем очень уединенно. Люди липнут, но мы спасаемся. Нам это не очень трудно, потому что занятий у нас много. Библиотека тут богатая, и Александра Иосифовна много читает.

Она, увы! поправляется не так успешно, как мне бы хотелось. Грустит она — грустит столь устойчиво, прочно, стабильно, что не видно грусти ни конца ни краю[3].

Знаете, кто сидит против нее за столом? Зоя Никитина[4].

Самуил Яковлевич оставил здесь по себе недобрую память. Узкое место Узкого — это телефон. К телефону всегда очередь. И вот старожилы со злостью вспоминают, как С. Я. часами говорил по телефону, входил в будку без очереди, ругал дам дурами etc.

Видели ли Вы его? Как он, по-Вашему, — поправился в Барвихе? По-моему, да. Читал ли он свои новые переводы из Бернса? Они ослепительны. Пусть прочтет Вам стихотворение о виселице. Там есть такие строки:

Так весело, отчаянно
Шел к виселице он[5].

От этих строк мне становится холодно.

Ну вот, наболтала 3 страницы о себе. А вы-то ни словечка о себе не обмолвились. «Лисица!», как сказала бы Люша.

[1] Датируется по п/шт.

[2] Л. К. работала над книгой «История одного восстания».

[3] А. И. Любарская до Узкого почти полтора года провела в тюрьме. Ее обвинили в шпионаже в пользу Японии. Маршак и Чуковский добились приема у Генерального прокурора Вышинского, и он распорядился ее освободить. Ее освободили в середине января 1939 г. Подробнее об этом см. письмо К. Чуковского к дочери от 14.1.39 (*Переписка КИ-ЛК*. С. 224—227).

[4] Зоя Александровна Никитина, так же как и А. И. Любарская, приехала в Узкое после тюрьмы (год в одиночке).

[5] Начальные строки стихотворения «Макферсон перед казнью». Перевод опубликован впервые в журнале «Молодая гвардия» (1939. № 4).

8. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VI 44

Дорогой Алексей Иванович. Сижу за Вашим столом в Вашей комнате и пишу Вам письмо — увы! не с Вашим талантом. А между тем талант сейчас мне крайне необходим, потому что Ленинград вызывает множество мыслей и, главное, чувств, не поддающихся выражению.

Но главное мое чувство — это обретенный покой. Приехав и оставив вещи у Ваших, я пошла в Летний Сад и минут 20 сидела там на скамье. И я поняла, что круг моей жизни, насильственно порванный три года назад, снова сомкнулся, я снова стала самой собой, я дома, наконец — и это все равно, что дома у меня нет. Город этот мой, и никто не может сделать его не моим, как никто не может сделать, чтобы Люша была не моя. Это чувство покоя настолько сильно во мне сейчас, что вопросы квартиры и пр. перестали меня волновать, утратили власть надо мною. Самое страшное я уже пережила: приехала в Ленинград, приняла мои улицы, мою реку. Я буду здесь жить, а когда это случится — это, в сущности, почти все равно. Такое чувство обреченности, веры и нелюбопытства к подробностям осуществления бывают в любви и называются счастьем. На разных квартирах или на одной, завтра или послезавтра — все равно, мы вместе.

Что сказать о самом городе? Тут я оставляю всякие попытки. Но меня интересует вопрос, какую роль в его несокрушимости сыграла его красота. Думаю — огромную.

Живу у Ваших родных. Даже прописалась — на 3 недели. Тут для меня идеально тихо, я сплю и потому здорова. Ваши родные

встретили меня с удивительной нежностью. Я очень стараюсь их не стеснять, потому что им и без меня трудновато. Александра Ивановна настоящий герой без ложного ленинградского пафоса. Чего только не делают эти руки! Я смотрю на нее и завидую и удивляюсь и преклоняюсь. Она хочет Вам писать, но мучается тем, что Александра Васильевна[1] еще не в больнице. Для того предпринимается все возможное. Очень может быть, что это состоится завтра.

Когда просыпаешься в Вашей комнате — первое впечатление, что проснулся на юге, потому что по стене бродят пятна света, проникающие сквозь ставни — как там. Но температура, прямо скажем, не та. Как выжили Вы тут зимой?

Мои дела в Союзе таковы: по секции я прошла (в мае 1941), а в президиуме мой вопрос не стоял. Итак — надо продолжать пробиваться в Москве, увы!

Поклонитесь, пожалуйста, Тамаре Григорьевне и Александре Иосифовне[2]. Им напишу на днях, когда что-нибудь у меня выяснится. Александра Ивановна начала заниматься на курсах и этим довольна. Александра Васильевна трогательно добра и приветлива, хотя и слабенькая она. Она Вам пишет сама.

[1] Александра Ивановна Германенко — сестра А. И. Пантелеева. Александра Васильевна Спехина — его мать.

[2] Тамара Григорьевна Габбе и Александра Иосифовна Любарская — члены «маршаковской редакции», разгромленной в 1937 г.

«Т. Г. Габбе — драматург и фольклористка, — пишет о ней в своих «Записках» Л. К. — Наибольшую известность приобрели ее детские пьесы, выходившие отдельными книжками; их не раз и с большим успехом ставили в московских и других театрах страны: «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах», «Хрустальный башмачок», «Авдотья Рязаночка».

Из ее фольклористских трудов самый значительный — книга «Быль и небыль. Русские народные сказки, легенды, притчи». Книга вышла посмертно в 1966 г., в Новосибирске, с двумя послесловиями — С. Маршака и В. Смирновой; до нее, но тоже посмертно — вышел сборник «По дорогам сказки» (в соавторстве с А. Любарской. М., 1962). При жизни Тамары Григорьевны не раз издавались в ее переводах и пересказах французские народные сказки, сказки Перро, сказки Андерсена, братьев Гримм и др.

Всю жизнь, уже и после ухода из Государственного издательства, она оставалась редактором — наставником писателей. Моя книга «В лаборатории редактора» недаром открывается посвящением ей.

В литературе, к сожалению, не проявился ее главный талант: она была одним из самых тонких знатоков русской поэзии, какого мне случилось встретить за всю мою жизнь» (*Записки*. Т. 1. За сценой. 1940. Примеч. 59).

9. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Москва
7.VII—44

Дорогая Лидия Корнеевна!

У Вас есть основания сетовать на меня: я не ответил вовремя на Ваше письмо и на телеграмму.

Но молчал я лишь потому, что ничего веселого не мог сообщить по вопросу, Вас интересующему. Да и сейчас, к сожалению, я ничем еще не могу Вас порадовать.

Бьемся мы головами в стену совершенно непробиваемую.

Я трижды путешествовал в Союз, прежде чем добился аудиенции у секретарши второго секретаря президиума, т. е. у Кашинцевой. В каком тоне шел у нас разговор — писать не буду, но в результате я выяснил, в упомянутой стене и крохотной промятины не видать, т. е. что дело лежит под сукном и покрывается пылью.

Увы! Как Вы знаете, моя голова лаврами не увенчана и мощным тараном служить не может.

Деятельность моя поэтому выражается главным образом в поисках таких таранов. Я дважды говорил с Маршаком...

По правде сказать, ему сейчас трудно действовать, т.к. отношения у него с Поликарповым и прочими деятелями «нового режима» — неважные. Вся надежда на Михалкова. С ним С. Я. должен был сегодня говорить. Кроме того, обещали звонить Михалкову Тамара Григорьевна и Халтурин (с которым я, между прочим, поссорился, и, кажется, серьезно).

Беда еще в том, что Соболев — председатель приемочной комиссии — в Киеве, на пленуме Украинского ССП. Но ведь в конце концов дело решается не им, а Поликарповым и пр. тузами.

На них и будем давить. Как только что-нибудь выдавим — сразу телеграфирую Вам[1].

А как Ваши ленинградские дела? Слышно, что Вы получили комнату и чуть ли не [нрзб] уже. Поздравляю Вас, если так...

А с моей поездкой дело затягивается. Не пускают, пока не кончу работу. Работается же плохо. Вероятно, Вы знаете от сестры моей о том горе, которое на нас свалилось: умер мой младший брат[2].

Итак — продолжаем наступление, дорогая Лидия Корнеевна. Будем надеяться, что победа будет за нами, ибо дело наше — правое.

[1] Как это видно из письма, Пантелеев хлопотал о приеме Л. К. в Союз писателей. Членство в Союзе позволило бы ей отвоевать свою ленинградскую квартиру.

[2] Василий Иванович Еремеев, брат А. И. Пантелеева, умер в госпитале от ранений в 1944 г.

10. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/VII 44
Ленинград

Дорогой Алексей Иванович. 10 раз на день хочется послать Вам телеграмму, чтобы Вы прекратили все проклятое дело. Мало мне моего унижения, надо еще, чтобы Вы обречены были на свидания с людьми, видеть которых Вы совсем не имеете аппетита. Но как припомнишь, для чего мне это нужно, — так и сжимаешь зубы. Да и надоело мне всегда быть выселенной, обворованной и одураченной. Хочется наконец самой кого-нибудь обворовать.

Я скоро приеду. Я приеду ни с чем, потому что я отказалась от ордера на новые комнаты и решила биться за возвращение старых[1]. Это можно — если иметь терпение. По новейшему закону это можно. Я приеду в Москву, чтобы вооружиться — не только терпением, но и письмами от папы — и — хотелось бы — членством в Союз. Если бы сейчас, сегодня, я была членом Союза — дело мое было бы беспроигрышное, и я уже въехала бы домой. Мне так хочется домой — так вдруг захотелось. Я раньше думала, что те стены мне тяжелы и грустны, — нет, я хочу туда, и никуда больше. Мне хочется расставить вещи, вытереть пыль и уложить Люшу спать в ее кроватке... Предстоит теперь поездка в Москву, потом новая командировка, поездка сюда, жилотдел, прокурор, суд. Мне надо его выиграть.

Я очень благодарна судьбе — и Вам — за знакомство с Александрой Ивановной. Богатый она человек, одаренный, глубокий и нежный. Главная ее беда сейчас, на мой взгляд, одиночество. У нее много умственных потребностей, которые никак не утолены. Она, как и все мы, впрочем, целый день занята «делами», но у нас есть *отдушины*, которых нет у нее.

Я очень огорчилась, узнав из Вашего письма, что Вы поссорились с Ваней. Кто бы ни был не прав, мне равно будет больно. Что это за время такое, когда все ссорятся — а никогда ведь люди не были так нужны друг другу, как теперь.

Жму Вашу руку. Надеюсь, что Т. Г. и С. Я. уже говорили с Михалковым и, приехав, что-нибудь узнаю. Вас не благодарю — разве можно найти слова благодарности, искупающие тошноту, которую должен вызывать разговор с Кашинцевой?

Думаю, что приеду раньше 20-го.

[1] По возвращении из эвакуации в Ленинград Лидия Корнеевна пыталась — но ей не удалось — получить назад свою квартиру, которая была незаконно занята. Подробнее об утрате квартиры, а вместе с ней родного города — Ленинграда — см.: *Записки*. Т. 2: Немного истории. Гл. 4.

11. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14 мая 1947. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Я только что получила от «Нового Мира» (из которого я ушла) официальное предложение написать о Вас статью в 15—17 страниц, «привязав ее к чему-нибудь библиографическому». Срок — неделя. У меня голова идет кругом (где взять привязь?), и я прошу Вас *библиографически* помочь мне. Позвоните мне, пожалуйста, и заходите.

[1] Датируется по п/шт.

12. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
1.VI—47[1]

Дорогая Лидия Корнеевна!

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Это относится лишь к тому, что я в течение месяца собирался Вам писать, но — вихри враждебные так закрутили меня и завер-

тели, столько свалилось на меня сразу — нудного вперемешку с тяжелым, глупого и страшного, горячего и холодного, сладкого и соленого, что — одним словом, не написал, не собрался.

И вот — не было бы счастья — вихри враждебные наконец скосили меня. Вторую неделю лежу в нервной горячке.

До сих пор считал, что такие болезни бывают только у героев старинных романов. Оказывается, некоторые герои нашего времени тоже подвержены подобным заболеваниям.

Вышел ли «Миклуха»[2] и хорошо ли раскупают эту книгу московские сладострастники?

Что вышло со статьей в «Новом Мире»? Боюсь, что опять Вам не повезло. Неудачный объект выбрали Вы (и объект этот, надо сказать, чувствует вину свою, вздыхает и краснеет).

[1] Ошибка в дате: на самом деле, судя по почтовому штемпелю (2.7.47) письмо от 1 июля.

[2] Упомянута книга: *Н. Н. Миклухо-Маклай.* Путешествия / Вступит. ст., ред. текста и примеч. Л. Чуковской. М.: Мол. гвардия, 1947. Вступительная статья Л. Чуковской называлась «Тамо Русс — человек из России».

13. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/VII 47

Дорогой Алексей Иванович. Получив Ваше письмо, очень меня встревожившее, я не стала отвечать Вам сразу, как мне хотелось, потому что меня не покидала надежда, что я вот-вот выберусь на свет из того мрака, в котором пребываю сейчас. Но дела мои плохи — и, видно, надолго — и потому пишу Вам попросту, с откровенным унынием, уже не дожидаясь светлого часа. С того дня, как я ушла из «Нового Мира», я не заработала ни одной копейки (а с тех пор уже миновало 2 ½ месяца); живу в долг; денег не только *нет*, но их ниоткуда и не следует. Каждый день вместо того, чтобы отдыхать, чего мне до смерти хочется, или вместо того, чтобы работать над Герценом, что мне до смерти необходимо, — я бегаю по жаре в Детгиз, в «Молодую Гвардию», в «Огонек», в «Историю Отечественной Войны», в «Советскую Женщину», в «Литературное Наследство» — и все напрасно, и

нигде ничего не выходит. А между тем мне необходимо отдохнуть — хотя бы дней 10 — и необходимо съездить в августе в Ленинград, что я клятвенно обещала Люше.

В довершение неприятностей — моя статья о Вас, которую мне очень хотелось увидеть напечатанной, — не пойдет в «Новом Мире». И не из-за Вас вовсе, а исключительно из-за меня. Когда я представила ее туда, мне позвонил зав. библиографическим отделом — Яковлев со множеством комплиментов. И блестяще, и точно, и живо, и увлекательно, и назидательно и что хотите... А потом оказалось, что Кривицкий сделал Яковлеву выговор и вынул статью из набора, произнеся: «пока я редактор “Нового Мира” — Чуковская здесь печататься не будет»[1]. Безо всякого оттенка благородства, все очень прямо и ясно... А что же джентльмен К. М. С.?[2] А ничего.

Миклуха вышел[3]. У меня было два экземпляра. Один я подарила К. И., другой — Ване, чье мнение мне очень дорого. И Ване книга не понравилась. Я думаю, что он прав — она действительно какая-то вымученная, без игры, без полета. И это тоже меня огорчило.

Вот, милый друг, каковы дела. Если бы не острая боль в глазу от каждой набегающей слезы — я бы, наверное, сидела и ревела — тем более, что я одна в пустой квартире и можно наконец плакать без помехи, со всеми удобствами. Но вот не плачу, а вместо этого пишу Вам, чего бы, разумеется, отнюдь не следовало делать... А впрочем, почему не следовало? Если мы не будем плакать друг другу в жилетку, то... что же нам тогда останется? Ах, я знаю, это не мужественно, не бодро, не стойко. Но я же не гвоздь и не балка, а всего только человек.

Читали ли Вы книгу Эллиота Рузвельта «Его глазами»? Если нет — прочтите; особенно интересна глава о Тегеранской конференции...

Я прочла 5 рассказов из книги «В темных аллеях»[4] — только 5, т.к. она была у меня в руках всего 15 минут. Один из этих рассказов, «Красавица», меня очаровал; зато остальные четыре не понравились до отвращения — так что при встрече готовьтесь к спору... Но самое приятное, что я позволяю себе иногда, — это чтение «Русской Старины»[5], любого тома, с любого места. Читали ли Вы когда-нибудь этот журнал — взасос, до бесчувствия? «Екатерина и Дидро»[6] — никому не нужно — и не оторваться.

[1] Именно из-за конфликта с А. Ю. Кривицким Л. К. вынуждена была уйти из «Нового мира» в мае 1947 г. Подробнее см. в ее дневнике «Полгода в “Новом мире”» (*Лидия Чуковская*. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010. С. 613—615).

[2] К. М. С. — Константин Михайлович Симонов.

[3] См. примеч. 2 к предыдущему письму.

[4] Цикл рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи».

[5] Ежемесячный исторический журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1870—1918 гг. (175 томов).

[6] Статья Василия Алексеевича Бильбасова «Екатерина II и Дидро» опубликована в 1884 г.

14. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/IX 47

Дорогой Алексей Иванович.

Я уже давно собиралась писать Вам, чтобы побудить Вас появиться и рассказать хоть немного — что с Вами? где Вы? здоровы ли? отчего исчезли? А теперь у меня и дело к Вам и поэтому очень, очень прошу Вас: позвоните — и дозвонитесь! — мне в субботу или в первую половину дня в воскресенье. *По-видимому*, в воскресенье вечером у меня будет читать свой роман Борис Леонидович[1]. Я очень хотела бы, чтобы Вы пришли. Не может быть, чтобы и Вы этого не хотели.

[1] Борис Леонидович — Пастернак. Чтение его романа «Доктор Живаго» у Л. К. не состоялось.

15. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/III 48

Дорогой Алексей Иванович.

Спрашиваю Ваню, спрашиваю Тамару Григорьевну — ни у кого никаких вестей от Вас или о Вас. А меня сильно беспокоит и здоровье Ваше и все обстоятельства.

Я живу все так же — нет, чуточку светлее, потому что стала получать зарплату, а это сильно способствует ободрению[1]. Жму руку и жду вестей.

[1] Л. К. получила работу в «Пионерской правде».

16. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21 июля 1948. Москва[1]

Дорогой А. И. Вчера меня вызвал Ступникер и, обращаясь ко мне как к Вашему представителю в Москве, сообщил, что сборник Ваш пойдет в Библиотеке[2] и притом в следующем странном составе: «Новенькая», «Буква “Ты”», «Честное Слово», «Трус»... Два лучшие рассказа: «На ялике» и «Маринка» — для них «под вопросом», т. к. они слишком о первых годах войны... Он просит добавить страниц 25. Мое скромное мнение, что надо отстоять хотя бы «На ялике» и предложить на выбор еще 3 рассказа. Действуйте скорее, а то у меня обрывают звонки.

[1] Датируется по п/шт.
[2] Имеется в виду «Б-ка “Огонек”».

17. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
30.VII.48

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за добрые вести и простите, что не сразу ответил Вам: был болен. Ступникеру я написал, но, по правде сказать, не очень верю в серьезность их намерений относительно сборника.

С чего вдруг такая спешка? Вы мне писали зимой, что Ступникер в разговоре с Вами неодобрительно отозвался о моих рассказах. Что же его могло вдруг заставить изменить мнение?

В письме своем я дал ему понять, что Вы не являетесь моим чрезвычайным и полномочным послом, аккредитованным в «Огоньке»*, и просил не эксплуатировать чрезмерно Вашу любезность.

Как разрешились Ваши сомнения относительно вице-президентского места в Детской комиссии?

---

* На днях я получил письмо от Т. П. Карасевой, которая пишет, что Вы работаете в «Огоньке». Полагаю, что это ошибка. Этак кто-нибудь и про мистера Смита скажет, что он работает в Верховном Совете СССР.

18. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/VIII 48

Дорогой Алексей Иванович. Прежде всего, позвольте дружески побранить Вас. Ведь мне нисколько не было тягостно являться Вашим представителем в «Огоньке». Наоборот, я гордилась тем лестным — хотя и необоснованным — званием, в какое меня облекло воображение Ступникера. Если я писала Вам в открытке, что они обрывают мне звонки, — то не как жалобу, а только чтобы побудить Вас ковать железо, пока горячо. Вы же, разоблачив меня перед Ступникером, лишили меня возможности следить за всеми перипетиями дела, которое меня интересует, и содействовать его осуществлению в меру моих сил... К тому же Вы не написали мне, что же Вы ответили Ступникеру? Какие рассказы рекомендовали включить в книгу? А мне хотелось бы это знать.

Далее: не все ли Вам равно, почему Ступникер сначала хаял Ваши рассказы, а теперь стремится их издать? За переменами его литературных вкусов нам с Вами все равно не уследить. Печатал бы — а почему? — бог с ним!

Ваше критическое отношение к сведениям обо мне, исходящими от Тат. Павл.[1], весьма оправдано: я в «Огоньке» *не* работаю, а работаю по-прежнему в «Пионерской Правде», что не имеет никакого смысла и очень тяжело физически. К 1 сентября я должна сдать Географическому Гизу книжку о Миклухе[2], над которой я работаю в свои свободные дни. В воскресенье и понедельник я пишу; во вторник и в среду служу; в четверг пишу; в пятницу и субботу служу. Отрываться от книги каждый раз мучительно. А вообще я устала уже в такой степени (я не отдыхала ни разу с 41 г.), что даже и представить себе не могу, *как* взяться за отдых.

Из Детгиза получила на днях очередную мерзость насчет Герцена[3]. По-видимому, предстоит судиться, но пока я не хочу об этом думать, чтобы не мешать себе к сроку окончить Маклая.

Ну, что же еще? С помощью Сусанны Михайловны[4] я приобрела несколько листов звуконепроницаемого картона и завтра придет столяр, чтобы наколотить его на стену (смежную с кух-

ней) и на дверь. Мне не терпится поскорее проверить, правда ли, что наступит тишина... Сяду в тишине и, как Пруст в пробковой комнате, начну писать Роман моей жизни в XIX томах... Но у Пруста были деньги.

Простите, я очень устала. Жду Вашего письма — подробного о трудах и днях и о гриппе.

[1] Т. П. Карасева.

[2] Речь идет о книге: *Лидия Чуковская.* Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: ОГИЗ; Географгиз, 1948.

[3] Л. К. готовила для Детгиза издание «Былого и дум» Герцена со своими комментариями. Редакция выдвинула такие требования, которые заставили ее расторгнуть договор. Сделанная работа так и не была опубликована.

[4] Георгиевской.

19. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
4.IX —48

Дорогая Лидия Корнеевна!

Как всегда, должен просить извинения: задержался с ответом на Ваше письмо.

Объясняется это тем, что в середине прошлого месяца я собирался в Москву, рассчитывал свидеться с Вами. Поездка не состоялась, не состоялось и письмо.

А мне следовало поблагодарить Вас. Вероятно, Вашим хлопотам и заботам я обязан, что в огоньковском сборнике моем остался рассказ «На ялике».

Ступникер мне писал, что книжка пошла в производство и что окончательный состав ее такой: «Новенькая», «На ялике», «Долорес», «Честное слово», «Буква “ты”», «Трус».

Почему «Долорес» — я не знаю.

Это мои торговые дела. Что касается чисто литературных, то они идут своим порядком, — следовательно, медленно и достаточно бестолково.

Впрочем, работаю я в этом году гораздо больше, чем в прошлом. Шестой месяц состою председателем местной ячейки общества трезвости — это не могло не сказаться — если не на результатах работы, то, во всяком случае, на темпах ее.

20. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/IX 48

Дорогой Алексей Иванович. Радуюсь, что книжка в производстве. Почему «Долорес»? Не знаю. В том списке рассказов, который представила Ступникеру я, ее не было. Ступникер спросил меня, что включить лучше: «Маринку» или «Долорес»? Я отвечала «Маринку». Вероятно, поэтому он включил «Долорес».

Но ведь это не важно, милый друг, т.к. «Долорес» — тоже очень хороший рассказ, хотя «Маринку» я люблю задушевнее. Я помню, как я плакала над нею в Ташкенте. Это было письмо из Ленинграда и письмо от Вас[1].

«На ялике» действительно удалось отстоять мне — и я горжусь.

Ступникер, мне кажется, принадлежит к типу тех многоопытных и малопонимающих работников, к которому принадлежит, например, наш друг Алянский.

Мы с Люшей по-прежнему вдвоем в квартире. Наши в Переделкине — и это отлично, т. к. звуконепроницаемость картона, набитого на стену, оказалась чистейшим мифом, блефом, и я пользуюсь последними неделями счастья, когда и проницать нечему. Люша очень занята, но, тем не менее, помогает мне во всем, потому что она по натуре крошка Доррит... Тамара Григорьевна вернулась из Переделкина, слегка посвежевшая, но такая же усталая и, в сущности, сквозь оживление, грустная. Она погружена в свое обычное состояние: т. е. в безнадежные попытки пробиться к какой-нибудь *своей* работе сквозь груды творческих проблем С. Я. и хозяйственных — Е. С.[2]

Мои дела всюду плохи, крайне плохи, и я не пойму, как перенесу зиму, если мне не удастся отдохнуть хоть 2 недели. Впрочем, ведь это часто кажется, что не перенесешь чего-нибудь, — ан глядь и перенесешь.

Миклуху я сдала и жду приговора. С Герценом — скандально и нудно.

[1] Одно из ташкентских стихотворений Лидии Чуковской так и начинается: «Вот оно, письмо из Ленинграда...» (не опубликовано).

[2] Евгения Самойловна, мать Т. Г. Габбе.

21. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
25.X.48 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Только что получил Вашу открытку. С огорчением узнал, что Вы опять хвораете. Когда же Вы возьметесь за свое здоровье, когда у Вас отпуск и как думаете использовать его? Вероятно, вопрос этот *упирается*, как выражаются серьезные авторы, в материальные, денежные дела. Если так, я предлагаю Вам воспользоваться моим кредитом. Делаю это в надежде, что *подлецы* из «Огонька» в ближайшем времени все-таки расплатятся со мной. В книжке 2,5 листа, тираж 150 000 экземпляров, по скромным расчетам они обязаны мне тысяч 12—15. Эта арифметика и позволяет мне столь галантно заявить Вам, что *мой кошелек к Вашим услугам.*

А подлецами я обозвал этих товарищей только потому, что они действительно подлецы.

Зная стиль работы наших издательств, я *дважды* просил «огоньков» выслать мне *на один* день корректуру.

Ни корректуры, ни денег, ни договора, ни авторских экземпляров, ни даже ответа на свое письмо я не получил. Вчера я видел книжку (мне прислала один экземпляр Т. П. Карасева)[1]. Я только бегло проглядел ее — и уже отравлен огорчениями. Опечаток в этой книжке больше, чем положено ей по ее карликовым размерам. И опечаток самых грубых, дурацких. Уже «Л. Белых»[2] заставило меня заскрежетать зубами. А когда в «Букве “Ты”», где каждая строка диалога ответственна и обязательна, я на первой же странице наткнулся на нелепый повтор одной и той же реплики («Да не ты, а я!» вместо — «Да не я, а буква я!») — мне стало совсем тошно.

Ну, что ж, — теперь ничего не поделаешь!.. Все-таки Ступникера я выругаю, конечно.

А Вас я сердечно благодарю за успешное завершение посольской миссии, за все хлопоты и за проявленное Вами настырство.

Относительно поездки в санаторий — подумайте (впрочем, особенно и не думайте, а поезжайте, и все тут). Напишите мне, сколько нужно на путевку, и, как только я буду при деньгах, я сразу вышлю Вам эту сумму.

Вас же я попрошу — при случае — зайти еще раз (надеюсь, в последний раз!) в «Огонек» и взять по прилагаемой доверенности 50 экземпляров моего сборничка. Спешить с этим особенно не надо, будет оказия — пришлете, а то я и сам их у Вас заберу.

Поправляйтесь Лидия Корнеевна! Пишите!

[1] Сборник Л. Пантелеева под названием «Новенькая» вышел в конце года (М.: Правда, 1948). Рассказ «На ялике» удалось отстоять. Дарственная надпись автора: «Дорогой Лидии Корнеевне, которая вы́ходила и вынянчила это бедное недоношенное дитя — с отцовской признательностью и благодарностью. Л. Пантелеев. 4.XII.48».

[2] На самом деле имя Белыха — Григорий. Григорий Георгиевич Белых, соавтор Пантелеева по книге «Республика ШКИД», погиб в заключении. Подробнее о нем см. в дальнейших письмах по Указателю имен.

22. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/X 48

Дорогой Алексей Иванович. Ну вот я сижу вечером у себя за столом, совершенно как *умная*, кругом тихо, и я пишу Вам письмо. У нас дома ремонт, так что если я и не в газете, то все равно — из суеты в суету. Мусор, опилки, известка, открытые окна, махорка; на кухне нельзя стряпать, а в ванной — умываться. Глядишь на разгром и не веришь, что когда-нибудь стены будут чистые, столы и стулья — на месте... Но сейчас ночь, маляры, испачкав все, что могли, — удалились; все спят — а я, наконец, сижу в тишине и пишу. Спасибо Вам, милый друг, за Ваше доброе предложение. Спасибо — ведь я и так должна Вам деньги, а Вы еще предлагаете. Но, кажется, я и не делая долгов поеду отдыхать и лечиться. Не верится, конечно, ибо в последний раз я отдыхала в 41 году, весной — но, *кажется*, поеду. «Пионерка» дает мне отпуск, зарплату 1000 рублей. Путевка в Малеевку, под Москвой, стоит 1800 р. Я сначала хотела ехать в Ленинград, чтобы повидать наконец город и друзей, но потом решила, что это будет счастье, но не лечение, а я дошла до точки, и надо лечиться. Санаторий в Малеевке предназначен для сердечно-сосудистых больных, т. е. как раз для меня. Там отдельные комнаты и очень мало народу. Путевку мне обещали — с 15/XI. Завтра я начинаю ходить по врачам, чтобы собрать нужные справки. Это нудное занятие, но неизбежное. Кроме того, мне давно-давно

пора к глазнику. Завтра пойду заодно и к нему — и, признаюсь Вам, плохо буду спать эту ночь.

Если же вдруг окажется, что я в смысле денег прогораю, — непременно попрошу разрешения запустить руку в Ваш кошелек.

Что Вам сказать о Ступникере? Я устала от стиля работы наших издательств... Все редакции почему-то считают, что чем реже автор видит свое произведение, чем меньше прикасается к нему — тем лучше. Сейчас в Географгизе выходит Миклуха; мне не прислали ни гранок, ни сверки; дали верстку на 3 часа, предупредив, что трогать ничего нельзя. Мое литературное имя — Лидия Чуковская; там печатают Л. К. Чуковская, и никакие мои мольбы и протесты не помогают. Я говорю, что я не Л. Н. Толстой, что это — не собрание сочинений, — тщетно: «у нас в серии принято так» и баста... На днях мы с Т. Г. читали верстку книги Сусанны Михайловны[1]; напрасны были наши требования дать нам оригинал или хотя бы корректорский экземпляр... С Вашей книгой еще глупее. Ступникер просил меня составить список рассказов; я составила; он все равно сделал на 80% по-своему. Почему было не поручить мне предисловия или хотя бы показать его мне? Тогда Белых остался бы Григорием. Если трудно было послать корректуру Вам — то ведь я сижу тут же в доме!

— Помилуйте, какие корректуры Алексею Ивановичу! — сказал мне Ступникер. — Ведь у нас — газета!

— А мне почему не дали?

— Мы хотели сделать Вам сюрприз! Положить на стол готовую книжку.

Этакая дурацкая галантность!

С доверенностью я еще в «Огонек» не ходила; пойду в понедельник непременно и сразу же напишу Вам о результате. Но неужели Вы до сих пор не получили авторских? Галантный Ступникер уверял, что 10 экз. давно посланы...

Однако отвлекитесь на минуту от опечаток и обрадуйтесь тому, что «На ялике» и «Буква “Ты”» и «Долорес» напечатаны в 150 тысячах экземпляров... Я рада — весьма.

Портрет Ваш очень хорош и очень похож. Правда, Ваня утверждает, что Ваша красота на карточке преувеличена, что по такой карточке заочно невесту искать можно, — но это он из зависти.

Дело с Герценом на мертвой точке. Детгиз молчит в ответ на мою последнюю ноту. Я бы хотела, чтобы он промолчал вплоть

до моего возвращения из отпуска — сейчас у меня нет сил реагировать на ту жабу, которую они несомненно скоро преподнесут мне.

[1] Георгиевской.

23. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
28.XI.48 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Рад был получить Ваше письмо. Рад был узнать, что Вы наконец отдыхаете, что в санатории хорошо, что Вы — хозяйка своего времени и что здешняя обстановка Вам нравится.

Вы приглашаете меня приехать в Малеевку — спасибо. Но боюсь, что не выйдет с этим. Кроме всего прочего, пугает меня светское общество и светская атмосфера, которая там царит. Нам бы попроще что-нибудь. Да ведь и не соберешься быстро-то. Приедешь, а там только Ваши следы на снежных дорожках, а в гостиной — одни ордена и ленты.

Вообще же отдохнуть и подлечиться следует. Работаю — без радости, с натугой, а часто и с отвращением.

«Огоньки», как и следовало ожидать, надули меня: заплатили по 1200 р. за лист, с непостижимой дотошностью подсчитав все тиражи предыдущих изданий моих рассказов и выведя из этого, что больше 40% я получить не имею права.

Экземпляры (авторские) они мне прислали. А Вашей посылки я — увы — не получил. Надеюсь, рано или поздно она все-таки доберется до меня. Во всяком случае, очень благодарен Вам за Ваши труды и заботы.

Александру Иосифовну видел вчера — на отчетно-выборном собрании в Союзе Писателей. Результаты выборов очень приятные — для меня во всяком случае. Забаллотированы были буквально все, кого я вычеркнул из избирательного списка: в том числе Гр. Мирошниченко, Н. Григорьев и другие подобные.

Третьего дня в Союзе был вечер, посвященный памяти Татьяны Александровны Богданович. Зал был переполнен. Было очень много молодежи, студентов-герценовцев.

Софья Ангеловна Богданович (которую я перед этим не видел 10 с лишним лет) много расспрашивала меня о Вас и просила кланяться Вам.

С воспоминаниями о Татьяне Александровне выступал академик Тарле. В президиуме же сидели две внучки покойной Татьяны Александровны — очень шустрые девочки 9 и 12 лет.

Евгений Викторович говорил очень хорошо, умно и растроганно и, между прочим, несколько раз повторил, что Татьяна Александровна ненавидела всяческий *шаблон.* Девочки, которые уже устали и скучали, в этом месте его речи оживились и насторожились. А в перерыве старшая девочка спрашивает у матери:

— Мамочка, а кто *этот Шаблон*, которого так не любила бабуленька?..

24. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
15.II.49

Дорогая Лидия Корнеевна!

Что касается меня — то я лишь несколько дней тому назад вернулся из Петрозаводска, где пробыл больше 2-х недель. Поездкой очень доволен. Много где побывал и много чего повидал. Весной, если позволят обстоятельства, собираюсь погостить в этих местах подольше. Давно уже в планах моих (и даже в мечтах) стоит одна затея: написать книжку о работниках лесопильного завода — где-нибудь на нашем Севере, в Карелии или в Поморье.

К сожалению, здоровье то и дело выводит меня из строя и длительные путешествия мне не по силам. Впрочем, тут, кроме себя самого, и винить некого. Последние два месяца вел себя, мягко выражаясь, неделикатно. Выражаясь точнее: выпивал.

Работаю непростительно мало.

Пишу об этом в покаянном тоне, из чего при желании можно сделать некоторые обнадеживающие выводы.

Вчера вечером мне звонил А. Ф. Пахомов и сообщил, что в Центральном Комитете партии понравилась будто бы моя книжка «Большая стирка»[1]. Что оттуда будто бы звонили в Детгиз и рекомендовали издать книжку большим тиражом.

Насколько это верно — не знаю, но автору, не избалованному чрезмерными похвалами, приятно, если даже похвала эта только померещилась.

Кстати, что делается сейчас в Детгизе? Кто там работает? Все те же? Камир, Компаниец — там?

Пишите же, пожалуйста, дорогая Лидия Корнеевна!

[1] Упомянута книга: *Л. Пантелеев.* Большая стирка. Рассказ. Для дошкольного возраста. Рис. А. Пахомова. М.; Л.: Изд. и ф-ка детской книги Детгиза в Москве, 1949.

25. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21/II 49, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Даже Ваши добрые — незаслуженно добрые — надписи на книгах не искупили незаслуженного упрека. Если бы Вы знали, как я жила последние 1½ месяца, Вы бы не упрекнули меня.

У Марии Борисовны был удар. Она была несколько дней без сознания, потом в полусознании. Паралич всей правой стороны — значит, и речи. Она только недавно начала говорить, и то говорит еще не очень понятно, многие слова позабыла.

Все это случилось в самый разгар работы над учебниками[1]. Из «Пионерки» я временно ушла, но от С. Я. уйти нельзя было — очень уж в трудном он оказался положении. Надо было выручать. Все мы работали почти без сна. Кончили вчера ночью 3 книги, от 4-ой отказались. С. Я. очень болен (аритмия, астма) и совершенно, сказать по правде, невыносим. Даже Тамара Григорьевна с трудом переносит его нрав.

Сегодня первый день, что я не еду к нему. Я лежу, я дышу, читаю — и вот пишу Вам.

Вы спрашиваете, какие новости. Новости обо мне можете прочесть в «Учительской газете», в отчете о выступлении Пискунова...[2] Но есть и хорошие: Егорова больше не зав. отделом классиков — значит, имеется шанс выиграть герценовскую тяжбу[3]. Сейчас я еще не в силах снова приниматься за это опостылевшее дело. Боюсь, что оно отнимет у меня последние остатки крови.

На днях в Союзе, на объединенном заседании Комиссии и Секции, состоится разговор о критике в детской литературе.

Сегодня ночью перечла счастливую «Стирку» — а заодно и «Маринку» — лучшее, любимейшее для меня изо всего написанного Вами.

[1] 1 января 1949 г. Л. К. записывает в дневнике: «В первый же вечер на меня обрушились учебники. Т.к. признано, что теперешние не годны (о чем мы говорили сто лет назад), то надо сделать новые в две недели. 15/I мы их не сделаем — старые пойдут с матриц. Нам поручено их “редактировать”. Фактически же их придется делать заново, п. ч. все сделанное — безграмотно до последнего предела. Комиссия, которой поручено редактировать, обширна: куча методистов, Маршак, Барто. С. Я. кооптировал Тусю, меня и Ваню — и мы-то и должны работать. Мы и работали бы (т. е. мы с Тусей), если бы нам не мешали С. Я., Барто, заседания».

[2] 16 февраля 1949 г. в статье «В коллегии Министерства просвещения РСФСР» говорилось: «На расширенном заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР обсуждался вопрос о деятельности Государственного издательства детской литературы (Детгиз) и его ближайших задачах. С интересным и содержательным докладом выступил директор Детгиза К. Ф. Пискунов... Он особо отметил позицию критиков, обычно замалчивающих детскую литературу, и весьма слабую деятельность в этом отношении комиссии по детской литературе при Союзе советских писателей. Характерно, что на заседании этой комиссии, происходившем год назад, вышедшие в свет новые произведения современной детской литературы совершенно неосновательно подверглись уничтожающему “разносу” в выступлениях “критиков” Ивича, Шкловского, Чуковской».

[3] См. примеч. 3 к письму **18**.

26. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
(Келомяки)
26.10.49 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Не всегда, как видно, старый друг лучше новых двух. Старые московские друзья мои прочно меня забыли, не пишут мне, не отвечают на письма. Вы первая нарушили этот обет молчания. Спасибо Вам — и за почин, и за память, и за доброе слово.

Перед тем как получить Ваше письмо, с интересом и удовольствием читал Вашу книжку о М. Маклае, вышедшую в Географиздате[1]. Большой, молодогвардейской, до сих пор не прочел, т.к. автор не удостоил меня дарственным экземпляром[2].

[1] Речь идет о книге Лидии Чуковской: Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: ОГИЗ; Географгиз, 1948.

[2] Об этой книге см. примеч. 2 к письму **12**.

27. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Петрозаводск
3.XI.51

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно собирался Вам написать, да все никак не мог выбрать свободной минуты. С десятого октября я в Петрозаводске. Первые две недели авралом допахивал свою повесть, потом без передышки переключился на то, основное, ради чего сюда приехал: работаю на домостроительном комбинате, собираю материалы для повести, попутно пишу статью для газеты. Комбинат находится в пяти километрах от города. Ездить туда очень трудно, автобусы ходят редко, набиты они до отказа. На заводе — в цехах, в общежитиях, в парткоме, в столовках, курилках, на лесобирже и т. п. — провожу по полторы-две смены. В гостиницу возвращаюсь поздно, совершенно измочаленный.

А сейчас у меня, к тому же, большое огорчение: тяжело заболел мой друг, шкидовец, директор здешнего издательства С. И. Лобанов. У него обнаружили туберкулез. Нужно спасать его, а что и как — в здешних условиях и не сообразишь.

Вашу книгу о декабристах, исследователях Сибири[1] я с большим удовольствием прочел еще в Ленинграде. Удовольствие получил не только потому, что узнал много нового для себя, но и потому, что написана книга живо, талантливо и с большой любовью к людям, которым она посвящена.

Буду очень рад, дорогая Лида, если Вы напишете мне сюда. Мой адрес: Петрозаводск, гостиница «СЕВЕРНАЯ» № 40. Пробуду я здесь числа до 12-го—14-го. Если напишете сразу — письмо успеет дойти.

[1] *Лидия Чуковская.* Декабристы исследователи Сибири. М.: Географиз, 1951.

28. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2/VI 52

Дорогой Алексей Иванович.

Я сейчас снова в каком-то остром припадке тоски по Ленинграду и по Ленинградским друзьям. Очень мне тяжело здесь жить. Никак не могу привыкнуть.

И никак не могу научиться зарабатывать деньги. Долги, безденежье и безработица преследуют меня, что доказывает полную мою неспособность, неумение существовать, что должен уметь каждый человек, да еще старый.

Редсовет издательства «Советский писатель» постановил заключить со мной договор на четырехлистную книгу о Житкове. Но договор все еще оформляется, я сижу без денег, ною, не берусь пока за работу, сомневаюсь, жду.

29. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/VII 52

Дорогой Алексей Иванович.

Я в городе. Работаю мало, без аппетита, денег нет, перспектив тоже. Прижимаю к груди одну мечту, одну надежду: в октябре в Малеевку. А пока работаю над Житковым. «Советский Писатель» заключил со мной после долгих мытарств договор на самых невыгодных условиях: 4 л. (надо 10) по 1500 р. за лист (без расчета на массовый тираж, который раньше был обещан). Итого я получила 1200 аванса, на которые я должна жить 6 месяцев. Теперь можно было бы победить, если бы взяться работать бодро, быстро — тем более, что я одна в квартире и блаженствую, — но у меня из-за жары и грусти такой упадок сил, что я работаю с пятое на десятое.

Хожу к Вере Степановне, сестре Б. С.[1], читаю его письма к ней, сотни писем за 1931—38 г. Очень интересно, человек виден во весь рост. Хочется писать о нем, о Вавиче[2], о его трагической судьбе — а придется писать трюизмы о «Телеграмме»[3].

Потому, верно, я и медлю.

[1] Вера Степановна — Арнольд, сестра Б. С. Житкова.
[2] «Виктор Вавич» — название романа Б. С. Житкова.
[3] Название рассказа Б. С. Житкова.

30. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/VII 52

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо, спасибо за подарок. Я прочла всю книгу подряд, *заново*, ничего не пропуская, от страницы к странице как в пер-

вый раз. Все — и любимое и нелюбимое, все проверила для себя опять. «Пакет» великолепен, «На ялике» — классическое произведение, «Буква “Ты”», «Трус», «Честное слово», «Две лягушки» — тоже. Жалею, что в томе нету моей любимейшей из любимейших — «Маринки». «Первый подвиг», «Новенькая» «Рассказ артиллериста» — очень хороши. Меньше я люблю «Белочку и Тамарочку» (что-то мне в очаровании этих рассказов слышится чуждое Вам, чуть кокетливое) и совсем не люблю «Гвардии рядового» и «Главного инженера». «Индиан Чубатый» мил.

Это не рецензия, милый друг, а просто впечатления Вашей старинной поклонницы.

Как хорошо, что вышла эта книга — толстая, увесистая[1]. Держишь ее в руках и думаешь: Алексей Иванович недаром живет на свете.

И вся она похожа на Вас (конечно, не толщиной!), а добротой и щедростью, и честью, и юмором, и даже какой-то застенчивой тишиной.

Что сказать о последней повести?[2] Я и ее прочла с жадностью и волнением. Это большая вещь из большой русской литературы, находящаяся на великой магистрали Горького, Глеба Успенского. Все основное в ней прекрасно: отец, мать, Ленька, детство, время. Огорчает некоторая холодность служебных мест, но это — неизбежно.

Крепко жму Вашу руку, обнимаю Вас и поздравляю.

[1] Речь идет о книге: *Л. Пантелеев.* Рассказы и повести. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1952.

[2] Последняя повесть в томе — «Ленька Пантелеев».

31. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/X 52

Дорогой Алексей Иванович. Рада была получить от Вас весточку — хотя бы и дурную. Что же Вы это все хвораете?

Да, и ответьте, пожалуйста, на один срочный и деловой вопрос: были ли Вы дружны с Б. С. Житковым?

Я не помню.

Не хотите ли написать воспоминания о нем, для сборника, который редактирует его сестра, Вера Степановна Арнольд?

Как Вы могли написать, что мои похвалы Вашей книге преувеличены? Извините, дорогой товарищ, я в литературе разбираюсь.

Читаете ли Гроссмана?[1] Читайте.

[1] Упомянут роман Василия Семеновича Гроссмана (1905—1964) «За правое дело», который был напечатан в четырех номерах журнала «Новый мир» (1952. № 7—10).

32. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
17.X.52

Дорогая Лидия Корнеевна!

На срочный и деловой вопрос Ваш: был ли я дружен с Б. С. Житковым — ответить коротко не могу. Отношения были сложные. По той же причине не могу писать воспоминаний, хотя, если подумать, рассказать кое-что и мог бы.

Между прочим (и между нами говоря), очень хорошие воспоминания о Б. С. пишет Е. Л. Шварц[1]. Работать он начал по просьбе В. С. Арнольд, но пишет без всякой оглядки, выйдет — ладно, не выйдет — останется для себя и для друзей. Но мне кажется, что выйдет и для друзей и (после некоторых сокращений) *для публики*.

Вероятно, Вы уже знаете, что умер С. И. Хмельницкий. Он так долго, так тяжело и так мучительно хворал, что смерть его не могла быть неожиданностью. И все-таки это была катастрофа. Тем более что последние три месяца он чувствовал себя гораздо лучше, отдыхал в Комарове, работал. Я очень мало знал С. И., дружен с ним никогда не был и могу пожалеть о нем не больше, чем о другом хорошем человеке и товарище. Но Александру Иосифовну ужасно и искренне жаль.

Вы спрашиваете: куда я еду отдыхать и работать? Никуда пока что не еду. И не знаю — поеду ли.

Положение у меня самое глупое: накорябал большую повесть, выпустил толстую книгу[2], а уже почти полгода сижу без денег. Издательство без конца водило меня за нос, а недавно заявило, что в этом году вообще рассчитаться со мной не сможет. На днях передал дело в Суд. Тоже удовольствие.

На книгу мою откликов в печати я не видел. Что о ней говорят — не знаю, т.к. на людях последнее время бываю редко, но на днях узнал (не смейтесь, пожалуйста), что книгу мою — выдвинули на Сталинскую премию. Быть может, от этого потрясения я и захворал. Самое удивительное, что выдвижение прошло единодушно, без единого возражения — и в детской секции, и на правлении ЛО ССП.

Конечно, все это приятно, и перспектива обзавестись лаврами весьма соблазнительна, но при всем этом вокруг столько мерзости и мороки, что лучше бы и не было этого соблазна. Уже звонят добрые люди и советуют — поехать в Москву, написать туда-то, написать на того-то. Уже сообщают, что Шиллегодский в Детгизе бьет от негодования копытом.

Тьфу, в самом деле! Не было у бабы забот, так выдвинули ее.

[1] В сборник «Жизнь и творчество Б. С. Житкова», который готовила В. С. Арнольд, воспоминания Е. Л. Шварца не вошли. Впервые опубликованы в «Вопросах литературы» (1987. № 2), позже в кн.: *Е. Шварц.* Живу беспокойно...: Из дневников. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 231—249; записи от 10 октября — 1 ноября 1952 г. В то время, когда Шварц написал свои воспоминания, не могло быть и речи о публикации сложного портрета известного писателя с рассказом о его разводе с женой, ссоре с С. Я. Маршаком и с упоминанием о других трудностях его характера. Воспоминания Е. Шварца о Житкове были напечатаны лишь через несколько десятилетий после смерти их автора.

[2] О повести и книге см. примеч. 1 и 2 к письму **30**.

33. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/X 52, Суханово

Дорогой Алексей Иванович.

Не сразу отвечаю на Ваше письмо. Я только от Вас узнала, что Сережа Хмельницкий умер. Я, напротив, думала, что ему лучше: уже здесь, в Суханове, я получила от него бодрую, веселую открытку.

А потом, через 3 дня, Ваше письмо.

Я ведь Сережу знаю со студенческих лет. И хотя была с ним дружна и часто виделась только какой-нибудь год, а потом мы уже виделись случайно и редко — я всегда как-то ясно чувствовала его на расстоянии. И очень его ценила. Знаете, он был че-

ловеком удивительно правдивым, т. е. всегда *хотел* быть правдивым, хотел наиболее точно передавать людям свои настоящие мысли до самого дна, и в этом стремлении, наивном, бывал иногда неуклюж, труден для окружающих, но всегда для меня, сквозь трудность, пленителен.

В последний раз я видела его летом в больнице. Ему в тот день было лучше, он не лежал в постели, а ходил, был оживлен и просил меня почитать ему стихи. Я прочла. Они ему (кроме одного) не понравились, и он мне это сказал, старательно подбирая наиболее точные из порицающих слов, и, хотя мне было жаль, что ему не нравятся стихи, я любовалась благородством его усилий.

Пожалуйста, напишите мне, если знаете, как он умер, была ли Шура при нем, как и где похоронили его, отозвался ли Союз? Ведь он был литератор очень добросовестный, знающий и способный. Прекрасная у него книга о Пржевальском[1] (я тут все интриговала, чтобы о ней поместили рецензию, — но тщетно), и многие переводы стихов хороши.

О Шуре и спрашивать боюсь.

Что у нее за судьба — ни одна-то беда ее не минует, всякое горе ее ищет.

Началось с того, что она потеряла сестру, с которой была очень дружна; Муся умерла от гнойного аппендицита, ее не успели спасти.

Я помню Шуру на кладбище, среди берез, она шла от могилы, натыкаясь на деревья, и на меня наткнулась, как на дерево, и я по глазам видела, что она долго не могла меня узнать.

Дальнейшая ее судьба Вам известна.

Здесь, в Суханове, хорошо, но в Малеевке лучше.

Здесь — дворец князей Волконских и столетний парк: липы, дубы, вязы, клены. Стройные аллеи, пруд, озеро, беседки с колоннами.

В Малеевке 5 минут ходу — и Вы в настоящем дремучем лесу или в открытом поле. Здесь только парк и парк; до леса далеко, а сейчас такая мокреть, что пока дойдешь до него — утонешь.

Но дворец здешний гораздо комфортабельнее, чем малеевский обыкновенный дом, и людей сейчас мало и очень тихо. Я работаю, гуляю, почти ни с кем не общаюсь — люди скучные,

чиновничье-инженерского типа — смотрю кинокартины и пишу письма. Книга движется быстро.

Ах, как хорошо было бы, если бы Вы получили лауреатство. Бог с ней, со славой, с непохожим портретом в газете; но деньги! деньги! деньги! Возможность года два писать, не думая о деньгах. Этого бы я для Вас хотела. И защищенности от всякой швали: емельяновых, голубевых, шиллегодских (мне очень приятно писать их с маленькой буквы).

А мне как было бы хорошо! Я бы взяла у Вас денег в долг. И останавливалась бы, приезжая в Ленинград, в Вашей *новой* квартире.

Высудили ли Вы что-нибудь?

Ах, Алексей Иванович, Алексей Иванович! Плохие мы все сутяги.

Должна Вас предупредить о некотором моем относительно Вас предательстве. Я сообщила Вере Степановне, что у Вас есть что вспомнить о Житкове. Она женщина энергичная — и теперь держитесь. А хорошо бы, если бы Вы написали несколько страниц. Писать *все* — для этого время еще не настало (слишком сложно, многие живы и пр.), но ведь можно писать и не все.

С нетерпением жду воспоминаний Евгения Львовича.

[1] *С. Хмельницкий.* Пржевальский (1839—1888). М.: Мол. гвардия, 1950 (ЖЗЛ).

34. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/XI 52

Дорогой Алексей Иванович.

У меня к Вам большая просьба. Извините, что влезаю не в свое дело, но видите ли — надо, приходится.

Я знаю, что Вера Степановна написала Вам письмо. Она очень много надежд и душевного жара в него вложила. Она очень все берет всерьез. Я сейчас в Малеевке, но часто получаю от нее письма и чувствую, как ее огорчает Ваше молчание. Ответьте ей хоть отказом, но ответьте.

35. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
27.XI.52

Дорогая Лида! Должен начать с того, что я на Вас сердит: с какой стати Вы натравили на меня эту настырную Веру Арнольд?

Писать воспоминания о Борисе Степановиче Житкове я не могу — не потому, что не был с ним близок, и не потому, что знал его мало и очень короткое время, а потому, что, при всей их мимолетности, отношения мои с Борисом Степановичем были (и остаются) сложными. Сглаживать их я почему-то не могу. То, что мне сравнительно легко удалось, когда я писал об А. М. Горьком[1] (с которым у меня тоже отношения были не ахти какие простые), здесь не выйдет. Коротко говоря, в гладеньких некрологических тонах писать о Житкове я не могу уже из одного уважения к его памяти.

Обо всем этом мне пришлось писать Вере Степановне, а это было и трудно, и сложно и — ни к чему. Тем более что я все это время хворал, только на днях вышел из больницы.

Сергей Исаакович умер у себя дома. Ночью. Были в это время при нем Александра Иосифовна и сестра его. Умирал он мучительно, кричал. Страшно это еще и потому, что рассказывала мне об этом — во всех подробностях — Александра Иосифовна.

Похоронили Сергея Исааковича на Охте. Провожало его человек 20—30. Не собралось бы и столько, если бы не Вл. Н. Орлов, который, несмотря на то что сам был болен, взял на себя все хлопоты, звонил друзьям и приятелям, передавал эстафетой грустную весть. Работал он и в «комиссии» по приему наследства С. И. В эту комиссию ввели и Александру Иосифовну. Наследником, кажется, утверждена сестра С. И. А комнату уже передали — литературоведу Наумову.

За Ваши пожелания в смысле лавров — спасибо. Однако вряд ли я буду иметь удовольствие принимать Вас в новой квартире и вообще выступать в той роли, которую Вы так заманчиво расписали. Нет, на этот счет я нисколько не обольщаюсь.

[1] Воспоминания Л. Пантелеева о М. Горьком под названием «Рыжее пятно» впервые опубликованы в 1953 г. в «Ленинградском альманахе» (см. также: *СС-П*. Т. 3. 1984. С. 215—221).

36. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/II 53

Дорогой Алексей Иванович.

Признаться, Ваше письмо меня очень огорчило. Ведь какая получилась глупость: я предлагала написать статью о Вашей книге и «Новому Миру», и «Звезде» — и мне в обеих редакциях отказали. В первой по причине непонятной, а во второй (там вела переговоры с А. Я. Кучеровым Фрида Абрамовна Вигдорова, ездившая в Ленинград) — во второй сослались на то, что, дескать, статья уже заказана... Мне же написать было бы не только радостно, но и легко, т. к. ведь статья о Вас у меня уже давно написана (она когда-то была из гранок в «Новом Мире» вынута Кривицким — в 46 или 47 году), и мне осталось написать только о новой повести. Я бы это сделала с большим удовольствием... Конечно, Орлов — фамилия более веская, но ведь вот он подвел...

Теперь, вне зависимости от Ваших шансов на лавры, я снова напишу Анатолию Яковлевичу <Кучерову> в «Звезду» и предложу свои услуги. Посмотрим, что выйдет.

Моя книга о Житкове сдана в издательство 15 января, я уже успела ее разлюбить, а они еще и читать не начали. Добра я не жду. Но откажут — я не огорчусь; Вы правы — не настало еще время написать о Борисе Степановиче в полный голос, а вполголоса — не все ли равно, выйдет, нет ли? Мне бы вот из долгов выбраться, в которые я влезла, пока писала книгу. И когда наконец пройдет, умрет во мне этот писательский зуд? Пора бы. «Одни убытки» как говорит кто-то у Чехова[1].

Вере Степановне Ваш привет я передала. Она непременно пришлет Вам письма Б. С., но сейчас у нее дома беда (тяжело заболела невестка) и руки не доходят. Она очень обрадовалась Вашему напоминанию.

[1] Слова Якова из рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда».

37. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово.
9.VI.53

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно не писал Вам, да и от Вас, сказать по правде, не слишком-то часто получал последнее время письма.

Что касается меня, то, вероятно, от Александры Иосифовны Вы знаете, в какое — мягко выражаясь, трудное положение я попал. Уже четвертый месяц я пребываю на так называемых руководящих постах — работаю в Правлении Ленинградского союза писателей и возглавляю детскую секцию того же Союза.

Зная меня, мой характер и мои способности, Вы можете представить, как здорово мне достается! Поначалу мне казалось, что я вообще не выдержу, но потом понял, что не одни только зайцы могут при известных обстоятельствах научиться зажигать спички. И вот — руковожу, заседаю, председательствую, планирую, выясняю, уточняю, докладываю и — даже, представьте, говорю чего-то.

Сейчас, когда в Союзе начинается каникулярный период, меня отпустили в Комарово, но работать, т. е. писать, мне и здесь почти не удается — то и дело тягают в Ленинград.

Главная беда, что у меня никакого опыта нет: я не только работать, но и манкировать не умею.

Очень порадовало меня, что Вы взялись за такую интересную работу — пишете сценарий «Анна на шее»[1]. Хорошо ли Вам работается? Какой режиссер будет ставить «Анну»?

[1] Фильм по сценарию, написанному Лидией Чуковской, поставлен не был. Сценарий остался в архиве.

38. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
28.VII.53 г.

Дорогая Лидия Корнеевна, конечно, я мог бы и не пользуясь оказией написать Вам[1], но — грешен, и на этот раз не сумел ответить вовремя. Иван Игнатьевич расскажет Вам, в каких трудах и заботах я живу — несмотря на лето и несмотря на каникулы.

Работаю в две смены, а надо бы — в три, поскольку северное лето коротко, а Союз писателей, по-видимому, все-таки не распустят, хотя и ходят такие легенды среди множества прочих легенд и мифов, которыми богата наша эпоха.

Читаю я мало, но поэму Твардовского не только прочел, но и многое из нее помню наизусть[2]. А память у меня на стихи слабая, на современные — особенно.

Некоторое время эта поэма была для меня мерилом вкуса и других человеческих качеств. Люди, которые не разделяли моего восторга, будь они даже друзьями моими — если и не переставали быть таковыми, то во всяком случае очень многое теряли в глазах моих. С одним высокоавторитетным товарищем, который осмелился назвать всю вторую часть «За далью — даль» — «зубоскальским фельетоном», я чуть не подрался (правда, оба мы были сильно под мухой). На другого приятеля, признанного знатоком русской поэзии, я стал поглядывать пристально и с подозрением — после того как обнаружил на полях «Нового мира» сделанную его рукой пометку: «дальше — мелковато» — как раз в том месте, где начинаются самые прекрасные и «не бывавшие», по Вашему выражению, строфы.

[1] Письмо послано с оказией.

[2] Первые шесть глав из поэмы А. Твардовского «За далью даль» были напечатаны в № 6 (1953) «Нового мира».

39. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
28.XII.53

Дорогая Лидия Корнеевна!

Не могу не поблагодарить Вас за Вашу во всех отношениях прекрасную статью в Литгазете[1]. Как хорошо, что Вы ее написали, и как хорошо, с каким блеском Вы ее написали, и как замечательно, что ее напечатали да еще на 1-й полосе!..

Пользуюсь приятной оказией, чтобы сказать Вам это и вообще напомнить о своем существовании. На мое последнее, летнее письмо Вы ответили коротким сообщением об утере очков и с тех пор замолчали. Мне оставалось думать, что Вы или за что-то сердитесь на меня (никаких оснований для этого я, насколько мне помнится, не давал), или до сих пор живете без очков, не пишете и не читаете. Статья в «Лит. газете» последнее предположение категорически опровергла.

Так в чем же дело?

Буду благодарен, если найдете время объясниться.

[1] *Лидия Чуковская.* О чувстве жизненной правды // Лит. газета. 1953. 24 дек. Подлинное название статьи, замененное редакцией, — «Гнилой зуб».

40. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/I 54

Дорогой Алексей Иванович.

Ну вот Вам письмо и пером.

Для того чтобы писать Вам, я разорилась, приобретя новую ручку.

Шутки в сторону, я пишу по очень неприятному делу.

Вы знаете, какой труд вложен Александрой Иосифовной в «Калевалу» и как она ждет отзыва об этой книге[1].

К. И. и С. Я. говорили с «Новым Миром», я с «Лит. Газетой» — и там и тут обещают рецензии — но — ускорить этот процесс не в наших силах.

А между тем сегодня ночью мне позвонил из Ленинграда наш общий с Александрой Иосифовной друг — Герш Исаакович Егудин и сообщил, что в Петрозаводске готовится в прессе неблагоприятная статья о «Калевале».

Меня это глубоко опечалило: я нахожу работу Ал. Иос. прекрасной; дремучий эпос, сквозь который было не пробраться, стал прозрачным, читаемым, легким, сохранив в то же время свою поэтичность. Книгу эту можно ругать только с самых мракобесных позиций — с позиций тупого педантизма, желающего, чтобы руда оставалась рудой, не превращаясь в сталь и железо.

Я плохо себе представляю, чем Вы можете горю помочь, но все-таки хочу, чтоб Вы об этом знали. Ведь у Вас, кажется, в Петрозаводске есть друзья.

[1] Речь идет о книге: Калевала. Карело-финский эпос. Пересказала для детей А. Любарская. Петрозаводск. Карело-финская ССР, 1953.

41. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

6.I.54
Ленинград

Дорогая Лидия Корнеевна!

В Петрозаводске у меня, к сожалению, не друзья, а один-единственный друг — С. И. Лобанов. Человек этот, будь его воля, мог бы что-нибудь сделать и сделал бы, но, во-первых, он тяжело болен, давно нигде не работает, отрешен от всех дел, а во-вторых, если по «Калевале» действительно готовится удар, то это

удар (очередной, далеко не первый) и *по нему*, т.к. идея пересказа «Калевалы» для детей — его, договор с Ал. Иос. заключал он и т. д.

Вчера ночью, когда я получил Ваше письмо, я пытался звонить Гершу Исааковичу, но не дозвонился. Говорил с ним только что. И разговор этот меня, надо сказать, утешил. Дело обстоит не так страшно, как мне показалось из Вашего письма. Не в *прессе готовится*, как Вы пишете, неблагоприятная статья, а всего лишь какая-то женщина, аспирантка университета говорила, что ей не нравится пересказ «Калевалы» и что она собирается об этом написать в газету или в журнал.

Согласитесь, что это не одно и то же. Будем надеяться, что у газеты или журнала есть свое мнение, независимое от мнения аспирантки, а кроме того, если такая статья и появится — вряд ли она появится скоро. Если же к тому времени в любом московском журнале или в газете промелькнет хотя бы самая крохотная положительная рецензия — можно ручаться, что Петрозаводск вообще против не выступит. Понимаю, что все это «лучшие случаи». Но что же можно сделать в случае худшем?!

Единственное, что я придумал (когда уже поговорил с Гершем Исааковичем и повесил трубку), — это написать С. И. Лобанову и сообщить ему, что «Лит. газета» и «Новый мир» собираются положительно оценить «Калевалу», — в надежде, что слух этот дойдет и до аспирантки и до работников местной прессы.

Но — поверят ли? То же самое я говорил много раз и о своей книге, когда С. И. спрашивал меня, что слышно с откликами. С чистой душой я отвечал, что, насколько мне известно, «Новый мир» и «Лит. газета» заказали статьи, но ведь статей этих и до сих пор не видно. — Не могу я быть и очень откровенным в этом вопросе с С. И. Как я уже говорил, вопрос этот волнует его не меньше, чем Александру Иосифовну. Ему доставалось уже за «Калевалу». И вообще с «Калевалой» — на разных стадиях ее многострадальной жизни — было много всякого, о чем Александра Иосифовна и не знает.

Итак, буду писать Лобанову.

О статье Вашей в «Литгазете» до сих пор говорят — и не только рядовые читатели, но и братья-писатели. Неужели в Москве она действительно вызвала ярую ненависть в Союзе? Не верю. У тех, у кого нос в пуху, — да, не сомневаюсь. Но ведь нос в пуху далеко не у всех, и не на Осеевой[1] свет клином сошелся.

[1] Об этой статье см. примеч. 1 к письму **39**. О повести В. А. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» сказано: «...жизненная правда нарушена надуманностью положений, сусальностью радости, излишней крикливостью героя...»

42. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12 января 1954. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Ваше письмецо несколько меня успокоило. В самом деле, может быть, еще ничего и не случится. Пока предпринимаем, что можем. В «Новом Мире» рецензия заказана — благожелательная. Кроме того, я говорила с Фишем — не напишет ли он для «Лит. Газеты»? И все, вероятно, будет написано — но когда? Ускорять, не имея никакого редакционного сана, очень мудрено. Боишься испортить, нажимая. И в то же время предоставить все на волю волн тоже не хочется.

Воля волн вообще загадочна. Редакция «Лит. Газеты», принявшая мою статью против ханжества с восторгом, поместившая ее на первой полосе в качестве редакционной[2] — вчера напечатала хвалебную статью Алексина о «Чести товарища»[3]. Я случайно видела этот фильм, это нечто чудовищное, цветное ханжество, конфетная коробка. В чем же линия, в чем идея?

Корней Иванович пишет статью о Вашей книге. Желая ускорить этот процесс, я подарила ему свою статью о Вас, которая лежит у меня готовая более двух лет. Однако, напишет ли он? и что будет дальше? Ведают опять же только волны.

[1] Датируется по п/шт. отправления.
[2] О статье см. примеч. 1 к письму **39**. В качестве примеров такого ханжества приводились произведения детских писателей В. А. Осеевой и А. Г. Алексина.
[3] «Честь товарища» (1953, Ленфильм) — киноповесть о воспитанниках и педагогах Суворовского училища по повести Бориса Изюмского «Алые погоны».

43. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/III 54

Дорогой Алексей Иванович, я получила своевременно Ваше первое письмо и без большой задержки на него ответила. Это я дам Фриде Абрамовне[1], которая приедет сегодня меня навещать, и попрошу ее отправить заказным. Или отвезти самой.

Кстати о Фриде Абрамовне. Ей очень хочется навестить Вас, но она не решается. А Ф. А. могла бы принести Вам необыкно-

венное произведение: свой дневник, в котором изображены ее девочки — Галя и Саша[2]. Дневник удивительный, Вы бы читали его не отрываясь... Так что если Ф. А. появится — не сердитесь уж, ни на нее, ни на меня — это все от лучших чувств.

Сегодня я получила конфиденциальное письмо из «Лит. Газеты». Мне сообщают, что при рассмотрении плана Детгиза где-то «наверху» было отмечено, что моя статья правильная и *какие бы, мол, мною ни руководили соображения* — я права... Значит, кто-то уже и «наверх» сообщил о каких-то моих «соображениях». Признаюсь, минут 10 я была вне себя от ярости, я готова в суд подавать за клевету.

[1] Вигдоровой.

[2] *Фрида Вигдорова.* Девочки (дневник матери) // Семья и школа. 2010. № 8—12; 2011. № 1—4 (в печати).

44. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13 апреля 1954. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Сейчас еду в Союз, на доклад Кассиля о правде жизни.

Вчера я была в «Литер. Газете», там получен на 15 страницах протест против моей статьи и статей Дроздова и Кон[2], подписанный Яковлевым, Томаном и Михалковым[3]. Страниц 5 газета напечатает.

[1] Датируется по п/шт.

[2] Речь идет о статьях: *А. Дроздов.* О Петеньках и Феденьках. Заметки о прозе для детей // Лит. газета. 1954. 30 марта; *Л. Кон.* О детской литературе и педагогической критике // Лит. газета. 1954. 30 марта. Дроздов критикует Воронкову, Прилежаеву и др. за схематизм, пишет, что «детские прозаики оперируют на дальних подступах к жизни». Кон выступает против критической рецензии В. Брусничкиной на повесть С. Георгиевской «Отрочество».

[3] Об этом протесте см. примеч. 2 к следующему письму.

45. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29 мая 1954. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Сегодня в Литературке статья Томана, Михалкова и Яковлева против меня[2]. Но это мелочь по сравнению со статьями против Пановой и Зорина[3]. Жду вестей.

[1] Датируется по упоминанию о статье в «Литературной газете» — см. примеч. 2.

[2] *С. Михалков, Н. Томан, Ю. Яковлев.* По поводу критики // Лит. газета. 1954. 29 мая. В своем ответе на статью Лидии Чуковской «О чувстве жизненной правды» авторы пишут: «Создается впечатление, что эта статья отрицательно оценивает чуть ли не всю детскую литературу последних лет... Прочитаешь статью Л. Чуковской — и покажется, что жизненная правда состоит в изображении лишь теневых сторон жизни... А. Дроздов одним росчерком пера зачеркнул всю работу Московской секции детских писателей («Литературная газета». 1954. 29 мая).

[3] 27 мая Вс. Кочетов в «Правде» выступил против романа В. Пановой «Времена года», заявив: «В романе оказались искаженными образы наших современников — советских людей, в особенности образы коммунистов». В этот же день в «Литературной газете» появилась редакционная статья «Об одной фальшивой пьесе», указывающая, что «в пьесе Л. Зорина “Гости”, так же как и в некоторых других произведениях драматурга, есть бьющая на сенсацию мнимая острота, ложное разоблачительство, которое ведет к ложному, несправедливому освещению отношений в советском обществе».

46. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

4.VII.54
Ленинград

Дорогая Лидия Корнеевна!

Дел — и огорчительных и просто хлопотных и трудных — навалилось на меня по возвращении тьма-тьмущая.

Я — не председатель, а член бюро, но не такой скромный, как Вы думаете. Уже на первом заседании мне пришлось как следует отчитать Вашу подругу Ксюшу Меркульеву[1], которая позволила себе весьма двусмысленно похвалить Вашу последнюю статью в Литгазете[2].

— Здесь придраться не к чему, — заявила она.

— А в первой? — спросил я.

— Там было много несправедливого.

— По отношению к кому?

— По отношению ко всем, — отвечала Ваша подруга, после чего и получила от скромного члена бюро по рукам.

В мое отсутствие бюро затеяло предсъездовский сборник — на 15 листов. Задуман он неплохо, а что получится — неизвестно.

Обо мне пишет Привалова. После того как я забраковал ее детгизовское предисловие, перо ее, вероятно, *местию* дышит, а не только глупостью.

Меня просят написать (вернее, дописать) о Горьком и о Данько[3].

Таких на первый взгляд мелких, а по существу весьма трудоемких работ я успел набрать уйму.

О работе серьезной и большой пока и думать невозможно.

[1] Ксения Алексеевна Меркульева, автор книги «Фабрика точности», изданной маршаковской редакцией Лендетиздата в 1933 г. Поэтому она иронически названа подругой Л. К. Чуковской.

[2] См.: *Лидия Чуковская.* Во имя главной цели // Лит. газета. 1954. 19 июня. Это ее ответ на возражения Михалкова, Яковлева и Томана (см. примеч. 2 к письму **45**). Интересный отзыв на эту статью прислал дочери ее отец. Корней Чуковский писал: «Теперь о Твоей статье. Я прочитал ее дважды, и лучшим эпиграфом для нее кажется мне такой: “Конечно, ум дает права на глупость, / Но лучше сим не злоупотреблять”». К. И. цитирует строку из поэмы Вл. Соловьева «Три свидания».

«Статья отличная, но чем она лучше, тем она бесцельнее, бессмысленнее. Ты пришла в публичный дом и чудесно, красноречиво, убедительно доказываешь девкам, как хорошо быть благородными девицами и не продаваться солдатне по полтиннику. Девки только захохочут визгливо — и запустят в тебя кто туфлей, кто рюмкой. А хозяйка публичного дома прикажет спустить тебя с лестницы. И прежде были такие неуместные проповедники, они шли в тюрьмы к бандитам и дарили им молитвенники с бантиками или иконки Варвары великомученицы — и всегда это были патетически-смешные фигуры; а в салонах про них говорили, что они — “трогательные”.

Ты приходишь к растленным писакам и заклинаешь их Чеховым быть благородными. Это “трогательно”, потому что безумно.

Не сердись на меня за резкость. Ты знаешь, как я люблю тебя и твое. И мне больно, что такие громадные силы тратятся на такие бесцельности. Больно, что ты своим золотым пером выводишь эти плюгавые имена и фамилии, больно, что ты тратила время на изучение их скудоумной продукции.

Я думал, что своей последней статьей в “Литгазете” ты ушла из этого вредного цеха, а ты снова идешь на рожон.

В эти дни, когда я буквально был при смерти, я много думал о тебе по-стариковски, прощально, и надеюсь, что хотя бы поэтому ты простишь мне мою отцовскую правду» (*Переписка КИ-ЛК.* С. 354—355).

[3] В рассказе «Счет, написанный кровью» из цикла «В осажденном городе» (1942. Февраль) Пантелеев пишет о сестрах Елене и Наталье Данько. В рассказе они названы «сестры Д.». Рассказ начинается словами: «Вчера я узнал, что где-то в Сибири, на глухом полустанке, умерли сестры Д.». Автор вспоминает Елену Яковлевну — автора повести о Вольтере и Наталью Яковлевну — скульптора, художницу, по проекту которой оформлена одна из станций Московского метрополитена.

47. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

Глухово
17/VII 54

Дорогой Алексей Иванович.

Теркин, говорят, в аду[1], но я в раю. Знали бы Вы, какая тут благодать.

Приехала я сюда, дивно выспалась на сеновале, сейчас сижу под вишнями, в тени, и пробую писать статью о рассказах. Вишни уже красные, сами лезут в рот; прохлада; кузнечики стрекочут; тишина.

Хорошо так, что плакать хочется.

Спасибо за письмо. Вождь Вашей души, Ксана Меркульева, очень отстала: она находит, что моя вторая статья — благопристойна...[2] Ошибка! Мария Павловна[3] объявила эту статью более нигилистической, чем первая: Чуковская отрицает всю литературу, кроме 30-х годов. Почему Чуковская взяла Макаренко, а не Вигдорову или Георгиевскую... Честное слово.

Я же эту статью ненавижу из-за трех рюриковских абзацев[4].

Карпова, перед сдачей книги в набор, еще раз вздумала прочитать мою книгу[5] и обнаружила в ней:

1) нигилистическое отношение к «Почемучке»;

2) нигилистическое отношение ко всей литературе, кроме Житкова;

3) нигилистическое отношение к примечаниям (я там пишу, что обычно примечания пишутся очень сухо).

Я ей сказала:

— Как Вы любите, однако, слово нигилистический!

Она только ноздрями шевельнула.

Это неглупая, толковая, очень злая чиновница. Чиновница до мозга костей. Мне понадобились ножницы и скрепки, когда я сдавала рукопись. Секретарши не было в ту минуту в комнате. Я обратилась к ее превосходительству Карповой. Она принялась искать, говоря:

— Я не в курсе этих деталей!

Скоро ли выйдет Ваша детгизовская? Скорее бы.

Анна Андреевна[6] о Вас вспоминала и спрашивала. Она сказала:

— Очень мне понравился Ваш друг. Только почему у него такое печальное лицо?

Я хотела ответить, что и у нее невеселое, но воздержалась.

[1] «Теркин на том свете» — название поэмы А. Т. Твардовского.

[2] Об этой статье см. примеч. 2 к предыдущему письму.

[3] Мария Павловна — Прилежаева.

[4] Судя по этим словам, в статью Лидии Чуковской «Во имя главной цели» главный редактор «Лит. газеты» Б. Рюриков вписал от себя три абзаца. Точно установить, какие именно, теперь не представляется возможным.

[5] *Лидия Чуковская.* Борис Житков: Критико-биографический очерк. М.: Сов. писатель, 1955.

[6] Ахматова.

48. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/VIII

Дорогой Алексей Иванович. Статья в Детгизовском житковском сборнике принята[1], но неизвестно, выйдет ли, потому что Вера Степановна протестует против ее опубликования. (Статья, видите ли, «формалистична» и затушевывает социальную сущность творчества Житкова...) Статья о Житкове в «Лит. Газете» лежит уже 5 месяцев — принятая и набранная[2].

Я в городе. Яростные доносы, которые пишет на меня в Детгиз Вера Степановна, побудили меня вернуться раньше, чем я хотела. Как Вы были мудры, когда отказали ей в воспоминаниях! А я еще Вас тянула, стыдно вспомнить... За мою статью бьется Кон — очень самоотверженно, очень настойчиво. Вера Степановна составитель, Лидия Феликсовна внештатный редактор. Кто победит? Неизвестно. Я молчу и жду.

У меня есть опасения, что Вера Степановна не оставит в покое и книгу.

А Вы и не знаете, как Вы меня недавно выручили. В Глухове меня одолели культурные деятели с картонажной фабрики: выступить в клубе и прочесть Миклуху[3]. У меня с собой моей книги не было, я написала в Москву с просьбой прислать. К назначенному дню книга не пришла. Тогда я взяла «Пакет» и с огромным успехом прочла его вместо Миклухи.

Вот.

[1] Речь идет о сб.: Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. Статья Лидии Чуковской «Борис Житков и его рассказы для подростков» в сборник вошла.

[2] *Лидия Чуковская.* Вперед, в страну взрослых... // Лит. газета. 1955. 29 янв. С. 3.

[3] *Лидия Чуковская.* Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: Географгиз, 1952. То же, 1954.

49. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

29.VIII.54

Дорогая Лидия Корнеевна!

В Комарове я числюсь с 10-го, но провел здесь фактически дней 5—6. Работалось плохо, сейчас надеюсь засесть основательно, продлил путевку до конца сентября.

Председателем нашей секции — Н. Григорьев. Я — рядовой член бюро, бываю на собраниях только самых ответственных, когда требуется «кворум» и вызывают с нарочным. Вообще же Дом писателей снова становится для меня и мертвым и холодным, а *отчасти* и сумасшедшим.

Недавно попросила меня приехать к ней Е. П. Привалова, которая должна писать книжку обо мне для Дома Детской книги. Оказалось, что к работе она еще не приступала, собирает материалы, хотя договор заключила года полтора назад.

— Трудно о вас писать, — сказала она со вздохом. — Вы как-то не в фарватере идете...

Я спросил, что она имеет в виду, хорошо это или плохо:

— Другие, бывает, хуже пишут, но о них как-то легче говорить...

Я хотел сказать: «ну и говорите, пожалуйста, если легче», но промолчал и проглотил вздох. А она — тоже помолчала, с грустью сказала «н-да» и стала хвалить мои рассказы «Главный инженер» и «Гвардии рядовой», которые, по ее мнению, идут до некоторой степени в фарватере.

Детгизовский сборник мой, кажется, выходит. В Лендетгизе мне сказали, что книга до сих пор не печатается, лежит с февраля в матрицах, я написал излишне шумное письмо Пискунову и получил от него не менее раздраженный ответ. По его словам, печатаются последние листы.

50. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21/X 54
Москва

Дорогой Алексей Иванович. Читали ли Вы сегодня в «Комсомольской Правде» статью Компанийца о детской литературе?[1] Прочтите. Он, между прочим, пишет: «в детских книгах много

поэтического жара расходуется на зайцев, мышек, ежей и котов. Почему в книгах для малышей преданы забвению овца и свинья?»[2] В самом деле, почему? Но мне хотелось бы спросить Компанийца, почему в его статье преданы забвению такие писатели, как Пантелеев, Вигдорова, Георгиевская, Чуковский?

Но я, милый друг, не о том.

А вот о чем. Ко мне внезапно явилась молоденькая девушка, аспирантка Университета. Она хочет писать диссертацию о Пантелееве. Ей предлагают замену: Воронкову или Прилежаеву. Ее уверяют, что тема «Пантелеев» — недиссертабельна. Она пришла посоветоваться и утвердиться в своем намерении. Я ответила ей вполне научно, что считаю тему «Пантелеев» — недискутабельно диссертабельной. Она закидала меня вопросами. Часть из них адресую Вам:

1) Когда, как, где начал, т. е. в каких газетах или журналах печатался?

2) Работает ли над книгой «Год в осажденном Ленинграде», как обещал в 1945 г. (См. «Дружные Ребята»[3].)

3) Был ли на 1 съезде писателей и выступал ли?

4) В каких статьях поминает Пантелеева Горький? И нет ли писем Горького к Пантелееву, которые можно было бы процитировать?

5) В каких изданиях — член редколлегии?

6) В каком году выступал подлец Емельянов?[4]

Итак, у нее 6 вопросов. У меня один: как поживаете? в городе Вы или в Комарове?

Статья о Вас написана, сдана, принята. Ждем последнего акта.

[1] В. Г. Компаниец — главный редактор Детгиза. Упомяута его двухподвальная статья «Издательство и детская литература» («Комсомольская правда». 1954. 21 окт. С. 2—3). Компаниец отмечает: «Для дошкольников и младших школьников изданы многомиллионными тиражами ставшие по существу хрестоматийными многие произведения А. Гайдара, С. Маршака, М. Ильина, С. Михалкова, М. Пришвина, В. Бианки, А. Барто, А. Воронковой, Н. Носова, Ю. Сотника, В. Осеевой, Н. Забилы». Имен, о которых пишет в своем письме Л. К., в статье нет.

[2] Эта мысль в статье Компанийца выражена так: «...в детских книгах много поэтического жара почему-то расходуется на зайцев, мышек, ежей и котов. Почему в книгах для малышей предана забвению овца и свинья? А если уж они и появляются, то овца — как пример глупости, а свинья — как образец нечистоплотности и грязи. Не сказывается ли здесь инерция прошлого, не обнаруживается ли в этом маленьком

примере непонимание и писателями и работниками издательств того, к чему, для чего и как нужно воспитывать у наших малышей интерес и привязанность. Это лишь небольшой пример, но он говорит о том, что сейчас и писателям и работникам издательств необходимо (и обязательно вместе) взглянуть по-новому на многое».

[3] Какая-то ошибка в письме Л. К. В подшивке журнала «Дружные ребята» есть два произведения Л. Пантелеева: «Комосомол в Отечественной войне» (1945. № 7—8. С. 1—4) и комедия «Ночные гости» (1945. № 1. С. 21—25), но нет никаких упоминаний о работе над книгой «Год в осажденном Ленинграде». В 1957 г. в журнале «Москва» (№ 6, отрывки) и в 1964 г. в журнале «Нева» (№ 1) Пантелеев напечатал свои записи «В осажденном городе» (*СС-П*. Т. 3. С. 119—146).

[4] О выступлении Емельянова см. письмо **52**.

51. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25 октября 1954. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Не успела я послать Вам в Ленинград увлекательное письмо, как мигом получила от Вас из Комарова еще более увлекательную посылку.

За книгу, за надпись[2], за портрет, за каждую строчку книги «преогромное Вам мерси!». Теперь жду письма.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[2] *Л. Пантелеев*. Повести и рассказы. Л., 1954. Дарственная надпись: «Дорогой Лидии Корнеевне Чуковской от старого (и притом куда более старого, чем он выглядит на фотографии) друга — с пожеланиями хорошего. Л. Пантелеев. 19.X.54 г.».

52. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
30.X.54 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Получил и письмо Ваше и открытку. Вы просите меня «не сердиться». За что же и на что я могу сердиться? У Вас оснований для этого всегда больше — Вы имеете дело с корреспондентом ленивым, безалаберным и беспутным.

Статью Компанийца в «Комсомольской правде» по Вашему совету я прочитал. Забота автора о свинье и овце меня тоже до слез тронула. То обстоятельство, что я не нашел в табели о рангах своего имени, меня не удивило и не огорчило. Гораздо огорчительнее и постыднее, что в обзорной статье не назван К. Чу-

ковский и что Житков упоминут походя, погребен по второму или третьему разряду — где-то на задворках[1].

Несмотря на то что Детгиз выпустил мой однотомник — отношение его ко мне не стало (да, вероятно, никогда и не станет) лучше. Между прочим, на издании этого сборника меня самым бессовестным образом надули: напечатали 75 000 экземпляров и заплатили за один тираж, да еще по 50 и по 60%. Предлагают судиться. Если дело дойдет до такого неприличия — мне, как Вы сами пишете, в Детгизе уже не бывать или, вернее, ему меня не видеть.

Недавно я получил письмо от Б. Полевого. В весьма деликатной форме он сообщает, что ему поручено сделать на съезде доклад о детской литературе, и, проявляя похвальную скромность, обращается за помощью и советом к «ведущим детским писателям». Я не стал разубеждать его и доказывать, что я — никакой не ведущий, а, наоборот, кое-что действительно попробовал подсказать ему. Между прочим, пытался убедить его в том, что на неважном состоянии современной детской литературы весьма пагубно сказывается ведомственное подчинение Детгиза Министерству просвещения... Не знаю, согласится ли он со мной, а если и согласится и потребует автономии детской литературы — будет ли лучше, если Детгиз передадут в другое ведомство — в Министерство культуры, скажем, или в Комсомол.

Думаю, впрочем, что хуже все-таки не будет.

Посылаю ответы на вопросы «молоденькой аспирантки», которые Вы так любезно мне переадресовали. Между прочим, я боюсь, что тема «Пантелеев» действительно *не диссертабельна*. А кроме того, я вообще боюсь этих аспиранток и дипломанток. В прошлом году ко мне обратилась студентка 5-го курса Ленинградского Университета, решившая писать дипломную работу на ту же мало *дипломабельную* тему... Очень скоро я убедился, что девица эта ни писать, ни думать не умеет, а мечтает о том, чтобы диплом за нее написал (или, выражаясь деликатнее, помог написать) я. Конечно, я очень быстро отшил эту особу.

На днях Дом Детской книги переслал мне письмо аспирантки МГУ Л. Горбатовой, которая просит сообщить ей, «над чем работает сейчас писатель т. Пантелеев Л.». Вероятно, эта та самая аспирантка, которая тревожит Вас. Пишет она неграмотно: *«фелиал»* и т. д.

Над чем я работаю сейчас?

Узнав о том, что Детгиз меня разорил, я вынужден был совершить акцию, от которой оберегал себя 15 лет, — заключил договор с Ленфильмом, пишу сценарий, да еще на колхозную тему! (Подробности эти не для аспирантки, разумеется.)

Живу в Комарове. Вероятно, после праздников вернусь в город, хотя жить там стало трудно, шумно, тесно.

[Дальше на отдельном листе, на пишущей машинке. — *Е. Ч.*]:

1) Начал печататься (под фамилией А. Еремеев и под псевдонимами) в 1924 году — в журналах «Кино-неделя», «Бегемот», «Юный пролетарий», «Смена» и др. С 1925 г. — юнкор, а затем внештатный кинорепортер Ленинградской комсомольской газеты «Смена». Зимой 1926 года совместно с Г. Г. Белых написал книгу «Республика Шкид».

2) Работа, которая носила условное название «Год в осажденном Ленинграде» (из Ленинградской записной книжки), не была опубликована. Первая часть ее (20—25 рассказов и заметок) печаталась в журнале «Смена», но света не увидела: уже набранная и отпечатанная была задержана военной цензурой. Отдельные рассказы и заметки («Маринка», «Долорес», «Дети моего города», «На ялике» и др.) печатались в «Комсомольской правде», передавались по радио, вошли в сборники моих рассказов. Работа не завершена, и вряд ли я когда-нибудь вернусь к ней.

3) На первый съезд писателей не ездил — был тяжело болен.

4) Писем Горького у меня не сохранилось. Всего их было четыре: два из них утеряны (похищены) в 1940 г., два других в 1942 году сданы моей матерью в Ленинградскую книжную лавку писателей. Судьба этих писем мне неизвестна, однако копии их я видел недавно у Е. П. Приваловой, которая пишет для Московского Дома детской книги статью обо мне. В каких статьях поминает Пантелеева Горький — не помню. Кажется, в альманахе «Круг», в письмах к Макаренко, к Сергееву-Ценскому и др. Все эти сведения имеются у помянутой выше Приваловой.

5) До войны работал долгое время в редколлегии журнала «Чиж». С 1946 г. — член редколлегии журнала «Мурзилка». Член редакционных советов издательств Лениздат и Ленинградское отделение Детгиза.

6) Статья Б. Емельянова о рассказе «Удивительные приключения Макара Телятникова» появилась в «Литературной газете» в 1946 г. — вскоре после постановления ЦК о «Звезде» и «Ленинграде»[2].

[1] В статье Компанийца (о ней см. примеч. 1 к письму **50**) упомянуты «Рассказы о технике» Б. Житкова в списке книг для детей по отраслям знаний.

[2] Статья Емельянова появилась через три недели после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», начавшего кампанию травли не только Ахматовой и Зощенко, но всей живой литературы. Своих злодеев надо было выявить в каждом журнале. Постановление было опубликовано 20 августа, а уже 7 сентября 1946 г. Б. Емельянов в статье «Искаженная действительность» («Лит. газета». С. 2) посвятил целый подвал разгрому редакции журнала «Дружные ребята». Основной удар пришелся по Л. Пантелееву. Об его рассказе Емельянов писал, что это «совершенный бред». «Врать автор не хочет. Поэтому он, мягко выражаясь, “искажает” кряду и настоящее и будущее. Зубоскальство Л. Пантелеева могло появиться в журнале лишь при явном безразличии редакции к делу воспитания советской молодежи и советской политике».

53. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/XI 54

Дорогой Алексей Иванович. Спасибо Вам, что быстро откликнулись и дали исчерпывающие ответы на все вопросы Любы Горбатовой. Пока что она исчезла. Это меня огорчает. И не имею основания думать, что она напишет толковую диссертацию. Нет. Она живая, бойкая, упорная — но очень уж плохо ее учили. Однако я хочу, чтобы диссертация о Вас была. О Вас, не о Воронковой или Прилежаевой. «Для утирки носа», как говорит каждую минуту Сусанна Георгиевская.

Корней Иванович кланяется Вам и просит передать благодарность за книгу. Он хворает, потому не пишет Вам сам.

Он сердится на «Лит. Газету», написал вчера сердитое письмо Рюрикову[1]. Его статья о Вас лежит у них, принятая и набранная, уже 3 недели. Обещают непременно дать до съезда, но, как видите пока мелют свою ерунду без остановки.

За все время была одна хорошая статья — Берггольц[2].

Моя статья о Житкове лежит в газете с апреля месяца. Тоже обещают дать до съезда. Но в это я не верю.

Книга о Житкове сверстана в «Сов. Писателе», но когда выйдет — неизвестно. Уж, конечно, не Карпова и не Лесючевский[3], от которых она зависит, станут ее продвигать.

Сборник детгизовский (о Житкове) застрял. Вера Степановна изъяла оттуда мою статью, после длительных мучительств и надругательств. В ответ я потребовала вернуть мне воспоминания и письма Житкова, а К. И. — свои воспоминания. Она такого эффекта не ожидала и отдавать не желает. Ваня[4] к ней ходил и орал на нее. Что из всего этого будет — неизвестно.

А что Вы думаете о романе Гранина?[5] И кто он такой? Очень меня занимает этот человек. Он, конечно, не Бальзак, но... гораздо интереснее Бальзака.

Будете ли Вы на съезде? (В Кремле!) Очень хочу Вас видеть.

Я кончила большую статью о Георгиевской для Д. Д. К.[6] В декабре собираюсь в Голицыно.

[1] Б. С. Рюриков — главный редактор «Литературной газеты».

[2] Упомянута статья: *О. Берггольц.* Против ликвидации лирики // Лит. газета. 1954. 28 окт. С. 3—4. Автор отмечает: «С поэзией лирической обстоит явно неблагополучно. Н. Грибачев и С. Смирнов в своих статьях утверждают, что наша сегодняшняя действительность не дает поэтам материала столь же драматического, как коллективизация или Отечественная война. И что слишком много говорили о лирике и это нанесло ущерб государству». Берггольц продолжает: «Урезывая так и сяк права личности поэта, тт. Т. Гринберг и Б. Соловьев тем самым проявляют недоверие к личности советского человека вообще, который требует, чтобы душу его выразил поэт... Откуда у наших критиков такое непонятное недоверие к личности советского поэта и человека? На каком основании они предполагают, что как только они откроют свое сердце, так и поплывут оттуда неврастения, ущербность, надрывы, любование собственными недостатками и ошибками».

[3] В. М. Карпова — редактор, а Н. В. Лесючевский — директор издательства «Советский писатель».

[4] Ваня — Иван Игнатьевич Халтурин.

[5] Речь идет о романе Д. А. Гранина «Искатели» (1954). Д. А. Гранин был соседом А. И. Пантелеева по подъезду.

[6] *Лидия Чуковская.* С. Георгиевская: Критико-биографический очерк. М.: Детгиз, 1955. Д. Д. К. — Дом Детской Книги.

54. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
20.XI.54 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Был в городе. Получил Ваше письмо. Большое спасибо. Спешу ответить.

Хоть я и не виноват как будто, а все-таки мне почему-то очень неудобно перед Корнеем Ивановичем. Честное слово,

ужасно неудобно! Понимаю, как это трудно и сложно — писать и печатать о таком неудачном, не в фарватере идущем авторе. Но ведь газета, если не ошибаюсь, сама просила у К. И. эту статью?

По просьбе той же Литгазеты я сочиняю сейчас заметку «Чего я жду от Съезда?». Сочиняю буквально — так как от Съезда я ничего не жду.

Вы спрашиваете, буду ли я в Кремле? Понятия не имею. Чтобы поехать на Съезд, надо, как Вы знаете, быть выбранным, а чтобы быть выбранным, надо быть выдвинутым, а еще раньше — НАМЕЧЕННЫМ. Намечен ли я — не знаю. И даже никаких предчувствий нет.

Бальзака я читал, а Гранина, к стыду своему, — нет. Теперь, после Вашего письма, буду читать и предвкушаю удовольствие.

Гранина немножко знаю. Недавно он был здесь. Человек он молодой, лет за 30, скромный, тихий, даже как будто милый. Но ведь почти таким был и Кочетов[1] несколько лет тому назад. Впрочем, сдается, что Гранин умнее и тоньше. Между прочим, его намечают уже на руководящий пост в Союзе — посмотрим, выдержит ли он и хорошо ли выдержит этот искус. Гранин по профессии инженер. Член КПСС. Светлый шатен.

Я засиделся в Комарове — отчасти потому, что в городе мне жить просто негде.

А в Кремле мы разве не встретимся? Назначаю Вам свидание — у Царь-пушки.

[1] В. А. Кочетов — секретарь Ленинградского отделения Союза писателей (1953—1955) и член правления СП СССР (с 1954 г.).

55. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1 декабря 1954
Голицыно

Дорогой Алексей Иванович. Сегодня я приехала в здешнее Комарово. Дом уютный, природы никакой. Но снег, мороз, молодой месяц, все скрипит, звенит — чудо.

В комнате напротив живет мой друг и разоблачитель, Мария Павловна Прилежаева. Я Вас очень прошу, когда в Ленинград приедет ансамбль «Верстки и Правки» («Литер. Газета»)[1] — пойдите взглянуть. С большим успехом он на днях показывал свое

искусство в здешнем Клубе писателей. И коронный номер касается меня и Прилежаевой. Актриса, изображающая Марию Павловну, выходит на сцену и говорит:

«— Товарищи, настало время составить список критиков, которые тормозят развитие детской литературы.

№ 1. Чуковская. Она не наша, товарищи. А я наша.

№ 2. Чуковская. Ей не место, товарищи. А мне место.

№ 3. Она не любит детей. А я люблю».

Буря аплодисментов.

Прекрасно показаны также Сурков, Симонов, Грибачев, Софронов. Какой-то писатель приходит домой из театра и говорит жене: «“Видел пьесу Софронова. Хочу написать рецензию”. Жена в слезы: “Подумай о наших детях”»...

Одним словом, пойдите непременно и друзьям скажите.

[1] Ансамбль, для которого юмористические тексты и пародии писал З. С. Паперный, сотрудник «Литгазеты».

56. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Келломяки, 11.XII.54 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Все эти дни жил в такой суматохе, так измотали меня предвыборные собрания и заседания, что я физически не мог писать Вам. Корнея Ивановича я поблагодарил на ходу, написал торопливо и, боюсь, недостаточно тепло. А я действительно очень-очень тронут его выступлением — передайте ему это, пожалуйста!

Только что приехал на одну ночь в милое мое Комарово и вот — сразу же берусь за перо, чтобы писать Вам.

Расскажу по порядку. В воскресенье перед обедом я дочитывал только что врученное мне Ваше письмо, когда пришла ко мне В. Ф. Панова и сообщила, что ей звонил из Ленинграда муж[1] и сказал, что в «Литературке» большая статья Корнея Чуковского[2], где обо мне говорится «в таких тонах, в каких у нас пишут только о секретарях Союза».

После обеда я был на почте, купил газету и убедился, что о секретарях так не пишут.

Три дня я выступал в роли именинника. В Таврическом дворце, где проходило наше собрание, я получил поздравлений —

больше, вероятно, чем получил их в свое время новый владелец этого дворца, — имя мое мелькало и в выступлениях. Поминали меня в речах чаще, чем обычно, и с более уважительными нотками, чем обычно. При этом имя Корнея Ивановича тоже склонялось на все лады. Один поэт, выступая в прениях, сказал: «Вот говорят, что у нас нет Белинских, их критика отстает. Все мы читали на днях статью К. Чуковского о Пантелееве... Разве это не критика? Разве это не блестящий пример именно классического критика?»

А Николай Никитин сказал, что «Ленинград должен покраснеть, ибо первое слово раздалось из Москвы».

Слушать все это мне было, признаться, стыдновато. К. И. меня перехвалил, конечно. А наше провинциальное общество в именинном угаре готово было лобызать и качать меня с таким же энтузиазмом, с каким в свое время клевало меня или поплевывало на меня.

А вообще собрание было изнурительное. 8-го начали преть в 11 ч. утра и кончили в 7 ч. утра — уже 9-го! В этот день были выборы. Вероятно, Вы уже знали, слыхали, как демократический статут голосования помог справедливости одержать хоть частичную, а все-таки победу.

Несмотря на совершенно неприличное поведение председателя (В. Друзин), несмотря на попытки ограничить число кандидатур предложенным списком, — демос добился своего: список был продолжен, и те, кто был неугоден народу, не были призваны к власти. Был забаллотирован, в частности, В. Кочетов, что явилось приятной неожиданностью для одних и весьма неприятной неожиданностью для других.

Я оказался по числу поданных голосов — первым. На предыдущих выборах, два года назад, был вторым, первым был Эльмар Грин. Теперь мы поменялись местами. Надо сказать, что такая популярность не безоговорочно приятна: ведь это значит, что за тебя всякая сволочь голосует.

Выборы делегатов на съезд были проведены жульнически. На голосование был поставлен список. Таким образом, в Кремле будут и Григорьев, и Мирошниченко, и Голубева — и Кочетов тоже.

Послезавтра, 13-го выезжаем в Москву.

[1] Упомянут Д. Я. Дар.

[2] *К. Чуковский.* Мускулатура таланта // Лит. газета. 1954. 4 дек.

57. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
3.II.55 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Ваше письмо получил только что и отвечаю без промедления.

Статья Ваша в «Лит. газете» мне очень понравилась[1]. Что она сокращена, я почувствовал, но где и как это сделано — не заметил. Как всегда, автор переживает «порчу» болезненнее, чем читатель, даже читатель требовательный и придирчивый. И почему так случается, что поправки и купюры не укрепляют и не улучшают статью, а всегда портят. Но Вы не огорчайтесь, пожалуйста, статья и так хороша и делает доброе дело.

С нетерпением жду Вашу книгу о Борисе Степановиче[2]. Впрочем, и тут готов обуздать себя: если нужно, подожду, пока Вы поправитесь.

[1] *Лидия Чуковская.* Вперед, в страну взрослых... [О Борисе Житкове] // Лит. газета. 1955. 29 янв. Подлинное название статьи, измененное редакцией, — «Утаенное наследство».

[2] Житкове.

58. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 10.III.55 г.

Дорогая Лида!

Я действительно все это время (с тех пор, как вернулся из Москвы) хвораю.

Писать я не мог — простите. А думал о Вас много. И книгу Вашу о Житкове прочел сразу же, одним духом, как только получил ее[1]. Говорить Вам, что книга *отличная*, — не буду, Вы сами это знаете. Написана она по-житковски — с хорошим пристрастием, переходящим в страсть, а не так, как пишется большинство нынешних монографий (вроде, например, книжки Ю. Лукина о Макаренке[2], которую я недавно читал по просьбе «Литгазеты». Такие книги впору читать рыбам, а не людям).

Секретариат Союза Писателей прислал мне копию протокола, из коего следует, что я «введен» или «выделен» в комиссию по детской литературе. Больше всего меня порадовало, что в этой комиссии работаете и Вы.

Позже я получил телеграмму от Михалкова (по-видимому, он председатель?), с приглашением выступить на заседании комиссии 17-го марта. Я ответил, что болен и что о возможности приезда сообщу позже. Думал, что не поеду. На этой неделе я должен был лечь в больницу — на исследование. Но потом меня стала покусывать совесть: от Ленинграда в Комиссии я один, а ленинградские «детские» дела требуют внимания и разговора — нужно добиваться журнала, например.

И я решил ехать. Больницу отложил до возвращения, дал телеграмму Михалкову о том, что приеду 16-го и просил его забронировать гостиницу.

Если Вас это не очень затруднит — не позвоните ли Вы Сергею Владимировичу и не напомните ли ему относительно гостиницы?

[1] *Лидия Чуковская.* Борис Житков: Критико-биографический очерк. М.: Сов. писатель, 1955.

[2] *Ю. Лукин.* А. С. Макаренко: Критико-биографический очерк. М.: Сов. писатель, 1954.

59. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград,
5.V.55 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я только что кончил читать Вашу статью о нашем «Зеркале, которое не отражает»...[1] Оно, к сожалению, действительно не отражает, а если и отражает, то — положение дел весьма плачевное, что Вы и доказали с блеском и с присущей Вам изничтожающей силой. Признавая справедливость *почти всего,* сказанного Вами, не могу утаить от Вас, что мое ленинградское сердце екало, а ленинградские уши горели — ибо ведь и я несу ответ за то, что с нашего зеркала сползла амальгама и что оно — такая дрянь.

Но не потому, не из обиды и не из местного патриотизма — я бы хотел кое-за-что вступиться и кое-где не согласиться с Вами. Хотя и эти соображения — не последние, — городу нашему, как Вы знаете, достается *во всех* сферах и уже давно, а одними пинками и зуботычинами хорошие манеры не привьешь, даже если эти зуботычины даются и по заслугам. Кроме того, всякая оче-

редная зуботычина подает соблазн к новым. Проще и короче говоря, мне кажется, что если подходить к делу по-хозяйски, то надо — если и бить, то бить не до смерти. А Вы бьете до смерти, Вы опрокидываете самовар не только на себя и не только на тех, кто того заслуживает, но и на всех присных. Никто из авторов статей (кроме, пожалуй, Г. Гроденского, человека умного, в меру смелого и решительного, любящего литературу, но не умеющего, к сожалению, писать, т. е. не владеющего слогом), никто из этих людей личных симпатий у меня не вызывает, однако появление сборника я, как и все литераторы-ленинградцы, расценил как некоторую оттепель, небольшой сдвиг с мертвой точки. Вы подходите к делу, так сказать, «внеисторически», забываете, что это — первый, после долгого поста блин — в этом беда не только тех, кого Вы разносите (повторяю — с блеском, доказательно, по заслугам), но и Ваша — ибо Вы подвергаете себя опасности быть обвиненной в «нигилизме», «формализме» и прочем, чего я за Вами не знаю и в чем Вы, как мне известно, неповинны.

Вам могут сказать, что направление статьи имеет характер односторонний, что о недостатках книги Вы говорите с блеском и пафосом, а о достоинствах цедите сквозь зубы. Не кажется ли Вам, что так оно и есть? Антикритик легко придерется, например, к последнему разделу Вашей статьи, где Вы, положительно оценивая чуть ли не добрую половину книги, прибегаете в этой оценке почти к тем же ярлычкам и трафаретам («безусловная ценность», «отдельные интересные наблюдения», «представляет ценность» и т. д.), против которых с таким гневом выступили выше.

Мой Вам совет — развить елико возможно эту, позитивную часть статьи. Кроме того, — не смирите ли Вы несколько свой гнев? Кстати, самое слово «гнев» в финальной части — слишком уж громкое и грозное. Смягчил бы я на Вашем месте и другие выражения, вроде «грозная опасность» (стр. 23), «немощь мышления» (стр. 17) и т. п. Бейте во всю силу руки, по заслугам, говорите все, что думаете, но все это чуть-чуть спокойнее и доброжелательнее. Именно *чуть-чуть*, потому что гнев у Вас перехлестывает через край не так уже часто, но все-таки перехлестывает.

Не обвинял бы я авторов сборника в «формализме», не хвалил бы библиографию, составленную О. Хузе, ибо работа эта сделана тяп-ляп, она неточна, неполна, в ней много ошибок.

Александра Иосифовна говорила мне, что статья Ваша уже набирается, и я не уверен, успеете ли Вы использовать мои замечания и пожелания, если душа Ваша их примет. Если успеете — сделайте, прошу Вас. И для того чтобы уберечь себя хотя бы от *справедливых* нареканий, и для пользы дела вообще.

Буду рад, как всегда, получить от Вас весточку. Не сердитесь на меня, если что-нибудь в моих читательских замечаниях показалось Вам вздорным и неверным.

[1] *Лидия Чуковская.* Зеркало, которое не отражает: Заметки о языке критических статей // Новый мир. 1955. № 7. С. 241—249. В статье обсуждается сборник критических статей, посвященных детским писателям Ленинграда — «Ленинградские писатели — детям» (Л., 1954).

60. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12 мая 1955

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо, что прочли, спасибо, что написали так подробно. Вы чуть-чуть не опоздали. Но так как вчера статья (по-видимому, происками Кривицкого) из номера шестого снята — теперь уже торопиться особенно некуда. Меня уверяют, будто она пойдет в седьмом, но я не верю[1]. Удалился — или удален? — из редакции Дементьев, главный ее проповедник и защитник.

Впрочем, 90% из Ваших пожеланий, милый друг, я исполнила еще до того, как получила Ваше письмо, 90, а может быть, и 99.

Немощь мысли — убрано, заменено.

Гнев — заменен грустью.

Перечисление их «интересных» статей заменено целой страницей разбора.

Грозной опасности — нет, ошеломляющей неграмотности — тоже.

Вся страница насчет того, что в Ленинграде, очевидно, плохо обстоит дело с воспитанием, о чем напрасно умолчали Макарова и Лесючевский, — удалена.

Удалено также все о Маршаке (это по настоятельному требованию редакции).

Если статья пойдет (на что не надеюсь), уберу также, по Вашему совету, похвалу библиографии Хузе.

Единственное, с чем я не согласна, дорогой Алексей Иванович, — это с Вашим упреком в том, что я упрекаю их в формализме. У меня написано ясно:

«Эти позиции можно назвать формалистическими, да притом от них веет *не литературным формализмом*, а каким-то еще худшим — канцелярским».

Не ясно ли, что я говорю о бюрократизме, а отнюдь не о той высокой болезни, которой хворали когда-то некоторые крупные советские литературоведы?

И еще одно несогласие с Вами. Почему Вы пишете о Гроденском, что он человек умный и пр., но только «не владеет слогом»? Какой уж тут слог! Быть может, он и умен, и порядочен, но вопиюще неграмотен и не смеет быть редактором. Ведь это он написал:

«Овладение человеком погоды» — и многое другое. Какое же он имеет право писать о мастерах — Ильине, Паустовском — и редактировать чужие статьи? Он не слогом не владеет, а грамматикой.

Да, еще: теперь у моей статьи есть подзаголовок — «Заметки о языке критических статей».

Вы пишете, что я авторов статей упрекаю в трафаретах, а об их хороших статьях говорю тоже трафаретами. Мне кажется, Ваша параллель не правомерна (и не только потому, что в новом варианте я сделала свой разбор конкретнее): разбор книг — их прямая задача, моя же не столько разбор их статей, сколько разбор *языка* их статей.

Ну бог с ними.

[1] Статья была напечатана в № 7 (см. примеч. 1 к предыдущему письму).

61. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
25.V.55 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Пишу Вам из Комарова, куда я приехал в надежде отдохнуть, подлечиться и поработать. .

Простите, дорогая Лида, что я с такой безобразной самоуверенностью выступил с замечаниями по поводу Вашей статьи.

Статья мне очень понравилась — и не могла не понравиться — Вы это хорошо знаете. Мотивы, которые мною руководили, я изложил в том же письме.

В частности, за Гроденского я вступился потому, что на совершенно безоблачном фоне, т. е. на пустом месте ленинградского Детгиза, он действительно выглядит думающим, знающим и кое-что понимающим. Уже одно то, что он пишет статьи и его печатают, выделяет его из общей редакторской массы. Какая-нибудь рядовая (но при этом ответственная и сволочная) редакторша — Калмыкова или Страшкова — в критический сборник и не сунется. Вот Вам уровень!

Но — безграмотный редактор остается безграмотным и среди папуасов. Это я понимаю. Здесь Вы правы.

А вот с «формализмом» — не согласен, что-то мне ухо здесь *КОЛЕТ*. И у Александры Иосифовны (не знаю, написала ли она Вам об этом) тоже.

В чем дело — объяснить трудно. Вот представьте себе, что Вы читаете в какой-нибудь критической статье: «от стихов NN веет не "чуковщиной" и не "маршаковщиной", а чем-то *ЕЩЕ ХУДШИМ* — передовой статьей районной газеты»...

Все дело, по-видимому, в «еще худшем». И не много ли чести Хузе, Макаровой и Шиллегодскому, когда их ставят в ряд (хотя и на самый край левого фланга) с Б. М. Эйхенбаумом или В. Б. Шкловским?

Впрочем, простите, Лидочка!.. Я тоже заврался: в одном письме защищаю Шкловского и Гроденского.

Еще раз спасибо Вам за статью. Ждем ее с нетерпением. Будет ли она в 7-м номере?

У нас очень мало хороших новостей. Дурных больше. Все вокруг больны. Конечно, Вы знаете и о болезни Е. А. Борониной[1], и о том, что было с Е. Л. Шварцем (у него микроинфаркт).

.

В Таллин я ездил с Винокуровым и Михалковым — по поручению начальства — «налаживать» эстонскую детскую литературу. Не напоминайте мне об этой поездке. Михалков отравил мне ее своей бестактностью. Никогда не думал, что мне придется краснеть за него. А пришлось. Когда-нибудь расскажу.

[1] Е. А. Боронина — соученица Л. Чуковской по Институту истории искусств, проходила по одному с ней делу в 1926 г., в результате хлопот К. И. Чуковского была

освобождена, потом повторно арестована, освобождена в 1940-е гг. уже тяжелобольной. О ней см. также: *Прочерк*. С. 394—399.

62. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/VI 55

Дорогой Алексей Иванович. Ну как — продолжаете мокнуть в Комарове? Или смилостивилось над Вами небо? У нас продолжается холод, дождь и с таким оттенком подлости, что хочется прочесть погоде в назидание стихи Пушкина о необходимости оттенка благородства[1]. И на погоду должна быть какая-нибудь управа. Как говорит К. И.: «перед деревьями совестно».

Моя статья полеживает в «Новом Мире». Пойдет ли в № 7 — не знаю. Если пойдет, я попробую что-нибудь изменить в абзаце с формализмом. Вообще-то говоря, я формализм терпеть не могу — и тот, первичный, многоумный — и, кроме того, уверена, что авторы сборника в самом деле бессознательные формалисты, — но Вы правы, что с этим термином надо, как говорила Люшина няня Ида, обращаться «поуккуратней». Не знаю, удастся ли изменить, но попробую.

Только зачем Вы, дорогой друг, извиняетесь, что делаете мне замечания? Для меня нету более высокого суда, чем Вы, Александра Иосифовна, Тамара Григорьевна; когда пишу, я всегда думаю о вас троих. Ваше несогласие мне горько — но какая же обида? Никто не имеет больше прав, чем Вы, с меня требовать.

Со мной беда: меня выбрали в бюро детской секции. По предложению парторганизации, зачитанному М. П. Прилежаевой.

[1] Имеется в виду стихотворение «На Воронцова» («Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить / И в подлости осанку благородства»).

63. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/I 56

Дорогой Алексей Иванович.

Поздравляю с Новым Годом Вас и Вашу жену (мне очень приятно писать эти два слова: Вашу жену[1]) и желаю вам обоим

бесконечного продолжения на много лет вперед того счастья, которое началось в 1955.

На одном из совещаний в Детгизе (о книгах, которые будут издаваться к 40-летию[2]) я поставила вопрос о переиздании «Республики Шкид». Думаю, что и Вам и вдове надо бы написать какое-нибудь заявление. Говорили ли Вы с юристом?[3]

Вы спрашиваете, над чем я работаю? Пишу для Арнштама сценарий о лейтенанте Шмидте[4]. Люблю я Шмидта отчаянно, но увы! бюро секции, где я член, высасывает много сил, хотя я и не имею чести быть председателем. Вот сейчас надвигается совещание молодых...

[1] Речь идет о недавней женитьбе А. И. Пантелеева. Его жена — Элико Семеновна Пантелеева.

[2] Подразумевается 40-летие Октябрьского переворота 1917 г.

[3] После ареста в 1936 г. соавтора Л. Пантелеева — Григория Георгиевича Белых — «Республика ШКИД» не переиздавалась, т.к. упоминать его имя в печати было нельзя. Л. Пантелееву неоднократно предлагали переиздать книгу только под своим именем, но он возмущенно отказывался. О переиздании стало возможным хлопотать только после смерти Сталина и после реабилитации Г. Белых.

[4] По предложению кинорежиссера Л. О. Арнштама и по договору с Мосфильмом Л. К. работала над киносценарием о лейтенанте Шмидте, фильм по которому не был поставлен.

64. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/III 56

Дорогой Алексей Иванович.

Я задумала статью о редакционной работе. Есть договоренность с «Новым Миром». Мыслей тоже скопилось достаточно. А вот материала не хватает! Подумайте только: мы все в нем купаемся, а как доходит до дела, никто мне ничего не дает. Мне нужны рукописи с пометками редактора. Не какими-нибудь особенными, а с обыкновенными — так, чтобы можно было понять, к чему редактор клонит, что он подсказывает, куда тянет — хотя бы в языке. Очень, очень Вас прошу, дорогой Алексей Иванович, поглядите в Ваших архивах — не найдете ли чего выразительного?

Это первое дело. А вот и второе: как с «Республикой Шкид»? Пискунов мне обещал что-то выяснить и с кем-то списаться —

а дальше ни тпру ни ну. Как обстоят дела с Вашим соавтором? Пересматривается ли его дело? Ведь Ленинградский Союз мог бы подтолкнуть, обратиться, ходатайствовать... Пожалуйста, напишите мне про это, потому что, выиграв сражение с Житковым, я вошла во вкус и мечтаю возвратить читателям еще 2 книги: «Республику Шкид» и «Виктора Вавича»[1].

Вот какие у меня гордые идеи.

А как Ваш сценарий? Я ведь Ваш собрат по несчастью: пишу сценарий о Шмидте. И, в отличие от Вас, у меня ничего не выходит!

[1] «“Виктор Вавич” — роман Б. Житкова о девятьсот пятом годе, печатавшийся частями в начале тридцатых годов... В 1941 году, когда издательство «Советский писатель» напечатало роман целиком, все экземпляры десятитысячного тиража, по указанию свыше пошли под нож... Причиной запрета оказался отзыв А. Фадеева: он нашел изображение охранки, полицейщины и предательства “неполезным” для наших дней. От уничтожения спаслись всего какие-нибудь 10—20 экземпляров: рабочие вынесли их из типографии тайком...» (*Записки.* Т. 2. За сценой. 1956. Примеч. 77). Один из этих спасенных экземпляров сохранила Лидия Чуковская. По этому экземпляру в 1999 г. издательство «Независимая газета» выпустило наконец тираж «Виктора Вавича».

65. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
21.III.56 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Опять я нахожусь в положении, не очень удобном для писания писем: лежу с гриппом.

Пишу и на этот раз коротко, в надежде, что в следующий смогу написать больше и вразумительнее.

Конечно, я с большой радостью подбросил бы Вам нужные для статьи материалы, если бы не два обстоятельства. Во-первых, Вы пишете, что Вам требуется материал не *особенный*, а, так сказать, рядовой, будничный, типичный. А такой материал, как Вы сами понимаете, реже всего сохраняешь.

Во-вторых, последние годы мне с редакторами сталкиваться почти не приходилось. Отчасти это объясняется моей слабой продуктивностью, отчасти тем, что я так себя поставил: попробуй, сунься!

Где-то хранятся у меня материалы, касающиеся двух случаев редакторского произвола. Оба эти случая — анекдотического, исключительного характера. Первый из них произошел четверть века назад: редактор Гослитиздата Савельев за одну или две ночи переписал, перевел из сказовой манеры в повествовательную — повесть «Часы». Был скандал, вмешался Горький, редактора сняли с работы.

Почти то же сделала 7—8 лет назад литредакторша Киевского журнала «Пионерия» с другим моим рассказом.

Не думаю, чтобы эти материалы Вам пригодились. Оба случая стоят на грани фантастики и уголовщины.

А кроме того, откровенно говоря, и мне не так уж приятно выступать в роли потерпевшего. Я не маленький, могу и сам постоять за себя. Во всяком случае — обязан стоять. А не постоял, сдрейфил — пеняй на себя.

Да и дело — давнее уже. Савельева, как мне известно, давно уже ни в литературе, ни около нее — нет. А киевской редакторше я и сам не посчитал нужным выразить свой протест — настолько оглушила меня тогда ее чудовищная, бесшабашная смелость. Я ограничился тем, что перестал отвечать на ее письма, которые в течение долгого времени регулярно приходили каждую неделю, свидетельствуя о чистоте побуждений, которыми руководствовалась эта дама, переписывая рассказ, от первого до последнего абзаца.

Думаю, что и другие авторы неохотно снабжают Вас материалами — по тем же причинам. А кое-кто не хочет портить отношений с Чевычеловыми и Пискуновыми.

Впрочем, дорогая Лидочка, может быть, я Вам что-нибудь и подберу. Для этого мне надо будет встать и покопаться в своих папках. Как только мне будет позволено это сделать — я Вам напишу. А вообще-то, конечно, Вам надо к молодым обращаться. Их, бедных и беззащитных, чаще всего портят. Но бывает, что и они, бедные и беззащитные, не желают, чтобы их защищали. Мне вспоминается такой случай. Молодого автора, выпустившего две книги, активно портила, даже поганила детгизовская редакторша. Я предложил ему поставить вопрос в Союзе. Он отказался, заявив, что «*сознательно* платит эту дань редакции». Я понял, что он ловкач, а не художник, и плюнул.

Ну, до свиданья, Лидочка! Накорябал больше, чем думал.

66. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
30.XI.56

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно не писал Вам, все думал, что вот-вот опять нагряну в Москву, и мы свидимся. А сейчас пишу Вам вот по какому поводу.

Вчера мне звонила несколько раз какая-то женщина, говорила с Элико, а потом и со мной. Просила адрес Корнея Ивановича. Я спросил — кто она?

«Мы старые друзья с К. И. Вместе работали».

— А где вы работали?

— В финансовом отделе.

Я адрес дал, а потом, когда повесил трубку, вдруг спохватился, задумался и усомнился. Что-то я не слыхал, чтобы К. И. работал когда-нибудь в финансовых органах.

Вспомнилась мне в этой связи одна очень давняя история, когда ко мне на квартиру явилась просить денег пожилая дама, в которой мой наметанный глаз сразу определил профессионального «стрелка». Дама эта, помню, демонстрировала какие-то засаленные бумажки за подписью Тухачевского, Калинина и др., показывала справки врачей, плакала, говорила, что у нее рак груди, и даже пыталась расстегнуть кофточку и показать. Денег я ей, конечно, дал, но, помню, спросил, почему она обратилась именно ко мне.

«Мне говорили, что у вас доброе отзывчивое сердце».

— Кто говорил? — Вообще... говорили. — Ну, а все-таки, кто, например? — Например, Корней Чуковский...

И вот, оттолкнувшись от этой ассоциации, моя больная фантазия нарисовала такую картину: Корней Иванович получает письмо от незнакомой ему женщины, которая пишет, что обращается к нему по рекомендации А. И. Пантелеева, с которым она когда-то работала в финансовых органах и который... и т. д.

Весьма вероятно, что опасения мои — плод моей мнительности, однако я счел за лучшее просить Вас предупредить Корнея Ивановича. Если же я бросил тень на хорошего человека, который действительно находится с К. И. в дружеских отношениях, — прошу извинения.

Как Вы живете, дорогая Лидочка? Что делаете сейчас? Был у меня Ростовцев, рассказал, что Вы аннулировали договор

с Мосфильмом. Даже он, человек честный и бескорыстный, осудил Вас за излишнюю поспешность в этом деле. Ведь Вы работали много, собрали материал и т. д. Нужно ли Вам было возвращать студии аванс? Впрочем, простите меня за осудительные нотки и за то, что вмешиваюсь не в свое дело.

Работать в кинематографе, — даже в тех случаях, когда на каком-то этапе тебе и повезет, — дело каторжное и бесстыдно далекое от искусства. Я еще раз убедился в этом. Сейчас с унынием и скрежетом зубовным наблюдаю, как бездарная режиссерша выкрашивает последние зубы у моего, и без того далеко не совершенного сценария[1].

[1] Речь идет о сценарии Л. Пантелеева к кинофильму «Они встретились в пути» (Мосфильм, 1957. Режиссер Т. Лукашевич).

67. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9 декабря 1956. Малеевка[1]

Дорогой Алексей Иванович. Я Корнея Ивановича предупрежу, но Вы напрасно не угрызайтесь. Быть может, это и в самом деле хороший человек, издалека вернувшийся и когда-то работавший с К. И., скажем, в издательстве «Всемирная Литература»: она — в финасовом отделе, а К. И. — в редакции... Если же это «стрелок», то ведь узнать адрес К. И. очень легко и Вашего греха тут нет... Но я, конечно, доложу К. И. Ваше письмо.

Насчет кино — Вы браните меня напрасно. Право же, я поступила с редчайшей мудростью — вырвалась из петли, которая меня задушила бы. Лучше вернуть аванс, чем мучиться годами. Я работала год, собрала материал, заново влюбилась в Шмидта, очень много написала — и убедилась в своей полной неспособности «мыслить образами» в этой форме. Я все-таки иду от слова, а тут слово ни при чем. Зачем же мне работать на чужой каторге?

Теперь у меня к Вам просьба. Я сейчас работаю над статьей о книгах Хармса, Введенского, Боголюбова, Белых, Владимирова, Тэкки, Будогоской, Безбородова. Не знаю, что выйдет. Ме-

сяца 3—4 назад я, по Вашему совету, от имени Бюро Детской Секции написала Гранину просьбу — узнать, как реабилитационные дела.

Хармса
Олейникова
Одулока
Боголюбова
Безбородова

Ответа от Гранина мы не получили.

Не спросите ли Вы его — получил ли он письмо и почему не удостоил меня ответом?

[1] Датируется по п/шт. отправления.

68. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
10.I.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Через час уезжает в Москву (следуя в Переделкино) Александра Иосифовна. Не могу не воспользоваться этой приятной оказией — шлю сердечный привет и запоздалые новогодние поздравления.

На Ваш запрос относительно Белых и других погибших товарищей Ленинградский Союз Вам, вероятно, уже ответил. Однако, верить всему, что они Вам напишут, пожалуй, не стоит. Если вопрос о реабилитации других товарищей они выясняют тем же методом, что и вопрос о судьбе Белых, — толку не будет.

Недавно я получил письмо от поэтессы Елены Вечтомовой, занимающей у нас в Союзе какой-то административный пост. Ссылаясь на Вас, она запрашивает меня о судьбе Г. Белых. Я ответил ей, что — все, что мне известно, — Вам тоже известно. От Союза, мол, требуется официальный запрос в официальных инстанциях. Подсказал, что и как делать. Еще раз перечислил имена, о которых нужно говорить или писать.

Между прочим, я собираюсь ставить вопрос о посмертном восстановлении Белых в правах члена Союза писателей. Поскольку он амнистирован (вопрос о реабилитации еще решается в Верховном Суде) — это, мне думается, возможно. Только таким

образом, как мне кажется, можно реабилитировать его — в глазах критиков и издателей.

69. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/I 57

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за предостережение насчет бестолковости Е. Вечтомовой. Я уже сама догадалась об этом ее свойстве по ее письму. Конечно, следует добиться, чтобы они действовали официально в официальных инстанциях. Однако чего ждать (кроме путаницы) от человека, который фамилию Олейникова пишет через А...

Одно хорошо: она сообщила мне адреса некоторых родственников, я обращусь к ним, может быть, они знают больше.

Вчера я послала Вам в подарок альманах «Литературную Москву» № 2. Получили? Очень жду Вашего суждения о моей статье[1]. Но что моя статья! Рядышком напечатанная много сильнее[2]. И Цветаева очень хороша (хотя общеизвестна; я «Попытку ревности» давно знаю наизусть), и очень хорош Заболоцкий — «Старая актриса». Все интонации XIX века, но это не губит, а почему-то даже освежает стих.

Мне звонил Сарнов и, представьте, просил, чтобы я прочитала его работу, когда он кончит. О ней друзья хорошо отзываются: Аким (чудесный человек и талантливый поэт — см. его стихотворение «Галич» в «Лит. Москве») и Бременер (тоже умница). Я с радостью согласилась, но, может быть, возьму свое согласие назад, потому что сама пробую сейчас написать о «Республике» и боюсь невольно у него что-нибудь слямзить.

Кстати, для моей статьи (я хочу ее назвать «Как автомобиль учился ходить») мне не хватает вот каких сведений:

1) где печаталась «Маринка»? Я помню, что в «Комсомольской Правде» — кажется, в 1942 — но — нельзя ли поточнее? И в какие сборники она потом входила?

2) Сопоставлял ли кто-нибудь из критиков, хотя бы в каком-нибудь смысле, «Республику Шкид» с «Педагогической поэмой»?

[1] *Лидия Чуковская.* Рабочий разговор (Заметки о редактировании художественной прозы) // Литературная Москва. Сб. 2. М., 1956.

[2] Имеется в виду статья: *А. Крон.* Заметки писателя // Там же.

70. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
17.I.57

Дорогая Лидия Корнеевна!

Прежде всего, спасибо за драгоценный подарок. Читаю второй выпуск «Литературной Москвы» — как чистую воду пью. Читаю с каким-то трепетным (простите) ощущением, что являюсь свидетелем очень большого события. А ведь выход этих книг — действительно, событие. Обе они войдут в историю нашей литературы — или как предвестие нового подъема ее, или, в худшем (к сожалению, очень и очень возможном) случае, как короткий просвет, «светлый луч в темном царстве»[1].

О статье, которая «рядышком с Вами». Конечно, она острее, сенсационнее Вашей. Она идет на врага *в лоб*. Молодец Крон, что написал ее, и молодцы составители, что опубликовали ее. Но — вовремя ли это сделано? Не послужит ли она причиной того, что луч раньше времени погаснет? Ведь статья никак не защищена, автора очень легко обвинить в ереси, и боюсь, что это случится очень скоро (если уже не случилось). Ваша статья бьет в ту же цель, но делается это умнее, расчетливее. Те, против кого она направлена, не могут отвести удара, заявив, скажем, что «автор поет с чужого голоса». Это, действительно, *рабочий* разговор, и выйти из него ни издатель, ни редактор, ни те, кто стоит за их спинами, не могут. Статья не оглушает, но она будит живую мысль и живые силы. Своей конкретностью, деловой направленностью она помогает нашему искусству развязывать бесчисленные мелкие бечевочки, которыми оно спутано. За это спасибо Вам и от лица пишущих, и от лица читающих.

О том, что статья Ваша написана, как всегда, с блеском, говорить не буду. Вы сами знаете, что она хороша. Придирчивый антикритик мог бы найти в ней только один изъян: сказал бы, что автор противоречит себе, когда на первой странице ратует за грамматическую правильность и сообразность, а в дальнейшем защищает право писателя на грамматическую индивидуальность, ссылаясь на «до безумия неправильный» язык Герцена и т. д. Правда, оружие, которое получает в этом случае антикритик, — картонное, но, может быть, стоило все-таки предвосхитить его возможный удар и в нужном месте сказать: то, да не то.

Читая статью, я много раз жалел, что не откликнулся в свое время на Вашу просьбу и не подбросил Вам фактиков. Тогда я не понял Вас, думал, что Вам нужны имена, фамилии, даты. А читая «Рабочий разговор», все время вспоминал схожие, близкие случаи, когда, например, чтобы доказать редактору правомерность наличия в одном предложении нескольких сказуемых-синонимов, приходилось всю ночь листать Аксакова, Бунина и т. п. Или когда, после долгих препирательств, шел на компромисс и вычеркивал одно из четырех-пяти повторяющихся слов. Когда, заменяя одно слово другим, безбожно ломал ритм, и не только ритм. В рассказе «Пакет» в сцене, где героя ведут на расстрел, был такой рефрен: «И все молчит этот Зыков — сукин сын. Только знай винтовкой потряхивает». Сукина сына пришлось заменить подлецом (а в некоторых изданиях и «подлеца» не было). Утрата этих трех «с» обессмыслила и обесцветила (для меня во всяком случае) этот припев: фраза потеряла зловещий характер, стала просто ненужной, лишней[2].

Впрочем, к чему же это я? После драки кулаками махать негоже.

Еще раз спасибо и за статью и за все, что ее окружает.

Цветаева все-таки не так уж «общеизвестна». Я, например, «Попытки ревности» не знал, а кое-что и до меня доходило из ее богатства.

«Старая актриса» Заболоцкого — прелесть. Это и в самом деле очень старомодно (тут и Некрасов, и Полонский, и Апухтин даже) и все-таки, Вы правы, очень свежо и уместно. Может быть, потому, что стиль pendant[3] всему антуражу: ампиру, альбомам, венкам?..

Теперь отвечу на Ваши два вопроса:

1) Рассказ «Маринка» был напечатан в «Комсомольской правде» (5 марта 1943 года). Тогда же его перепечатала «Учительская газета» (или наоборот, — не помню). В сборники рассказ протискивался с трудом. Редакторов он почему-то пугал. Выкинули его из библиотеки «Огонька», из Лениздатовского сборника, из всех Детгизовских. Напечатан он в двух книгах: «Рассказы о маленьких и больших», издательство «Сов. писатель», 1948 г., и «Рассказы о подвиге», издательство «Мол. Гвардия», того же года.

2) В статьях о «Республике Шкид» «Педагогическая поэма» не упоминалась — уже по одному тому, что «Республика» вышла значительно раньше «Поэмы» (первая в 1927 году, вторая — в 1933—35 годах). Где-то не так давно я читал напечатанное пись-

мо Горького к Макаренко. В этом письме Горький с присущей ему чрезмерной увлеченностью нахваливает «Республику Шкид», рекомендует своему корреспонденту познакомиться с этой книгой и попробовать написать что-нибудь в этом роде.

Макаренко «Республику» прочел, и она ему не понравилась (и не могла, конечно, понравиться). В одной из статей о детской литературе он распушил Викниксоровскую (беспартийную, либеральную, англофильскую) педагогическую систему[4].

Сопоставлялись ли «Республика Шкид» с «Педагогической поэмой» в статьях о Макаренко — не знаю, — думаю, что нет. Ведь вскоре после выхода «Поэмы» был арестован Гриша Белых (февраль 1936 г.), и о «Республике» наглухо замолчали на целых 20 лет!

Письмо послано с оказией.

[1] Перефразировано название статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» о пьесе А. Н. Островского «Гроза».

[2] Аркадий Мильчин, инициатор и издательский редактор книги «В лаборатории редактора» (М.: Искусство, 1960, 1963), автор статей и книг о редакторском труде, приводит две интересные заметки Л. Пантелеева на эту тему. (См.: Аркадий Мильчин. О редактировании и редакторах. М.: НЛО, 2011, с. 382—387, а также: Аркадий Мильчин. «В лаборатории редактора» Лидии Чуковской // Октябрь. 2001. № 8, с. 179—182). А. Э. Мильчин публикует заметки Пантелеева по копиям, которые он сделал еще в 60-е годы с текстов, показанных ему Л. Чуковской. К сожалению, в ее архиве оригиналы заметок Пантелеева не обнаружены.

[3] Подходить, соответствовать (*франц.*).

[4] После смерти Горького и ареста Белых Макаренко начал выступать против «Республики ШКИД». Одну из его статей «Детство и литература» (1937) Пантелеев цитирует в письме к Л. К. (№ 73). В своей лекции «Художественная литература и воспитание детей» Макаренко повторяет свои замечания и удивляется «как можно было 10 лет назад считать книгу педагогически-ценной» (Художественная литература и воспитание детей // А.С. Макаренко. Педагогич. соч.: В 8 т. Т. 7. М.: Педагогика, 1986. С. 35).

71. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/I 57

Дорогой Алексей Иванович.

Ваше письмо меня так обрадовало и так растревожило, что я несколько дней не в силах была собраться с мыслями и ответить Вам. Счастливо растревожило.

Пока что особых громов нет — так, громики. Зарницы будущей грозы.

Когда будет и будет ли обсуждаться весь альманах — еще неведомо. Моя же статья будет подвергнута обсуждению завтра утром на редсовете Детгиза (без меня) и 28-го в Союзе, на собрании двух секций — критиков и детских писателей. В Союз приглашены также: 1) редакция Детгиза, 2) Дом Детской книги, 3) Мол. Гвардия, 4) Советский писатель.

Председательствовать будет Николай Богданов. Это человек неглупый, держится хорошо и, что для меня очень важно, испытал на себе мою редакторскую руку: я когда-то редактировала для «Пионерки» его рассказы. А это весьма существенный факт, потому что, представьте себе: меня собираются изобличать *в отрицании необходимости* редакционной работы! Это меня-то, «Лидку-маршакидку», как говорил когда-то Митя... Второй пункт обвинения, что я, будто бы, ненавижу выдающиеся опусы советской детской литературы. Тут мне будут припомнены и поставлены в счет: Курочкин, Осеева... «На “Джуре”[1] воспитываются поколения советской молодежи», — сказал Компаниец...

Представление будет интересное. Жаль, что Вы его не увидите. Мне сильно будет не хватать старых друзей. Не знаю, приедет ли из Переделкина Шура, а уж наверное не смогут придти Там. Гр. и С. Я. И Вы не будете. А разворот, мне кажется, предстоит серьезный — принимая во внимание крепко сколоченную шайку приключенцев, которые явятся отстаивать «Джуру» и свое священное право зарабатывать сотни тысяч на малограмотной белиберде... Немцов уже приходил в партком и произносил: «Тушкана она отрицает, а о Георгиевской написала целую книгу[2]. Она — эстет».

Все это и полетит мне в голову 28-го вечером. И многое другое, чего и не придумаешь.

Спасибо Вам большое за точные координаты моей любимой «Маринки»... Знаете, как будет называться статья о «забытых» книгах?

«Как автомобиль учился ходить».

Но она пишется пока что туго. Жанр очень для меня трудный, непривычный: не прокурорство, а адвокатство, не удар, а обзор.

К Вам два вопроса и одна просьба:

1) Какие были книги у Г. Белыха кроме «Дома веселых нищих»?

2) Не вспомните ли, где Вы читали письма Горького и Макаренко, в которых Алексей Максимович хвалит, а Антон Се-

менович бранит «Республику»? Очень надо. Я сейчас прочла 29 и 30 томы Сочинений Горького, там есть письма Горького к Макаренко, но *этого* письма я не нашла.

Конечно, не ройтесь и не ищите, потому что я могу подать запрос в справочное Библиотеки Ленина. Но если легко припомните — напишите, потому что я в поисках крайне бестолкова.

А вот и просьба. (То еще не просьба!)

Со мной заключили договор на десятилистную книгу о редакционной работе!

Издательство «Искусство»!

Вот.

И мне необходимы все благоглупости редакторов, а *еще более — удачи* редакторов... Очень нужны наши ленинградские рукописи, старые, на которых видна редакторская разумная работа. (Не вся наша работа была разумной — но была ведь и весьма разумная.) Не сохранилось ли чего-нибудь у Вас? Чудом? У Лидии Анатольевны?[3] У Золотовского?

Я почти уверена, что нет (годы были не способствующие сохранению архивов!), но — вдруг?

Без «положительных» материалов я книгу написать не смогу. Надо аргументировать примерами, а не только рассуждениями.

У нас — т. е. у меня, С. Я., Т. Г., А. И.[4] — не сохранилось ничего. Ноль. Шиш.

Надеюсь только на чудо.

Летом, вероятно, приеду производить раскопки в Ленинград сама. А пока прошу Вашей заботы... И примеры на глупость тоже нужны.

Я прочла Ваше письмо кое-кому из членов редколлегии. Они сейчас нуждаются в моральной поддержке.

Готовят № 3[5].

А почему Вы не упомянули о статье Щеглова?[6] Я уверена, что она Вам понравилась — глубокая, умная, точная. Какая безобразная, возмутительная гнусность природы — его смерть! Умереть в 30 лет при таком редкостном даровании. Зло берет. И хороший, чистый был человек, его все в самом деле любили.

[1] «Джура» — приключенческий роман Георгия Тушкана (1905—1965). Первая глава статьи Лидии Чуковской «Рабочий разговор» посвящена критике «Джуры». Автор отмечает, что «каждая страница требует исправлений. Книга несостоятельна в

самых основах своих». Г. П. Тушкан, известный в те годы писатель-приключенец, и его коллеги по жанру яростно возражали против такой оценки.

[2] Об этой книге см. примеч. 6 к письму **53**.

[3] Лидия Анатольевна — Будогоская. Ей был посвящен очерк А. И. Пантелеева «Писательница Л. Будогоская» (1967).

[4] Самуил Яковлевич Маршак, Тамара Григорьевна Габбе, Александра Иосифовна Любарская.

[5] Речь идет о редакторах альманаха «Литературная Москва». Очень скоро редколлегия была разгромлена, а третий выпуск альманаха не вышел в свет. См. примеч. 1 к письму **76**.

[6] Статья М. А. Щеглова «Реализм современной драмы» помещена в траурной рамке, он умер незадолго до выхода альманаха (см.: Литературная Москва. Сб. 2. М., 1956).

72. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/I 57

Дорогой Алексей Иванович.

Сейчас я прочла переписку Горького с Макаренко в 7 томе сочинений Макаренко. Там письмо Горького о «Республике» есть, а вот ответа Макаренко, ругательного — нет! Как объяснить эти чудеса в решете? Ведь Вы ответ читали? Где же он?[1]

Обсуждение прошло. Кажется, оно прошло благополучно — только выбило из работы и физически жестоко повредило мне.

[1] Письмо Горького и мнение Макаренко о «Республике ШКИД» см. в следующем письме и примечании к нему.

73. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
7.II.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Получил и голубое письмо Ваше, и открытку. Не ответил сразу — не было времени для розысков статьи Макаренко и других материалов.

Напрасно Вы искали «ответ» Макаренки в его переписке с Горьким. «Республику Шкид» он ругал не в письме, а в статье, напечатанной в ЦО «Правда» (4.VIII.1937 г.), уже после смерти Алексея Максимовича. Статья называется «Детство и литература». Вот абзац из нее, посвященный «Республике»:

Изругав «Правонарушителей» Сейфуллиной, автор пишет:

«В таком же жалком состоянии представлена воспитательная работа и в “Республике Шкид” Белых и Пантелеева. Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи. Книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений “шкиды”, от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как “халдеи”. Воспитательный метод руководителя “шкиды” Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это — карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического “мастерства” перед небольшой группой сравнительно “легких” и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятные трюки одичавших воспитанников».

Это — все, и дословно.

После «Республики Шкид» Г. Белых написал следующие книги: «Дом веселых нищих», «Холщовые передники», «Сидорова коза» (сборник юмористических рассказов, совместно с Е. Пайном), «Лапти» и «Белогвардеец». В 1931 г. в «Молодой Гвардии» вышел сборничек «Американская каша», авторы — Г. Белых и Л. Пантелеев. Мой рассказ там один — «Американская каша», остальные два принадлежат перу Белых (все три — «шкидские рассказы»). Последние полтора-два года, до дня ареста, Белых работал над повестью о фабзавучниках. Рукопись эта, хранившаяся у меня, погибла во время блокады.

Недавно, Евгений Львович Шварц принес мне «Избранное» Сергеева-Ценского, там напечатаны два письма А. М. Горького, в которых Алексей Максимович, среди прочего, говорит и о «Республике Шкид», хвалит книжку, спорит с Сергеевым-Ценским, который не согласен с оценкой Горького[1].

Еще на тему о Горьком и о «Республике Шкид». Месяца два назад я получил письмо из архива Горького. Научный сотрудник этого архива Ф. М. Иоффе, обращаясь ко мне за кое-какими справками, пишет, что Алексей Максимович «в целом ряде писем» и «с большой теплотою» упоминает «Республику Шкид». Что это за письма, кому они адресованы — не знаю.

Вот.

Что касается примеров удачной и неудачной редакторской работы — буду искать. Хотя никаких *вещественных следов* у меня

лично, конечно, не сохранилось. Я вообще не сохраняю черновиков своих рукописей. Боюсь, что и у других тоже их нет. Но память, может быть, что-нибудь и подскажет.

Постараюсь припомнить и положительное. Хотя почему-то в очень редких случаях работа с редактором (даже с хорошим) оставляет в памяти следы светлые. Наоборот, вспоминаются всякие казусы, помехи, обиды, поправки, которые не пошли на пользу дела. Объясняется это не только неблагодарностью авторской, но и тем, вероятно, что ведь и хороший редактор выражает не только свое мнение, а зависит от начальства, от цензора, от критики. Пожалуй, только работа над «Республикой Шкид» и над «Часами» (с Вами) не оставила в моей памяти никаких уколов.

Заведу тетрадку и буду записывать в нее все, что вспомнится, — и хорошее, и плохое, и анекдотическое.

PS. Когда я Вам писал последний раз, статьи Щеглова я еще не прочел. Конечно, статья прекрасная. В ней есть одно качество — надеюсь, не придуманное мною. Впечатление, что автор знал, чувствовал, что скоро уйдет от нас, что он уже одной ногой там, где нет ни союза писателей, ни «Литературной газеты», ни врагов, ни друзей, ни обиженных самолюбий... Статья написана без малейшей оглядки — так, словно писал ее человек, живущий в 2000-м году. Необыкновенное чувство историчности, объективности, чудесное сочетание страстности и беспристрастия.

А к Вам у меня тоже есть претензия. Почему Вы, похвалив хорошие по тенденции, но вычурные, придуманные рассказы Нагибина, оставили без внимания по-настоящему хороший рассказ Николая Жданова?[2] Меня этот рассказ порадовал еще и как свидетельство того, что может послать даже не очень громкий талант, когда он себя раскрепощает. Между прочим, рассказ «Маринка», который Вы так часто поминаете добрым словом, был написан мною при обстоятельствах, когда я всерьез считал, что наступило время «когда все можно».

[1] В письме к С. Н. Сергееву-Ценскому от 17 марта 1927 г. Горький пишет: «Не попадалась ли в руки Вам книга “Республика Шкид” — прочитайте! “Шкид — Школа имени Достоевского для трудновоспитуемых” — в Петрограде. Авторы книги — воспитанники этой школы, бывшие воришки, одному 18, другому — 19 лет. Но это — не вундеркинды, а удивительные ребята, сумевшие написать преоригинальную книгу, живую, веселую, жуткую. Фигуру заведующего школой они изобразили монументально. Не преувеличиваю».

И в другом письме другому адресату: «Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле». Цит. по: *М. Горький.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. 1927—1936. М.: ГИХЛ, 1966. С. 13, 17.

[2] Речь идет о рассказе Н. Г. Жданова «Поездка на родину» («Литературная Москва». Сб. 2. М., 1956).

74. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/II 57

Дорогой Алексей Иванович! Спасибо, спасибо Вам за цитату, за раскопки, за сведения о Белыхе. Боюсь, что отняла у Вас слишком много времени. Спасибо за обещанные воспоминания об удачах и промахах редакторов. Вы правы — редко о редактировании вспоминаешь с радостью. Я думаю, это оттого, что самый вдумчивый и толковый редактор все-таки трогает руками внутренности — и прав он или нет — это больно. Чем выше, крупнее, искреннее писатель, тем каждое прикосновение ему больнее. Даже необходимое... И я думаю, что главная задача редактора — угадывательная, разведывательная и организационная. Житков у себя в Дневнике рассказывает не только о первой встрече своей с С. Я., но и об одной из последующих. Маршак сказал ему:

— Вот вы инженер, так увлекательно говорите о технике — попробуйте написать не беллетристическую книгу, а техническую для ребят.

— Не выйдет у меня! — сказал Житков.

— Выйдет, выйдет непременно, я уверен.

Передаю реплики по памяти, за точность слов не ручаюсь, а за смысл ручаюсь... Вот эта «угадка» — это «выйдет, выйдет» — вот это и есть дело редактора. Главное. А остальное все от лукавого (этого я в книге не напишу!). Редактор еще может быть полезен автору, отвечая по совести на его вопросы: удалось, не удалось? горячо? холодно?

Ну, все это — сложная история...

Цитата из Макаренко забавная. Дорогой Антон Семенович смотрит на всякую книгу как на трактат — или поэму — о педагогике. Вообще в некоторых своих высказываниях он удивительно антиартистичен. «Республика» же не рассказ об удачном или неудачном педагогическом методе, а книга о трудном времени, о трудных — и иногда прекрасных — человеческих судьбах.

Теперь о Жданове. Вы правы — рассказ сильный, гораздо сильнее нагибинских и в хорошей русской классической традиции. Я не упомянула о нем в первом своем письме только потому, что тогда еще не прочла его (кинулась на статьи и стихи). Прочитала третьего дня. (Читать мне мешает корректура 35-листной книги Н. Ивантер[1]. Верстка — и т. к. гранок не было, то работа мучительнейшая.) До сих пор не прочла Каверина, Погодина (не тянет!), Дороша, Босняцкого[2] (нету времени).

В «Московской Правде» появилась статья Т. Трифоновой о «Лит. Москве»[3]. Глупая и бездарная, хотя и не погромная статья. Меня хвалит, Яшина и Жданова побранивает, о Кроне пишет: сумбур. Нашла сумбур! Ясно, прямо, как стрела.

Щеглова хвалит. (Теперь он умер и безопасен; а когда жив был, дамы-критикессы не пускали его в Союз...) Вы удивительно точно написали о Щеглове. Именно так: сочетание страстности и беспристрастия... Я видела его один раз. Калека, карлик с прекрасной головой; лицо открытое и в то же время очень застенчивое, даже смущенное.

PS. А Вы читали в № 7 «Театра» за 1956 г. статью Аникста?[4] Тоже прелюбопытная статейка. Я только теперь прочитала.

PPS. Что делается в здешнем Детгизе по поводу моей статьи — этого пером не описать! Травят того единственного редактора, который при обсуждении в Союзе выступил в защиту статьи. Обо мне публично говорят, что я нигилистка, что я против партийного руководства литературой (!?!?), что я ненавижу Гайдара (?), что я преследую Тушкана за то, что он написал патриотическую книгу, и пр., и т. п. В Детгизе по поводу моей статьи дважды было собрание по 6 часов каждое; меня клеймили Пискунов, Морозова и Максимова. В стенной газете висит статья Томана, объясняющая, что не только Тушкан описывает кровавые стычки, но и Пушкин и Лев Толстой... Статья занимает ¾ газеты.

[1] Речь идет о книге Нины Абрамовны Ивантер «Жил-был мальчик» (М.: Мол. гвардия, 1957).

[2] Во втором сборнике «Литературной Москвы» напечатаны: роман В. Каверина «Поиски и надежды»; драма Н. Погодина «Сонет Петрарки»; «Деревенский дневник» Е. Дороша и «Жизнь в рассрочку» Евг. Босняцкого и Алексея Коробицина.

[3] Статья Т. Трифоновой так и называлась «Литературная Москва». Травля альманаха только начиналась. Автор дает оценку каждому произведению. О «Рычагах»

Яшина пишет, что рассказ «очень слабый художественно, не создающий сколько-нибудь выразительных образов и приводящий вольно или невольно к глубоко ошибочным выводам». В конце Трифонова отмечает, «что редколлегия, состоящая из квалифицированных литераторов, не всегда проявляла необходимую требовательность. Надо пожелать московским писателям, чтоб в дальнейшей своей работе они более взыскательно относились к каждому произведению, которое будет включено в следующие сборники “Литературная Москва”» («Московская правда». 1957. 10 февр. С. 3—4).

[4] Статья А. Аникста «Как стать Бернардом Шоу. (Вместо юбилейной статьи)» выдержана в шутливом тоне. Подавая советы драматургам, автор пишет:

«Да, есть люди, которые думают, что у нас не бывает болезней, страданий, катастроф. По их мнению, есть только отдельные недостатки.

Очень утешительная позиция, — до тех пор пока вы сами не заболели, сами не лишились того, что вам дороже всего, не попали в катастрофу. Надеюсь, сейчас уже мало кто думает, что у нас не может быть исковерканных жизней, невинно пострадавших, что справедливость торжествует сама собой, что вашей правоты достаточно для победы над неправым» (с. 129).

75. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/II 57

Дорогой Алексей Иванович.

Я взяла 7 том сочинений Макаренко. Там напечатана статья «Детство и литература», из которой Вы прислали мне цитату. Но... «как изменилася Татьяна»...[1] От этого листа остались только рожки да ножки... Вот почему, давно, читая этот том, я не могла ни в статьях, ни в письмах найти рассуждений А. С. о «Шкиде»! Вы же обратились к подлиннику.

Еще раз спасибо! Жму руку

[1] Строка из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Глава восьмая, XXVIII.

76. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 14.III.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно не писал Вам — погряз в делах и заботах. И от Вас тоже давно не было весточки.

Обещанную тетрадку для заметок о редактуре я завел, кое-что записал уже. Заняться же этим делом, как говорится, вплот-

ную — не могу, времени не хватает. Сейчас особенно запариваюсь. На носу — неделя детской книги, а там — запоздалый юбилей Ленинграда. Во всем этом надо принимать участие. Ведь из меня на старости лет пытаются сделать деятеля областного масштаба.

Интересует меня, как прошло обсуждение доклада Еремина у вас в Союзе и почему не появился в «Литгазете» обещанный отчет об этом собрании?[1] Что вообще происходит в сферах?

У нас дома благополучно.

Машка растет. Ползает уже, как ящерица.

PS. После того как появилась в «Литгазете» статья о второй «Литературной Москве»[2], я заставил себя прочитать все, что напечатано в сборнике. Как и следовало ожидать, в статье «все наоборот». Все, что хвалят, начиная с Каверина и кончая Долматовским, — намного хуже того, что подверглось обстрелу. Но очерк Еф. Дороша «Деревенский дневник» — очень хорош. Если бы не было рядом Жданова, Нагибина и пр. — ему тоже попало бы. За одну кукурузу голову снесли бы.

Гражданственность этих записок — настоящая, не липовая, не казенная.

[1] 5—6 марта на пленуме правления Московской писательской организации с докладом «О некоторых проблемах развития прозы» выступил Д. Еремин. На пленуме завязались длительные споры о «Литературной Москве» и о статье Д. Еремина, напечатанной 5 марта в «Лит. газете». В этой двухподвальной статье «Заметки о сборнике “Литературная Москва”» Еремин подверг резкой критике статью И. Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой», стихи С. Боброва, Н. Заболоцкого, Я. Акима и др., а также рассказы Ю. Нагибина, Н. Жданова и А. Яшина («Рычаги»).

Еремин писал об альманахе: «Это — тенденция нигилизма, одностороннего критицизма в оценках и в отношении ко многим коренным явлениям и закономерностям нашей жизни. Они, эти произведения — издержки, а не завоевания нашей литературы на ее едином с партией и народом трудном и сложном, но победоносном героическом пути».

Альманах «Литературная Москва» защищал от нападок Еремина В. Каверин. Его поддержали в своих выступлениях Л. Чуковская, Л. Кабо, М. Алигер, С. Кирсанов и А. Турков. Л. Чуковская сказала: «Статья Дм. Еремина написана по такому методу, который нельзя назвать иначе, как методом произвольного цитирования... О стихах Н. Заболоцкого автор статьи пишет: “Каждое из них само по себе имеет право на существование”. Сказать так о стихах одного из крупных советских поэтов, многие лучшие стихи которого напечатаны уже не только на бумаге, но и в сердцах читателей, стихи которого наверняка войдут в хрестоматию, — как это неловко! какое в этом барское пренебрежение, какое печальное непонимание масштаба того явления искусства, о котором ведется речь!» («Московский литератор». 1957. 15 марта. С. 2).

Еремин не только обличал «Литературную Москву». Позже, в дни процесса А. Синявского и Ю. Даниэля, он написал о подсудимых разгромную статью «Перевертыши» («Известия». 1966. 13 янв.).

[2] Большая редакционная статья на двух полосах «Подводя итоги» появилась в «Лит. газете» 19 марта 1957 г. (с. 1—3).

77. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/III 57

Дорогой друг, спасибо за память. Посылаю Вам отчет о пленуме, более точный, чем в «Лит. Газете»[1]. Мне тут не повезло: бегло и не с теми ударениями изложена 30-минутная речь, имевшая шумный успех[2]. Но все-таки и тут есть кроха истины — а в «Лит. Газете» обо мне ни крохи. Здесь хороши Турков, Фрида, Кабо, Каверин, Алигер, и вообще можно понять, что было. Прилежаиху прогнали с трибуны: это подлая дура осмелилась рассуждать о том, кого из писателей повесили бы и кого не повесили бы американцы, если бы пришли в Москву... Как Вам это понравится? Зал кричал, свистел и топал... Поэтому «Лит. Газета» сообщила, будто в зале были посторонние — в то время, как впускали только по билетам Союза...

Постыдно выступили: Серебрякова, Симонов.

На этом пока кончу: ночь, а еще не кончила работать, и пора спать.

Над книгой я еще не работаю, и потому, дорогой Алексей Иванович, не торопитесь с записями, а то мне совестно, что Вас, занятого и усталого, я еще чем-то загрузила.

Привет Евгению Львовичу — и благодарность — он хорошо написал о К. И.[3], особенно в первой половине статьи.

[1] Л. К. послала номер «Московского литератора» (1957. 15 марта), посвященный пленуму, где более подробно, чем в «Лит. газете», приводились выступления участников дискуссии (см. примеч. 1 к письму **76**).

[2] 6 марта 1957 г. Л. К. записывает в дневнике:

«...утром прочла в литературке гнусную статью Еремина о “Лит. Москве” и решила идти. Меня возмутило его обращение со стихами.

Доклад был бездарен, нуден, скучен, беззуб. Но в перерыве я встретила Алигер.

— Вы читали статью? — спросила она.

— Да. Я его убью, — сказала я.

Она махнула рукой: “Ведь это слова”.

Сердце колотилось, руки дрожали, но это было уже физическое волнение, не душевное.

Я начала — и сразу почувствовала, как горячо слушает зал.

Аплодировали, кричали “верно”, после всякого абзаца, иногда после каждой фразы. Часто аплодировал президиум. Первая половина речи — о стихах Нейман и Акима, о Цветаевой, об Эренбурге, о непристойности Рябова — прошла точно, бурно и счастливо. Вторая — хуже. О “Рычагах” и о рассказе Н. Жданова» (рукопись дневника, запись 6 марта 1957 г.).

[3] *Е. Шварц.* Некомнатный человек // Нева. 1957. № 3.

78. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
24.IV.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Без вины виноват перед Вами. Только сегодня, с чудовищным опозданием, я смог исполнить Ваше поручение: отправил Гершу Исааковичу[1] номер «Московского литератора»[2]. Газету у меня взяли Рахмановы, от них она пошла по рукам — да так, что долгое время и концов ее было не сыскать. Вчера вечером я получил ее наконец от Б. М. Эйхенбаума — зачитанную, дырявую, склеенную во многих местах папиросной бумагой.

Вот причина — почему я не писал Вам.

А вы могли подумать, что, завязав переписку с Корнеем Ивановичем, я забыл младших членов семьи Чуковских. Нет, сударыня!..

Перед Корнеем Ивановичем я тоже чувствую себя — не то чтобы виноватым, а как-то очень неловко.

К. И. просил меня «дать ему материал» для статьи обо мне, которую он собирается печатать в расширенном и исправленном виде. Просил не откладывать этого дела в долгий ящик. А я, написав за месяц три письма Корнею Ивановичу, на ЭТУ тему ничего путного сказать не мог. Не знаю, в чем тут дело, но о себе как-то не пишется, не выговаривается. Если бы требовалось «дать материал» — о Грише Белых, скажем, — было бы проще.

Это не от скромности, а, пожалуй, наоборот — хвалиться-то ведь мне особенно нечем. Надо объяснить, почему я так мало в сущности сделал за 30 лет своего пребывания в литературе. Ответ на этот, больной для меня, вопрос откладываешь, а со стороны это выглядит, вероятно, кокетством и ломаньем. Вот и чувствуешь себя неловко.

На прошлой неделе я получил письмо из Москвы, из Прокуратуры РСФСР. Президиум Верховного Суда *полностью реабилитировал* (за «отсутствием в его действиях состава преступления») Гришу Белых. А дня два спустя пришло письмо из спецчасти Леноблсуда (т. е. из той инстанции, которая загубила Белых): просят меня сообщить «местожительство т. Белых».

Я ответил!

Сегодня в «Ленинградской правде» напечатаны — на трех полосах — *тезисы* «о 250-летии Ленинграда». В этом документе к сонму великих, прославивших наш город, причислены (кроме Пушкина, Лермонтова, Гоголя) также Н. Тихонов, В. Саянов, В. Кочетов, В. Соловьев-Седой, В. Серов.

Зато ни Маршака, ни Чуковского, ни Шостаковича, ни даже Алексея Толстого или Константина Федина там нет.

Недаром, значит, мы четыре года откладывали празднование юбилея!

[1] Егудину.
[2] См. примеч. 1 к письму 77.

79. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2 мая 57

Дорогой Алексей Иванович.

Вы расспрашиваете о моей жизни. Сейчас она трудновата. Я опаздываю со статьей о забытых книгах. Написала вчерне 10 глав: «Республика», «Белогвардеец» и пр. Белыха, три повести Будогоской, «Чин» Рахтанова, Шорин, детский Зощенко, Хармс, Введенский, Владимиров, Тэкки, Безбородов, Бронштейн. Получается не 2 листа, как заказано, а пять, и все сроки уже пропущены, и конца не видно. А если она не выйдет к 40-летию — не выйдет вообще... Пишу, пишу, пишу. Непременно пришлю Вам и Шуре, когда кончу. Пока что меня не покидает чувство неудачи — тускло, длинно, какая-то бесформенная цепь рецензий. Основной мысли нет, а если есть — ее нельзя выводить наружу...

Весть о Белыхе и радостна и горька, как все такие вести. Поздравляю Вас. Теперь в Союз — и добиться бы переиздания!

Митиной реабилитации жду на днях. Тогда попробую переиздать книги.

Послала Вам недавно однотомник Житкова[1]. Получили? Книга издана без любви — нет рисунков, шрифт густой — но и то счастье. Если бы «Вавича»...[2] Пробую интриговать, но пока безуспешно.

[1] *Борис Житков.* Избранное. М.: Детгиз, 1957. Книга вышла со вступительной статьей Лидии Чуковской «Творчество Бориса Житкова». Л. К. считала эту статью наиболее удачной из того, что она писала о Житкове.

[2] О «Вавиче» см. примеч. 2 к письму **29**.

80. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
19 мая 1957

Дорогая Лидия Корнеевна!

Давно не писал Вам.

Написал я недавно большое письмо Корнею Ивановичу, отправил его и тут же пожалел, что сделал это. Во-первых, о судьбе своего поколения в письме не расскажешь, о многом другом — тоже. Так к чему же этот задавленный «крик души»? Ненавижу всяческую истерию, а свою собственную — особенно.

Спасибо Вам за обещание прислать статью «Как автомобиль учился ходить». Жду с нетерпением. Я понимаю, как трудно писать эту статью, и боюсь, что мешает Вам еще, кроме всего, — судьбы этих *«забытых»* авторов. Т. е. закон, по которому о покойниках не говорят плохо. Впрочем, может быть, и не мешает?

В частности, мне очень интересно, чтó Вы написали о Зощенке. Вы знаете, как я отношусь к Михаилу Михайловичу, но к «детским» рассказам его отношение у меня очень осторожное. Даже лучшие рассказы его всегда требовали редактуры, поправок и подсказок. В свое время, когда Михаил Михайлович еще не был так жестоко и несправедливо обижен, я собирался даже писать статью о «детском Зощенко». В 1946 г., работая в «Дружных ребятах», — после бессонной ночи и долгих размышлений, я вернул Михаилу Михайловичу его «Обезьянку» и еще один рассказ — не потому, конечно, что они мне показались сомнительными политически, а потому просто, что рассказы были — слабые и пустые.

На днях я оказался в положении еще более трудном. Редакция «Костра» дала мне на рецензию «фестивальный», заказной

рассказ Зощенки. Это — совершенный сумбур, жалкое и наивное приспособленчество, в котором даже пародийных ноток не сыщешь. Как я должен был поступить? Рассказа не отверг, попробовал подсказать, чтó нужно сделать, и порекомендовал Григорьеву просить Михаила Михайловича вернуться к старым темам — к «Рассказам о Ленине» (многие из которых по-настоящему хороши) и к «Рассказам о Миньке и Лельке» (которые, наоборот, не всегда хороши — их портили или крайний педагогический нигилизм, или — другая крайность — наивный, почти пародийный, дидактизм).

Недавно я взял у Александры Иосифовны и перечитал «Дом веселых нищих» Белых. Очень хорошая книга. Только под конец автор душой начинает немножко кривить.

Прочел я и другую забытую книгу — «Ташкент город хлебный»[1]. Читал впервые. В молодости не пробовал читать ее, вероятно, из высокомерия: что, мол, может написать о беспризорниках человек, сам не понюхавший пороха? А ведь книга необыкновенная. Одна из лучших в советской литературе.

Вы спрашиваете, почему я не подарил Вам «Леньку Пантелеева»? Разве я не послал Вам в свое время сборник «Повести и рассказы»? Или Вы имеете в виду отдельное издание, вышедшее в «Сов. писателе»? Но ведь там ничего нового, если не считать огромного количества опечаток! А кроме того, и при желании я не мог бы послать Вам эту книгу. В издательстве я получил всего два экземпляра — один из них подарил Корнею Ивановичу, другой — поставил на полку. Купить же книгу я опоздал, — взрослые читатели раскупили ее (в Ленинграде, во всяком случае) с быстротой, которая меня, откровенно говоря, удивила. Обещали достать в типографии, но и там экземпляров не нашлось.

В июне «Ленька» должен выйти в Ленинграде, вместе с «Часами» и «Пакетом». Первый экземпляр, который я получу, будет послан Вам.

«Республику Шкид» Чевычелов обещает издать в 1958 году. Раньше обещал, имел возможность (и право, т. к. Белых до реабилитации считался амнистированным и запрет на книге уже не лежал) выпустить книгу в этом году, но — тянет и волынит, надеясь в глубине души, что произойдут какие-нибудь события, которые избавят его от этой навязанной ему необходимости.

Но я и сам виноват. Для меня каждый звонок и каждый визит к этой ракалии — настоящая пытка. Легче десять раз к зубодеру сходить. Да и вообще напоминать и теребить я не очень умею.

[1] Автор — Александр Сергеевич Неверов.

81. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.V.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

К сожалению, я не могу ответить на Ваш вопрос, когда возникла Школа Достоевского. Для этого мне следует предпринять кое-какие розыски. Боюсь, что основание школы относится не 18-му и не к 19-му, а к 20-му или даже к 21-му году.

Если Вам это очень нужно, попробую разыскать Викниксора[1] (года три назад М. Л. Слонимский, его ученик по гимназии, говорил мне, что видел его на каком-то литературном вечере).

Дайте мне знать срочно — нужно ли это.

[1] Виктор Николаевич Сорока-Росинский, директор Школы им. Достоевского и персонаж «Республики ШКИД».

82. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/V 57

Дорогой Алексей Иванович. Я получила и большое Ваше письмо и маленькое — ответ на мой вопрос о годе возникновения Шкиды. Ни на что не могла отвечать до сего дня, т. к. писала, писала, писала, кончала как прóклятая. Теперь — кончила! Конечно, это всего только условность: многое еще предстоит мне там менять и доделывать, но все-таки на душе уже легче, словно нарыв прорвался, не «дергает»... Вчера я отвезла 2 экземпляра в Дом Детской Книги и теперь жду.

Мне кажется, что многое растянуто, напр. Шкида. Не вышел, не удался мне Белых, хотя я очень старалась. Как-то композиционно попал он у меня на такое место статьи (после Шкиды), где ритмически разговор уже идет к концу, нельзя ни характеризовать, ни пересказывать больше... Ну, да Вы сами увидите.

Куда послать Вам рукопись — если я решусь — в город или на дачу?

Я пошлю непременно, дорогой друг, только позднее немного, когда — дней через 5 — попробую сделать другой вариант начала. Менее громоздкий.

Признаюсь, тяжело мне было кончать статью... Жара ли (30^0!) или что другое, но мне показалось, что незачем мучиться, что все не имеет смысла; к чему писать, если написанное останется в столе? Но я себя переломила. Свою обедню все равно отстоять надо. А там — там видно будет. У меня есть заклинания, которые мне всегда помогают:

«Дорогу одолевает идущий».

«Нужно каждый день работать в своем саду»

и

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену[1].

Последние 4 строки ко мне отношения не имеют, но все равно помогают мне.

Теперь по существу Вашего письма.

Некоторое несогласие в оценках между нами существует.

«Дом веселых нищих» — книга талантливого писателя, человека, знающего то, о чем он пишет, знающего жизнь. Но книга мне не очень по душе; в ней чувствуется некая схема.

Этого я в статье не пишу (я вообще книгу эту не разбираю, только называю ее, как хорошую).

(Моя статья — не критическая. Ее цель — показать, в чем прелесть книг, которые необходимо воскресить. В чем их право на существование.)

О Зощенко. У меня была статья о детском Зощенко в 41 г. Ее принял журнал «Детская Литература» и *потерял.* А потом — война

и все замоталось... Теперь я для главы о Зощенке использовала отчасти эту старую статью... Многие детские рассказы Зощенко мне *не* нравятся: те, которые *просто* смешат, без морали («Умная Тамара», «Показательный ребенок»). А рассказы о Ленине и рассказы о Миньке и Лельке (почти все) я очень люблю, ставлю высоко и так о них и написала: «Галоши и мороженое», «Не надо врать», «Через 30 лет».

Пожалуйста, не тратьте времени на изыскания по поводу года открытия Шкиды. Мне это надо мельком, могу и без этого обойтись... Судя по упоминаемым в книге и в рассказах событиям, она должна была существовать уже в 19 году: Вы описываете наступление Юденича, взятие Стрельны, куда Шкида ездила на дачу — а ведь все это было либо осенью 1918 г. (первое наступление), либо весною 1919 г. (второе). Так что я буду писать — «1919».

9 мая полностью реабилитирован Матвей Петрович.

[1] Строфы из стихотворения Бориса Пастернака «Ночь».

83. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив,
19-го июля 1957 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

В конце июня я приезжал на один день — от поезда до поезда — в Москву — на Мосфильм. Было у меня днем свободных полтора часа, я несколько раз звонил Вам, но у Вас телефон не откликался.

Киношные мои дела отвратительны. В свое время я Вас осуждал за преждевременное, как мне тогда казалось, отступление с «Лейтенантом Шмидтом». Теперь я вижу, что Вы поступили не просто умно, но воистину мудро.

Мало того, что мой сценарий безбожно искалечен режиссером, теперь, когда фильм готов[1] и, как пишут, вытягивает на четверку с минусом — в него забивает последний гвоздь кинематографический Главный[2].

Есть в картине такая ситуация. Разболтанный паренек, безнадзорный, чтобы заплатить долг чести, идет на «преступление» — продает у входа в кино старые билеты.

Вырезать! Выкинуть! Где автор это видел? И никто не думает о том, что, не говоря уже о ханжестве и глупости такого требования, — выключение этого звена распустит весь сюжет, как разрыв одной петельки распускает вязанье.

И все в этом роде. Фильм, видите ли, собирались показывать в дни международного фестиваля; нехорошо, если зарубежная молодежь узнает, что у нас есть плохие мальчики. А о том, что эти мальчики — и другие, почище, — могут показать себя в дни фестиваля — не на экране, а в жизни, в трамваях, в автобусах, на стадионах, — о том, сколько кошельков с пенсами, гульденами, кронами, шиллингами и рупиями перекочуют из карманов гостей в карманы советских мальчиков, — обо всем этом тоже вряд ли кто-нибудь задумывается.

Опять удушливо запахло лаком.

Редактор мой, И. Г. Ростовцев, пишет, что на днях в одном фильме Главный предложил вырезать кадр, где во дворе южного советского города сушится белье.

Где это автор и постановщик видели?!

Душно!

[1] Речь идет о картине: «Они встретились в пути». О ней см. также письмо **66**.

[2] Упомянут директор киностудии Мосфильм, председатель Союза кинематографистов И. А. Пырьев.

84. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/VII 57

Дорогой Алексей Иванович.

«Пионер» заставил меня написать о Житкове для сентябрьского номера (75-летие Житкова). Я принялась со скукой, а потом немного разыгралась. Писала 3 недели, написала 15 страниц, из коих половина — цитаты.

Жара грозит мне полным слабоумием (не говоря уж об инфаркте). Тропики не для белого человека. Я мучаюсь очень.

Моя статья о забытых книгах (которая, по-видимому, нигде не будет напечатана) все еще не попала к Вам, потому что лежит

у С. Я. Он взял ее прочесть — что мне очень важно, вдвойне важно, т. к. речь идет о ленинградских книгах — и не читает и не отдает... Забрать? Не забрать? Подожду немного.

Кто такой, не скажете ли, С. П. Варшавский? Он прислал мне очень любезное письмо от имени какого-то Ленинградского сборника, выпускаемого «Сов. Писателем» к 40-летию. Я послала несколько глав из статьи, но не очень надеюсь.

То, что Вы пишете о надругательстве над Вашим сценарием, огорчает меня сильно. Этого, конечно, следовало ожидать — но, ожидая плохого и готовясь к нему, все-таки втайне надеешься: а вдруг не будет его, будет хорошее? Поймут, сообразят, увидят? Нет. Даже беря в руки дурно пахнущую «Литературную Газету», я все надеюсь: а вдруг? вдруг в ней заговорит совесть? Но нет. Борис Соловьев. Алексеев. Кремлев. Софронов... Все ниже, все грязнее. У Герцена есть статья «Логика падения».

Кстати о логике. Никто из вышеназванных меня еще не обругал (в газете; в Союзе ругали), и это кажется мне нелогичным и даже, я бы сказала, подозрительным.

Борис Соловьев получил квартиру из трех комнат. Но, судя по последней статье, она ему мала. Хочет пятикомнатную.

Вл. Огнев должен был получить (у него совсем худо), но — отказали. Он пошел в Союз выяснять, как и что. «Взгляды надо менять, т. Огнев». — сказал ему Василий Смирнов.

Люблю ясность! Представьте себе пьесу (не софроновскую!), в которой герой вывешивает объявление: «меняю взгляды на квартиру».

Но не надо лучше о «Лит. Газете» и Союзе.

Сейчас вечер. На улице — пробная, предфестивальная иллюминация[1]. Летят по фасаду телеграфа электрические белые голуби. Трещит аппарат: киносъемка. Гуськом, один за другим, идут сквозь толпу автобусы. Из окон — машущие руки. Мальчишки подпрыгивают и пожимают руки на бегу, один повис, ухватившись за окно. Толпа все растет. Разглядеть лица я не могу, но крики — Мир! — на разных языках слышу. Сейчас едут немцы.

[1] 28 июля 1957 г. в Москве открылся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

85. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив,
4.IX.57 г.

Дорогая Лидочка! Сейчас перечитал Ваше последнее письмо и — ужаснулся. Вы пишете: жара лютая... тропики... мучаюсь... А у меня под окном во тьме осенней ночи шумят березы, стучит дождь, стонут на опустевшей соседней даче ставни, сопит под столом раскрасневшаяся электрическая плитка.

Вот как долго я не отвечал на Ваше письмо!.. Дачная жизнь сама по себе пытка, а тут еще все мы по очереди хворали.

Но теперь и Вам придется передо мной оправдаться! Обещали приехать и не приехали. Обещали прислать статью и не прислали.

А что слышно с Вашей статьей? Прочел ли ее наконец С. Я.? Понравилась она ему? Все-таки очень хотелось бы и мне познакомиться с этой Вашей работой.

Вы спрашиваете, не знаю ли я, кто такой С. П. Варшавский? Знаю очень поверхностно, однако, пожалуй, несколько больше, чем другие. Вообще-то он — критик, но статей его в печати я не видел уже много лет. Говорили, что он подвизается как подпольный букинист. И действительно, я не один раз встречал его среди той благородно-маклаческой публики, которая с утра до ночи толпится возле книжных прилавков и у дверей у книжных магазинов.

Лет 10 тому назад, сидя как-то в парикмахерской, я услышал по радио передачу моего рассказа «Гвардии рядовой». Когда передача кончилась, диктор, не упомянув моей фамилии, объявил: «Автор композиции — Сергей Варшавский».

Выходит, что Варшавский еще и — композитор.

Но через несколько лет он открылся мне, так сказать, и еще с одной стороны.

В 1954 г., когда я отбывал свой срок в Соловьевской больнице, под конец моего пребывания там, появилась у нас, среди прочих антиков и уникумов, некая забавная личность.

Человеку этому было много за 50, но вид у него был какой-то шкетский, шпанский. Даже седой чубик свой он закручивал на тот манер, каким закручивали свои чубы фартовые шпаргонцы начала 20-х годов. И все ужимки у него были совершенно

хулиганские. Играя на биллиарде, он как-то по-петушиному поджимал ногу, гримасничал, матерщинничал, щеголевато сплевывал сквозь зубы.

Помещался этот шут гороховый в «кремлевской» или в «спец»-палате, т. е. в той маленькой, на две или на три койки, палате, куда имели доступ только самые заслуженные именитые представители нашего общества.

Мне сказали, что человек этот — работник безопасности, страдает жестокой бессонницей, пытался вешаться на этой почве.

Однажды после ужина этот человек подошел ко мне и спросил:

— Вы ведь из Ленинграда?

— Да.

— А вы не знаете там такого Варшавского? Он тоже чего-то там пишет. По вашей линии, одним словом.

— Сергей Петрович?

— Во-во! Знаете, значит?

Я сказал, что немножко знаю.

— Это ведь — мой крестник.

Вспомнив, что Варшавский — еврей, во-первых, а во-вторых, сообразив, что «крестный» и «крестник» люди приблизительно одного возраста, я посмотрел на своего собеседника с удивлением — конечно, с удивлением умеренным, — ибо оба мы как-никак находились в сумасшедшем доме. Но собеседник мой, вероятно, заметил недоуменное выражение на моем лице.

— Я его когда-то арестовывал, — деликатно пояснил он.

Вернувшись в Ленинград и встретив как-то Варшавского, я не удержался и рассказал ему о моем знакомстве с его «крестным отцом». Грузный и даже величественный Варшавский, помню, страшно смутился, покраснел и пробормотал:

— Да, да... как же... помню... Очень, вы знаете, славный человек. Только, кажется, пил много...

Я не стал его расспрашивать, что и как. Судьба, как в старой хорошей новелле, помогла мне узнать, при каких обстоятельствах познакомились эти люди. Когда разбиралось дело Белых, мне привелось встретиться в одном учреждении с двумя очень славными молодыми следователями. Они рассказали мне много страшного, гадкого, назвали имена некоторых людей, реабилитацией которых они тогда занимались. Упомянули, среди прочих, имя Варшавского. Я спросил, за что и когда он был арестован.

— Э, пустяковое дело. Мальчишкой, гимназистом посещал клуб им. Герцена, в Одессе. А там анархисты подвизались. Так человека всю жизнь за это мурыжили.

Вот все, что я знаю и что могу сообщить Вам о С. П. Варшавском. О том, что человек этот работает в редколлегии какого-то сборника, мне не было известно. Но, может, после реабилитации его «привлекли», и он, действительно, что-то где-то делает.

Ответил ли Вам Варшавский? Печатают ли Вашу статью? Над чем Вы работаете сейчас?

На днях я получил книгу Н. А. Ивантер[1]. Спасибо и Вам, и ей за добрые надписи. Читать книгу я еще не начинал. Буду читать, как только слегка разгружусь от тех залежей чужих рукописей, которыми завалили меня и «Костер», и издательства, и начинающие писатели-единоличники.

За последние три недели я прочитал, кажется, только одну книгу: «10 дней, которые потрясли мир»[2]. Перечитывали? Книга и сама по себе хороша, а переизданная через 27 лет она производит впечатление взрыва. Особенно если попробовать читать ее глазами 30—25-летнего человека.

Мне писали Вера Васильевна и Ваня, что Вы познакомились со статьей Сарнова обо мне и что ваши мнения об этой рукописи разошлись, т. е. что Вы отнеслись к ней лучше, чем они. Пишут: «вероятно, Лида писала Вам»... Что же он сочинил, этот молодой человек? Признаться, я не думаю, чтобы он мог хорошо понимать обо мне в нынешних условиях. Его, если не ошибаюсь, интересовал вопрос не о том, что и как я написал, а о том — чего и почему я НЕ написал. Впрочем, я конечно, ничего не знаю — впечатления о себе этот человек оставил самые смутные и беглые.

Что в Москве? И что в «Москве»? Говорят, что сняли Атарова[3]. Правда? Меня это огорчает — и вот еще почему. Месяца полтора тому назад я получил от него письмо, где, между прочим, он писал, что, по Вашему совету, собирается печатать в журнале главу из «Республики Шкид». На письмо его я не ответил. Но сейчас, когда до меня дошли слухи, что Атаров уже не редактор, я ОЧЕНЬ пожалел, что не ответил ему. Попросту говоря, мне стало стыдно. Писать уже поздно, но если Вам доведется с Атаровым встретиться — передайте ему, пожалуйста, что я хворал и не мог написать ему. И передайте привет от меня.

[1] О книге Н. И. Ивантер см. примеч. 1 к письму **74**.

[2] Упомянута книга американского коммуниста, журналиста Джона Рида (1887—1920). Книга впервые опубликована в 1919 г.

[3] Николай Сергеевич Атаров — главный редактор журнала «Москва».

86. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5 сентября 1957. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович, одновременно посылаю Вам заказной бандеролью свою статью. Она пролежала у С. Я. 1 ½ месяца, и он так и не прочел ее. Воспользовавшись тем, что он уехал в Англию, я ее забрала.

Дорогой друг, я сознаю вполне, что глава о «Республике» — самая слабая в моей статье. Не удалась, хотя я старалась очень.

Пожалуйста, прочтите, напишите мне — а статью (положив в папку!) отдайте Александре Иосифовне... Жду с трепетом.

[1] Датируется по п/шт.

87. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив, 9.IX.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Долгожданную статью Вашу получил и прочел тотчас же. Читать было некогда, над головой висели всякие срочные дела и обязанности. Читая, мысленно ставил себе вехи: вот дочитаю еще одну главу, еще об одной книге, и остановлюсь, отложу. Однако не вышло: дочитываешь и тянет читать дальше. Так и проглотил залпом все 120 страниц.

Может быть, это потому, что речь идет об очень знакомых книгах и о людях, которые в большинстве своем были тебе близки? Думаю, что не в этом дело. Просто статья хорошая, написана рукой, не умеющей писать скучно, хотя назвать ее лучшей Вашей работой я тоже не решился бы. Статью отяжеляет, мне кажется, обилие цитат. Только здесь (на цитатах) иногда и спотыкаешься, уже не бежишь по строчкам, а перешагиваешь через них.

Не согласен я (об этом Вы уже знаете) с Вашей оценкой «моральных» рассказов М. М. Зощенко. Ваши комментарии к цита-

те на стр. 76 (где говорится о том, что злые чахнут и хворают нервной экземой, а добрые живут крайне долго и отличаются хорошим здоровьем) не кажутся мне убедительными. Что *трогательного* нашли Вы в этих рассуждениях, довольно грубо пародирующих «мораль» хрестоматийно-дидактических рассказов? Ведь до маленького читателя этот пародийный оттенок не дойдет, — в лучшем случае (если он уже не такой маленький), он почувствует издевку над всякой моралью вообще. В том-то и беда, что Зощенко как будто стыдится выступать в роли детского писателя, стыдится быть моралистом, забывая о том, что мораль бывает умная и глупая. (Кстати: разве это Чернышевский сказал, что дети любят умную, а не глупую мораль? Не Толстой ли?)

Впрочем, спорить не буду. Могу только сказать, что Вы меня не переубедили. Остаюсь при своем прежнем мнении. Отдав лучшим своим детским рассказам весь блеск своего большого таланта, Зощенко детским писателем не стал.

Замечаний по тексту у меня — всего одно: можно ли противопоставлять, как Вы это делаете на стр. 30, шкетов и шпаргонцев — школьникам и пионерам? «Шкеты» стали называться «пацанами», а школьники ведь как были, так и остались школьниками.

Какое безобразие, что С. Я. до сих пор не нашел времени познакомиться с Вашей статьей! Ведь речь идет о его учениках, о его школе, о его деле!

А почему статья «вряд ли будет напечатана»? Читал ее придирчивым глазом самого современного редактора и не нашел ничего, что могло бы вызвать обвинения в ереси. Современность 20-м и 30-м годам не противопоставлена. Нигилизм отсутствует. Бюрократами никто не назван.

Или уже один подзаголовок звучит обвинительно? Но, кажется, у нас и во времена культа никто не отрицал справедливости слов о том, что советские люди не могут и не хотят быть Иванами, не помнящими родства?!

Спасибо Вам, дорогая Лидочка, что прислали статью. И за то, что написали ее. При первой возможности передам рукопись Александре Иосифовне.

PS. Не напишете ли Вы мне, кто такая Н. Ивантер? Кроме того, что она сестра покойного Б. Ивантера, я ничего о ней не знаю. Начал читать ее книгу. Впечатления сложные.

И еще одна просьба.

Не можете ли Вы узнать и надписать на прилагаемом конверте адрес поэта Бориса Слуцкого. Он прислал мне книгу своих стихов, я благодарю его.

Простите, что затрудняю Вас.

88. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/IX 57

...А что же все-таки у Вас, дорогой Алексей Иванович, с рукой? По Вашему почерку видно, что Вам писание дается с трудом.

Однако портрет «крестного» Вы создали удивительный. В полном собрании Ваших сочинений и писем это письмо займет достойное место... Правда, понять, как поступит с моей статьей С. П. Варшавский, Ваша характеристика его «крестного» не поможет — но искусство прежде всего. Я очень смеялась, читая.

С нетерпением, тревогой, надеждой жду Вашего отзыва о статье.

С нею по-прежнему дело обстоит довольно-таки неопределенно. Кусок о Будогоской облюбовал «Новый Мир» и обещает напечатать в № 12... Вступление, «Республику», Шорина, поэтов, Текки, Безбородова и Бронштейна берут Горелов и Варшавский в сборник. Но это они берут, а они всего лишь составители... Что скажут рецензенты? Что решит издательство?.. Окончательного ответа нет, и договора нет.

У Атарова статья пролежала месяца три. Кондратович (зав. отделом критики) хотел взять все, кроме Зощенко и Рахтанова. Это меня устраивало. Но Атаров уперся: *только* вступление, статью о «Республике» и главу из «Республики»... Я ему объясняла, что Вступление — это паровоз, тащащий весь состав, что без Бронштейна, напр., вступление бессмысленно... Ни за что. Хочет одну «Республику». Вы понимаете, что при всей моей любви к «Республике» я на такое уничтожение статьи пойти не могла... И послала ее в Ленинград.

Положение Атарова до сих пор неясно.

Он думал, что если вести себя «без глупых крайностей "Лит. Москвы"»[1] — все будет хорошо. Ан нет.

Между прочим, мне рассказал один детгизовец, что на днях там был бой: за и против переиздания «Республики». Максимо-

ва с пеной у рта доказывала устарелость и антипедагогичность; Пискунов и Чевычелов отстаивали... Чевычка вообще либеральничает: «разогнали кадры» и пр... Каков?

Максимова верна себе. Ведь статья моя должна была идти у них в сборнике ДДК, ими заказана... Редакция была *за* (Резникова, Разгон); Максимова — ни за что... Зачем читать о «Республике»? Главный довод против статьи: «Республику» переиздавать не надо.

Слышу со всех сторон похвалы Вашему фильму[2]. Сама не видала.

Насчет книги Сарнова... Не знаю, право, как бы выразить свое отношение к ней. Рукопись я прочла с жадностью и потом целый вечер говорила с автором. Написана она не худо: у него есть, что называется, «слог». Много интересного было о восприятии литературы тем поколением, для которого Вы писали — а мы издавали — Ваши первые книги. Вот, они выросли, тогдашние мальчики, и «вспоминают» свое детство и Вас... Вот *это* было интересно, свежо, нетривиально. Он пытался нащупать и Вашу внутреннюю драму. Характеристики книг были тоже без пошлости, без фальши, но, пожалуй, недостаточно глубоки и метки. Я попыталась «подбросить материалу»: много говорила с ним о «Часах», о «Пакете», он многое будто понял и записал. Но — все напрасно, все насмарку. ДДК потребовал убрать наиболее интересные главы — и, слышно, Сарнов, скрипя зубами, согласился... Упрекать его я не могу: у него жена, ребенок, это его первая книга — но я огорчена очень. Я так хотела, чтобы книга о Вас была хорошая. Она будет плохая.

И человек, значит, не состоится, раз он сдался. И — это жаль.

[1] Н. С. Атаров входил в разгромленную после второго сборника редколлегию «Литературной Москвы».

[2] См. примеч. 1 к письму **83**.

89. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/IX 57

Дорогой Алексей Иванович, спасибо Вам, что так быстро отозвались на статью, несмотря на болезни и хлопоты. Да, я сама

знаю, что она не из лучших, — зато ни в одну больше не вложено и ни одну мне не хотелось так бурно увидеть в печати. Мне это необходимо: увидеть ее в печати. А с печатью все еще дело обстоит неясно. Горелов и Варшавский умолкли. Теперь просит ее у меня «Литер. Москва». Это бы, конечно, лучше всего — да ведь тоже по воде писано.

Действительно, противопоставление «шпаргонцы» — «школьники» — нелепо, и я непременно исправлю его.

Цитат в самом деле много. Но как ни кручу — не удается снять их. Тамара Григорьевна меня утешает, «Белинский — говорит — еще длиннее цитировал»... Я тоже чувствую растянутость, но, мне кажется, главная беда не в цитатах. А в том, что основная главная мысль статьи не вытащена наружу, как у меня бывает обычно, а утоплена, заглушена.

Потому что вслух и во весь голос не скажешь о затонувшем материке.

Насчет Зощенко же я с Вами не согласна и не согласна. «Злые болеют экземой, добрые же, наоборот, живут долго». Чем это не мораль? Мораль, и самая прямая: надо быть добрым, а не злым. Экзема же тут так, для улыбки... Но все это не актуально: главу о Зощенке никто не хочет печатать.

Вы спрашиваете о Нине Ивантер. Я с ней познакомилась в «Пионерской Правде», она там была лучшая публицистка. Нине Абрамовне 46 лет. Книга, посланная Вам — ее первая книга. Мытарили ее страшно — Детгиз отклонил, найдя ущербной, «Новый Мир» и «Знамя» отвергли, назвав талантливой, «Молодая Гвардия» жевала года 2... Человек она хороший, отличный даже, а о книге судите сами. Мы обе ждем Вашего суда.

90. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
24.IX.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

...Теперь — о книге Н. Ивантер[1].

Увидимся — поговорим, а сейчас — вот что я могу сказать.

Человек она очень, очень талантливый, и очень многим страницам ее повести не найдешь другого определения, как *великолепные* и *блестящие*, но в целом повесть огорчила меня.

В ней как-то странно сочетается глубоко-человечное с казенно-патриотическим. Иногда просто тошнит от этой гайдаровско-емельяновской, пионерско-ангельской святости персонажей. И от их глупости, бездумности, инфантильности.

Например, такой симпатичный персонаж, как Михайленко. Чем он, казалось бы, не хорош? Всем хорош: мужественный, чистый, с юмором, любит детей, не любит казенщину... А ведь чем дальше читаешь, тем больше разочаровываешься в нем. В чем же дело? А в том, что он, как и другие действующие лица, пишет по линейкам и за линейки не заходит. А автор, как нарочно, распахивает его нараспашку — так что и места не найдешь, где могло бы притаиться что-нибудь похожее на настоящую мысль и на настоящее чувство.

Понимаю, что тут не столько вина, сколько беда, и беда не одной Н. А., а и общая наша.

Но кое-где и вина все-таки. Например, рассуждения доктора Толя (на стр. 357—358) показались мне, мягко выражаясь, очень нехорошими.

Это, знаете, похоже на старый еврейский анекдот о человеке, которому посоветовали поселить в доме козла, после чего старая жизнь показалась ему раем.

Зачем это нужно было? И к чему было опять распахивать этого человека нараспашку? Что же он — не мог вести себя патриотически, не мог помогать партизанам, не оставаясь самим собой? Мог же, конечно.

Плохо придумана, — надумана, литературная история Вадима. Я знал, догадывался, что в положенный час он запоет и что это сблизит их со Славкой, но не предполагал, что это будет выглядеть так театрально, фальшиво и нелепо.

Вот я как сурово обращаюсь с начинающим автором. А ведь автор, повторяю, талантлив и, главное, он — уже сложившийся писатель. Именно поэтому такие суровые требования к нему и предъявляешь. Что же будет, если и наша смена пойдет по той проторенной дорожке, по которой и нам, грешным, приходилось шагать?!

О том, что в повести хорошо, — говорить не буду. Всего не перечислишь. Отлично разговаривают ребята. Прекрасно выпи-

сан Федька — особенно там, где речь идет о его привязанности к Михайленке. Чего стоит одна сцена, где Федька собирается лечить Михайленке зубы?! А маленькая Валя?!

Ну вот — написал больше, чем рассчитывал. Писать Нине Абрамовне я уже не смогу. Если и напишу — то совсем коротко. Вы ей, пожалуйста, передайте мою благодарность и, если сочтете нужным, *«своими словами»* перескажите то, что я Вам накорябал. А письма не читайте. Впрочем, как хотите, — я ведь не знаю Нины Абрамовны, но знаю, что все мы обидчивы, а человека, которого и без того много лет мучили и обижали, надо бы пощадить.

Писал же я не выбирая слов.

[1] О Н. Ивантер и ее книге см. примеч. 1 к письму **74**.

91. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/IX 57

Дорогой Алексей Иванович.

Я очень тронута тем, что Вы, больной, прочли такую толстую книгу и написали мне. Спасибо Вам.

Письмо Ваше я Н. А. Ивантер прочла. Опустила только такие выражения, как «глупость», «прямо тошнит». Остальное прочла, не могла не прочесть. Во время работы над рукописью она мне не раз говорила: «Когда книга выйдет — если она выйдет! — первый экземпляр пошлем Пантелееву. Как вы думаете, он прочтет?» И вот книга вышла, и *он* прочел...

Не обиделась она нисколько, она — умница, человек без истерики, без больного самолюбия. Но, конечно, многое для нее огорчительно, а многое — не удивляйтесь! — и непонятно. Она — человек другого пути, чем Вы, я, Шура. Та смесь глубоко-человеческого с казенно-патриотическим, какую Вы учуяли в книге, — *существует у нее в душе*... Многое (из книги!) выгребла я, многое (из души!) выгребла за последние 5 лет жизнь, но не все. Автор передовых «Пионерской Правды» в ней жив еще! Редактируя, я это все время чувствовала, но ломать не могла и не всегда хотела. Мне кажется, рост нельзя торопить искусственно — пусть душа сама поднимается со ступени на ступень.

А человек хороший, скромный, чистый и живой. На мой взгляд — толк будет.

Поздно, медленно зреют и умнеют у нас люди, даже хорошие. Вот беда.

К. И. здоров и вчера по телефону снова спрашивал у меня Ваш адрес — видно, собирается писать Вам. Завтра открывается библиотека[1]. Он столько вложил сил (и денег!) в исполнение этой мечты, что я боялась — она его с ног свалит и уж во всяком случае пустит по миру. Но он устоял, и завтра — торжество.

[1] В Переделкине, по соседству со своим домом К. И. построил и подарил государству детскую библиотеку.

92. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/XI 57
Дубулты

Дорогой Алексей Иванович.

Я здесь увлеклась весьма странным делом и потому не сразу отвечаю Вам. Шесть лет назад я вчерне написала одну повесть; безнадежную; в сутолоке оставила ее без движения[1]. И вот здесь решила посвятить ей целую неделю — и наконец переписала — всю. Конечно, я над ней еще буду работать, но в основном она закреплена. И можно приниматься за другую безнадежность — книгу о редакторе. Я здесь кое-как написала план. Очень нуждаюсь в какой-нибудь истории победоносного редактирования. В истории документальной, конечно. Если вспомните таковую — окажете мне услугу.

Вы спрашиваете о моей злосчастной статье. «Вопросы литературы», жалкий журнальчик, которого никто не читает, заключил договор на 2 листа: Вступление, Республика, Шорин, Бронштейн. «Новый Мир» *кажется* берет Будогоскую. Остальное, т. е. поэты, Зощенко, Тэкки, Безбородов остаются непристроенными.

Вот Вам полный отчет о себе. Говорят, чествование С. Я. отложено. Кто же все-таки поедет? Жаль, что не Вы...

[1] О повести Л. К. «Спуск под воду» см. также письмо **94**.

93. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
27.XI.57 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Известие о завершении повести, о которой мы ничего не знали, конечно, весьма заинтриговало нас. Что это такое? Будем ли мы иметь удовольствие читать ее?

Какое безобразие, что статью Вашу о забытых книгах так безжалостно растерзали! А что Горелов и Варшавский ответили Вам?

На днях я получил письмо от Корнея Ивановича. Огорчился, узнав, что *рассыпалось* (по слову К. И.) его собрание сочинений. Он пишет, будто произошло это потому, что он — «слишком пестрый писатель», — дескать, не отыщется читатель, равно заинтересованный во всем, что он делал и делает. Это неправда. Объяви издательство подписку, и нашлись бы сотни тысяч охотников на все 4 тома Чуковского.

Инертность и подлость.

94. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/XI[I] 57[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Я приехала в Москву в самый день юбилея С. Я., но приехала распростуженная и потому не пошла. По сведениям участников и очевидцев, вечер прошел с подъемом. К. И. сказал мне: это был настоящий праздник детской литературы. Но, говорят, бедняга юбиляр выглядел совсем больным. Сегодня утром я позвонила ему, ожидая услышать больной, утомленный голос и — представьте! — вдруг услыхала голос С. Я. двадцатипятилетней давности: энергичный, бодрый. «Жаль, что Вы не были, Лидочка, — сказал он мне. — Вы бы от Чевычелова услышали, какие мы все хорошие; а Юр. Н. Либединский, который когда-то кричал, что я испортил его рукопись, поцеловал мне руку».

— Ну, — сказала я, — надеюсь, было что-нибудь и более приятное. Я рада, что *этого* я не видала.

Повесть я в самом деле кончила (я ее пишу недельки по две в год с 49 г.)[2], но, кончив, сильно усумнилась в ее достоинствах.

Уж очень по-женски, уж очень «кишки и нервы наружу». Моя первая[3] была сдержанная, не о себе и не от себя, а эта — в форме дневника — очень уж открытая. Вам я ее покажу (когда она окажется в удобочитаемом виде), но, показывая, буду чувствовать себя неловко. И, однако, должна признаться, что никогда я не испытываю такого захватывающего, жадного чувства, как когда пишу «беллетристику». Не статьи, а именно *это*.

Сейчас еду навещать Анну Андреевну, у которой за короткий период второй сильный сердечный приступ.

[1] Датируется по содержанию и по п/шт, т.к. в дате у Л. К. описка. См. также предыдущее письмо.

[2] «Спуск под воду».

[3] Первая — «Софья Петровна».

95. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/I 58

Дорогой Алексей Иванович.

Вашу статью я прочитала уже дня три назад, специально ходила в ДДК[1]. Статья хорошая, правдивая и добрая. Меня несколько огорчило, что Бронштейн там без инициалов — ведь фамилия очень уж распространенная, инициалы нужны. (Митя про себя говорил; «Я — еврейский Иванов».) Но это, конечно, сущий вздор. Мне радостно было увидеть и его и С. К.[2] фамилии в печати после такого долгого молчания.

И портрет С. Я. удачный, мне понравился.

[1] О какой статье идет речь, установить не удалось.

[2] С. К. Безбородова.

96. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/I 58

Дорогой Алексей Иванович.

Какие у Вас сейчас, наверное, трудные дни.

Я Евгения Львовича больным никогда не видала. Я помню и буду его помнить всегда молодым, желтоглазым, веселым, тихо и метко острящим — даже не острящим, а источающим юмор[1]. Он был так похож на свои пьесы: такой же добрый и острый.

Сегодня я получила корректуру того куска моей статьи, который идет в «Вопросах литературы». («Республика», «Повесть о фонаре», «Часовой», «Одногодки», «Солнечное вещество»). Я прочитала верстку, сдала ее. «Все?» — Все!.. А вечером звонок по телефону из редакции по поручению А. Г. Дементьева. Он спрашивает: чем я могу объяснить, что в Библиотеке Института Мировой Литературы не выдают на дом «Республику Шкид»? И далее поразительно (!): не надо ли на этом основании вставить несколько критических слов по адресу Белыха?

Я сказала, что поведение Библиотеки можно объяснить только ее неосведомленностью; что же касается критических фраз по адресу Белыха — то из подобных соображений я не имею обыкновения вставлять их...

Что — восстановлен уже Белых в Союзе? И — как Вы думаете: почему известие о его реабилитации еще не дошло до всех Библиотек?

Я бы с гораздо большим удовольствием вставила несколько фраз совсем на другую тему...

[1] Речь идет об Е. Л. Шварце, который скончался 15 января 1958 г.

97. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

21.I.58

Дорогая Лидочка!

Спасибо, что вспомнили меня и пожалели. Мне, действительно, очень худо. Я знал, что Е. Л. скоро умрет, знал, что дни его — считаны, но не думал, что эта утрата ранит меня так больно.

98. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 22.I.58

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я не написал Вам вчера о Грише Белых. Почему сведения о его реабилитации не дошли до библиотек — не знаю. Не думаю, чтобы вообще это пра́ктиковалось. Кто этим будет заниматься?

Суд, прокуратура, союз писателей? Или родственники и друзья покойного? Вероятно, об этом (т. е. о реабилитации) узнают только тогда, когда выходит книга или появляется сообщение об издании какой-нибудь книжки. Книги Белых пока стоят лишь в планах Детгиза (с «Республикой Шкид» тянут, «Дом веселых нищих» собираются выпустить к 40-летию комсомола, просили меня написать предисловие).

Восстановили ли Г. Г. Белых в правах члена СП — тоже не могу сказать. Соответствующее заявление я подал еще в прошлом году, недавно с таким же заявлением обратилась в ЛО СП дочь Белых — Таня. В Союзе я давно не был, хвораю, боюсь, что заявления еще не разбирались: некому было следить и подталкивать.

Посылаю Вам копию письма, полученного мною в прошлом году из Прокуратуры РСФСР. Может быть, оно Вам пригодится. Если Дементьеву *незаверенная* копия покажется документом недостаточно убедительным — он может позвонить в Прокуратуру или в Московский Дом детской книги, который в свое время (в связи с подготовкой библиографического словаря детских писателей) прокуратуру уже запрашивал.

Евгений Львович не всегда и не со всеми был добрым. Последние слова его:

— Софронов — подлец.

Впрочем, не самые последние. Через минуту он сказал:

— Гитович...

По-видимому, ту же характеристику он относил и к этому малоприятному человеку.

Потом он сказал:

— Одиннадцать... Тридцать семь...

Потом:

— Мне осталось сорок две...

После чего началась агония. Те, кто был при этом, уверяют, что умер Евгений Львович ровно через 42 минуты.

А Евгений Львович в гробу казался моложе и *живее*, чем в жизни. Он очень быстро дряхлел, болезнь не давала ему передышки, все мы давно уже поняли, что он умирает. Но сейчас, когда он лежит под снегом на Богословском кладбище, он вспоминается нам, как и тем, кто давно его не видел, молодым, здоровым и веселым.

99. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/I 58

Дорогой Алексей Иванович.

И за подробности последних часов Евгения Львовича, и за справку о Белыхе — спасибо. Справку я передала в редакцию с просьбой показать человеку, работающему в Библиотеке Мировой Литературы... Что будет с моей статьей — не знаю. Журнал отбивается от Кочетова, Еремина, Книпович (вот тоже страшная баба!), и редакции не до меня. Очевидно, Дементьев, который и сам не бог весть что (или, точнее, вполне ведомо, что) пытался, подобно Атарову, сохранить «оттенок благородства»; напр., не лаял на «Литературную Москву»; и этого не могут ему простить... А может быть, лаял, но с опозданием. И клика этого перенести не может. У них на этот счет строго.

Мне будет очень больно, если статья о «Республике» и др. окажется выкинутой или отодвинутой. Я уже так ясно видела, как иду на почту и посылаю экземпляр Вам, Тане Белых (кстати, сообщите, пожалуйста, ее адрес), Лидии Анатольевне[1]... Но даже ради этих именин я ни слова не могу изменить в этой статье. Лучше ждать еще 20 лет.

[1] Упомянуты дочь Г. Г. Белыха и Л. А. Будогоская.

100. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

16.V.58

Дорогая Лидия Корнеевна!

Случилось так, что я сразу — подряд — прочел и повесть[1] и статью в «Вопросах литературы»[2]. Статья исковеркана, растерзана, гильотинирована и все-таки хороша. Спасибо Вам, что написали ее. О повести мне говорить — по многим причинам — труднее. Вещь многоплановая, сложная, тонкая. Необычное сочетание интимнейшей лирики с тем, что называют публицистикой. Иногда радует (когда вдруг явственно слышишь Ваш голос со всеми его оттенками, когда видишь Вас — как будто сидишь напротив), но чаще все-таки мешает почти незавуалированная автобиографичность повести.

Написано талантливой рукой, — перечислять удачи Ваши я мог бы очень долго.

Но тенденция — тенденция меня не устраивает. Лет 20 назад у нас, помнится, был уже разговор на эту тему. Тогда Вы со мной не согласились. Не согласитесь и сейчас. Впрочем, это разговор большой и не для писем.

Простите, что коротко пишу.

Самая яркая из Ваших удач — это, конечно, вставная новелла. Здесь почему-то не мешает то, что от первого лица и что героиня — это, конечно, Вы.

[1] «Спуск под воду» (в рукописи).

[2] *Лидия Чуковская*. О книгах забытых или незамеченных // Вопросы литературы. 1958. № 2. С. 42—71.

101. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/V 58

Дорогой Алексей Иванович.

У меня очень плохая память — вернее, ее вовсе нет. И потому я не помню нашего с Вами несогласия и того разговора двадцатилетней давности, о котором Вы пишете. И не могу догадаться, о чем речь.

Что касается автобиографичности, которая Вам (как и Александре Иосифовне) «мешает», — то тут я плохо понимаю и ее и Вас. Ведь чувствуете-то ее только вы — двое, трое друзей... Читатели (если таковые будут) ее не почувствуют. Быть может, автобиографичность «Леньки Пантелеева» или «Маринки» сильно «мешает» Александре Иосифовне: она видит мать и отца и блокадный дворик... Автобиография, мне кажется, естественный источник всякой писательской работы. И если у Вас возникает неприятное чувство — при чтении моей повести[1], то дело тут, боюсь, не в автобиографичности, а в том, что работа исполнена мною в литературном отношении недостаточно умело. Вот в чем, вероятно, загвоздка. Иначе бы автобиографичность Вам ничуть не мешала, как мне она не мешает в Вашей повести — хотя я узнаю и Вашу сестру, и Вашу маму, и Вас самого.

[1] Речь идет о повести «Спуск под воду».

102. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
29.V.58

Дорогая Лидия Корнеевна!

Попробую объяснить, почему мешает автобиографичность. Потому, что это — Вы и не Вы. Если это Вы (а мы узнаем Ваш голос, Ваши мысли, некоторые Ваши привычки и привязанности), то на многих страницах Вы оклеветали себя. Героиня Ваша во многих случаях поступает так, как Вы не могли бы поступить. Она прямолинейна до деревянности, ей не хватает снисходительности, терпимости, простой жалости к людям. Заключительный эпизод — разрыв с любимым человеком — бросает тень на героиню, а не на того, кого она так жестоко наказывает и осуждает.

Вы правы, конечно, когда пишете, что автобиографичность повести мешает только тем, кто Вас знает (и добавлю — любит). Но образ героини не удовлетворит, мне думается, — огорчит, удивит, обидит — и читателя непосвященного.

Рыцарь без страха и упрека — а воюет... С кем она воюет? Кого бьет? Кого с такой талантливой язвительностью изничтожает? Жалких, битых, исковерканных и искалеченных. Почему бы ей хоть раз в записи от какого-нибудь ...IV. 49 г. не задать себе вопроса: почему я так много пишу о сестре-хозяйке? Почему всю силу своей ненависти я изливаю на ее голову и на головы моих ничтожных соседей и соседок, а о том, о чем сто́ит и нужно писать и говорить, — молчу даже наедине с собой? Не по той же ли причине, по какой прячется в лесу со своим жалким ящиком сестра-хозяйка?

Лидочка, не надо сравнивать Вашу повесть с «Ленькой Пантелеевым». «Ленька» — вещь приспособленная к требованиям, в ней очень много фальсификации и всяких традиционных для нашей литературы атрибутов. По-настоящему правдив там только *характер* героя, но и он дается внешне. Заметьте, что ни разу мой Ленька не «думает», не открывается изнутри. Если бы я *открыл* — оттуда хлынули бы — или такая правда, от которой не поздоровилось бы и самой книге, или такая фальшь, что и Леньки не было бы, и книги не было бы.

103. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/VI 58
Москва

Дорогой Алексей Иванович. С отвратительным цинизмом откровенно начинаю с просьбы. Я сейчас по уши влезла в свою книгу о редакторе. В ней будет восемь глав. Одна — последняя — будет об С. Я. Мне необходим материал — воспоминания писателей, которые когда-либо работали с ним. Ваши — в первую очередь. Хотя бы самые краткие, сухие, деловитые. Кое-что Вы рассказали Сарнову (или записали для него?). Он показал мне. А чем я хуже его? (Кстати, он весьма талантливый малый, см. «Вопросы литературы», № 1, статья о сюжете.) Нет, может быть, я и хуже, но дело ведь не во мне, а в деле. Оно же очень важно, мне кажется.

Теперь о моем злосчастном произведении[1]. В нем была одна глава — в черновике — в которой героиня *понимала, осознавала* закономерность падения героя — и жалела его. Ничего не произносила, они расставались, как прежде, но она писала о том, что вина его — ложь — понятна, обусловлена. Потом я эту главу убрала, полагая, что относительно героя и без того все ясно. Теперь я решила ее написать заново.

Но, кроме этого пункта, я ни в чем не согласна с Вами, дорогой друг. Вам несимпатична героиня? Мне тоже. Но ведь речь идет об искалеченных душах — это тоже искалеченная душа. На свой манер — на очень распространенный манер, кстати. Вы пишете, что она дурно относится к людям. Из чего это видно? Она всегда готова помочь им. Она не относится к людям дурно, а мучительно чувствует свою чуждость, одинокость среди них — и это — после пережитого ею — так же закономерно, как и падение героя в ложь. Пусть людей, столь же мучающихся одиночеством, как она, — много — в те годы они редко открывались друг другу, хоть и тянулись к братству, искали его. Но этого ощущения пустынности, отдельности — кругом чужие — нет, я его не отдам, потому что это правда, и правда неличная.

Как сказано у одного поэта:

И не в тюрьме, и не в больнице,
На воле, на своих ногах...

Но дурно естся, трудно спится,
Не покидает душу страх.
Душа, его одолевая,
Как Зоя по снегу идет,
Своих тихонько призывая.
Но пуст холодный небосвод[2].

Чуждо в поезде, чуждо в гостиной, чуждо за столом, в общем говоре; где-то есть старый друг («одни мы с тобой понимальщики остались») — да он далеко. И вовсе не одни, их много — понимальщиков — а казалось тогда: никого.

[1] То есть о повести «Спуск под воду».

[2] Автор этих стихов — сама Л. К. См.: *Лидия Чуковская.* Стихотворения. М., 1992. С. 59. Зоя — Зоя Космодемьянская, героиня Отечественной войны, которую перед казнью фашисты вели к виселице босиком по снегу (как это было показано в фильме Л. О. Арнштама «Зоя»).

104. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив, 10.VI.58 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Постараюсь написать то, о чем Вы уже не в первый раз (к стыду моему!) меня просите — о С. Я. и о прочем, но сделаю это не так скоро: прежде всего, надо будет съездить в город и разыскать тетрадку, куда я прошлым летом делал заметки о редактуре.

Записки для Сарнова я набрасывал левой ногой (между прочим, не помню — разве я там писал и о С. Я.?), и он меня очень огорчил, цитируя в своей рукописи чуть ли не на каждой странице Пантелеева. «Пантелеев вспоминает», «Пантелеев по этому поводу говорит» и т. п. Я просил редактора Яснопольского (который привозил мне эту рукопись) изъять, раскавычить или во всяком случае довести до минимума эти цитаты, источник которых весьма сомнителен и не может быть указан.

Просил и о другом: в частности, не сравнивать Пантелеева с Зощенко — в таком невыгодном, несправедливом, осудительном и оскорбительном для М. М. контексте. Редактор обещал все мои пожелания учесть.

А Сарнов — человек, действительно, очень талантливый. Статьи его в 1-м номере «Вопросов литературы» не читал. Вооб-

ще читал только 2-й № (да и в нем всего одну статью — остальные читать не захотелось).

105. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/VI 58

Дорогой Алексей Иванович.

Простите, что не сразу отвечаю на Ваше письмо.

У меня скверные дни.

«Солнечное вещество» должно было идти в производство и выйти в этом году. Но явилась в редакцию научной литературы новая заведующая — и остановила книгу[1].

Я пошла в отдел Культуры ЦК жаловаться — впервые в жизни.

Не знаю еще, что выйдет из этого. Конечно, я буду продолжать. Но ярость мне мешает жить — т. е. спать и работать.

Митина книга, проредактированная С. Я., опубликованная в Альманахе Горьким[2], заново проверенная Ландау и Шальниковым; книга, к которой Ландау написал предисловие, а Шальников — послесловие, в которой этими учеными (оба — с мировым именем!) заново проверено каждое слово — книга послана на рецензию школьному учителю, и тот вынес решение: устарела!

Мне обещана помощь — да не знаю еще, как, что, когда.

Но Вам-то я пишу вот по какому поводу.

Во время разговора я упомянула свою статью. Оказалось, ее читали и она понравилась. «В особенности Вы правы, — сказал мне товарищ[3], — относительно “Республики Шкид”. Ее давно следует переиздать... Вы не знаете, издают ли ее?» — «Знаю, — сказала я, — из плана Детгиза ее вычеркнуло Министерство Просвещения».

Тогда товарищ, помолчав, сказал:

— «Ее надо переиздать в “Советском Писателе”. Вот Лесючевский придет из отпуска — я с ним поговорю».

И я подумала: надо бы, чтобы именно теперь Алексей Иванович обратился в «Сов. Писатель» — к Лесючевскому — с предложением переиздать «Республику».

И вот пишу Вам, советую.

[1] Упомянута М. М. Калакуцкая.

[2] Имеется в виду альманах «Год XVIII», № 8 (М.: Гослитиздат, 1935), в котором «Солнечное вещество» М. Бронштейна было опубликовано с предисловием С. Маршака.

[3] И. С. Черноуцан. О нем см. письмо **121**.

106. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26 июля 1958. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Очень меня обрадовало Ваше письмо — и огорчило. Какой-то слабенький у Вас почерк. Рука опять болит?

Содержание же Вашего письма для книги моей — для ее последней главы — драгоценно, и я Вам за него низко кланяюсь[2], но не только не обещаю прислать некоторый процент гонорара, а прошу Вас и впредь не оставлять меня своими щедротами. Вы пишете, что в Записной книжке Вашей собраны всякие анекдоты из редакторской практики. Подарите мне их — ну, хоть некоторые! Более всего меня сейчас интересуют:

1) Поправки редактора, даже и правильные логически, но разрушающие ритм. Случаев таких множество, я об этом пишу, — а примеров у меня нет.

2) Война с разговорной речью.

3) Война с индивидуальным стилем.

4) А также все, чем милости Вашей угодно будет со мной поделиться.

Когда думаете о моей книге — и о своих подарках — помните, пожалуйста, всегда, что Вы — один из будущих ее редакторов, что ни одно слово не будет напечатано без Вашего одобрения.

Все, что Вы пишете об С. Я., очень интересно и важно, и многое пойдет в ход. О том, как он читал Вам стихи. Об Учителе. О ритмической прозе в «Республике Шкид».

Борис Степанович[3] негодовал на тот способ, каким работал С. Я. В самом деле, С. Я. часто (особенно в последние годы) работал неправильно (спешка, требования начальства, план — да и во вкус вошел). Но как редактировал Б. С.! Вы видели? Я видела. Он просто писал за автора. Я видела это сама, да это ясно и из воспоминаний Ивантера, Гарф[4]. Так что именно он менее всех

имел право негодовать. Тем более что его-то никто никогда не правил.

Глава об С. Я. трудна будет, Вы правы, но не труднее тех, которые я пишу сейчас. Книга моя — сущая каторга. Правда, сейчас, когда я уже на середине пути, она пошла быстрее, она уже сама живет и развивается, как-то даже помимо меня, не дает мне спать, соблюдать режим; я уже сама за ней не поспеваю. Это, конечно, разрушает мой организм, но, с другой стороны, создает как бы наркоз, живя под которым не чувствуешь грозных опасностей и мелких неприятностей... А их — хоть отбавляй. У меня сплошные неудачи и конфликты — с Детгизом, с Учпедгизом — я совсем потеряла способность ладить с чиновниками, не вылезаю из стычек, и всегда терплю поражения. Но это все забываешь, когда внутри *пишется,* уже как бы сама собой, книга. Ешь — она пишется, ляжешь — пишется. Слова и ручка не поспевают за ней.

От Тани Белых я получила милое письмецо. Она пишет: «я и не знала, что у моего отца были еще друзья, кроме Л. Пантелеева». Она это написала не в упрек; но я восприняла как упрек, и заслуженный. Я с ее отцом никогда дружна не была; а все-таки он был наш товарищ, и надо было помнить, что у него осталась дочка.

Корней Иванович молодцом, много работает.

Очень он был потрясен — так же, как и я — смертью Михаила Михайловича. Напишите нам о его последних днях. Он ведь был недавно в Москве, был в Переделкине. Он уже и тогда казался «полуразрушенным, полужильцом могилы...» [5]. Какая это потеря для литературы — смерть Зощенко! (А не смерть Замойского[6], как полагает сволочь из «Лит. Газеты».)

[1] Датируется по п/шт.

[2] Письмо не сохранилось. Однако оно процитировано в книге Лидии Чуковской «В лаборатории редактора» (М.: Искусство, 1963) в «последней главе» «Маршак-редактор» (с. 231—232). Привожу эту цитату: «Пришел я к нему неотесанным восемнадцатилетним парнем, с пятилетним “шкидским” “образованием”, бестолково начитанный, плохо, стихийно и далеко не на самых высоких образцах воспитанный литературно. Я знал кое-что из Есенина, Блока, Ходасевича, Северянина, Верхарна, Уитмена, Бодлера и других, но Пушкин был мне знаком только по школьным хрестоматиям. В восемнадцать лет я прочел всего Зигмунда Фрейда и всего Гамсуна, чи-

тал Рабиндраната Тагора и Эптона Синклера, Сологуба и Ницше, Стриндберга и Германа Банга, но, пожалуй, Гоголя я тоже знал только по школьной программе: "Чуден Днепр"... Плюшкин, Коробочка...

И вот я попал к Маршаку... Маршак оглушил меня стихами (именно оглушил: первое впечатление было, помню, физически неприятное. Вероятно, так чувствует себя человек, не знавший ничего, кроме мандолины и банджо, которого посадили вдруг слушать Баха перед самым органом. А Самуил Яковлевич читал мне, помнится, именно такое, органное, громокипящее: пушкинский «Обвал», «Пророка», державинские оды...). Маршак открыл мне Пушкина, Тютчева, Бунина, Хлебникова, Маяковского, англичан — от Блейка до Киплинга, — народную поэзию».

[3] Житков.

[4] Речь идет о воспоминаниях Б. Ивантера «Борис Житков» и А. Гарф «Б. С. Житков в редакции журнала "Юный натуралист"», напечатанных в сборнике «Жизнь и творчество Б. С. Житкова» (М.: Детгиз, 1955).

[5] Строка из стихотворения А. Фета, которое так и начинается: «Полуразрушенный, полужилец могилы...»

[6] В «Литературной газете» от 24 июля 1958 г. на с. 4 помещен большой некролог памяти П. И. Замойского, перечислены его заслуги, произведения, награды. Заканчивается статья словами «Смерть Петра Ивановича Замойского — большая утрата для советской литературы. Его светлый образ навсегда сохранится в сердцах читателей и товарищей по литературе». Рядом помещено краткое сообщение о смерти М. М. Зощенко: «Союз писателей СССР, Оргкомитет Союза писателей РСФСР и Ленинградское отделение Союза писателей сообщают о кончине писателя Михаила Михайловича Зощенко, последовавшей 22 июля с. г. в городе Ленинграде после продолжительной и тяжелой болезни, и выражают свои соболезнования семье покойного».

107. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив
6.VIII.58 г.

Дорогая Лидочка!

Вы просите меня написать о последних днях Михаила Михайловича. Ничего не знаю, давно не видел его, перед отъездом на дачу собирался заехать, навестить — и не собрался.

О его смерти узнал из коротенького объявления в «Ленинградской Правде». Я все еще болен был, лежал, но упросил Элико взять меня на похороны. Между прочим, мы боялись, что его уже похоронили. Как и следовало ожидать, телефон Союза Писателей не откликался. Элико позвонила Л. Н. Рахманову и выяснила, что панихида и вынос — в Союзе, в 12 ч. Чудом поймали на шоссе такси и вовремя прибыли на ул. Воинова.

Народу было много, но, конечно, гораздо меньше, чем ожидали некоторые. Власти прислали наряд милиционеров, однако

у П. Капицы, ответственного за все это «мероприятие», хватило ума и такта удалить их.

Эксцессов не было. И читателей почти не было. На такие события отзывается обычно молодежь, а молодежь Зощенко не знала. Все-таки ведь 12 лет подряд школьникам на уроках литературы внушали, что Зощенко — это где-то рядом с Мережковским и Гиппиус. И в библиотеках его много лет не было.

И все-таки наше союзное начальство дрейфило.

Гражданскую панихиду провели на рысях.

Заикаясь и волнуясь, с отвратительной оглядкой, боясь сказать лишнее или не достаточно сказать в осуждение покойного, выступил Прокофьев. О Зощенке он говорил так, как мог бы сказать о И. Заводчикове или Е. Марьенкове[1].

Выступил Б. Лихарев. Позже жена его призналась Элико, что все утро он так волновался, что поминутно пил валерьянку и глотал какие-то таблетки.

Вытаращив оловянные глаза, пробубнил что-то бессвязное Саянов. Запомнилась мне только последняя его фраза. Сделав полуоборот в сторону гроба, шаркнул толстой ногой и сухо, с достойным, *вымеренным* кивком, как начальник канцелярии, изрек:

— До свиданья, тов. Зощенко.

И вдруг —

— Слово предоставляется Леониду Ильичу Борисову.

Это малоприятный человек. Многие отзываются о нем дурно в высшей степени. Выступает он всегда с актерским наигрышем. И здесь, у гроба М. М., когда Борисов, получив слово, выдвинувшись из толпы, прикусил «до боли» губу, потом минуты две щелкал (буквально) зубами, как бы не в силах справиться с волнением, — мне вспомнилось, как смешно и похоже изображал Борисова Е. Л. Шварц. Точно так же, не в силах справиться с волнением, щелкал Борисов зубами, выступая на траурном митинге, посвященном Сталину. Тогда он, говорят, еще и воду пил.

Но на этот раз он сказал (из каких побуждений — не знаю) то, что кто-то должен был сказать.

Начал он свое слово так:

— У гроба не лгут. У всех народов, во всех странах и во все времена, у верующих и неверующих был и сохранился обычай — просить прощения у гроба почившего. Мы знаем, что М. М. Зощенко был человеком великодушным. Поэтому, я думаю, он

простит многим из нас наши прегрешения перед ним вольные и невольные, а их, этих прегрешений, скопилось немало.

Сказал он и о том месте, какое занимает Зощенко в нашей литературе, о патриотизме его, о больших заслугах его перед родиной и народом.

Одно место в этой речи показалось (и не мне одному) странным. Он сказал, что Зощенко был патриотом, другой на его месте изменил бы родине, а он — не изменил.

Сразу же после Борисова слово опять взял Прокофьев:

— Товарищи! У гроба не положено разводить, так сказать, дискуссии. Но я, так сказать, не могу, так сказать, не ответить Леониду Ильичу Борисову...

И не успел Прокофьев стушеваться — визгливый голос Борисова:

— Прошу слова для реплики.

Борисов оправдывается, растолковывает, что он хотел сказать.

Прокофьев подает реплику с места.

В толпе, окружавшей гроб, женские голоса, возмущенные выкрики.

С левой стороны гроба стоят родственники покойного. Это какой-то паноптикум, — сплошь зощенковские типы.

Жена М. М., жалкая, косматая, в каком-то измятом рубище и в самодельной траурной косынке — приняв картинную позу, легла на гроб, простерла руки, обняла покойника.

В тесном помещении писательского ресторана жарко, удушливо пахнет цветами, за дверью, на площадке лестницы четыре музыканта безмятежно играют шопеновский марш, а здесь, у праха последнего русского классика идет перепалка.

Вдова М. М., подняв над гробом голову, тоже встревает в эту «так сказать, дискуссию»:

— Разрешите и мне два слова.

И, не дождавшись разрешения, выкрикивает эти два слова:

— Михаил Михайлович всегда говорил мне, что он пишет для народа.

Становится жутко. Еще кто-то что-то кричит. Суетятся, мечутся в толпе перепуганные устроители этого *мероприятия*.

А Зощенко спокойно лежит в цветах. Лицо его — при жизни темное, смуглое, как у факира, — сейчас побледнело, посерело,

но на губах играет (не стынет, а играет!) неповторимая зощенковская улыбка-усмешка.

Панихиду срочно прекратили. Перекрывая другие голоса и требования вдовы «зачитать телеграммы», Капица предлагает *родственникам* проститься с покойным.

Я тоже встал в эту недлинную очередь, чтобы последний раз посмотреть в лицо М. М. и приложиться к его холодному лбу.

И тут, когда все вокруг уже двигалось и шумело, когда швейцары и гардеробщики начали выносить венки — над гробом выступил-таки читатель. Почти никто не слыхал его. Я стоял рядом и кое-что расслышал.

Пожилой еврей. Вероятно, накануне вечером и ночью готовил он свою речь, думая, что произнесет ее громогласно, перед лицом огромного скопища людей. А говорить ему пришлось — почти наедине с тем, к кому обращены были его слова:

— Дорогой Михаил Михайлович. С юных лет вы были моим любимым писателем. Вы не только смешили, вы учили нас жить... Примите же мой низкий поклон и самую горячую сердечную благодарность. Думаю, что говорю это не только от себя, но и от миллионов Ваших читателей.

Хоронили Михаила Михайловича — в Сестрорецке. Хлопотали о литературных мостках — не разрешили.

Ехали мы в автобусе погребальной конторы. Впереди сидел Леонтий Раковский. Всю дорогу он шутил с какими-то дамочками, громко смеялся. Заметив, вероятно, мой брезгливый взгляд, он резко повернулся ко мне и сказал:

— Вы, по-видимому, осуждаете меня, А. И. Напрасно. Ей-Богу. Михаил Михайлович был человек веселый, он очень любил женщин. И он бы меня не осудил.

И этой растленной личности поручили «открыть траурный митинг» — у могилы. Сказал он нечто в этом же духе — о том, какой веселый человек был Зощенко, как он любил женщин, цветы и т. д.

Следующий выступал с большой речью — Н. Ф. Григорьев. Он рассказал собравшимся о том, какой Зощенко был интересный, своеобразный писатель. Осмелев, Н. Ф. сообщил даже, что ему «посчастливилось работать с Михаилом Михайловичем». Все решили, что Зощенко редактировал Григорьева. Оказывается,

наоборот, — Григорьев, будучи редактором «Костра», редактировал рассказ Зощенки.

— Работать было легко и приятно. С молодыми иной раз бывает труднее работать.

Стиль был выдержан до конца.

По просьбе кого-то Григорьев соврал, сказав, что хоронят М. М. в Сестрорецке — по просьбе родственников.

На кладбище приехало много народа, пожалуй, больше, чем на панихиду. Из москвичей я узнал Д. Д. Шостаковича, Ю. Нагибина.

Не раз в этот день вспоминали мы с друзьями Конюшенную церковь, вагон для устриц[3] и пр.

Но на кладбище хорошо: дюны, сосны, просторное небо. День был необычный для нынешнего питерского лета — солнечный, жаркий, почти знойный.

Вы пишете: «Какая это потеря для нашей литературы!» Зощенко был потерян для нашей литературы 12 лет назад. Он сам это понимал. Еще тогда, в 48 году, он сказал Жене Шварцу:

«Хорошо, что это случилось сейчас, когда мне уже исполнилось 50 лет, и я сделал почти все, что мог сделать».

И все-таки очень горько было — и читать эти холодные казенные слова в узенькой черной рамке, и стоять у свежего холмика на кладбище, и снова ехать в город, где уже нет и не будет Михаила Михайловича.

Не думал я, что так много напишу Вам, дорогая Лидочка. Но мне самому захотелось — хоть кое-как, хоть нескладно, а рассказать обо всем этом.

Надеюсь, что в ближайшие дни смогу прислать Вам свои заметки о редактуре.

[1] Письмо послано с оказией. Опубликовано: См.: *Бенедикт Сарнов, Елена Чуковская*. Случай Зощенко // Юность. 1988. № 8. С. 85—86.

[2] Заурядные ленинградские писатели-лапповцы 20—30-х гг. Имя Заводчикова указано неверно. Его звали Владимиром.

[3] А. С. Пушкина отпевали в Конюшенной церкви, а гроб с телом А. П. Чехова перевозили в Россию в вагоне для устриц.

108. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/VIII 58

Дорогой Алексей Иванович. Спасибо Вам за письмо. Словно я сама побывала в тот день в Ленинграде и в Сестрорецке и проводила Михаила Михайловича, и слушала все то, что через десятилетия будет с презрением пересказываться в учебнике литературы. А Ваше письмо войдет, конечно, в соответствующий том «Литературного Наследства» и в комментарий к последнему тому собрания сочинений (не говоря уж о собрании Ваших собственных писем) Михаила Михайловича (не говоря уж о Собрании Ваших собственных сочинений).

109. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

11.VIII.58 г.

Дорогая Лидочка, посылаю часть моих пометок[1]. Окончание следует. Ответил я как будто на все вопросы Вашей «анкеты», но боюсь, что все-таки не совсем то, что Вам нужно.

Что слышно с «Солнечным веществом»? Выйдет ли? Удалось ли? А «Малеевская повесть»[2] — сделали ли Вы то, что собирались сделать?

[1] К письму приложены заметки А. И. Пантелеева о редактировании (машинопись, 13 стр.).

[2] Подразумевается «Спуск под воду».

110. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив
26.VIII.58 г.

Дорогая Лидочка!

Тронула меня Ваша телеграмма[1]. Большое спасибо, что вспомнили обо мне в трудные для Вас минуты. Только напрасно Вы обозвали меня «живым классиком». Думаю, что именно эти слова Вашей телеграммы натолкнули на мысль работников

Сестрорецкого телеграфа тоже поприветствовать меня. Впрочем, милая их телеграмма, подписанная: «ваши читатели работники телеграфа», по-настоящему меня растрогала.

А начальство наше — в лице Соболева, Сартакова и какого-то неизвестного мне Шишова —поздравило меня предельно сухо, что меня, конечно, не должно огорчать, как не должно радовать, что тепло и задушевно привечали меня Чевычелов, Пискунов, Максимова, Компаниец и прочие ненавистники и гонители мои.

Вообще странные бывают на свете вещи. Лесючевский прислал мне дружескую и уважительную телеграмму, а на письмо мое — относительно «Республики Шкид» — так и не ответил. А уже месяц прошел, с лишним, как я ему написал.

[1] 22 августа А. И. Пантелееву исполнилось 50 лет.

111. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/IX 58

Дорогой Алексей Иванович. Вы сделали — и в такое трудное для Вас время — для моей книги больше, чем кто-либо; *больной* переписывали, вспоминали, стучали на машинке и снабдили меня материалом, которому цены нет.

Страницы Ваших писем о редакторе (те, где Вы характеризуете тупицу) так совпадают с моими черновиками, что мне было жутковато читать.

Спасибо Вам.

112. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/X 58

Дорогой Алексей Иванович. Как раз я собиралась Вас окликнуть, когда получила Ваше милое письмецо.

Очень меня ударила смерть Заболоцкого[1]. И подумайте: все его друзья молодости уже умерли: Шварц, Хармс, Введенский. Он был последним на этом кусте, весь куст — вырыт.

[1] Н. А. Заболоцкий умер 14 октября 1958 г.

113. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/II 59

Дорогой Алексей Иванович.

Узнав, что все Ваше семейство в гриппу, я звонила Вам. Говорила с Элико Семеновной, которая мне подробно рассказала обо всех Ваших злоключениях.

Нашу семью грипп пока миновал. Я так радовалась, что К. И. за городом и молодцом. А теперь он в больнице. Поскользнулся возле дачи С. С. Смирнова, с него упала шапка, и он со всего размаху стукнулся головой о лед. Его увезли в Загородную кремлевскую больницу. Вчера полдня я у него была.

Перестав говорить о болезни, он сразу заговорил о Вашей книге. Просил передать Вам благодарность за подарок. А потом произнес речь, которую воспроизвожу слово в слово:

«Читал его книгу всю ночь с наслаждением. Это абсолютный художник. Многое просто на мопассановском уровне. Чудесный рассказ "Карлушкин фокус", я его не знал. (Хохочет.) Ах, как все точно, какой мастер! Вот нам говорят: Катаев, Фадеев... Они ему оба вместе в подметки не годятся. Это настоящий классик, и я всегда конфужусь, когда получаю от него в письмах всякие хорошие слова. Пожалуйста, напиши ему, как я его люблю и высоко ставлю. Чуть мне позволят читать, я сразу буду читать книгу дальше».

114. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово. 2.3.59 г.

Дорогая Лидочка!

Прежде всего — о рукописи[1]. Спасибо, что прислали ее, и еще большее спасибо за то, что предприняли и почти осуществили уже этот великий (во всех отношениях великий) труд!

Хорошо ли это? Прекрасно! У меня тут корректуры скопились — и свои, и «Костровские». Я все отложил и читал, и, дочитав, жалел, что «продолжения не следует».

Правда, поначалу мне казалось, что несколько затянуто предисловие, что в первых главах слишком много примеров дурной

(т. е. ни шаткой ни валкой) прозы и что цитаты эти излишне пространны. Но потом, в масштабах всей книги, все это как-то забывается, уже не кажется лишним. Понимаешь, что все это нужно. И что примеры из *средней* прозы так же необходимы и так же уместны, как и блестящие цитаты из Панферова.

Может быть, начало действительно вяловато и суховато по сравнению со всем остальным. Не расписались еще — во-первых. А во-вторых — вводно-историческая часть, по-видимому, не дает размахнуться Вашему таланту. Там, где нет полемики, Вы — не в своей стихии. (С Панферовым Вы разделываетесь блестяще. Не знаю, как выдержит все это редактор, если он хоть немного похож на того, с которого Вы портрет пишете.)

Вот пример фразы недостаточно энергичной: «Пу*ть т*аланту... был *пробит,* проложен» (на стр. 7). Это *вслух* не читается. Кроме того, тут какая-то замаскированная тавтология: путь и дорога — синонимы. (Может быть, здесь «путь» и не нужен. «Таланту, “еще не совсем отыскавшему свою дорогу”, эта (какая-то) прямая, широкая etc. дорога была наконец проложена и указана»?)

Таких примеров в дальнейшем не встретишь. Как только Вы выходите за пределы не очень интересного для Вас, обязательного, вводного — появляются и яркие краски, и задор, и слова уже льются, а не топчутся.

Есть у меня несколько пожеланий.

Первое — личного характера. На стр. 81 Вы поминаете меня и мой «Пакет». Нужно ли это? Ведь в других случаях Вы обходитесь без имен и названий. Зачем же изменять взятому правилу? Впрочем, я *тут* пекусь, признаться, не столько о стройности принятой Вами системы, сколько о собственном реноме.

Еще одно пожелание. Не стоит ли Вам подыскать названия главам и разделам? Советую, Лидочка, подумать над этим. Заглавия не только оживят книгу, но и помогут читателю лучше ориентироваться в ней. А ведь к этой книге — я уверен — многим и многим понадобится и захочется обратиться не один раз.

Не скажете ли Вы где-нибудь несколько слов в защиту вульгаризмов, в частности — жаргона. (Хотя бы там, где Вы говорите о даме «просто приятной» и «приятной во всех отношениях».) *Любое* слово может обогатить литературный язык — в том числе и жаргонное. Вот — первый вспомнившийся пример: двурушник, двурушничество. Слово это встречается у Ленина, в передовых

«Правды» и т. д. А ведь немногие знают, что происхождение его — блатное. Так назывались в старину у профессиональных нищих, у «стрелков», их наиболее деятельные соратники, просившие подаяние сразу двумя руками.

Лидочка! Ждем продолжения!

Желаю Вам здоровья, вылезайте из гриппа и — пишите, пишите, дописывайте то, что осталось. Ведь у Вас уже все на ходу, все кипит, все уже в той стадии, когда работа становится *самоходной*, — только сиди да заправляй машинку или нацеживай чернила в ручку.

[1] Имеется в виду рукопись книги Лидии Чуковской «В лаборатории редактора».

115. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/IV 59

Дорогой Алексей Иванович!

Что-то от Вас давно нет вестей.

Я уныло и бездарно корплю над пятой главой. Два шага вперед, три назад. Срок, срок, срок! Мне не поспеть ни за что.

Некоторые радости:

вчера я держала в руках сигнальный экземпляр «Солнечного вещества». Тиража еще нет, но теперь я уже не боюсь: он будет.

Сейчас передо мною лежит верстка «Месяца диких коз» Хавкина. Читаю и снова убеждаюсь, что в этой книге много хорошего.

Да, еще радость: книжка Сарнова[1]. Я ее прочла вчера очень внимательно. Это радость сквозь утраты. Утрачено время, утрачен голос автора. Почему-то скучно читать о «Республике» и о «Часах». Со многим я не согласна — напр., с тем, что Гайдар лирик, а Вы — нет. (Пример из Гайдара — кусок риторики, а не лирики.) Но зато очень хорошо у него вышло о Маршаке, о «Пакете», о «Долорес». Вообще книжка квалифицированная. И хорошо, что она существует. И Сарнов, несомненно, человек талантливый.

[1] Упомянута книга: *Б. М. Сарнов*. Л. Пантелеев: критико-биографический очерк. М.: Детгиз, 1959.

116. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 26.IV.59 г.

Дорогая Лидочка!

Писал Вам на днях из Комарова, а в Ленинграде ждало меня Ваше письмо. Спасибо. Радуюсь вместе с Вами, что скоро к читателям (и ко мне в том числе) вернется «Солнечное вещество». Удивился (и порадовался, конечно), узнав, что вышла книжка Сарнова. А я уж, признаться, думал, что Детгиз угробил ее вместе с «Республикой», «Часами» и прочим. Вчера заходили с Машкой в Дом Книги, — в Ленинграде сарновской книжки нет. Если будет случай, попадется она Вам на глаза — купите, пожалуйста, несколько экземпляров для меня. Очень обяжете. В рукописи-то я эту книгу читал, но, говорят, после этого ее еще раз простирали, прополоскали и выгладили. Жалко мне и себя, а еще больше — молодого и действительно очень талантливого автора.

Пишу это письмо наспех. В квартире у нас идет ремонт, в комнате у меня воздвигнуты наконец книжные полки, и я второй день до изнеможения тружусь — расставляю книги, которых, как выяснилось, куда больше, чем нужно.

Желаю Вам успешно и в заданный срок закончить пятую главу и все последующие. Книга у Вас получится ОЧЕНЬ хорошая. То, что уже написано, — верный тому залог.

117. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/V 59

Дорогой Алексей Иванович. Спасибо, милый друг, что верите в мою книжку, — мне эта вера очень нужна. Я как-то растерялась и ослабела, а ведь сколько еще труда — и горя — впереди.

Получили ли Вы книжку Сарнова — 5 экземпляров? Он послал один в Комарово и четыре в Ленинград. С этой книжкой тоже морока. Мне предложили написать о ней в «Лит. Газету», а я отказалась. Не только потому, что не могу сейчас отрываться от своего писания, но и потому, что мне слишком хочется сетовать на то̀, что из нее исчезло. А это неуместно.

Гнетет меня необходимость написать о Введенском. Я обещала — и не пишу (Предисловие к стихам). Не знаете ли адреса — и фамилии — жены его? Мне необходимо обратиться к ней за некоторыми справками.

118. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив, 7.VIII.59

Дорогая Лидочка!

В чем дело? Почему вдруг оборвалась наша переписка? Обидел я Вас чем-нибудь? Огорчил?

Прислали Вы мне свою статью о редактуре и, против обыкновения, даже не надписали ее[1].

Статью прочел с удовольствием. Спасибо. А как работа над всей книгой? Идет к завершению? Или уже завершена?

22 июля, в годовщину смерти М. М. Зощенко, мы ездили на кладбище: Александра Ивановна, Элико, я, Маша и 7-летний мальчик, гостящий у Ал. Ив.

С горечью вспоминается мне эта прогулка.

Я почему-то считал, что на могиле в этот день будет много народа, и не знал, как поступить с ребятами, — не будут ли они шуметь, прилично ли это, не оставить ли их где-нибудь в отдалении.

Напрасны были мои опасения.

Могилу мы отыскали с трудом. Впрочем, это никакая даже не могила. Как в прошлом году засыпали яму и свалили на нее цветы и венки, так все и лежит нетронутым в течение года. Не только памятника, надгробной плиты или простой дощечки с именем покойного нет. Даже холмика могильного нет. Пройдет год, и не найти будет могилы, сгниют венки и ленты, смоют их дожди, заметет песок...

И жутко, и странно. Ведь остались жена, сын, любящий внук. И женщина, которая любила его.

[1] Возможно, речь идет о статье: *Лидия Чуковская.* Убедительность словесного искусства. [Отрывок из кн.: В лаборатории редактора] // Сибирские огни. 1959. № 6. С. 148—159.

119. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/VIII 59

Дорогой, дорогой друг, как Вы могли подумать, что чем-нибудь меня огорчили или обидели? Никогда этого не бывало. Огорчила себя я сама, а обидел меня Бог, совершенно лишив толковости и памяти. Послать Вам статью без надписи! Это сто-

ит прошлогодней путаницы с надписями и адресами! Извините великодушно.

Я пишу книгу — упорно и медленно. Устала я. Написала кое-как V главу, теперь мучаюсь с шестой — маршаковской. Каждый день мысленно благодарю Вас за драгоценный материал. Кончив (кончив! разве это когда-нибудь будет?) пошлю Вам обе главы... А Вы? Пишете ли?

Ваня и В. В. месяц провели в Переделкине, мы много виделись с ними, потому что ведь я теперь — впервые! — могу в Переделкине жить и спать: мне выстроена на участке будка, и я там живу! Девять метров. В глубине, в лесу. Если бы Вы знали, как чудесно там просыпаться — рано утром — и сразу видеть лес — изнутри леса — и слышать птиц. И сразу выбираться на пень и — писать. Скоро этому конец, потому что будка без печки.

Будка — прелесть, очень благоустроено внутри: свет, ковер, тахта, вентилятор. Но снаружи она похожа на ларек, и Марина[1] прозвала ее: «Пиво-воды». Прозвище осталось, и у нас целый день говорят: это в Пиво-воды... Лида ушла в Пиво-воды и пр.

Ну и пусть — зато знали бы Вы, как там тихо!

К. И. здоров, пишет о Чехове, пристраивает к библиотеке большую комнату, организует костер, на который обещает приехать С. Я.

То, что Вы написали о могиле Михаила Михайловича, потрясает душу. Стыдно, больно, позорно. А может быть, так и надо, чтобы могилы героев и мучеников *сначала* терялись — тем прочнее память, подвиг, имя? Но — родные!

[1] Марина Николаевна, жена Николая Корнеевича Чуковского.

120. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Разлив, 31.VIII.59

Дорогая Лидочка!

Как вы и что у Вас?

Целуйте, пожалуйста, Корнея Ивановича. Скажите, что ждем не дождемся его «Чехова».

Машка растет. Сухое лето и в самом деле пошло ей на пользу. Она почти не хворала.

Я работаю — каждый день, без выходных. Но — по многу работать уже не могу. И результатами своей работы редко бываю доволен.

«Республика Шкид» еще весной вышла в Берлине, уже разошлась. На днях я получил письмо от секретаря Центрального Совета Freie Deutsche Jugend (это что-то вроде ихнего комсомола), который *просит, не разрешу ли* я включить «Республику» в список 20-ти лучших книг для немецкого юношества. В 1960 году они собираются такую библиотеку издавать.

А издатели прислали мне копию письма какого-то старого учителя из Веймара, который пишет, что он «как и все немецкие педагоги благодарен издательству за то, что оно вернуло им их старую "Шкид"».

А у нас, в отечестве нашем, «Республика Шкид» так и не выходит. Мне, честное слово, перед немцами неудобно. Я решил куда-нибудь написать, но прежде хочу с Вами посоветоваться. В прошлом году Вы мне писали, что в ЦК Вас спрашивали, переиздается ли «Шкида»? Может быть, мне стоит написать туда? Но — кому? По какому адресу? И, действительно, стоит ли? Я никогда не писал в эти высокие инстанции.

Уже 4-й месяц я не курю. Так как похвастаться больше нечем — письмо заканчиваю.

121. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/IX 59

Дорогой Алексей Иванович. Что касается «Республики», то, мне кажется, Вам следует написать Игорю Сергеевичу Черноуцану. Это тот товарищ, который помог мне с «Солнечным веществом» и который спрашивал меня в ту встречу о «Республике». Он человек хороший: отзывчивый, деловой, тонкий, — хотя в известной мере и службист (т. е. по мановению начальства тонкость его слегка притупляется). Но в литературе понимает, и Вас, и «Республику» ценит высоко. В настоящее время у него пост большой — работает в отделе культуры ЦК, заместитель Поликарпова (тот — совершенно к литературе глух, принимает Панферова за писателя).

Адрес такой: ЦК, Отдел Культуры, Игорю Сергеевичу Черноуцану.

Напишите ему о Вашем письме к Лесючевскому, о его молчании — и непременно о ГДР... Что за стыд, что за срам! Господи!

122. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
19.X.59 г.

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за Черноуцана. Он мне не ответил, но третьего дня звонил Авраменко, главный редактор Ленинградского отделения издательства «Сов. Писатель».

— Слыхал, что Вы переработали «Республику Шкид». Не зайдете ли?

Думаю, что это — неспроста. У нас не водится, чтобы главный редактор по своей охоте обращался к автору.

123. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12 декабря 1959. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Давно не было от Вас вестей. Я не знаю, как рука Ваша и как «Республика Шкид». Имел ли какое-нибудь продолжение разговор с Авраменко?

Недавно в Переделкинской библиотеке, по моему совету, руководитель литературного кружка, Саша, читал детям вслух «Честное слово». Слушали очень хорошо, особенно девочки (этика!). Потом им дали пластилин, они лепили. Все лепили домик и мальчика на часах. Настоящий домик (не склад) и мальчика почему-то с ружьем. Одна девочка, вылепив домик и часового, спросила меня:

— А как вылепить слово? Честное? Которое он дал?

Книгу я сдала; на днях месяц как она лежит в редакции и у С. Я. Редактор читает, С. Я. — никак. И назад не отдает.

Вам пока не посылаю, потому что буду сильно править VI главу.

[1] Датируется по п/ шт.

124. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Малеевка, 15.I.60 г.

Дорогая Лидочка!

Вот уже пятый день мы в Малеевке, и на каждом шагу я вспоминаю Вас и Вашу повесть — и на прогулке, и в парке, и на берендеевой тропе в лесу, и за овальным столиком в столовой.

Все Ваши предсказания сбываются: дом нам «активно не понравился», но стоило выйти из-под его тяжелых сводов и отойти шагов на сто-двести — и все забылось, и простилось, и на все, так сказать, наплевать.

Очарование здешних мест, действительно, пером не описать. Давно я не испытывал такого ликования от общения с природой. Смотрим и не насмотримся, дышим и не надышимся.

Успели побывать дважды в Старой Рузе, ездили на автобусе в Рузу.

Встретили нас, ленинградцев, как и следовало ожидать, негостеприимно, комнату дали маленькую, одиночную, сплю я, как собачка при барыне, на диванчике. Вначале нам хотелось поворчать и пожаловаться, но потом мы поняли, что не в этом счастье, и наплевали и на комнату, и на диван. (Каково после этого спать на нем?)

Чувствую я себя лучше. Мне позволили принимать ванны. И я принимаю их.

125. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/II 60

Дорогой Алексей Иванович.

Вот и не удалось мне приехать к Вам в Малеевку, устроить себе этот праздник.

В тот день, когда я собиралась к Вам, — явилась комиссия в библиотеку и мне пришлось сидеть на месте.

А так хотелось повидаться и вместе побродить по снегу.

Теперь я к Вам с просьбой, милый друг.

Моя книга должна идти в набор 28 февраля. Если не пойдет — отложится очень надолго. Я до сих пор не могла ни Вам, ни К. И. дать прочитать V и VI — т. е. по новому исчислению VI и VII главы — т. к. попала в капкан: один экземпляр — у редак-

тора, второй — у Глоцера, проверяющего цитаты, третий у С. Я. в Барвихе... С. Я. и читать не читал и отдавать не отдавал... Наконец завтра я еду в Барвиху и беру — прочел или нет. И самое позднее послезавтра — посылаю Вам две — или одну последнюю — главу: «Маршак-редактор». Кажется, она совсем не удалась мне; я ее писала в очень трудное время, переполненное кляузами, скандалами, судами — а также горями; исправить ее *по существу* я уже не могу. Но судорожно пытаюсь исправить хоть мелочи. И вот, дорогой друг, просьба: прочтите как можно скорее и верните мне... Ваши замечания и экземпляр нужны до зарезу.

126. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 18.II.60

Дорогая Лидочка!

Получил, прочел и тотчас отвечаю.

Но почему Вы послали мне одну главу и именно эту?

Все очень хорошо, умно, остро, убедительно и почти везде общедоступно. Имею в виду адрес книги: *кому ее читать?* Ведь единомышленников убеждать не надо, а с инакомыслящими следует говорить понятно и не очень обидно для них. И вот это условие, по-моему, в Вашей рукописи почти всегда соблюдено. (Правда, кроме инакомыслящих, есть еще *вовсе не мыслящие,* но не о них забота.)

Некоторые мысли сформулированы с точностью заповеди: «Если человек полагает, что замена слова или слога в рукописи — это пустяк, это непринципиально, — настоящим редактором ему не быть».

Трудно представить критерий точнее этого!

Есть ли замечания?

Показалось мне, что многовато Станиславского. То есть все интересно, все цитаты к месту, все аналогии справедливы и убедительны, но — радуешься почему-то примерам из практики литературной, хотелось бы, чтобы их, т. е. ссылок на литературные авторитеты, было больше — но это уж я — так, с жиру.

Спасибо, Лидочка! Рукопись возвращаю. Желаю хорошего. Спешу.

127. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Москва, 25.2.1960 г.

Дорогая Л. К. Возвращаю рукопись. По-моему, Вы напрасно считаете эту главу неудачной. Мне там только начало не понравилось, — страницы, где изображено утро в редакции. Статично очень, какие-то «живые картинки»... И не все портреты удачны. Я уже говорил о Юре Владимирове. Может быть, он и ходил с портфелем, но разве это характерно для него? Зачем Вам понадобился этот портфель? Да еще «старенький». Разве он помогает создать образ? Разве в Вашей памяти Юра такой? Я его помню другим. Милый, какой-то стивенсоновский мальчик, веселый, отважный, с распахнутой грудью... Капитан яхты. Стоит на крохотном своем капитанском мостике, сложив по-наполеоновски руки, грозно смотрит вперед, а яхта летит на всех парусах и вот-вот сядет на мель! (Дело происходит в Маркизовой луже, неподалеку от грозных лахтинских берегов.)

А другие обереуты?! Ведь это же был народ *причудливый.*

Я помню Хармса, юношу, в котелке, с пластроном[1], а позже — с бархатной ленточкой на лбу.

А Олейников, похожий на молодого Пруткова!

И все напропалую острят.

О себе я тоже говорил Вам. Если у меня был фотографический аппарат, то почему же я — весь в ремнях? Фотоаппарат носят на одном ремне. Это лестно, что Вы мне их столько придали, но думаю, все-таки, что не этим я отличался.

Может быть, застенчивый до мрачности, молчаливый, вспыхивающий, краснеющий, как девочка.

А Житков, который молча курит! Я уж не говорю о том, что в редакции, которую Вы рисуете, Борис Степанович уже не бывал. (Эта, и подобные ей, неточности огорчили меня по-своему.) Там же, куда Житков приходил, он был *в центре.* Молча курить он мог только демонстративно, выражая протест, а не по застенчивости или задумчивости.

И вообще «сбор всех частей» производит впечатление какой-то искусственности, выдуманности, нарочитости. Другое дело, если бы Вы писали: «*бывал* здесь такой-то», «часто видели эти стены», «можно было здесь встретить» etc.

Но собрать всех героев в один день, в один час и в одной комнате!..

Впрочем, все это придирчивые заметки человека, который гораздо реже бывал в редакции и гораздо хуже помнит обстановку тех лет.

Но вот мелкие замечания:

Над каким «горбатым мостиком» висит «фонарь с крошечным узким балкончиком»? Не точно! Никакого там мостика нет, а есть самый, если не ошибаюсь, широкий в Европе мостище.

Иду дальше по тексту.

Стр. 17. Пантелеев — безвестный воспитанник детского дома. Когда я встретился с Маршаком, я уже давно не был воспитанником детского дома. Я успел переменить несколько профессий, а когда познакомился с С. Я., был автором первой книги, 18-ти лет от роду.

(Может быть, *выпускник* петроградского детского дома? Или «Недавний *воспитанник* детского дома?)

Дальше у меня записано: «Добавить Гайдара, Берггольц, Евг. Шварца, Дойвбера Левина». Но в дальнейшем у Вас о всех этих людях сказано.

Не сказано, по-моему, только о Вл. Беляеве, который появился как раз в эти годы и с помощью редакции сделал свои первые книги «Старая крепость», «Дом с привидениями» и др. (Между прочим, очень показательный факт, который Вы напрасно не использовали: как плодотворно сказывалась «ленинградская школа» на творчестве молодого Беляева и сколь катастрофически отразился его отрыв от Ленинграда на дальнейшей работе, в частности, на последней: книге трилогии[2].)

Не упомянули Вы Рахтанова. А ведь он начинал в Ленинграде. Там вышел его «Чин-Чин-Чайнамен». О том, как Маршак учил его писать, по-моему, рассказывает в предисловии к своему последнему сборнику сам Исай Аркадьевич.

Блестяще написано у Вас о Тэкки Одулоке — история создания книги.

Чем дальше, тем лучше. Там, где завязывается настоящий разговор о работе, крепчает и голос Ваш.

На Вашем месте я бы сказал и о Голубевой, и о Мирошниченко. Я понимаю, что трудно, но хотя бы как пример просчета: сделали книгу, а не писатели!..

В примечании на стр. 140 несколько неточностей. Детский отдел ГИЗ'а впоследствии стал Детиздатом, а потом уж Детгизом.

Житков ушел не «по собственному желанию». Впрочем, на эту тему я мог бы много сказать. Это, я думаю, Вы напрасно совсем уж сгладили острые углы. Вообще, если в главе и есть недостаток, то это — ее некоторая *розовость*. Единственный шквал, которому Вы позволяете ворваться в безмятежный мир редакции, — это рапповская травля Маршака и Чуковского. А ведь были и посложнее бури!..

В те годы Маршак был безоговорочно хорош, делал большое дело, и, по-моему, он не нуждается в подкрашивании и в похвалах преувеличенных.

На стр. 148, где идет речь об опечатках, — баснословное, простите, вранье. В одном издании моих «Часов» (редактор З. М. Задунайская) автор обнаружил 58 опечаток. И никто после этого не стрелялся и не стрелял в машинисток и наборщиков. Но может быть, такая легенда нужна и полезна? Пущай!

Там же, по соседству, где Вы говорите о том, что Маршак заражал своей вдохновенностью техредов и курьеров — необходим живой пример, доказательство. Без примера тут не пойдет, на слово читатель не поверит.

Простите, Лидочка! Пишу ночью. Стараюсь писать четко. Но — стоит ли стараться? Вряд ли Вам пригодятся мои хаотические заметки — след столь же хаотического, отрывочного чтения.

Повторяю: в целом глава очень хороша. Всюду, где речь идет о работе. Но ведь это не конец? Есть еще «заключение»?

[1] Пластрон (plastron, *лат.*) — крахмальный перед мужской сорочки.
[2] Речь идет о трилогии В. Беляева «Старая крепость» (ч. 1—3, 1937—1951).

128. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 21.III.60 г.

Дорогая Лидочка!

Почему-то на этот раз мне кажется, что я очень-очень давно, бесконечно давно не видел Вас, хотя не минуло еще и трех недель с того дня, когда мы сидели с Вами на этих ужасных поминках[1].

Что с Вами? Где Вы?

Я — в Комарове. Мне предложили поехать сюда на 20 дней, и я поехал.

Здесь я еще немного работал над «Шкидой».

Книга уже у художника.

Вчера я получил письмо от В. Ф. Пановой. Она рецензировала новый текст «Республики Шкид». Я больше всего боялся — не испорчена ли в результате переработки книга. Вера Федоровна считает, что книга стала лучше, ничего не утрачено от «милой юношеской неуклюжести».

Между прочим, я, кажется, забыл сказать Вам, что главу, которую Вы в своей книге называете «лучшей», я написал заново. Я говорю о «Леньке Пантелееве». Переписал я эту главу не только потому, что не согласен с Вами и не считаю ее лучшей. Появилась повесть «Ленька Пантелеев», где некоторые факты Ленькиной биографии освещены несколько иначе.

[1] То есть на поминках по Т. Г. Габбе. Она умерла 2 марта 1960 г.

129. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/III 60

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо Вам за то, что меня окликнули.

В самом деле, поминки были ужасны. И — не странно ли устроена душа человеческая? Ведь С. Я. действительно в горе, — но ведь он был доволен, что все происходит «по первому разряду», и присутствие Суркова, причинившего Тусе столько зла, не казалось ему кощунством. Напротив, он был удовлетворен: сделали, мол, для Т. Г. все, что положено...

А сейчас ему, бедняге, худо, худо. Не знаю, как он справится со своей жизнью.

PS. Все говорят о Ваших рассказах в «Огоньке», а я еще не читала, у меня нет «Огонька», но прочту непременно. За «Республику» рада, знаю, что С. Я. собирается писать предисловие (он попросил у меня мою статью и цитаты из Горького). То, что Вы изменили главу, меня не смущает нимало; ведь я-то пишу о первом издании, а тамошняя глава, по моему мнению, была *в том варианте книги* — лучшей. О новом же я ничего еще не могу писать, хотя охотно верю Вам и Вере Федоровне[1], что книга выиграла.

[1] Пановой.

130. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/III 60, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Пишу Вам по поручению С. Я. Мы у него вчера были с Шурой. Он начал работать над предисловием к «Республике». Я ужасно рада. Я ему отвезла свою статью, все необходимые цитаты и пр. (Даже цитаты из него самого — он позабыл!) Ну вот. Но он задает мне вопросы дополнительные, на которые я, по своему беспамятству, не умею ответить. Он просил меня написать Вам — с тем, дорогой друг, чтобы Вы отвечали непосредственно *ему*, и немедленно.

1) Сколько было лет Вам и сколько Белыху?

2) В каком году Вы написали Шкиду? (Она вышла в 27 — стало быть, в 26?)

3) Почему вы принесли ее сначала в Отдел Народного Образования?

4) Не помните ли, как называлось тогда издательство: Отдел детской и *юношеской* литературы Ленииздата? Госиздата?

5) Подробно: сколько поэтов, прозаиков, режиссеров, учителей — и просто достойных тружеников вышло из Шкиды?

6) С кем из шкидцев Вы встречаетесь сейчас?

Вот так.

131. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4 апреля 1960. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Ничто не могло обрадовать Корнея Ивановича так, как Машенькин дневник. Я сама прочитала ему вслух две первые порции. Дневник удивительный по точности, тонкости и артистизму записей, по совпадениям с «От двух до пяти», по интересности самого материала. К. И. в те дни было хуже, но он реагировал восторженно на каждую строчку и просил меня написать Вам, что Вы будете первым, кому он напишет поправясь, и что он будет просить у Вас разрешения опубликовать дневник в следующем издании «От двух до пяти», если Вы не собираетесь публиковать его сами.

О себе сказать нечего. Надо браться за книгу о Герцене, на которую у меня договор, а душа к этому колоссальному труду совсем не готова.

Корректуру книги о редакторе обещают через 10 дней.

Тусины последние дни все время перед глазами и в сердце. И вся ее жизнь — наша жизнь — просматривается теперь с новой точки.

Написали ли Вы С. Я.?

[1] Датируется по п/шт.

132. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 5.IV.60 г.

Дорогая Лидочка! Оба Ваших письма я получил. Простите, что не сразу ответил. Сначала был занят печатанием выжимок из «Нашей Маши», потом Вы загрузили меня Маршаковской «анкетой».

То, что С. Я. пишет предисловие к «Шкиде», было для меня полной неожиданностью. Об этом, т. е. о предисловии, насколько мне известно, хотели просить В. Ф. Панову.

Во втором письме Вы ничего не пишете о здоровье Корнея Ивановича. Лучше ему? Встает? Ходит? Выходит?

Мне стыдно, что я загрузил его таким огромным количеством шлака. Вряд ли он найдет там что-нибудь стоящее для своей «От двух до пяти». А кроме того, все это, т. е. дневниковые заметки, написано таким ужасным языком! Ведь я, когда «сочиняю», по десять раз переписываю, а дневник пишу, ясное дело, без черновиков, перечитывал же его торопясь, без малейшей правки.

Неужели «все вокруг говорят о моих огоньковских рассказах»?[1] Если и говорят, то вряд ли хорошо. И какие же это, простите, рассказы? Это редакция их так обозначила, а вообще-то это — не больше как заметки из записной книжки. Не в оправдание себе, а в утешение могу сказать, что журнал выбрал и опубликовал не лучшее из того, что я им дал.

[1] В журнале «Огонек» (1960. № 12) опубликованы рассказы Л. Пантелеева: «Настенька», «Брат алкоголика», «Плоды просвещения» и «Всепоглощающая любовь» (*СС-П*. Т. 3. С. 113—118).

133. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/IV 60

Дорогой Алексей Иванович.

Только сегодня прочитала я Ваши рассказы. По правде сказать, впечатление у меня сложное. Не всякая запись, даже самая мастерская, но мимолетная, оказавшись перенесенной на страницу журнала, обретает силу литературного произведения. Ведь «Трус» или «Честное слово» или даже «Маринка», вероятно, тоже родились из записей. Но они состоялись, родились — а эти не совсем. В чем тут дело, определить не берусь — в легковесности, что ли? Более всех мне понравилась «Настенька». Семья нарисована точно, сильно, ярко, по-пантелеевски. Так и вижу сытых папу и маму и сытую принцессу. Но и тут — конец, вывод — мелок. «Всепоглощающая любовь» тоже написана отлично, но она слишком длинна для такого мелкого бытового вывода.

Теперь Алексей Иванович, дорогой, хочу Вам сказать одну вещь, на которую Вы, пожалуйста, не сердитесь. Говорю Вам по секрету, полномочий не имею никаких, даже напротив, имею запрещение. Но «ради мира и дружбы» решила запрет нарушить. Только Вы меня не выдавайте.

Дело в том, что на Вас обижен С. Я., и я думаю, что Вам следует знать это... В Вашем письме к нему (в ответе на вопросы) Вы (по его словам) не прибавили к деловым ответам ни единого звука участия[1]. Это его обидело. Когда я ему сказала: «наверное, А. И. просто очень торопился, я требовала от него ответов самых скорых», — С. Я. этого объяснения не принял и стал жаловаться, что Вы с ним вообще последнее время сухи. «Только не пишите ему».

Быть может, это все ему кажется. Быть может, так и есть, и Вы имеет основания быть с ним сухим. Все может быть. Но, милый друг, сейчас у него такая страшная пора жизни, что он нуждается в милосердии.

Простите меня.

[1] То есть не выразил сочувствия по поводу смерти друга и помощницы Т. Г. Габбе.

134. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 23.IV.1960 г.

Дорогая Лидочка!

Письмо Ваше получил с опозданием, т. к. неделю пробыл в Ленинграде и только вчера вернулся.

Спасибо Вам за отзыв о моих огоньковских рассказах. Как и за доброе вмешательство в мои отношения с Самуилом Яковлевичем. Я ему уже написал. На Вас не ссылался, говорю — дошли слухи. А это — правда, потому что о том же говорила мне и Александра Иосифовна.

В Вашем письме все хорошо, кроме последней строки, где Вы взываете к моему милосердию. В этом нужды нет. Самуилу Яковлевичу я писал коротко, но неверно, что я ничего не прибавил к «деловой части». Просто ему хотелось бы еще большей задушевности, тепла, участия. А мне мешало то, что письмо — деловое и касается как раз моих дел. (Это глупо, конечно.) Мешало и другое — то, что всегда мешает: говоришь «в сторону», не рассчитывая на ответ, на живой отклик. Это, действительно, очень затрудняет письмо. А С. Я. не понимает этого. Давно както Тамара Григорьевна говорила мне, что «все Маршаки очень плохие психологи».

Все, что Вы сказали о «рассказах» моих, — справедливо. Тут я не только не угадал, но, по-видимому, и перемудрил. В свое время я старался придумывать так («Маринка», «На ялике», «Долорес» и др.), чтобы выглядело *бесхитростной записью.* А тут, наоборот, пытался простую запись, не придумывая ни единого слова, превратить в искусство. Не вышло, споткнулся.

135. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/IV 60

Дорогой Алексей Иванович.

Не сразу отвечаю Вам, потому что у меня верстка книги. Думала, кончу на праздниках, но пока дали только 11 листов, а их 16. Читаю, проверяю, волнуюсь. Судить о написанном уже совсем не могу, — пригляделась, прислушалась. Кроме того, читая, думаю больше о глазе, чем о книге.

Послезавтра я собираюсь съездить к С. Я. в Барвиху. Он обещал почитать мне предисловие к «Республике». Как бы хорошо, если бы это оказалось хорошо.

Читали ли Вы нового Твардовского? Я огорчилась. А Вы? Первая из двух напечатанных вчера глав — рыхлая, бескостная; вторая — показывает, что автор еще не освободился от гипноза, еще не в силах называть вещи своими именами[1].

[1] Упомянута глава «Так это было» из поэмы А. Твардовского «За далью даль» («Правда». 1960. 29 апр.). В главе рассказывается о встрече автора с другом, вернувшимся из заключения. Л. К. возмутило «применение к Сталину — пакостнику, интригану, провокатору — слов “суровый”, “грозный”, “вел нас в бой...”. А “тризна”, “бразды”, “ведал”! Не о Владимире ли Красное Солнышко речь?» (*Записки*. Т. 2. Запись 3 мая 1960 г.)

136. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 7.V.60 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Предисловие к «Республике Шкид» ждут и автор и издатели. Я тронут самым настоящим образом, что С. Я. пишет его в трудное для себя время и — главное — не тянет, не задерживает. В мае статья должна быть в типографии, потому что книга уже почти вся набрана. (Вчера был у меня редактор, привозил показывать очень неважное «оформление».) Зная способность С. Я. откладывать и оттягивать трудное и не очень для него интересное, я боялся, что он и тут выступит в привычной роли. А вот он уже Вас просит послушать статью!!! Поражен и — жду Вашей информации.

137. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/V 60

Дорогой Алексей Иванович.

Сейчас я в Переделкине. Сейчас — впервые в этом году — сижу на лавочке в лесу.

Гложет меня тревога: у Бориса Леонидовича инфаркт и, говорят, «хуже, чем был у Олеши». А Олеша скончался третьего

дня. А сказал это проф. Фогельсон, который лечил Олешу и лечит Б. Л.

Вчера приезжала ко мне сюда Анна Андреевна и мы вместе зашли к Б. Л. Не к нему, конечно, а к его близким. Сказали: «сегодня ему лучше».

У Олеши был организм очень истрепанный, а Б. Л. — здоровяк. Но ведь у Б. Л. это уже второй инфаркт.

С. Я. говорил мне, что написал Вам большое письмо. На днях я была у него и читала ему вслух предисловие. Оно стало лучше. Оно совершенно готово, нужно только переписать на машинке и послать. И вот тут-то и начнется, я боюсь, болезненная медлительность. Если предисловие еще дня 2—3 не прибудет в Ленинград, советую Вам просить издательство позвонить или телеграфировать С. Я.

О Вас С. Я. говорит с нежностью, но огорчен Вашей фразой, что теперешние ваши отношения хуже, чем были 30 лет назад.

Конечно, он труден, мне ли не знать. Но Вас он действительно любит, а это главное.

Перечитываю свой дневник, выбираю странички о Т. Г. Вот это мне по душе.

Так часто говорят: «не верится, что ее уже нет с нами». А я в самом деле не верю и близко чувствую ее от себя. Слышу голос, вижу улыбку и руки.

138. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 25.5.1960

Дорогая Лидочка.

Совершенно напрасно я беспокоил Вас и прибавил лишних забот и хлопот к тем, которые у Вас уже есть в преизбытке. Статью Самуила Яковлевича получили — и «Советский писатель», и я.

Вы скажете, что я — неблагодарная свинья, но, Вы знаете, мне показалось, что статья не совсем еще готова. Она велика, многословна — главным образом за счет обильных цитат из «Республики». Я долго думал и наконец решил сообщить свое мнение в наиделикатнейшей форме Самуилу Яковлевичу.

В Издательстве тоже считают, что статья велика и нуждается в некоторой отделке, но редактор не решается писать об этом Маршаку.

С. Я. просил меня, в случае если встретятся фактические ошибки, исправить их. Но ведь тут — дело другое.

Огорчительно, что я должен был писать об этом Самуилу Яковлевичу в больницу. Если Вы увидите его или будете говорить по телефону, скажите, пожалуйста, что я хвалил его статью, радовался, выражал чувство признательности и благодарности и, между прочим, что-то там такое упомянул о несколько затянутых цитатах из «Шкиды».

139. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/V 60
Вечер
Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Я сейчас вернулась от С. Я., из больницы.

Я опять читала ему вслух предисловие (он настаивает, что это именно предисловие). Оно сокращено. Сегодня мы сократили еще кое-что, и оно снова будет переписываться на машинке. Но после перепечатки не пойдет к С. Я., а прямо будет послано в Ленинград Лелей[1].

Завтра иду в больницу к Анне Андреевне. Должна была идти сегодня, но две больницы в день мне, кажется, не по силам. Она в Боткинской. У нее, слава Богу, не инфаркт.

А вот Б. Л. я, наверно, уже больше никогда не увижу. Ему все хуже и хуже. Теперь говорят, что у него, кроме инфаркта, — рак желудка и легких и что это последние дни. К нему давно уже никого не пускают.

Страшно мне ехать в Переделкино. А надо, надо и потому, что Корнею Ивановичу будет очень трудно пережить приближающееся несчастье. Он и думать не может о конце Б. Л.; написал в одном письме, что и сам тогда жить не будет.

Пожелайте мне мужества.

[1] Леля — домашнее имя сестры С. Я. Маршака, писательницы Лии Яковлевны Прейс (псевд.: Елена Ильина).

140. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

3.VI.60

Дорогая Лидочка!

Все мы, читатели и ценители, потеряли так много, а Вы еще лишились и очень близкого Вам человека. Хочу надеяться, что у Вас достало мужества перенести и этот удар. И Корнею Ивановичу желаю того же. Как мерзко и беспросветно глупо поступило наше писательское начальство, опубликовав эту куцую заметку о смерти члена Литфонда[1]. Стыдно! Впрочем — кому? Мертвые сраму не имут, а те, кто готовил к печати эту заметку, если и знают, что такое стыд, то ведь считают, что он — не дым. Стыдно разве лишь нам — за то, что живем под одним небом и дышим одним воздухом.

[1] 2 июня 1960 г. в «Литературной газете» в последнем столбце на последней странице мелким шрифтом в траурной рамке было помещено такое объявление: «Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Пастернака Бориса Леонидовича, последовавшей 30 мая с. г. на 71-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного». Никаких других некрологов и статей в советской печати не появилось.

141. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/VI 60

Дорогой Алексей Иванович.

Я не писала так долго нипочему. Просто так — живу в суете и в городе, и на даче.

Недели 3 уже пишу о Тамаре Григорьевне, не для печати — для друзей. Я ведь графоманка, всю жизнь что-то записываю, и вот, в испуге и нравственно зажмуря глаза, я решила перечесть свою жизнь, чтобы выбрать все о Тусе. Ленинградского периода нет совсем, а в Московском набралось кое-что. Мои записи будут состоять из двух частей: Отрывки из воспоминаний и Отрывки из дневника. Покажу С. Я., Вам, Зое, Шуре, Ване[1]. Очень хочу, чтобы и Вы все записали всё, что помните.

Вчера вечером была у С. Я. Он уже дома. Слабый, старый. *Читает корректуру четвертого тома*[2] и сердится, если скажешь,

что он уже ее читал. Мучится сомнениями. Читать я не могу (из-за глаз, из-за сердца), но сомнения его разрешить пыталась, отлично понимая, что завтра он с ними же обратится к кому-нибудь другому. Пишет хорошие стихи о Тамаре Григорьевне. Скоро едет в Барвиху. Его собираются поправить, а потом, по-моему, все-таки оперировать...

Сказал, что получил от Вас хорошие, добрые письма.

Похороны Бориса Леонидовича прошли торжественно. Можно сказать: «не пустой день, а музыкальный», как у Блока сказано[3]. Толпа (тысячи полторы, а то и две) вела себя серьезно, с большим достоинством, сознавая ответственность этих часов. И гроб, и Б. Л., и цветы, и самый день — все было очень красиво; до самого выноса из окон неслась чудесная музыка: играл Рихтер.

Над могилой говорил Асмус — весьма пристойно. Потом актер прочел «О, знал бы я, что так бывает...». (Если забыли — перечтите эти стихи, они напечатаны в однотомнике.)

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез...

А потом, когда и близкие, и толпа уже разошлись, молодежь начала читать стихи — и читали, читали, читали, наизусть, часа 2—3.

Можно ли чествовать поэта лучше?

Могила на горе, у сосен, возле могилы М. Б.[4] Гроб несли на руках целый километр и в гору[5].

К. И. поправляется и уже бродит по саду. Он написал о Короленко, по-моему, очень интересно; сейчас переделывает «Гимназию». Мне надо пускаться в большое плаванье: Герцен. А сил маловато. И денег пока нет — до выхода книги.

Напишите!

С «Республикой» уже все хорошо?

[1] С. Я. Маршаку, З. М. Задунайской, А. И. Любарской и И. И. Халтурину.
[2] *С. Я. Маршак*. Собр соч.: В 4 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960.
[3] А. Блок о юбилее М. Горького. См.: *Чукоккала*. С. 224.
[4] М. Б. — Мария Борисовна Чуковская.

[5] Похороны Пастернака подробно описаны Лидией Корнеевной в ее «Записках об Анне Ахматовой». См.: Т. 2. Запись от 2 июня 1960 г. С. 416—423.

142. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Луга, 17.VII.60 г.

Дорогая Лидочка!

На днях писал Вам. Получил письмо Ваше и пишу еще.

Вы спрашиваете, как с «Республикой Шкид». Увы, я поступил с нею так, как поступал уже не с одной книгой: бросил ее на произвол редактора. И, конечно, напрасно. На днях получил известие, что верстка месяц пролежала без движения в производственном отделе. Вероятно, надо было нажимать и подталкивать. А я этого не умею. Только сейчас книга идет на сверку. А первую корректуру я уже читал. Книга была намечена на выход в сентябре. Теперь не знаю, выйдет ли она и к октябрьским праздникам.

У нас все в порядке. Машке во благо пребывание в здешних местах, хотя здесь и не слишком сухо. Ведь мы живем не в самой Луге, а в пяти автобусных остановках от нее.

К сожалению, подруг у Машки нет. В тылу у нас находится так называемая Офицерская Деревня. Одна из офицерских жен, мед. сестра, делает мне уколы, и мы с Машкой по вечерам ходим туда. (В этой деревне огромное множество маленьких детей, много хорошеньких девочек, но, по моим беглым наблюдениям, все это сплошная Настенька (из моего рассказика того же названия).

Вообще страшновато туда водить Машку. Взять хотя бы дом, где мы бываем. Выше-средняя зажиточность и потрясающее убожество быта, совершенно классическая бездарность, безвкусица его. Все как из фельетона вылезло. Маленькое шишкинское «Утро в лесу», гипсовый мопс, купидоны в пионерских галстуках, кружевные накидки, думки, рамочки из ракушек. Почти вся эта публика побывала в Европе (в ГДР, Румынии, Чехословакии), но вывезли они оттуда — только самое пошлое.

Машка тянется к детям, но я... я, вероятно, совершаю ошибку за ошибкой, ограждая ее от той среды, в которую ее рано или поздно неизбежно втянет жизнь.

Странные бывают *случайности*. Надписывая прошлый раз конверт, я обратил внимание на то, что в Вашем адресе 7 «К» и одно «Л», в моем — 7 «Л» и одно «К».

143. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13 августа 1960. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Недели две тому назад в Библиотеку[2] ночью, выбив стекло на веранде и высадив дверь, забрались воры: унесли телевизор, красивые шторы и часы. К. И. был очень огорчен, обижен: согласитесь, что это позор! Я вызвала угрозыск; следователь приехал с собакой; собака пошла по следу, но на шоссе — стоп. Следователь говорит, что было двое, что, очевидно, на шоссе их ждала машина. Следователь унес с собой стекло, на котором остались отпечатки пальцев, унес окурки, набросанные в читальне... Следствие ведется, но заключается оно пока в опросе потерпевших.

Бог с ним, с телевизором, но, признаться, мне бы хотелось, чтобы вора нашли.

Сообщите, до какого числа Вы в Луге? Чем черт не шутит — может быть, я скоро вышлю Вам свою книгу... Ведь — листы.

Ух, как она мне уже противна!

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Речь идет о переделкинской детской библиотеке, построенной К. И. Чуковским.

144. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/VIII 60

Дорогой Алексей Иванович, кажется, сейчас меня уже можно поздравить, не боясь сглазу: передо мною лежит моя книга[1]. Сигнал. Тираж обещают к 15/IX. Переплет красивый. Формат хороший. Тираж 10 тысяч. Стоит 11 р.; после 1/I 61 — 1 р. 10 к.[2]

Чувство, как всегда, у меня двойственное:

— Боже мой, наконец-то! В самом деле, это она, она!

и

— Книг на свете много. И вот еще книга. Всего только книга. А я-то думала, это моя жизнь и чудо. А это всего только книга, такая же, как те, что стоят на полках и валяются вокруг.

Потом открываю наугад и пытаюсь читать. Невозможно! Стыдно!

Зато рассылать ее друзьям будет весело.

[1] «В лаборатории редактора».

[2] То есть после денежной реформы.

145. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Луга, 14.IX.60 г.

Дорогая Лидочка!

Теперь уж я не попаду впросак, если поздравлю Вас. Имею для этого основания! Вчера прочел в «Литературе и жизни» извещение о выходе Вашей книги[1].

От души поздравляю, жду с нетерпением дарственной!

А у меня с «Республикой» дела обстоят похуже. Получил вчера письмо от редактора[2]. Пишет, что возвращался из отпуска в уверенности, что книга уже вышла, а она еще лежит в корректуре, и выпуск ее перенесен на конец года. Обычно в таких случаях я только огорчаюсь. Но, по-видимому, этого мало, надо что-то делать. Может быть, написать опять начальству? Вы не знаете — Черноуцан работает еще — там, где он работал?

Ужасные у нас всюду порядки. Не перестаю удивляться, как это мы умудряемся запускать в ракетах собак и фотографировать с затылка луну?!..

Перед отъездом в Лугу, т. е. в конце июня, я послал рукопись «Республики Шкид» в Варшаву, в издательство, адрес которого Вы мне любезно добывали. Так мне пишут оттуда, что рукопись уже у переводчика и выход книги намечается в этом году.

Между прочим, я им писал, что «Республика Шкид» в «Сов. писателе» выходит в сентябре. И теперь я опять выступаю в роли лгуна, хвастуна и обманщика!

Мы еще в Луге. И пока не думаем о возвращении. Вашу книгу (и Ваши письма) надеюсь получить здесь.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.
[2] Речь идет об И. С. Кузьмичеве.

146. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/IX 60

Дорогой Алексей Иванович, спасибо за поздравление, но книга моя еще — увы! — не вышла. Я как дура стою на сцене, у самого занавеса, а занавес все не поднимается и не поднимается... Скучное и глупое положение. Сигнал в руках, а тиража нет. И мне иногда снятся дурные сны, мерещатся всякие страхи, но

кажется, все это вздор, а дело в том, что все типографии заняты печатаньем цен; вот почему не вышел до сих пор IV том С. Я., не вышла моя книга и мн. др. Вероятно, и в Ленинграде то же — и вот причина, возможная причина, почему отодвинут выход «Республики Шкид». Что поделаешь, дорогой друг, — *все* важнее наших книг. Пора к этому привыкнуть, хотя душа и не в силах.

Нет, я вовсе не рекомендую Вам, сложа руки, привыкать, а только советую выяснить у редактора *причину* задержки. Если причина *общая* — т. е. печатанье цен вместо книг — Вам остается только сидеть и ждать, как мне. Если же какие-нибудь идиоты что-нибудь выдумали — вот тогда надо Вам непременно писать Игорю Сергеевичу. Он на прежнем месте. Пишите ему и дайте знать мне и К. И; К. И. с ним хорош и, разумеется, если будет здоров, как сейчас, с радостью ему позвонит или напишет. Надо же, надо, необходимо, чтобы долгожданная «Республика» наконец взошла на нашем горизонте.

Вчера весь вечер я провела у С. Я. У меня из головы не идут четыре строчки, им написанные в Барвихе (я всю жизнь считала, что он поэт-*не* лирик, — и ошибалась):

Ты уже там, на другой стороне,
Но протяни свою руку,
Чтобы по твоему вынести мне
Ту же предсмертную муку[1].

[1] Стихи посвящены Т. Г. Габбе. См.: *С. Маршак.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1970. С. 223 и примеч. на с. 655.

147. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Луга, 27.IX.60 г.

Дорогая Лидочка!

Спасибо за письмо.

Конечно, Ваши догадки справедливы. Одновременно с Вашим письмом я получил ответ из «Сов. писателя», от директора Ленинградского отделения Грудинина. Он объясняет задержку теми же причинами: все типографии страны и вся бумага БРОШЕНЫ на печатание новых ценников, сиречь прейс-курантов.

Хорошо, что я не написал Черноуцану.

Спасибо Вам и Корнею Ивановичу за предложения помощи. Надеюсь, обойдется. Если это явление общее — надо терпеть, — и легче терпеть, ибо на миру, как известно, и смерть красна.

Стихи С. Я. — страшные. У меня просто горло перехватило, когда я их прочел. Но Вы правы! Эти строки свидетельствуют о том, что мы ошибались, когда не признавали Маршака за лирика.

Я получил от него большое и очень трогательное письмо, где он, между прочим, вторично просит меня написать воспоминания о Тамаре Григорьевне. Мне почему-то очень трудно это сделать (т. е. «почему-то», конечно, тут ни к чему). А когда я узнал, что замышляется сборник и, значит, писать надо на широкого читателя, — задача показалась мне и совсем невыполнимой.

Когда же выйдет Ваша книга?

«Республику» обещают печатать в октябре.

148. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/X 60

Дорогой Алексей Иванович, Ваше письмо, где Вы пишете, что «в первых числах» перебираетесь в город, я получила в ту минуту, когда собиралась на почту отправлять Вам книгу. Да, милый друг, она одолела прейскуранты и вышла! Но Вам я пошлю ее только тогда, когда уверюсь, что Вы уже в городе. Экземпляр надписан и ждет Вашей команды.

Самуила Яковлевича вчера положили в больницу.

Завтра уезжает сестра Тамары Григорьевны.

Я дважды была в квартире у Т. Г. (Взяла кое-что для себя, Александры Иосифовны и Зои Моисеевны.) Это — пытка. Я счастлива, что теперь эта дверь захлопнулась для меня навсегда.

25-го мы перенесли на Новодевичье все три урны из крематория. Могила под каштаном, недалеко от могилы Заболоцкого и Ильи Ис. Прейса.

Насчет воспоминаний. Я могу писать о Тусе только для друзей. И потому прекрасно понимаю Ваши затруднения. Но написанное мною я подарила С. Я. — может быть, он что-нибудь использует «для публики». Конечно, как о драматурге, как о

редакторе о ней можно написать для всех. Но ведь главное написать о человеке... И тут я — пасс.

Но я пока этого С. Я. не говорю.

К. И. читает Шварца — читает про себя, читает вслух и восторгается каждой строкой. Особенно «Драконом».

А читали ли Вы в «Новом Мире» Эренбурга?[1] Очень интересно.

[1] Речь идет о воспоминаниях Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые печатались в № 8—10 «Нового мира».

149. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
16.X.1960 г.

Дорогая Лидочка!

Только что дочитал Вашу книгу и, хотя времени у меня в обрез, спешу написать Вам, поблагодарить Вас, сказать еще раз, что книга очень-очень хороша, нужна, интересна, полезна. Те из редакторов, кто не лишен проблесков ума и таланта, прочтут ее с пользой для себя и для литературы; те же, кто этих проблесков лишен, по-видимому, и не читают ничего, но таких, с помощью Вашей книги, обуздает теперь молодой автор, личность, которую Ваша книга тоже воспитывает и подковывает. Да, Ваша книга повышает требования не только к редактору, но и к литературе в целом.

Спасибо Вам!

Сказать по правде, я боялся немножко перечитывать — то, что я так недавно читал в рукописи. Думал, что будет неинтересно. Но начал читать и зачитался, увлекся. Книга выглядит очень стройной. (Единственное, что и сейчас кажется мне кое-где лишним, — это обилие ссылок на Станиславского и цитаты из него.)

Я не забыл Вашего обещания и жду выдержки из дневников — о Тамаре Григорьевне.

Завтра еду в «Сов. Писатель» — узнавать о «Республике Шкид».

150. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21/X 60

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за отклик на книгу. Мне необходимо было убедиться, что Вы не разочаровались в ней.

Теперь из ленинградцев, которым я послала книгу, не откликнулась одна только Лидия Анатольевна. А ей я послала раньше, чем Вам.

О своем обещании прислать Вам выдержки из дневника помню свято. И непременно сдержу. Но ведь я сейчас работаю над Герценом, а над Дневником — урывочками (трудности технические: это пуды тетрадей, старых, пыльных, написанных на скверной бумаге скверным почерком; они перепутаны, свалены кучей... у меня просто нету сил и времени разбираться во всей этой неразберихе). Приезжаю в город — думаю, вот займусь — и — нет!

Но навалились пустяки
Горой, как снежные завалы,
Зима, расчетам вопреки,
Наполовину миновала[1].

Наваливаются и пустяки и не пустяки — чужие и свои дела, чужие рукописи, свои и чужие болезни — если я сквозь все ежедневно работаю, лечу глаз, дежурю в Переделкине, волочу библиотеку — то и то, честное слово, к вечеру болит сердце и спотыкаются ноги.

К. И. хворал гриппом, легоньким. Опять пел. Вот образцы:

Барбитураты
Не виноваты,
А виноваты
Дегенераты.

Весел, бодр, много работает, встречается в библиотеке с детьми, собственноручно валяет их по ковру — но при этом упорно твердит, что доживет не далее февраля 61 года. Слушать тошно.

Пишет о Квитке, исправляет свои статьи 1907—1917 года.

Я получаю письма о книге весьма восторженные. Читают ли ее в Питере? Не слышали ли каких отзывов?

[1] Цитата из стихотворения Бориса Пастернака «После перерыва».

151. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.X.60 г.

Ленинград.

Дорогая Лидочка!

Нет, в Вашей книге я не только не разочаровался, — отпечатанная в типографии и заключенная в переплет она показалась мне даже лучше, чем в рукописи. То ли Вы еще работали над ней, то ли обманул меня давешний способ читки: из пятого в десятое.

Людей, которые читали Вашу книгу, я не встречал — вероятно, только потому, что вообще почти никого не встречал по возвращении в Питер. Но у меня был редактор «Республики Шкид» Кузьмичев. Увидев на столе «В лаборатории редактора», он встрепенулся, загорелся:

— Ой, как бы достать эту книгу?! О ней столько говорят!!

В одном большом книжном магазине на Петроградской Стороне я попросил дать мне Вашу книгу.

— Такой нет.

— А была?

— Была и разошлась.

Это всегда бывает приятно слышать авторам и их друзьям (особенно если друзья уже обладают этой книгой).

Были ли отзывы о книге? Если будут — сообщите мне, пожалуйста!

Спасибо за обещание (за подтверждение обещания) прислать выдержки из дневников. Но тут я что-то не понимаю. Вы ведь писали, что подарили Ваши воспоминания Самуилу Яковлевичу. И Александра Иосифовна говорила мне, что читала эти выдержки. А мне Вы пишете, что — работа еще впереди.

152. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/X 60, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Я получаю довольно много писем о своей книге. Некоторые весьма пронзительны. Неужели в Ленинграде она уже разошлась? А здесь имеется еще во всех магазинах. В ноябре ее хотят обсуждать в Союзе. Я не противлюсь, но и не рада. Боюсь, что детгизовцы будут ругаться (как ругались на обсуждении «Рабочего разговора»), а писатели — каждый! — рассказывать «случаи». Ни

то ни другое не страшно, но ведь хочется какого-нибудь толку, проку.

Пресса молчит (как почти всегда по поводу моих работ).

Но что бы там ни было — все это пустяки по сравнению с мыслью, что книга *вышла*. Остальное — несущественно.

У Вас был редактор «Шкиды». Значит ли это, что выход ее приближается? Я, когда получу эту книгу (а ведь настанет же, черт возьми, такой день!), долгое время буду держать ее в руках, не открывая — от волнения. Какой она *стала*? И как она звучит, выглядит, что от нее исходит в 1961 году? Какой она покажется нам — какой теперешним читателям? Ведь та операция, которую Вы произвели над ней, — это нечто вроде «операции на сердце».

А как себя ведет Ваш редактор Кузьмичев?

Насчет моего дневника, т. е. воспоминаний. Никаких противоречий в моих сообщениях нет. Выдержки из дневника мною сделаны, воспоминания написаны уже давно — в апреле, мае этого года. С. Я. очень торопил меня, мне хотелось скорее исполнить его просьбу, и я дала машинистке перепечатать свои листки, а потом вручила ему и Шуре. Затем, на Ваш спрос, я ответила, что буду *дополнять* этот первый набросок, ибо многое еще у меня — и в дневнике, и в памяти — хранится. И вот до этой работы руки все не доходят. Она сложна для меня и технически и душевно.

153. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 9.XI.60 г.

Дорогая Лидочка!

Письмо Ваше получил с опозданием, т.к. и сам с опозданием приехал в Комарово: все наше семейство грипповало, чихало и кашляло. Сейчас уже почти все поправились.

О том, что Ваша книга разошлась в Ленинграде, я не писал Вам, не знаю этого. Я был в одном магазине — на ул. Куйбышева. Там ее уже не было. То, что книга лежит в московских магазинах — удивительно. Не умеют у нас ни торговать книгой, ни помогать читателю находить ее. Конечно, человеку, который не читает ничего, кроме Ефремовской макулатуры[1] и «Королевы Марго»[2], Ваша книга ни к чему. Но ведь в нашей стране множество издательств, газетных и книжных редакций, три или четыре тысячи одних зарегистрированных писателей. И сотни тысяч

по-настоящему интеллигентных читателей. Уверен, что на книгу Вашу нашлось бы не 10 тысяч, а 20 и 40 тысяч покупателей, если бы их информировали о выходе книги.

Пресса молчит? Еще рано. На такую книгу не отозваться невозможно. Отзовутся.

Дневник Ваш буду ждать терпеливо.

«Республика Шкид» должна в этом месяце выйти. Были уже и сигнальные и контрольные экземпляры. Редактор И. С. Кузьмичев — совсем молодой, два года как с университетской скамьи, милый, умный, никаких замечаний у него по рукописи не было. Замечания были у рецензента — В. Ф. Пановой. В своей рецензии она дала автору несколько советов — редакторских и даже политредакторских. Впрочем, рецензия ее в целом была весьма доброжелательная и даже больше. Из четырех или пяти советов ее я не воспользовался, кажется, одним, не выкинул и не переписал главу «Шкида влюбляется». Я сам не очень люблю эту главу, но ее писал Гриша Белых, вычеркивать ее я не считаю себя вправе, а переписывать, даже основательно править ее не было охоты, аппетита.

Лидочка, на Ваш вопрос о моем здоровье могу ответить: благодарю Вас, оно, так сказать, на четыре с минусом.

На второй вопрос — над чем работаю — попросив извинения, не отвечу. Я никогда не читаю незаконченного и — до поры до времени — не говорю о том, что пишу. Одно могу сказать — работа большая. Но она еще вся в черновиках и набросках.

[1] То есть книг писателя-фантаста И. А. Ефремова.
[2] Роман А. Дюма.

154. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/XI 60

Дорогой Алексей Иванович.

Вот как случилось: я была в Питере и мы не увиделись.

Не надо огорчаться. Сказать по правде, я сбежала на несколько дней к Александре Иосифовне из Москвы с лечебными целями. У меня сейчас дурная полоса, душевно и физически; я получила одну из тех ран, от которых не сразу и не легко оправляешься. Я судорожно кинулась подальше — подальше — куда глаза глядят — ну, а глаза мои всегда глядят в Питер — я и при-

ехала — но видеться со мною вряд ли кому-нибудь было легко и радостно. Поездка принесла мне пользу хотя бы потому, что от своей беды я отвлекалась Шуриными бедами. Я вернулась в Москву в лучшем состоянии, чем была, еще дня 2—3 и я возьмусь за прерванную работу.

В этом состоянии тяжело писать письма, и, может быть, я еще несколько дней не писала бы Вам, дорогой друг, если бы не «Республика» и не надпись на ней[1]. Да, 25 лет... Да, победа — но какая горькая. Есть поэт Самойлов, которого я люблю — встречали ли Вы стихи его? У него есть замечательная поэма «Рубежи» (печаталась в «Новом Мире») и там такие строки:

Возвращенья страшней, чем разлуки:
В них чувствительней привкус потерь[2].

Вот, отляжет у меня от сердца несколько, и я перечту дорогую «Республику» в ее новом зеленом обличье.

А пока — позвольте Вас обнять и поблагодарить и все-таки — поздравить!

[1] *Г. Белых* и *Л. Пантелеев*. Республика ШКИД. Л.: Сов. писатель, 1960. Надпись на книге: «Дорогая Лидочка, посылаю Вам эту старую, вернувшуюся из небытия книгу и не могу сказать, что меня переполняет радость. Нет, мне очень грустно сегодня. Вероятно, потому, что эта зеленая книжка — одна из тех вех, которых мы обычно не замечаем. А ведь вот уже — 25 лет спустя!

Простите за многословие, дорогой друг!

Ваш всегда Л. Пантелеев. 15.XI.60 г.».

[2] Неточная цитата из поэмы Д. Самойлова «Ближние страны» (из последней главки — «Рубежи»): «Возвращенья трудней, чем разлуки, / В них мучительней привкус потерь».

155. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

25.XI.60

Дорогая Лидочка!

То, что Вы были в Ленинграде и не позвонили, не дали знать о себе, не навестили нас — удивило и огорчило меня. Однако еще больше огорчился я, когда узнал, *почему* Вы приезжали в Питер.

Вы не пишете, *что* с Вами случилось, я и не спрашиваю, но от всей души желаю, чтобы дурное осталось позади и забылось, если можно его забыть.

«Республику Шкид» не читайте! Серьезно, с какой стати тратить время на это. Если выберете полчаса — прочтите одну новую главу — «Лёнька Пантелеев». Впрочем, вы, кажется, ее уже читали — в моем «молодогвардейском» сборнике, вышедшем в 1958 году.

Работал я над текстом «Республики» много, доказательством чего может служить большое количество черновиков, но старался сделать так, чтобы читатель не заметил переделок и исправлений.

У меня к Вам просьба, Лидочка. Не попросите ли Вы Корнея Ивановича вернуть мне тот экземпляр «Республики Шкид», который я ему посылал года три назад. К. И. говорил, что книга ему нужна для работы, и я не брал этот экземпляр, а сейчас, когда я смог послать ему новое издание, я буду благодарен, если старый вернется ко мне. Во-первых, этого издания у меня нет вовсе, а во-вторых, книга эта — *дареная*, с надписью Александры Иосифовны.

156. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/XII 60

Дорогой Алексей Иванович.

Прочитала я главу «Ленька Пантелеев» в «Республике». Отличная глава, внутренне сложная, внутренне и внешне драматичная. Единственный упрек, который я могу сделать: некоторая конспективность в изложении до-шкидской жизни. Вы слишком многое захотели изложить бегло. Прочитала я Вашу статью в газете[1]. Очень существенная статья. Первая ее половина серьезна, убедительна, сильна. Когда же дело доходит до пропаганды безнравственности — то — я понимаю, что Вы не имели возможности цитировать другие опусы — но эти — мелковаты.

А самый вопрос важней всего на свете и поставлен Вами голосом серьезным и торжественным, как и должно[2].

Вчера у нас был важный день: Люша защищала диссертацию! Я присутствовала. Ее работу оба оппонента оценивали как превосходную.

Мне было очень странно слышать с трибуны: «Чуковская утверждает», «Чуковская доказывает» — и это не про меня.

Про меня же будет 19-го и, конечно, менее мирно: обсуждение книги в Союзе. Две секции — детская и критиков. И все редакторы сбегутся.

Вот Вам новость: три дня я держала корректуру книги Ахматовой! Книжка *толстая*. Пустое предисловие автора и возмутительное послесловие Суркова в духе 46 года[3]. Конечно, рядом со стихами, *с такими стихами*, клевета становится явной и беспомощной. Но все же противно.

...а ты
Была живым опроверженьем
Его печальной клеветы[4].

[1] *Л. Пантелеев*. Без компаса // Литература и жизнь. 1960. 30 ноября (*СС-П*. Т. 3. С. 327—330).

[2] В статье рассказано, как вели по Москве пленных немцев и двое мальчишек выстрелили по ним из рогатки. Автор обвиняет не мальчишек, а тех, кто их воспитывал и не внушил им чувства чести. Не объяснил, что лежачего не бьют. Главный вопрос статьи — вопрос о том, как и на каких примерах воспитывать детей.

[3] *Анна Ахматова*. Стихотворения (1909—1960). М.: Гослитиздат, 1960.

[4] Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Ответ А. И. Готовцевой»: Была всегда б опроверженьем / Его печальной клеветы.

157. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 12.XII.60 г.

Дорогая Лидочка!

То, что Вы говорите о главе «Ленька Пантелеев» и о статье моей, — очень верно.

Я сам понимал, что беглый пересказ повести «Ленька Пантелеев», вставленный в середину «Шкидской» главы того же названия, — портит эту главу. Хотел выбросить эту *середку*, но редактор воспротивился, уговорил оставить. И берлинский редактор, которого я тоже просил исключить этот тягомотный кусок, не согласился со мной, и тягомотина осталась и по-немецки. Вот Вам еще один пример, когда редактор оказывается глупее автора.

И о статье Вы написали правильно. Конечно, примеры мелковаты. То, что поярче, я оставил для выступления (на пленуме, т. к. собирался говорить именно на эту тему). Поскольку речь моя

не состоялась, я из этих материалов приготовил статью и послал ее в «Лит. газету». Статья эта — получше той, что в «Литературе и жизни», она называет вещи своими именами и примеры *помасштабнее*, но именно поэтому ее, боюсь, и не напечатают!

158. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/XII 60

Дорогой Алексей Иванович.

Получив Ваше письмо, я сразу позвонила Сарнову, чтобы разузнать о судьбе Вашей статьи[1]. Он от нее в восторге; говорит, что причин к *ненапечатанию* не видит, но, вероятно, что-нибудь придется менять — по его мнению, мелочи. Но, между нами говоря, Сарнов сейчас сам попал в беду: им недовольны за отчет о пленуме, появившийся в «Лит. Газете». Баруздин жаждет крови. В общем, обстановка нехорошая[2].

Теперь насчет «Республики». Я посылаю Вам экземпляр новой «Республики» с просьбой надписать ее для нашей библиотеки — ребятам. Пожалуйста, надпишите и пришлите по моему адресу, а я торжественно вручу.

Что же касается старого издания, то тут, милый друг, я запнулась. Я передала Вашу просьбу Корнею Ивановичу; он сказал: «Сейчас тебе отдам, и ты пошли с благодарностью». Но начал книгу искать и не нашел. Потом приехала Клара Израилевна (его секретарша)[3] и сказала, что книга давно уже Вам переслана и даже показала почтовую квитанцию. Квитанций не одна, а две; и, конечно, они ничего не доказывают, потому что они могут соответствовать каким-нибудь другим посылкам от К. И. к Вам. Помня глупую историю с письмом С. Я. по поводу Шуры, которое до Вас не дошло, ибо не было послано — я ничего утверждать не решаюсь. Но на всякий случай — проверьте, пожалуйста, у себя. Я переделкинский кабинет К. И. обыскала.

За статью Вашу надо бороться, судя по «Лит. и Жизни», она очень существенна. Но как?

[1] Б. М. Сарнов в это время работал в «Литературной газете».

[2] С 8 декабря 1960 г. в Москве проходил пленум трех правлений Союза писателей СССР, посвященный детской литературе. 13 декабря 1960 г. «Литературная газета» поместила редакционный обзор выступлений на пленуме под названием «На

“улице младшего сына”» (с. 3—4). Обзор не подписан, но его писал Сарнов, тогда сотрудник газеты, присутствовавший на пленуме. По устным воспоминаниям Б. Сарнова, Баруздин был возмущен этим отчетом, воспринял его как грубо тенденциозный и неуважительный, заявил, что в газете дана необъективная, искажающая роль пленума картина, и по этому поводу было даже заседание в отделе культуры ЦК КПСС.

[3] Упомянута К. И. Лозовская.

159. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 22.XII.60 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Вчера я получил письмо от Б. М. Сарнова и в письме — гранки статьи. Статью обкорнали, сократили процента на два, а стала она *беззубее*, безобиднее процентов на тридцать. Буду, конечно, бороться, восстановлю то, что удастся.

Не повезло этой статье. Угодила она в минуту, когда на «Литгазету» смотрят косо — и пристально.

Между прочим, я понятия не имел, что Сарнов ведает детсколитературными делами. Я послал ему статью, т.к. он единственный человек, которого я знаю в нынешнем составе «Литературки». Но то, что он автор отчета о пленуме, я угадал — по стилю, что ли.

Будьте здоровы, Лидочка! Пишите!

160. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград,
15.I.61 г.

Дорогая Лидочка!

У меня вчера был главный редактор Ленинградского Детгиза — молодой Агапов. Говорит: «все у нас с интересом и даже с увлечением читают книгу Л. Чуковской. Обсуждения еще не было, но думаю устроить, пригласим ветеранов, живых свидетелей событий, а может быть, и автора попросим приехать и выступить».

Был рад из заметки в «Литературе и Жизни» узнать о хорошем приеме, который встретила книга у пишущей братии[1]. Книгу переиздадут — я уверен.

Вы спрашиваете: получил ли я старую «Республику». А что — разве она была послана? Нет, этой заколдованной книги я не получил.

А Вы — надписанные экземпляры — дар библиотеке Корнея Ивановича получили?

[1] Б/п. Книга, которую будут читать // Лит. и жизнь. 1961. 13 янв. С. 3.

161. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград,
17.III.61 г.

Дорогая Лидочка!

Спешу ответить на Ваше письмо.

На безденежье жалуются буквально все вокруг, а у меня положение — если не катастрофическое, то во всяком случае *аховое*. Режет без ножа новый авторский закон. Ведь я с моей патологически низкой продуктивностью (1—1,5 листа в год) мог жить только на переиздания. А ставки за переиздания (если учесть и увеличение договорного тиража) снизились раза в три, если не в четыре. К тому же еще и переиздавать перестали — с Детгизом я почти разошелся. Работаю над большой (опять автобиографической) вещью и боюсь, что не осилю, не хватит пороха, придется работу отложить и взяться за — сценарий, что ли...

Мне часто вспоминаются Ваши записки, посвященные Тамаре Григорьевне. Знали бы Вы, как они хороши, какой обаятельный образ Вам удалось создать! И как я жалею, что у меня нет этой рукописи, а только несколько выписок, которые я успел сделать, попадая после шумного дня на ночлег в гостиницу «Восток».

Между прочим, я не мог вспомнить и долго искал среди бунинских рассказов рассказа «Заяц», пока не догадался, что это «Русак». Так ведь?

Неужели Вы не любите, а только «признаете» Бунина? Не знал этого. Впрочем, как не знал и того, что Тамара Григорьевна любила Бунинскую прозу столь же горячо, как и я. Мы с нею почему-то никогда о Бунине не говорили, хотя я давний его почитатель.

162. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/III 61
Малеевка

Дорогой Алексей Иванович.

Вы, конечно, правы: не «Заяц» у Бунина, а «Русак». А вот что я не люблю Бунина — об этом я докладывала Вам уже не раз, Вы позабыли. Я понимаю, что он очень хороший писатель, но я не люблю человека, стоящего за его вещами, — не люблю два элемента: жестокость и чувственность. Мне чужд, тяжел, неприятен его душевный мир. (Так же как я терпеть не могу Мопассана.) Самые жестокие вещи Чехова — «В овраге», «Мужики», «В море» — почему-то не ранят так мою душу, как Бунинские рассказы. Кроме того, мне неприятна густота его прозы, излишняя любовь к вещности, к конкретности. Что поделаешь, таков мой субъективный вкус.

Счастлива, что Вам полюбились мои заметки о Т. Г., хотя я сама ими еще совсем недовольна: больше надо вспомнить, богаче. Вернувшись в Москву, пошлю Вам экземпляр.

Сижу я здесь за столом с Кабо (автор книги «В трудном походе» — помните? хорошая, смелая повесть о школе); с Ел. Серг. Романовой (специалистка по американской литературе, работает в Союзе Писателей, недавно ездила в Америку с В. Ф. Пановой); и Фридой. К сожалению, Фрида завтра уезжает и я остаюсь одна-одинешенька, потому что и Кабо, и Романову я знаю мало.

За соседним столиком сидит Калакуцкая (мерзавка из Детгиза, уничтожавшая «Солнечное вещество»); еще подалее — Щербина с женой и О. Мальцев... Окромя подлецов есть тут, конечно, и милые люди — но — чуждость моя, нестираемая, всем и всему — растет. Интересует меня здесь Белинков, автор книги о Тынянове, которую советую Вам прочитать — я иногда захожу к нему, но очень ненадолго, потому что он болен.

Чувствую я себя здесь не весьма хорошо, ибо рядом за стеной живет отъявленный хам поэт Поделков, который ночью стучит на машинке и читает вслух свои стишата. Однако я все же заставила себя начать работать; работаю четыре часа в день и гуляю два. Сердце побаливает и на душе невесело, но, кажется, мне уже удается помаленьку взнуздать себя.

Пожалуйста, пишите мне. Каждое Ваше письмо для меня радость.

С деньгами туго, туго... Беда! Ах, как мне не хочется, чтобы Вы взялись за сценарий!

163. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/III 61

Дорогой Алексей Иванович, как обрадовалась я Вашей статье! Понравилось мне ее негодование. Не знаю, искалечена ли она; думаю, нет, потому что голос Ваш слышен в ней полным звуком. Она так убедительна и я бы сказала грозна, что, боюсь, не будет иметь решительно никакого действия: ее примут к сведению, но не к руководству[1].

Однако кто-нибудь услышит.

[1] Речь идет о статье: *Л. Пантелеев.* Моральная тема // Лит. газета. 1961. 25 марта; *СС-П.* Т. 3. С. 330—333. В статье автор рассказывает, как ведущий детского радиовещания заставляет девочку прочесть по бумажке его текст, а не сказать то, что она собиралась говорить. Автор утверждает: «...чистым и ясным, свободным от всякой неправды и двусмысленности должно быть все, что обращено к детям: не только книга, но и газетная статья и спортивная хроника, и фельетон, и подстрочное примечание, и самая крохотная заметка из отдела “Почеши затылок”».

164. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
2.IV.61 г.

Дорогая Лидочка!

Получил Вашу открытку. Спасибо. Ваш парадокс — относительно того, что статья моя «слишком убедительна и даже грозна», чтобы ее «приняли к руководству», — до меня, признаться, не дошел. Такого расчета у меня и не было, и быть не могло, — уже по одному тому, что меня зовут А. И., а не Н. С. [намек на Никиту Сергеевича Хрущева. — *Е. Ч.*]. И вообще писал я в расчете на читателя, а не на начальство. Именно поэтому я, как Вы знаете, отказался публиковать статью полностью в «Новом мире» и согласился, чтобы ей выломали самые острые зубы и напечатали все-таки в «Литературной». Вы пишете, что мой голос зву-

чит в статье полным звуком. Я позаботился об этом. После зубодерных операций я своими руками обточил все острые углы и зазубрины. Но в последнюю минуту, уже перед сдачей номера в печать, из статьи выдрали еще три абзаца. После этого мне кажется, что статья просто шамкает, а не «звучит *полным* звуком».

Как же Вы живете, Лидочка, в Малеевке? Как работается? Много ли успели сделать?

Мы к 1.IV послали Корнею Ивановичу для его библиотеки три ящика игрушек, но позже, когда отправили, пожалели, что сделали это. Хороших игрушек совсем нет. Почти сплошь — хлам. Попав в игрушечный магазин (а нам удалось проникнуть в новый, еще не открывшийся магазин, где все игрушки еще лежали в ящиках и коробках), я вдруг превратился в ребенка, и весь этот хлам засверкал в моих глазах алмазами.

— Дайте это... и это...и это...

А дома посмотрел: не алмазы, а черепки.

Детям, конечно, и это барахло доставит радость, но библиотеку Чуковского оно не украсит — это я понимаю. Передайте, пожалуйста, Корнею Ивановичу: пусть он оставит то, что достойно находиться в библиотеке, а остальное раздаст ребятишкам. А я, буде мне попадется что-нибудь действительно интересное, стоящее — куплю и пришлю. То есть буду покупать и присылать.

165. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/IV 61

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет Вашей статьи я все-таки стою на своем: сколько бы ни спилили там зубьев, а голос Ваш — горький, трудный и гневный — в ней слышен. И вывод — гораздо более обширный, чем делаете Вы из своих примеров, читатель сделает сам.

Нет, к своим воспоминаниям о Т. Г. ничего не прибавила с тех пор, как показывала их Вам в Москве. Но прибавлять помаленьку буду — и Вам посылать.

Что это Вы пишете об игрушках? Уверена, что К. И. рад и тронут. Я буду в Переделкине дней через пять — погляжу.

Отсюда я уезжаю 13-го.

Сюда приехал — и сидит рядом со мною — поэт Д. Самойлов, с которым я давно хотела познакомиться. Помните, я читала Вам его стихи? Ну вот, теперь я у первоисточника; он вчера

читал целый вечер мне и еще кое-кому — чудесные стихи! настоящий поэт! и человек видимо умный и стоящий. Он здесь со своей машиной, которую сам водит; завтра он повезет нас в Бородино.

Напоследок — просьба к Вам: возьмите в библиотеке № 3 «Вопросов литературы» и прочитайте там рецензию Ф. Левина на мою книгу[1]. Рецензия «очень положительная» — и при этом отрицающая возможность применения ленинградского опыта. Не ответить ли — в том же журнале? Подумайте и напишите.

[1] *Ф. Левин.* Полпред читателя // Вопросы литературы. 1961. № 3. С. 216—220.

166. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 22.IV.61 г.

Лидочка, я прочел статью Ф. Левина в «Вопросах литературы». Статья, конечно, высоко и справедливо оценивает Вашу книгу. *Я* бы на Вашем месте отвечать не стал, да и не вижу, признаться, что можно ответить. Левин Вас деликатно попрекает за то, что Вы не пытаетесь показать, где и как в современных условиях можно использовать «ленинградский опыт»*. А те, кому нужно, сами, независимо от положительных и отрицательных рецензий, возьмут, и уже берут, из Вашей статьи то, что облегчит их редакторскую или писательскую работу.

* А ведь опыт этот действительно был уникальным, и взять его в нынешних условиях целиком нельзя, можно только вдохновиться его идеями, заразиться его пафосом. Чтобы опыт повторился, нужно, чтобы родился новый Маршак, новая Габбе, новая Чуковская. А такие плеяды по желанию не возникают.

167. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/V 61

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет рецензии Левина — я тут с Вами не согласна. В моей книге — и в Маршаковской главе и в предыдущих, особенно в «Редакционном оркестре», содержится призыв *работать иначе*,

перестроить редакционную работу. Дело не в том, чтобы работать непременно «как Маршак»; дело в том, чтобы работать в искусстве, а не в казенном заведении. Прогрессивный критик должен был бы этот призыв подхватить... А Левин поступил иначе: он похвалил книгу и автора, но перемены, видите ли, неосуществимы! Мне же перемены дороже, чем книга и автор. Затем: я не считаю красивым поступком объяснять мне в рецензии, что у нас нет и не может быть направлений. У меня в книге мысль о различных направлениях проскочила чудом — и — этому бы следовало радоваться *молча*.

Я буду ему отвечать, но, пожалуй, не в журнале, а в следующем издании книги — и, быть может, в скрытой форме, не называя его.

В последнее время герценовское мое писание немного сдвинулось с мели. Но меня гложет мысль, что вся затея дурацкая, что я пишу вторые «Былое и Думы» и, разумеется, делаю глупость. А сколько работы! Боже мой, на века.

168. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/VIII 61

Дорогой Алексей Иванович.

У нас так: К. И. выздоровел, кончил книгу о языке и по этому случаю очень весел. Я кончила вторую герценовскую главу, отложила Герцена в сторону и теперь занимаюсь подготовкой «Лаборатории» ко 2-му изданию. Кроме того, составила для «Детского Мира» два сборника по 500 строк: Хармса и Введенского. Хорошо бы, если бы они вышли. У меня такое чувство, что Введенский выйдет непременно, к нему и рисунки уже заказаны, а Хармс — не знаю еще.

169. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/VIII 61

Дорогой Алексей Иванович.

Работаю над «Лабораторией» (2 изд.). Между прочим, у меня вопрос к Вам: редактору не «нра», что я называю Вас «выпуск-

ник петроградского детского дома» (222). Пожалуйста, посоветуйте, как мне обозвать Вас иначе? (Это не «мой» редактор, из издательства «Искусство», милый и умный[1], а редактор из Дома Детской Книги, где глава о Маршаке идет отдельно в каком-то сборнике[2].)

Герцена я временно отложила.

Читали ли Вы Олешу в № 7 и 8 «Октября»; Шкловского в «Знамени» и Мейерхольда в «Новом Мире»?[3]

[1] Упомянут Аркадий Эммануилович Мильчин. Редактор И. А. Давыдов.

[2] Главу о Маршаке см.: Маршак — редактор [Отрывок из кн.: В лаборатории редактора] // Детская литература: 1962 год. М.: Детгиз, 1962. Вып. 1. С. 12—103.

[3] Речь идет о воспоминаниях: *Ю. Олеша*. Ни дня без строчки // Октябрь. 1961. № 7, 8; *Виктор Шкловский*. Жили-были // Знамя. 1961. № 8—11; *А. Гладков*. Мейерхольд говорит // Новый мир. 1961. № 8.

170. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
31.VIII.61 г.

Дорогая Лидочка!

Не знаю, не опоздал ли я со своими замечаниями и пожеланиями. Боюсь, что Вы уже закончили работу над «Лабораторией». Если нет, — подумайте, не стоит ли Вам еще раз посмотреть первый раздел главы «Маршак-редактор». Там все-таки есть вещи недостоверные. Начать с того, что невозможен был уже сам по себе этот «сбор всех частей». И не помню я, чтобы в редакции устраивались литературные вечера. Эпиграмма, хохма, экспромт — это да, это можно было услышать. А чтобы один за другим читали, да еще прозу — этого не представляю себе.

Не могли быть *одновременно* в редакции Юра Владимиров и С. К. Безбородов: когда С. К. вернулся с земли Франца-Иосифа, Юры уже давно не было в живых.

То, что Юра похож и на Петю Ростова и на Тома Сойера, — хорошо, но описание Юриного портфеля (его содержимого) заставляет, что называется, желать лучшего. Не могли у него в портфеле лежать «обрывок каната» и «ржавые гвозди», да еще по соседству с куском пирога. Годный какой-нибудь обрывок каната не поместится не только в портфеле, но и в чемодане.

Но это — беллетристика, где, допустим, как известно, домысел (хотя такому домыслу, который ломает образ, я бы и сюда не дал дороги). А вот с тем, что называется *фактической стороной*, надо бы поосторожнее. И к историческому романисту мы предъявляем требования точности и достоверности, а к очевидцу — тем паче. Тут следует все факты взвесить и все даты тщательно сверить.

То, что Вы называете меня выпускником детского дома, мне тоже не очень нравится. (В первом варианте у Вас, кажется, был *воспитанник* детского дома! Это еще дальше от истины.) А непременно ли нужно Вам *аттестовать* меня? Не проще ли сказать: ...»как о встрече с многоголосой и высокой традицией вспоминает о своих *первых встречах* с Маршаком Л. Пантелеев».

Если же Вам кажется, что лучше аттестовать, то можно прибавить: «...тогда начинающий, а ныне (такой-то и такой-то) писатель».

Ну, вот, Лидочка. На этом я закончу. О другом — в другой раз.

171. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/IX 61

Дорогой Алексей Иванович, спасибо за письмо. Оно пришло в самую пору: как раз сижу над этой проклятой главой. (Мне хочется сделать ее короче, короче — в первой половине.) Все Ваши замечания, конечно, учту (кроме Безбородова и Юры[1] — что не могли быть одновременно; пусть не могли) — но, дорогой друг, берите скорее перо и пишите мне (теперь уж в самом деле скорее, ибо сдаю) — где у меня написано, что в редакции устраивались литературные вечера? Где Вы это прочли?

Вечеров не устраивалось. А прозу читали в редакции *вслух* очень часто; слушали редакторы — и — часто — авторы. С. Я. очень любил, чтобы вслух, главу за главой. Помню, как читала Рая Васильева; читал Мильчик; Григорьев... Вечеров же (ну в смысле чего-то публичного) в самом деле в редакции не устраивалось...

Но какие же мои строки Вы имеете в виду? «Был ли он на вчерашнем выступлении Пантелеева в школе»? (Стр. 210.) Это? Я очень ясно помню именно этот вопрос С. Я., обращенный ко

мне; и себя, слушающую Вас *публично* (по-моему — в школе; может быть, ошибаюсь, много ребят) — а Вы читали «Пакет» или «Часы» — скорее «Часы» — и ребята хохотали над каждым новым поворотом.

Пожалуйста, ответьте, как теперь говорят *скоренько и кратенько*, в чем моя ошибка.

Опечатку — «сейчас» — «сегодня» — исправила; насчет выпускника — тоже; насчет Юриного портфеля Вы правы — вместо пирога я сделаю обломок хлеба — но что вместо каната? Мне ведь надо морское.

Будьте здоровы.

[1] Владимирова.

172. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
7.IX.61

Дорогая Лидочка, отвечаю Вам сразу же. Нет, конечно, у Вас нигде не написано, что в редакции устраивались литературные вечера. По-видимому, я не очень точно выразился. Все дело в том, что глава, о которой идет речь, — наименее удачная в Вашей книге. Беллетристичность ее какая-то неполная, незаконная.

Да, конечно, в редакции читали вслух рукописи. Я помню, например, как С. Я. читал Корнею Ивановичу главу «Крокодил» из «Республики Шкид». Но тут у Вас как-то получилось, что весь день в редакции читают, декламируют, рассказывают в лицах (читает страницу по телефону редактор, «изображает в лицах» С. К. Безбородов, читает стихи Заболоцкий, читают Владимиров, Шварц и Олейников, изображает Алексея Толстого, Качалова или Штидри — Андроников).

Могло и такое быть, но беда в том, что все это Вы не вспомнили, а придумали, сконструировали. Отсюда и такие описки, как Владимиров, слушающий рассказ Безбородова о Земле Франца-Иосифа. (Ваше «ну и пусть» меня не убедило и не может убедить. Это — описка, и описка огорчительная.)

Я бы не стал заглядывать в портфель к Юре Владимирову (это уж Вы слишком глубоко погружаетесь в беллетристику), но если бы попробовал мысленно заглянуть, то ни ржавых гвоздей,

ни обрывков каната, ни *обломков хлеба* там не нашел бы, вероятно... Владимиров был человек умный, тонкий, сложный. В портфеле у него могли быть рукописи и книги — от Нового Завета до томиков Хлебникова, Ходасевича, Рембо. Может быть, и какие-нибудь морские штуковины вроде компаса или секстанта (но только не гвозди и не канаты).

Ну, вот, Лидочка, спешу закончить и отправить это письмо, чтобы рассеять недоразумения и извиниться перед Вами — за невнятицу и путаницу.

173. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15/IX [61]

Дорогой Алексей Иванович. Спасибо за авиаответ. Все пришло вовремя. Но, милый друг, не согласна я с Вами. Быть может, эта главка и плохая в самом деле. Но Вы как-то на мой взгляд неверно судите о ее задаче. Мне надо было дать *образ* редакции. Я знаю, что Ю. В. и С. К.[1] одновременно не появлялись; но — пусть так! потому что оба они — и Юра со своим портфелем и С. К. со своими рассказами — очень характерны для *образа* редакции. Я самого Юру знала плохо, может быть, Вы правы — Рембо и пр.; но опять же *образ* его портфеля, протертого, рваного, набитого мальчишескими винтиками-шпунтиками вперемежку со стихами — у меня в памяти. Портфель, из которого торчали потроха... И теперь главное — ну, неужели Вы не помните, что в редакции действительно всегда *читали*? Ведь чтение вслух, прослушивание — это же метод С. Я. (теперь превратившийся в манию). Конечно, во время жестоких авралов (корректуры, план) сиднем сидели — а не читали вслух повести; но как правило — всегда кто-нибудь читал и С. Я. требовал, чтобы все слушали. Часто это бывало у него дома, но часто и в редакции; вообще, где он был — там всегда начиналось чтение. Помню, как читались «Полтора разговора» Григорьева; рассказы Чарушина; главы из повестей Раи Васильевой, Мильчика; Японские сказки; «Кукушка» и многое, многое...

Ну — не сердитесь. Обнимаю и благодарю.

[1] Ю. В. и С. К. — Ю. Д. Владимиров и С. К. Безбородов.

174. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
20.X.61 г.

Дорогая Лидочка!

Да, я очень давно не писал Вам. И объясняется это, конечно, не тем, что «сердился» на Вас. Я хворал. А потом собирался в дорогу. Думал, что по пути свижусь с Вами. Но путешествие откладывалось и откладывалось, а сейчас, пожалуй, и вовсе отменилось. Если так, то, может быть, и к лучшему. Дело в том, что, антр ну[1], я должен был ехать в Берлин. Вдвоем — с Павлом Нилиным. По приглашению Союза Писателей ГДР и магистрата Большого Берлина — на международную встречу писателей. Встречу эту, по-видимому, рассчитывали приурочить к самым горячим и решающим дням[2]. Сейчас, когда решение вопроса снова переносится с улицы в кабинет, надобность в подобном мероприятии, возможно, отпадает. Но «приказа о демобилизации» я еще не получил и все еще сижу на чемоданах.

Работаю вяловато, недостаточно много и все время, ради хлеба насущного, отвлекаюсь от главного.

[1] Entre nous (*франц.*) — между нами говоря.
[2] Намек на XXII съезд КПСС, который проходил в Москве 17—31 октября 1961 г.

175. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/X 61
Пиво-Воды

Дорогой Алексей Иванович, спасибо за письмо. Отвечаю неуверенная, что Вы дома, а не в Берлине. И не знаю даже, чего желать Вам, как лучше... А предполагаемый спутник Ваш (наш сосед)[1] — человек престранный. Писатель отличный; человек же — решительно не разбери-бери. Но это я так, к слову.

Вы спрашиваете, какие вставки в «Лабораторию». Сейчас постараюсь изобразить. Кроме несущественных, мелких (новые примеры или замена примеров) — четыре большие. Одна о том, что за книгу целиком и полностью отвечает автор; что редактору предоставлено право отбора рукописей — и только; поправлять же он может только вместе с автором, только с его согласия; что

хозяйничать в рукописи он не правомочен. (Мне казалось, это ясно из книги, но — нет, и я решила сказать это прямо.) Это — раз. Вторая большая вставка начинается словами: «Среди писателей бытует представление, будто в прежние времена литераторы не нуждались ни в литературных советах, ни в редакторах». И далее я объясняю, что это заблуждение, что писание — дело интимное и в то же время всегда требующее опытного *чужого* глаза; и привожу примеры: как Жуковский редактировал Вяземского и мн. др. Третья вставка рассказывает о том, что С. Я. не только правил других, но и свои стихи и статьи постоянно читал другим. Четвертая — мой ответ Левину на его утверждение, будто опыт Маршака — устарел и для наших редакций непригоден.

Книга сдана, но выйдет не ранее 63 года. Редактор ее еще не читал. Деньги (это хуже всего!) обещают только через 1½ месяца. А я ведь погрязла в Герцене и мой заработок равен нулю. Так что живу в долг. И это гнетет. Герцен же движется очень вяло.

Теперь просьба к Вам. Я хочу написать статью о внутренних рецензиях. О гнусных, глупых, грубых рецензиях, отравляющих жизнь писателям. Мне нужны примеры. Не поделитесь ли со мною чем-нибудь из запасов — своих или чужих? Вы меня избаловали участием и помощью, так я и...

Мих. Ал.[2] снова распотешил почтеннейшую публику. Какое неуважение к литераторам и литературе, какое злое шутовство. Знаете, уж сколько вин ни было у А. М.[3], но он литературу любил и за нее горой. А этот резвится на потребу обывателям.

Но лучше о чем-нибудь хорошем. Читали ли Вы Эренбурга в № 9 «Нового Мира»? По-моему, это самый сильный кусок. В № 10 скучнее, только о «благополучных концах» великолепно сказано[4].

А Владимова «Большую руду» — Вы читали? (в № 7). Отличная, мне кажется, вещь.

Еще об Эренбурге. Я его никогда не любила: романов не люблю, стихов не люблю. Мне кажется, он только теперь созрел, дописался до себя самого. Воспоминания его, при всех органических недостатках, замечательны.

[1] П. Ф. Нилин, сосед Чуковских по Переделкину.

[2] 24 октября М. А. Шолохов выступил на XXII съезде КПСС с речью, которая была на следующий день напечатана в «Правде» и в «Известиях». Шолохов сказал:

«Как подумаешь, что преодолела, что свершила наша могучая партия и что еще предстоит ей свершить, честное слово, даже комок подкатывается к горлу: до чего же всетаки здорово!» Дальше он заговорил о молодых писателях: «Молодым творцам “непреходящих ценностей”, тем, которые живут в провинции, не запретишь въезд в Москву, ни в другие крупные центры. Они слышат, с каким триумфом проходят в Москве литературные вечера наших нынешних модных, будуарных поэтов, непременно с конным нарядом милиции и с истерическими криками молодых стиляжных кликуш. Им тоже хочется покрасоваться перед нетребовательными девицами в невероятно узких штанишках и в неоправданно широкоплечих сюртуках. Им тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот они и прут в Москву, как правоверные в Мекку. И никакими уговорами и карантинами их не удержишь. Как говорится, “идут и едут, ползут и лезут” и своей цели достигают».

[3] А. М. — Алексей Максимович Горький.

[4] В № 9 и 10 «Нового мира» напечатаны «Люди, годы, жизнь. Книга третья». В № 10 речь идет преимущественно о загранице. Автор пишет, что он «много колесил по Европе, изъездил Францию, Германию, Англию, Чехословакию, Польшу, Швецию, Норвегию. Побывал в Австрии, Швейцарии, Бельгии». Австрийский режиссер Георг Пабст снимал фильм по роману «Любовь Жанны Ней». Дирекция «Уфа» требовала: «Фильм должен быть с хорошим концом». По этому поводу Эренбург пишет: «Говорят, что счастливые концы связаны с оптимизмом, по-моему, они связаны с хорошим пищеварением, со спокойным сном, но не с философскими воззрениями. Мы прожили жизнь, которую нельзя назвать иначе как трагедийной. Понятно, когда люди, желающие усыпить миллионы своих граждан, требуют от писателя или кинорежиссера счастливой развязки...

В книге о моей жизни, о людях, которых я встретил, много грустных, подчас трагических развязок. Это не болезненная фантазия любителя “черной литературы”, а минимальная порядочность свидетеля. Можно перекроить фильм, можно уговорить писателя переделать роман. А эпоху не перекроишь: она большая, но не розовая...» (с. 129—130).

176. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
11.XI.61 г.

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам. Простите. Все это время сидел на чемоданах, да так и сижу на них до сих пор. Конечно, это не оправдание. Можно и сидя на чемодане соорудить некоторое подобие письма. Но я рассчитывал свидеться с Вами.

Вы просили меня дать Вам материал для статьи о внутренних рецензиях. У меня такого материала нет. Последние 15—20 лет (а раньше этого института внутренних рецензий, кажется, и не существовало) все, кто писал рецензии на мои рукописи (Маршак, Панова, Рахманов, М. Слонимский и др.) делали это с весь-

ма доброжелательных позиций. Помню только один случай, нарушивший эту хорошую традицию: в 1948 году в Москве, в «Сов. писателе» выходил мой сборник «Рассказы о маленьких и больших», — рецензировали его два товарища, давшие моим бедным рассказам оценки, что называется, диаметрально противоположные. Один, например, писал, что повесть «Часы» — лучшее произведение рецензируемого автора. Другой, наоборот, утверждал, что повесть «Часы» — слабая, примитивная вещичка, не заслуживающая включения в сборник. Эта точка зрения, кстати сказать, взяла верх. «Часы» не были включены в сборник. Кто этот рецензент-победитель — я не помню.

177. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/XI 61

Дорогой Алексей Иванович.

Я живу в какой-то горестной и бесплодной сутолоке. Все кажется, вот-вот заживу сосредоточеннее, тише, рабочее — ан нет. Сутолока и на даче и в городе. Работаю плохо, вяло, мало — и от этого кисну. Ну, да это все старо.

Ну что еще?.. А еще вышел альманах «Тарусские страницы»[1], очень интересный. Но уже известно, что в ЛиЖи[2] лежит статья Старикова.

[1] Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник. Калуга: Калужское книжное изд-во, 1961.

[2] Лижи — так называли газету «Литература и Жизнь».

178. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
27.XI.1961

Дорогая Лидочка!

Я пребываю в довольно дурацком положении — в связи с этой загадочной поездкой в Берлин. Получил на днях письмо от Трущенко из инкомиссии. Пишет, что поездка делегации в конце ноября или в начале декабря «состоится обязательно»,

и убедительно просит *готовиться*, т.к. предстоят выступления перед читателями и писателями — «главным образом на темы, связанные с XXII Съездом, программой КПСС» и т. д. Уже одно это меня напугало. Я и в отечестве своем *выступаю* раз в 10 лет. Даже перед родной детской аудиторией робею. А тут... Письмо это вызвало у меня физическую тошноту. А на другой день читаю в «Лит. газете», что в Берлин выехала делегация сов. писателей в составе Б. Полевого и О. Гончара. Обрадовался, а потом думаю: может быть, это лишь первый эшелон, а нас, рядовых агитаторов, думают направить на берлинские баррикады во вторую очередь!

Так и живу в неведении и незнании, в колебании и чертыхании.

«Тарусские страницы» до нас не дошли. Ваня мне говорил об этом сборнике. Приятно даже только знать, что такое существует.

Журналов я не читаю. Эренбурга с удовольствием прочел сейчас, когда вышел первый том. Не все мне и здесь нравится. Но, конечно, ВСЕ можно простить за то хорошее, что делают эти книги. Ведь их читают сотни тысяч людей, для большинства которых Мейерхольд, скажем, был таким же пустым звуком, каким он был для прокурора, почтившего его память вставанием.

179. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
25.XII.1961 г.

Лидочка, почему же Вы не пишете? Или это почта? Или — еще хуже? Да, бывает и хуже. Месяц назад я обнаружил, что мои письма пропадают не только в недрах почты. Мы с Элико направлялись поздно вечером к Рахмановым. Почтовые ящики у нас висят теперь внизу, их 21 штука, но открываются они все одним ключом. Так вот — я открыл ящик, обнаружил там три письма и газеты и решил, что достану их по возвращении, — все равно в гостях читать не буду. В 2 часа мы возвращаемся, я открываю ящик: газеты там, а письма — ветром сдунуло.

Что Вы скажете: приятно жить в таком окружении? И еще вступать в этом окружении в коммунизм!

Жду Ваших писем, Лидочка!

180. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

10.I.62

Дорогая Лидочка! Много ли воды утекло с тех пор, как мы с Вами виделись, а я уже успел пожить в Берлине, побывать в Дрездене, Майнце, Лейпциге. Послезавтра едем в Веймар, оттуда — в Эрфурт.

Нет, в том, что поехал, я не раскаиваюсь, хотя зверски устал и хотя очень-очень скучаю — и по родной земле, и по друзьям и близким.

Будьте здоровы, дорогой друг! До свиданья!

181. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/II 62

Дорогой Алексей Иванович. Начинаю с просьбы. Что поделаешь, кругом люди и кругом беды. Есть такая Н. Лойко. Женщина неплохая и не бездарная. У нее горе: рак. Ну так вот, она написала повесть. Я повести не читала. Но повесть послана в «Костер», в литературный отдел. Просьба к Вам в том, чтобы Вы приглядели за ответом. Т. е., чтобы проверили, чтобы она не валялась там зря; чтоб ответили не через века, ибо человек физически измучен, и чтобы ответ, во всех случаях, был учтивым. Если же захочется Вам самому прочесть — это, конечно, лучше всего. Но это уж сверх программы. А программа, чтоб прочли и ответили...

Ландау все в том же положении[1]. Четыре недели без сознания. Жизнь, по-видимому, спасена, но сознания нет — проблесков даже меньше, чем было.

Напишите, как Вам «Турусы на колесах»[2]. Начальству очень *не*. В Калужском издательстве все получили выговоры, а редактор изгнан. В чем причина — не пойму. Мне нравится там немногое (кое-что у Самойлова, кое-что у Коржавина, кое-что у Заболоцкого, кое-что у Цветаевой; воспоминания А. Суркова[3] о Мейерхольде), но в чем там преступления — не пойму. А как Вам Казаков, Окуджава?[4] И тот и другой, видимо, очень талантливы, но Окуджава еще не определился, а Казаков внутренне неприятен.

А как Вам Корнилов? «Шофер» меня оттолкнул, но я узнала другие его стихи и обрадовалась. Это поэт сильный, своеобразный, правдивый и несомненный.

Из «Нового Мира» мне вернули «Софью Петровну» и редакция о мнении Твардовского бормотала нечто невнятное. Мне стороной стало случайно известно, что он написал о «Софье» целую страницу. Я потребовала прочитать и переписала[5]. Это очень брезгливо. Автор, мол, взялся не за свое дело, люди не живые, читать «это литературное сочинение на острую тему» — скучно. Героев не жаль и т. д. Кроме того — нет общенародного фона, показан лишь обывательский мирок. Героиня из бывших и не понимает, что к чему и отчего.

Я, конечно, своей вещи не судья. Но я еще не встречала человека, которому ее было бы скучно читать. Общенародный фон? Мне кажется, очереди возле тюрьмы — это было в 37—38 гг. вполне общенародно. Героиня и вправду не понимает, что к чему и отчего, но пониманием причин в данном случае не может пока похвалиться никто.

[1] Л. Д. Ландау попал в тяжелую автомобильную аварию.

[2] То есть альманах «Тарусские страницы».

[3] Описка Л. К. (см. также ответ Пантелеева от 8.2.62.). Речь идет о «Воспоминаниях, заметках, записях о В. Э. Мейерхольде» Александра Гладкова («Тарусские страницы». С. 292—307).

[4] В «Тарусских страницах» напечатаны три рассказа Юрия Казакова и повесть «Будь здоров, школяр» Булата Окуджавы.

[5] Рецензию Твардовского Лидии Корнеевне прочли по телефону, а она, владея стенографией, записала. — *Сообщено Ж. О. Хавкиной.*

182. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
8.II.62

Дорогая Лидочка!

Сейчас я звонил в «Костер». Повесть Лойко получили, читали, печатать ее не будут потому, что 1) в ближайших номерах нет места, а повесть в этом году выходит в Детгизе. 2) Повесть велика, автор же сокращать ее больше чем на 1 лист, не хочет или не может. Поскольку сама повесть возражений как будто не вызывает, читать ее я не буду: совершенно нет времени.

Твардовский, конечно, ерунду сказал, будто повесть Ваша скучная. Я, помню, не согласился с некоторыми мыслями автора и героини, но прочел повесть залпом. Да и как можно иначе?

Повесть я в подробностях не запомнил. А возражения мои помню. Для автора и для героини события — как гром на голову. А это не так. Они подготавливались. И были прецеденты. В 1929 году я ездил в деревню в Новгородскую область. Видел и до сих пор не забыл. А Вашу героиню это не только не трогает, но она даже не знает, что такое было. Так же как миллионы людей не знают и не знали о жертвах 1937 года, а если и знают, то опять-таки головой, а не сердцем.

«Тарусские страницы» мне доставили, вероятно, больше радости, чем Вам. Потому, может, что я меньше читаю. Самойлов был для меня открытием. Корнилов (Вы читали его поэму мне и С. Я.) и здесь меня порадовал: поэт настоящий.

Окуджава, которого обвиняют в эгоцентризме, цинизме и т. п., тронул меня... С Казаковым же у меня сложные отношения. Этот талантливейший имитатор заставил меня пересмотреть кое-какие собственные «позиции». У меня в ящике стола лежат два готовых, дописанных и перепечатанных на машинке рассказа, которые я отказался печатать после того, как познакомился с рассказами Ю. Казакова. Казаков помог мне услышать и в моих собственных писаниях чужие голоса: в частности, бунинский — стало стыдно так писать.

Он очень старомоден, этот Казаков. А другие молодые (и не только представленные в сборнике) может быть, менее талантливы, но — тут звучат голоса сегодняшнего, а быть может, и завтрашнего дня. К сожалению, почти все они подражают немножко иностранцам. (У себя подражать некому. Один Голявкин, кажется, учится у Зощенко. Чтобы учиться у своих, Казакову пришлось построить мост в полстолетья и больше длиной.)

Воспоминаний А. Суркова я не читал (Вы странным образом обмолвились): А. Гладков о Мейерхольде написал действительно великолепно. Будьте здоровы, Лидочка. Написал Вам больше, чем рассчитывал. Простите.

Посылаю вырезку из «Ленинградской Правды». Не послал ее К. И., т.к. не уверен, знает ли он (и нужно ли ему знать) о подлой статейке Югова[1].

[1] К письму приложена газетная вырезка: *М. Ильин.* «Нева» № 1: Листая страницы журналов // Ленинградская правда. 1962. 31 янв. Автор пишет о статье А. Югова «Против желтых билетов», опубликованной в «Неве» № 1. Югов возражает К. Чуковскому и выступает против его статьи о русском языке «Всей громадой», напечатан-

ной в «Известиях» (1961. 16 июня). Приведя несколько цитат из статьи Югова, М. Ильин отмечает: «Речь идет о тоне научного спора. А этот спор А. Югов со страниц “Невы” ведет так, что его никак нельзя назвать научным... Следовало оградить читателей от подобной бранчливой полемики».

183. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 20/2 62

Дорогая Лидочка!

Я пожалел потом, что написал Вам по поводу Вашей «Софьи Петровны». Во-первых, это впечатление давно минувших дней, не проверенное и не подтвержденное. Во-вторых, это хоть и существенная, но все-таки частность. А то, что вы сделали, — было подвигом и забывать об этом мы не можем[1].

Ну, до свиданья, Лидочка!

Читали ли Вы «Аркадия Гайдара» В. В. Смирновой? Что думаете об этой книге?

[1] Интересно сопоставить эти слова со словами Ахматовой, сказавшей Л. К.: «Вы совершили подвиг. Да, да, не спорьте, это легенда. Мы все думали то же, мы писали стихи, держали их в уме или на минуту записывали и сразу жгли, а вы это писали!.. Писали под топором» (*Записки*. Т. 2. Запись 4 ноября 1962 г.).

184. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/II 62
Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете, что за работа меня измучила. Видите ли, я могу писать и не могу печататься. Сил нет. Глаз нет. Сейчас объясню.

Семнадцать лет назад я написала для детгизовского издания «Былого и Дум» предисловие. Издание было зарезано, предисловие тоже. Оно у меня валялось. В марте этого года — юбилей Герцена. Оксман, на вопрос «Дружбы народов», назвал меня. Я дала им статью. Они ее приняли, почти ничего не потребовав. И послали в набор[1].

Кажется, хорошо?

Но надо дать ссылки, чтобы бюро проверки проверило цитаты. Цитат около 100. А все ссылки за 17 лет я потеряла.

Начала искать. Указатель ни к чему — имен в цитатах нет. «Всечь в порядок»; «Центр нравственной тяжести»; «отвага знания» и пр.

Мне писать не больно и читать — если шрифт крупный — не больно; а вот перелистывать и искать в 22 томах, отпечатанных в 19 году, — вот это ужас.

Я сидела уже 6 дней и еще просижу невесть сколько, ибо 80 нашла, а 20 нет.

Сижу, сижу да и заплачу. Честное слово. Такое чувство беспомощности.

Помочь некому — все сверхзаняты — а хотел бы кто помочь, то как? Надо ведь *помнить* Герцена.

О «Софье Петровне» когда-нибудь поговорим при встрече.

[1]*Лидия Чуковская*. Былое и Думы: К 150-летию со дня рождения А. И. Герцена // Дружба народов. 1962. № 4. С. 221—231.

185. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
20.III.62

Дорогая Лидочка!

Во-первых, разрешите Вас поздравить с наступающим днем Вашего рождения. Вас это, небось, удивит, потому что я никогда этого не делал, т. е. не поздравлял Вас. Сознаюсь, я не знал даже, когда Вы родились. А добро ли это? Всех наших общих друзей и знакомых я поздравлял. А Вас — нет. Почему? На каком основании? На том только основании, что никогда не был у Вас в этот день? Несправедливо!

И вот дата Вашего рождения устанавливается, приносятся поздравления, а вместе с ними и пожелания здоровья и всего самого хорошего.

А засим позвольте принести Вам еще одно поздравление. Вы написали очень хорошую статью о внутренних рецензиях[1]. Странно, что Вы жаловались на вялость пера, на то, что не получается. Нет, получилось и даже очень! Может быть, слишком

много говорится об одной книге, получилась своего рода закрытая, анонимная рецензия. Но, с другой стороны, этот *один* пример, данный во всех подробностях, позволил Вам показать *зло* во весь рост, во всех его проявлениях.

Я умудряюсь работать. Пишу заметки — о поездке в ГДР. Пишу с полным пониманием того, что работа моя опубликована не будет. Хотя ничего крамольного там нет, а все-таки это совсем не то, что требуется журналу «Новое время» (для которого я взялся писать эти очерки). Главная беда, что там я высказываю свои собственные мысли на происходящее.

И все-таки — пишу.

Зная, что Вы, как и я, грешный, любительница и ценительница хорошей бумаги, посылаю Вам немного от своих скудных запасов.

[1] *Лидия Чуковская*. Станет ли рукопись книгой? // Лит. газета. 1962. 13 и 15 марта.

186. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/III 62

Дорогой, милый, добрый Алексей Иванович, меня глубоко тронул Ваш подарок. Спасибо, спасибо — за поздравление, за конверты и бумагу, за память — за то, что в такое трудное и хлопотливое для Вас время вспомнили обо мне.

Вы не знали даты моего рождения, потому что я его никогда не праздную — то есть стараюсь не праздновать, даже иногда ухожу в этот день из дому.

Отзыв Ваш о моей статье тоже меня сильно обрадовал.

Это ведь изувеченный (мною самой) вариант: из 45 страниц я сделала для газеты 18. Вы понимаете, что это такое. Теперь пытаюсь пристроить где-нибудь статью в полном виде. Где? не знаю: Твардовский меня ненавидит, «Вопросы» отвергли.

К. И. здоров, но его теребят отчаянно. Я стараюсь почти не бывать на даче и выключаю у себя телефон — ибо брызги юбилея мне совершенно не под силу[1].

Интересуюсь, конечно, Вашими записками (или статьей?) о поездке в ГДР. А почему для «Нового Времени»? А может

быть — «Новый Мир»?.. Но все равно — раз у Вас хватает сил писать сквозь все, что сейчас Вас терзает, — значит — это очень надо Вам и будет нужно всем.

Жду.

[1] Корнею Ивановичу 1 апреля 1962 г. исполнялось 80 лет.

187. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/V, Пиво-воды

Дорогой Алексей Иванович. Простите, что на милое Ваше письмо отвечаю открыткой. Но я в очередной суете: послезавтра К. И. летит в Лондон, возбужден, перестал спать, простужен — пишет ночами свои лекции — и кругом него вихрь нервов, телефонов, врачей, корреспондентов; Марина, которая едет с ним, укладывает чемодан; Люша читает ему вслух; Клара пишет на машинке — а я — я не делаю ничего, но устаю за всех.

В крымскую весну я влюбилась, однако горки и лестницы мне не очень под силу. Шуре, судя по письмам, сейчас немного полегче. Мне очень по душе Ваша Л. А. Промет; но с кем я подружилась навеки — это с Татой Рахмановой и ее подругой Азой. Удивительно милые существа — обе! — милые, тонкие, умные, добрые. От их светлых лиц на душе светлее.

188. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Кясму, 25.VI.62 г.

Дорогая Лидочка.

Давно собирался Вам писать и до сих пор не собрался, не было времени: кончал и все не мог кончить одну малоинтересную работу для телевидения.

Читаю я здесь больше, чем в Питере. И работаю больше. И гуляю. Как-то легче здесь организовать день.

Здесь хорошо, тихо — в масштабах деревни — и шумновато у нас на участке и особенно в моем эрмитажике, эстонском варианте Вашего «Пиво-воды». И холодновато.

Известно ли Вам что-нибудь о Б. М. Сарнове? Где он и что с ним?

189. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/VII 62
Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Начну с упреков:

1) в Вашем письме из Кясму — ни единого слова о Машеньке.

2) почему Вы не прислали Вашу статью о Германии, напечатанную в «Ленинградской Правде»? [1] Елена Феликсовна[2] процитировала мне несколько строк наизусть, и мне очень хочется прочитать все. Упрекаю. Попрекаю. Прошу...

Упрекнув, перехожу к ответам на вопросы.

Сарнов получил квартиру на Аэропортовской; в газете работает по-прежнему. Замечательная статья его, под названием «Разбойник Мерзавио и редактор» напечатана в сборнике «Редактор и книга», выпускаемом Мильчиным. (Там же напечатана статья о моей «Лаборатории»[3].)

К. И. здоров и бодр. Вы спрашиваете, не утомила ли его поездка[4]. Напротив! Он там отдохнул и набрался сил. В самолет он просто влюбился и мечтает о более дальнем полете. Там же он пробыл двадцать дней и говорит, что у него не было ни одной омраченной минуты. Лекции читал с большим успехом — в Оксфорде, в Лондоне, в Эдинбурге. Церемония была великолепна; мантию и шапочку он привез — они ему идут чрезвычайно. Надевает. Красуется... Сейчас он занят работой над 2-м изданием книги о языке и подготовкой Собрания Сочинений. Все хорошо, одно несчастье — потоки людей, одолевающих его. (А меня просто убивающих, когда я на даче. Ни работать, ни спать, ни существовать.)

Работаю над Герценом плохо — с натугой и без удачи. Кроме людей, меня одолевают книги и рукописи, посылаемые мне со всех сторон (после статьи). Но дело не в этом: Герцен мне не по плечу.

[1] См.: *Л. Пантелеев.* Три недели в Германии. Из путевых дневников // Ленинградская правда. 1962. 30 июня.

[2] Елена Феликсовна — Пуриц, жена Г. И. Егудина.

[3] См.: *В. Муравьев.* Именем литературы // Ред. и книга: Сб. статей. Вып. 3. М.: Искусство, 1962. С. 288—298.

[4] К. И. Чуковский ездил в Англию, где ему присвоили в Оксфорде степень доктора литературы honoris causa

190. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Кясму, 15.7.1962

Дорогая Лидочка! Спасибо Вам за большое, обстоятельное письмо. Так приятно было даже взять в руки этот плотный увесистый пакет, надписанный Вашей рукой. Боюсь, что я не смогу рассчитаться с Вами столь же щедро. Тем более, что пишу на машинке. Да еще так убористо.

...Ваш упрек меня удивил. С чего бы это я стал по своей инициативе посылать Вам всякую мелочь, публикуемую в нашей провинциальной газетке?! Поскольку Вы выразили любезное желание посмотреть эту статью — посылаю Вам, но (простите) должен просить вернуть ее. Мне самому эту вырезку прислала Александра Иосифовна.

С этими моими путевыми очерками ничего путного не получилось. Писал я для «Нового времени». Написалось около двух листов. Редакция сначала хотела печатать выдержки — 1 печ. лист, потом — пол печатного листа, а потом и вовсе отказалась от этого намерения: очерк прочел Л. Безыменский, специалист по Германии, и заявил, что это — не то, мрачно, не отвечает тем установкам, которые и т. д., и т. д.

Попросила у меня «Ленинградская правда». Я дал на три номера, они напечатали самое с их точки зрения безобидное и на этом остановились. А тут еще и я — со своим тяжелым характером: разгневался, что: 1) меня публично обозвали Леонидом[1] и 2) не прислали обещанных гранок — и попросил прекратить публикацию.

Все, что Вы пишете о Корнее Ивановиче (и все, что мне известно о нем из других источников), очень меня радует. Его величественный портрет в докторской мантии мы видели. К сожалению, в «Литературе и Жизни». Предпочли бы увидеть этот портрет на других страницах. Как хорошо, что выходит Собрание сочинений... <...>

Сарнову я писать не думал. Никакого дела у меня к нему нет. Просто вспомнил хорошего, умного и талантливого человека. Если увидите его — передайте привет от меня.

Буду благодарен Вам, если Вы поможете мне достать сборник, выпускаемый Мильчиным.

Простите, но я по своей провинциальной отсталости не знаю, кто такой Мильчин. Стыжусь, но — первый раз слышу это имя. Где он? В каком издательстве, в какой редакции?

Что я писал Вам о грязном пальце редактора — я не помню. Писал я тогда это *частное письмо* только для Вас, писал все, что вспомнилось и подумалось, писал сразу набело, не думая о красотах стиля и не думая, что Вы будете это публиковать или цитировать. Не представляю, как будет выглядеть этот отрывок в сборнике. В виде чего? Цитата? Откуда?

Читали ли Вы роман Лампедузы?[2] Меня он не только очаровал — опалил. Может быть, тут сказалась еще и судьба этого романа и загадочная (для меня) судьба автора. Но — нет, это и само по себе прекрасно. После этого все, даже самое лучшее в итальянской литературе, кажется беллетристикой.

[1] Речь идет о статье «Три недели в Германии. Из путевых дневников» («Ленинградская правда». 1962. 30 июня). Автором статьи назван Леонид Пантелеев. На самом деле псевдоним А. И. Пантелеева —Л. Пантелеев (Ленька Пантелеев — имя известного петроградского налетчика). Имя Пантелеева — Алексей.

[2] Упомянут роман Джузеппе Томази ди Лампедуза «Гепард», опубликованный после смерти автора.

191. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/VIII 62
Пиво-воды

Дорогой Алексей Иванович.

Получила, с радостью прочла Ваше письмо, с интересом и восхищением статью — а вот отвечаю только сейчас.

Извините, друг мой.

Но прежде о Вас. Статья меня очень тронула, такая она сердечная и умная. И на каждое слово хочется отозваться.

А строчка о Бухенвальде, 37 годе и блокаде. Она многого стоит[1].

Возвращаю с благодарностью.

Теперь — дело. Кусок из Вашего драгоценного письма о редакторе я перепишу на машинке и пришлю Вам. Если Вы благословите — отдам Мильчину для сборника. Так?

А Мильчин, Аркадий Эммануилович, — это редактор издательства «Искусство», редактор моей книги[2], редактор сборников «Редактор и книга». В третьем сборнике замечательная статья Сарнова, интересные материалы из архива Чехова, Короленко, Вересаева, Эйхенбаума — и несколько статей совершенно безграмотных. В сборнике четвертом будут воспоминания о С. Я.: Шварца, Григорьева (!!!), Золотовского (!), Рахтанова, Будогоской. (Шварц великолепен; Григорьев, к моему удивлению, толков; Золотовский глуп; Будогоская бледновата; Рахтанов ленив: т. е. хочет вспомнить, да ленится.)

А вот в 5 № Мильчин мечтает поместить отрывок из Вашего письма о редакторе, который я Вам пошлю.

Сам он, А. Э. Мильчин, человек чистый, умный, любит литературу и пр. Сборники эти — дело полезное.

В 4-ом будет моя статья «Процесс прохождения» (полный вариант того, что было в «Лит. Газете»).

Ну вот. А долго не писала я Вам потому, что возилась с 3-ьей Герценовской главой и довозилась до боли в глазах. (Но кончила. Но — в отчаянье: не удается книга.)

От С. Я. хорошее письмо. И он пишет для Мильчина воспоминания о редакции.

А я все не могу опомниться: у нас во дворе, на ул. Горького, в 11 часов вечера, *почти* при мне (т. е. я видела уже, как уводили негодяев) двое убили паренька — убили, треснув головой оземь. Он провожал девушку; они ее задели; он вступился... Возле моего подъезда. Страшная жизнь.

[1] О статье см. предыдущее письмо. Строчка о Бухенвальде: «О Бухенвальде я писать не буду. Есть вещи, о которых я не могу рассказывать. Не могу рассказывать о блокаде, о 1937 годе. О Бухенвальде тоже».

[2] Речь идет о книге Л. К. «В лаборатории редактора».

192. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
25.X.62 г.

Дорогая Лидочка!

От Александры Иосифовны слышал, что в «Советском писателе» собираются печатать «Софью Петровну». Радуемся и ждем.

193. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/X 62

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет «Софьи» Вы поторопились обрадоваться. Нет, милый друг, радоваться ей еще рано — пока порадуйтесь за «Один день з/к», который выйдет в № 11 «Нового мира»[1]. Вещь в самом деле замечательная, в которую влюбился Твардовский. И вот она печатается. Это отлично — потому что и автор очень хороший, говорят, человек, и многое вынес. Ну, а «Софья» «Новым Миром» была отвергнута с большой злобой. Месяц назад я ее безо всякой надежды, так, для порядку, отнесла в «Сов. Писатель». Злобин дал хорошую рецензию. И более ничего. Ситуация за это время изменилась к лучшему (см. стихи Евтушенко в «Правде», статью Паустовского в «Известиях»[2]); все журналы дадут что-нибудь на эту тему — но *что*? Не ведаю.

Ведь можно отделаться и откликами, ведь нынче и Кожевников разоблачает культ...

Я тычусь во все двери: ткнулась в «Сибирские Огни», в «Москву»; ткнусь еще в «Знамя», в «Неделю»... Меня лихорадит, не работается Герцен — и все это, я боюсь, зря.

Устала я невыносимо, просто хоть брось.

[1] Речь идет о рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

[2] Упомянуты стихи Е. Евтушенко «Наследники Сталина» («Правда». 1962. 21 окт.) и статья К. Паустовского «Сражение в тишине» («Известия». 1962. 27 окт.). Обе публикации, очень значимые и характерные для времени, появились на гребне хрущевской «оттепели». Евтушенко писал: «Покуда наследники Сталина / живы еще на земле, / мне будет казаться, / что Сталин — еще в Мавзолее». Паустовский, защищая от нападок критики роман Ю. Бондарева «Тишина», утверждал: «Каждая попытка оправдать “культ” — перед лицом погибших, перед лицом самой элементарной человеческой совести — сама по себе чудовищна». Вспомним это время. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г. по решению XXII съезда ЦК КПСС тело Сталина было вынесено из мавзолея и похоронено в могиле у Кремлевской стены; 16 ноября 1962 г. вышел «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына («Новый мир». 1962. № 11). Этими даты и связаны с недолгим всплеском надежд на десталинизацию страны. Контратака сталинистов постепенно похоронила эти надежды.

194. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/XII 62

Дорогой Алексей Иванович. Ну, что ж Вам огорчаться, что переписка стынет. Не надо, милый друг. Интерес не стынет —

а письма ведь дело такое: и от здоровья зависит и от многого прочего. У не любимого мною поэта Сельвинского есть строки, которые я люблю:

Никуда своей души не денем,
Трудно с ней, а все-таки душа[1].

Трудно с ней, трудно с ней, а когда с ней трудно — переписка не клеится. Особенно если, как у Вас, все кругом хворают — и Вы сами.

И особенно, если все кругом крутится, вертится — не успеваешь запечатлевать.

Что сказать Вам о себе?

Мне за последние месяцы вернули «Софью» из «Знамени», потом из «Москвы». Потом «Москва» попросила снова. В это же время телеграмма из «Сибирских Огней»: «Повесть печатается в феврале». Затем «Москва» снова вернула ее мне, сообщив, что будет печатать «на ту же тему» не меня, а Овалова. Затем — пакет из «Сибирских Огней» с извещением, что «Софья» уже две недели в наборе — и с копией сданной в набор рукописи. Три дня друзья сличали этот экземпляр с моим, вылавливая «правку». (Я не могу — глаза.) Выловили; восстановили; я написала большое письмо. Затем — вчера утром! — меня вызвали в «Советский Писатель» и дали подписать договор на «Софью» — «рукопись одобрена», «300 р.» за лист, и пр. и т. п. Я подписала. А сегодня — звонок от Лаврентьева, редактора «Сибирских Огней», что он прилетел в Москву на встречу с Н. С. Хрущевым и хотел бы со мной повидаться. «В вашей повести не хватает фона общенародной жизни. Подумайте об этом».

Мне-то думать не о чем. Но о чем он три месяца думал, посылая мне телеграмму и сдавая повесть в набор — неясно.

Впрочем, ясно и это. И от этой ясности тошнит и не хочется писать писем.

К. И. вчера зацепился за телефонный шнур и со всего размаху ударился боком о печку. Думали, трещина ребра, но нет, слава богу, только ушиб... Из-за этого он не был на приеме[2].

Письмо, которое Вс. Иванов, он, Фаворский, Шостакович и Эренбург написали Н. С. о художниках, — там огласил Эренбург[3].

Кажется, успеха у адресата оно не имело.

Вчера я все утро была у С. Я. Он уже сидит. Скоро уедет в Крым в сопровождении Вали Берестова. Он очень печален, несчастлив. Жалуется на слабость. В мрачном свете пересматривает свою жизнь.

Вышла книжечка его стихов, очень изящно изданная[4]. Пока — 1 экземпляр.

Ну вот, кажется, обо мне — все.

Не думайте, что я уж очень огорчаюсь «Софьей». В *эту* удачу я никогда не верила. И то хорошо, что — в редакциях — ее прочли десятки людей.

А с «Лабораторией» у меня все в порядке, в январе 2-ое издание идет в набор.

Между прочим, Мильчин, мой редактор, мечтает о том, чтобы Вы написали для сборника «Редактор и книга» статью о губительности редактирования, изымающего «грубости», об уничтожении ритма и т. д. Если Вы склонны — он напишет Вам сам.

[1] Из цикла «Алиса».

[2] То есть на встрече Н. С. Хрущева с интеллигенцией, которая состоялась 17 декабря в Доме приемов ЦК КПСС. На этой встрече Хрущев кричал на поэта Вознесенского, художника Голицына, скульптора Неизвестного.

[3] Письмо датировано 10 декабря 1962 г. и кончалось словами: «Мы видим теперь, как начинают толковать Ваши слова на выставке художники того самого направления, которое единственно процветало при Сталине, не давая другим работать и даже жить.

Мы глубоко верим, что Вы не хотели этого и что Вы против этого. Мы обращаемся к Вам с просьбой остановить в области изобразительного искусства поворот к прошлым методам, которые противны всему духу нашего времени». Под письмом, кроме названных Л. К. лиц, еще несколько подписей.

[4] *С. Маршак.* Избранная лирика. М., 1962. Книга подарена Л. К. с надписью: «Дорогой Лидочке с любовью. С. Маршак. 27—1—1963».

195. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
26.XII.62

Дорогая Лидочка.

Рад был Вашему письму, порадовались — и позавидовали — Вашей бодрости, энергии.

Как хорошо, что «Софья Петровна» пробила наконец дорогу к читателю! Книга-то ведь все-таки выйдет? Может быть,

немножко и подержат ее, помурыжат, но все-таки она *будет*, мы ее увидим, будем держать в руках!

О Московских делах и событиях я почти ничего не знаю. О том, что было и говорилось на совещании 17-го, узнал из пятых рук[1]. И не все, вероятно, услышанное достоверно.

Работается туго. Все время отвлекаюсь от главного — ради хлеба насущного и скорого. Пишу диафильмы, рецензии и тому подобное.

Относительно Мильчина — не надо сейчас. Если выберу время и захочется написать — сообщу ему, если разрешите, через Вас.

[1] То есть на встрече Н. С. Хрущева с интеллигенцией.

196. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/I 63
Переделкино

Дорогой Алексей Иванович!

Вы спрашиваете про «Софью». Ее давно уже отвергли «Новый Мир», «Знамя», «Москва» и недавно — «Сибирские Огни», уже после того, как рукопись была сдана ими для № 2, 1963... Предлог? Мой отказ дополнить повесть изображением наших успехов — т. е. челюскинцами, выплавкой чугуна и пр.

В «Сов. Писателе» *пока* все благополучно. Договор заключен, деньги — 60% — получены; сегодня у меня даже попросили 2-й экземпляр для художника... Когда кончится эта идиллия — не знаю.

Всегда готова!

197. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
11.III.63 г.

Дорогая Лидочка!

Опять давно не писал Вам.

На днях приехала сюда А. А. Ахматова. И я и все, кто видел ее, тягостно поражены — тем, что сделали с нею как-то вдруг (для нас *вдруг*) старость и болезни.

Будогоская говорит, что не спала ночь после этого.

Кстати, я обещал Лидии Анатольевне узнать у Вас о судьбе ее рукописи в «Детском мире»: с нею должны были заключить договор и — ничего, молчат. А она, как Вы знаете, нажимать, узнавать, подталкивать — умеет меньше, чем кто-либо.

Лидочка, напишите! Как здоровьице Ваше? Как «С. П.» в «С. П.»?[1] Как Герцен? И обо всех близких друзьях напишите!

[1] То есть «Софья Петровна» в «Советском писателе».

198. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/III 63

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет Анны Андреевны. Вы тягостно поражены ее видом — а мне как раз казалось, что она в последнее время бодрее и физически и душевно. Однако я не судья, потому что я в Москве ее часто вижу, в неделю раза два. Она вела здесь «бедуинский образ жизни» — кочевала по друзьям — и при всей сложности этого кочевья, все-таки, мне кажется, ей это легче, чем Ленинградская оседлая, но неустроенная жизнь.

Слушаете ли Вы ее стихи? Теперешние — и — тридцатых годов?

Поклонитесь ей. Она ведь очень плохо переносит поезд, переезд. Может быть, потому, она в первые дни была плохая, а теперь на воздухе немного отошла.

Большой отрадой был для меня в Переделкине целый месяц Паустовский. Человек обворожительный, словно с волшебной дудочкой в кармане. Но тоже болен: астма постоянная и не так давно был инфаркт.

Еще одна отрада — Фрида. Но с нею видимся не часто, потому что она сверхзанята. Статьи, книги, внучка Наташенька, больная мама, депутатство, тысячи хлопот. И во всем этом я любуюсь ею — так она всегда сильна и добра. Но здоровье и ей изменяет.

У меня на душе невесело, потому что Герцена мне не поднять. Семь месяцев не пишу, а читаю Белинского.

К «Софье» сделана обложка. Я ее держала в руках. Но в набор книга еще не пошла и когда пойдет и пойдет ли вообще — кто знает? А хотелось бы дожить.

Выяснять сейчас по этому поводу что-нибудь бессмысленно, потому что ведь она в плане 64 г. Вот я и молчу. И они молчат. Может быть, лучше, чтобы именно сейчас они ее не перечитывали.

На днях я должна получить верстку 2 издания «Лаборатории».

Очень хотела бы послать Вам № 4 сборника «Редактор и книга» — но увы! Он вышел в Ленинграде и сюда еще не пришел. А там есть кое-что интересное.

199. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
3.IV.63 г.

Дорогая Лидочка!

У Анны Андреевны я был один раз. Ведь Вы знаете мою дурацкую застенчивость. Но я хотел, чтобы Машка услышала знакомые ей стихи из уст Ахматовой. А. А. прочла ей «Смуглый отрок»...

А новое я попросить постеснялся, тем более что у А. А. сидели незнакомые мне люди. А вечером мы уехали. А когда вернулись, А. А. уже не было.

Лидочка, напишите о рукописи Будогоской. По-видимому, издательские дела ее неважнецкие, но судьба ее рукописи, как Вы понимаете, ее волнует — и лучше знать что-нибудь самое скверное, чем ничего не знать.

200. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10 апреля 1963. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Я не писала Вам о Лидии Анатольевне (в чем прошу меня простить) потому, что дела ее неопределенны и разобраться в них — трудно. В издательстве «Детский Мир» был главным редактором Ю. П. Тимофеев, человек интеллигентный, знающий, любящий книги Будогоской и верящий мне. С ним у меня была договоренность. Полгода или больше тому назад его сняли. Никого из новых работников я не знаю, а они и обо мне и о Л. А. имеют представление весьма смутное.

Они ни против чего не возражают, но ничего, собственно, и не хотят. (А Ю. П. *хотел*, чтоб книга эта была.) Ну, вот. А тут еще нападки в печати на книгу Хармса, которую *я* составила... Вот почему все сложно... Но книга Л. А. в плане *стоит*; и мне обещала завотделом прозы, что она «днями» (!) сообщит мне, *когда* будет с Л. А. заключен договор... Вот и все. На днях напишу еще. Привет Л. А.

[1] Датируется по п/шт.

201. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

30.IV.63 г.
Комарово

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за хороший сборник, за великолепную статью и вообще за то большое дело, которое Вами поднято, за то *движение*, которое Вы начали и возглавили.

Правда, последних точек над i ни Вы, ни Ваши последователи не ставите, да их и нельзя сейчас поставить. Я имею в виду вопрос о том, при каких условиях возможно то, за что Вы ратуете.

Хорошую статью написал Ю. Тимофеев. Это — тот, о котором Вы мне писали?

Можно ли рассчитывать, что в результате Вашей деятельности коренным образом изменится обстановка в издательствах? Нет, это было бы, конечно, наивно — ждать таких сказочных перемен! Но — если почешутся, задумаются, постыдятся делать самое наигнуснейшее из того, что делали, — и то хорошо, и за это Вам низко поклонятся все пишущие.

202. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/V 63

Дорогой Алексей Иванович, мне только что удалили три зуба — поэтому написать что-нибудь толковое я не в состоянии — но и не откликнуться на Ваше письмо о сборнике[1] я тоже не могу. Я его буду носить как орден — не на груди, так в сумке! — всем буду показывать и хвастаться взахлеб!

Да, дорогой друг, я и не рассчитываю ни на какой прямой результат. Но все же я вижу, как моя книга в самом деле *работает* среди разных читательских слоев.

(А второе издание, верстка, еще не вернулась из...[2])

[1] Речь идет о сборнике «Редактор и книга». См.: *Лидия Чуковская*. Процесс прохождения // Ред. и книга. Вып. 4. М.: Книга, 1963. С. 55—98. См. также письмо **198**.

[2] Верстка «Лаборатории редактора», по-видимому, еще не вернулась из Горлита (т. е. из цензуры).

203. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/V 63

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашивали меня, тот ли Тимофеев написал статью в Сборнике, который раньше работал в «Детском Мире». Да, тот. До «Детского Мира» он работал в Детгизе, сначала в отделе Народов СССР, потом — в отделе Науки. Человек он интеллигентный, литературный, знающий. За два года работы в «Детском мире» (там он был главный редактор) он успел сделать многое: переиздать Хармса и Введенского, переиздать «Крокодила», разыскать новых молодых поэтов, сколотить вокруг издательства талантливых художников: там Май Митурич, Бруни, Л. Збарский. Начальство его ненавидело, а он давал прекрасные поводы для расправы: человек он очень недисциплинированный, небрежный, неточный — к тому же бабник и выпивоха. Однако литературу знает, любит. Для него Хармс и Будогоская — имена живые и любимые. Без него в «Детском Мире» все снова поросло травой и подернулось пылью.

Пискунов, говорят, прочитав статью, скрежетал зубами. (Это он сказал Тимофееву: «Вы литератор, а у нас советское учереждение»...) Вообще от всех этих симпатичных статеек я добра не жду.

Нового у меня ничего. «Софья» пошла на перечитыванье, но еще не прочтена. «Лаборатория» тоже не прочтена — в цензуре. Мильчин болен. Я здорова, но Герцен меня скоро уморит.

К. И. здоров, очень загорел, целый день сидит на балконе в войлочной шляпе и пишет.

С. Я. 17-го едет в Крым. Переводит Блейка.

204. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

17.V.63 г.

Дорогая Лидочка!

Мне переслали из Комарова Ваше письмо. Уже больше недели, как я оттуда *выбыл*.

Очень рад за Вас, что Вы уже в своем «Пиво-воды». И за Корнея Ивановича, о котором Вы так хорошо написали: представил его себе загорелым, в войлочной шляпе, пишущим с утра до вечера.

Я ему недавно писал — признался в том, что после трехлетних размышлений последовал его совету и решил печатать дневники, посвященные Машке. Готовлю их к печати, сокращаю и отделываю, но что-то меня, признаться, немножко грызет: хорошо ли выносить свою частную жизнь на всеобщее обозрение? И — главное — как на это посмотрит, когда вырастет, наша Машка? Хорошо ли это для нее?

Занялся этим полгода (или около этого) назад потому, что все остальное, над чем работал (а в работе у меня довольно много) затормозилось — на студии, в редакциях или — в портфеле редактора «унутреннего».

А вообще-то работается до противности туго. Завидую Вам и еще больше нашим Учителям и Корифеям — таким, как Маршак и Чуковский.

О смерти сестры Тамары Григорьевны я знал — из письма С. Я. Пишет, что теперь никого не осталось в живых из семьи Габбе.

Сегодня я видел портрет С. Я. в «Литературной» — сердце сжалось. Ведь я не встречался с ним два года? Или три? (Сейчас даже не могу сосчитать.) Как он постарел! И как похудел!

Как обстоят дела с Собранием сочинений К. И.? Он писал мне, что должно выйти в этом году. Это что — *подписное* издание? Если так — очень боюсь прозевать. И не только потому, что в одном из томов *этого* собрания К. И. обещал тиснуть статью обо мне. Это вообще вещь весьма заманчивая, как Вы понимаете.

Напишите, пожалуйста. Корнея Ивановича я затруднять такими вопросами не хочу. Простите, что затрудняю Вас.

205. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/V 63, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Насколько я могу судить — до подписки на собрание сочинений еще далеко. Постараюсь быть в курсе и представлять Ваши интересы.

Самуила Яковлевича я перед самым его отъездом не видела, но дней десять назад провела у него несколько часов. Да, он очень переменился. Сидит в широком кресле, как гномик — маленький, худенький старичок. Плохо слышит, плохо движется, надрывно кашляет. Но работает очень много по-прежнему, и голос иногда звучит с энергией, с темпераментом, и так же он сердится, и так же читает стихи.

Вам непременно надо исполнить свое намерение и приехать в Москву — приехать с толком, чтобы всех увидать — и его. Недавно что-то было мне грустно по всяким поводам, и я написала — себе самой — такие стихи:

А друзья еще живы.
Еще руки теплы, голоса еще молоды.
Еще можно кого-то обрадовать:
«Это я говорю, это я»...
Торопись дозвониться
И, за руки взявшись, уехать из города.
Торопись повидаться —
Они еще живы, друзья[1].

Мои дела очень трудны. Резкое ухудшение с глазами — боюсь, как бы мне не запретили на время читать. Ох, не по плечу мне Герцен... Сейчас сижу над версткой «Лаборатории»; она была подписана к печати, но Горлит требует изменения страниц о разгроме редакции (новых). С «Софьей» в «Сов. Писателе», кажется, кончено.

[1] Впоследствии стихи эти вошли в цикл «Еще могу». См.: *Лидия Чуковская*. Стихотворения. М.: Горизонт, 1992. С. 69.

206. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/VI Пиво воды 63

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете меня о Герцене.

Худо. Очень.

Последний срок сдачи книги в ЖЗЛ — 1 декабря 63 г. (Третья отсрочка.)

В книге будет глав 18—20. Я уже более года пишу *четвертую*.

Одно время книга совсем сидела на месте, теперь чуть-чуть тронулась. Теперь мне ясно, что я ее напишу — но не раньше 65, а то и 66 года.

Что скажет мне издательство 1 декабря — не знаю. (На мне 10.000 аванса.)

Но это еще не вся беда моя.

Год назад Гослит заключил со мной договор на 4-х листную книжку о «Былом и Думах» — для серии «Памятники мировой литературы».

Написать книжку о «Былом и Думах»— это моя мечта. Мне кажется, с этим я справлюсь. Но бросить ту книгу! Это тяжело, а зараз делать 2 работы я не умею.

Я мечтала хоть 4-ую главу кончить и тогда уже перейти на «Былое и Думы». Но и этого нельзя, надо просто бросить 4-ую, потому что срок книги о «Былом и Думах» — 1 декабря 63, а я ее еще не начала...

Чтобы избежать катастрофы хотя бы с Гослитом, я 1 июля бросаю 4-ую главу на полуслове и пересаживаюсь за «Былое и Думы».

Все это неладно — и я живу в ощущении горечи, неудачи, катастрофы и надвигающегося безденежья.

Вот Вам полный отчет.

Очерк Абрамова — очень сильный — Вы наверное давно читали[1]. Я прочла только теперь.

А читали ли Вы в журнале «Проблемы мира и социализма», 1963, № 5 интереснейшую статью Карякина: «Антикоммунизм, Достоевский и достоевщина»? Непременно прочитайте, если достанете. Я если достану — пришлю.

К. И. не совсем хорош — заработался, переутомился. Пишет наново книгу «Искусство перевода» и статьи в газету.

[1] Речь идет о повести Ф. Абрамова «Вокруг да около» («Нева». 1963. № 1). В повести рассказано о наболевших вопросах сельской жизни. Повесть была признана идейно порочной, а редактор журнала «Нева», где очерк был напечатан, снят с работы. Ф. Абрамов был выведен из редколлегии журнала «Нева».

207. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/VIII
Москва

Дорогой Алексей Иванович, «семь бед — один ответ». Я не поздравила Машеньку с ее днем рождения, не поздравила Вас, не отозвалась на Ваше письмо... Простите меня, друг мой. Это не от невнимания, а просто я живу в суете, в хлопотах, в работе и в каком-то постоянном нездоровье. У Герцена встречается такое слово: «немогута».

На днях Вы получите мою книгу — 2 изд. «Лаборатории». Я напишу на титуле, какие там новые страницы. Прочтите их и напишите суждение... Хотя главная вставка (о разгроме редакции) сильно сокращена и искалечена — я все же рада, что удалось назвать имена погибших... Рада также, что удалось вставить страничку о Васильевой... А все золотой человек — Мильчин. Без него ни 2-го издания не было бы, ни вставок.

208. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

3.IX.63

Дорогая Лидочка! Вы так редко пишете последнее время, что каждому Вашему письму радуешься, как... Уж не знаю, как. Очень!

Отвечаю Вам сразу же.

Сегодня второй день Машка — школьница.

Радуемся ли мы? Нет, не радуемся.

Учительница, к которой попала Маша и которую нам очень *хвалили*, — милая, симпатичная, молодая (ей лет 25—27), может быть, умнее других, но — в первый же день она огорошила нас. Правда, еще раньше огорошила нас какая-то мымра, кандидат наук, пишущая докторскую диссертацию и восседающая в Машкином классе. После урока она подошла к нам во дворе и, обнимая Машку, сказала в нос:

— Великолепно! Великолепно! Как она читала «Демона»!..

Мы опешили.

— Простите... она «Демона» не знает.

— Ну, я не знаю... Она так чюдно произносила слово «демон»!

Подошла и учительница.

— Н-да. Она у вас немножко с вывихом. Читала какую-то «Деву».

Я не сразу понял, что, когда Машке предложили прочесть какое-нибудь стихотворение, она выбрала почему-то «Урну с водой уронив»[1]...

— Правда, не по теме, — сказала учительница. — но — ничего.

Тема была, как выяснилось, действительно, совсем другая — *космонавты.* А тут какая-то Дева.

Мы приуныли. Но куда податься?

Лидочка! С нетерпением жду 2-е издание «Лаборатории».

Как «Герцен»?

Я работал все лето. Отдыхалось не очень.

Машкин дневник еще не кончил, не выправил. Мешала всякая злоба дня.

[1] Стихотворение Пушкина «Царскосельская статуя».

209. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
9.IX.63 г.

Дорогая Лидочка!

Хотел последовать Вашему совету и посмотреть только новые куски, вставки, но — зачитался, вчитался, и получилось так, что прочел все снова от первой до последней страницы.

Да, обидно, что резали и кромсали, но и за то, что Вам удалось сделать, — большое спасибо. И Вам спасибо, и тем, кто облегчил Ваш путь.

Как хорошо, что имя Раи Васильевой не кануло в Лету. А ведь могло — и так просто — кануть.

Золотому человеку — Мильчину — передайте, пожалуйста, мой привет и читательскую благодарность.

Книга Ваша и была отличной, а стала еще лучше. Но ведь она опять не дойдет до читателя (до так называемого широкого читателя). Готовьте еще издание!..

210. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/IX 63 Пиво-Воды

Дорогой Алексей Иванович, получила Ваше письмецо о первых Машенькиных школьных подвигах. И смешно и грустно. Человеческое дитя среди гиппопотамов.

Получили ли Вы мою книжку? Гробовый переплет, не правда ли? Подходил бы для Истории собачьего налога.

Будьте здоровы и пишите мне дальше о школьнице и школе. (Говорят, когда Солженицыну, который долго был в Рязани учителем математики, предложили написать рассказ о школе, он ответил:

— Его нельзя было бы напечатать. Это пострашнее, чем «Один день».)

211. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 16.IX.63

Дорогая Лидочка!

Порадовался я за Вас, узнав, что «Былое и думы» хорошо пишется.

Мне работается последнее время очень туго.

О Машке не спрашивайте. Пока что ее школа для меня не иссякающий источник огорчений. Солженицын, конечно, преувеличивает, но если принять во внимание слабые плечи семилетнего человечка — то может быть, он и прав. Соотносительно к плечам — это груз непомерный.

Почему она читала в первый школьный день «Царскосельскую статую» — не знаю. Последние дни она часто читала эти стихи дома (мы собирались ехать в Пушкин). Я тоже ей сказал:

— Ты бы лучше прочла что-нибудь из Хармса.

Но ведь и Хармс — не по теме.

Как хорошо, что Вам удалось — хоть коротко, не в полный голос — сообщить читателю о судьбе многих наших друзей и товарищей. Ах, если бы эти попытки делали и другие. Скажем, В. В.[1], которая только после того, как я поворчал и посетовал на нее, вычеркнула в своей работе о Гайдаре фразу о «буйных и веселых тридцатых годах».

[1] В. В. Смирнова.

212. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/IX 63
Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Ваш привет Мильчину я передала, он смущен и обрадован. Я тоже — Вашим, таким для меня дорогим, одобрением. Но, конечно, милый друг, о 3-ем издании я не мечтаю. Потому что ведь и 2-ое пробил Мильчин с трудом, и Главиздат набрал всего 8000 заявок, *так как* газеты промолчали, нигде (кроме «Вопросов Литературы» и, совершенно мельком, «Нового Мира») не было отзыва. А ведь для переизданий нужны рецензии, рецензии и еще раз рецензии...

Ну бог с ними. Книга хоть и медленно, а все же до читателей доходит и свое дело делает — это я вижу по письмам из разных мест от разных начинающих.

Будьте здоровы. А вдруг приеду!

213. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
10.Х.1963 г.

Дорогая Лидочка!

Рады были узнать, что скоро увидим Вас...

На днях мне позвонили и предложили *на два часа одну замечательную рукопись*. Я гордо отказался, похвалившись тем, что слышал эту повесть из уст автора еще четверть века назад[1]. А потом пожалел, и очень, — напрасно хвалился, отрезал себе пути

к этой рукописи. Но может быть, автор будет милостив и любезен и захватит рукопись с собой в Питер?

[1] То есть «Софью Петровну».

214. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/XII 63

Дорогой Алексей Иванович.

За эти 3 недели я своротила множество дел, «вымбегала», как говорила когда-то Сусанна[1], все справки для пенсии, подала их, добыла все медицинские справки, необходимые для лечения глаз в Институте Гельмгольца, закончила исследования, необходимые для рецепта на телескопические очки, добилась отсрочки по договору на «Былое и Думы» — до 1 марта.

Теперь надо работать и работать, а у меня заранее сжимается сердце от того, что *не дадут.*

А еще сильнее сжимается оно от дела Бродского. С тех пор, как я прочла статью в «Вечернем Ленинграде» — нет мне покоя, я не могу жить с сознанием, что юношу этого ждет гибель[2]. Мы здесь пытаемся сделать все возможное и невозможное; я и Фрида обратились в ЦК; Фрида собирается ехать на суд; А. А. просила вступиться Шостаковича и Суркова — не знаю, что из этого выйдет, а только давно меня ничто не поражало так, как это черное дело.

«Я, старый человек, огрызок сердца»... написано где-то в прозе О. Э.[3] Мой огрызок уже больше не может этого.

В январе я не буду ездить каждую неделю на дачу — для меня это большое облегчение. Там начнется капитальный ремонт, и К. И. уедет в Барвиху. Буду ездить каждую неделю к нему, но не на 3 дня, а на 3 часа.

А на даче пертурбация страшная, все вещи запихивают в две сторожки, а часть — ко мне в город.

Ну вот Вам общая картина.

[1] С. М. Георгиевская.

[2] «...29 ноября в газете “Вечерний Ленинград” появилась статья о Бродском — статья страшная: называют его “окололитературным трутнем”, “тунеядцем”, а у нас тунеядство — обвинение нешуточное, могут и посадить» (*Записки.* Т. 3. С. 112).

[3] Неточная цитата. См.: *О. Мандельштам.* Четвертая проза. Гл. 15. «Я — стареющий человек — огрызком сердца чешу господских собак...»

215. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.XII.63

Дорогая Лидочка! Письмо Ваше получил. Не мог ответить сразу, потому что все эти дни (много дней) был занят — с утра до позднего вечера должен был находиться в квартире Шварцев — и как «понятой» и как представитель комиссии по литературному наследству Евгения Львовича.

Все это — и страшная смерть Екатерины Ивановны[1], и все, что затем последовало, как-то необыкновенно меня потрясло. Не только душевно, но и физически, как будто сам наглотался чего-то горького, дымного, дурманящего и расслабляющего.

Из-за всего этого я, вероятно, вообще выбился из колеи. «Дело Бродского», о котором Вы пишете и которое, судя по Вашему письму, коснулось и задело так много столь разных людей, — это дело прошло мимо меня, я о нем не знал и узнал только из телефонного разговора с Александрой Иосифовной.

Это — гнуснейшая газетенка, с бульварными повадками — ведь именно на ее страницах изничтожали, топили талантливых художников, скульпторов, прикладников, обзывали их формалистами и в доказательство приводили фотографии, сделанные в таком ракурсе, что изящный олень превращался в рогатую свинью, в гиппопотама. Об этом писали, кажется «Известия»...

[1] Екатерина Ивановна Шварц, вторая жена Е. Л. Шварца, покончила жизнь самоубийством.

216. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6 января 1964. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович, о несчастье с Е. И. я узнала только из Вашего письма. Потом позвонила Ване, и он рассказал мне, что случилось. Я видела ее только раз в жизни лет 30 назад — она показалась мне очень красивой.

Она не выдержала одиночества — так это случилось, правда? Впрочем, кто знает.

Дело Бродского продолжает нас всех томить и мучить. Суд пока что отложен — и это отлично; однако ведь это еще не конец, а Бродский — юноша очень неустойчивый, им уже занимаются психиатры. До беды — любой — тут недалеко. В Ленинграде ему звонят какие-то мерзавцы чуть не ежедневно: «Когда ты уберешься, жидовская морда?» Всю эту гнусность — и статью, и требование высылки — организовал некто Лернер, в прошлом — проворовавшийся зав. какого-то клуба, а теперь начальник дружины. Как видите, возможности для любой провокации у него огромные. Суд он задумал как способ «выявить» друзей Бродского, тех, кто осмелится его защищать; у него в руках — дневники Бродского, которые он собирался читать вслух. Я его представляю себе чем-то вроде нашего Мишкевича, такой же кровавой фигурой. Я хотела бы, чтобы «дело Бродского» превратилось в «дело Лернера». Подумайте: он побывал у директора Гослита[2] и, требуя уничтожения договоров с Бродским, показал ему фотографию: голые женщины и среди них какой-то наглухо одетый молодой человек, якобы — Бродский. Директор в порыве негодования расторг все договоры. Потом к нему пришел Бродский, которого раньше он никогда не видал. «Да ведь это не вы!» — закричал директор.

Однако договоры не восстановил.

Простите, что делюсь с Вами грязью, — но, скажите — как же быть? Я так боюсь за молодых ленинградцев; ни Гранин, ни Панова — не вступились, не пожелали вступиться, грех им! Нельзя же позволять проходимцам вытаптывать молодую Россию.

Говорят: у Бродского плохой характер. Да ведь и у Лермонтова он был не хорош — и у Мандельштама — тоже. Стихи — обещающие, переводы просто отличные, а сам он — обыкновенный, нервный мальчик 23-х лет. Более всего меня возмущает именно поведение «отцов»... Когда мне было 20 лет меня спас своим заступничеством Маяковский[3]; скольких Горький спасал, Маршак — и в более трудное время. А тут получается так: когда москвичи в это дело суются, им отвечают: почему молчат ленинградцы? ведь это *местное* дело... Так было, когда Фрида пошла в Гослит, когда мы с ней написали в ЦК... (Добились ли чего-нибудь Шостакович и Сурков — я не знаю еще.)

Я очень много работаю — над книгой о «Былом и Думах». Плохо сплю. Чувствую себя так, словно организм собирается сломаться, но еще не решил, в каком месте.

[1] Датируется по п/шт.

[2] Упомянут В. А. Косолапов.

[3] Когда Л. К. было 20 лет (в 1927 г.) ее сослали в Саратов, а через год отпустили, благодаря хлопотам отца. Чуковский обращался за помощью и к Маяковскому, но тот отказался помогать (см.: *Корней Чуковский*. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра-Книжный клуб. Т. 13: Дневник. С. 310; запись 15 июня 1927 г.). По рассказам Л. К., он все же как-то хлопотал за нее.

217. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
14.I.1963[4][1]

Дорогая Лидочка!

В вашем письме я услышал упрек и в свой адрес. И упрек, вероятно, заслуженный. Я ведь тоже принадлежу к поколению «отцов» и тоже ничего не сделал для облегчения участи молодого Бродского.

Да, я не Гранин и не Панова, мое имя очень глухо звучит для начальства, но, вероятно, и я мог бы что-нибудь сделать, если бы... если бы мне подсказали, чтó именно нужно сделать. Сам я, по своей непрактичности (или, честнее сказать, растяпистости), совершенно неспособен что-нибудь сообразить в подобных случаях.

А Вам, когда Вы ругаете ленинградцев (или, если не ругаете, то противопоставляете их москвичам), следует помнить, что город наш — провинция, что все гораздо *сложнее*. Недаром же так много ленинградцев покинули в свое время Питер и осели в Москве. Мне кажется, что в Москве вообще не могло бы возникнуть «дело Бродского», как не могли бы там вырасти и такие фигуры, как Лернер и Мишкевич. У вас там даже подлецы — покрупнее.

[1] В оригинале описка: п/шт: 15.1.64.

218. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/I

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет провинциальности Ленинграда — я ее не чувствую, не мне о ней судить. Думаю, что Мишкевичей хватает всюду, и в столице их изобилие. Вообще никаких обобщений по пово-

ду Ленинграда и ленинградцев я не делаю, и возмущена в деле Бродского поведением конкретных людей, и более всех — Гранина. Мне сказало высокое начальство, к которому я обращалась за помощью:

«Мы связались по телефону с Граниным, запросили о Бродском, и он дал о нем самый дурной отзыв»...

Бывают обстоятельства, при которых давать о человеке дурные отзывы — бесстыдство.

Что касается чувства беспомощности, присущего Вам в подобных ситуациях, то я его вполне понимаю и разделяю и испытываю всегда сама. Я тоже совершенно не могу придумать, куда кидаться и на каком языке говорить. Спасает меня иногда то, что рядом, среди друзей, опытные журналисты. Они умеют «целенаправить» — письмо, звонок...

219. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
21.IV.64 г.

Дорогая Лидочка! Огорчился я, узнав о болезни Корнея Ивановича. Как он сейчас? Напишите, пожалуйста.

И как милая Фрида Абрамовна? Поправилась? Не знаю, о каком шедевре Вы говорите[1], последнее время (два года, вероятно) я ничего нового Вигдоровой не читал. Но много слышал о ее героическом поведении в доме на Фонтанке[2].

Правда ли это, что А. Т. Твардовский «раздел» (как выразился сообщивший мне об этом А. Е. Горелов) нашего подлеца Прокопа?[3]

Как же прошел вечер в Союзе? И что нового было сказано о Вашей книге? Между прочим, книга Ваша стала такая знаменитая, что ее цитируют — и не только по существу, а в качестве стилистических и грамматических примеров. На днях я просматривал какой-то сборник, изданный Академией Наук, и там в *статье с сугубо* ученым названием («Теоретические основы действующих правил о слитном и раздельном написании НЕ и возможные пути совершенствования и облегчения этих правил» — цитата из Л. Чуковской (...»сюжетную линию подсказал НЕ-романист Боткин»[4]).

А как Герцен? Работать вам удается? Режима держитесь?

[1] Шедевром Л. К. назвала запись Ф. Вигдоровой обоих судов над Иосифом Бродским. Запись Вигдоровой ходила в Самиздате. В России запись была опубликована ее дочерью почти четверть века спустя. См.: «Огонек». 1988. № 49. Дек. С. 26—31. Публикация А. Раскиной, предисловие — Лидии Чуковской.

[2] То есть на Фонтанке, 22, в Зале Клуба строителей, где 13 марта 1964 г. состоялся второй суд над Бродским.

[3] В своих «Записках» Л. К. пересказывает Ахматовой «городскую сплетню» о разговоре Твардовского с Прокофьевым: «Пьянка у Расула Гамзатова. Встречаются Твардовский и Прокофьев. Оба уже пьяные. Твардовский кричит через стол Прокофьеву: — Ты негодяй! Ты погубил молодого поэта! — Ну и что ж! Ну и правда! Это я сказал Руденко, что Бродского необходимо арестовать». — Тебе не стыдно? Да как же ты ночами спишь после этого?» (*Записки*. Т. 3. Запись 22 апреля 1964 г.).

[4] Имеется в виду случай, когда важные изменения в сюжете романа «Рудин» подсказал Тургеневу В. П. Боткин, который романов не писал. Н. А. Некрасов сообщал В. П. Боткину 24 ноября (ст. ст.) 1855 г.: «А Тургенев славно обделывает “Рудина”. Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицына и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы — и необходимейшие в повести!»

220. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2/V 64

Дорогой Алексей Иванович.

Скажите, пожалуйста, прочитали ли Вы наконец Фридину пьесу[1]? Досталась ли она Вам? (Должна была уже давно достаться.) Очень жду Вашего отзыва.

Читали ли в № 4 «Нового Мира» статью Шарова и воспоминания Горбатова?[2]

[1] То есть запись Ф. Вигдоровой обоих судов над Иосифом Бродским: 18 февраля и 13 марта 1964 г.

[2] Упомянута статья А. Шарова «Взрослые и страна детства» и воспоминания А. В. Горбатова «Годы и войны». В своих воспоминаниях генерал Горбатов рассказал, что он пережил, когда его арестовали в 1938 г. и выбивали из него ложные показания. В 1941 г. Горбатов был освобожден и прошел всю войну, командовал армией.

221. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
14.V.64 г.

Дорогая Лидочка!

Передайте, пожалуйста, большое спасибо от меня Фриде Абрамовне — и за то, что она сделала, и за то, что так хорошо написала[1].

[1] Пантелеев передает благодарность Ф. А. Вигдоровой за ее хлопоты в защиту И. А. Бродского и запись суда над ним. Запись переслала Пантелееву в Ленинград Лидия Корнеевна.

222. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
1.VI.64 г.

Дорогая Лидочка!

Работать я могу, но — осторожно, потому что у меня вообще с глазами стало похуже.

Вчера мы приехали в Высу. Холодновато, сыро, но вообще-то благодать. Пока еще тихо, малолюдно, за окном только птичьи голоса.

Я взял на себя много обязательств, летом мне предстоит работать в две смены, и все-таки я надеюсь, что удастся и отдохнуть, т. е. побродить по лесу, помотаться по окрестностям на велосипеде.

Вы напрасно огулом ругали за инертность ленинградцев. Не все у нас такие рохли и тетери, как я. Очень активно действует Наташа Грудинина. Она была у меня, кое-что рассказала, читала свою докладную записку Шумилову (начальнику ОУ КГБ). Вероятно, теперь она уже побывала в Москве, и Вы лучше меня знаете, *что* ей удалось сделать и — удалось ли.

223. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

Пиво-Воды
9/VI 64

Дорогой Алексей Иванович!

Рада была увидеть Ваш почерк и обратный адрес — Высу.

Рада, что все Вы среди зелени и птиц. Я тоже сейчас в Пиво-Водах; соловьи поют — в три голоса. Яблони стоят белые, сирень благоухает.

Грудинину я издали очень уважаю; надеюсь скоро познакомиться с нею вблизи. Она с первой минуты действовала энергично, сильно, смело, самоотверженно — как и очень многие ленинградцы. Собственно зуб у меня только против Гранина — и был, и остался, несмотря на то, что он написал прокурору С.С.С.Р.

Сегодня я познакомилась с Д. Я. Даром. Кажется, человек милый, умный.

Ах, дорогой друг, сколько всюду хороших, милых, умных... Но все — бессильно.

Вчера я была у С. Я. Скоро он едет в Крым, в Ореанду, к Элику[1]. На Розалию Ивановну[2] кричит возмутительно, а вообще добр и даже как-то благостен. Закончил книгу «Лирических эпиграмм». Над короткими стихами, которые он может писать без бумаги, устно, он работает все время. Их не надо *видеть.*

(Про «Былое и Думы», увы! нельзя писать наизусть.)

Вы сообщили, что работы взяли с собой уйму — а какой? Нельзя узнать?

[1] Иммануэль Самуилович Маршак, сын С. Я. Маршака.

[2] Розалия Ивановна — Вилцын, домоправительница в семье С. Я. Маршака.

224. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу, 23.VI.64 г.

Дорогая Лидочка!

Я работаю. Вы спрашиваете: над чем? Ох, и не говорите. Страшно сказать, сколько я набрал обязательств! Пишу сценарий «Республики Шкид». Правда, кроме названия и некоторых действующих лиц, там от «Республики» почти ничего не осталось, но тем сложнее работать. Первый вариант я уже сделал.

Делаю небольшую книжку для «Сов. Писателя», обязался вставить туда несколько новых рассказов. А при свойственных мне темпах работы — Вы понимаете, что значит это «несколько».

И наконец — «Наша Маша». В свое время меня благословил на это дело Корней Иванович. Я не сразу решился, а прошлым летом стал выбирать и сокращать, заключил договор с Детгизом, и вот до сих пор вожусь с этой очень нелепой книгой. Впрочем, до *книги-то* еще далеко.

Рукопись читало не много людей. Мнения расходятся. Александре Иосифовне, например, она явно не понравилась. В издательстве ее встретили довольно приветливо. По-моему, там есть кое-что стоющее, достойное публикации. И все-таки меня гложут сомнения: не поспешил ли я?

А.И.Пантелеев. Ленинград. 1929.
Снимал С.А.Магазинер.
ЦГАКФФД СПб.
Печатается впервые

Л.К.Чуковская. Симеиз. 5 мая 1929

Г.Г.Белых
и А.И.Пантелеев. 1928

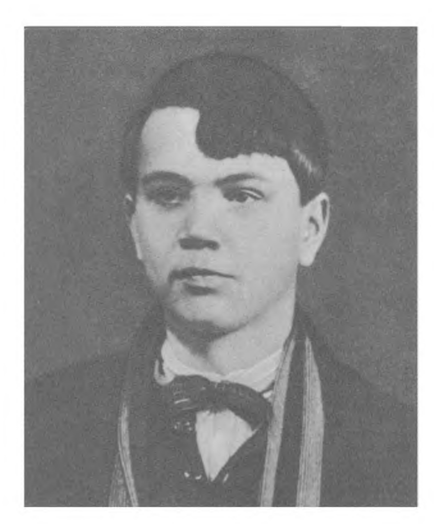

С.Я.Маршак и А.И.Пантелеев
с пионерами. Ленинград. 1928.
Снимал С.А.Магазинер.
ЦГАКФФД СПб.
Печатается впервые

Лида Чуковская.
Апрель 1926

Лида Чуковская. Саратов. 1927

А.И.Пантелеев. 1927

Г.Г.Белых и А.И.Пантелеев. 1928

Л.Чуковская. Ленинград. 1930

А.И.Пантелеев. 1930

А.И.Пантелеев. 1933

Сидит: Цезарь Вольпе.
Стоят: Лидия Чуковская
и Николай Харджиев.
Ленинград. Март 1933

А.И.Пантелеев *(первый слева)* выступает на декадной читке писателей, организованной секцией детской литературы Союза писателей. Ленинград. 20 апреля 1933.
Снимал А.И.Агич.
ЦГАКФФД СПб.
Печатается впервые

С.Маршак. Ленинград.
Середина 1930-х годов

Тамара Григорьевна Габбе.
Ленинград. Конец 1920-х годов

Александра Иосифовна Любарская.
Москва. Июль 1937

Мария Сергеевна Петровых.
Конец 1940-х годов

Матвей Петрович Бронштейн.
Ленинград. Середина 1930-х годов

Л.К.Чуковская. Киев. 1938. Снимал И.П.Бронштейн

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

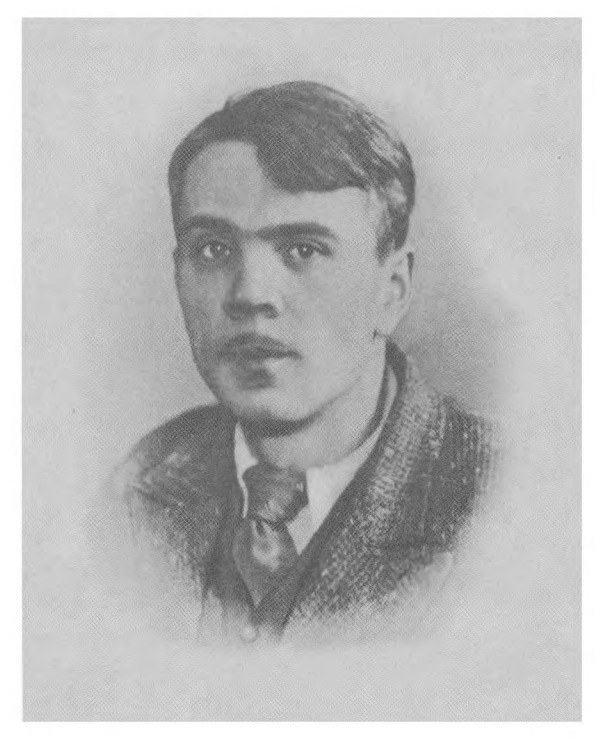
Рисунки форзац и переплет
Ю. Сынкева

Фронтиспис А. Пахомова

Дорогой Лидии Корнеевне — дружески с пожеланием хорошего — Л. Пантелеев. ..40..

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

Л.Пантелеев.
Повести и рассказы.
Л.; М., 1939.
Надпись: Дорогой Лидии Корнеевне – дружески с пожеланием хорошего. Л.Пантелеев. I. 1940

А.И.Пантелеев. 1940

Лидия Чуковская
с дочерью Люшей.
Москва. 1943

Анна Ахматова
и Борис Пастернак.
Москва. Апрель 1946.
Снимал В.Славинский

Элико Семеновна Пантелеева.
РГАЛИ. Печатается впервые

Алексей Иванович
Пантелеев
с дочкой Машей.
Разлив. 1957

А.И.Пантелеев среди детей на открытии выставки «Детская литература прибалтийских республик». Октябрь 1955.
Снимал Н.А.Науменков.
ЦГАКФФД СПб.
Печатается впервые

Алексей Иванович Пантелеев и мальчик в лесу. 1953.
РГАЛИ. Печатается впервые

Корней Иванович и Лидия Корнеевна Чуковские. Переделкино. 1957

Корней Чуковский с дочерью Лидией и сыном Николаем.
Переделкино. 1957. Снимал А.Лесс

И.И.Халтурин, В.В.Смирнова, Е.Л.Шварц и А.И.Пантелеев.
Комарово. 1950-е годы. РГАЛИ. Печатается впервые

Д. Я. Дар и в самом деле очень хороший человек. Виделись ли Вы с Наташей Грудининой? Что слышно с этим пакостным делом? И что за новое московское?

225. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/IX 64, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Вы напрасно меня хвалите: я кончаю не «Герцена», т. е. не ту большую книгу для «Молодой Гвардии», которую давно должна была написать, — а книжечку в 5 листов для Гослита о «Былом и Думах». Я рассчитывала сделать ее за $1^1/2$ месяца, — и вот через месяц — *год*, как я сижу над этими пятью листами.

Если ничего не случится — я, по-видимому, действительно кончу ее дней через 10.

Но случается беспрерывно.

Недели 2 назад, вечером, мне позвонили в Переделкино из 58 Медицинского Пункта: Митя[1] разбился на мотоцикле. Ехал он на дачу, по Минскому шоссе, рядом с такси; шофер внезапно приоткрыл дверцу — и Митя наткнулся на нее, перелетел через руль своего мотоцикла и упал лицом на асфальт. Потерял сознание.

От тяжелых увечий или даже смерти спасло его только то, что скорость была еще невелика: он едва лишь отъехал от семафора.

И вот — вечер, полная тьма, шофера нашего нет — как доставиться в 58 Медпункт где-то в Кунцеве, когда я с крыльца боюсь сойти одна? А наверху лежит начинающий выздоравливать К. И. — и ему ничего нельзя говорить.

Я взяла фонарик и с опасностью для жизни перешла через шоссе — к Ване. С ним мы к Атаровым — у них машина. Атаровых нет дома, они в Доме Творчества. Мы туда. Нашли их. Атаров мгновенно пошел заводить машину, но Магдалина Зиновьевна[2] предупредила меня, что он только что хлебнул 300 гр.

Однако мы доехали благополучно. Я убедилась, что у Мити только ссадины на лице, разорвано ухо и ничего не сломано. Решила не вызывать родителей, которые были в Крыму, и, перевезя мальчика к его брату (чтоб не пугать К. И.), заставила его лежать (ибо сотрясение).

Сейчас он уже на ногах. Все зажило. Родители вернулись. Но я ненавижу мотоциклы и не понимаю, зачем родители дарят детям эти смертоносные игрушки.

Когда мне позвонили из больницы, и я поняла, откуда говорят и что случилось, — у меня на мгновение от испуга отнялись ноги, а потом побежали мурашки по обеим рукам. Я еле удержала трубку.

Сейчас К. И. уже на ногах, работает, гуляет. Но очень похудел и, по моему, в свою норму не входит.

Пишет о Зощенке и держит корректуру 1-го тома собрания своих сочинений.

О Зощенке он пишет воспоминания — на основе дневников и писем — но, конечно, дает и литературную характеристику. Пишет медленно и трудно, то и дело приходя в отчаянье. Написал уже 38 страниц.

4-го я в первый раз была на могиле у С. Я. Уже 2 месяца[3]. Пока что главное мое ощущение — странность. *Странно*, что его нет.

Читали ли Вы статью Атарова о школе?[4]

[1] Митя — племянник Л. К., Дмитрий Николаевич Чуковский, сын Николая Корнеевича.

[2] Магдалина Зиновьевна Дальцева, жена Н. С. Атарова, соседа К. И. по Переделкину.

[3] С. Я. Маршак умер 4 июля 1964 г.

[4] См.: *Н. Атаров*. Признания в любви и ненависти // Лит. газе́та. 1964, 8 сент. С. 2. В статье Атаров пишет о педагоге, который предпочитал не наказывать детей, а унижать. Автор отмечает, что этот учитель «...хотел, чтоб человек подчинялся, не думая. А ведь важно, чтоб человек думал».

226. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
15.9.64

Дорогая Лидочка!

Только что получил Ваше письмо.

С содроганием читал страницы, где Вы рассказываете о происшествии с Митей. Представил этот черный осенний ве-

чер и Вас — одну на шоссе, и у самого мурашки побежали по рукам...

Надеюсь, Митя уже в форме, молодость взяла свое.

Читал сообщение о выходе 6-томного собрания сочинений К. Чуковского, но там не сказано, какое это издание — подписное?

Как бы не прозевать мне эту подписку. Пропустишь, тут и автор не поможет.

Спасибо, что написали о статье Атарова. В свое время я пробежал ее глазами и читать не стал. Вероятно, мои глаза остановились на строчках второй части, где больше беллетристики, где нет такого молодого задора, такой румянощекой, обнадеживающей юношеской ненависти к неправде. С интересом прочел я также симпатичное (и симптоматичное) примечание редакции к этой статье[1].

Сам я много работал, довольно много сделал, но ни одной работы не довел до конца. Только сценарий, вероятно, сдам в октябре—ноябре. Хотя уверенности, что его встретят с распростертыми объятиями, у меня нет. Он у меня получается *полемический*. Грубо говоря, я ратую за трудовую *гуманитарную* школу. Те, кто считает, что занятие поэзией — не труд, могут посчитать, что и 10-часовые занятия в классах, языки, книги по философии, школьные журналы, инсценировка «12» Блока и пр. и т. п. — тоже не отвечает *некоторым установкам*.

Машка занимается ежедневно. Она у нас способностями не блещет (особенно трудно дается ей арифметика), а если и есть у нее талант — то актерский, артистический. Недавно она в присутствии Е. В. Юнгер изображала кутящих в кафе эстонок, и Е. В. нашла, что она «очень талантлива». Это слегка смягчило страдания родительского самолюбия, которые (родители), конечно, огорчаются, видя Машкину тупость в точных науках.

[1] Вслед за статьей Н. Атарова (см. примеч. 4 к предыдущему письму) помещена статья «От редакции». Там говорится: «Невероятные для нашей школы случаи. Но можно ли пройти мимо только потому, что это единично, исключительно? Надо ли говорить об этих фактах, если зло наказано и если в этих школах (мы умышленно не обозначаем точного места действия) вольные или невольные виновники совершенного зла понесли уже должное наказание?..

Мы неустанно гоним из нашей жизни формализм, равнодушие, черствость, ханжество. С особой бдительностью мы охраняем от этого зла ту область, где оно особенно опасно, — нашу советскую педагогику». Заканчивается статья так: «Советский учитель — непременный участник всех народных дел, активный помощник партии в воспитании человека коммунистического общества.

Высокая, безмерно ответственная должность! Вот почему любое отступление от традиций советской педагогической школы, любое проявление бездушия, пришибеевщины в святом деле воспитания молодежи, как бы ни редки были такие факты, вызывает гнев нашей общественности».

227. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/IX 64

Дорогой Алексей Иванович!

Прочитав Ваше последнее письмо, о Машиных затруднениях в арифметике, я очень посочувствовала ей. Боже, сколько слез я пролила из-за арифметики, как мучилась потом из-за алгебры, геометрии, и — будь она проклята! — тригонометрии! Меня Митя[1] уверял впоследствии, что не понимать математики — невозможно, что наверное у нас были просто плохие учителя. Но он ошибался. Учителя у нас были отличные. А существуют дети — и люди — от природы неспособные к цифрам и к абстракциям. К цифрам я неспособна в такой степени, что сейчас, делая сотни библиографических карточек для Герцена, успеваю забыть № страницы, пока перевожу глаза со страницы на карточку. Страница 253 — читаю я — и пишу: 274. И это не склероз, так было всегда. Теорема же, т. е. нечто абстрактное, недоступна мне по самому своему существу; голова моя ее «не берет». А минус единица, которую почему-то надо выносить за скобки! Я изводила всех своих школьных подруг вопросом: «Ну откуда ты знаешь, что именно здесь надо вынести минус единицу?» Я помню, что пошла учиться на Курсы при Институте Истории Искусств не столько из любви к литературе, сколько потому, что там не надо было сдавать математику.

Будем надеяться, что Машенькины нелады с арифметикой — случайность. Иначе в школе ей будет очень тяжело. В мое время мне прощали мои неуды по математике за «хоры» и «отл» по истории и литературе. В наше время ей не догадаются ничего простить — даже за актерские способности.

Когда я представляю себе, как она, такая крошечная, показывает посетительниц кафе — я на расстоянии смеюсь.

Митяй[2] в полном порядке. Красив на зависть. Строен, голубоглаз, ловок, здоров, румян, насмешлив, весел. Он — на 3 курсе актерской школы при МХАТ. Беда его, по-моему, в том, что способности у него комические, а наружность — голубая... Но вообще-то он инфантилен и совсем не определился, ни как человек, ни как актер — хотя ему 22 года.

Корней Иванович поправился и приободрился. Работает над Зощенко, держит корректуры новых изданий «Высокого искусства» и «Мастерства Некрасова».

Издание Собр. Соч. — подписное. Постараюсь узнать для Вас где, как и что. Может быть, пришлю проспект.

Я кончила книжку о «Былом и Думах». Кончая, сильно перетрудила глаза — и теперь плачу́сь.

Буду ждать от Вас известий о Ленинграде, о вас всех *и о сценарии*.

Читали ли Вы статью Карякина в № 9 журнала «Проблемы мира и социализма»? Непременно прочитайте[3].

Врезка к статье Атарова — упоительна... Статья лежала несколько *лет*.

А что Н. Браун — подонок?[4] Мне надо знать.

[1] М. П. Бронштейн.

[2] Митяй — Дмитрий Николаевич Чуковский.

[3] См.: *Ю. Карякин*. Эпизод из современной борьбы идей // Проблемы мира и социализма. 1964. № 9. С. 79—85. Статья посвящена полемике вокруг рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

[4] Этот вопрос о ленинградском поэте Н. Л. Брауне вызван его участием в травле Бродского.

228. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2/I 65, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Поразила меня Машенькина карточка, которую Вы прислали К. И. Удивительное лицо, нежное, одухотворенное. Кажется, будто она смотрит не только глазами, а и щекой, и всем лицом — Вы заметили это?

У нас главная сейчас забота, тревога и надежда — Фрида. Она уже более трех недель в больнице; сначала — в инфекционной, куда к ней никого не пускали, теперь — в хирургическом отделении другой больницы, где ее можно видеть, и я увижу наверное в понедельник. Диагноза еще нет...

Тяжел, непосилен достался ей 64 год: от одних судов над Бродским можно заболеть чем угодно. А у нее ведь еще депутатство. И внучка. И книга. И все мы — о которых она всегда заботится.

Если у Вас найдется минутка, милый друг, может быть, черкнете ей письмецо? Она сейчас живет письмами.

Если Д. Я. Дар в Комарове — кланяйтесь ему.

229. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
7.II.65 г.

Дорогая Лидочка!

Пишу Вам десять слов, а Вас прошу написать и того меньше — только дайте знать о себе.

Меня спрашивала о Вас несколько раз А. А. Ахматова, я тоже ее спрашивал. Говорит: «Мы не переписываемся».

230. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/III 65

Дорогой Алексей Иванович.

Я снова лежу, дней 10 уже. Грипп.

Это весьма некстати, потому что снова болен К. И.

Работа моя о «Былом и Думах» лежит в издательстве непрочитанная — редактор занят какой-то срочной сдачей.

За время болезни я сделала одну книжку, по-моему, очень интересную. Она называется «Мои чужие мысли». Это перепечатанные и растасованные выписки, которые я делала безо всякого замысла и умысла из разных книг, начиная, примерно, с 1947 г. Двадцать лет!

Я думаю, у каждого есть такие выписки и каждый должен составить из них *свою* книгу[1].

Ф. А.[2] чувствует себя хорошо. Она в Переделкине; когда и я там — мы ходим вместе гулять. Быть может, в мае ее снова положат в больницу, чтобы проделать еще один курс того же лечения. Это еще не решено.

[1] «Мои чужие мысли» напечатаны посмертно. См.: *Лидия Чуковская*. Соч.: В 2 т. М.: Арт-Флекс, 2001. Т. 2. С. 537—584.
[2] Вигдорова.

231. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
16.IV.65 г.

Дорогая Лидочка!

За моим столом в столовой — Анна Андреевна. («За моим» потому, что я сижу здесь с декабря прошлого года.) У нее не был ни разу, хотя и был зван. Она — хороша, весела, здорова. Часто спрашивает о Вас: нет ли писем?

Корней Иванович ей писал, от нее мне и стало известно его местонахождение и то, что со здоровьем у него лучше.

За тем же столом сидит Л. А. Будогоская. С нею мне интереснее. Вспоминаем прошлое, много и о Вас говорим. Она просила Вам кланяться.

232. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/IV 65

Дорогой Алексей Иванович. Какое-то было суетливое время — поэтому долго не писала Вам. И кругом невесело.

Фрида опять в больнице. Ее уложили еще на месяц, чтобы повторить курс лечения. Иду к ней послезавтра. Лекарство сбивает ее с ног. Она уже могла и гулять и работать — а сейчас опять все больше полеживает.

На этом грустном фоне вчера неожиданная удача: я выиграла дело против «Советского Писателя» из-за «Софьи»! Они должны уплатить мне 100%!

На суде было очень интересно — потому что мне удалось высказаться по существу своей повести[1].

Деньгам я рада: у меня долги и никаких доходов, кроме пенсии.

В общем, победа моральная и материальная.

Очень завидую Вам, что Вы видите ежедневно А. А. и Л. А.[2] Какой же у Вас отличный стол! Кланяйтесь им обеим от меня, пожалуйста. Дорогу в Комарове к домику А. А. я всегда помню, и с нежностью всегда вспоминаю наши прогулки с милой и героической Лидией Анатольевной. Рада я за нее, что она опять трудится без помехи и опять видит море.

Анну Андреевну жду — ждем — в Москву. Нет ли новых стихов?

А пришлась ли Вам по душе ослепительная история с Журавлевым?[3]

Как Вы объясняете себе это происшествие? Шаг за шагом? Ведь тут одним прохвостничеством и пьянством всего не объяснишь.

Видели ли Вы в «Лит. Газете» стихи Сережи Хмельницкого?

А дело Бродского все на той же точке. Будет решено через 2—3 дня — отвечает уже 2 ½ месяца Председатель Верховного Суда РСФСР. И — ни с места... Был запрос Сартра... На днях на большом собрании в Доме Журналистов, где состоялась встреча печати с прокуратурой, выступил Тендряков: «если запись Вигдоровой верна — надо отдать под суд судей», — сказал он.

А Фрида твердит: «Если бы Иосифа выпустили — я бы выздоровела... А у меня бритва в сердце».

[1] Опубликована запись выступления Л. К. на этом суде, сделанная Р. Д. Орловой. См.: Политический дневник / Под ред. Р. А. и Ж. А. Медведевых. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1972. Т. 1. С. 51—57.

[2] А. А. Ахматову и Л. А. Будогоскую.

[3] «...стихотворец Василий Журавлев принял одно стихотворение Ахматовой за свое собственное. И не какое-нибудь, а знаменитейшее “Перед весной бывают дни такие...”. Слегка подпортив, он тиснул стихи в четвертом номере журнала “Октябрь”. За сим последовала насмешливая реплика в “Известиях”. Оправдываясь, Журавлев разъяснял, что в своем фронтовом архиве он обнаружил эти стихи и принял их за свои...» (*Записки*. Т. 3. Запись 10 мая 1965 г.).

233. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
25.VI.65

Дорогая Лидочка!

Очень огорчительные вести о Фриде Абрамовне. Как она сейчас? Чем ее лечат? Где она? Знает ли, догадывается ли, чем она больна?

Я начал работать — хочу написать (обещал) о Самуиле Яковлевиче. Вы сами знаете, КАК это трудно.

Были у меня и огорчения. В «Новом мире» в последний момент (уже после корректуры и после многих согласованных сокращений и смягчений) выхватили из моего ленинградского Дневника больше полулиста. И не предупредили даже. То, что осталось, — трава или вроде этого.

234. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/VII 65, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Вот наконец могу Вам написать. Я больше недели пролежала в постели («Мерцательная аритмия»).

Вчера годовщина смерти С. Я. А я не могла поехать — к нему, к Тусе.

Ваш дневник превосходен[1]. Я прочитала его с волнением и любовью. И все время вижу и слышу людей, которые восхищены и тронуты. Чуть только вышел номер, мне позвонила Рая Орлова: «прочла, передайте привет и благодарность А. И. П.». Потом — Копелев. Потом — очень противный — В. Беляев, который кинулся ко мне на улице в Переделкине и сказал, что, читая, все утро плакал.

Вы пишете, что оттуда вынули пол-листа. Я уверена, что это полфунта мяса, вырезанные из живого тела... Но рана почему-то не видна.

Радуюсь Вашей работе над воспоминаниями об С. Я. Для какой книги Вы их пишете?

Фридочку я видела за день до того, как сама свалилась. Свидание было трудное, она была в жару, глаза налиты слезами, изменилась ужасно — худа, бела, несчастлива.

Я устала писать и кончаю.

Читали ли Вы в «Новом Мире» Цецилию Кин?[2] Прочтите! Мне читали вслух отрывки (мелкий шрифт), и я была в упоении. А как Вам Грекова — «Лето в городе»?[3]

Обнимаю всех троих нежно.

[1] *Л. Пантелеев.* Из ленинградских записей // Новый мир. 1965. № 5.

[2] Упомянуты воспоминания Цецилии Кин «Страницы прошлого» в том же номере.

[3] Рассказ И. Грековой «Лето в городе» (Там же).

235. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
18.VII.65

Дорогая Лидочка!

Спасибо и за доброе слово о моем дневнике. Вырубки со стороны незаметны, вероятно, потому, что там отхватили сразу несколько последних дней. Дневник стал короче и общая картина «менее полной». Оказывается, пол-листа вырезала не цензура, как я думал, а они сами. Срочно переносили материал из 6-го номера в пятый, а материал не влезал. Если бы, мол, стали согласовывать со мной — выход номера задержался бы еще на 3—4 дня. Вот они и решили отрубить голову — мне, а не маршалу Коневу[1].

Цецилию Кин я прочел с большим удовольствием. Спасибо, что подсказали. Поначалу показалось, что это чтение — не слишком интересное, не обязательное.

Но, простите, кто такая эта Ц. Кин?

И где напечатан рассказ Грековой? Давно уже известно, что я личность отсталая. Утешаю себя тем, что живут рядом личности еще более отсталые, например — Будогоская, которая лишь недавно, по моему настоянию, — познакомилась с рассказами Бунина.

О С. Я. я еще не пишу, но обещал, подрядился написать — для своего сборника в «Советском писателе». Раскачиваюсь, делаю заметки.

У Маши всегда имеются *новые* номера. Без обновления репертуара она обойтись не может. Пока что она заменяет театр (мне лично вполне заменяет) своим родителям. Талант у нее комедийный. Бывает — смеемся так, что штукатурка на головы падает. Последнее время стала изображать своих сверстников,

ребят. Чудесно читает деревянным голосом стихи (копирует одну свою одноклассницу-провинциалку).

[1] В том же номере журнала, где напечатан Пантелеев, опубликованы воспоминания Маршала Советского Союза И. Конева «Сорок пятый год».

236. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/VII 65

Дорогой Алексей Иванович.

Ни одного дня без дождя. Я все никак не могу переехать в Пиво-Воды.

Мне получше. Но работать еще трудно. И вообще все трудно. Особенно — видеть людей, разговаривать.

Сколько раз я читала: «сердце билось, как пойманная птица». И не понимала, до какой степени это точно. Птица, глупая, бьется без толку, с шумом и хлопаньем, в стекло. Вот так у меня бьется сердце — встану ли, пройду ли, поговорю ли по телефону. Будто в темноте ищет места, откуда вылететь.

Рассказ Грековой «Лето в городе» был напечатан в «Новом Мире». Кажется, в № 5.

Сама интересуюсь, кто такая Цецилия Кин. Постараюсь узнать.

Очень жду Ваших воспоминаний о С. Я. Сочувствую Вам: это трудно.

Лидия Анатольевна — человек совершенно особенный. Не читала она многого, я в этом убедилась, гуляя с ней в Комарове.

А Машенька, я вижу, перешибает Ираклия![1] (Это сейчас; в будущем — Щепкина...)

[1] Ираклий — И. Л. Андроников.

237. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
8.VIII.65 г.

Дорогая Лидочка!

Корней Иванович и И. И. Ивич писали мне, что Вам получше. Рад был получить Ваше собственноручное подтверждение.

О моих «Воспоминаниях» не стоит еще и заикаться. Делаю заметки, вспоминаю, отбираю — и чем дальше идет эта подспудная работа, тем яснее становится, что писать, по-видимому, придется, главным образом, — для *себя*, для ящика письменного стола.

Хочу сказать всю (или почти всю) правду. А не всю правду можно...

Имею в виду не только редактора и цензуру.

Рад был узнать, что издательство «Малыш» готовит к выпуску однотомник Д. И. Хармса, которому в декабре этого года было бы 60 лет! Написал мне об этом художник Стерлигов, он же прислал мне в подарок чудесный фотопортрет Даниила Ивановича — выглядывающего из окна редакции на Невский.

238. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Высу
12.VIII.65 г.

Дорогая Лидочка!

Хоть и знал я, что дело идет к концу, писали мне и Вы, и Шурочка, и Игнатий Игнатьевич, а все-таки — так больно ударила в глаза эта черная рамка вокруг имени *Вигдоровой* в «Литературной газете»[1].

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Пожалуйста, пожмите за меня руку Александру Борисовичу, поцелуйте девочек[2].

[1] Ф. А. Вигдорова умерла 7 августа 1965 г.
[2] Упомянуты А. Б. Раскин, муж Ф. А. Вигдоровой, и ее дочери Саша и Галя..

239. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
4.X.65 г.

Дорогая Лидочка!

Сразу же по возвращении в Питер навалились дела: упорная и противная борьба с режиссером и со всей студией за «Республику Шкид» (т. е. борьба с режиссерским сценарием, искажаю-

щим и книгу, и время, и те мысли, с которыми мне хотелось обратиться к сегодняшнему зрителю)[1].

Другие литературные дела и другие неприятности. В последнюю минуту, уже перед выходом книги, зарезали мое предисловие к «Дому веселых нищих» Белых.

Борьба за «Воспоминания» о Шварце[2].

В эти же дни устройство Маши в новую («спец», немецкую) школу. Трудная ассимиляция ее.

Что еще случилось за этот месяц?

Не постыжусь (хотя на Ваш взгляд и на взгляд многих мне, вероятно, следует устыдиться) — не постыжусь сознаться, что я на старости лет открыл для себя Пастернака!

Да, как будто проснулся, как будто разбудили... Не знаю, КАК сказать об этом радостном ощущении.

С трудом тяну воспоминания о С. Я. Пока еще не могу сказать: получается. Нет еще.

[1] Кинофильм «Республика Шкид» режиссера Г. Полоки снят на студии Ленфильм в 1966 г.

[2] Воспоминания Пантелеева о Шварце впервые напечатаны в журнале «Нева» (1965. № 12).

240. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/X 65

Дорогой Алексей Иванович. Так я рада снова получить от Вас письмо.

Очень сочувствую Вашим боям с режиссером. Вот что сокращает нам всем жизнь — эти бои. Ничего более выматывающего, более терзающего я не знаю. И в кино, конечно, еще труднее, чем в редакции. А тут такая дорогая, заветная вещь, как «Республика»!

Кстати: на днях А. А. подарила мне свою книгу. Очень красивая книга: формат, супер, фотография, шрифт — все отлично[1]. И хотя многое выброшено из того, что было вставлено ею и мною (я работала с ней вместе над составлением этой книги), все-таки это — самая полная Ахматова изо всех, когда-либо выходивших. (Хотя и без «Реквиема», без *полной* «Поэмы».) Но вот что гадостно: у нее есть стихи памяти Бориса Леонидовича, написанные через 2—3 дня после его смерти. Ей предложили вместо «Памя-

ти Пастернака» назвать их «Памяти поэта». Она согласилась... И что же? Когда книга вышла, оказалось, что там поставлен *нарочно* 57 г., вместо 60! Чтоб не догадались — чьей памяти, какого поэта!

От одного этого может разорваться сердце.

Мелкие грязные люди.

Иосиф[2] возвращен. 4 сентября состоялось решение, 25-го он постучал в мою дверь. (А Фриды — нет!)

Теперь он в Ленинграде, и я жду известий о прописке.

От Ваших строк о Пастернаке захватило дух. Я его давно всегда без памяти любила, но стихи, собранные вместе, заново заставили меня пережить ощущение чуда. Книга, книга — это что-то магическое...[3] А какое лицо. А какая полнота жизни. Нет, нету слов.

А любите ли Вы его прозу — статью о Шопене, «Детство Люверс», «Охранную грамоту»?

Теперь — просьба.

У Фриды есть внучка — Наташа. Ей 3½ года. Наташа Киселева (дочка Гали).

Нет ли у Вас «Белочки и Тамарочки»? Не послали бы Вы ей с надписью — это было бы счастье. В доме культ Пантелеева.

[1] *Анна Ахматова*. Бег времени. Л.: Сов. писатель, 1965. Надпись: «Лидии Чуковской — мои стихи, ставшие нашей общей книгой, дружески Ахматова. 7 октября 1965. Москва».

[2] И. А. Бродский.

[3] После скандала из-за Нобелевской премии Пастернак был впервые напечатан в СССР. Вышел том его стихотворений в Большой серии «Библиотеки поэта» (М.; Л.: Сов. писатель, 1965).

241. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/I 66

Дорогой Алексей Иванович.

Только сегодня я прочитала Ваши воспоминания о Шварце[1].

Это удивительно хорошо. Так видны мне стали Вы оба и Ваша дружба, и необходимость друг другу. Евгений Львович

воскрешен, «материализован» Вами, я слышу его голос и стук в дверь — и в то же время слышна его милая суть, его духовность.

Спасибо Вам, дорогой друг, за этот подарок.

[1] *Л. Пантелеев.* Добрый мастер // Нева. 1965. № 12.

242. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
12.I.66 г.

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за добрые строчки о моих воспоминаниях. Одно могу сказать — писал их с любовью, по-настоящему, трепетно, а иногда и мучительно переживая вновь то, что было.

В «Неве» напечатано не все, а примерно две трети очерка. Мне казалось, что такие огромные «купюры» испортили, *исказили* портрет. Радуюсь, если даже в таком виде Вы узнали Евгения Львовича и даже услышали его внутреннюю, духовную суть.

Не помню, писал ли я Вам, как в прошлом месяце, разбираясь у себя в книгах, я наткнулся на подаренные Вами Ваши *записки* о Тамаре Григорьевне и как начал их проглядывать, зачитался и прочел все вновь — с наслаждением.

Это я пишу Вам не потому, что хочу отдарить Вас комплиментом. Вы, действительно, написали прекрасный портрет Тамары Григорьевны. Ведь немногое из того, что написано нашими современниками, тянет перечитывать.

243. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/V 66

Дорогой Алексей Иванович.

Не велите казнить, велите слово молвить.

Я чувствую себя виноватой перед Вами, и тороплюсь рассказать, как дело было.

Мне позвонил недавно Элик и, между прочим, мельком, спросил у меня:

— Вы не читали воспоминаний Алексея Ивановича о Самуиле Яковлевиче?

Мне бы попросту, как умной, ответить: нет. А я ляпнула:

— Нет; такая жалость — Алексей Иванович посылал их Сарнову, но 2-ой или 3-ий экземпляр, который я читать не могу... А мне *так* хотелось.

Уже кончая эту фразу, я поняла, что о посылке Сарнову говорить не следовало, т.к. Элик мгновенно обидится: почему не ему?

Но было поздно.

Вот.

Каюсь. Прошу прощения.

Не сердитесь!

244. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
12.VI.66

Дорогая Лидочка!

Сарнову я послал свою рукопись потому, что он пишет предисловие к моей книжке. А Элик меня об этом, т. е. о присылке воспоминаний, не просил.

Вы просили, но, увы, я не успел в Ленинграде перепечатать рукопись. Здесь же, в Высу — негде. А мне этого так хотелось — чтобы Вы прочли. Александра Иосифовна, мне кажется, слишком *сурово* оценила и «Маршака» моего, и «Шварца». После чего мне особенно хотелось проверить именно на Вас, а не только на Твардовском и на Сарнове.

Теперь рукопись уже в производстве.

245. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.VI.66 г.

Дорогая Лидочка!

Вчера или третьего дня писал Вам, наговорил с три короба о своих рукописях, а главного — о Вашей рукописи — не сказал. А я вот о чем хотел. Меня огорчило, что Вы не согласились печатать в Детгизе предисловие к Мильчику в том компромиссном виде, какой предложил вам Морозов[1]. Когда нельзя применять

стратегические силы, действуют тактические. Вы же, надеюсь, понимаете, что всякое другое предисловие, написанное равнодушной и послушной рукой, загубит эту книгу...

Не знаю — не поздно ли я подаю свой совет, но если не поздно — прошу Вас: согласитесь на компромисс. Это не ПОЛУПРАВДА, а *не вся* правда. Следовательно, все-таки правда, а не ложь и не полное умолчание.

[1] И. А. Мильчик погиб в заключении, Л. К. упомянула об этом в своем предисловии к его книге, но редакция Детгиза предложила ей такое упоминание снять. Л. К. не разрешила печатать предисловие с этим умолчанием.

246. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/VI 66

Дорогой Алексей Иванович. Извините, что не сразу отвечаю на Ваши письма. Всю последнюю неделю у меня высасывали силы и время бесконечные телефонные разговоры, связанные с ахматовской комиссией. Дела пока никакого, а интриг и неприятностей множество. Вчера Сурков уехал в Ленинград решать дела. Меня звали — я поехать не могла: хотя я уже не лежачая, но еще и не ездящая. Для меня всякая поездка всегда была вроде медицинской операции, а сейчас в особенности. Но, не поехав, я должна была срочно писать всякие заявления и письма и встречаться с товарищами, едущими. Вот причина задержки.

Толку из всего этого не будет никакого, а расстройство большое. Учиться интригам в 60 лет как-то поздно.

Но посмертная катастрофа, происшедшая с А. А., столь ужасна, что ничего не делать тоже нельзя[1].

И в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса[2].

Прочитав Ваше первое письмо, я порадовалась тому, что Элико, Вы и Маша уже на воле, среди зелени, на чистом воздухе. Каникулы! Отлично. А что у Вас было с сердцем? Сердце — это *моя* специальность — зачем и Вы занялись «по сердечной части»?

Получив второе письмо, я призадумалась. И письмо от Мих. Ис.[3] И письмо от Шуры. И все рассуждают так разумно, последовательно, убедительно.

Наверное, вы все трое правы. Говорю это без лицемерия. Но я *не хочу* на этом месте *ничего* смягчать, приглушать, затемнять. Не хочу ни словом, ни звуком участвовать в создании новой лжи, которая мне почему-то мерзее старой. XX и XXII Съезд подарили нам слова: арестован, репрессирован, погиб в заключении, реабилитирован посмертно. Я не хочу уступать их, ни одно. Ни ради чего, ни ради кого. Я хочу писать и говорить формулами XX и XXII Съезда, а не теми, которые кто-то (кто?) требует от нас теперь — в Ленинграде, в Детгизе.

Разумна ли такая неуступчивость? Не знаю. Вряд ли. Но я не хочу. Не хочу изо всех сил.

Тошнит, как от рыбы гнилой[4].

Я писала свое предисловие в самый разгар болезни, потихоньку от Люши и врачей вставая с постели. Мне было трудно сидеть за пюпитром, я валилась на бок. Мне было невозможно читать старую книгу Мильчика[5], напечатанную мелким шрифтом на желтых страницах.

Но написать было делом чести. Биография Мильчика мне совершенно чужая, чуждая (90-ые годы), но я должна была написать — из уважения к его судьбе, к его памяти, к Шуриному прекрасному труду[6]. Я написала в срок, день в день, без опоздания. Написала, как могла лучше и как могла осторожнее, скромнее.

Для меня все это вместе было пыткой.

И — напрасной. Детгиз прислал мне предисловие обратно[7]. Пусть так. Пусть зря. Пусть лежит в ящике. Трогать я его больше не буду.

Мне одна приятельница купила «Мы знали Шварца»[8]. Предвкушаю.

[1] Речь идет о судьбе ахматовского архива, подробнее см. в следующих письмах.

[2] Строки Ахматовой из стихотворения «Один идет прямым путем...».

[3] Мих. Ис. — Михаил Исаевич Мильчик, сын Исая Исаевича Мильчика, автора книги «Степкино детство». Михаил Исаевич, как и А. И. Пантелеев, пытался уговорить Л. К. не брать своего предисловия из Детгиза.

[4] Строки Пастернака из стихотворения «Кругом семенящейся ватой...».

[5] Возможно, речь идет о главах из повести И. Мильчика «Степкино детство», опубликованных в журнале «Костер» (1937. № 1). Над этими главами автор работал с С. Я. Маршаком и Л. К. Чуковской.

[6] После ареста и гибели И. Мильчика в 1938 г. рукопись в виде законченных и незаконченных глав, набросков, черновиков сохранилась у жены и сына И. И. Мильчика. А. И. Любарская по просьбе издательства тщательно изучила все эти материалы и подготовила рукопись к изданию. «Степкино детство» вышло в 1966 г. (Л.: Детская литература) без предисловия Лидии Чуковской.

[7] Переписку Л. К. с ленинградским Детгизом см: *Процесс*. С. 44—47; *Лидия Чуковская*. Открытое слово. М., 1991. С. 12—16.

[8] Сб. «Мы знали Евгения Шварца» (Л.; М.: Искусство, 1966). Там напечатаны воспоминания А. И. Пантелеева о Шварце.

247. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
11.VII.66

Дорогая Лидочка!

Меня огорчили Ваши строки (туманные, недоговоренные) об Ахматовой. О какой «посмертной катастрофе» Вы пишете? Ведь я ничего не знаю.

Простите, Лидочка, Ваша воля, но я не могу согласиться с Вами, одобрить твердость Вашей позиции в вопросе о Мильчике. Решения съездов нам всем так же дороги, как и Вам. Чтобы они не были окончательно забыты — надо о них напоминать, хотя бы не в полный голос, хотя бы глухо, намеками, иносказательно, как угодно, хотя бы двумя словами: «Невинно пострадал».

Как Вам показалась книга «Мы знали Евг. Шварца»?

248. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/VII 66

Дорогой Алексей Иванович.

Мне раздобыли сборник о Шварце, и я прочла его уже недельки две тому назад. Я нахожу, что, не говоря уж о Ваших великолепных воспоминаниях, весь сборник на очень большой высоте. Ну, конечно, Дымшиц плох (и жаль, что Е. Л. и с ним ходил гулять, и для него острил!); и наш друг Рахтанов, к сожалению, слабоват; но прекрасен Акимов, и даже Кетлинская недурна. Николай Корнеевич рассказал кое-что интересное, но увы! его старинная нелюбовь к С. Я. заставила его исказить факты в том месте, где он говорит о «Еже» и нашей редакции. (Будто в начале тридцатых годов все крупные писатели покинули редак-

цию — и даже такая крупная сила, как Груня Левитина!) Когда он пишет, что якобы у С. Я. руки не доходили до «Ежа», то под строчками слышится «к счастью не доходили»... Но все это пустяки; а в общем — образ Шварца глядит со страниц сборника.

Ваши воспоминания я прочитала снова — с тем же интересом, с тою же радостью — и хорошо, что тут они полнее.

Но знаете, что мне осталось неясным? Из сборника я не поняла того, чего не понимала в жизни, была ли в Евгении Львовиче — смелость? Я знала его долго, но более издали, чем вблизи; понимала, что он добр, деликатен, мягок; очень чувствовала силу его артистического очарования, его редкостного дара. Но иногда мне казалось, что юмор его был в жизни *щитом*, некоторой формой душевной *уклончивости*, способом *самоохраны*. В его пьесах это не так — ну, а в жизни? Я не знаю.

Говоря о посмертной катастрофе, я имею в виду судьбу ахматовских рукописей[1]. Они в недостойных руках. (Это между нами.)

Здесь живет сейчас внучка Колина — Митина дочка. Ей 6 месяцев. Я такого ребенка никогда не видала: это чудо здоровья, веселья, спокойствия. Как ест! Как спит! Как — никогда не плачет! Как с каждым днем умнеет и хорошеет! Просто диво дивное.

[1] Рукописи Ахматовой были завещаны ее сыну Льву Гумилеву, но оказались в руках Пуниных. Происходил суд между ними, подробнее см.: *Лидия Чуковская*. После конца // *Записки*. Т. 3. М.: Время, 2007. С. 513—540.

249. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
6.VIII.66

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за доброе слово о моем «Шварце» и за похвальный отзыв о всем сборнике. Мне кажется, Вы напрасно не отметили Малюгина, который очень хорош. Дымшиц — Хлестаков. Он врет, что «то Евг. Львович ко мне забегал, то я к нему заходил». Этого не было.

Неточностей, вранья (часто бессознательного, от забывчивости) немало и в других статьях. В книге, посвященной Шварцу,

это как-то особенно *огорчает*: вранье он почитал, кажется, за самый большой грех.

Был ли он СМЕЛ? Не помню, кажется у Сервантеса я прочел когда-то запомнившуюся мне испанскую поговорку: «Никто не может сказать о себе: “я храбр”, но некоторые могут сказать: “я был храбр”».

Да, я знаю случаи, когда Евгений Львович проявлял (перебарывая лень и трепет душевный) настоящую храбрость, шел и вступался за людей даже не очень близких ему. Но вместе с тем есть большая доля правды и в том, о чем пишете Вы, — иногда ЮМОР ЕГО становился именно таким, защитным, самоохранительным. Но, скажите, кто из нас, проживших *сталинские* годы и оставшихся тут, может сказать: я — храбр?! Да, я знал много смелых людей: Вас, Т. Г. Габбе, Ф. А. Вигдорову, Р. Васильеву, А. А. Ахматову, М. М. Майслера... Список можно продлить. Но разве не было у каждого из названных какого-нибудь щита или другого средства самоохраны? Пожалуй, из всех, кого я когда-либо знал, самым смелым, прямолинейным был М. М. Зощенко. Но ведь и у него был «*щит*»: его слава!

250. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VIII 66, Пиво Воды

Дорогой Алексей Иванович.

Какие же вы молодцы оба — Вы и Элико, что вам удалось уговорить Александру Иосифовну приехать и пробыть у вас целую неделю! Хоть неделю! Я говорила с ней по телефону на днях — у нее даже голос посвежел, по-моему.

Теперь о Евгении Львовиче. В предыдущем письме я неверно, плохо, неточно задала Вам вопрос — храбр ли он был? Я не имела в виду гражданское мужество — какая уж в тридцатых годах гражданственность! какая гражданская доблесть! она не была возможна даже для хороших людей хотя бы потому, что даже лучшие понимали действительность неясно, мутно. И я, как и все, ни от кого не вправе ее требовать и никому не судья. Но общаясь с Е. Л., я всегда чувствовала — может быть, и ошибаясь, — что человек он вообще уклончивый, непрямой, что его редкостный, прелестный, очаровательный юмор служит ему в жизни прикрытием. Вот и все, о чем я хотела спросить Вас. В сборнике он не такой.

А насчет статьи Малюгина Вы правы — отличная статья[1].

Что Вы нового хорошего читали? В «Москве» появились стихи Анны Андреевны (№ 6), в журнальчике «РТ», № 13 — тоже... Как бы она рада была увидать их. Но хорошо, что хоть читатель их видит, наконец — с опозданием чуть ли не в четверть века.

А что Вы думаете о «Святом колодце» Катаева? Очень интересуюсь, потому что сама думаю разное-всякое. Я читала его сразу после новой превосходной вещи писателя № 1 — фон весьма для Катаева неблагоприятный[2].

[1] Упомянута статья Л. Малюгина в сборнике «Мы знали Евгения Шварца» (Л.; М.: Искусство, 1966).

[2] Л. К. имеет в виду прочитанную ею в рукописи первую часть «Ракового корпуса» А. Солженицына. Вот запись в ее дневнике от 28 июня 1966 г.: «Прочла Катаева “Святой колодец” в “Новом Мире”. Великолепная проза. И пустая (какая разница с “Раковым корпусом”). Прочитав, я как-то по-новому поняла путь — его и Олеши. (Они сродни.) Глаза художника у обоих. И ничего не жжет, не о чем писать. Вещи — все вещно — все живописно. В начале пути они взяли идею напрокат. Она помогла им одушевить и осмыслить живопись, дала повод описывать вещи. Идея подломилась. Писать стало не о чем, не на что низать свои бублики».

251. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
16.IX.66 г.

Дорогая Лидочка!

За свое молчание я наказан — долго не слышал Вашего голоса. Если и читал Ваши письма, то адресованные не мне... Но и на том спасибо! И большое спасибо!!! Не хотел бы я быть на месте Вашего милого адресата[1].

Вы спрашивали меня о «Святом колодце». Я летом его не читал, не получал журналов. Здесь недавно прочел с большим интересом. Это, как мне кажется, и насколько я знаю автора, — *блестяще* написанный автопортрет. Другие отплевываются, бранятся, говорят — «скучно», ругают и редакцию, изменившую славным традициям. Нет, я уже сказал — скучно мне не было. И не вижу измены хорошей традиции — печатать все по-настоящему яркое. Но понимаю, что здесь можно и поспорить, понимаю, что снобизм, пижонство Катаева рядом с Быковым, Можаевым, Солженицыным — может раздражать. И меня раздражает. Потому что и для меня гражданственность искусства стала зна-

чить больше, чем значила когда-то. Мы вот с юности не любим передвижников, снисходительно посмеиваемся над ними, над заданностью, тенденциозностью их полотен. А несколько лет назад я смотрел выставку молодых ленинградских художников, там было выставлено немало симпатичного, очень свободного, очень левого. А все-таки дольше всего я стоял у карандашных рисунков неизвестного мне художника, у рисунков, которые назывались: «Репрессированный», «В колхозе» и т. п.

PS. Хотел с Вами посоветоваться, Лидочка. У меня конфликт с Детгизом — вроде того, что был недавно у Вас.

В предисловии к «Нашей Маше» я объясняю, почему поздно обзавелся семьей, говорю, что за спиной у меня — четыре войны, блокада, ежовщина и т. д. В корректуре я не обнаружил слова «ежовщина», восстановил его, написал (из Высу) редактору. Она пишет, что слово это вторично вычеркнул Морозов[2], а от себя написала следующее:

«Дело в том, что у нас недавно была целая история со статьей Л. Чуковской, где было то же самое, долго советовались, дошли вплоть до ЦК — не разрешили, статья не пошла. Я знала это, потому и вычеркнула. Далее, к этому понятию сейчас часто прибегают люди отнюдь не Вашего достоинства и биографии, мне показалось, обидным видеть Вас в этом ряду... И в самом понятии еще столько неясного: читали ли Вы в «Правде» от 15-го августа статью о Якире[3] — так даже там ни слова об этом».

Редакторше я ответить не мог, она в отпуске, а Морозову написал, потребовал оставить слово в тексте, а в случае несогласия со мной — объяснить мне письменно, чем я должен объяснить его самоуправство и чем ему не нравится вычеркнутое слово. Вчера звонил гл. редактор, сказал, что пришла верстка, что слово «пока не восстановлено», что «директор занят выяснением этого вопроса», «не знаю, где. Кажется, в Обкоме».

Еще месяц назад, Лидочка, я уговаривал Вас пойти на компромисс. Здесь компромисс невозможен. Мною взят простейший иероглиф, его заменить нечем.

Боюсь, почти уверен, что со мной не согласятся. Я решил писать Демичеву. Одобряете или — не стоит? Если стоит — сообщите, пожалуйста, его имя-отчество.

[1] А. И. Пантелеев имеет в виду открытое письмо Лидии Чуковской «Михаилу Шолохову, автору “Тихого Дона”», прозвучавшее в передачах западных радиостан-

ций и «ходившее» в Самиздате. В письме была дана оценка выступлению М. А. Шолохова на XXIII съезде КПСС по поводу суда над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. См.: *Процесс*. С. 217—223.

[2] Н. А. Морозов, директор Ленинградского отделения издательства «Детская литература». *Редактор* — Г. В. Антонова, *гл. редактор* — А. Агапов.

[3] И. Э. Якир был арестован и расстрелян в 1937 г. В статье Маршала Советского Союза И. Баграмяна «Коммунист-полководец», напечатанной к 70-летию И. Э. Якира, говорится, что он «занимает достойное место среди славных имен полководцев Красной Армии, выращенных ленинской партией». Перечислив заслуги Якира, который возглавлял Киевский военный округ, автор продолжает: «Первостепенное значение придавал Якир бдительности». И так завершает статью: «Сорока лет от роду ушел из жизни И. Э. Якир, этот обаятельнейший человек, пламенный большевик и замечательный полководец. Но он сумел оставить неизгладимый след в жизни нашего поколения. Сколько его воспитанников шагало трудными дорогами Великой Отечественной войны! Якир живет в памяти народа».

252. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
1 окт. 66 г.

Дорогая Лидочка!

Большое Вам спасибо за добрый совет, за имя-отчество Демичева. Кажется, обошлось без этого письма. Морозов, посоветовавшись в обкоме, предложил мне вместо «ежовщины» написать «культ личности». По его словам, «ежовщина» — понятие не научное, этого слова нет ни в одном партийном документе». Я охотно согласился и пошел на этот «компромисс».

Ваши филиппики по адресу Филиповой — не по адресу[1]. Мой (давний уже) редактор не она, а Г. В. Антонова — личность куда более яркая, я бы сказал монолитная, давно уже определившаяся и куда более опасная, чем бесцветная Р. И. Мне еще предстоят объяснения с нею по поводу «лиц не моего достоинства» и т. п. (сейчас она в длительном отпуске).

Вы очень верно написали о никому не нужной, бездушной зоркости Катаева. У Олеши (который тоже был зорок, тоже был пижон и гурман, тоже любил северянинские определения «элегантный» и «шикарный»), — у того все-таки был другой характер и другая судьба. Он был добрее, лучше относился к людям, и это можно обнаружить в его книгах. Особенно в последней — лучшей на мой взгляд[2].

Вашу просьбу относительно «Нашей Маши» я, конечно, выполню, книгу Галине Александровне[3] пошлю, и Вам пошлю, но — книга не стоит того, чтобы записываться на нее в очередь. Она слишком уж домашняя, слишком не сделана, не продумана. Просто дневник немолодого любящего отца. Анекдоты, перемешанные с рассуждениями доморощенного педагога. А после того как «в процессе редактуры» из нее выпало все мало-мальски спорное, острое — книга и совсем потускнела. Впрочем, и в первоначальном виде она не была яркой. Александра Иосифовна камня на камне не оставила от нее. А Корней Иванович, на которого я имею смелость ссылаться в предисловии, видел только выжимки, «изюминки» по его выражению.

Впрочем, скоро Вы будете иметь сомнительное удовольствие читать эту муру.

[1] Именно редактор Детиздата Р. И. Филипова просила снять упоминание о гибели И. Мильчика из предисловия Л. К. к его «Степкиному детству». Эту переписку см.: *Процесс*. С. 44—47.

[2] Речь идет о книге Ю. Олеши «Ни дня без строчки» (1961), опубликованной посмертно.

[3] Галина Александровна — Кулаковская, дочь Ф. А. Вигдоровой от первого брака.

253. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/XI 66, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Вы советуете мне напечатать «Пять писем С. Я. Маршака» в каком-нибудь журнале *до* сборника. А мне не хочется. Я както совсем потеряла вкус к печатанию; у меня нет сил беседовать с редакторами, спорить, отстаивать абзацы и пр. Благодаря пенсии (120 р.) и Люшиной зарплате я могу жить и без этого — зачем же мне зря терять силы? Напечатают эти письма 1 раз — и ладно. Не напечатают — тоже хорошо.

А читали ли Вы в № 9 «Вопросов Литературы» письма С. Я. к разным лицам? Многое интересно.

Жду Ваших воспоминаний о нем.

Ну, хорошо, если книга «Наша Маша» все не выходит и не выходит, — почему Вы мне и в письмах ничего о ней не пишете?

254. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
1.XII.66 г.

Дорогая Лидочка!

«Наша Маша», кажется, еще не вышла. А наша Маша — более или менее здорова, то есть на ногах, ходит в школу, несет наложенное на нее обществом и родителями бремя.

Сегодня я получил письмо из журнала «Семья и школа». Просят написать статью о книге Корнея Ивановича «Джек, победитель великанов»[1]. Книгу эту я не знаю, она только что вышла, моментально разошлась, достать ее невозможно. Даже завотделом критики Сивоконь не мог достать. Посоветуйте, что мне делать. Просить Корнея Ивановича? Он мне давно не пишет, не ответил на несколько писем.

Посоветуйте же, как мне быть, Лидочка!

Буду очень рад, если найдете способ познакомить меня с Вашими воспоминаниями. Найдите!

[1] Упомянута книга: *Корней Чуковский.* Джек, покоритель великанов, и другие сказки для детей. М.: Детская литература, 1966.

255. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/XII 66

Дорогой Алексей Иванович, отвечаю не сразу, потому что пыталась достать для Вас книжку К. И. Увы! Пока не удалось. Она разошлась мгновенно. Еще до получения Вашего письма, я пыталась достать ее для одного малыша, просила К. И. — и оказалось, что он раздал в 3 дня свои 50 экземпляров знакомым и остался у него только один с надписью «*Мой*». Вот и все.

Буду продолжать поиски.

Теперь насчет переписки Вашей с К. И. и почему он Вам не всегда отвечает.

Главная причина — 25—30 писем в день получаемые им.

Большинство из них деловые, читательские: вопросы от некрасоведов, от лингвистов, от педагогов, родителей, от здешних, от оксфордцев-славистов и т. д. На них ответить *надо*. *Надо* отвечать и на вопросы о присланных рукописях, хотя их *пуды*. Между тем, К. И. — человек, задающий себе писательские уроки,

т. е. вот *должен* сегодня кончить ту или другую работу — во что бы то ни стало. Когда он пишет свое — он запускает переписку. Это его терзает. И вот, кончив статью о Чехове или корректуру очередного тома, — он приходит в ужас от горы писем, на которые он *не* ответил. В один прекрасный день он решает, что должен за сутки ответить всем и, *не ложась спать*, сидит 10—12 часов за столом и *отвечает...* Кончается это обычно мозговым спазмом и подъемом давления, т. е. болезнью и постелью.

Теперь о Вас. Ваши письма — не деловые, не полуделовые, а дружеские, т. е. в его ощущении, это не долг, а радость: получить письмо от Алексея Ивановича, ответить Алексею Ивановичу. Это не труд, а праздник. Праздников же он себе не позволяет почти никогда: он одержим мыслью, что жить ему осталось недолго и что он *не успел ничего сделать.*

Что он Вас любит, высоко ставит и литературно и человечески — в этом можете не сомневаться. Нету никакой трещинки нигде, ни малейшей — даю слово.

Но я написала бы Вам неполную правду, если бы не упомянула бы еще об одной черте К. И., которая Вам наверное неизвестна. Он мало способен к дружбе — а стало быть и к систематической дружеской переписке. В этом смысле он прямо противоположен мне. У меня нет потребности общаться «с чужими» и очень большая — с теми немногими людьми, которые мне «свои». И я могу ответить не сразу, и я вижу (сейчас) друзей реже, чем хотела бы, — но тут уж причины чисто внешние: болезнь, утомляемость, режим и пр. Душевная же потребность в обмене чувств и мыслей у меня точно такая, как 30 лет назад, даже, может быть, *больше.* К. И. в этом смысле человек совершенно особенный. Недавно я прочла в одной иностранной газете, что К. И. был другом покойного Пастернака. И задумалась... Другом? Нет. Он чтил Б. Л. Он желал, жаждал ему добра. Он слушал его стихи и речи с восторгом и благоговением. Он никогда от него не отрекался. Он был ему добрым соседом: выручал деньгами, книгами, машиной. Когда Б. Л. заболел (не в последний раз, а года за 2), К. И. хлопотал о хорошей больнице для него и пр. Все было хорошо. Но эти отношения я не назову *дружбой.* Потому что *дружба* подразумевает потребность *в душевном обмене*, а именно ее-то у К. И. *нет.*

Он очень любил и почитал Фриду, всегда исполнял ее многочисленные просьбы помочь тому или другому, верил ей. Лю-

бил ее юмор, ее дар, ее Сашку. Фрида его тоже любила. Была ли это *дружба*, т. е. потребность в обмене — нет.

К. И. от природы непосредственно добр. От природы любит детей (ибо дети — художники) и всякое проявление таланта. Умеет восхищаться талантом, как никто.

Но *не умеет* — дружить. Этого дара ему не дал Бог. Это ведь тоже особый дар. И если он плохой корреспондент, то, я прошу Вас, дорогой друг, не обижайтесь на него и, главное, не ищите этому особых объяснений. Я знаю, что он Вас любит и что Вы ему интересны — и Вы сами и Ваши писания. И Ваши книги, и Ваши письма. А ответит он или не ответит и когда — это дело случая. Вот так.

Вскрыла письмо: мне только что дали «Нашу Машу». Ура!

256. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
24.XII.66 г.

Дорогая Лидочка!

Не писал Вам, не ответил на Ваше большое письмо только потому, что все это время хворал. И еще — ждал «Джека», которого Вы не обещали, не могли обещать, но — посулили. И еще, говоря по правде, не писал потому, что ждал Вашего отзыва о «Нашей Маше». Нет, разумеется, я никак не рассчитывал на похвалу и комплименты. Я хорошо знаю цену этой доморощенной книжке, этому произведению литературной самодеятельности. Но то, что ни Вы, ни К. И. никак не отозвались на получение книги, не могло меня не огорчить.

Корней Иванович написал мне, похвалил (и даже перехвалил) мои воспоминания о Маршаке, а вопрос о «Нашей Маше» обошел молчанием. Вы же и вообще промолчали.

На Вас это, Лидочка, непохоже. Вы человек прямой и всегда были верны законам дружбы. Когда Вам не нравились мои писания — Вы всякий раз говорили мне об этом прямо.

А Корнея Ивановича Вы изобразили чудесно, по-художнически объективно и до чего же верно! Я ведь и раньше знал, что он не обладает ЭТИМ даром, но — задним-то числом мы все ЗНАЕМ, ЧТО ЗНАЛИ — после того, как нам откроет глаза художник.

Напишите мне, пожалуйста, Лидочка!

257. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово, 17.I.1967

Дорогая Лидочка!

Ваше письмо я получил накануне отъезда и вот только сейчас собрался ответить Вам и поблагодарить Вас за все сказанное в адрес моей книжки и статьи[1].

Я не могу сейчас столь же подробно ответить Вам. Но могу — и хочу — выразить сожаление, что в свое время Вы не прочли моего «Маршака» в рукописи[2]. Читала в рукописи Александра Иосифовна, но — скажу Вам, Лидочка, откровенно и между нами — ее критика на меня, человека не очень-то уверенного в своих силах, действует почти убийственно. Очень как-то озлобленно-предубежденно относится она буквально ко всему, что выходит последнее время из-под моего пера. «Нашу Машу» она разнесла в пух и прах, назвала «постыдной» книгой; ни одного доброго слова не нашла для «Шварца»; с гневом и даже гадливостью, как о каком-то пасквиле, говорила о «Маршаке»...

Лидочка, что-то мне не хочется оправдываться — даже перед Вами — и доказывать, что Маршак был и в самом деле скуповат и что он (как верно заметил Володя Глоцер) сложно сочетал в себе «умение бороться с умением потрафлять».

Некоторых фактов я даже в частном письме не хочу приводить. Дело, мне кажется, не в том, было или не было. Было. Вопрос о другом: надо ли было говорить? Я очень колебался. А потом понял, что надо было говорить обо всем и смягчать не следовало.

На эту мою статью откликнулось очень много людей. И много таких, кто при жизни Маршака не любил, кто знал только (действительные и мнимые) недостатки его и не видел, не знал его духовности. Такие люди звонили и говорили мне, что Маршак впервые открылся им в моих воспоминаниях. В. Н. Орлов сказал, что «горько пожалел»: имел, мол, в свое время возможность ближе узнать Маршака и не воспользовался этой возможностью. Почти то же говорили Слонимский, Рахманов и другие.

Александра Иосифовна сказала, будто я «даю пищу недоброжелателям»... Я этого не понимаю. Думать о недоброжелателях Маршака, работая над статьей о нем, я не мог. Ведь я любил и люблю его, и уже по одному этому считал долгом говорить только правду.

Ваня пишет, что я сказал о С. Я. уважительно и с любовью, но при этом «не в культовом ключе». Вы сами говорите (и великолепно говорите), что, если бы писали о Маршаке, сказали бы, что — «в нем рядом с духовностью, рядом с великой энергией добра и творчества, жило и нечто мелкое, неискреннее, боящееся и инфантильное в дурном смысле».

Я *так* прямо и *так* резко не сказал.

На днях я пошлю Вам свою книгу, где воспоминания напечатаны полностью, но — с цензурными и прочими купюрами. Не спешите, пожалуйста, читать, не делайте этого во вред здоровью.

За доброе слово о «Нашей Маше» спасибо. За критику и замечания тоже. Хотя кое-что (например, оборванная на полуслове история мальчика Толи) — на совести издателей. Меня лимитировал договор, количество листов, в которые я должен был уложиться. И еще — редакторша, которая пугалась всего, чего только можно испугаться: и критики школы, и «излишней гуманности», и «филантропических ноток», и «повторов», и пр., и пр. Да, и на этой, казалось бы, аполитичной домашней книжке — следы крови и редакторских когтей.

PS. Не сообщите ли Вы мне (и по возможности не очень откладывая), когда написаны, где, когда и сколько раз печатались «Джек» и другие сказки Корнея Ивановича?

Я в Комарове до 26-го. Завтра еду в город — хоронить Юрия Павловича Германа.

[1] Письмо с отзывом Л. К. о «Маршаке» и о «Нашей Маше» не сохранилось.

[2] Речь идет о воспоминаниях Л. Пантелеева «Маршак в Ленинграде» (см.: *Л. Пантелеев*. Живые памятники. М.; Л.: Советский писатель, 1966). Воспоминания под названием «О Маршаке» печатались также в «Новом мире» (1966. № 10).

258. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/I 67

Дорогой Алексей Иванович.

Я очень долго не была уверена, что Вы получили мое большое письмо о Маршаке и «Нашей Маше», и потому не писала.

Ответили Вы, милый друг, главным образом не мне, а Александре Иосифовне. О ней ниже. Я же хочу повторить, что и «Наша

Маша» и «Маршак» — такие непохожие вещи! — мне обе горячо нравятся, хотя по обеим у меня есть, как говорят в редакциях, «замечания». Я их изложила Вам; надеюсь, они Вас не огорчили.

Слышу кругом восторженные отзывы об обеих работах. Иногда (редко) говорю по телефону с К. И.; он очень хвалил «Машу». Не знаю, написал ли он Вам — собирался. «Совсем новый Пантелеев», — сказал он мне. Сильно понравилась книга и Владимиру Иосифовичу[1]; он Вам писал, но не уверен, получили ли — он перепутал № дома с № квартиры (но я в этом не виновата).

Теперь об Александре Иосифовне.

Во многом Вы печально правы. Она резка в своих мнениях и, что гораздо хуже, деспотична. То есть внутренне она не допускает мысли, что другой человек, не она, в чем-нибудь может быть, прав. Часто, очень часто, бывает права именно она; но не всегда же! (Никто не бывает прав всегда.) Кроме того, она живет обидой, а обида — плохой советчик, дурной судья. (Герцен писал «нельзя смотреть на мир с точки зрения боли в левом колене».) Обида ее в том (неосознанная), что вот, она больна, одинока, ей худо; многие хотят ей помочь — и помогают — но только отрываясь на время от *своих* забот; ей же хочется, чтобы кто-нибудь был поглощен ее болезнью *целиком*, безотрывно. При этом она, конечно, этого не говорит и даже может быть, не *думает*; она умом прекрасно понимает, что у всех свои заботы, тяготы, болезни. Но чувствует она *так*. Отсюда несправедливость и раздражительность.

Вашего «Маршака» она мне никогда не бранила, но книжка о Маше ей в самом деле не нравится. Однако, дорогой Алексей Иванович, мы ведь не должны допускать себя до того, чтобы сердиться на людей, которым не нравятся наши книги! Ей не нравится — ну что ж делать! Если бы Вы знали, какие обидные вещи написала она мне о моей последней работе! Прошло много времени, пока я в силах оказалась разобраться, в чем она права, в чем — нет.

И при всем том — Шура человек удивительный и драгоценный, большой чистоты и силы. Сколько раз в жизни она меня *спасала*! Как много сама она вынесла — и достойно — нет, Вы только вспомните, *сколько и как!* И тюрьма, и блокада, и гибели близких — ну да что говорить. Вы сами отлично знаете, каких *качеств* это человек.

И я люблю ее от души, хотя многое мне в ней *трудно*. Одиночество и болезнь делают над ней свое дело: добросовестность превращают в педантизм, прямоту — в беспощадную резкость... Но ведь от всего этого сама она мучается больше всех.

Третьего дня я выдержала большое испытание: у меня был Элик и читал свои воспоминания об С. Я.

Главная идея: С. Я. был отличный семьянин, много времени отдавал детям; С. М.[2] была его ангелом-хранителем, ценила и берегла его дар, его труд; Сперанский как-то сказал очень верно: «если бы не С. М. — у нас не было бы Маршака».

И при этом, при всей этой чуши, на которую я, разумеется, не возражала — воспоминания ценны и очень. Во-первых, чуть-чуть возникает С. Я. — молодой; во-вторых — приводятся замечательные его письма к детям, из которых видно, *как* он представлял себе научно-художественную книжку для маленьких — прозу для маленьких; и, в третьих, приводятся записи бесед С. Я. об искусстве с его племянницей — записи, местами очень точные.

Так что и его работа имеет цену. Некоторую.

О Вас он очень спрашивал — и с обидой и с «не понимаю». (На что Вы обиделись — не понимает.)

Насчет «Джека» стараюсь узнать. Пока не удалось. Но сделаю.

[1] В. И. Глоцеру.

[2] Софья Михайловна, жена С. Я. Маршака.

259. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленингра,
29.I.67 г.

Лидочка, во-первых, спасибо за письмо. Только с чего это Вы обвиняете меня все время в обидчивости. И на Элика я обижен. И на Александру Иосифовну.

В письме моем было высказано сожаление, что Вы не прочли «Нашу Машу» в рукописи. Многие мысли и замечания Ваши, будь они сказаны раньше, помогли бы мне сделать книгу лучше. *Замечания* Александры Иосифовны этому не помогли. Да и не было никаких конкретных замечаний. Продержав у себя рукопись больше двух месяцев, А. И. вынесла столь безапелляцион-

ное и беспощадно жестокое суждение, что, честное слово, всю первую ночь я не спал и думал, где бы раздобыть денег, чтобы вернуть Детгизу аванс.

Вы совершенно справедливо пишете, что мы не должны допускать себя до того, чтобы сердиться на людей, которым не нравятся наши книги. Поскольку мне самому очень редко нравится то, что выходит из-под моего пера, обижаться (а тем более сердиться) в этих случаях на других мне и в голову не приходит. Обидеть меня *могла* не критика, а отсутствие критики.

Теперь моя вторая — и самая большая благодарность за то, что мне дал Давид Яковлевич[1].

К сожалению, я должен был не читать, а глотать — на ходу, в невероятной спешке, не имея даже возможности вернуться к тому, что особенно поразило.

ЭТО НЕОБЫКНОВЕННАЯ КНИГА! Это и портрет, и исследование, и эпитафия, и обвинительный акт. Какая сила любви и какая сила обличения! Какой гнев и какая нежность!

Как важно было бы всем нам иметь эту книгу постоянно под рукой.

PS. Вот что мне рассказал на днях Д. Я. Дар. Его молодой приятель и соавтор, очень талантливый Леша Ельянов, устроился на работу в Ленинградский Детгиз. В первый же день его приглашает к себе главред, подонок Агапов и спрашивает:

— Ты знаешь, *какова* главная задача нашей редакции?

— Нет, я еще не обдумал этот вопрос.

— Главная задача — это вытравление остатков Маршаковского духа.

Откуда эта ненависть у этих молодых, которые в глаза не видели Маршака?! Кто передал им эстафету? Или тут действует Ваша книга, моя статья и прочая апологетическая литература, при чтении которой у этих пигмеев начинается тошнота и головокружение?

А ведь беспокоиться им, в сущности, нечего. Пока не придет новый Маршак, могут спокойно пить, есть и вычеркивать «повторы». Ведь *эта* эстафета, увы, не передана. Книги (даже такая талантливая книга, как Ваша) заменить Маршака и школу не могут. «Учит духовность Учителя».

[1] Д. Я. — Дар. Вероятно, речь идет о рукописи воспоминаний о Ф. А. Вигдоровой «Памяти Фриды» (см.: *Из дневника*, с. 469—582).

260. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/II 67

Дорогой Алексей Иванович.

Читаю «Живые памятники»[1]. Помаленьку... Пока кинулась на любимое: перечитала «Маринку», «На ялике», «Долорес» и — воспоминания о Горьком. Это — классика, милый друг, и Вы это сами знаете. Теперь начала читать Ленинградские дневники.

Страница из Вашего письма — та, где рассказано о беседе Леши с Агаповым — преинтересная... Но, если вдуматься, ведь все это естественно. Вы спрашиваете, кто передал молодым эстафету ненависти? Тут — инстинкт, это раз; а затем — есть кому распространять ненависть: ведь такие убийцы, как Г. О. М.[2], напр. — живы и процветают... А вообще-то, ситуация смешная: с чего они взяли, что дух С. Я. может снизойти на них? снизойти до них?

Но почему их прорвало именно теперь, сегодня — догадаться не могу. Моя книга вышла уже давно[3]. Воспоминания Шварца — кусками — уже давно тоже. Ваши воспоминания? Может быть, как «последняя капля». Но это тоже странно, т. к. Вы написали об С. Я. «вообще», а не впритык — о его редакторской деятельности.

Мое письмо к Раисе по поводу Мильчика?[4] Но ведь мое предисловие — в той части, где я говорю о работе С. Я., — они как раз хвалили...

Получили ли Вы уже № 12 «Нового Мира» и прочитали ли похвалы мне? (книжка о «Былом и Думах)[5].

Какой беспорядок!

[1] *Л. Пантелеев.* Живые памятники. М.; Л., 1966.

[2] Григорий Иосифович (Осипович) Мишкевич. О его роли в разгроме редакции Маршака см.: *Записки.* Т. 1. С. 297—300.

[3] Имеется в виду «В лаборатории редактора», где есть глава «Маршак — редактор».

[4] Речь идет о письме Л. К. 3 мая 1966 г. Раисе Ивановне Филиповой в Ленинградское отделение издательства «Детская литература». См. письмо **252** и примеч. к нему.

[5] В рецензии А. Белкина «Книга о Герцене» («Новый мир». 1966. № 12).

261. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
21.2.67 г.[1]

Дорогая Лидочка!

Спасибо за все, что Вы мне сказали. И за похвалу, и за критику. Да, Вы правы, «Живые памятники» включать в этот сборник, вероятно, не следовало. Это — журнальный очерк военных лет (выдержки из него, слегка подправленные, приведенные в порядок), печатавшийся в нескольких номерах спортивной газеты. Отсюда все качества.

То же и с «Путешествием в Германию». Писал для журнала, но журнал («Новое время») не напечатал — напугало редакцию то, ради чего я проталкивал (и протолкнул-таки) этот очерк в печать: те главки, которые Вы отметили. Между прочим, главка «Стена», которая, Вам не понравилась, вызвала наиболее яростные нападки редактора иностранного отдела, хотя я не знаю, о каких предрассудках моих Вы говорите, в этой главке есть фразы жесткие и как бы подсказанные. Такое казенно-патриотическое есть и в блокадной записной книжке (напр., «Счет, написанный кровью»), такое, что мне неприятно и даже больно узреть напечатанным.

Как жаль и как плохо, что Вы читали сборник не в рукописи.

За «блох» тоже спасибо, хотя не во всем я, Лидочка, здесь с Вами согласен.

«*В адрес*» и «*по адресу*» можно, мне кажется, и так и этак. В контексте «по адресу» нельзя было («пришла телеграмма по адресу обкома»). Вообще мы с Вами знаем, что язык наш на ходу тасует, выбирает и меняет предлоги. Чехов говорил: «*в* телефон», мы говорим: «*по* телефону». Вероятно, кому-то когда-то и «в театре» (вместо «на театре») казалось вульгарным и плоским.

«*Забирать*». Уголь можно и *брать* и *забирать* (последнее — профессиональный, мореходческий термин), а вот тяжеленный портфель я у Маршака, конечно, не *беру*, а *забираю*.

Все-таки для меня очень важно *звучание* слова. Одно дело «бенефис не вышел» и другое: «бенефиса не получилось». Здесь на мой слух звучит насмешка, даже несколько язвительная.

То же могу сказать и по поводу «смог» и «мог». Обвинения в шовинизме отметаю. Поносительно звучит слово «*чухна*». Но у меня этого слова нет. *Чухонец* же это — житель северного берега Невы, потомок чуди́, если не ошибаюсь. Финнами их никогда не

называли (в том числе и Пушкин, и Герцен). У Пушкина есть «рыжий финн» и есть «приют *убогого чухонца*», не правда ли?

И уж совсем обидно мне было читать в Вашем письме упреки, касающиеся Хармса и Введенского. Вы же знаете, я писал Вам, как бился я за каждую страницу этой книжки и сколько там царапин, и ссадин, и рваных ран, и крови.

«Неосведомленные люди будут думать»... Да, увы, будут. Но Вы-то ведь человек осведомленный.

Ко мне (уже после Горлита) приехал гл. редактор «Сов. писателя»[2] и сказал:

— Если не снимете такие-то и такие-то места, книга будет отпечатана, но я уверен, — сразу же пойдет под нож.

— Почему?

— Я не могу вам сказать всего. Вы — человек беспартийный. Я знаю больше, чем знаете вы. Но, уверяю вас, — так будет!

Я вычеркнул две фразы.

На другой день он снова явился.

Из 17 мест, изъятия которых требовал (вернее, не требовал, — молил) главред, я похерил шесть. Можно было этого не делать, итти на риск ножа? Можно было торговаться? Или бросить на жертвенный огонь что-нибудь другое? Не знаю. Не было времени раздумывать и рассчитывать. Мне казалось, что этой (дорогой) ценой я выторговал, спас (и действительно спас) многое, над чем тоже ведь был занесен топор редактора: например, рассказ о судьбе Раи[3], о 1937 г. в жизни Маршака и многое другое.

Все, что я позволил вымарать, раньше было уже напечатано (в «Новом мире», в «Детской литературе»). Тут я успел *рассчитать*.

Да, Лидочка, не скрою: этот упрек задел меня больно.

[1] Письмо Л. К., на которое отвечает Пантелеев, не сохранилось.

[2] Вероятно, речь идет о Анатолии Николаевиче Чепурове.

[3] В своих воспоминаниях «Маршак в Ленинграде» Пантелеев пишет: «Очень любил Самуил Яковлевич Раю Васильеву, очень ценил ее большое самородное дарование. Внучка цыгана, питерская фабричная девчонка, одна из первых комсомолок, сподвижница Васи Алексеева, участница боев с Юденичем, Рая была арестована и погибла в конце тридцатых годов. Самуил Яковлевич считал Васильеву самым одаренным прозаиком из тех, кто работал тогда в нашей детской литературе. К сожалению (если не сказать к ужасу и к стыду нашему), почти все, что было написано Васильевой, тоже погибло. Осталась ее ранняя книга «Первые комсомолки», несколько опубликованных отрывков из ее блестящей автобиографической повести «Фабричные-заводские», да разве еще фильм «Подруги». Впрочем, во вступительных титрах этой картины имя Васильевой не упомянуто, и мало кто знает, что не только автор,

но и одна из героинь этого превосходного фильма, одна из подруг-комсомолок — это наша Рая» (*Л. Пантелеев*. Живые памятники. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 425).

262. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2—3/[III] 67 Ночь[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Милый друг, я понимаю, как Вы измучились с книгой. И согласна — игра стоила свеч, надо было жертвовать, чтоб книга, такая нужная — вышла. Но вот с Хармсом и Введенским, мне кажется, Вы поступили неразумно. Ни о них, ни о Ваших с ними отношениях, Вы, в сущности, не пишете, только о своей боли о них, только об их смерти — т. е. как раз о том, о чем написать по правде нельзя...[2] Ну и выбросили бы их *совсем* — в «Записной книжке» такой пропуск ровно ничего не рушит. И тогда не спрашивали бы читатели (меня уже двое спрашивали): «А что, разве Хармс и Введенский погибли на войне?»

Насчет моих придирок к словам — ведь я предупреждала Вас, что это чисто субъективное, *мое*, ощущение слов. Спорить тут не о чем: такие обороты, как «было брошено оскорбление в его адрес» или «Я хотела сыграть, да не получается», — для *меня* звучат как vulgar. Но Вы имеете основания сказать мне, язык меняется — и я имею право НЕ признавать этих слов только *у себя* на странице.

Будьте здоровы и пишите хоть открытку, чтобы я знала, где Вы и что.

[1] Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию письма — у Л. К. в дате описка. См. также письмо Пантелеева от 17 марта.

[2] Д. Хармс был арестован в августе 1941 г. в блокадном Ленинграде и умер в тюрьме, а А. Введенский арестован в сентябре 1941 г. и погиб на этапе.

263. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
17.3.67 г.

Дорогая Лидочка!

Я написал для «Семьи и Школы» заметку о «Джеке» и вообще о К. И., о его детских книгах. Человеку, который просил

у меня статью (С. И. Сивоконь, зав. отделом критики), она понравилась и другим тоже. Боятся — понравится ли гл. редактору[1], который гонит из журнала «излишние литературности» и ищет во всем «педагогического начала». Такого, увы, в моей заметке нет.

Хотя наши «прения о словах» по обоюдному согласию закончились, не могу не сказать, что я нигде никогда не писал «в его адрес было брошено оскорбление». Для меня это такой же vulgar, как и для Вас. Я писал, что в блокадную зиму «в адрес обкома одного из профсоюзов пришел телеграфный запрос из Куйбышева». Эта почтово-телеграфная терминология *здесь* вполне уместна, уверяю Вас.

[1] Упомянута Л. М. Иванова.

264. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/IV 67

Дорогой Алексей Иванович!

Как Вам живется, гуляется, работается в Комарове?

Напишите мне об этом, пожалуйста.

Напишите также, читали ли Вы книжку молодого прозаика Рида Грачева и что о ней думаете? А о повести Битова в «Молодом Ленинграде»?[1]

Был у меня странный человек — некий Биневич. Он занимается Шварцем (мотивы странные: «у меня есть пьеса о Христе, о Дж. Бруно; теперь хочу писать о Шварце»). Разговор мой с ним был смутен; но неожиданно он прислал мне в подарок *стихи* (взрослые) Евг. Львовича. Знакомы Вы с ними? Все они горьки; некоторые прекрасны.

Здесь, в Голицыне Д. Я.[2] Был у меня. Он, как всегда, мне интересен и мил.

[1] Рид Грачев в 1967 г. выпустил книгу «Где твой дом» и был принят в Союз писателей. В альманахе «Молодой Ленинград» в 1960 г. состоялась первая публикация трех рассказов А. Битова.

[2] Д. Я. Дар.

265. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
2.V.67 г.

Дорогая Лидочка, Биневич мне писал. Просил разрешения познакомиться с письмами, которые я посылал когда-то Евгению Львовичу и которые уже попали в московский архив. Я написал, что — не надо. В письме его было много странного. «Давно хотел просить Наталию Евгеньевну[1] познакомить меня с Вами». А ниже: «Вы говорили мне, что в большом чемодане ничего нет, а там оказались рукописи, о существовании которых не знал сам Евг. Львович».

Битова я хорошо знаю, люблю. Вероятно, это самое крупное явление в нашей молодой прозе. «Молодой Ленинград» я не читал, но там, кажется напечатана «Пенелопа»[2]. Я читал ее — давно, в рукописи.

Битов, как и многие молодые, огорчает меня, во-первых, безгражданственностью, во-вторых — инфантильностью. Грачева тоже знаю, хотя с книгой его не знаком.

Стихи свои Евг. Львович мне иногда читал (запомнилось «Возвращение в Ленинград», «Фотография Булла», «Господь мне дал...», еще несколько). Но у Вас, вероятно, есть и такие, которых я не знаю.

[1] Н. Е. Крыжановская-Шварц — дочь Е. Л. Шварца.
[2] Рассказ А. Битова (1962).

266. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VII 67

Дорогой Алексей Иванович, пишу на Вашей восхитительной бумаге.

Я сижу на даче, помаленьку работаю, никого не вижу, а потому и очень мало знаю. Вижу иногда Ваню.

На днях, зайдя вечером к Ване и В. В.[1], наткнулась на Карпову, угощаемую чаем. Я, конечно, поздоровалась, как положено, из уважения к хозяевам — но потом 2 недели не могла себя заставить туда зайти. (Пошла только сегодня — Володина годов-

щина[2].) Карпова — верный пес Лесючевского, злое, мелкое, лживое существо. Относительно моего суда (по поводу «Софьи») она вела себя с утонченной подлостью, объясняя судье (на предварительной встрече), что моя повесть «клеветническая». (Она ее приняла, ею восхищалась и заключила на нее договор...) Несколько лет назад В. В. способствовала проведению Карповой в Союз, хотя та бездарна и невежественна, как пень... Ее имя здесь котируется наравне с именами Книпович и Кедриной[3].

Но В. В. продолжает с ней задушевно дружить.

Право, если бы не Ваня, с которым не могу же я расстаться на 46-м году нашей дружбы, я перестала бы туда ходить. Ведь там бывает и злодейка Книпович и казенная дура Брайнина.

В. В. — сфинкс. Ничего не поймешь в этой вялой душе. И жаль ее — она человек больной и исстрадавшийся — и зло берет. Не бережет она честь своего имени. И дома.

Больше ничего сегодня как-то не пишется.

[1] В. В. Смирнова, жена И. И. Халтурина, критик.

[2] Годовщина со дня смерти сына Халтуриных Володи.

[3] Е. Ф. Книпович и З. С. Кедрина — одиозные ортодоксальные советские критики.

267. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
28.VII.67

Дорогая Лидочка!

Все, что Вы пишете о Вере Васильевне, к сожалению, справедливо до последней запятой.

Совершенно то же и со мной.

Года два назад я читал ее письмо, адресованное одному молодому писателю. Там были такие слова: «Наши (такие-то, благословенные, или что-то в этом роде) тридцатые годы в тысячу раз *лучше* Ваших хваленых шестидесятых»...

Я уже тогда писал кому-то, что сдерживаю себя, смиряюсь, терплю все это только ради Вани, ради старой и неискоренимой любви к нему (хотя ведь и он, Лидочка, заражен в какой-то степени той же болезнью, имени которой я не могу подобрать).

268. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
26.VIII.67

Дорогая Лидочка!

Машкин день рождения мы отметили в Литве, в Каунасе, в несколько даже фантастической обстановке: в доме настоящей баронессы, эмигрантки, которая в свои 86 лет сохранила ясную голову 50-летнего человека, много читает, следит за эфиром, увлекается по телевизору футболом и в то же время на каждом шагу говорит что-нибудь вроде:

— Покойный государь совершил ошибку, когда позволил...

— Эту икону мне подарил князь Трубецкой...

В годы войны эта необыкновенная женщина и ее две дочери прятали у себя в доме, в подвале, еврейских девушек и детей, бежавших из гетто...

Впрочем, всеми этими яркими впечатлениями в письме не поделишься.

269. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/IX 67, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Итак, Вы уже дома.

Я живу в городе. Меня показывают врачам. Болеть — это теперь, по-видимому, моя вторая профессия. На улицу не выхожу: можно, но нет сил и времени, да и куда здесь пойдешь.

Сегодня, может быть, на два часа на машине съезжу к К. И. в Переделкино. Я его не видела месяц и это меня терзает.

Вообще, многое терзает — и личное и общее, как говорил Герцен. Вероятно, оттого, что сердце больное, все попадает прямо в сердце и все вызывает боль.

Например, смерть Эренбурга — которого я никогда особенно не любила. А вот ударила меня его смерть — значит, он както светил, производил свет. И по-другому, на другой манер, ударили похороны — о которых можно было бы написать, как Вы написали о похоронах М. М.[1]

А клеветы на лучшего, благороднейшего из наших писателей[2] — каждый день новые, организованные, гнусные, подлые!

Мне кажется, что, если бы я могла на них вслух ответить, у меня сразу перестало бы болеть сердце.

Из хороших новостей — радует меня, что Александра Иосифовна пытается жить в Комарове и ей это пока удается.

Кстати, не приобрели ли Вы такую игрушку, какую я подарила ей на день рождения? Мне кажется, это сейчас предмет первой необходимости[3].

[1] То есть о похоронах М. М. Зощенко. См. письмо **107**.

[2] Речь идет об А. И. Солженицыне. На партийных инструктажах о нем распускали наветы и клеветы.

[3] Подразумевается транзистор, по которому можно было услышать голоса зарубежных радиостанций.

270. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
14.IX.67 г.

Дорогая Лидочка!

Меня тоже очень (и тоже неожиданно для меня самого) огорчила смерть Ильи Григорьевича. Видно, и мне он как-то СВЕТИЛ. Два десятилетия (или около этого) во всяком случае: в ранней нашей молодости и вот — эти послекультовые времена, оттепелевые и последующие годы.

Игрушка, о которой Вы пишете, у меня есть. Летом она меня очень выручала, сейчас же я ею почти не пользуюсь: и времени нет, и места!

Работал я летом не много. Рассчитываю попозже заточить себя в Комарове, чтобы возместить протори и убытки.

Маша учится в V классе.

Школа — ужасная. Классный руководитель — профессиональная пионервожатая, которой вдруг поручили преподавать историю. Арифметика, по-прежнему ненавистная и непонятная, вдруг стала не самым неприятным предметом.

PS. Жажду прочесть Ваши ахматовские дневники.

В постскриптуме да еще на полях об этом говорить, может быть, не гоже, но меня огорчает и судьба А. И.[1] (хотя, если смотреть широко, судьба у него завидная), и еще нечто личное. Я никогда не посылал своих книжек людям, с которыми не связан

дружески, не посылал Горькому, не послал (хотя тот и просил) Вс. Иванову. А Солженицыну послал. Он не ответил мне. Бог с ним — или не понравились, или — такая манера: были и есть художники, берегущие свое время и не отвечающие на письма. Обидно, но терпимо. Когда же я не увидел своего имени среди адресатов письма IV Съезду[2] [недописано. — *Е. Ч.*].

[1] А. И. Солженицын.

[2] А. И. Солженицын разослал свое письмо IV съезду писателей многим делегатам съезда по многим адресам.

271. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/IX 67

Дорогой Алексей Иванович! Спасибо преогромное за книгу[1]. Я стала перечитывать указанные Вами страницы и зачиталась вновь. А побед Вы, я вижу, одержали множество — и каких радостных побед! Они так и сверкают и радуют сердце.

А вот насчет игрушки — что и времени, мол, нет, и места нет — это Вы меня огорчили. Я уже сейчас и жизни своей не представляю себе без нее[2].

Так же, как не представляю себе жизни без классических произведений. У меня тут был один наш общий знакомый — так я его просила (он отчаянный библиофил!) позаботиться в этом смысле о Вас. Так что Вы не удивляйтесь, если он вдруг предложит Вам недостающие у Вас тома Собр. Соч.[3]

[1] *Л. Пантелеев*. Избранное. (Л.: 1967) с надписью: «Дорогому другу Лидии Корнеевне Чуковской от преданно любящего ее Л. Пантелеева. 18.IX.67 г.»

[2] Намек на транзистор.

[3] Намек на рукописи А. И. Солженицына, которые ходили в Самиздате и обещание передать их с оказией А. И. Пантелееву.

272. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/I 67 [68][1]

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за добрые пожелания.

Теперь угадайте, как я провела Новогоднюю ночь? Ни за что не угадаете. Я была одна. Не спала (Вы и К. И. заразили меня

бессонницей). Люша уехала стеречь К. И. Я лежала (у меня накануне был стенокардический приступ, впервые). Ну вот. И тут я увидела «Нашу Машу», недавно возвращенную мне С. Э. Бабенышевой. Я начала перечитывать. И читала, не отрываясь, до 7 часов утра!

Если верить приметам, это значит, что я теперь весь год буду читать Л. Пантелеева. Давайте! Жду!

Нет, до чего же хорошая «Наша Маша»! Мне она сейчас понравилась еще больше, чем в первый раз.

Как все люди видны! И город! И леса! И грибы! И, главное, — неуклюжий, страстный, нежный, проникновенный — а иногда нелепый — папин роман с дочкой!

Возникли ли у меня какие-нибудь новые пожелания?

Да. Маленькие.

1) Вы очень злоупотребляете словом «глазенки». Вообще уменьшительных не любите, а это — чуть не в каждой строке.

2) Насчет сиденья и стоянья в трамвае Вы, конечно, правы. Но я добавила бы вот что: когда-то места для детей были введены потому, что хотели оградить ребенка от давки. Ведь в самом деле в трамвайной давке маленькому труднее, чем большому, — пинают, крутят со всех сторон. Поэтому ребенку дали *право* сидеть, занимать целое место. Глупые же родители приняли это право за обязанность.

[1] Описка Л. К.

273. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
5.3.68

Дорогая Лидочка!

Вы спрашиваете, над чем я работаю. Отвечу охотно, потому что и сам собирался с Вами об этом говорить. Пишу воспоминания о Максиме Горьком. Тема: за что же я его *тогда* (или все-таки) люблю и вспоминаю его длинную сутулую фигуру почти с нежностью?

Ко мне обратилась «Детская литература» (журнал) с просьбой ответить на анкету:

1) Какие традиции Горького я считаю самыми важными в детской литературе? 2) Какие традиции Горького сказались на моем собственнном творчестве?

Я задумался: традиций не вижу, на себе влияний Горького-художника как будто не испытал. Но почему же *все-таки* и т. д.

Я стал вспоминать, записывать. Хочу писать правду (то, что я печатал раньше, — сладковато и двухмерно). Но так как пишу я в расчете на обнародование этих заметок, получается или полуправда или — *когда рассержусь* — «неправда в другую сторону», т. е. концентрация внимания на том, о чем говорить, да еще в юбилейные дни, — не рекомендуется.

Лидочка, не разрешили бы Вы мне прислать Вам эти записки? Или часть их. Это — не много, maximum печатный лист. Пришлю первый экземпляр. Пришлю даже не все, а то, что к тому времени в заметке напишется. Может быть, Вы скажете — не надо ТАК и о ТОМ-то писать. М. б вообще не стоит продолжать эту работу. *Вас* послушаюсь. Вы знаете, как много значит для меня Ваше слово.

274. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/III 68

Дорогой Алексей Иванович.

Разумеется, я очень хочу прочитать Ваши воспоминания о Горьком — а если I экз., то не только хочу, а и могу. Пришлите, пожалуйста, все, что есть, — и чем больше, тем лучше.

Я понимаю, как это трудно — *сейчас* писать об Алексее Максимовиче. Тем более, что мы решительно ничего не знаем о последних годах его жизни, о причинах смерти, а ведь для понимания даже *собственной памяти* о нем — это необходимо.

Так что вполне воображаю, как Вам трудно. И от этого мне вдвое интереснее.

275. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
21.3.68

Дорогая Лидочка! Вчера была у меня Соня[1]. Спасибо, что направили ее ко мне. О своих впечатлениях она Вам расскажет. Заодно расскажет и о моих.

Когда Соня позвонила, я думал, что она привезла Вашу «Ахматову». Увы, я только еще один раз услышал восторженные слова об этой Вашей, нечитанной мною книге.

Дошел ли до Вас мой «Горький»? На днях читал эту статью на вечере памяти Алексея Максимовича в Союзе писателей. Позорное и симптоматичное собрание! Это был ПЛЕНУМ четырех творческих организаций: писателей, художников, композиторов и кинематографистов. Был приготовлен белый зал. Пришло человек 50—60, заседали в одной из гостиных. Мое выступление прозвучало, но — на каком фоне? Все остальное было травой, давно и много раз пережеванной. Именно поэтому не пришла молодежь, именно поэтому стоял пустой и темный большой двухсветный зал Дома Маяковского.

Лидочка, я жду Вашего слова, Ваших замечаний. И прошу вернуть мне *заказной почтой* рукопись — со всеми пометками — моими и Вашими.

И еще есть у меня к Вам просьба.

Детгиз надумал выпустить мое собрание — в трех, а если успею дописать новую вещь, и в четырех томах. Меня спрашивают, кого бы я хотел видеть автором вступительной статьи. Корней Иванович писал мне как-то, что в 7-м томе своего Собрания сочинений он напечатает в *расширенном* виде статью «Мускулатура таланта» — обо мне. Не могли бы Вы при случае выяснить, как бы он отнесся к предложению напечатать эту статью в виде вступительной. Если он не возражает, к нему обратятся официально. Почему я не пишу ему сам? Мог бы, но не хочу ставить его в неловкое положение, если он почему-либо печатать эту статью не захочет. А Вас я прошу лишь о маленькой разведоперации.

[1] Софья Игнатьевна Богатырева, литератор, дочь литературного критика Игнатия Игнатьевича Ивича, с которым дружили и А. И. Пантелеев, и Л. К.

276. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
3.4.68

Дорогая Лидочка!

Спасибо!!!

Письмо Ваше получил вечером, утром — сразу как пришла почтарка — дал Вам телеграмму, надеюсь, Вы получили ее. Хо-

тел телеграфировать и нынче утром, но что скажешь в телеграмме, кроме того же спасиба!..

Как здорово удаются Вам такие вещи («Туся», и вот — «А. А.»). Если не ошибаюсь, в этом жанре (портрет-монтаж) предшественников у Вас не было. (Простите мне этот «монтаж», кинематографический термин.)

Какой монументальный портрет, портреты!!!

Монументальность — здесь не преувеличение. Вот я ночью сегодня дочитал последние странички, а утром — проснулся и вижу себя, живу — не здесь, не в Комарове, а на Фонтанке, в Доме занимательной науки, в комнате, где скомканное белье на трехногом кресле, старинное зеркало (складни, шкатулки, черствый хлеб, сырные корки, электрическая плитка и — высокая, горбоносая женщина в разодранном по бедру черном китайском халате с серебряным драконом на спине. Эта женщина живет в памяти, как редко живут герои романов. Вижу ее — лежащей под толстым одеялом без пододеяльника, читающей стихи, разогревающей ужин, говорящей по телефону, цацкающейся с соседским мальчонкой, властной, растерянной, трогательно просящей: не уходите!.. Вижу ее у Пяти углов, и посреди Невского, вцепившейся в рукав спутницы, и — там, в очереди.

Пластичны, трехмерны и другие — те, кого я хорошо знал и знаю, и другие — те, кто был мне до сих пор известен только по имени. Н. Н.[1] — это не фотография, а художественный образ большой силы, первой величины.

И время, время! Живет и оно.

Многое задело, встревожило мою память. Например, вспомнились рассказы Тамары Григорьевны о этих ее первых встречах...

Между прочим, читая, я все время ждал и не нашел ответа на один вопрос: о *религиозности* А. А. Вспомнилось, как Тамара Григорьевна рассказала мне как-то о Вашем споре с ней, в котором Вы утверждали, будто все религиозное в стихах А. А. — это «только поэтика», а Т. Г. говорила — нет, тогда бы эти стихи не брали за душу, не трогали.

(Между прочим, об этом Вашем разговоре я вспомнил несколько лет назад, когда читал — или перечитывал — Вашу «Тусю» — то место, где говорится о «первом религиозном интеллигентом человеке», встреченном Вами. Я подумал тогда: ведь с А. А. вы познакомились раньше.)

Что же мне сказать Вам еще, дорогая Лидочка? Ночью сегодня мне подумалось: каким бледным, однозначным вспоминается Эккермановский Гете после Вашей «А. А.». Это — не комплимент, да, впрочем, и не может быть комплиментом. Книга Эккермана — скучная. Там хороши только те главы, где говорится о разных способах изготовления луков.

Спасибо Вам и за все Ваши замечания по «Горькому». Со всем согласен в Вашем письме[2], кроме одного: лиха беда написать, а там — не наша забота.

Впрочем, об этом — после... Спешу на почту.

Спасибо за обещание поговорить с К. И. о статье. Вы сами понимаете, как приятно и как лестно мне было бы видеть его имя в этом издании. Но если он почему-либо не захочет печатать статью как предисловие — я *огорчусь*, но не обижусь.

Здесь живет В. С. Шефнер, единственный человек, с которым я сейчас, здесь бываю. Хотел походатайствовать у Вас за него. А потом ахнул...[3]

А ведь он очень хороший поэт. Знаете ли Вы его цикл о Тредьяковском?[4]

[1] Н. Н. — Николай Николаевич Пунин.

[2] Письмо не сохранилось.

[3] То есть хотел попросить разрешение дать Шефнеру рукопись «Записок», а потом увидел, что там Ахматова отзывается неодобрительно о его стихотворении («Самое главное в стихе — своя, новая интонация. А тут все интонации чужие»), и отказался от этого намерения.

[4] В 1967 г. Вадим Шефнер выпустил сборник «Своды», в который включил поэтический цикл «Василию Тредиаковскому посвящается».

277. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
10.4.68

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за разведку — в отношении Корнея Ивановича. Милейший К. И. верен себе — откликнулся тотчас, молниеносно и написал, что называется, с исчерпывающей полнотой, несмотря на болезнь, да еще такую гадкую. Вы не писали мне, что у него желтуха.

Мы все встревожены.

В том письме я написал Вам, кажется, глупость относительно Эккермана. Эккерман — хороший стенограф, фонограф, а Вы — художник. Следовательно, сравнивать тут нечего.

278. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/IV 68

Дорогой Алексей Иванович.

Не думаете ли Вы — как полагают некоторые мои читатели — что мои «ме»[1] следует, в приложении, снабдить стихами, которые поминаются в тексте? Ведь все-таки *в них — главное*, они — *воздух той комнаты*, а читатель их не слышит.

О религии А. А. никогда со мной не говорила. Она считала себя религиозной, хорошо знала Евангелие, Библию, чтила добро — но я сомневаюсь, чтоб она была добра и чтобы она в самом деле в своих отношениях с людьми пыталась поступать по-христиански — как, скажем, Туся или Фрида. Православие входило одним из элементов в ее поэзию — Пушкин, Дант, Шекспир, церковность. С религией, мне кажется, связано было ее чувство языка, чувство народности:

...тихие селенья,
Хранилища молитвы и труда[2].

Смирение, кротость были ей совершенно чужды — слишком независимый ум и характер. Была философия нищеты, была ненависть к буржуазности — но скорее, мне кажется, от хорошего вкуса, чем от религии.

Не знаю, не умею ответить на Ваш вопрос.

А Туся и Шура тогда ведь ее не очень-то жаловали — и ее, и мою дружбу с ней (хотя и готовы были помогать, понимали трагизм положения и пр.).

[1] То есть «Записки об Анне Ахматовой». «Ме» — название, придуманное Пантелеевым для лирического дневника Е. Л. Шварца. «Слово “мемуары” ему не нравилось, — пишет Пантелеев, — но так как другого названия не было (книга его не была ни романом, ни повестью, ни дневником), я назвал его новое произведение сокра-

щенно — “ме”, и он как-то постепенно принял это довольно глупое прозвище и не сердился, когда я спрашивал у него: — Над “ме” работал сегодня? “Ме” не почитаешь мне? Со временем он так привык к этому шифру, что даже сам стал говорить: — Сегодня с пяти утра сидел, работал над “ме”...» (*СС-П.* Т. 3. С. 238).

[2] Неточная цитата из стихотворения Ахматовой «Приду туда, и отлетит томленье...». Правильно — темные селенья.

279. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
23.4.68

Дорогая Лидочка!

Элико читает «А. А.» с наслаждением. С тем большим, что у нее никогда нет времени, читает она урывками, ждет, по ее словам, этих минут. Многое для нее, как я заметил, неожиданно. *Эти* годы — первые годы ее в Ленинграде. Того, что обрушилось на Вас, на А. А., на Тусю, на Александру Иосифовну, а позже и на меня, она не только не видела, но и о существовании *этого* знала разве что понаслышке. Анна Ахматова бывала у них (у В. Н. Орлова[1]), но молоденькая грузинка, конечно же, и не догадывалась о том, чем и как живет «большая русская поэтесса», хотя на родине у себя, в Тбилиси, уже успела узнать, почем фунт лиха.

Я не знаю, Лидочка, нужны ли стихи А. А. в приложении к «ме». Надо видеть, как это получится. Если бы месяц-полтора назад мне сказали, что о многих «внешних событиях» в Ваших «ме» говорится в подстрочных приме́чаниях, я бы, вероятно, не сразу поверил, что это не мешает рассказу, не затрудняет его, а, наоборот, облегчает и просветляет.

И где они будут, стихи? В приложениях, то есть в конце книги? Конечно, это дополнительный подарок читателю, но — тот же вопрос: не помешает ли, не отяготит ли? Примечания составляли Вы сами, Ваш авторский такт, вкус, чувство меры подсказали Вам, где и сколько можно и нужно сказать. А тут не Ваша рука уводит читателя в сторону, и часто — надолго.

P. S. Религиозные люди избегают (может быть, в наших условиях) говорить — даже между собой — о своих верованиях. Очень редко говорил на эту тему Евгений Львович, Самуил Яковлевич — только в ленинградское время — много и часто. В Москве только 2 раза. А теперь я с удивлением читаю в статье Сарнова: «Он никогда не искал (утешения?) в религии и в фило-

софии». Только с Тамарой Григорьевной говорилось если не легко, то без больших затруднений.

[1] В. Н. Орлов — первый муж Э. С. Пантелеевой.

280. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

7/V 68

Дорогой Алексей Иванович.

Подвигается ли Ваша работа над воспоминаниями об А. М.[1]

Прочли ли Вы книгу В. Белова и что о ней думаете?[2]

Повесть Тендрякова в № 3 «Москвы»?[3]

Теперь по вопросу о детях и внуках. О моей фразе «наше дело писать, не думая о»...

Конечно, я выразила свою мысль неточно, неверно. Конечно, Вы правы — заботиться надо о детях, а не только о внуках. И не только о написании, но и напечатании.

Но *я*, лично я, не *мы*, а я — этого НЕ могу. Просто физически не могу. На то, чтобы писать, т. е. сидеть за пюпитром и подняв руку писать, — уходят все мои физические силы. Я устаю от писания, устаю от того, что надо встать, умыться, одеться, причесаться и застлать постель; застлав ее, я снова ложусь — поверх одеяла — такое у меня сердцебиение, такое бессилие. Я живу неделями с выключенным телефоном, потому что по телефону мне тяжело говорить (пульс и пр.). Я стараюсь видеть не более одного человека в день, и чтобы он сидел не долее часу. Ну вот и скажите: как *я* могу писать *и* печататься? (Даже если бы кто-нибудь мечтал меня печатать.) Самое мирное редактирование — это телефоны, разговоры, собеседования и пр.

А я не могу.

Вон «5 писем С. Я. Маршака» — не Бог весть что! — лежат, готовые, год; я попробовала в одно место, попробовала в другое — и отложила попечение.

Пусть лежат[4].

Мне приходится выбирать, на что тратить силы. И я выбираю главнейшее. Если я не приведу в порядок свои ахматовские записи, то этого за меня не сделает никто.

Стало быть, писать, писать, писать — изо всех сил, последних или пред-пред-предпоследних — а далее что? на «далее» у меня

нет сил. Либо я буду «пробивать» свои воспоминания о С. Я. («Пять писем»), либо писать...

Вот я и выбираю.

[1] А. М. Горький.

[2] Возможно, речь идет о повести В. Белова «Привычное дело».

[3] Упомянута повесть В. Тендрякова «Кончина».

[4] Опубликовано посмертно: *Лидия Чуковская*. Пять писем Маршака: Страницы воспоминаний // Лидия Чуковская. В лаборатории редактора: Сборник. Архангельск: Правда Севера, 2005.

281. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/VI 68, Пиво Воды

Дорогой Алексей Иванович.

Это не письмо, а так — отписочка. Не сердитесь, что-то сил нет.

Я наконец на даче. Море зелени, ручьи птичьего пения. Кукушка выдает на спрос не менее 80 лет. Соловьи заливаются.

Я с трудом доползаю от домика своего до дома К. И. — по дороге лежу (!) на скамейке.

Зато К. И. — слава Богу! — веселый, счастливый, одолевший болезнь и страх. Работает, ходит, шумит.

Прочитали ли Вы Тендрякова в «Москве»? Что думаете?

Все мы, члены Союза Писателей, подписавшие письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова, получили разные взыскания: я — выговор. Не знаю, что значит для писателя выговор. Ведь мы не служащие. Какая-то чушь.

282. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/VII Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Вы пишете, что хандрите. Есть от чего не только захандрить — прийти в отчаяние. И не помогает даже то, что все мы уже давно в него пришли. Нет, новый срам все равно обжигает.

Кстати о сраме[1].

Я написала статью «Ответственность писателя и безответственность “Литературной Газеты”»[2] (по поводу выступления «Лит. Газеты» против Александра Исаевича). Статья моя не удалась (я ее писала в самый разгар болезни), но мне она была необходима. Хотя бы для самолечения.

[1] 26 июня 1968 г. «Литературная газета» поместила редакционную статью «Идейная борьба. Ответственность писателя». Статья была направлена против А. И. Солженицына. «Писатель А. Солженицын мог бы свои литературные способности целиком отдать Родине, а не ее злопыхателям, — говорилось в статье. — Мог бы, но не пожелал. Такова горькая истина».

[2] Эта статья Л. Чуковской распространялась в Самиздате (см.: *Слово*. С. 359—371).

283. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
6.11.68 г.

Дорогая Лидочка!

Как Вы и что с Вами? Лучше ли?

Так мало мы с Вами побыли[1]. И ужасно, что не могли повидать Люшу. Буквально каждая минута была у нас на счету.

Недавно один руководящий товарищ, раскритиковав мою заметку о Горьком, заявил, что писать так, как пишу я — не интеллигентно.

Напишите мне, пожалуйста, как идет битва за Ваше здоровье?

Короткий визит наш к Вам был озарен неожиданной, дополнительной радостью, сверхрадостью[2].

[1] Пантелеев с женой приезжали по делам в Москву.

[2] Намек на неожиданную встречу с А. И. Солженицыным, который гостил у Чуковских и познакомился с Пантелеевыми.

284. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15/XI 68, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Вы, может быть, уже знаете от К. И., что у него родился новый правнук. А писал ли он Вам, что сказала маленькая Маринка, когда выбирала для ее братца имя?

— Назовем его Койнейиваныч!

Тут еще интересна одна подробность. Маринка называет К. И. — «прадед». «Ой, ой, где мой прадед?.. Прадед не работает, он чай пьет» и т. д. Предложив назвать брата «Койнейиваныч», она сейчас же добавила, что теперь пусть *все* зовут К. И. — прадед, полагая, по-видимому, что если его имя перейдет к малышу — сам он останется без имени.

Письмо из Лендетгиза К. И. получил и ожидает визита редакторши, которая едет в Москву.

Теперь насчет сверхрадости... Да для меня это тоже огромная сверхрадость и постоянная злая тревога. Но вот в чем дело: известно ли Вам, что у сверхрадости скоро день рождения — полстолетия? Хотите ли Вы ее поздравить? Если *да* — пришлю Вам адрес (в книжке неверный, старый). Напишите мне!

Я перечла «По ком звонит Колокол» Хемингуэя — страшная и гениальная вещь... А прочли ли Вы Белова в № 8 «Нового Мира»? Что думаете вообще и о последней главе в частности?[1]

[1] Речь идет о «Плотницких рассказах» Василия Белова, напечатанных не в восьмом, а в седьмом номере «Нового мира» (с. 7—56).

285. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/XI 68

Дорогой Алексей Иванович!

Вот, наконец, посылаю Вам:

1) дату — 11 декабря.

2) адрес — Рязань, 12.

Проезд Яблочкова 11, кв. 1[1].

3) Свою статью в «Лит. Газету», которой Вы интересовались[2].

4) Две фотографии Александра Исаевича — одну Вам, а другую для Александры Иосифовны.

Вы его видели не таким, а веселым — когда-нибудь и веселого пришлю. (У меня есть, дам переснять.)

Вот, кажется, все. Спешу. Пожалуйста, хорошим людям давайте адрес и дату. Читателям, любящим, — молодым, старым —

побольше бы! Не непременно литераторам, лишь бы хорошим людям.

По почте ни адреса, ни даты не хотела[3].

[1] День рождения А. И. Солженицына (в 1968 г. читатели отмечали его пятидесятилетие) и его домашний адрес.

[2] Об этой статье см. письмо **282** и примеч. к нему.

[3] Письмо послано с оказией.

286. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
15.XII.68 г.

Дорогая Лидочка!

Вы спрашиваете, как мне понравился последний рассказ Белова. Почему-то не хочется об этом говорить. Это — верный слепок с сегодняшней деревни (и не только деревни). Все знакомо: типы, ситуация.

Но на меня рассказ произвел впечатление гнетущее. Такого осадка не оставляют и не могут оставить ни «Записки из Мертвого дома», ни «Иван Денисович», ни «Иван Африканыч» того же Белова. Здесь (т. е. в «Плотницких рассказах») слишком густо то, что я называю «передвижничеством» (а его вообще много в современной прозе), и это передвижничество побеждает, затирает искусство чистое в лучшем значении этого затрепанного и обесславленного слова.

287. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/I 69

Дорогой Алексей Иванович.

Посылаю Элико и Вам небольшой приветственный автограф.

А текст пусть читают все, кто читать умеет[1].

Будьте здоровы и веселы. Недавно писала Вам.

[1] К записке Л. К. приложена машинописная копия письма Солженицына в редакцию «Литературной газеты»: «Я знаю, — пишет Солженицын, — что Ваша газета не напечатает единой моей строки, не придав ей исказительного или порочного смыс-

ла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравителям иначе, как посредством Вас:

"Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменить истине. Моя единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России. Солженицын. Рязань, 12 декабря 1968 г."».

На копии автограф: «Элико Семеновне и Алексею Ивановичу Пантелеевым с благодарностью и дружеским расположением. А. Солженицын».

288. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
4.2.69

Дорогая Лидочка!

Я никому не писал это время. И больше всего меня угнетало, что я не пишу Вам.

Что случилось? Болею.

Немалую роль сыграл один мой опрометчивый шаг. Я включил в свое собрание сочинений недописанную (а следовательно, и несуществующую) повесть. Сделал я это в иные времена, полтора года назад, да и тогда делать этого не следовало. Потому что писалось без радости, чем дальше, тем хуже, труднее, а последние 2 месяца и в состоянии настоящего гнета. Наконец у меня хватило ума спохватиться и — пока не поздно — самому отказаться от 4-го тома.

Сразу полегчало. Но мрак не рассеялся.

Тут и еще одно. Я ведь 22 года подряд из ночи в ночь принимаю снотворное. Отравляю себя.

Вчера, бессонной ночью я стал считать, много ли осталось людей, которых я люблю, мысли о которых меня согревают. Очень немного. Среди них — Вы, Лидочка.

Спасибо Вам за бесценные письма.

289. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/II 69

Милый, дорогой Алексей Иванович. Я получила Ваше горькое письмо.

Может быть, Вам станет легче, если я скажу Вам, что понимаю в нем каждую строчку, каждую буквочку. Понимаю, что значит «сам отказался от четвертого тома». Понимаю, каково это перенести: не окончить начатую и уже начавшую жить в тебе вещь. Понимаю — 22 года снотворных. Понимаю — расшатанные нервы, а помощи ждать неоткуда, потому что врачей-невропатологов интеллигентных — нет.

Ах, я понимаю, что если бы можно было вынуть из души несколько заноз — из памяти, из сознания — то и седуксена не надо. Но их-то и не вынешь и с ними в памяти и в сознании нам предстоит жить и работать. Они мешают. Но я надеюсь на Ваши могучие душевные силы. И на комаровские сосны. И снег.

PS. Мне внезапно прислали сверку ахматовской книги (Лениздат)[1]. Я сидела над ней 2 недели, снова, с помощью друзей, выверяя все. Насколько я поняла, печатать эту книгу не собираются, но мне приятно сознавать, что мною она приведена в должный вид и снова проверена.

Работать было трудно: со зрением у меня беда (не знаю, насколько его еще хватит), а все мои дорогие помощники как раз в это время болели гриппом.

Но — сделали мы все.

Вчера — 11-го — в Ленинграде состоялся суд[2]. У меня еще нет сведений о нем. Но решение меня не беспокоит. (Мало ли что решит очередная Савельева[3].) Важно, чтобы общественное мнение высказалось, чтобы вслух было рассказано, *как* жила А. А. И как лжет, изворачивается и торгует И. Пунина. А об этом расскажут — Жирмунский и Глен, Герштейн и Найман. И оно будет зафиксировано — для будущих биографов.

Вот, сижу, жду известий.

А вообще я сейчас живу в пятидесятых годах — переписываю свои тогдашние записи об А. А.

[1] Л. К. по договору с Лениздатом готовила к печати отдел стихотворений и поэм в сборнике Анны Ахматовой. Сборник вышел в 1978 г., имя Л. К. как составителя и комментатора было снято редакцией.

[2] Суд разбирал судьбу ахматовского архива. Об этом см. также примеч. 1 к письму **248**.

[3] Е. А. Савельева — судья, приговорившая Иосифа Бродского к ссылке и принудительному труду.

290. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово[1]
3.3.69

Дорогая Лидочка!

Я выполз, выкарабкался из-под той страшной глыбы, из того гнета, который лежал на мне весь декабрь и январь. Вот как мы стали ранимы, как мало надо, чтобы впасть в такое состояние, и как много значат наша воля, наше решение, наш суд над самим собой.

Отказавшись от мысли дописывать полу (четверть) правдивую повесть, я сразу почувствовал облегчение...

Тут немалую роль сыграли, сами не ведая того, Вы и то веселое лицо, за которое я очень-очень Вам благодарен.

В ужас, в уныние прихожу, когда вспомню, сколько лет ушло даром, сколько сделал полу- и четвертьправдивого, а то и просто лживого. Не утешает и то, что — не я один.

Вероятно, выйдет мое собрание. Это даст возможность какое-то время работать, чувствовать себя свободным. А вообще — не только не радуюсь, а, бывает — стыжусь. В самом деле, разве не стыдно выходить, когда лежат под спудом книги А. И.?[2]

И много ли стоящего я сделал?! Отмеченная Вами «Маринка», может быть, «Часы», кое-какие воспоминания, «Наша Маша»... Еще два-три рассказа. «Республика Шкид» — полуправда. «Ленька» — четверть. «Американскую кашу» я, по совету К. И. из собрания выкинул, выкинул и гэдээровские путевые заметки.

Лидочка, Вы ни слова не сказали о себе, о том, что делаете. «А. А.» кончили?

Я дважды этой зимой был на могиле Анны Андреевны. 5-го не пойду, вероятно[3]. Знаете ли Вы, как ужасно «оформили» (кто?) ее могилу? Вместо простого, строгого деревянного креста — какой-то редкостно-старинный, железный, кованый. На нем сидит зачем-то, КАК на комоде, выкрашенный в *натуральный* цвет сизый керамический голубок. И все остальное в таком же не *ее* духе.

PS. Меня интересует такой вопрос.

Я знаю, как трудно такому большому таланту, как А. И., жить без читателя (широкого), но ведь писателю нужны не только читатели и почитатели, но и критика (Вы понимаете, конечно,

что я имею в виду не Кожевникова или Корнейчука). Принимает ли он ее? Терпим ли он к ней? Когда-то я спорил с Александрой Иосифовной, которая критиковала с присущею ей нервностью некоторые страницы «корпуса». Я не соглашался. А на днях слушал по радио (кстати сказать, в отвратительном чтении диктора) страницы, где рассказывается о каком-то «романе» Костоглотова, и был огорчен тем, что эта «история любви», сохраненная мужской памятью автора, но не одухотворенная его талантом, пошла в такую широкую аудиторию. В последнем романе таких страниц я не заметил, там все на уровне ЕГО таланта.

PPS. Сегодня писал в Лен. Детгиз об Александре Иосифовне, об очередной гадости, которую с ней учинили. Вы знаете, вероятно, что книгу Раи Васильевой поручили делать другим[4].

Вряд ли мое вмешательство поможет, но — авось!

[1] Письмо послано с оказией. Оригинал находится в РНБ.

[2] Речь идет об А. И. Солженицыне, который к этому времени был полностью запрещен к изданию в СССР.

[3] 5 марта день смерти Анны Ахматовой.

[4] А. И. Любарская была первым редактором книг Раисы Васильевой «Фабричные-заводские» и «Первая комсомолка». Подробнее о Р. Р. Васильевой см. примеч. 3 к письму **261**.

291. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/III 69. (День рождения Т. Г. и Ф. А.[1])

Дорогой Алексей Иванович, постараюсь ответить на Ваш вопрос.

Он — человек чрезвычайно умный и потому критику любит, ценит, очень обдумывает. Мелким самолюбием, к счастью, не ослеплен. *Хочет* критики. И, при этом, к сожалению, Вы попали в больную точку: с критикой неблагополучно.

Причины сложны.

Прежде всего: работает он по 12—14 часов в сутки. (Я не преувеличиваю.) У него «план», от которого он не отступает. В этот «план» входят и дни не рабочие, но они тоже наполнены и переполнены. Поэтому критиков своих он ставит в положение ответственнейшее, да и технически труднейшее. Не всякий способен выдержать требуемые темпы.

Но даже и не в этом главная трудность — во всяком случае, для меня.

Мой жизненный опыт, по сравнению с его, микроскопичен. Когда какая-нибудь его мысль, какое-нибудь обобщение, кажутся мне ложными — в ответ он опрокидывает на меня груду фактов и груду книг. Трудно критиковать, чувствуя свое невежество, свою неосведомленность в вопросах, на которых он, как говорится, «зубы съел».

У него не только жизненный опыт другой (и огромный), у него и *пути мысли* совсем другие. Даже к тому, в чем мы совпадаем, он пришел другим способом, по другой дорожке. Вот я, Александра Иосифовна, Туся, Фрида[1] — все мы при разнице характеров, люди одного типа образования, уровня интеллигентности; мы на один и тот же манер, любим, скажем, стихи — и список любимых поэтов у нас в общем один, хотя и с вариантами.

Он любит вещи другие, не любимые нами или даже незнакомые нам, а нашими любимыми он не живет. И многого просто не знает. (Хотя вообще узнает все, что хочет узнать, со сверхъестественной быстротой и легкостью. Он образован, но читает то, что ему *нужно*, а «просто так» — нет.)

Слух к языку гениальный. Вкус, на мой взгляд, недостаточный. Иногда на его суждениях видишь печать провинциализма, дурного воспитания, убогой среды.

Анна Андреевна когда-то говорила мне:

«— Лев Толстой, конечно, был полубогом, но иногда в него вселялся дух одной из его тетушек».

Так и тут. Гениальный ум — и вдруг вы чувствуете душевные и умственные навыки, суждения, всосанные с молоком матери в провинциальном южном глубоко обывательском городе. И становитесь в тупик от неожиданности и досады...

И еще одна беда с критиками: их поневоле *мало*. Хоть он и старается выслушивать *разных* людей, но — но — нелегко удовлетворить это желание.

Однако, повторяю, слушает он с жадностью, без предвзятости, и соглашается нередко.

Живет он трудно, очень жестоко к себе и доблестно. Оторвавшись от работы, приезжает в Москву по делам и старается в 3 дня прокрутить то, на что надо по меньшей мере дней 10. По

улицам не идет, а бежит, с друзьями говорит скороговоркой: ему некогда, он торопится обратно, к прерванной работе, домой. От спешки и городской жизни, которую он не переносит, у него мгновенно повышается давление, он перестает спать... А домой надо привезти отсюда (кроме материала для работы) продукты: и вот он стоит в очередях, покупает колбасу, корейку, батоны (там, где он живет, нету этого), и больно бывает видеть, как он идет к метро с целым возом в руках и за плечами... Человек он — кремень, и если он не желает, чтобы вы ему в чем-нибудь помогли — ни за что не допустит, хоть умри. Если примет от вас какой-нибудь знак внимания, какую-нибудь пустую помощь, мелкий подарок — как рублем подарит. Если уж согласится в кои-то веки пообедать с вами или поужинать — это уж великое снисхождение, милосердие к вам. А то он всегда, в ответ на ваше предложение, уже обедал, сыт, ничего не хочет и все у него есть. И не суйтесь.

А бывает — все эти суровости по боку, и веселый, открытый, как мальчик. И уж не смеется — хохочет. Я всегда вспоминаю в таких случаях строчки Блока:

Какое детское веселье
Зажгло суровые глаза[2].

Впрочем, на людях, при посторонних, он всегда носит маску бодрости. Утомленным редко позволяет видеть себя.

Все это я пишу *Вам*, только Вам, дорогой друг, потому что я уже имею опыт, уже видела, как самые простые вести о нем превращаются в глупых устах в черт знает что и глубоко его ранят. А ран у него и так довольно, и без яда сплетен.

Если бы я верила в Бога, я молилась бы за него. А так — только могу беспрерывно тревожиться — и то про себя... Вслух — запрещено.

Вы спрашиваете, кончила ли я Ахматову, т. е. свои записки. Нет; и неизвестно, кто из нас раньше кончится: я или они?

Вы читали 38—41.

Затем будет Ташкентская часть: 42 — я ею займусь в последнюю очередь.

С 42 по 52 мы с А. А. не встречались.

Я начала с 52 (пропустив Ташкент) и должна дописать до конца, т. е. до 66 г.

Сейчас я в 56...

Это еще груды работы, годы работы.

А потом еще, если останется время, я бы хотела написать статью о поэзии Ахматовой.

А пока я бы хотела, чтобы вышла ее книга в Лениздате. Но — ничего в волнах не видно — и это гнусное безобразие отбивает охоту не только работать, но и жить на свете.

Живу, так сказать, в дисциплинарном порядке. Заставляю себя: жить.

Еще хотелось бы когда-нибудь написать книгу «Последний год жизни Герцена». Но на это уж наверное не хватит либо жизни, либо зрения.

Вы пишете, что обратились в Детгиз с письмом по поводу Раисы Родионовны и Александры Иосифовны. Да, и книгу и право Александры Иосифовны надо спасать. Я должна на днях увидеться с зав. прозой «Нового Мира» — попробую, не перепечатают ли они чего-нибудь из наследия Васильевой с Шуриными строками. Может быть, это что-нибудь сдвинет?

Я хотела бы написать Пискунову, но для Пискунова я — «не авторитет», а напротив.

На могиле А. А. все поставил Лева. А нужен, конечно, простой деревянный крест. Он ей идет. И когда она писала

Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать[3], —

то уж, конечно, простой, деревянный, а не чугунный с крашеным голубем...

Но мальчик-то оказался не зоркий.

(А суд все-таки окончился справедливым решением и я рада.)

[1] Т. Г. Габбе и Ф. А. Вигдорова.

[2] *А. Блок.* Возмездие. Гл. 1.

[3] Анна Ахматова. «Буду тихо на погосте...» (1915).

292. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
8.IV.69 г.

Лидочка, я не поблагодарил Вас за великолепный портрет (устный портрет), написанный рукой любящей и беспощадной. Не следовало только, пожалуй, предупреждать меня о некоторых вещах, например, о силе и токсичности сплетни.

Я знаю, что врагов и слепых не меньше, чем любящих и понимающих.

Лидочка, Софья Игнатьевна[1] с восторгом говорила мне о тех новых страницах «А. А.», которые ей удалось прочесть. Могу лишь завидовать ей. И — Вам, работающей с таким подъемом, несмотря ни на что.

Об Александре Иосифовне и Раином лит. наследстве я писал гл. редактору Лендетгиза Агапову. Как и следовало ожидать, этот человек не откликнулся на мое письмо. Это — тот самый, который поучал молодого редактора, что главная задача работников издательства — «вытравить остатки маршаковского духа». Третьего дня был у меня С. М. Алянский, — по его словам, и Пискунов, и все его ведомство стоят на таких же позициях.

Но — *надо* жить и работать! Будьте здоровы, дорогая Лидочка!

[1] Софья Игнатьевна — Богатырева.

293. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/IV 68 [69] [1]

Дорогой друг, Вы напрасно обиделись за предупреждение мое о сплетнях... Господи, Вы — и сплетни, это, разумеется, в моем уме несовместимо. Но человек, о котором я писала Вам, необыкновенно придирчив; его раздражает, если кому-нибудь становятся известны такие жгучие факты, как то, например, что он любит грибной суп и не ест фасолевого или наоборот. Вот почему я сочла необходимым предостеречь Вас — о степени его в этом смысле педантизма и ранимости. Если я сделала это неуклюже, то извините меня.

Еще слово — о другом писателе, Пантелееве. В предпоследнем письме Вы с помощью критической дубинки расправились с большинством его вещей; оставили, кажется, три: «Маринку», «Часы» и «Нашу Машу»... Я согласиться с этим никак не могу. А «Республика»? Когда она вышла, я жила в Саратове — мне прислали ее друзья, пораженные ее резкой правдивостью. Правоверные педагоги всегда не терпели ее по той же причине. А Вы на нее замахиваетесь! Я уверена, что Детгиз ее и сейчас не терпит. Ей присуща некоторая узость схемы, но правдивость характеров, ситуаций, всего воздуха — так и прет. Затем «Пакет». Превосходная книга — сказка, полная реальности. А «На ялике»? А «Долорес»? О мемуарах, о ленинградских дневниках уж и не говорю. В сущности, у этого писателя я не люблю 2 вещи: «Кашу» и «Памятники». А вы замахиваетесь!

Тем не менее, хорошо понимаю, что Вы сейчас переходите на какую-то более высокую ступень — требований к своей душе — и радуюсь этому... Но и прежнего не отдам.

Последнюю неделю я опять впала в бессонницу, в снотворное, а потому в некоторую депрессию. Надеюсь выбраться. Причины две: 1) весна 2) побывала на предвыборном собрании в Союзе. Я приехала, чтобы только голосовать, но, к сожалению, застала еще речи. А на следующий день оказалось, что кроме гнусных речей были еще гнусные махинации с бюллетенями и урнами, так что 3 члена счетной комиссии отказались подписать протокол.

Есть отчего погрузиться во мрак!

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю — у Л. К. описка в годе.

294. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Каменный Остров
2.V.69 г.

Дорогая Лидочка!

Сегодня ко мне должна прийти Люша, и — в ожидании этого радостного события — прислушиваюсь к шагам в коридоре — я взялся за перо, чтобы написать Вам — о том, о чем не решался писать, имея в виду Шпекиных[1]. Много раз думал: была бы ока-

зия! А вот она появилась, и я не сразу вспомню, о чем же хотелось писать в чаянии свободы.

Вероятно, только об этом чаянии.

Вы пишете о какой-то новой ступени, на которую я шагнул.

Да, в общем-то шагнул.

Это — та ступень, когда физическую (настоящую физическую) боль доставляют малейшая фальшь и малейшая неправда. Когда не хочется (и не можется) заниматься *сочинительством*. Как Вы понимаете, к такому состоянию приводит не только возраст...

Впрочем, сейчас я вообще не могу работать. Уже десять дней нахожусь в клинике (в клиническом санатории), где меня исследуют по всем меридианам и параллелям.

Все эти исследования и анализы отнимают столько сил, что остаются только крохи на самое неотложное — на те письма, на которые нельзя не ответить.

А что-нибудь посерьезнее, и уже мне трудно. Грозят прислать корректуру 2-го тома, и я уже пугаюсь. Но это, конечно, не самое страшное и не самое опасное. Опаснее то, что, заключив со мной договор только на 2 тома, меня просят представить и два остальных. А эти два как раз не могут не вызвать жажду крови у редактора и у цензора. Там — дневники и воспоминания, а в этих последних — неоднократные упоминания о 37 годе, о [нрзб], о Хармсе, Введенском, Белых, Васильевой и т. д. Поэтому я и не форсировал, не пытался ускорить это издание. Чем позже, тем лучше — думал я в ребяческой надежде, что будет поворот к лучшему.

Но издатели, вероятно, сами почувствовали неладное и требуют от меня сдачи всего материала — *до* заключения договора и *до* объявления подписки.

Пока что я требую заключения договора. А что будет дальше, какой тактики мне держаться — я не знаю.

[1] Почтмейстер Шпекин — гоголевский персонаж из «Ревизора».

295. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/V 69

Дорогой Алексей Иванович.

Сколько я ни морщила лоб, чтобы сообразить, как Вам справиться с Детгизом, — я ничего не вы́морщила. (Новый глагол.)

Не умею, не понимаю, как со всем этим быть, — не могу понять, не в силах, как двинуть ушами. Я и относительно себя не понимаю, что мне делать со своей литературой: надо ведь как-то *и* зарабатывать, хоть и немного, а где, как, чем? Книга Ахматовой, сделанная нами, лежит; «Пять писем Маршака» — собственно мои воспоминания о нем — лежат; о сборнике статей нечего и думать. «Лаборатория» не переиздается. Вот и все.

Работаю я — когда работаю! — только над Дневниками[1]. Т. е. бесплатно.

Деньги пока *есть*, но перспектив никаких. А это скучно.

Вам же денег надо гораздо больше, ибо Вы «кормилец».

Ах, как хотелось бы научиться двигать ушами!

[1] То есть над «Записками обо Анне Ахматовой».

296. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
12.VI.69 г.

Дорогая Лидочка!

Да, мне предстоят нелегкие бои за III и IV томы. Буду биться до последнего. Своей рукой не сниму ничего, а чужая, кажется, не вольна в этих ситуациях распоряжаться. Пока что берут убеждением.

О. Ф. Берггольц, у которой в «Избранном» цензура потребовала снять 6, кажется, стихотворений, добилась встречи с Толстиковым, и он, если мне правильно рассказали, убедил ее в приемлемости действий цензора. Будто бы он при этом сказал:

— Зачем Вам нужно об этом вспоминать? Мой отец тоже был репрессирован, и он никогда об *этом* не вспоминает.

Сейчас я как раз занят правкой III-го тома.

297. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VI 69, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Ольге Федоровне дивлюсь. Насилие есть насилие — и бывает, что все мы сдаемся, потому что выхода нет — но дать себя в этом пункте *убедить*! Вот на это воображения у меня не хватает.

Книга Ахматовой в Лениздате ни с места. Я очень горюю.

Свое пишу, но очень медленно, потому что нужно много справок в Библиотеке, а все заняты, а я в Библиотеку не ходок (лестница).

298. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
17.VIII.69

Дорогая Лидочка!

Ваше письмо, вернее, Ваши *скорбные листы* (как называли в старину то, что теперь именуется историей болезни) я получил уже давно.

Кузнецова я читал только «Бабий Яр». Талантливо, ярко, хотя и претенциозно кое-где. С автором я знаком не был. А этот Анатоль мне активно не нравится. Что-то стыдное, позорное — во всем, начиная с епиходовско-смердяковского псевдонима[1].

[1] В августе 1969 гг. Анатолий Кузнецов стал невозвращенцем, попросил политического убежища в Англии и выступал по Би-би-си под псевдонимом Анатоль.

299. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

Пиво Воды
30/VIII 69

Дорогой Алексей Иванович.

Я работаю — над «Записками» дальше. Однако мои денежные запасы идут к концу, и надо подумать, как подвести материальную базу под дальнейший бесплатный труд. Переиздать бы что-нибудь! «Былое и Думы»? Сборник статей? Вот переведу в город и начну пытаться.

Но надежд больших не имею.

Мне даже «5 писем Маршака» нигде не удается напечатать. Когда я предложила эту работу журналу «Детская Литература» — мне ответили *не читая*: «У нас все номера заполнены на 5 номеров вперед».

Лежит эта работа в сборнике «Памяти Маршака», но он ни с места уже 3 года, да и Карпова с Лесючевским меня ни за что не пустят.

Все это вздор, а пока я спокойно работаю на крыльце своего домика, в глубокой и сырой тени, под высоченными соснами. Сердце неважно, зрение плохо, остальное в порядке.

В Доме Творчества Ивичи. Иногда, в теплые вечера, мы сидим втроем на лавочке и смотрим на Луну. Не воем, а молча смотрим, хотя иногда состояние такое, что впору бы завыть.

300. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
5.X.69 г.

Дорогая Лидочка!

Давно Вам не писал, простите.

Главное, что не работается, не *творится*. Даже письма не пишутся.

Лидочка, что Вы там написали Е. О. Путиловой о ее книжке?[1] Книгу я при всем желании похвалить не мог, написана она халтурно (о возможностях автора я не говорю), с массой ошибок. Столь же халтурно Путилова сделала комментарии к собранию сочинений. Я об этом ей сказал. А теперь она мне звонит и говорит, что получила «восторженные письма» от Вас, от В. В. Смирновой, еще от кого-то. Неужели Вам и в самом деле понравилась книжка?

[1] Упомянута книга: *Е. О. Путилова*. Л. Пантелеев. Очерк жизни и творчества. Л., 1969.

301. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/XI 69

Дорогой Алексей Иванович, пишу просто так, чтобы еще раз сказать Вам, как я Вам благодарна, как отраден был для меня Ваш приезд, и Ваш голос у гроба, и Ваша рука на кладбище[1].

Я надеюсь, Вы не заболели.

Я тоже пока на ногах.

Но вообще-то — «ни в сказке сказать, ни пером описать»... Я и не пытаюсь.

[1] 28 октября умер Корней Иванович. А. И. Пантелеев приезжал на похороны и выступил с речью на гражданской панихиде.

302. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
8 ноября 1969 г.

Дорогая Лидочка!

В эти дни я много раз слышал: ушла в прошлое целая эпоха, оборвался целый период истории русской литературы... Для меня это тоже так, и больше чем ТАК. Все мы давно знали, что конец приближается, что он может наступить в любой день и час, и я знал это. И все-таки я не думал, что так больно мне будет, что так много огней погаснет и так много пустоты образуется вокруг.

Лидочка, если найдете минуту, — напишите мне. Что решила Люша со своей работой? И как вы все решили поступить с дачей? Вопрос, казалось бы, второстепенный, а почему-то (не «почему-то», конечно) меня он тоже — если не волнует, то задевает.

Есть немало дач и домов, которые не только «орудия жилья», по выражению Гете. Ясная Поляна, Михайловское, Ялта и Мелихово.

Не все дачи и не все дома. Вы знаете мое отношение к Самуилу Яковлевичу. Но вот судьба болшевской дачи Маршаков меня не волновала и не волнует.

Вчера я прочел в «Литроссии» о выходе 6-го тома, «завершающего собрание сочинений выдающегося советского писателя К. Чуковского». Меня это удивило. К. И. писал мне — и не один раз, — что в собрании будет 7 томов![1]

[1] 7-й том К. Чуковский составил из своих дореволюционных критических работ, которые ему не дали включить в Собрание сочинений по цензурным соображениям. Собрание вышло в шести томах, а седьмой — напечатан лишь через 20 лет, в годы перестройки в составе огоньковского двухтомника сочинений К. Чуковского (Б-ка «Огонек», 1990).

303. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/XII 69, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Я живу в работе и болезни; это бы ничего — но, кроме того, в сутолоке, что гораздо хуже.

Описывать сутолоку — трудно и не к чему. Телефон как с цепи сорвался. Люша в отпуске, не ходит на службу, чтобы заниматься делами К. И.; а я ведь была избалована целодневной тишиной, одиночеством; теперь, к минуте моего вставания, дом уже полон народу и *работы*. (Считывают; переснимают; пишут библиографические карточки; кругом растут папки и ящички; скоро в столовой появятся полки и пр.) Люша — чудесный организатор, работает целодневно, все делает умно и самоотверженно, однако у меня бывает такое чувство, что я живу не дома — т. е. в привычной и любимой пустыне, — а в учреждении или на каком-то благоустроенном вокзале, где я всем несколько мешаю и где я никак не могу научиться писать, обедать и выходить на прогулку по-прежнему.

Иногда езжу в Переделкино, бываю на могиле. Там поставили крест. Весною поставят две плиты.

Перечитываю письма К. И., начав с конца.

Пытаюсь продолжать работу над ахматовскими записками. Но войти в прежний ритм не удается.

Хотела бы написать воспоминания о молодом К. И. — каким я его помню, когда была девочкой.

А времени нет — сосредоточенного, принадлежащего мне. Цельного.

Кругом множество сплетен, слухов, толков. Будто меня исключают из Союза Писателей. Будто исключают не меня, а моих близких друзей. Каждый день глотаю какую-нибудь жабу. Приготовила, по просьбе «Юности», публикацию одного радиовыступления К. И.[1]; работа была тонкая, сложная. Вчера известие: снимают мою подпись: «Подготовила к печати Л. Ч.». Подготовила вторую для газеты — его последняя статья — редактор не мычит, не телится — наверное, тоже из-за моей врезки[2]. (Выкинули бы меня — я бы ни слова не сказала. Напечатали бы статью!)

Союз не утверждает Комиссию по наследию — по-видимо-

му, оттого, что я не включила длинного Сережу[3] и даму при свете магния[4].

Сверхрадость превратилась (для меня) в сверхболь[5].

[1] См.: *К. Чуковский*. Как я стал писателем // Юность. 1970. № 1. С. 76—80.

[2] Упомянут К. И. Поздняев. О судьбе этой публикации см. письмо **305**.

[3] То есть С. В. Михалкова.

[4] Упомянута Агния Барто (К. И. часто приговаривал: Агния при вспышке магния).

[5] «Сверхрадостью» назвал Пантелеев в своем письме **283** знакомство с А. И. Солженицыным. «Сверхболь» — тревога за него, т.к. в ноябре 1969 г. он был исключен из Союза писателей, и травля набирала все новую силу.

304. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
12.XII.69

Дорогая Лидочка!

Я сочинил Вам письмо, как раз писал о том, что, не надеясь на обязательность почты, ищу надежной оказии, чтобы переслать Вам копию последнего письма К. И., когда позвонила Люша, и через два часа сама эта милая Оказия сидела у меня в кабинете и рассказывала о событиях, вести о которых к нам, в провинцию, доходили в столь фантастическом искажении, преувеличении и столь радужно приукрашенные, что грустно было после этого слушать холодную правду фактов.

Лидочка, мне грустно было читать, что Вы развинтились, выключились из работы. Все наладится, войдет в колею. Пишите и Ахматову и «Молодого Чуковского»! Не откладывайте, не ждите исчезновения объективных помех, — распишетесь, тогда и помех не будет.

А это вот цитата из моего непосланного письма:

«Дикими слухами полна не только Ваша столичная, но и наша, провинциальная жизнь. То сообщат тебе, будто бы 70 писателей и 350 вольных обратились с протестом в Союз. То вдруг кто-нибудь “своими ушами” услышит, что Леонид Леонов обратился с открытым письмом к Луи Арагону — с просьбой вступиться за попранную честь русской литературы[1]. А то, что В. Каверин пришел в союз и, положив на стол свой писательский билет, “молча вышел”...

И тому подобный бред».

А письмо, которое я послал в Правление, адресовано именно Правлению. В нем нет (мне кажется, нет) слов резких, оскорбительных, задевающих достоинство и т. п. Цель письма — заставить читающих задуматься и — как максимум — одуматься. (Перечитал и устыдился наивности своей.)

[1] 4 ноября 1969 г. по решению шести рязанских писателей Александр Солженицын был исключен из Союза писателей СССР. Чуть позже решение утвердили в Москве. Последовали протесты писателей в России и за границей. Подробнее см. *Слово.*

305. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18.12 69

Дорогой Алексей Иванович.

Езжу в Переделкино. В доме невыносимо, на могиле легче. Там крест и снег. В доме решилась наконец впервые подняться наверх — не в кабинет его, а в соседнюю комнату, где он всегда завтракал, где книги и машинка. Пока глядела в окна и на диван, кресло, стол и фотографии, все было ничего — но когда я увидела на вешалке его зеленую рабочую куртку и халат; да еще в куртке в кармане гребешочек — тут я взвыла и бросилась вниз по лестнице. Хорошо, что я была совсем одна в доме и меня никто не видал и не слыхал.

Комиссии по наследию до сих пор нет. Не могут найти председателя.

Имя мое снимают уже под второй публикацией статей К. И., с совершенной откровенностью сообщая, что если я не согласна — статья К. И. не пойдет[1]. Я, разумеется, согласна. Один раз потребовали даже письменное заявление: «прошу снять мое имя». Я написала.

Выясняется, что я никогда не была знакома с двумя лицами: с Анной Ахматовой и Корнеем Чуковским.

Не знаю, как насчет С. Я. Маршака: мои воспоминания в наборе.

Будьте здоровы.

[1] Речь идет о статье К. Чуковского «Признания старого сказочника», опубликованной посмертно в «Литературной России» в № 4 и 5, 23 и 30 января 1970 г. после

того, как Л. К., которая подготовила статью к печати, подала требуемое редакцией заявление с просьбой снять свое имя как публикатора.

306. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/XII 69

Дорогой Алексей Иванович.

Я с большим трудом одолеваю горе, то есть не одолеваю, а работаю несмотря на. Одолеть его, видимо, нельзя. Но стараюсь хотя бы не плакать, потому что зрения и так осталось мало.

Внешние дела таковы: ждем № 1 «Юности», где должна быть подготовленная мною статья К. И.[1] (т. е. последнее выступление по радио) и какой-то № «Литературной России», где его, подготовленная мною, замечательная статья: как он писал свои сказки. В обоих местах имя мое (публикатора) снято. Редактор газеты[2], к которому ездила Люша, объяснял ей, что он снимает мое имя не потому, что ему кто-то велел «наверху», а потому что так поступить ему велит его собственная совесть коммуниста.

На днях Люша звонила в Союз Воронкову осведомиться насчет Комиссии по наследию, и он почему-то кричал на нее 10 минут, пока она не догадалась повесить трубку. В чем *тут* дело — не пойму.

Из «Советского Писателя» мне возвращают мои воспоминания о С. Я. — ну тут я их винить не могу. Перед самой сдачей в набор Б. И. Соловьев (недреманное око Лесючевского и Карповой) потребовал, чтобы я сняла 2 абзаца

1) о разгроме редакции в 37—39, о гибели людей и книг;

2) о том, как после смерти Сталина, после статьи Ю. Германа, после возвращения книг, С. Я. сказал мне: «Словно замурованную дверь открыли»[3].

Я заявила, что этих абзацев не сниму.

Мне звонили Паперный, Элик, редакторы... Очень мне было тяжело и неприятно. Соловьев предлагал вместо: «работа была грубо оборвана» — «ряды сотрудников несколько поредели»; имена погибших — вон; вместо «книги исчезли с полок на 2 десятилетия» — «на некоторое время», а насчет замурованной двери совсем нельзя. (Хотя она отворилась!)

Я сказала: тогда верните мне статью.

Завредакцией: «Неужели нельзя сесть рядом и найти смягченный вариант».

— Можно было бы, если бы у нас с Б. И. Соловьевым не были разные цели, — ответила я. — Он хочет, чтоб об этом времени писалось возможно туманней, а я — возможно яснее и ярче. Как же мы найдем общий вариант?

Теперь у меня уже никакой связи ни с одним издательством не осталось. Если не считать Лениздатской Ахматовой, о которой можно сказать так:

«Керосину нет и неизвестно».

Не думайте, пожалуйста, что этот сорт бед меня сильно огорчает. Нет, к ним я всегда готова, они ожиданны и закономерны. И на фоне горя они мелки, да и вокруг слишком много настоящих горь. Свежих.

Помните, Соловьев дружил с Фишем, они всегда ходили вместе, и С. Я. говорил:

— Вот идет Соловьев и его фишущая машинка.

[1] См. примеч. 1 к письму **303**.
[2] К. И. Поздняев. Подробно об этом см.: *Процесс*. С. 63—64, 68.
[3] Там же. С. 40.

307. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
5.2.70

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам, был очень огорчен свинским отношением Детгиза к имени и к памяти Корнея Ивановича. О себе, т. е. о свинском отношении ко мне, я уже не говорю. Я не видел макета первого тома[1], не видел (не показали) рисунков, оглавления, примечаний. И вдруг мне присылают сигнал. И я в ужасе: нигде — ни на титульном листе, ни даже в оглавлении не сказано, что вступительную статью написал К. И. Чуковский. Только курсив под самой статьей.

В гневе тотчас пишу директору и редакторше с требованием переклеить первые или последние страницы — хотя бы за мой счет. Директор не ответил, а редакторша звонила Элико, сказала, что в основном тираже ошибка будет исправлена.

Вчера я получил письмо от читательницы из Москвы, пишет, что получила в магазине первый том. Сам я книги не видел, боюсь, что никаких исправлений не сделали, просто не успели (а скорее — не захотели).

(Между прочим, вчера я проглядывал статью «Пантелеев» в шестом томе Корнея Ивановича и обнаружил там ошибку полутехнического порядка. Корней Иванович в этом издании выбросил из статьи «Пантелеев» шестую главу, а нумерацию глав не исправил, так что после главы V сразу идет VII.)

Статью Корнея Ивановича «Признания старого сказочника» в двух номерах «Литературной России» я читал с большим удовольствием.

Чем закончились Ваши переговоры с «Советским писателем»? Вы знаете мое отношение к подобным вещам. Моя «доктрина»: максимум возможного.

С другой стороны, я хорошо знаю, что — сунешь палец, всю руку отхватят. У меня это все впереди: III и IV томы.

Мои воспоминания о С. Я. тоже не пойдут в этом сборнике. Элик и другие составители выбрали из моего «Маршака в Ленинграде» одни только «благополучные», правильные и праведные страницы, так что от Маршака ничего не осталось, и я предпочел вовсе не печатать эту манную кашу.

[1] Речь идет о первом Собрании сочинений Л. Пантелеева (Л., 1970—1972).

308. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
19.2.70 г.

Дорогая Лидочка!

Письмо Ваше от 4 февраля с фотографиями — Вашими, Корнея Ивановича и Вани — я получил только что. Спасибо. И за «Юность», и за вырезки из «Лит. России» — тоже.

О «Признаниях старого сказочника» я Вам уже писал. «Как я стал писателем» — пожалуй, еще прелестнее. Несколько снимков из серии «Чуковская — Халтурин» у меня есть. А двух не было.

О какой *посылке* Вы говорите? О фотографиях Корнея Ивановича, на одной из которых он и в самом деле не идет, а уходит? Я сразу же, по-моему — в тот же день написал Вам, поблагодарил Вас.

Поблагодарить Вас я должен и за присылку заборной литературы[1].

Ох, как мне тошнехонько стало.

С Успенским я здороваюсь. В августе позапрошлого года, к моему 60-летию, он напечатал умную (и, увы, лестную для меня) статейку о моих книжках. Недавно ему стукнуло 70 лет, и я, как и десять лет назад, поздравил его телеграммой. А ведь я знал, помнил, что в черные годы он вел себя дурно. Приди Ваше письмо вовремя, неделей раньше, и я, вероятно, телеграммы не послал бы. Такова сила прямых «вещественных доказательств»[2].

Здороваюсь я и с Криволаповым (и Александра Иосифовна тоже). В нынешнем Лендетгизе он, пожалуй, самая светлая личность. И как же страшно мне было читать его грязную и грозную маоистскую статейку!..[3]

21.II.70 г.

Живем новостями из Москвы, как всегда неточными, неверными.

Вчера мне сказали, будто ЦК не утвердил решение писательского начальства о «Новом мире». Вчера Ф. А. Абрамов ликующим шепотом сообщил мне в коридоре, что Косолапов «отказался принять портфель»[4].

Я — порадовался, полюбовался этим мыльным пузырем, хотя в глубине души понимал, что это — пузырь, что чиновник, прошедший хорошую школу, взбунтоваться так вдруг — не может.

* * *

Вы спрашиваете, работаю ли я и над чем. Да, работаю, все время, каждый день. Но работаю неважно, без ощущения того счастья или той радости, когда ноги *сами весело бегут к столу* — как работал, по-видимому, всегда, всю жизнь К. И. Пробую писать для маленьких, продолжаю «Горького», пишу статьи и рецензии.

Между прочим, передо мной, кажется, тоже пытаются опустить шлагбаум. Литгазета еще в конце прошлого года и в начале этого заказала мне две статьи. Вероятно, это случилось по неосмотрительности или неосведомленности тех, кто ко мне обращался. Одна статейка (о книге «Дети блокады рисуют», по-

священной авторами памяти К. И. Чуковского) была принята и одобрена, стояла в номере. И не пошла. Другую я не успел послать. Мои запросы остались без ответа. Прежде такого не бывало. Во всяком случае давно не было.

* * *

Вот я какое письмище накорябал.

А я еще хотел сказать о бдительности.

— Люди, будьте бдительны! — в таком переводе без малого тридцать лет печатают у нас слова, заключающие книгу Ю. Фучика. Я всегда думал и сейчас уверен, что это не так, что у Фучика сказано:

— Люди, бдите!

То есть бодрствуйте, не спите.

Так вот — бдите, пожалуйста, люди. Помните, что тать войдет в ваш дом не в образе Мишкевича, или Грибачева, или Антонины Голубевой; тать сделает все, чтобы показаться Вам единомышленником (или единомышленницей)...

А засим — будьте здоровы, Лидочка!

22.2.70

И еще постскриптум.

Вчера мне сказали, что по рукам ходит рассказ «Похороны К. И. Чуковского». Не знаете ли Вы, кто автор. Рукопись надписана: «Литератор»[5].

* * *

Прислали ли Вам из Детгиза мой первый том с предисловием Корнея Ивановича? Если нет и если Вам нужно — я достану и пришлю. Мерзавцы-детгизовцы, конечно же, ничего не сделали, не исправили. Frau Antonoff (как называл ее К. И.), ответственная за этот позор, врет, будто предлагала начальству самолично переклеить первые страницы. Что это за личность, говорит, например, такой факт: в примечаниях к I тому Антонова сообщает читателю, что такие-то и такие-то книги иллюстрировал худ. И. Харкевич (ее муж), а о том, что «Часы» выходили с рисунками А. Ф. Пахомова, упомянуть не нашла нужным.

[1] Письмо послано с оказией. Л. К. сохранила в своем архиве копию стенной газеты, выпущенной в издательстве 4 декабря 1937 г., когда шел разгром руководимой Маршаком редакции ленинградского Детиздата. Эту копию она переслала Пантелееву. О ее содержании см.: *Записки*. Т. 3. Отдел «За сценой». Примеч. 157.

[2] В этой стенгазете была помещена статья Льва Успенского, в которой он писал: «Много лет в Лендетиздате действовала группа вредителей... Высокая квалификация упомянутой выше группы была чистым вымыслом, блефом, уткой...»

[3] Речь идет о статье Л. Я. Криволапова в стенной газете 1937 г.

[4] А. Т. Твардовский был снят с поста главного редактора «Нового мира». На его место назначили В. А. Косолапова.

[5] Автор — Ю. Г. Оксман. Название: «На похоронах Корнея Чуковского». См..: Ю. Г. Оксман — К. И. Чуковский: Переписка. 1949—1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 141—145.

309. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21/II 70

Дорогой Алексей Иванович.

Я сделалась очень неаккуратной корреспонденткой. Но я столько сейчас *читаю* писем К. И. и писем к К. И. и столько сейчас *отвечаю*, что близкие друзья должны извинить меня.

Получила Ваше письмо из Комарова, полное огорчений из-за отсутствия имени К. И. на титуле Вашего I тома. Вы знаете, как болезненно я реагирую на всякое издательское хамство. И это, конечно, хамство (хотя и неумышленное). Но, милый друг, умолю Вас мне поверить: оно гораздо, гораздо меньше, чем мы все — и Вы среди всех, и тот же К. И. — обычно терпели и терпим от издательств.

Ведь подпись под статьей все-таки стоит? Статья не безымянна? Ну что же делать, что же делать... Будем радоваться, что вышел Ваш том и со статьей К. И., как радовался бы этому он. Будем надеяться, что в Вашем томе не окажется более существенных повреждений.

Несколько лет тому назад, впервые после реабилитаций, издательство «Детский Мир» поручило мне составить 2 сборника — Введенского и Хармса. У обоих тираж по 150 тысяч. Я сделала обе книжки. На титульном листе сборника Ал. Ив. [Введенского. — *Е. Ч.*] стоит мое имя, на Хармсе «забыли поставить». Вот так.

Получили ли Вы пакет с фотографиями — К. И. и Ваня, я и Ваня и т. д. — и образчики заборной литературы? Неправда ли, К. И. и Ваня удивительно живые?

Я бываю в Переделкине почти постоянно 2 раза в неделю. Это необходимо — и мучительно — и в то же время физически

лечебно. Я научилась там довольно далеко ходить (если по ровному месту). Зима нынче удивительная — снегу! снегу! и деревья и даже заборы — прекрасны.

Надгробье для К. И. и М. Б. в макете уже готово; очень удачное. Сейчас надо приступать к архитектурному осуществлению, чтобы весною привести могилу в порядок. Пока там снег и крест, заметенный снегом холм.

Первое заседание Комиссии — председатель Лев Кассиль — состоится 3 марта. Вопросов множество: ходатайство о музее, увековечении памяти, издания и пр. Меня не включили. Скажу Вам правду: эта линия Союза, очень отчетливая, подчеркивать, что я не имею к К. И. никакого отношения, доставляет мне живую боль; и еще сильнейшую — то, что даже ближайшие друзья к этой демонстрации остались вполне равнодушны. «Меня не включили в Комиссию», — говорю я. «А-а-а! Но ведь от семьи кто-нибудь есть? Люша? Чудесно!»

— Да, чудесно.

Люшу К. И. очень любил, Люша сейчас совершает для него трудовые подвиги; но, тем не менее, это предстоящее объявление в газете списка имен, среди которых не будет моего — я воспринимаю как пощечину. (И Вашего, и Володиного не будет...) Я все время со стороны Союза ожидала всяких местей и была к ним готова, но месть на могиле — к этому я оказалась не готова совсем. И даже от Кассиля я не ожидала, что он согласится на это.

Герцен называл их: «люди-слизняки», «люди-трава»... Вряд ли Лев Абрамович рисковал бы чем-нибудь, если бы не согласился на подобную мерзость.

У меня к Вам просьба. Я собираю письма К. И. Не пожелаете ли Вы подарить мне *копии* писем? Если согласитесь, то подумаем практически, как это сделать. Можно по-всякому.

1) Вы сами даете их машинистке и посылаете мне машинопись. (Сверив.)

2) Вы посылаете мне оригиналы, с тем, что я, сфотографировав их, возвращаю Вам.

Подумайте!

Приобрели ли Вы нового Лорку, составленного Гелескулом — это чудо, что такое[1].

Читали ли статью Лакшина в № 12 «Нового Мира»?[2]

Что и как в «Новом Мире» — ни в сказке сказать, ни уж, во всяком случае, пером описать[3].

А статья Грибачева?[4] Она очень насмешила и порадовала меня: ведь в самом деле А. И. и жив, и здоров, и даже квартиры не лишен. Мне кажется, это в своем роде расписка, что и дальше так будет. Ну и слава Богу. А что исключили его пять + 27 (или 30! [человек]) и закрывали «Новый Мир» пятеро (даже Суркова и Симонова на это заседание не пустили!) — это уж сущие пустяки. И только подтверждает демократизм. К чему тут 800 человек, как было, когда исключали Б. Л.[5] Ведь время-то другое — не столь молчаливое. Больше одного не собирайся. И демократично и тихо.

Будьте здоровы.

[1] *Г. Лорка.* Стихотворения / Пер. А. Гелескула. М.: Гослит, 1969.

[2] *В. Лакшин.* Мудрецы Островского — в истории и на сцене // Новый мир. 1969. № 12.

[3] «В “Новом Мире” трагикомическая пауза, — пишет Л. К. в дневнике. — Редколлегия уже разогнана: Лакшин и Кондратович работают уже в других местах. Новая редколлегия не пришла: Косолапов... не идет сменять Твардовского, хотя отставка Твардовского уже принята Секретариатом, а Брежнев не заступился. Твардовский и весь аппарат целыми днями сидят в журнале, ожидая смены...» (Дневник Л. Чуковской, рукопись, запись от 20 февраля 1970 г.).

[4] *Николай Грибачев.* Слезы на экспорт. Открытое письмо Генеральному секретарю Европейского сообщества писателей [г-ну Вигорелли в связи с декларацией «по делу Солженицына, исключенного из Союза писателей РСФСР»] // Лит. газета. 1970. 18 февр. Об этом в дневнике Л. К.: «Грибачев в “Лит. Газ.” накатал ответ Вигорелли, протестовавшего от имени Европейского Сообщества Писателей против исключения Солженицына, объясняя, что Солженицын был исключен по всем правилам демократизма (без собрания писателей!), а вот Европейское Сообщество Писателей недемократично...» (Там же.)

[5] Б. Л. Пастернака.

310. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2/II [III] 70[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Посылочкой я называла те фотографии Корнея Ивановича, которые должны были быть переданы Вам. Они переданы, и предыдущие получены — значит, все хорошо.

Мне особенно дорога фотография К. И. и Вани — там К. И. совершенно живой.

Что Вы здороваетесь с Кр.[2] — в этом, мне кажется, беды нет. Он причинил в свое время больше зла, гораздо, чем наш почтен-

ный лингвист[3], но он и перенес очень много и он *просил прощения у всех нас* (через Александру Иосифовну, у которой был). Человек он, вероятно, ничтожный, но он все-таки что-то понял, о чем-то горячо пожалел. Кроме того, ведь он малоинтеллигентен — с него и спросу меньше. Он верил в свою ложь, когда писал ее, а почтенный лингвист отлично знал, что лжет, и понимал, в какой момент и для чего лжет. При этом он образован и далеко не глуп. При этом вот что меня поражает: ему, как Вию, XX Съезд поднял веки и все объяснил печатными буквами — он и после этого не счел нужным признать свою «ошибку», найти слово для С. Я. или Т. Г. или кого-либо из нас.

Когда Тусенька снова должна была прийти работать в издательство, я ей рассказала про всех и про все и спросила: как же она будет общаться, здороваться со всей швалью. Она ответила, что со всеми будет (у них были *необходимости*, они *не смели* поступить иначе), а с одним только лингвистом не будет (я ей показала статейку), потому что он — очень далекий от «Костра» и пр. человек — вовсе не был *вынужден* так поступить, а прибежал петушком, добровольно.

И, в самом деле, публично, при большом стечении народа, не подала ему руки. Спрятала свою за спину и громко сказала:

— Не могу!

Он потом объяснял моей племяннице (мой брат[4] дружил с ним на фронте), что все «маршакиды на него дуются, потому что когда их выгнали из "Костра" — он пришел на их место».

Пошлый лгун.

[1] Датируется по п/шт — у Л. К. в дате описка. Ср. также с письмом Пантелеева от 19—25 февраля 1970 г.

[2] Кр. — Л. Криволапов, назначенный директором Лендетиздата для разгрома Маршаковской редакции. В 1937 г. выступил в издательской стенгазете со статьей под названием «Добить врага! Воспитать новые кадры!».

[3] То есть писатель Лев Успенский. О его роли см. примеч. 2 к письму **308**.

[4] Н. К. Чуковский.

311. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
5.3.70

Дорогая Лидочка! Получил Ваше письмо от 21.2.70. Я возмущен, огорчен, очень хорошо понимаю нелепость, оскорбитель-

ность, противоестественность того, что случилось[1]. И все-таки прошу Вас помнить, КТО это сделал, КТО не включил Вас, КТО Вас пытался оскорбить.

И еще одно нельзя забывать, что созданная комиссия — это все-таки орган правления Союза Писателей. Оное правление создает этот орган по образу и подобию своему, иначе не может. По традиции, нарушить которую даже они не решились, включен один «от семьи». Станьте на их место. *Кого* выбрать? Был бы жив Николай Корнеевич — выбрали бы, конечно, его, а не Люшу...

О письмах К. И. — позже.

Впрочем, коротко скажу сейчас. Я не дал письма Самуила Яковлевича Элику для собрания сочинений Маршака. Объясняли это, я знаю, моим недостаточно хорошим отношением к Элику. Нет, Элик и мое отношение к нему тут ни при чем. Просто я вижу в этом — в обнародовании ВСЕХ писем при жизни одного из корреспондентов — какое-то, что ли, оголение, обнажение... Уже одно то, что Элик сидит и читает МОИ письма к С. Я., мне неприятно.

Надеюсь, мне не нужно говорить, что ВЫ для меня — не Элик. И все-таки...

Хочу думать, что мои невнятные объяснения не обидят Вас.

[1] Л. К. Чуковская не была включена в Комиссию по литературному наследию Корнея Чуковского.

312. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/IV 70

Дорогой Алексей Иванович.

Теперь, милый друг, у меня к Вам просьба.

З. Паперный, Люша и Клара — составители сборника воспоминаний о К. И. для «Сов. Писателя». От имени этих составителей я почтительно прошу Вас написать воспоминания о К. И. Срок сдачи — конец 70 года. (Потому что гоним к 90-летию, к 1972 г.) Размер — не более 1 листа; но для Вас, разумеется, сколько Вам будет угодно.

Я понимаю, дорогой друг, что у Вас не было с К. И. той *полноты* отношений, как с С. Я. или Е. Л.[1] Но Вы — это Вы

(т. е. мастер), и крупные отношения все же были, а воспоминания ведь можно писать в любой тональности... Ужасно не хочу, чтобы сборник превратился в нечто сусальное и тривиальное («жизнелюбив, отзывчив» и пр.), одним словом, в нечто такое, что сам К. И. называл:

«Чуден Чуковский при тихой погоде».

Пожалуйста, подумайте и отзовитесь!

На прощание — маленький злой анекдот.

Звонил мне fils[2] (так называет Элика Паперный) с невинной просьбой: он, видите ли, окончил *сам* три неоконченные перевода С. Я. из Милна и предлагает мне их послушать! Первые строфы — С. Я. (причем — черновики), а дальнейшие его... Как Вам это понравится? Когда я рассказала об этом Паперному, он вскричал:

— Я вижу, что фис совсем офисел!

Из этого глупого случая я поняла всю сущность поведения Элика: к 50-ти годам он хочет быть членом Союза Писателей. Вот почему он в 64 году не дал мне сделать книгу С. Я. для Библиотеки Поэта — «мой сыновний долг сделать это самому» (что сейчас отрицает); потом мешал Ване и В. В.[3]; вот почему без конца публикует (история с публикацией моей записи беседы с С. Я. за его подписью — которую я случайно увидела и вычеркнула в корректуре: «публикация И. С. Маршака» — и т. д., и т. п. ...) И он *будет* членом СП.

Насчет Ричи Достян. Если у нее есть письма К. И. и она *хочет* прислать нам копии — отлично. Кланяемся в ножки. Если она, к тому же, хотела бы написать воспоминания — кланяемся еще ниже. Мало виделась? Это не причина. Я недавно читала воспоминания В. Некрасова, прелестные — а он виделся всего 2 раза. Сначала, 18-ти лет, пришел к К. И. с письмом от тетушки, по делу. Ему сказали в передней: «К. И. нездоров, как передать, кто пришел?» — «Некрасов». И тут голос К. И. из-за двери столовой:

— Вздор! Уж кому-кому, а мне твердо известно, что Некрасов умер.

[1] Самуил Яковлевич Маршак и Евгений Львович Шварц.

[2] Fils — сын (*франц.*).

[3] В. В. Смирнова.

313. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
29.IV.70

Дорогая Лидочка!

Пишу Вам, пользуясь оказией. Знаю, что письмо не скоро дойдет, и все-таки предпочитаю этот способ общения.

Дело не в почте. Когда я вернулся после болезни в Комарово, на здешней почте мне сказали, что было много писем. Я обратился к (новой, молоденькой и хорошенькой) сестре-хозяйке. Она покраснела, забормотала что-то, порылась в ящике стола и дала мне какое-то письмишко из Дома писателя.

В этот же день одна здешняя услужающая «под страшным секретом» сообщила мне, что «наша Валя работает в Большом Доме, специально поставлена следить за писателями».

Об этом, впрочем, было можно и так догадаться. Прекрасная дама кончила институт, знает языки, до нас работала в интуристе и к нам была «перекинута» вряд ли для улучшения питания или улучшения банно-прачешного хозяйства Дома.

Одним словом, Ваше письмо (и несколько других, в том числе от одного заключенного) не было мною получено. Именно то, о котором Вы пишете.

Да, я знаю, что с письмами К. И. (как и со многими другими) надо что-то сделать, *снять копии*, что ли. С письмами С. Я., которые я в свое время не дал «Фису» и которые хранились у меня в особых папках, произошла загадочная история. Задумав одну работу — меморию, я не доискался нескольких писем, проще говоря, они пропали. Как это могло случиться — не ведаю. Среди писем С. Я., как Вы понимаете, не могло быть таких, какими интересуется начальство.

Такой «прецедент» заставляет меня серьезнее отнестись к Вашим словам. Да, надо сделать копии. Но КАК это сделать, не знаю. Сейчас у меня нет для этого ни сил, ни времени. Если милая Люша будет в Ленинграде, мы с ней этот вопрос обсудим.

Теперь о воспоминаниях. Ох, Лидочка, Лидочка!

Конечно же у меня есть о чем рассказать, и я мог бы попробовать написать о К. И. Но — простите меня — я боюсь. Если бы с просьбой написать о Маршаке ко мне обратились в свое время

не редактор издательства «Сов. писатель» (Ленинград), а Элик, или Лия Яковлевна или даже Юдифь Яковлевна[1] — у меня бы не получилось то, что получилось. Или — если бы о Е. Л. я писал по просьбе Екатерины Ивановны[2]. Вы пишете: «боюсь сусальности и тривиальности». Только ли *этого*? К. И. хвалил меня в своей статье за то, что, изображая Маршака, я не написал икону, что любя Маршака, я не пощадил его слабостей. И Вы тоже хвалили меня за это. Но понравится ли Вам, если и его, т. е. К. И., я буду писать тем же методом?

Знаете ли Вы, как дружно ополчились на меня все родственники Маршака. Даже милая и умная Леля прислала мне осудительное письмо! Одним словом, тут возникла дополнительная *трудность*: еще одна, пятая или шестая цензура, самая опасная, потому что за ней больше кажущихся прав и к ней больше прислушиваешься.

Второе. Время неподходящее. О С. Я. (и еще больше о Е. Л.) я писал почти свободно.

А К. И. *требует еще большей свободы*. Ни Е. Л., ни С. Я. не были *деятелями* в том смысле, какой я хотел вложить в свои слова над гробом Корнея Ивановича. Нужно писать о храбрых, смелых, мужественных поступках К. И. (Как и проявлениях малодушия, лукавства.) Ни о том, ни о другом не скажешь. Все это связано (в моей памяти, во всяком случае) с темой запретной.

И третье.

Я не хочу писать для московского «Советского писателя». Это издательство на третьем или четвертом году жалкого существования сборника «Памяти Маршака» обратилось ко мне с просьбой о воспоминаниях. Я предложил свои воспоминания опубликованные. Редакторы долго решали и обдумывали и наконец написали мне, что «инициативной группе эти воспоминания не нравятся»[3]. В этой группе состоит не только *Фис*, но и З. Паперный, который мне в свое время не ответил, когда я на его просьбу дать воспоминания в тот же сборник (тоже на третьем году существования этой инцгруппы) предложил своего «Маршака в Ленинграде».

Но я заведу тетрадь и буду записывать. Писать буду.

[1] Лия Яковлевна Прейс и Юдифь Яковлевна Маршак-Файнберг — сестры С. Я. Маршака.

[2] Е. Л. Шварц и его жена Екатерина Ивановна.

[3] Речь идет о воспоминаниях «Маршак в Ленинграде», которые печатались в 1966 г. в «Новом мире» и в сб. «Живые памятники» (см. примеч. 2 к письму **257**).

314. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/V 70

Дорогой друг, пишу очень коротко, конспективно, потому что опять больна.

Получила и записочку и большое письмо.

О воспоминаниях К. И. говорил очень точно, защищая Ваши об С. Я. против нападок Элика: «Тут видна такая большая любовь, такая благодарность, что никакие указания на слабости С. Я. — не оскорбляют».

Я знаю, что Корнея Ивановича Вы гораздо меньше знали и любили, чем С. Я., и меньше от него получили — однако Вы все-таки любили его, значит, и в изображении слабостей не можете его (меня) оскорбить. Кроме того, ведь «заказываю» *не я*, а редакторы-составители; так что аналогия с Фисом или Ек. Ив. не параллельна.

Кроме того, скажу Вам так: если художнически и человечески Вас не тянет писать о К. И. — самому нет охоты — то я беру назад свою просьбу. Мне — и нам всем — было бы радостно получить воспоминания Пантелеева. Но Пантелеев свободен.

Что касается истории с Вашими воспоминаниями об С. Я., то я наблюдала вблизи, как бешено против напечатания их в сборнике «Советского Писателя» боролся Фис. Всеми средствами; я вразумляла его по телефону — тщетно; наконец в своей рецензии на представленный сборник Вера Васильевна решительно написала, что без Ваших воспоминаний сборник немыслим, что они — лучшие.

Роль Паперного в этом деле мне неведома. Я ведь его знаю весьма поверхностно; не знаю, хорош ли он — но очарователен (чем-то похож на Шварца, на Ираклия). Когда за столом в разговоре о сборнике воспоминаний, посвященных К. И., было названо Ваше имя — он встретил его с оптимизмом. Вероятно, против Фиса он не мог — хватка не та. Он мягок.

315. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/VI 70, Пиво Воды

Дорогой Алексей Иванович.

Мои внучатые племянники очень милы. Старшая — Маринка — отчаянная хитрюга (4 года), младший — Митяй (1 ½) — простодушен и светел. Ко всем идет, всему радуется. Но я как-то больше привязана к девочке: и потому, что она девочка (!) и потому, что она помнит «п'адеда»: и где он сидел за столом и во что с ней играл у себя наверху и что ей рисовал. Наверное, потом забудет, но пока помнит.

28-го тут должен состояться Костер «Здравствуй, лето!» — К. И. просил устраивать такие праздники для детей и без него. Председатель Кассиль, а настоящий устроитель пресвятой Вл.[1] Должна быть Рина Зеленая, фокусник, жонглер; а из литераторов — Берестов, Паперный, Мошковская, Заходер.

Очень боюсь, как бы Лев Абрамович[2] не притащил своих Поляновских и Яковлевых.

Вообще этого дня боюсь.

Обыкновенно я на этих Кострах не бывала, но на этот раз решила непременно явиться и сесть в первый ряд... Разумеется, если буду чувствовать себя здоровой.

Много забот доставляет библиотека. Там работают равнодушные, вялые люди. Библиотеку К. И. подарил государству, но фактически на ¾ содержал сам; сейчас она государственная и мы никаких прав вмешиваться не имеем — мы имеем право только дарить. Вот и дарим: то ковер, то проигрыватель, то игрушки, то книги, но для служащих это всего лишь морока. Больно видеть, что не посажены цветы, ковры пылятся, книги в беспорядке.

Вы, между прочим, не забывайте библиотеку своими книгами. Шлите мне, я передам. Если бы Вы знали, с какой радостью и благодарностью, даже умилением, пишет К. И. о том ящике игрушек, который Вы прислали когда-то.

[1] В. И. Глоцер, который после смерти К. Чуковского несколько лет помогал устраивать «костры» для детей.

[2] Л. А. Кассиль.

316. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/VII 70, Пиво Воды

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете, *кому* писал К. И. с благодарностью и умилением о присланных Вами игрушках?

Самому себе...

Процитировать *точно* я сейчас не имею возможности, но приблизительно текст такой:

Дата:

«На днях был у меня Пантелеев. Я водил его в свою детскую библиотеку. Он ходил со мною мрачный, хмурый, и я чувствовал себя как оплеванный. И вдруг получаю 2 ящика чудесных игрушек. Какой прекрасный, благородный человек».

За слова не ручаюсь, но эмоциональный накал — таков. И все интонации такие.

Вы спрашиваете также, что именно случилось в 46 году. Полной библиографии плевков у меня еще нету, но пока могу сообщить следующее:

1) П. Юдин. «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского» — 1 марта 44 г., «Правда». (О сказке «Одолеем Бармалея».)

2) Е. Ватова. «Пошлятина под флагом детской литературы» — «Культура и жизнь», 10 декабря 46 г. (О «Собачьем царстве».)

3) Э. Яновская. «О некоторых сказках Корнея Чуковского» — «Советская Педагогика», 1947, № 5[1].

Про нашу квартиру на Кирочной.

Официальный адрес: Кирочная 7, кв. 6. Дом выходит на Кирочную и в два переулка: Церковный и Манежный. Ворота во двор, куда Вы, вероятно, и входили, — в Церковном. Парадное (почти всегда закрытое) — в Манежном.

Церковный пер. одно время был переименован в ул. Радищева — теперь не знаю как. (К. И. острил, что когда-нибудь этот переулок будет именоваться Пятичуковским...[2]). Балкон висит на углу Церковного и Манежного — в метрах 10 от дивной ограды дивного собора, построенного Стасовым.

В квартире родителей я жила вместе с ними все время; и когда вышла замуж, и когда родила Люшу. У нас с Цезарем было сначала 3 комнаты, потом 2, совершенно отдельные. В марте или

апреле 35 г. я взяла Люшу и ушла от Цезаря — «в никуда»; сначала жила у Александры Иосифовны — мы втроем в ее комнате; потом, по совершенно особому случаю, в 35 г. обрела отдельную двухкомнатную квартиру на Литейном, против Фурштадтской, где и жила с Люшей и няней Идой. Оттуда — этак месяцев через 8? — не помню! переехала к Пяти Углам, обменяв свою двухкомнатную квартиру с прибавкой дивной Митиной комнаты (он жил на ул. Скороходова, рядом с Вами) на отдельную трехкомнатную. (Цезарю же К. И. выхлопотал постепенно комнату на Бассейной.)

Смерть Кассиля... Он умер мгновенно, от разрыва аорты, как мой брат. Года два назад у него был легкий парез, от которого он вполне оправился. Люшенька была у него по делам К. И. почти накануне — он был деятелен, бодр, расположен. (Теперь *все* дела остановились: камень для памятника, издания к 90-летию, мемуарные доски, хлопоты о музее и пр. и т. п., и т. д.)

Я знала Льва Абрамовича довольно хорошо — мы года 3 вместе работали в Бюро Секции. Кроме того, он наш сосед — рядом Катаев, следующая дача Кассиль. Он бывал у К. И. и очень его любил. К. И. дружил с его детьми, с его женой, дочкой Собинова, которую знал трехлетней и хорошо относился к Л. А. — тот ему помогал на Костре и пр.

Я его представляю себе ясно, хотя последние 10 лет почти не общалась с ним. От природы он человек добрый, даже деятельно-добрый и талантливый — главным образом талантом журналиста. При этом трусоват и не высокого вкуса. Однажды в Союзе Игн. Игн.[3] делал доклад о повестях и сильно обругал «Васька Трубачева»[4]. Я — в прениях — тоже. Кое-кто защищал. Лев Абрамович был председателем и поддерживал Игн. Игн. и меня. Потом взяла слово m-me Дубровина и объявила точку зрения Игн. Игн. и мою — вылазкой, идеологической диверсией и пр., а «Трубачка» — золотым фондом.

Ночью Лев Абрамович написал покаянное письмо Дубровиной, и утром оно уже было у нее в руках.

...Когда нас вместе выбрали в Бюро Секции, я пришла к нему по-соседски на даче и спросила: зачем он поддерживает таких бездарных и нечистых людей, как Алексин[5] и Яковлев?

«Вы ошибаетесь, Л. К., они оба талантливы», — ответил мне Лев Абрамович.

А все дело было в том, что оба они — холуи при Сереже[6], который тогда уже сильно шел в гору.

(Яковлев вскоре был уличен в плагиате.)

Потом он также тащил в Союз — уж не знаю по какому расчету, но по расчету — Тверского, Макса Поляновского.

Но повторяю, по природе он был человек хороший и хотел добра, а не зла. Помню множество его *добрых хлопот*. Зло же он делал всегда не по собственной охоте, а по наущению, из страха... И когда он позвонил ко мне и спросил, имею ли я что-нибудь против него, как председателя Комиссии по наследию К. И., я от всей души ответила правду: «я хотела, чтобы председателем был не детский писатель, но если Союз непременно хочет *детского* — то Вам я рада».

Люша с ним сработалась мгновенно.

И вот теперь...

Вообще Переделкино место немыслимое. Но я рада, что я здесь. Без меня дом К. И. скорее превратился бы в нечто не *его*, без *его* печати; даже Люша не чувствует так, как я.

Мой молодой Чуковский еще не начат, хотя работаю целыми днями. Но еще не над писанием, увы! а над датировкой его писем ко мне, над ответами на чужие письма.

Добавляю библиографию:

«Бибигон» печатался в «Мурзилке» с № 11, 1945 г. по № 6, 1946, когда был внезапно оборван (так же, как и передачи по радио; радиоцентр получал по 2000 писем в день! — дети слали Бибигону штанишки, плащи и даже поздравления с праздником Октября...). Затем воспоследовало:

С. Крушинский «Серьезные недостатки детских журналов» — «Правда», 29 августа 46 г.

«Могучее средство воспитания советской молодежи» — 21 сент. 1946 г., «Лит. Газета» (об опубликованном в «Мурзилке» произведении Чуковского «Бибигон»).

Статья в «Литер. Газете» о том же — 14 сент. 1946.

Статья в «Правде» — 15 сент. 46.

Кажется 44—46 — все[7].

[1] Даны три ссылки на ругательные статьи о Чуковском.

[2] Вероятно, по аналогии с Пятисобачьим переулком в рассказе А. П. Чехова «Брак по расчету».

[3] И. И. Ивич.

[4] Речь идет о книге В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи», удостоенной Сталинской премии (1952).

[5] О рассказах А. Алексина Л. К. писала: «...зачем же культивировать фальшивый, сюсюкающий дидактизм, доведенный до масштабов столь колоссальных, что рассказ, написанный с благими намерениями, начинает звучать, как пародия?» (*Л. Чуковская.* О чувстве жизненной правды // Лит. газета. 1953. 24 дек.).

[6] То есть при С. В. Михалкове.

[7] Л. К. шлет ссылки на статьи, в которых обругали «Бибигона». В результате этих статей печатание сказки в «Мурзилке» было оборвано.

317. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15/VIII 70

Дорогой Алексей Иванович!

Очень рада, что письмо мое, со справками, не пропало. И еще рада, что Вы побывали у Вани на могиле. Расскажите мне о своей поездке.

После возвращения В. В.[1] из Дубулты, я пошла ее навестить. Посидели на том крыльце, где столько часов просижено мною с Ваней.

За свой визит я была жестоко наказана: В. В. пошла меня провожать и мы встретили — в машине — Федина, который, узнав ее и не узнав меня, вышел из машины, чтобы с ней облобызаться... Я двинуться не могла никуда — стоя несколько поодаль — ибо передо мной было шоссе, на которое я не могла ступить: машины. Я стояла столбом. Наконец К. А. узнал меня и ко мне обратился с какими-то странными светскими вопросами. Я отвечала, не улыбаясь, «да», «нет», твердо помня, что он не может не знать, что Секретариат *не* включил меня в Комиссию по наследию его друга и соседа, К. Чуковского; я старалась ни на секунду не сойти с высоты этого *не*включения. Все это вряд ли доставило радость В. В. ...Впрочем, руку я ему подала, хотя и с горячим ощущением стыда, потому что за два дня до этого нас посетила Сверхрадость[2] (он всегда кидается мне на шею), и мы вместе ездили на могилу... Когда В. В. перевела меня через шоссе и даже довела до ворот (чего не требовалось), я стала срочно принимать всякие сердечные капли, потому что пульс у меня был 140. Но и когда он опустился до 70, и когда миновала целая неделя — я все равно не в силах сообразить, верно я себя вела или нет: ведь это он, он, не напечатал «Раковый Корпус» и исключал

Солженицына. А я все-таки с ним *говорила*, отвечала ему, хотя и с демонстративной сухостью.

Что касается Александра Исаевича — я давно не видала его таким сияющим, сверкающим, счастливым. Он хворал: у него то и дело повышалось давление. Теперь выздоровел; лечил сам себя — голодом, продолжает держаться очень строгой диеты; похудел, помолодел — чудеса. Работает по 10—12 часов.

Вы спрашиваете, когда умерла Мурочка:
в Крыму, в Алупке, 10/XI 31. А родилась 20/II 20 г.

[1] В. В. Смирнова.
[2] Так в письме **283** Пантелеев назвал свою встречу с Солженицыным.

318. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
25.VIII.70

Дорогая Лидочка!

Спасибо за добрую телеграмму, за обстоятельное письмо.

Сцену на шоссе Вы изобразили очень ярко. Понимаю Вас очень. У каждого из нас бывали и бывают такие встречи на шоссе, после чего несколько дней мысленно отплевываешься и отмываешь руки.

319. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/IX 70, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо Вам за Вашу тревогу. Нет, особенно тревожиться нечего: я уже почти выкарабкалась из последней болезни. Во всяком случае, я на ногах. И иногда даже работаю — пишу нечто под названием «Памяти моего отца».

Началась работа странно. Я записывала в блокнот что придется из вспомненного — без всякой связи — крупное, мелкое, словечки, случаи. Пробовала иногда строить план, набрасывать главки — ничего не выходило. В последнее время я навсегда отказалась от снотворных и потому меня терзают лютые бессонни-

цы. И вот, с неделю назад, лежу ночью — и началась диктовка. Абзац за абзацем, главка за главкой мелькает какой-то рассказ. Я думала — вот высплюсь, потом встану и запишу. Но не выдержала, зажгла свет и записала сразу.

И так несколько ночей и дней подряд; черновик черновика, тень тени; пунктир. От этого до реального текста очень далеко.

Но все-таки сейчас мне легче — словно нарыв прорвался.

Сейчас я в Переделкине. Переехала очертя голову, внезапно. В последний месяц мы все время искали сторожиху, но безуспешно. А Митя и Аня с детьми и няней третьего дня переехали в город. Но дом этот оставить в одиночестве — грех. Я и поехала, захватив еду.

Все ахают, охают, а мне здесь отлично. Дом отапливается. Не очень, но чисто. Я совсем одна — оттого-то мне и хорошо. Работаю, хожу по саду... Сегодня 11 месяцев со дня кончины К. И. Приезжали ко мне Володя и Таня[1], мы вместе ездили на могилу. Желтые листья, много цветов, тишина — чудесно.

[1] В. И. Глоцер и Т. М. Литвинова.

320. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

25.X.70

Дорогая Лидочка!

Рад, что у Вас пошла работа над воспоминаниями. Жду и очень хочу прочесть их.

Со мною этого чуда не произошло.

Очень трудно начать писать. Завидую В. П. Некрасову, так легко, изящно и безмятежно любовно написавшего Корнея Ивановича.

Мне следует рассказать об очень сложном моем отношении к К. И. О том, как он мне *не* нравился, и чем *не* нравился, и как случилось, что я вдруг полюбил его. И тут же я должен коснуться не менее трудного вопроса — сложнейших отношений: Чуковский — Шварц.

Можно, конечно, написать попроще, некрологически что ли. Но ведь писать следует (особенно в нашем возрасте) по внутренней потребности.

А тут еще приходится думать о проходимости почти каждого занесенного в тетрадь эпизода (имею в виду не только цензуру, хотя об очень многом из записанного говорить во всеуслышание, вероятно, не рекомендуется).

Знакомое Вам, гнуснейшее состояние, когда топчешься на месте и не знаешь — куда идти и идти ли.

Уже два месяца тянутся омерзительные письменные и телефонные переговоры о III томе. Переговоры, стоящие крови и нервов — собственно, я знал, что все это будет. И все-таки противно. Издатели угрожают, что — или купюры, или придется наполовину сократить этот и IV тома. Юридически сделать они этого не имеют права, но и выпустить книги в таком виде не могут — не позволит начальство.

Вступать в дальнейшие переговоры с издательством я отказался. Теперь жду — что будет.

Простите за невеселое, нервическое письмо.

321. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/X 70

Дорогой Алексей Иванович.

Вот, наконец, Ваше письмо. Оно грустное. Но я рада, что Вы его послали, — я люблю знать во всех подробностях, как Вы живете.

Чем-то кончится Ваше единоборство с издательством? Трудный Вы избрали путь и доблестный. От всей души желаю Вам успеха. А советовать, разумеется, не берусь. По себе знаю, что решать в конечном счете приходится самой.

Понимаю трудности для Вас и в работе над воспоминаниями о К. И. Особенно в той части, которая касается Шварца. О себе, о своих чувствах и о перемене своих чувств в силах написать каждый мужественный и правдивый человек. О чувствах другого человека — несравненно тяжелее. Но, зная писателя Пантелеева, думаю, что *он* справится с обеими задачами.

Вот справлюсь ли я? Сомневаюсь. Задачи я поставила себе труднейшие, а сил мало — и физических и душевных. И зрению уже приходит предел, конец.

322. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 15.XII.70

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам и по многим причинам.

Но главное, почему я не писал Вам, — это то, что я не мог выполнить данное Вам обещание. Не пишется у меня о Корнее Ивановиче. Мешают, как я понимаю, три обстоятельства: неподходящее время, неподходящее здоровье и — неправильно выбранный, трудный и рискованный сюжет. А писать попроще я не пробовал, не хочется. Такое сознательное снижение требований, продиктованное *такими* соображениями, вряд ли вдохновит на добрую работу.

Мои дела с Детгизом обстоят так. Пискунов предложил компромисс: набирать III том по сборнику «Живые памятники». Вообще-то это немалая победа: издательство отказывается от многих своих требований, от многих купюр.

15-го ноября книга должна была идти в набор. Но я написал, что не согласен, что могу разрешить набор лишь с «представленного мною и принятого издательством текста». В результате, как я теперь узнал, том в набор не пошел, «график сорван», делают макет четвертого тома. Но ведь четвертый вызовет, не может не вызвать, еще больших тревог и волнений у издателей. Только поэтому я и не пошел на предложенный мне и, казалось бы, приемлемый компромисс. Помня поговорку о том, сунь палец...

Все это не просто. Пишут читатели. (Ведь том опоздал на год!) Звонит художник: в чем дело? Ему задержали выплату денег по III тому!

Теперь Вы понимаете, в какой обстановке и на каких *нервах* я жил все это время, и, надеюсь, простите мне мое молчание.

323. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/XII 70

Дорогой Алексей Иванович.

Увидев Вашу руку на конверте, я сначала обрадовалась. Но письмо Ваше, милый друг, такое горестное...

И о Корнее Ивановиче Вам не пишется... Это для меня, конечно, великое огорчение; без Ваших воспоминаний всякий

сборник памяти будет плоским. Я видела уже кое-что; не все — худо; однако яркого и глубокого пока ничего нет. Но, милый друг, что ж поделаешь? Я не вправе Вас корить. Лев Толстой уже давно сказал: «писатель пишет не о том, о чем хочет, а о том, о чем может». В Вашем желании я не сомневаюсь; но мешает, значит, что-то извне и внутри.

Не насилуйте себя. Будете здоровы — напишете — если потянет или если вдруг внутри что-то само решится.

Люшенька получила наконец отпуск и мечтала в январе—феврале пожить в Комарове и побывать у всех ленинградских друзей. Но Литфонд отказал в путевке, хотя я ничем не утруждала это заведение вот уже 6 лет. Даже Поликлиникой не пользуюсь. Говорили со мной очень неприязненно, и я жалею, что просила.

(Кстати: Александра Исаевича потихоньку исключили и из Литфонда. «Шалуны!» — писал в таких случаях Герцен.)

324. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
8 янв. 71 г.

Дорогая Лидочка!

Получил Ваше письмо. Потом побывал у меня Игнатий Игнатьевич[1]. Кое-что узнал о Вас. Рад, что свое самочувствие Вы оцениваете четверкой.

Мы в Комарове. Отдых идет не в отдых и работа не в работу — прежде всего из-за Машки. У нее высокое давление, она переутомлена зверски, ей рекомендован «академический отпуск». Это значит, что осенью она пойдет опять в 8-й класс. Она не хочет. И я на ее месте, может быть, не захотел бы. Но в таких случаях решать должны родители и — врачи. А врачи предсказывают, что к апрелю она не выдержит, расхворается, свалится...

Все это время я совсем не работал. Впрочем, *не работал* только на бумаге... Бросить своего «Чуковского» я не могу. Да и другие вещи тоже постоянно в работе. Я ведь тоже *многостаночник*.

14.I.71 г.

Вот какая пауза!
Все из-за Машки.

Часто вспоминаю Вас, Ваш добрый совет восьмилетней давности: не спешить, не отдавать Машку в школу. Ведь она на год моложе почти всех своих одноклассников!

У меня новый этап изнурительной войны с Детгизом. Набор третьего тома рассыпали (как сказал мне редактор). Прислали корректуру четвертого. Здесь, вероятно, придется двинуть в ход тяжелую артиллерию, т. е. искать защиты — в самых высоких верхах.

Не напомните ли Вы мне, какие положительные отклики о «Uberfreude»[2] были в нашей прессе. Писал С. Я. Где? Когда?[3] Еще кто?[4]

Чем кончится эта битва — не знаю. Знаю только, что Пискунов не напечатает больше ни одной моей книжки. Надо искать других издателей и работодателей.

[1] И. И. Ивич.

[2] Überfreude (*нем.*) — «Сверхрадость», так назвал свое знакомство с Солженицыным в письме **283** Л. Пантелеев.

[3] См.: *С. Я. Маршак*. Правдивая повесть // Правда. 1964. 30 янв.

[4] Положительных откликов в печати после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» было много. Писали Симонов, Бакланов, Астафьев, Твардовский и мн. др. Их статьи собраны в сб. *Слово*.

325. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/I 71

Дорогой Алексей Иванович.

Получила Ваше грустное письмецо из Комарова. Милый друг, с Машенькой все не может стать хорошо. Ведь ясно же, даже мне, не врачу и издали, что ей нужен *глубокий отдых*: воздух и сон, сон и воздух и не более 1—2 часов ученья в день. Сначала ей будет обидно «отстать», а потом появятся другие интересы и, главное, *появится* другой ритм жизни, который ее и спасет.

Знаете, мне когда-то вдова Макаренко рассказала об одном его выступлении. Он сказал:

«Вот мы все выдумываем системы воспитания: так надо воспитывать, этак... А на самом деле у родителей и воспитателей одна задача: сохранить к 18 годам нервную систему ребенка в целости и невредимости. Жизнь положит ему на плечи такой груз, что нервы понадобятся целенькие; а мы их в клочки рвем с малых лет».

Все время думаю о подвиге, который Вы сейчас совершаете. Подвиг этот — правый и притом самый трудный для писателя. Почему *правый* Вы знаете сами. Трудный потому, что он — разлука с читателем, а это ведь горчайшая из разлук. Трудный из-за денег. И еще трудный от того, что логика — против. *Как бы* против.

И Вы одиноки в своем решении. (О, если бы мы не были в этом решении одиноки!)

Обнимаю Вас.

326. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
25.2.71

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам, не ответил Вам, не поблагодарил Вас за добрые слова и добрые советы относительно Маши.

Мы так было и поступили: согласились и с Вами, и с врачами, взяли академический отпуск до конца учебного года. Но сделано это было против воли Маши. А она, получив свободу, целый месяц плакала и просилась — да, да! — просилась в школу. И вот уже две недели ходит в этот страшный зверинец. Учиться ей, конечно, легче не стало, — наоборот, она отстала от класса. Но что ж поделаешь! ей нужна среда, сверстники... Она хоть и белая ворона, а все-таки ворона и ее тянет к другим воронам.

327. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/III 71

Дорогой Алексей Иванович.

Я получила Ваше письмо, написанное еще до вечера. А Люшенька рассказывает, что Вы были великолепны, и я теперь с нетерпением жду, когда Вы мне пришлете Ваши воспоминания[1]. Жажду услышать их.

Вы огорчаетесь, что я не пишу дальше об Ахматовой. Да, *почти* не пишу. Я слепну. Очень интенсивно. А мне надо написать воспоминания о К. И. во что бы то ни стало: успеть. Я ни-

когда не умела работать над двумя вещами сразу по причинам душевным, а сейчас не могу и из-за зрения. Мне надо писать и, главное, *читать* как можно *меньше*, чтобы растянуть зрение на более долгий срок. От всякого «свободного чтения» я уже отказалась, но и обязательного — сверх головы. (Письма К. И. и к К. И. и по поводу К. И.; запросы об Ахматовой и мн. др.)

То, что Вы пишете о Шуре, очень горько. Накричать на Элико![2] Я знаю Элико как человека деликатного, доброжелательного, сдержанного; человека большой душевной грации... Но, дорогой друг, я вообще в последнее время очень мрачно смотрю на человеческие отношения. Не на людей, а именно на отношения между. Люди встречаются удивительные, и старые и молодые, я их люблю, любуюсь ими, восхищаюсь, готова преклоняться. А вот отношения между людьми — я имею в виду хороших людей — поражают своей жестокостью, нелепостью, неумелостью, вздорностью, злобой. Люди, даже самые лучшие, лишены основного свойства: понимания друг друга. Великодушие, щедрость, смелость, а понимания — ни на грош. От этого неуживчивость даже между близкими.

С. Я. говорил когда-то — в человеке три стихии: дух, душа, тело. Дух и тело — это нечто благое и сильное. А душа, психология, *отношения* — это ад на земле.

«Другому как понять тебя»[3] — и как *мне* понять этого другого, если мы и физически и душевно — разные? А без понимания и любовь бессильна.

В каждом из нас, писал Герцен, сидит свой деспот, свой Николай Павлович.

А уж когда в нас поселяется болезнь... Уу! Тогда мы понимаем только тех, кто болен совершенно тою же. А как назло, все больны разными... И потому все растет, растет одиночество, разъединение и мечта: остаться бы *совсем* одной, чтобы никому ничего не объяснять про себя: что я могу, чего не могу, почему не могу, что мне нужно, как мне нужно.

[1] В Ленинграде в Доме писателей состоялся вечер памяти К. Чуковского, на котором А. И. Пантелеев читал свои воспоминания.

[2] В непубликуемом письме от 22.3.71 Пантелеев пишет об Александре Иосифовне, что «она умудрилась вывести из себя Элико, человека деликатного и обладающего завидным умением сдерживаться. Стала кричать на нее (в телефон, конечно), что мы из тщеславия держим Машу в немецкой “привилегированной” школе. Маша (а не

мы) держится за этот “привилегированный” вертеп только потому, что там языки, хорошая преподавательница языка, единственное, что Машку радует в школе. А в нормальной школе — программа та же минус язык. Надо же так не знать людей, с одним из которых дружишь больше сорока лет! И ведь за этим криком нет ни любви, ни заботы».

[3] Строка из стихотворения Тютчева «Silentium!» («Молчи, скрывайся и таи...»).

328. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
7.IV.71

Дорогая Лидочка!

Посылаю Вам ту заметку, которую я читал на вечере памяти Корнея Ивановича.

Если бы не Люша, я бы читать ее не стал. Люша благословила и уговорила.

Ваше письмо я получил. В том, что Вы пишете о дурных отношениях между хорошими людьми, — много верного, справедливого. Но всегда ли так было? И если не всегда, то почему именно сейчас? И почему не только среди людей нашего поколения (здесь можно найти объяснение в возрасте, болезнях, истрепанных нервах), но и у молодых?..

329. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/III [IV] 71[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Написала только что 7 писем, диктуя в диктофон. И так заболело сердце, что одно — Вам — позволяю себе писать от руки.

(Диктофон у меня ослепительный, но до чего же я не терплю результат!)

Получила Ваше письмо и воспоминания. Спасибо. В них протестую против одной мелочи: громоздкой чернильницы. К. И. ненавидел массивные чернильные приборы и, когда ему дарили их, кричал: «Что я — присяжный поверенный или зубной врач?» И до конца дней у него не было прибора... Так что уж оставьте просто «чернильница» — если можно.

А вообще-то воспоминания прелестные и, я надеюсь, это только начало.

Вы согласны со мной, что отношения между людьми, даже хорошими, часто бывают дурны, и спрашиваете, чем я это объясняю и почему это так именно теперь. Я не думаю, что именно теперь. Ну, конечно, теперь может быть хуже, чем в другие времена, потому что люди живут скученнее, да и нервы истрепаны. Но это было всегда. Если читать, например, как я читала много лет, письма Герцена к Огареву, жене, второй жене, детям, друзьям (письма не менее гениальные, чем, скажем, «Былое и Думы»; самые гениальные письма из мне известных; надо только пропускать переписку с невестой /30-ые/, а начинать, скажем с 52 г., доходить до 70-го, а потом кидаться в 40-ые) — так вот, если читать письма Герцена к родным и близким, в которых он с гениальной выразительностью пытается им объяснить — себя, их, отношения внутри семьи, гибельность этих отношений и т. д., и т. п. — и все это с великой любовью и абсолютно безо всякого толка, безо всякого результата, то... научишься радоваться чьему-нибудь пониманию чего-нибудь в тебе или своему чего-нибудь в другом — как самому неожиданному счастью, как чуду.

Кроме того, научишься еще более любить и чтить искусство: только оно способно объяснять людям людей.

— А почему так? — спрашиваете Вы.

А потому, что люди созданы по-разному. Они разные. У каждого свой горб, своя мозоль. Хорошее воспитание научает не наступать на чужие мозоли и делать вид, что не видишь чужого горба; это отлично; это делает совместную жизнь выносимой — но ведь по существу это ничего не меняет.

Элико рассказала мне, что Вас сильно рассердил Элик. Да, это злая машина. И, если у Вас есть силы, не уступайте: Ваши воспоминания об С. Я., как К. И. говорил, — «классические», полны любви и очарования. Я спросила у К. И., не находит ли он обидным для С. Я. разговор о деньгах, он ответил:

— Когда вещь написана с такою любовью к человеку, как воспоминания Алексея Ивановича о С. Я. — все можно написать, даже дурное.

И письма они не имеют права вымогать у Вас.

На днях заходила я к В. В.[2] — в Переделкине. Лежит. t^0 38. Боль в голове и в ноге. Тромбофлебит и повышенное давление.

Объясняет:

— Я 6 часов работала с Эликом. Жадный, тупой и грубый человек. (Она ведь делает том С. Я. для Библиотеки Поэта). Торгуется из-за каждой строки. Я так измучилась с ним, что повысилось давление и сделался тромб.

А ведь этот том Маршака — единственное спасение его литературного дела. В Собр. Соч., сделанном Эликом, он загублен, утоплен. Библиотека Поэта — избранное. Это спасение. И хотя В. В. не Бог весть кто, а все-таки потоньше Элика.

К сожалению, все мы в том возрасте, когда за все приходится платить не душевной, а физической раной.

Мне было ее очень жаль, отчаянно.

[1] Датируется по п/шт — у Л. К. в дате описка.
[2] В. В. Смирнова.

330. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
13.V.71

Дорогая Лидочка!

Пишу Вам реже, чем обычно, и реже, чем хотелось бы. Но сейчас не написать Вам не могу. Дело в том, что я согласился сделать для какого-то московского детгизовского сборника статью о своей работе (о ремесле и мастерстве), в этой статье есть главка, где я вспоминаю работу над «Часами». Вы понимаете, что мне крайне важно, чтобы Вы прочли хотя бы эту главу. Всячески щадя Ваше время и Ваше зрение, я должен все-таки просить Вас прочесть или выслушать — то, что у меня напишется. Пишу я со скрипом. Теоретизировать и вообще писать статьи я не умею.

Рад, что мой пустячок о Корнее Ивановиче понравился Вам. Я боялся, что не понравится. Попробую (и уже пробую) в этом духе дальше. Браться же за большой портрет я не имею права.

Печатать воспоминания о Маршаке в сборнике «Советского писателя» я запретил, не подписал и не вернул корректуру. Последнее время только этим и занимаюсь, т. е. запрещениями. Занятие это не такое уж веселое. И не очень прибыльное.

Послезавтра я возвращаюсь в Питер.

331. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/V 71

Дорогой Алексей Иванович.

Нет, это никак не может статься, чтобы я не прочитала Ваших воспоминаний! Очень хочу, жду и *могу*.

«Возможны варианты»:

1) Вы посылаете мне I экземпляр, перепечатанный на свежей ленте, на машинке с крупным, а не мелким шрифтом, через 2 интервала, с хорошими полями. Тогда я читаю сама (через удобнейшую лупу).

2) Вы посылаете мне экземпляр в любом виде, и мне его читают вслух Люша или Фина. Или начитывают в диктофон, а я потом слушаю сколько угодно раз подряд.

Только очень прошу Вас — пришлите не одну главу, а все.

Да, да, очень горько — и неприбыльно! — своей рукой запрещать и запрещать печатанье того, что написано в полную силу умения и от души. (Как Ваши превосходные, щедрые, правдивые, влюбленные воспоминания об С. Я.) Знаю я это — о! может быть, *никто* не знает этого с такою ясностью, как я, и не совершал этого подобия самоубийства, как я. Но я всегда для себя решаю таким способом: когда мне будет больнее — увидеть вещь напечатанной в искалеченном виде или не увидеть ее напечатанной совсем? Вот в зависимости от степени боли и решаю.

Посочувствуйте мне: я на днях вынуждена буду увидеться с Эликом. Сначала ко мне приедет С. С. Чулков (завтра) — показать письма С. Я. ко мне, отобранные для 8 тома, и комментарий. С ним рвался прийти Элик, но я отклонила, сказав, что сначала должна все посмотреть и обдумать сама, а потом уже увидеться с ним.

Не знаю, чем кончится этот визит — каким увечьем. Бедная Вера Васильевна больна до сих пор. Правда, ей лучше, и ее снова из города перевезли в Переделкино, и t^0 уже нормальная, но с ногою еще плохо, и застала я ее лежащей (вчера). И все случилось после разговора с Эликом.

Отпишу Вам, что и как будет.

332. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 24.V.71

Дорогая Лидочка!

То, что я хотел Вам показать, — не воспоминания. Это статья, где я «делюсь опытом». Сборник («Как мы пишем») составляет для московского Детгиза некий А. Вислов.

Теоретик я — никакой. Статьи писать не умею, получается что-то громоздкое, неуклюжее.

Если удастся выполнить все Ваши условия, пришлю Вам эту статью.

Сейчас у меня очень тревожные дни. Мы сделали большую ошибку, когда позволили Маше вернуться в школу, не воспользовались отпуском. Ее спровоцировали, уговорили вернуться. Боялись, что она уйдет из школы, перейдет в другую, и будет скандал. А потом стали делать все, чтобы она не смогла учиться, провалилась на экзаменах. Страшно выписывать на бумаге эти слова, но это так. Вы не представляете, какой это черносотенный вертеп, как люто ненавидят там интеллигентов. Тоже страшно. Ведь ШКОЛА!

Врачи дали Маше освобождение от экзаменов (у нее гипертония и плохо с глазами). Бумагу эту не приняли: опоздали, мол! Хотят, чтобы она шла на экзамены, а там ее провалят — так предсказывают доброжелатели.

Элико борется. У меня нет сил.

Тем более что и другие дела требуют этих сил и нервов.

Вчера из письма Ивича узнал фантастическую новость: вышел IV том моего собрания! (Он где-то прочел оповещение.) Следовательно, издатели сделали то, что казалось мне лишь угрозой, средством запугивания: выправили нежелательное своими руками, «явочным порядком».

Боюсь взять в руки и раскрыть эту книгу.

И что теперь делать? Куда кидаться? В какие инстанции?

Следовало, вероятно, как я сейчас понимаю, реагировать на угрозы, писать куда-то, пытаться предотвратить то, что они сделали.

Но я, признаться, не принял всерьез эти угрозы. Думал — не посмеют.

Сочувствую Вам. Встреча с Эликом — тоже стоит нервов. Я бы не мог. Постучись он еще раз в мою дверь — не приму.

333. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/V 71

Дорогой Алексей Иванович.

Да, и это Школа...

Я чуть не плакала, читая Ваше письмо. Жалко Машеньку, жалко Элико и Вас, жалко — детей.

Герцен когда-то по другому поводу писал:

«Что же вы, анафемы, сделали изо всех усилий наших...»

Насчет IV тома.

Если бы я могла достать его и глянуть! Но некому мне его доставать.

А у меня еще есть надежда, слабая правда, что, может быть, они и не совершили своего преступления.

(Запрещали ли Вы им письменно?)

Что посоветовать Вам?

Я сделала бы так (если издательство поступило бы вопреки моей авторской воле):

1) Написала бы заявление в Охрану Авторских Прав.

2) В Издательство.

3) В Союз Писателей (там есть специальная Комиссия — во главе с борцом за справедливость Грибачевым — по разбору отношений между авторами и издателями).

4) Рассказала бы об этом на писательском собрании.

5) Написала бы письмо в «Литер. Газету».

По закону об авторском праве они так поступать не могут. Они действуют не по закону, а по инструкции, по звонку.

Закон ясен: без воли автора издательства ничего не имеют права ни вставлять, ни изымать.

Но — и тут я подхожу к главному моему пункту — Тамара Григорьевна правильно говорила всегда, что не следует брать на себя ношу не по плечам. Вы больны. Зрение не шутка, а оно вполне зависит от нервов. Что поделаешь! Дух силен — плоть немощна. Бороться — это дорого стоит, и Вы, взвесив свои силы, имеете моральное право на любое решение.

Приведу пример.

Издательство «Советский Писатель» потребовало, чтобы К. И. из книги «Высокое искусство» выкинул 2 страницы, где он говорил о безобразных переводах нашего друга на иностранные

языки[1]. Он сопротивлялся 8 месяцев! (Хотя эти 2 страницы были совершенно мимоходные.) Звонки, приезды редакторов, вымогательства, угрозы рассыпать книгу и пр. После каждого разговора — бессонная ночь, сердечный приступ и пр. Было ему тогда 85 лет... Тогда *я* взяла это дело на себя и уговорила его *снять* эти 2 страницы, чтобы книга вышла. Потому что у него не было на борьбу достаточных *физических* сил.

Вам не 85, но Вы больнее, чем был К. И. А сделать Вам еще надо много. Взвесьте свои *силы* — нервные.

Поговорите с юристом — а потом решайте, сохраняя здравость.

Меня тянет и тянет воевать за книгу Ахматовой, принятую, подписанную к печати, составленную мною и Герштейн с предисловием К. И. и остановленную неизвестно кем и почему. Пока что я только обратилась с письмом к Суркову, председателю Ахматовской комиссии. Ответа нет... И я отложила последующие шаги до осени — пока не кончу Воспоминания о К. И. Иначе они будут сорваны.

Впрочем, работа моя срывается и так разными способами каждый день.

Посещение Элика мне удалось отклонить учтиво. Вместо него — С. С. Чулков прислал мне на просмотр комментарий к письмам С. Я. ко мне и К. И. Комментарий *совершенно безграмотен*; С. С. Чулков — может быть, и неплохой человек, но о литературе детской не знает ничего. Ноль. И вот я сижу, сижу, сижу и не пишу свое, а слушаю чужую галиматью о людях и книгах, которую я не имею права оставить *так*. Люша, Фина, Клара Израилевна пишут и дают справки — хронологические, биографические, библиографические — у меня ни памяти, ни глаз, а Чулков сообщает, что

Шорин написал книгу *«Одноглазки»*[2].

Введенский — сборник *стихов* «Кто».

Бронштейн — *повесть* «Солнечное Вещество»; не понимает обстоятельств, отношений; не видел книг, и вот я уже 10 дней гашу останки зрения этой чепухой.

Теперь насчет Вашей статьи. Вы пишете: «Если смогу исполнить Ваши требования — пришлю». Помилуйте! Какие требова-

ния? Шлите в любом виде; если в «хорошем» — прочту сама, если в «плохом» — прочтут мне.

Шлите непременно!

[1] О переводах «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына на иностранные языки.

[2] На самом деле — «Одногодки». См.: *И. А. Шорин*. Одногодки. Л.: Детиздат, 1936.

334. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
1.VI.71

Дорогая Лидочка!

Посылаю Вам статью о ремесле и мастерстве. Буду благодарен, если вернете рукопись с Вашими пометками и замечаниями.

О моих делах с Собранием я писал Люше. Вы очень правильно сказали о *степени боли*.

Ненапечатанный «Маршак» причиняет мне меньше боли, чем причинил бы напечатанный. Тем более что во всем остальном я битву с издателями выиграл.

Машка сдала немецкий на «5», с утра до глубокой ночи сидит над математикой и мечтает сдать ее на тройку.

Пишите, пожалуйста!

335. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5—6/VI 71

Дорогой Алексей Иванович.

Прежде всего, разрешите поздравить Вас с победой. Ваша статья об С. Я., во всей полноте ее глубины, правдивости и силы, была уже напечатана и еще будет печататься не раз. Изувеченная, она причиняла бы Вам страдание. Да и какого черта врать по указке Элика!

Затем поздравляю Вас с прекрасной и очень нужной статьей, которую я сейчас прочитала[1].

Статья — существенная, своевременная, необходимая.

Благодарю Вас за строки обо мне, преувеличенные, но я верю, искренние. Я тоже о работе с Вами вспоминаю светло, хотя и не могу представить себе, чем тогда в силах была помочь Вам. Но не мешала Вам — и на то ума хватило, и за то хвалю себя.

Самая большая благодарность за пушкинские слова Маршака: «ты сам свой высший суд». А то уж его всякие Теребинские[2] так оболгали в переписывании! Да, он вынужден был сам, своей рукой многое и многих переписывать: Голубеву, какого-то Дитриха, Мирошниченко, еще какие-то обязательные навязываемые (темами) книги. Потому что даже бездарную книгу он не считал себя вправе дать детям неопрятной, *неграмотной*. Были у него и напрасные художнические надежды; писатели-мифы, напр., — Золотовский, да и тот же Мирошниченко. Но ни Житкова, ни Пантелеева, ни Будогоскую, ни Одулока, ни Бронштейна, ни Шорина он не выдумывал и не переписывал; в них он не ошибся; и внушал им: «ты сам свой высший суд». Помогал, толкал, гневался, радовался — да. Поразителен случай с Бронштейном. «Солнечное вещество» не ладилось, пока С. Я. не нашел основы поворота: нашли на солнце![3] И он, и я довольно много работали с Матвеем Петровичем, помогая строить. Но «Лучи Икс» и «Изобретатели радиотелеграфа» Митя уже написал совершенно сам, даже и без моей помощи. Вряд ли С. Я. сделал там более 5 мелких поправок.

Однако статья Ваша несколько уязвима и мне хочется, чтобы Вы ее кое-где укрепили.

I. Мне представляется, что какофонию надо подобрать более отчетливую и бесспорную. Помните, у К. И. пример на *щебсш’и*:

Ах, поча*ще б с ш*околадом!

Уверена, что подобное можно найти и в прозе.

См. подробнее в «Моих Придирках», стр. 2[4].

II. Затем, мне кажется, надо позаботиться о том, чтобы читатель не вообразил, будто Вы говорите о специально ритмической прозе — как у Гоголя, у Белого, у Вас в «Часах» и пр. На самом деле ритм ведь существует *во всякой настоящей прозе*, это один из ее отличительных, обязательных признаков. Ритм — и в «Метели», и в «Княжне Мэри», и в «Попрыгунье». Только здесь он под спудом, а у Гоголя наружу.

III. На стр. 22 Вы пишете:

«Не знаю для чего. Для чего поэзия» и пр.

Не добавить ли тут, что благозвучие и ритм способствуют решению общей художественной цели? Читатель может совсем не замечать, не отдавать себе отчета в том, *почему* страница Пантелеева читается, сама лезет в рот, а страница Пантиелева «не дает себя читать», как говорил К. И.? Читатель может и не знать, что у Пантиелева жена — Зоя Кедрина, а у Пантелеева — Элико; может и не замечать, что одно антимузыкально, а другое — текуче и звучно; а результат — разный: одно не читается, другое перелистывается само.

IV. Не сказать ли (у Вас есть для этого место), что Вы сознаете: это лишь 2 элемента, а не все, но говорите о них, именно о них, потому, что как раз о них всегда молчит критика. (Чтобы читатель не понял так, будто *в ритме* и благозвучии *вся* художественность и заключается.)

Ну вот. Статья чудесная, и я надеюсь получить от Вас сборник в дар. На Чулкова я работала целые 2 недели (письма С. Я. ко мне и к К. И.); это мне *физически* не под силу, надолго отбило от воспоминаний, для которых я еле-еле начала находить *звук*... Чулков оправдывал свои 1000 ошибок тем, что дал мне материал в *сыром* виде. За что же такая жестокость к человеку, который не в силах рыться, искать, вычитывать, проверять? Он, видите ли, по специальности текстолог и о детской литературе не ведает *ничего*. Значит, если взялся — он по специальности халтурщик. Многое он пишет просто со слов Элика. Элик же разбирает архив С. Я. уже 7 лет; сделал десятки публикаций; я думала, он хоть и не понимает, но *знает*, хоть картотека в порядке; нет, и знания равны нулю...

А допустить, чтобы в письмах С. Я. к нам — к Шуре, к Тусе, ко мне, к К. И. все было переврано — мы тоже не можем, пока живы.

А что же делается в безнадзорной части VIII тома? Ведь С. Я. писал не только нам...

Так, значит, Вы пишете стихи. Я тоже... Гм.

[1] Речь идет о статье Л. Пантелеева «Заметки о ремесле и мастерстве», которую Л. К. прочитала в рукописи.

[2] Имеется в виду Н. В. Теребинская. В 1937 г. она участвовала в травле сотрудников маршаковской редакции. Л. К. в своей автобиографической книге «Прочерк»

вспоминает статью Н. Теребинской «Опыт проверки одной книги», в которой она утверждала, что З. М. Задунайская «по специальному заданию врагов вносила вредительские исправления в перевод “Гекльберри Финна”» (*Прочерк*. С. 247).

[3] Подробнее о работе С. Я. Маршака с М. П. Бронштейном над книгой «Солнечное вещество» см.: *Прочерк*. Гл. «Солнечное вещество».

[4] К письму приложены 4 страницы постраничных замечаний Л. К. под названием «Мои придирки».

336. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Võsu
20.6.71

Дорогая Лидочка!

Спасибо Вам за Ваши добрые советы — и за те, что касаются моей статейки, и по делам, связанным с собранием сочинений.

Не все советы я могу принять и исполнить. Писать Грибачеву, например, я не буду — не могу и не вижу даже практического смысла. И в «Литературную газету». И в Управление по охране авторских прав. Если уж писать, то надо, мне кажется, туда, откуда раздаются звонки (о которых Вы упомянули).

Что касается моих «Заметок», то самое верное и самое трудное для меня — это примеры из современной прозы. Чтобы собрать их и найти «безусловные и бесспорные» — нужно с утра до вечера сидеть и читать худую прозу, и выискивать при этом худшее из худшего. А я ведь брал примеры не анекдотические, и не из Кочетова или Панферова, а из писателей вполне приличных: из Абрамова, Тендрякова...

Спасибо Вам и за другие советы. Постараюсь воспользоваться ими, хотя не знаю — нужна ли моя статья. Мне всю зиму надоедали напоминаниями, а тут вдруг, когда наступило время сдавать книгу, очень красноречиво замолчали.

337. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
3 сентября 1971 г.

Дорогая Лидочка!

Сидел сегодня на корточках перед книжными полками, искал какую-то книгу. Попался под руку однотомник Корнея

Ивановича. Начал листать, и вдруг стало так щемительно больно, так ужасно горько... Понял еще раз — всем сердцем, — что любил и люблю Корнея Ивановича. Так не хватает его на этом ужасном свете!

А горького у нас и без того много. Машу, которая 25-го августа очень хорошо сдала алгебру, не приняли в 9-й класс *ее* школы. «Из-за отсутствия мест», — как было сказано в резолюции завуча.

Вся эта история — не для письма, длинная очень.

Секретарь школьной парторганизации, женщина типа Мишкевича, сказала Элико:

— Вам не нравилась наша школа, ну вот — пусть и учится теперь в другой.

Машу устроили в другую. Но она — не ест, не пьет, с утра до ночи плачет. Ей жаль школу, жаль немецкого и других языков, ради которых она до сих пор так мужественно все претерпевала. Мы не знаем, что делать. Боимся за нее. Для нее это был первый в жизни, и такой крепкий, удар. Ведь она так старательно работала все лето — за счет здоровья, отдыха, сна, нервов.

338. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
28.IX.71

Дорогая Лидочка!

Очень я огорчен, что не удалось повидать Вас. Мы были проездом в Москве, много раз звонили на ул. Горького — телефон не отвечал. Ехали мы — представьте себе! — из Швейцарии. Да, из города Цюриха, из того самого Цюриха, где З. И. Лилина покупала когда-то с Надеждой Константиновной Крупской свою голубую кофточку. Помните этот ее рассказ?[1]

Эту туристскую поездку мне предложили порядочно давно, еще весной, кажется. Ехать я не очень хотел, даже скорее — не хотел. Заявление подал ради Элико. Вопрос тянулся, повис в воздухе, заглох. Да нам уже было не до Швейцарии. И вдруг звонок: собирайтесь, едете. Хотя тут уже нам обоим не хотелось ехать, Машка — милая наша дочка — уговорила, упросила нас не отказываться от поездки.

Конечно, было много интересного. Но то, что целых десять дней нельзя было звонить, телеграфировать домой (туристские 17 рублей!) — делало поездку пыткой.

Дома ожидало меня Ваше письмо. Спасибо, Лидочка, за утешительные слова. Письмо Ваше я читал вслух — в присутствии Маши.

Школа, куда она перевелась, вряд ли хуже той, откуда ей пришлось уйти. Но за те 12 дней, что нас не было в Питере, школе вдруг «придали другой профиль»: из радиотехнической она стала торговой, т. е. готовит магазинных продавцов... Опять же, как Вы понимаете, это не совсем то, к чему стремилась наша дочка. А дело это ставится всерьез: прибавили три лишних урока: счетоводство и еще что-то. Два раза в неделю практическая работа в магазине. Где уж тут изучать дома языки?

[1] Этот рассказ Лилиной Пантелеев вспомнил и в своем письме к Е. О. Путиловой: «Память сохранила такую мелочь. Солнечный день. Комната редакции. Злата Ионовна сидит на краешке стола. Ее окружили. Кто-то из молодых редакторш говорит:

— Какая у вас, Злата Ионовна, славная жакетка.

В этой синей люстриновой курточке с маленькой, аккуратной, величиной с трехкопеечную монету заплаткой на локте я помню Злату Ионовну и в губоно, и в редакции...

— Да, — говорит Злата Ионовна, с какой-то мечтательной улыбкой поглаживая залатанный локоть. — Это мы с Надеждой Константиновной в Цюрихе покупали...»

Как вспоминала Н. К. Крупская, первая их встреча произошла в 1904 г. «Лилина была тогда цюрихской студенткой, работавшей в тамошней группе большевиков» (*Е. О. Путилова*. Л. Пантелеев. Л., 1969. Гл. 2: От Леньки Пантелеева к Л. Пантелееву).

339. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
20.X.71 г.

Дорогая Лидочка!

Ваше письмо шло из Москвы в Ленинград семь дней! Боюсь, что виной тому одна фраза из Вашего письма — та, где Вы говорите, что Ваши глаза видят Швейцарию «через оттудошние письма Александра Ивановича».

Кого-то, по-видимому, очень заинтересовало: какой это Александр Иванович живет в Женеве и каким путем, минуя поч-

ту, он переписывается с Вами?.. Надо, вероятно, писать поточнее: Александр Иванович Герцен, умер, письма опубликованы в таких-то и таких-то томах его Собр. соч.

Я второй день лежу, но завтра, наверно, встану, поеду в Союз: 75 лет со дня рождения Евгения Львовича Шварца.

340. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/X 71

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете обо мне.

Трудно ответить.

Я прожила полсентября и вот уже весь октябрь в Переделкине, *одна*, потому что сторожа нет как нет. В город приезжала дважды в неделю на машине: часа на 2, 3. Тут люди, телефоны. Приятно посидеть на своем диванчике и увидеть Люшу. И опять туда... А там так: после снежной бури — 3 дня без света и воды, 5 дней без телефона. Балкон К. И. завален снегом и т. к. он гнилой, а Литфонд его не чинит (вообще ничего для «моей» дачи не делает), то балкон грозит рухнуть... Ищу кого-нибудь, кто сбросит снег. Надо найти женщину, чтобы вымыть весь дом, натереть паркеты, выстирать занавески и чехлы, вымыть и заклеить окна... Каждый день какая-нибудь новая беда: перестал действовать замок в кабинете К. И., — надо идти за «левым» слесарем. Качаются ворота — искать «левого» плотника. Маляра. Испортился котел — Литфонд месяц обещает сменить его, но не меняет и т. д., и т. п. без конца.

В Библиотеке тоже неблагополучно — на этот же и на другой манер.

Я одна, еда в холодильнике, мне трудно доставать оттуда кастрюли, греть.

Приходят экскурсии — по 30, 40 человек — я не в силах подниматься на 2-й этаж и говорить. Но иду. И потом, надо иметь кого-то, кто вымоет лестницу.

Деньги, деньги, деньги.

Пишу я с увлечением, но усталая и не уверенная в удаче. Да и бывают дни, когда обязанности завхоза совсем не дают писать.

Навещает меня Финочка, читает мне вслух, помогает.

Сейчас я впервые приехала в город на 3 дня: меня там, на даче, сменяет Клара Израилевна. Вероятно еще месяц она будет там сменять с субботы по среду; а дальше — что Бог даст.

Когда я живу там, то дважды в неделю на машине езжу на могилу. (Подняться без машины не могу.) Меняю цветы, выметаю листья и сижу на скамеечке. Мне там очень хорошо, спокойно... А вот завтра будут люди, и на могиле и в доме, и я не знаю, как выдержу. Люди — это труднее, чем жить одной в пустом доме, мыть посуду, выносить мусор и искать слесарей. Тишина, а тут будет шум.

Мне бы хотелось жить в Москве у себя и работать, выключив телефон, а на дачу только ездить — на могилу и в его комнаты.

Да видно нельзя никак[1].

Читаю «Дни» Самойлова, «Возраст» Межирова, Бродского. У каждого нахожу нечто страстно любимое. И вообще знаете — мы очень богаты: всем. Замечательная у нас страна.

[1] Строка из стихотворения О. Мандельштама «Куда как страшно нам с тобой...».

341. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
29.X.71 г.

Дорогая Лидочка!

Ваше письмо, опущенное в Москве 28-го, я получил сегодня, утром 29-го. Не понимаю, как это могло физически получиться. Ведь пневматической почты между Москвой и Питером не существует. Но если технику этого дела моя голова постичь не способна, то психологию понять легче. Тому, кто в течение недели исследовал Ваше предыдущее письмо, захотелось блеснуть, показать класс: — Вот, мол, а мы и так можем!..

Могут. Молодцы, ребята!

Все упирается в Машу. Стоит не только упомянуть, но только подумать об академическом отпуске, как на глазах ее навертываются слезы.

Сегодня она училась в школе только два часа. Остальное время торговала в магазине, в бакалейном отделе. Вернулась бледная, измученная, с серыми губами и — в белом колпаке и кителе.

Впечатления дня?

Очень трудно взвешивать вермишель.

342. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26 декабря 1971[1]

Дорогой Алексей Иванович.

У меня к Вам просьба.

Не можете ли Вы прислать в Библиотеку которую-нибудь из Ваших книг в двух экземплярах — один на выставку книг с автографами, а второй — без надписи? Я устраиваю выставку книг с автографами. Надпишите так: «В Переделкинскую Детскую Библиотеку имени Корнея Чуковского», — дальше как хотите и подпись.

В Библиотеке хранятся Ваши книжки с автографами, но я хочу новый... А второй экз. той же книги пойдет на выдачу (тот экз., что без автографа).

И вообще — не забывайте, милый друг, Библиотеку им. Корнея Чуковского...

Я непрерывно собираю для нее книги среди писателей и беру только хорошие. (А не те, какие мешают на полках.) Можно и для взрослых: туда ходят не только ребятишки, но и 9—10-классники, и студенты, и пенсионеры.

И игры нужны, и игрушки.

Я переписываю 12 главу своего сочинения о К. И. Езжу в Переделкино. Много в моей жизни лишнего, и очень не хватает того, что называется «положительные эмоции». Да и зрение хуже, хуже, хуже...

Как Вы, милый друг?

Как — хуже натертой пятки! — история с III томом?

Как-то не поздравляется с Новым Годом... А что счастья желаю, в этом у Вас нет сомненья.

[1] Датируется по п/шт.

343. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.1.72

Дорогая Лидочка!

Конечно, я пришлю книг для библиотеки Корнея Ивановича. Я могу *уделить один* экземпляр своего собрания — напишите, КАК лучше его послать: на выставку или для чтения? Скажу Вам откровенно, я не вижу большого смысла в собирании книг, которые читатель видит, но не читает.

Другое дело (хотя по существу и тут — не очень другое), когда Чехов посылал в Таганрогскую библиотеку *все* книги, которые он получал от собратьев по перу. Это был мудрый шаг. Он и себя освобождал от книг, по существу ненужных ему, и делал доброе дело — помогал библиотеке родного города.

С нетерпением жду Вашего «Чуковского». 12-я глава! Завидую Вам и восхищаюсь Вами.

А третий том должен выйти в январе—феврале.

344. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/I 72

Дорогой Алексей Иванович. Да, я тоже думаю, что показывать детям из-под стекла книгу, которую им не выдают, — безобразие. Но мы так и не делаем. К. И. просил у друзей-писателей по 2 экземпляра какой-нибудь из их книг: одну с автографом, клал под стекло, другую — на выдачу. Стояла витрина с почерком — Паустовского, Маршака, Пантелеева, Габбе и пр. и все соответствующие книги были и на полках.

Пока у меня руки до Библиотеки дошли после кончины К. И. — тамошние неряхи каким-то неведомым способом извели витрину; часть книг с надписью отдали на выдачу, часть заперли в шкаф. Сейчас мы с Кларой все разобрали и мною заказана новая витрина. Ваши автографы существуют, но в сильно потрепанном виде: книги ходили по рукам.

Один Ваш автограф я хочу под стекло. Такую книжку, чтобы еще один экземпляр был на выдаче. Какую-нибудь тоненькую.

А если пришлете собрание — отдам его ребятам, т. е. на выдачу. И любые книги.

Я собрала у друзей очень много — уже более трехсот. И не те, которые им не нужны и мешают, а только *хорошие* — для детей

и для взрослых (к нам ходят и 9-классники, и студенты, и пенсионеры). Вот купит кто-нибудь — собр. соч. Чехова или Толстого — а нам отдает «Хаджи Мурата» или «Вишневый сад». Недавно мне подарили полного Бальзака, кроме 1-го тома... «Пчелы» Халифмана. Пришвина. Прометей[1].

Если будете что посылать — то мне, на городскую квартиру.

Если будете что надписывать — то Библиотеке им. К. Чуковского...

Дубов прислал нам недавно все свои книги. И портрет.

Но если б Вы знали, какой для меня сейчас тяжкий крест — Библиотека. Там можно бы чудеса делать. Я же, в качестве идеологической чумы, служу там главным образом завхозом — то вот лампочки покупаю, то коврики, то игры... Кларочка — тоже посторонняя (хотя ее руками там вбито много гвоздиков) там все чистит, окантовывает портреты, создала комнату К. И. Ее необходимо устроить туда на работу, формально-официально библиотекарем; и я обиваю пороги — но пока тщетно. Там двое; нужна 3-ья единица; для этого надо, чтобы Библиотеку признали клубом (как и есть на самом деле), а для этого надо лечь костьми...

Если бы там была Клара! Интеллигентный, приветливый, любящий детей человек.

Я бы умерла спокойно.

А то сейчас, когда я приношу в подарок самые лучшие книги, я вижу на лицах у библиотекарш — хмурость: надо регистрировать, ставить на полку... Ничего этого они не хотят.

Ох, а еще сколько у меня долгов, мешающих осуществиться главному: дописать воспоминания.

Чтобы задержать конец зрения, я совсем перестала *читать*. Тогда, может быть, еще некоторое время попишу.

[1] Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей», выходивший в издательстве «Молодая гвардия» с 1966 по 1990 г.

345. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

20.I.72

Дорогая Лидочка!

Только что отправил Вам посылку с книгами. Одну книгу я надписал — для витрины. Собрание сочинений тоже, по ошиб-

ке, надписал, но это не значит, что оно — для витрины. Я бы и все другие *свои* книжки надписал — это ведь нисколько не трудно, а читателю, может быть, приятно: вот в какой я библиотеке состою, писатели книжки ей дарят!

Методом, который Вы предложили мне для отбора книг, я пользуюсь уже очень давно. Эти освободившиеся *хорошие книги* я посылаю своим нуждающимся в книге корреспондентам — главным образом в тюрьмы и лагеря, а также некоторым «вольным» читателям, не имеющим, однако, возможности, покупать книги. В библиотеку легче было бы послать деньги. Но ведь это, по-видимому, невозможно, *не положено*.

Кое-что я, как видите, отобрал.

Игрушки (или игры) пришлю, хотя делать это (то есть выбирать и посылать) стало после смерти Корнея Ивановича труднее. В чьи это руки все попадет? В руки тех мымр, о которых Вы так хорошо и с такой сердечной болью написали?!

346. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

20.I.72

Дорогая Лидочка!

Пишу вдогонку только что опущенному письму. Есть ли в Вашей (т. е. им. Корнея Ивановича) библиотеке *Волшебный* фонарь? То есть нужны ли диафильмы?

И нужны ли настольные игры: лото и пр.

347. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/I 72

Дорогой Алексей Иванович. Получила Ваш ящик. Какая радость, какая прелесть! На днях отвезу его в Переделкино и сама посмотрю, как положат Вашу драгоценную книгу с драгоценною надписью в витрину (которую я добыла *сегодня* в одном Музее). Составлю список; его перепишут на машинке под заглавием: «Дар Л. Пантелеева» в двух экземплярах; 1 будет храниться у меня.

Я, конечно, не знаю, удастся ли возродить в Библиотеке какую-нибудь жизнь (это удастся, если удастся устроить туда на

работу Клару Израилевну), — но порядок восстановить удалось; дамы чувствуют свою подконтрольность; когда я живу на даче, то прихожу туда каждый день; она открыта в надлежащее время, прибрана; книги выдаются. Это, конечно, программа minimum, но и это уже для меня радость.

Хлопочу о 3-й единице для Клары; тогда можно будет наладить и кружки, а то сейчас тамошние дамы так торопятся по домам, что ничего там — кроме отдельных выступлений писателей — не устроишь.

А недавно из-за Библиотеки у меня был тяжелый сердечный приступ... Туда явился столяр, т. Симонов, рабочий Городка; принес свои картины и решение Поссовета — устроить выставку. Картины чудовищные: бездарные, безвкусные, малограмотные, в позолоченных, с завитушками, рамах. И это мы обязаны повесить рядом с Васнецовым и Конашевичем, после выставки детского творчества, полотна которой радовали, как полотна Матисса и Ван Гога, какую и международно с гордостью можно было бы показать... Я начала дозваниваться в Область — через 3 коммутатора! — посылала разные SOS друзьям, в Союз Художников и пр. Зав. областным отделом культуры, спасибо ему, прислал специалиста из Дома Народного Творчества, который согласился со мной, что вешать эти картины нельзя. Все кончилось победой — и приступом.

Сложность была еще в том, что столяр Симонов человек очень симпатичный, с самыми высокими представлениями об искусстве. Когда я его спросила, почему он не требует, чтобы выставку его устроили в Чоботах, в новом клубе, он ответил:

— В клубе танцуют, а где танцуют, там не место искусству!

Хоть бы скорее водрузили мемориальную доску! (Ее утвердил Совет Министров СССР, а я заказала лучшему резчику по дереву — она будет из дуба — ученику Фаворского[1].) Может быть, доска, *мемориальность*, будет хранить Библиотеку от вторжений.

Кстати о досках. Необходимо поставить доски в Ленинграде (Манежный 6, кв. 6) и в Москве... Но комиссия (во главе с Атаровым) не делает ровно ничего.

Ответьте: получаете ли Вы журнал «Вопросы литературы»? Там в № 1 довольно интересная подборка писем К. И.; и подбор-

ка, и примечания, в последний момент, разумеется, были испорчены (после всех сверок и договоренностей); называлась она «Не позволяй душе лениться»; примечания были грамотны *все* и пр.; но и в искаженном виде она представляется мне интересной. Если у Вас этого журнала нет — пришлю.

Прочтите также ту, что рядом[2].

Весьма поучительно.

Вы спрашиваете, добрый, щедрый друг мой, какие игры прислать... Жаль мне не Ваших денег, а Ваших сил. Но все-таки с наглостью отвечаю на вопросы:

1) Немецкие книги увы! не нужны.

2) Из настольных игр я недавно подарила лото, Вверх и вниз, шашки и шахматы. Поэтому — любые другие. Может быть, нечто конструкторское? Или настольное — но другое?

3) Волшебный фонарь у нас *есть*. Будем благодарны за любые фильмы... А также за пластинки со Сказками Пушкина — я подарила им проигрыватель и сказки К. И. — но пушкинских в Москве не могу найти.

Если не пришлете ничего, потому что знаю, знаю, как больны и заняты и вообще — буду безмерно благодарна все равно и за книги и *за надпись*.

О доске ленинградской я хочу просить похлопотать Эткинда, который у нас бывает и хорош с Граниным. А о Московской (на нашем доме) и говорить не с кем...

Между тем до 90-летия осталось 2 месяца.

Через «Дом Музей» (несуществующий) прошло уже более 1000 человек...

Вот какие дела.

[1] Две деревянных памятных доски для библиотеки сделал скульптор Д. М. Шаховской. Во время пожара в библиотеке в 1978 г. они пострадали и больше там не висят, а хранятся в переделкинском музее.

[2] Намек на подборку писем А. А. Фадеева.

348. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
2.2.72

Дорогая Лидочка!

Получил и письмо и открытку. Посылаю еще 30 книжек для библиотеки. Тут, главным образом, Географгиз, книги интересные, увлекательные, уводящие ребят от шпионского и тому подобного чтива. Написаны эти книги чаще всего не беллетристами или популяризаторами, а самими участниками путешествий, экспедиций и т. п.

«Вопросы литературы» я не получаю. Буду благодарен, если пришлете этот номер.

Относительно мемориальной доски в Ленинграде, — я думаю, вопрос перед местным Советом должна ставить все-таки Комиссия, а не Гранин (который давно уже не начальство) и не Пантелеев (который никогда начальством не был и не будет). Поддержать ходатайство письмом — это мы, конечно, можем, и многие, я уверен, такое письмо подпишут.

349. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

15.2.72

Дорогая Лидочка! Благодарен за журнал с письмами Корнея Ивановича![1] Какое это увлекательное чтение! Какая прекрасная подборка! И какое приятное мелькание имен: Шура, Туся, Лида, С. Я., Иван Игнатьевич... И Анна Андреевна, и Хармс, и Введенский — и даже Ваш покорный слуга, нижеподписавшийся.

И радостно, и грустно было читать все это.

Сегодня получил Вашу сверхлаконическую открытку с обещанием продолжения. Продолжение последует и от меня: обещанные игры и диафильмы.

Пишите, пожалуйста!

[1] Речь идет о публикации: Письма К. Чуковского разных лет / Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Крысина // Вопросы литературы. 1972. № 1.

350. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22 февраля 1972[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Я уже много написала Вам писем — в уме. Целые благодарственные молебны.

Я ведь понимаю, что такое выбрать, собрать, упаковать, отнести на почту — книги... И фильмы... Что такое очередь, тяжесть.

Крепко Вас обнимаю. Книги уже на полках и их выдают детям. Ваша надпись, раскрытая, лежит под стеклом в центре витрины (махонькой!), которую мне наконец удалось достать.

Корней Иванович был бы счастлив и благодарен. (Он ведь был при избалованности и скептицизме, в то же время чрезвычайно благодарный, памятливый на добро человек.)

31 марта, в 1 [час] дня, состоится открытие мемориальной доски в Библиотеке имени К. Ч.

(Мне надо к этой минуте непременно выздороветь. А я все болею.)

Радуюсь, что Вам понравились письма. (Знали бы Вы, какие выброшены!)

А Вы не посмотрели публикацию, помещенную вслед?[2]

Поглядите. Наводит на интересные мысли.

[1] Датируется по п/шт.

[2] См. примеч. 2 к письму **347**.

351. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
2.3.72

Дорогая Лидочка!

Письма Фадеева я прочел. Страшная подборка. Неужели это — лучшее из того, что можно было выбрать?! Неужели он никогда, ни одной строчки не написал не снимая мундира?

352. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

22.3.72
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Сегодня же я отправил на Ваше имя посылку с собранием сочинений Жюля Верна и с диафильмами. Список диафильмов прилагаю.

Эта моя посылка в память девяностолетия дорогого Корнея Ивановича. Об этом я написал на первом томе (два тома в посылку не влезли, я послал их отдельно, бандеролью).

353. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/IV 72

Дорогой Алексей Иванович.

Как я обрадовалась, узнав от Люшеньки, а потом из рассказа С. Э.[1], что Вы пишете о К. И.

Вы мне ответили: «еще неизвестно, что выйдет» и пр. Все понимаю. Но мне-то известны сила Вашей правды и Вашего мастерства. Вы можете написать лучше и хуже, богаче и бледнее, удачнее и менее удачно. Но Вы не можете написать не по правде.

А правда — она найдет себе верную и точную форму.

Я потому пишу столь бойко и резво, что третьего дня снова отдала машинистке свои 210 страниц воспоминаний о К. И. (I часть; Куоккала). И несколько распрямилась. Правда, когда глядишь на мир, не находясь более под наркозом беспрерывного, непосильного, мучающего труда, то как-то яснее видишь все прорехи, все, чего не доделал.

[1] Сарра Эммануиловна Бабенышева.

354. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
5.5.72

Дорогая Лидочка!

Получил Ваше долгожданное письмо. Рад, конечно, безмерно, что Вы закончили первую, детскую, куоккальскую часть своего

«Чуковского». Тешу себя надеждой, что рано или поздно (и все-таки рано, а не поздно) буду читать эту Вашу работу. В рукописи.

То, что написал я, — уже в Ваших руках и ждет Вашего суда. Не прошу писать все, что Вы думаете, т.к. по-другому никогда и не было у нас. Меня огорчает, что нет пластического портрета, не слышно голоса (если *не* считать цитат из писем, в которых живой голос К. И. звучит необыкновенно). Есть рискованные места (не с точки зрения цензуры, — таких, по-моему, нет) — впрочем, Вы сами увидите.

Я в Комарове до 28-го мая. До этого же приблизительно времени Маша учится. Потом месяц — в магазине (в колбасном отделе, куда она уже твердо определена).

355. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

7/IV [V] 72[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Только что прочитала — кончила читать — Ваши воспоминания.

Пишу сразу, чтобы не растерять мыслей и чувств.

Первое впечатление: сила, мастерство, правда. Некоторые угадки удивительны: например, о ребячливости нравственной; о многозначности. И как мастерски поставлены — вправлены в текст — «работают» письма. И как шевелятся пальцы у Алексея Максимовича!

Второе впечатление: *мало*! Анализ виртуозный; а как однако мало материала, *подтверждающего* этот анализ! Описана, в сущности, *одна* встреча (первая). Затем идут соображения, письма, опять соображения — и будто Вы его больше никогда не видали...

Мало. Мало зримого Чуковского.

И — далее. Я тоже буду верна присяге и скажу Вам правду. Не как автору воспоминаний о К. И. — я в воспоминаниях, в мыслях и ощущениях Пантелеева *ничего не хочу менять* — пусть все так и останется, как Вы написали — я не Элик! — но Вам как другу скажу правду.

Вы — ошибаетесь. Фраза К. И. не была вызвана *завистью*.

Он мог и по-мальчишески и по-взрослому! — позавидовать чему угодно: машине, саду, шляпе, шоколадке, успеху — чему угодно.

Но таланту он не завидовал. Он перед талантом всю жизнь преклонялся. (За собой его не признавая.)

«На меня искусство так действует, что я у художника руки готов целовать» — в письме из Лондона в 1902 г.

«Не может быть большего счастья, чем целовать эту руку, осчастливившую нас, оправдавшую нас» — о Льве Толстом, в статье 1908 г.

Он искренне, вдохновенно, от всей души *обожествлял* талант. Божеству не завидуют.

А его фраза — о тлении (кстати, поправьте — он ее цитировал, не ломая размера, сохраняя не только смысл, но и ритм) — фраза была дежурная[2]. Так же, как и

Старик Чуковский вас заметил
И в гроб сходя, благословил...

И ту цитату и эту произносил часто в разговоре с теми, кто моложе... Это в его устах просто острота, *пустая*. Сострил, не чувствуя себя мэтром, не вдумываясь в произносимое.

И еще одно мое огорчение: мне говорила С. Э., будто Вы собираетесь — собирались! — привести слова Евг. Льв. о его, Евг. Льв., мемуарах, посвященных К. И.[3] По-видимому, Вы раздумали.

[1] Датируется по п/шт — у Л. К. в дате описка.

[2] Речь идет о фразе Чуковского в воспоминаниях Л. Пантелеева «Седовласый мальчик»: «Нам тлеть, вам цвести!..» («Звезда». 1973. № 6. С. 201).

[3] Намек на страницы из дневника Е. Л. Шварца, опубликованные после смерти автора под заглавием «Белый волк» (О К. Чуковском). Подробнее об этом см. в дальнейшей переписке.

356. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
12.V.72 г.

Дорогая Лидочка!

Вы для меня тоже — не Элик. Не считаться с Вашим мнением, не прислушаться к Вашему голосу, я не могу.

О том, что нет (Вы деликатно пишете «мало») зримого Чуковского, что его в *этой* работе не будет, — я предупреждал и Вас,

и Люшу. Это — не от лености и даже не от неумения. Это так получилось, такой жанр — маленький роман в письмах, что ли. У самого К. И. есть воспоминания о Брюсове — сплошь из писем Брюсова. У Вас «Маршак» такой.

Если создается впечатление, что я «никогда больше не видал Корнея Ивановича», — значит, это впечатление неложное. Я действительно редко встречался с К. И. Если с С. Я. или с Евгением Львовичем я виделся тысячи раз, то мои встречи с К. И. я, напрягши память, мог бы, вероятно, перечислить одну за одной.

О Шварце С. Э. напутала. В *этой* работе я не собирался и не мог говорить о его мемуарах. Я сказал С. Э., что на мне, на моей совести висит обязанность где-то и как-то сказать, что Евгений Львович, после одной поездки в Москву и встречи с К. И., признался мне, что в «Белом волке» он был несправедлив по отношению к Корнею Ивановичу, написал не портрет, а пасквиль. Он собирался переписать эту работу. И не успел.

Об этом нашем разговоре я упомянул в воспоминаниях о Шварце (не называя, правда, имени Чуковского)[1].

За тему «Шварц — Чуковский» я брался в течение последних полутора лет несколько раз и — не осилил. Мешает уже одно то, что «Белый волк» не опубликован. Приходится ссылаться на рукопись, на разговоры, опять-таки на письма.

Я написал вчерне еще один очерк о К. И. Там я пытаюсь реконструировать живую речь К. И.

[1] Речь идет о таком отрывке из воспоминаний Пантелеева о Шварце: «...Я имею в виду некоторые его литературные портреты. Два-три из них сделаны грубовато, однолинейно, они жестоки и несправедливы по отношению к тем, кого он писал. Я говорил ему об этом и он соглашался:

— Да, написалось под влиянием минуты. Да. Икс совсем не такой. Я как-нибудь непременно перепишу.

И не успел. Не переписал» (*СС-П*. Т. 3: Шварц. С. 239).

357. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

19 мая 1972. Комарово [Телеграмма]

Прочел Ваши воспоминания. Поздравляю с очень большой удачей. Спасибо. Пишу.

[1] Речь идет о рукописи воспоминаний Л. К. «Памяти детства».

358. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
19.V.72

Дорогая Лидочка!

Думал посвятить Вашей рукописи дня 3—4, а сел читать и — продул рукопись за один день, отложив в сторону все срочные и несрочные дела. Вы уже знаете, Вам не один раз говорили, как хороша Ваша работа. Живой Корней Иванович, молодой, угловатый, нервически-взвинченный, сильный, неуравновешенный, вспыльчивый и веселый, влюбленный в искусство, и вокруг него — Лида, Коля, Боба, другие ребятишки и — Репин, Маяковский, Андреев, Шаляпин. Каждый отчеканен (по выражению К. И.) как медаль.

Внемля Вашей просьбе, я запасся бумагой, накачал в ручку густых паркеровских чернил и приготовился строчить замечания и пожелания.

Но таковых на большую Вашу рукопись оказалось ничтожно мало.

Чаще я писал:

стр. 2, «тиражом в 1 экз.» — прекрасно!

стр. 7, ноги в кармане — прекрасно.

Потом, увидев, что прекрасно почти все, я уже не отмечал эти места, а только те, где мне померещилась ошибка или описка.

В рукописи отсутствует стр. 165-я. Именно здесь начинается, по-видимому, интереснейший разговор о сложном характере Корнея Ивановича.

Потрясают страницы, посвященные отцу и матери Корнея Ивановича. Как хорошо, что Вы о них написали и нашли именно ТЕ слова, какие были нужны.

И большая цитата из дневника К. И. — как много она объясняет!

Во второй половине этой работы Вы уходите в сторону от Куоккала. Это не страшно. Поворот этот законен, интерес читателя ни на минуту не ослабевает. А вот возвращение в Куоккала кажется мне не совсем удачным. Последние 20—25 страниц выглядят не совсем сделанными.

Вообще кое-где я задумался: уместен ли, нужен ли в этой работе анализ творчества Чуковского?

Не подождать ли, когда это сделает «будущий Корней Чуковский»?

От Вас ждали другого — того, о чем никто, кроме Вас, сказать не может. И Вы эти ожидания оправдали с блеском.

Что еще?

Кое-где огорчило меня излишне высокомерное, беспощадно высокомерное отношение к «дачникам». Ведь, по мнению К. И., они *бедные*. В самом деле. Мало того, что они лишены радости сопричастности искусству, их, бедолаг, еще шпыняют. Да еще 60 лет спустя! Нечто подобное, помню, задело меня при чтении Вашей малеевской повести[1].

В некоторых случаях неясно Ваше отношение к той или иной особенности характера К. И. Например, — огорчает Вас или радует то, что он не любил белые чулки, торты, родственников, никогда не целовал детей и т. д.

Лидочка! Надеюсь, Вы разрешите мне задержать рукопись у себя. Хочу показать ее Элико и Маше.

Простите за сумбурное письмо. Спешу. Сейчас уже 20-е. Суббота. Завтра и послезавтра не будет почты.

Лучшие страницы — куоккальское детство, собака, гроза на море, гроза во время карточной игры и т. д., и т. п. Никогда не думал, что у Вас такая зоркая, такая цепкая память на все внешнее. Да, по сравнению с этими страницами последние страницы бледны.

[1] Речь идет о повести Лидии Чуковской «Спуск под воду». Действие повести развертывается в Малеевке.

359. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/V 72

Дорогой Алексей Иванович.

Я — по поводу Ваших замечаний.

Большинство справедливы. Многое по Вашему письму я уже выправила. Кое-что верно, я с Вами согласна, — а попра-

вить, к сожалению, во всяком случае «на данном этапе» — не могу.

Например, неудачность последней главы. Об этом мне говорили и Вл. Иос. и Т. М[1]. Я сама чувствую: там что-то не выстроилось. Но как исправить — не знаю.

Насчет того, что не мне бы давать оценку его критическим работам. Может быть, и так... Но мне хочется возможно скорее высказать три истины:

1) что он критик (во II части, если напишу ее, расскажу, как и почему он *перестал быть* критиком);

2) что писания его должны читаться *вслух* — статьи так же, как сказки;

3) что к его статьям неприложимы измерения: «верно — неверно», потому что они сами по себе — искусство.

Конечно, достойнее было бы ждать, пока это произнесет кто-нибудь другой. Но ведь я тоже немного критик, и мне уж очень хотелось заявить вслух то, чего еще никто не заявлял.

(Заявить все равно не удастся, потому что печатать мою работу не станут. Ну пусть хоть написанным будет.)

Не согласна я, в сущности, только с одним замечанием Вашим: о дачниках.

И о «Спуске».

Я помню, Вы укоряли героиню «Спуска» в надменности, в том, что она одна хорошая, все кругом — плохие. (Я очень огрубляю, конечно.)

По замыслу моему, героиня «Спуска» не столько надменна, сколько одинока, и это черта не ее личного характера или судьбы, а — времени. В то время, которое мы с Вами никогда не забудем, общество было мучительно разобщено (сейчас оно погружается снова в то же состояние); у каждого интеллигентного и чудом уцелевшего человека были 1—2—3 друга, с которыми он мог *говорить открыто*. Кругом же были люди, хорошие или плохие, но *не прозревшие*: зрячие тем самым были обречены на одиночество.

Так и моя героиня. У нее где-то есть подруга, которая пишет: «мы с тобой только две понимальщицы остались».

В действительности их было больше. Но они проходили мимо, не встретясь — средства общения между людьми были подорваны, разрушены.

Героиня «Спуска» ищет братьев, родных, «понимальщиков». Билибин безусловно «понимает» — но он — сломанный человек и вынужден скрывать свое понимание.

Это о «Спуске». Наверное, книга неудачна; но замысел ее — вот такой. А не надменность.

Теперь — о дачниках. Я их в самом деле не любила с детства и не люблю сейчас. Жалеть? Сейчас их в особенности не хочется жалеть, потому что они — на престоле. Хочется жалеть тех, кого они гонят и топчут: художников.

Зла им я не желаю и не делаю. Зла причинять никому нельзя. Но жалеть, любить? Нет.

Зачем мне жалеть Машиных учителей? Я лучше пожалею Машу.

К. И. говорил «бедные, бедные» и был просветителем. Это верно. Однако ведь и это — заказано. Если бы Вы знали, сколько трудностей встречает на своем пути такое скромное и, казалось бы, защищенное дело, как выстроенная им Библиотека! Дачники заняты футболом, телевизором, пьянством, службой, безделием — бедные ли они? Не знаю. Во всяком случае — победоносные.

Вы пишете, что из текста не видно, как *я* отношусь к белым чулкам, тортам, рождениям — ко всему тому, чего К. И. не любил.

Я — никак. Равнодушно. (Оттого и не чувствуется, как.) Я вообще к быту довольно равнодушна, кроме нескольких его сторон, от которых зависит сон, то есть пульс, то есть жизнь. Общаться с людьми почти не могу: от всякого разговора учащается пульс. Значит, первое, что мне приходится исключить, по причинам не принципиальным, а чисто физическим, — это светское общение.

Какие уж тут праздники и торты. (Напр. Костер для меня самоубийство — но это обязанность, я должна.) Если в силах видеть друзей, с тортами или без, и то счастье.

Сегодня я простилась с Иосифом[2].
Очень горько.

[1] Названы В. И. Глоцер и Т. М. Литвинова.
[2] Речь идет об И. А. Бродском, который был вынужден уехать из СССР.

360. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
7.6.72

Дорогая Лидочка!

Спасибо за присланную страницу. Сегодня, вместе с последними страницами, прочли и эту, пропущенную.

Элико и Маша слушали Ваши воспоминания с таким же удовольствием, с каким читал их (а сейчас перечитывал вслух) я.

Конечно, Машке (да и не ей одной) больше всего понравилось куоккальское детство. (Все это — и гроза на море, и покорение страшной собаки, и карты, и усыпление отца, и многое другое — прекрасная проза, готовые главы будущей *книги для детей.*) Одно замечание у Машки было: показалось не совсем естественным то место, где К. И., в ярости догоняющий хулиганов-мальчишек, вдруг останавливается, и — по щекам его катятся слезы. Может быть, Маша права: ярость не может так быстро и прямо перейти в жалость, в сострадание.

Я при вторичном чтении заметил на стр. 214 описку: «Снимок с репинского портрета, написанный Репиным»... Вероятно, речь идет об авторской копии?

Элико и Маша обратили внимание на то, что при перечислении писателей, о которых К. И. советовал Тамаре Григорьевне писать книгу, — почему-то пропущен ихний муж и отец и, обратно, упомянута его близкая приятельница Агния Барто. Сам отец и муж при первом чтении этого не заметил. А сейчас задумался (привычно задумался): почему же «не упомянут»? В связи с чем?

Еще одно Машкино замечание. Когда мы читали то место, где речь идет о гостях, родственниках и т. п., она сказала: «В Чехове его восхищало другое... наоборот».

PS. Что касается «дачников», ненависть к которым Вы пронесли через всю жизнь — от детских лет, то мне кажется, что это просто не очень удачный термин для обозначения понятия, которое Вы имеете в виду. Читатель не поймет Вас и не сможет гневаться вместе с Вами.

У Вас это — и богач, и бюрократ, и индюк, и всякий вообще власть имущий, и всякий бездельник, и вот даже учителя, которые преследуют нашу Машку. А ведь дачник (в наше время во

всяком случае) — это всего лишь несчастный человек, снимающий на 2 или на 3 месяца комнату с верандой или без веранды.

Дачевладелец — дело другое.

Я понимаю, что у Вас дачник — категория не социальная и даже не нравственная, а — эстетическая. Но повторяю: поймет ли это читатель? Не поймет!

361. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
7.VI.72 г.

Дорогая Лидочка!

Я уже договорился с Д. Я. Даром, условился, что вечером приедет за Вашей рукописью секретарь Веры Федоровны, и вдруг мне позвонил С. И. Сивоконь из «Семьи и школы» и попросил написать врезку к Вашим воспоминаниям. Я так обрадовался, что рукопись Ваша — или часть ее — будет опубликована в таком массовом журнале, что тут же согласился без всяких условий и оговорок. Не знаю, сумею ли сделать то, что нужно. Жанр довольно трудный, я пробовал.

Кстати. Несколько раз писал Вам по поводу Ваших воспоминаний и всякий раз забывал сказать, что мне ОЧЕНЬ не нравится название. Это хорошо, как эпиграф, посвящение, в крайнем случае, как подзаголовок. Да и это, пожалуй, не годится. «Памяти» — когда что-то посвящается. А это — о нем.

Уж лучше, мне кажется: *О моем отце.*

Напишите мне, КАК вы назвали свою книгу.

362. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/VI 72, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет неупомянутого мужа и отца — пожалуйста, не ищите причин. Сейчас у меня под рукой нет моей рукописи, но беру «Вопросы Литературы», 72, № 1, где напечатаны письма К. И. к Т. Г. Беру письмо 2, стр. 169 и с трудом, сквозь лупу, читаю перечисление, *начинающееся* с мужа и отца. Цитирую:

«Ленинградская редакция — московская. Пантелеев, Хармс, Введенский, Житков, Ильин, Зощенко» (Подчеркнуто мной.)

В письме 1 (стр. 168) он перечисляет: «Катаев, Паустовский, Житков, Пантелеев, Барто»...

Итак, К. И. (в который раз!) оправдан, а виноваты во всем двое: я и машинистка.

Люшенька сейчас пришла и нашла мою рукопись. Муж и отец выпали из-за машинистки, а я (маразм) не заметила! (На стр. 205—206 надо вставить Пантелеева, Катаева, Паустовского, Зощенко!)

Уф!

Как я рада, что Элико и Маша это заметили! А то перевранный мною список мог бы так и остаться!

Идем далее.

«К. И. приглашал Агнию Барто на свои Костры, ценя эффектность, эстрадность ее выступлений, но стихов ее — не любил и ей самой цену знал. Когда вернулся из Союза Писателей, где его «прорабатывали» из-за «Одолеем Бармалея», сказал: «гаже всех была Агния Барто». (Она — до статьи в «Правде» — очень восхищалась этой сказкой, а на заседании заявила: «Я предупреждала Чуковского, что сказка плоха, но он зазнался, воображает себя классиком и не слушает товарищеской критики». На другой день она срочно вызвала к себе меня и просила передать К. И.: она его спасла, ей, якобы, А. А. Фадеев сказал: «Если детские писатели *сами* не расправятся с Чуковским, то будет хуже». И вот она героически взяла на себя расправу — спасла его от худшего...)

Стихи ее, за исключением немногих, не любил — он ведь любил фольклор и классику, а она — vulgar. В год смерти, летом, спустившись однажды из своих комнат вниз, в столовую, он услышал из-за двери, как Митя или Аня, не помню, читают маленькой Маринке Агнины стишки.

Посмотрел на меня, громким шопотом произнес:

— *У меня в доме* читать детям стихи Барто! — и вышел.

Может быть, Вы правы, что о дачниках не поймут. В сущности, следовало бы сказать «мещане», т. е. люди не одухотворенные, лишенные духовной культуры, чувства преемственности ее. В то время, о котором я пишу, этот бездуховный набор и определялся именем «дачники» — см., напр., «Вольные мысли» Блока:

...берет под ручку
И ведет на дачу[1].

или в «Незнакомке»:

Над скукой загородных дач...

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Говоря о *том* времени, я и веду *тот* счет.

Я очень счастлива и польщена, что Вы согласились написать для «Семьи и Школы» вступление к моим главам, но не думайте, пожалуйста, что тут мои происки. Я вообще им и себя не предлагала, предложили друзья. Они, к моему удивлению, загорелись и ухватились. Предложили дать им *все*, от начала до конца, с купюрами, на 6 номеров. Но я отказалась, ибо писать я еще кое-как в силах, а вот возиться с рукописью, делать купюры — решительно нет. Физически не могу. Я предложила вместо всей книги с купюрами, вместо 17 глав, взять первые 7 — почти без купюр. *Пока* они на это согласились. Попросили меня назвать, кто мог бы сделать предисловие. Я назвала Владимира Иосифовича[2]. Последовал удивленный и возмущенный отказ. (Об этом разговоре с Любовью Михайловной Ивановой[3] я ему не сказала...) На следующий день позвонил милый Сергей Иванович Сивоконь (кстати, приятель Владимира Иосифовича) и предложил Вас. Я обрадовалась и поблагодарила. (Сама бы я просто не посмела отрывать Вас от работы, отдыха, болезни.)

Но каков Владимир Иосифович! «Он с Любовью Михайловной не контактирует», — объяснил мне Сергей Иванович.

Я понимаю так: люди, которые с Владимиром Иосифовичем «не контактируют», — плохие люди.

[1] Неточная цитата. Правильно: «Дает ей руку и ведет на дачу!»
[2] В. И. Глоцер.
[3] Любовь Михайловна Иванова — главный редактор журнала «Семья и школа».

363. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/VI 72

Дорогой Алексей Иванович. Вчера, отвечая на Ваше письмо, забыла ответить на одно Машенькино замечание — о жалости: мог ли К. И., крича на мальчишек, так быстро перейти от гнева к жалости и *заплакать*? Беда, если это у меня неубедительно. Дело в том, что К. И. был истеричен, повышенно возбудим, несдержан. Услышав брань, он впал в истерику: сначала закричал, потом заплакал. Это с ним случалось и в старости, но редко, а в молодости — часто. Плакал слезами, всхлипывал. Он потому заплакал, что только что кричал. (То же и я: от горя и обиды не плачу, а в пылу публичного спора голос может оборваться в слезы.)

364. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.6.72

Дорогая Лидочка!

Для своих книжек придумывать названия я не умею, но придумывать для других — на это у меня самоуверенности хватает.

«Памяти моего отца» — мне не нравится, об этом я писал. Не лучше ли:

«Книга о моем отце»?

«Повесть о моем отце»?

В той заметке, над которой я бездарно тружусь уже четвертый день, я называю Ваши воспоминания *повестью*. Можно?

365. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

15. 6. 72.

Дорогая Лидочка!

Посылаю заметку для «Семьи и школы»[1]. Сам вижу, что получилось не то и не так. Прежде всего, в статье нет той свободы дыхания, за которую меня когда-то похвалил К. И. Заметка велика. Меня просили сделать не больше полутора страниц (на машинке), здесь — все две, а может быть, и две с половиной.

Пожалуйста, забудьте, что это о Вас, о Вашей рукописи. Пройдитесь по тексту по-редакторски. Оцените и мои поправки и вычерки (взятые в пунктирные скобки), нужны ли они?

Укажите, что, по-Вашему, можно сократить.

Если это совсем никуда не годится — я не обижусь, найду способ отказаться, — я и в самом деле очень скверно чувствую себя последние две недели.

Спешу отправить это письмо и все-таки не могу не сказать несколько слов по поводу Вашего последнего письма. Друг мой, как это Вам могло прийти в голову, будто я обвиняю *Корнея Ивановича* в том, что он не *упомянул* меня. Или что именно ЭТО заметили Элико и Маша. Неужели Вы так плохо меня знаете, неужели я — ЖИВОМУ даже — мог бы предъявить такие нескромные претензии?!! Конечно же, мы читали письма К. И. в «Вопросах литературы», именно поэтому Элико и Маша и заметили некоторое несовпадение Вашей цитаты с подлинником. А Вы пишете: «Итак, Корней Иванович (в который раз!) оправдан!» и т. д. Зачем же?

Что касается Барто, то, как бы я к ней ни относился, она имеет, разумеется, все права, на достаточно высокое место в истории нашей детской литературы. Ее фельетоны талантливы, остроумны, у нее свой голос. Правда, Машке я, кажется, тоже не очень-то давал читать этого автора.

Пожалуйста, не задержите, верните мою заметку. Я обещал ее Сивоконю к 20-му.

[1] Т. е. предисловие Л. Пантелеева к публикации глав из «Памяти детства» в «Семье и школе» (1972. № 9. С. 44).

366. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VI 72

Дорогой Алексей Иванович.

Мои 7 глав в «Семье и Школе» будут называться «На морском берегу»; подзаголовок (Главы из книги «Памяти моего отца»). Признаться, хотя я и слышу возражения, но пока что «Памяти моего отца» мне нравится — своею безжанровостью[1]... Вы можете условно называть мои воспоминания повестью, но на самом деле это не повесть. (Как «Былое и Думы» не повесть.) У меня есть книга «Памяти Фриды». Вот.

[1] Через несколько лет Л. К. дала книге заглавие: «Памяти детства».

367. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19 июня 1972. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Сейчас, 19/VI вечером, получила и прочитала Вашу заметку. Мне очень понравилось.

Мелочи: название Карельский перешеек сразу уничтожает время, эпоху; я, как литератор, всегда Лидия, а не Л.; не следует поминать плохую книжонку какого-то проходимца Углова[2]; Шаляпин навещал К. И. все-таки не «запросто» — это была редкость; термин «под редакцией» не соответствует моей скромной деятельности по редактированию «Часов»; книга моя о К. И. все-таки, мне кажется, не автобиографическая...

Не уверена я (см. последнюю строчку стр. 1), что в первых 7 главах я поминаю «общественную деятельность» К. И.? Мне кажется, тогдашнюю его возню с детьми нельзя все же назвать общественной деятельностью.

Недостаток у этой заметки на мой взгляд только один: наиболее неожиданной и даже трудной явится для читателя, мне кажется, моя глава 6 — о том, как К. И. читает нам в море стихи. То, что труд для ребенка должен быть связан с игрой — к этой мысли читатель как-то готов; а вот что «ритм — лучший толкователь содержания», что *маленьким* детям можно читать Баратынского и Тютчева — вот это среднему читателю странно (и редакторы пытались зачеркнуть). Может быть, не стоит поминать о моих Миклухах — Бог с ними! — а на выгаданном месте сказать хоть 3 строки, что, рассказывая о К. И., я не могла не заговорить о русской поэзии, потому что для него это была постоянная духовная пища, и что моя книга о нем есть в то же время и книга о восприятии искусства? О том, как дети воспринимают стихи?

Может быть, мое предложение негоже — отбросьте его и оставьте все так. Так тоже хорошо. Но подумайте.

Вы правы: у Барто есть место в литературе для детей и не малое, но она вульгарна. Мелкий человек и поэзия мелкой, тривиальной, вульгарной, дюжинной души.

Вот, кажется, все.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Алексей Углов — псевдоним Лидии Чуковской. Под этим псевдонимом вышли ее первые книжки, в том числе «Повесть о Тарасе Шевченко: Детство и юность». М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

368. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/VIII 72

Дорогой Алексей Иванович, не думайте, пожалуйста, будто я позабыла о Машенькином дне. Но я не в силах была ни телеграфировать, ни писать, очень были тягостные дни. Поблизости, у наших давних соседей, несчастье. Вы, наверное, слышали — или читали — что утонул Николай Леонидович Степанов. Он наш сосед, а также мой и Шурин соученик по Институту; Николай Леонидович утонул на днях в нашем Переделкинском пруду. Целые сутки не могли найти тело. Вскрытие показало, что он раньше умер, а потом утонул: сердечный спазм от охлаждения, разрыв аорты.

3/VIII его похоронили.

Люша прочитала мне вслух Ваши воспоминания[1]. Сколько же Вы, милый друг, вбили туда труда. Но недаром: сейчас там все повороты точны и виртуозны, и мысль Ваша выражена полно и ясно; сохранена сложность, многозначность, но исчезла некая двусмысленность. Вещь вся — пример художественной диалектики.

Замечания у меня два: одно крохотное (и сомнительное), другое покрупней. Я не знаю, можно ли написать, как у Вас написано:

«его слова и высказывания».

Высказывания — не то ли самое, что слова?.. Может быть, я ошибаюсь.

А важное, мне кажется, вот что:

Вы пишете, что он ненавидел — или не принимал? (у меня рукописи нет, я по памяти!) «всякую проповедь добра».

Это место очень существенное и очень у Вас верное (о моральном ребячестве)[2].

Но я в своих Воспоминаниях цитирую письмо К. И. к Семынину, где он пишет:

«Всякий истинный поэт — глашатай, проповедник добра».

Он не выносил проповеди — Вы правы! любой, т. е. ощущения чужой настырности, навязчивости что ли. Недаром он так хвалил Чехова за *скрытность* письма, и изо всех русских гениев более всех любил не Толстого (проповедь!), не Достоевского (проповедь), а Чехова (*скрытая* проповедь, только художниче-

ская, никогда не прямая). Он действительно *по-ребячьи* боялся всякой *определенности*, подозревая в ней догму.

(Сам же, однако, написал:

Надо, надо умываться...

и

Добрый доктор Айболит...

и

насчет воспитания доброты в «От 2 до 5»).

Вот, наговорила я много, а предложение мое простое: зачеркнуть *одно* слово: *добра*.

Большое спасибо за Воспоминания. Очень хочется, чтобы они попали в сборник.

Получила 2-ю корректуру из «Семьи и Школы». Чудеса!

[1] Речь идет о воспоминаниях Л. Пантелеева «Седовласый мальчик» (см. примеч. 2 к письму **355**).

[2] Л. К. имеет в виду такое утверждение Пантелеева: «Как всякий здоровый ребенок, Чуковский не терпел никакой наставительности, морализации, никакой воскресной школы. Однако временами это сопротивление явному ханжеству оборачивалось у него против любой проповеди добра, против всякой дидактики, против учительной стороны искусства» («Звезда». 1973. № 6. С. 205).

369. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 16.9.72

Дорогая Лидочка! Наконец-то от Вас письмо. Радуюсь выходу 9-го №-ра «Семьи и школы», получил его (как старый подписчик, вероятно) раньше, чем автор. Огорчился, что так мало. Удалось ли Вам отстоять главу про стихи? Как видите, тому варианту предисловия, где я по заслугам хвалил эту главу, редакция предпочла другой. Да и в этом просили «умерить некоторый излишний пафос». Что я — после «домашнего анализа» (как выражаются шахматисты) и сделал.

Вы спрашиваете, видел ли я 8-й том Собр. сочинений Маршака. Я ни одного тома не видел, не подписан.

В августе—сентябре получил два письма от Элика. Одно — огромное, лицемерное, где он говорит о братской любви ко мне, о фатальности «того, что между нами произошло» (смеет сравнивать историю наших отношений с историей отношений между С. Я. и Житковым). В том же письме он писал, что у него имеется 15 (!) страниц замечаний к моим воспоминаниям о С. Я. Столько, мол, он обнаружил в моей работе неточностей. Я написал ему, что он не имел права не известить меня об этих ошибках, и просил его прислать эти 15 страниц. Конечно, он ничего не прислал. «Это я мог бы сделать только в том случае, если бы Вы относились ко мне по-дружески», — пишет он. Вымогает дружбу. Не могу понять — зачем ему вообще понадобилось обращаться ко мне. Ведь 7 лет молчал об «ошибках»! И не нуждался в моей дружбе. И не испытывал братской любви.

370. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/IX 72

Дорогой Алексей Иванович.

Начну, чтобы не позабыть, с просьбы. В этом году большое и радостное событие в школе: в рекомендательный список книг для внеклассного чтения введен и Герцен: «Былое и Думы». И вот в Переделкинской библиотеке не стало хватать экземпляров этой книги! Просят меня библиотекарши собрать у писателей поболее. Я на что рассчитываю: если человек покупает Собрание Сочинений, то у него может остаться отдельное издание... Так вот, милый друг (мой и Библиотеки К. И.!), нет ли у Вас

«Былого и Дум»,

«Войны и Мира»?

и вообще любых не нужных Вам классических произведений? Дело все в том, что Библиотеку посещают ведь не только дети, но и юноши, и пенсионеры, и очень хочется насытить их... Вы живете в доме, где наверное у многих, кроме Собр. соч., имеются *отдельно* — у кого «Вишневый сад», у кого «Отцы и дети», у кого «Два гусара»...

Все это нам очень нужно. (Адрес — мой, московский.)

С «Семьей и Школой» так: № 9 лежит у меня (и у Вас) на столе; для № 10 я продержала уже обе корректуры (эта удивительная редакция дает мне и гранки и верстку); для № 11 я продержала гранки. № 11 — это стихи; пока что там все по-моему. Но ждать еще долго: 15 ноября. Полтора месяца...

Ваше вступление отличное.

Об Элике... Очень мне жаль Ваших нервов. У меня с ним отношения корректные, но я никакой симпатии не чувствую к нему. Одно могу сказать в его защиту, — если только это можно счесть защитой! — он действительно слепоглухорожденный и многое мерзкое, что он творит (он ведь и мне сделал несколько гадостей), он совершает, совсем не понимая неприличия своих поступков. Отца своего он, по-видимому, любит — однако загубил собрание сочинений, напихав туда множество плохих стихов. Ни слуха, ни вкуса, а самоуверенность, настырность — страшные. Известно ли Вам, что он *продолжил* несколько неоконченных переводов С. Я. и напечатал их за подписью: С. и И. Маршак? Но ведь не было такого содружества при жизни С. Я.; это ведь не Белых и Пантелеев!

В VIII томе множество писем, которых печатать не следовало. Примечания были малограмотные — и фактически и стилистически (я читала корректуры писем ко мне, Ал. Иос., К. И., Т. Г.). Составлял комментарий бандит по фамилии Чулков. И тут мне пришлось вступить во временный союз с Эликом: он поддержал меня против Чулкова, понимая, вероятно, что примечания скандальные. С помощью Элика наиболее вопиющие ошибки удалось исправить. (Читала и Ал. Иос.) С помощью в том смысле, что он — пробивная сила в издательстве, а я — ноль.

И вот тут, читая корректуры *после* Элика, я увидела, в какой мере он беспомощен. Он наивно полагает, будто можно издавать С. Я. Маршака, не зная ровно ничего *ни о ком* более. И какую бы чушь ни воротил комментатор — Элик все спокойно пропускал. Вся его работа была — ссылки на другие томы: «см. т. 6», или «см. т. 5», причем когда я *см.* — то и то — с ошибкой! Он даже корректурных знаков не знает как следует.

Но осмеливается создавать подпись: С. и И. Маршак! И вообще считает себя литератором: ведь он столько *опубликовал*!

При этом у него есть бесспорная одна заслуга: архив. В дивном порядке архив С. Я.

Интересно бы знать, зачем именно сейчас Вы ему понадобились, т. е. мир с Вами?

Впрочем, он не любит находиться в ссоре с людьми, которые окружены уважением и любовью.

Приобретите все же 8-й том нового Собр. Соч. Маршака. Там кое-что интересно; а кроме того на стр. 125 напечатано:

«Очень нравится мне Ваша мысль написать о Пантелееве. Конечно, он самый талантливый из всей нашей литературной молодежи и заслуживает того...» и т. д.

Это — письмо С. Я. к К. И. от 7 мая 1933 г., Sorrento.

К сожалению, того письма К. И., на которое С. Я. отвечает, в архиве у С. Я. не сохранилось. И я в примечании могла только указать (за Чулкова!), что К. И. о Пантелееве тогда-то и тогда-то все же написал. (Ни Элик, ни Чулков этого не знали.)

371. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
6.10.72

Дорогая Лидочка!

Я только что с огорчением узнал из письма С. И. Сивоконя о том, что случилось в журнале[1]. Но ведь этого нужно было ждать, да ведь и ждали, и опасались весьма, в том числе и Вы.

Одно могу сказать: Сергей Иванович тут ни в малейшей степени не виноват. Он даже и сейчас не знает, откуда, из какой тучи грянул гром.

Я-то ждал, так как были, что называется, прецеденты.

Об Элике я говорить не хочу. Слепоглухорожденный? Может быть. Но ведь и знаменитые «дачники» в Ваших воспоминаниях такие же, однако Вы их не оправдываете, и пощады им не даете!

О книгах для библиотеки Вы меня уже просили, и я послал Вам несколько ящиков — все, что у меня нашлось. В моем возрасте такие приятные события, как приобретение полных собраний сочинений Герцена, Толстого или Томаса Манна, — не случаются: собрания уже сами состарились на книжных полках. Вероятно, и у Вас это так. И у всех моих соседей (ведь все это люди за шестьдесят, а кое-кто и сильно за шестьдесят).

Лидочка, милая, не огорчайтесь больше, чем следует. У всех это бывает. Вот и я только что перенес нечто подобное.

[1] Публикация глав из «Памяти детства» в журнале «Семья и школа» была запрещена и оборвана на № 10.

372. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/X 72

Дорогой Алексей Иванович.

Я вовсе не беру Элика под свою защиту. С чего бы это? Я его знаю давно и гадостей он на моей памяти сделал много — не только Вам или Владимиру Иосифовичу, но и мне самой. (Даже посильнее, чем Вам.) Я не под защиту его беру; я просто поделилась с Вами своими *новыми* впечатлениями, которые получила, когда читала корректуры тома 8-го. Я убедилась в его полном дремучем невежестве и совершенной *глухослепоте*, а не только отсутствии чувства стиха и стиля, как думала раньше. Я не думала раньше, что он никогда не читал Чуковского, Квитко, Житкова; что ему неведомы корректурные знаки; что он не понимает, отбирая письма С. Я., какие из них — для С. Я. компрометантны и т. д.

Что касается происшедшего в «Семье и школе», то я стараюсь о нем не думать, потому что перенести — не могу[1]. Я очень легко переношу непечатание — привычно! — а вот вырезывание фестонов — это мне не по силам. С. И., разумеется, не виноват ни в чем; он хотел и делал только хорошее; редакторша виновата в самонадеянности, а я — во всем. Когда они ко мне обратились, я предложила им *одну* главу (ту, где К. И. читает в море стихи); я ведь знала, что более одного номера — не пройдет, и хотела, чтоб было опубликовано *самое важное*: К. И. читает стихи. Мне бы на этом и стоять... Редакторша предложила пропустить воспоминания сквозь журнал *целиком*, если я сделаю «журнальный вариант»; ну, моим глазам не до 1001-го варианта, когда сделана 1000. Я отказалась. Тогда она попросила 7 глав — я дала согласие, потому что среди семи и та, стиховая. Пусть 7, в трех номерах... Вот это и есть моя вина. Я должна была твердо стоять на *одной* главе. Не прельщаться. Не обольщаться. Ведь я-то свою судьбу знаю.

Читали ли Вы в № 9 «Вопросов литературы» письма Пастернака? Они сильно изувечены, но некоторые все равно прекрасны.

Причина происшедшего, о которой я только догадывалась, была на днях высказана мне прямо и ясно — разумеется, не в редакции.

[1] Та глава, которую Л. К. больше всего хотела напечатать, опубликована не была. Об этом Л. К. подробно рассказывает в своем «Процессе исключения», см.: *Процесс.* С. 68—69.

373. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

16.10.72

Дорогая Лидочка!

Еще раз: не надо, не стоит огорчаться в таких и подобных случаях. Удивительнее было бы, если бы этого НЕ случилось.

Посмотрите на все это спокойно, объективно, со стороны, сверху.

Весной этого года, когда никто меня не задевал, никто ничего не предрекал, ничего не сулил, ничем не угрожал, я уже предчувствовал и даже знал судьбу некоторых моих работ. Работы эти (вроде «Заметок о мастерстве и ремесле» и «Седовласого мальчика»), казалось бы, не могут вызвать нареканий цензуры и критики, они абсолютно лояльны, «академичны».

И все-таки — и на той и на другой я споткнулся. В «Вопросах литературы», где охотно приняли мои «Заметки», меня попросили *снять* «только одну главу» — о редактуре «Часов», как написанную якобы «не на тему». Вы понимаете, конечно, что просьбу эту я не уважил, потребовал статью вернуть. Отдал ее в «Сибирские огни», где меня давно просили о материале. Статью приняли, поставили в ноябрьский номер[1]. Туда же, в «Сибирские огни» я отдал и воспоминания о Корнее Ивановиче. Промурыжив эти воспоминания больше двух месяцев, на днях мне вернули их по моему телеграфному требованию. «Напечатать не можем»[2]. А ведь очень просили. И благодарили.

Корректуру «Заметок о мастерстве» не прислали, несмотря на телеграфное же напоминание, и я готов теперь к любым неожиданностям и к любой подлости. Но эти неожиданности не будут все-таки громом среди ясного неба, а подлость меня не удивит и

не ужаснет. Повторяю: Я *знал*, что будет с этими рукописями еще весной, когда услышал о выходе чеховской книги[3]. И был несказанно удивлен, когда ко мне обратился Сивоконь с просьбой о статье.

По-видимому, и в самом деле нельзя служить и Богу и Мамоне.

Это письмо передаст Вам Соня Ивич[4], которая должна сегодня к нам прийти.

Я все это время чувствовал себя скверно. Лежал. Сердечный приступ. Потом, не долечившись, поехал хоронить М. Л. Слонимского и опять свалился.

Сейчас получше. На ногах. И даже, как видите, за столом.

[1] В этом письме, переданном с оказией, Пантелеев рассказывает о судьбе своих статей, в которых упоминалось имя Л. К. Чуковской. Она была редактором «Часов», и Пантелеев написал об этом в своих «Заметках о ремесле и мастерстве» (см. примеч. 1 к письму **376**).

[2] Не могут напечатать из-за упоминания имени Лидии Чуковской.

[3] Т. е. узнал о выходе за границей в издательстве имени Чехова повести Лидии Чуковской «Спуск под воду» (1972).

[4] С. И. Богатырева, дочь И. И. Ивича.

374. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.X.72
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Сегодня все мы — и Элико, и Маша, и я — с Вами, с Люшей, со всеми, кто в Переделкине на горе.

Послал Вам телеграмму[1]. И сегодня же получил 10-й номер «Семьи и Школы». *Боялся раскрыть* его. Знал (писал об этом С. И. Сивоконь), как демонически-двусмысленно звучит фраза, на какой обрывается публикация. Ужасно огорчительно, что не удалось донести до читателя нерасплесканными все главы — вплоть до той, где стихи. Но, Вы знаете, Лидочка, *очень* хорошее *очень* испортить трудно. Уверен, что и за то, что осталось, сохранилось, читатель скажет спасибо. A sapienti sat[2]. Уже есть такие. Встречал.

[1] День смерти К. И. Чуковского.

[2] Для мудрого достаточно (*лат.*).

375. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/X 72

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за телеграмму. Да, вот уже и три года прошли с тех пор, как мы вместе с Вами стояли над гробом; снег падал, мокрый, ему на лоб и лицо и милую руку.

Вчера впервые за последние годы день был ясный, светлый, сухой, предморозный — без слякоти. Народу на могиле и дома было много, но, к счастью, меньше, чем в бестолковое 1 апреля. Были, конечно, и чужие — во всех смыслах — но их было человека 3—4, не более, а остальные были либо близкие К. И., либо нам с Люшей, и уж во всяком случае — сосредоточенные. Вернувшись с могилы в дом, мы ели и пили; потом кое-кто уехал, кое-кто поднялся в комнаты К. И., а потом все оставшиеся собрались в комнате у меня и слушали воспоминания о К. И. Начали с Ваших. (Владимир Иосифович опасался было, что Вы рассердитесь — «мы не спросили», но я твердо сказала: «нет, не рассердится» — и мы начали с Вас.) Читал Владимир Иосифович. Слушали с необыкновенной заинтересованностью, живостью, увлеченностью, пониманием, «смеялись там, где следует», как говорил С. Я. Читал Владимир Иосифович очень хорошо. А я снова порадовалась правде, глубине, сложной простоте Ваших воспоминаний. Их писательской виртуозности.

Толстой говорил: «будет просто, когда напишешь раз со сто».

Потом Клара Израилевна прочла воспоминания Комы Иванова. К сожалению, это всего лишь клочки.

Потом Люша прочитала письмо К. И. к Оксане Иваненко. Адресат не весьма стоящий, но письмо замечательное — о Тарасе Шевченко и о Некрасове и о том, почему он, К. И., никогда не соглашается писать биографию Некрасова.

А после послушали голос К. И.

«Тараканище» и переводы английских песенок.

Этого перенести невозможно.

То есть — я — не могу.

Вы написали мне всякие утешения по поводу «Семьи и Школы».

Спасибо, милый друг; но право же я давно не думаю о «Семье и Школе». Все естественно, и во всем я сама виновата.

И, главное, с тех пор столько случилось — навалилось — нового, — что мне уж не до «Семьи и Школы».

Еще раз спасибо за телеграмму, за самое дорогое на земле — братскую память.

376. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/XII 72

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо Вам и Элико за все, и за подарки, и за Ваши голоса, и за то, что побывали.

Спасибо и за «Сибирские огни»[1]. (Кстати, заметили ли Вы совпадение — неподалеку от Вашей статьи — заметка о «Солнечном веществе» Матвея Петровича?)[2]

Фина прочитала мне Вашу статью. Конечно, она вполне «пантелеевская». Не литературоведение, а то, что и должно: литература о литературе. То есть Ваша статья — литература.

Со мной Вы обошлись уж очень по-дружески. Ну что я тогда умела! Ровно ничего, ноль! Единственное достоинство в работе с Вами, которое я за собой признаю, — это то, что работать я Вам не мешала. Это правда[3].

Теперь скажу, чего, мне кажется, Вы зря не договорили — а я все время ждала, оно было у Вас вот-вот на пере, по дороге. Я не для восхваления ленинградской редакции, а просто потому, что так было и что следовало бы объяснить молодым прозаикам необходимость и единственность этого метода, раз уж Вы говорите об инструментовке и ритме прозы.

С. Я. всегда всякую чужую прозу — каждый абзац — читал вслух, учил авторов и нас читать вслух и непременно слушать. Ритм, пауза, звуки, переход. Он доходил в этом иногда до комического: автор читал 2 абзаца, потом С. Я. — вслух те же 2 абзаца — потом давал Т. Г., потом мне и при этом на меня кричал: «Вы читаете нарочно хорошим голосом! Читайте не замазывая». Это чтение прозы вслух в сущности и было главным редакционным методом работы: слушать любой текст как стихи. (Даже примечания!) Для меня он не был нов, потому что К. И. всегда именно так писал — и читал! — свои статьи. Конечно, со временем, приучившись *слышать* фразу и *соотношения* слов и фраз вслух, уже проделываешь эту операцию молча: читаешь глазами, а слы-

шишь ухом. Так, наверное, певец или пианист, читает ноты: про себя, но слыша.

Я потом испытала удивление, когда мне случилось работать в редакциях «Нового Мира», «Пионерской Правды», «Литературного Наследства». Чтобы расслышать, почему тут на странице ничего не вышло — сидя с автором рядом, читаешь вслух. Он встревает — перебивая, не догадываясь, что ему делать и что за странное занятие. Он не знал, что прозу следует слышать.

Вот, мне кажется, не говоря о ленинградской редакции, Вам надо было посоветовать молодым читать себя *вслух*.

Может быть, я и не права и все это само вытекает из Вашего рассказа о собственной работе. Может быть. Примеры удивительные. И из «Пакета», и из «Часов», и из «Маруси Федоровны».

Интересно, какие будут отклики на эту статью. Уверена, что посыпятся во множестве.

[1] *Л. Пантелеев*. Заметки о ремесле и мастерстве // Сибирские огни. 1972. № 11. С 183—189. В этой статье — последнее упоминание имени Лидии Чуковской в советской печати. В это же время в Москве в № 11 «Семьи и школы» ее воспоминания об отце были запрещены.

[2] Речь идет о статье В. Канторовича «Научно-художественный жанр». В статье приводятся выступления участников дискуссии об этом жанре. Первым помещено выступление Д. Данина, который сказал: «Популярная книга Бронштейна об истории гелия “Солнечное вещество” заслужила высокую оценку самого Ландау. Почему? Предназначенная для несведущих, она увлечет и любого физика-профессионала. Это книжка — о доблести человеческого разума. Главный герой Бронштейна не гелий, а искания человеческого ума. Как в детективе, весь интерес сосредоточен не столько на том, кого ищут, но главным образом на действиях того, кто ищет. Автор проявил себя не только как ученый-популяризатор, но еще и как п и с а т е л ь. И это не повесть в обычном смысле слова, не традиционный очерк, не “*записки* ученого”. Это не смесь научности с художественностью. Это самобытная литература — научно-художественный жанр. Самое важное в этом жанре “имя-отчество” проблемы. Здесь ученый не царствует в произведении. Сюжет движет “драма идей” (по Эйнштейну), предмет у этого жанра — не ученые и даже не истина, а искания истины» (Там же. С. 170).

[3] В своей статье Пантелеев отводит целую главку рассказу о том, как Л. К. редактировала его «Часы». Поскольку из-за запрета на имя Лидии Чуковской эта его статья не вошла в его сборники и в Собрание сочинений, вообще ни разу не перепечатывалась — приводим обширную цитату: «...мне очень помог издательский редактор Лидия Корнеевна Чуковская. Об этой редактуре я могу сказать, что она была не только умная, профессиональная и требовательная, но и в высшей степени тонкая, деликатная, уважительная. Я не помню случая, когда Лидия Корнеевна что-нибудь подсказывала или, тем более, навязывала автору. Она читала твою рукопись твоими глазами и, когда делала замечания, указывала на что-нибудь, тебе казалось, что ты слышишь свой собственный голос, голос твоего двойника. Тебя спрашивали:

— Вам не кажется, что фамилия Колупайчик чересчур смешная, фельетонная для этой повести?

И ты вдруг вспоминал, что не раз и не два и сам спотыкался, морщился, когда выписывал на бумаге эту дурацкую фамилию. Владелец золотых часов и без того смешон, незачем смешить публику еще и его именем.

И ты тут же находишь другую фамилию: Кудеяр.

Или:

— Не думаете ли вы, что этот эпизод несколько сентиментален? А этот поворот сюжета чуть-чуть грубоват, прямолинеен?..

Ну, конечно же, ведь ты и сам так думаешь или если еще не успел подумать, то вот-вот подумал бы...

С удивительной проницательностью Лидия Корнеевна находила и указывала, где в рукописи звучит мой голос, моя интонация, а где — чужие, заимствованные, книжные.

Ошибался ли редактор, все ли замечания его принимала моя душа, приходилось ли мне спорить, возражать, отстаивать что-нибудь?

Не помню. Может быть, и были возражения, но, вероятно, редактор принимал их столь же деликатно, с тем же тактом, с каким предлагал мне до этого свои замечания и пожелания. Во всяком случае, воспоминания мои об этой работе буквально ничем не омрачены.

И еще одно. Эта работа памятна и значительна для меня не только тем, что в результате ее я сделал свою повесть лучше, чем она была. В процессе этой редактуры я очень многому научился. Я понял, что не только могу, но и должен работать лучше, чище, ответственнее.

"Часы" — первая и последняя моя работа, где я воспользовался — и очень широко — помощью редактора. Именно эта работа, как я теперь понимаю, сделала меня профессионалом. Я научился смотреть на свои писания как бы со стороны, глазами читателя, критика и редактора.

Нужно ли доказывать, что всякий настоящий, сложившийся художник, не начинающий и не дилетант, в помощи редактора не нуждается. То есть он может, конечно, и даже должен прислушиваться к совету умного слушателя и читателя, в том числе и к мнению редактора. Но прав был Маршак, который тысячу раз напоминал и мне, и другим своим ученикам, что — "ты сам свой высший суд"» (Там же. С. 185—186).

377. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
19 февраля 1973

Дорогая Лидочка!

Больше месяца не было от Вас весточки.

Рад был узнать (из двух московских газет), что принято решение о создании музея Чуковского. Теперь будем жить надеждой, что хорошая идея не будет испорчена.

378. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/II 73

Дорогой Алексей Иванович.

Насчет Музея — радоваться рано. Газета во многих отношениях выступила очень некрасиво — не поговорив, напр., с семьей, хотя речь идет о человечьем жилье. Цель мне не совсем ясна. Кроме того, нельзя повторить ошибку К. И.: он подарил Библиотеку поссовету, у которого нет ни денег, ни культурных сил, ни желания ее содержать. Я хочу подарить комнаты К. И., со всеми вещами, государству, но в лице какого-нибудь высокого и культурного учреждения. Газета же мечтает о каком-то парке для детей. «В доме много диковинок». Все время подчеркиваются заводные игрушки — а не 5 тысяч томов, живопись Коровина и Репина; из К. И. делают набивное чучело Деда-Мороза, а он написал «Живой как жизнь», «Современников» и «Чехова». *Ни одной* его книги для взрослых в плане *ни одного* издательства *нет*... Такова же и трактовка дома — какая-то избушка на курьих ножках, а не дом писателя.

Со мной, разумеется, никто не разговаривает — меня и на свете нет, непонятно, почему я там где-то живу — пока я это терплю молча, но превратить дом К. И. в какое-то кафе-мороженое для детей младшего возраста — не позволю.

Домик Чехова в Ялте принадлежит Гос. Библиотеке им. Ленина. Вот это — дело.

379. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/VI 73

Дорогой Алексей Иванович.

У меня такое впечатление, что одно мое письмо к Вам в Комарово все-таки пропало, хотя и послано было заказным (11/VI). Ответили Вы мне на маленькую предыдущую записочку, а на письмо — нет.

Но сейчас не до того — Бог с ним (с тем, кто крадет письма). У нас, милый друг, беда.

18/VI Люша ехала в такси по Садовому кольцу; из переулка, не по правилам, вылетел грузовик. Шоферы остались целы, а у Люши сотрясение мозга. Она потеряла сознание (ненадолго); с улицы ее доставили к Склифосовскому.

Удар пришелся на левую сторону черепа.

Трещины черепа нет.

Она провела 10 дней в больнице.

380. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
5.VIII.73

Дорогая Лидочка!

Бесконечно давно не было ничего ни от Вас, ни от Люши. Я не знаю даже, попала ли в Ваши руки бандероль с двумя экземплярами «Звезды», где напечатаны мои записки о Корнее Ивановиче.

Я уже писал Вам в нескольких письмах, что мы уговорили Машу не пытаться в этом году поступать в вуз. Ей надо серьезно полечиться, набраться сил. Да и пробелов в ее образовании после десятилетней школьной каторги — немало. Ничего страшного в этом нашем решении, мне кажется, нет. Ведь вчера Машке исполнилось всего 17 лет.

Этот день мы провели в Выборге, где были первый раз. Общее впечатление тягостное. Красивейший (т. е. сохраняющий следы былой красоты) город — без души, без традиций, без интеллигенции, без единого старожила...

Не обманывает ли меня память, что в Выборге жила и училась Тамара Григорьевна? Или я вообразил это? Но вчера я то и дело представлял ее — десятилетнюю — пятнадцатилетнюю — то выходящей из подъезда гимназии, то сидящей на скамейке в парке, то стоящей в Спасо-Преображенском соборе — таком провинциально-милом, каком-то петровско-суворовско-гоголевском.

В Комарове — особенно Маше — скучновато, шумновато и грустновато: за редкими (и меткими) исключениями сюда не пускают людей моложе 50 лет.

381. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/VIII 73

Дорогой Алексей Иванович.

Этим летом меня впервые охватила полная неписьмоспособность. До сих пор я всегда обижалась на друзей, если они оказывались дурными, неаккуратными корреспондентами, и вот сама проштрафилась хуже всех.

Главное мое несчастье этого лета Вы знаете: грузовик, налетевший на Люшино такси; страшная палата у Склифосовского. Потом ее отъезд, потом письма от нее, написанные *не* ее рукою. Сегодня она вернулась.

Из того, что случилось со мною за время отсутствия Люши, из поддающегося описанию, прилагаю краткий перечень:

1) на меня упала, внезапно оборвавшись, дверца зеркального платяного шкапа — и здорово треснула меня по голове. Как я ее удержала и не упала сама — не понимаю. Как о мое лицо не разбилось зеркало — не знаю.

2) Литфонд упорно отказывал мне годами в ремонте дачи. И вот случилась катастрофа: крыша протекла и полилась вода в кабинет К. И.

Десять дней мы с Кларой Израилевной вымогали рабочих. Наконец их нам послали — и теперь там с грохотом латают крышу. А в городе снова испортился лифт, и мне было некуда от грохота деться.

3) Наконец начали работы по установлению памятника на могиле. До сих пор это было самое для меня милое место на земле. Теперь, пока там роют, копают и пр. — я туда не хожу. И будет гранит и памятник, а не милые мои кресты и лавочка.

382. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
29.VIII.73 г.

Дорогая Лидочка!

Здесь, в Комарове, зверски холодно. Вероятно, и в Переделкине не лучше. Где Вы? Там или в Москве? Если в Переделкине — то в каком доме? Надеюсь, не в Пиво-водах?

Сравнительно недавно, когда я чувствовал себя немножко получше, мы совершили поход в Пенаты. Заглянули и на Ваш участок. Вспоминали то и дело «Памяти моего отца». А в доме Репина долго стояли перед портретом Корнея Ивановича. Впрочем, не так уж долго. Магнитофон сделал свое дело, и нас, вместе с другими посетителями, попросили перейти в следующую комнату.

383. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/XI 73

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете — в Москве ли я? Я на своем зимнем режиме, то есть сменяю Кларочку: со среды до субботы на даче я; в субботу приезжает туда она и сменяет меня до среды.

28-го было как-то у нас очень стройно, гармонично; нелюбимых почти не было; почти все любимые — были. Впервые я увидела *памятник*. Конечно, простые кресты мне были милее; памятник очень благороден, со вкусом, но какой-то слишком торжественный, не сельский и не корнейивановический... «Открытия» мы не устраивали; молча простояли на могиле минут 20... потом пошли к нам. Слушали голос К. И. (вот это потрясает); воспоминания о нем Н. Ильиной (хорошие) и статью Буртина — блистательную...[1] А кончилось все ужасом: известием о смерти Ильи Львовича Слонима, мужа Тани Литвиновой, от третьего инфаркта. Памятник — это его работа; утром он звонил, жаловался на нездоровье, и Люшенька ему обещала вечером сообщить впечатления тех, кто видел. А днем он умер. Таня была в Кобулетах; всю ночь Володя звонил туда, требуя, чтобы телеграмму ей доставили *ночью*, потому что самолет — утром; телеграфисты отказывались; наконец милиция — тамошняя — согласилась. Весь следующий день Люша дежурила на аэродроме, встречая Таню, а погода была нелетная...

Итак, скульптор скончался в тот же день, что и К. И., и хоронили мы его тоже в день похорон К. И. — 31-го.

Такого достоинства, спокойствия и душевной грации, какие проявила Таня на похоронах, — я никогда не видала. Нет, видала: когда Т. Г. хоронила С. М. и Е. С.[2] Только Тусенька плакала, а Таня нет, но не в окаменении, а живая, добрая, сосредоточен-

ная на своем и все время заботящаяся о других: чтоб не простудились, не устали. И очень красивая.

Я подивилась тому — слушая речи, — насколько художники говорят искреннее, проще, ярче, гораздо менее трафаретно, чем в соответствующих случаях казенные писатели.

Итак, 28-го скончался Слоним.

А за 2 недели до этого в семье моего друга утонул сын — 22 лет — в *бассейне*[3].

А сейчас, в хирургическом отделении Института им. Гельмгольца, оперируют моего друга, Давида Самойловича Самойлова. (Очень люблю его стихи и его.) Там замечательные врачи, я была счастлива, что удалось туда его устроить. И специалисты они крупнейшие, и люди сердечные. Самойлов ослеп (катаракта). На операционном столе, во время операции, с ним случился гипертонический криз; операция длилась 2 ч., вместо 40 минут; хирургесса-виртуозка сказала мне, что более тяжелой операции никогда не исполняла. Стали снижать ему давление; все наладилось; глаз будто бы спасен, и он был в таком хорошем состоянии, что сам попросил оперировать сразу второй глаз. Был консилиум; давление в норме; решили оперировать. Операция прошла быстро и блестяще. Мы все вздохнули легко. И вот сегодня беда: снова гипертонический криз, не удается понизить давление, хотя его колят без конца; нижняя цифра 120 — а это для глаза большая опасность. Возле него сменяются врачи и родные; а квартиры в Москве у него нет (Союз им недоволен!); он живет в Опалихе, 50 км от Москвы, с женой и тремя детьми, из которых один — грудной... Чтобы жена могла навещать его, кто-то должен дежурить и там.

Вы спрашиваете про Люшу. Что бы где ни валилось — валится на нее. Летом должны были ставить К. И. памятник; процедуру переписки и установки мог бы изобразить только Гоголь; я не берусь... Люша попала в аварию — и все кончилось; Клара Израилевна и Слоним мучились, ездили, звонили, ходили — но — о где ты, т. Гоголь! Лето упустили; ставить такое сооружение осенью в 10 раз трудней. Впряглась Люша; убедившись, что рабочие только пьют, но не работают, а когда начинают работать — начальство перебрасывает их ремонтировать дачу Кешокова (председателя Литфонда), Люша организовала 3 субботника подряд. Три субботы приезжали 18 молодых мужчин, работали

с утра до темна и кончили все за час до 1-го снега. Разумеется, каждый день дважды в день их надо было кормить и поить, чем и занимались Люша и Клара Израилевна... Чуть кончилась установка памятника — приблизилось 28-ое; 40—50 человек на могиле и в доме; Люша устроила выставку ранних фотографий и книг К. И. ...Горы посуды — и — страшный финал: смерть Слонима. Встречать Таню, помогать Тане, венок, похороны, поминки, горы посуды и пр.

Сквозь все это — срочный доклад в институте, который она должна сдать завтра.

Как ее здоровье? Ей лучше. Друзья раздобыли ей церебролизин, который она себе сама вкалывала; нужен гаммалон — из Японии; его оттуда послали, но он как-то мимо нас оказался в Болгарии и теперь его оттуда, опять-таки с оказией, добывать.

Я относительно здорова, пытаюсь ежедневно работать. Все зависит от ночи, а ночь от дня, а дни бывают разнообразны. Уехал недавно навсегда один мой друг, с которым особенно тяжко далась мне разлука[4].

Дорога со всей прямотой
Направилась на крематорий[5], —

то бишь на аэродром, — и было это очень страшно, горько, больно, как-то противоестественно.

Ну что ж. Хорош и утешителен только глубокий пышный снег в Переделкине. Вот кажется все хорошее кругом.

А плохо еще вот что (это — между нами): я получила от Шуры такое дурное, незаслуженно злое письмо, что от обиды не могла дочитать его, и так ей и написала, что прочесть не могу и *не хочу* подобного читать. После этого наступило молчание; затем телеграмма 28-го, в день К. И., — и все. Что воспоследует, не знаю. Любовь Эммануиловна все твердит: «Лидочка, она психически больна».

Наверное, старость у каждого выражается по-всякому. Шура к старости очень помельчала. Ей бы следовало быть крупнее.

[1] Ю. Г. Буртин читал свою статью «Очарование свободы». Позже она была опубликована в сборнике «Жизнь и творчество Корнея Чуковского» (М.: Детская литература, 1978. С. 30—38).

[2] С. М. и Е. С. — Соломон Маркович Гуревич и Евгения Самойловна — отчим Т. Г. Габбе и ее мать.

[3] Речь идет о близком друге А. Галича со школьных лет, полковнике Владимире Борисовиче Соколовском (по прозвищу Рыба), у которого погиб сын.

[4] Упомянут Анатолий Якобсон, уехавший в Израиль.

[5] Строки из стихотворения Б. Пастернака «Еще не умолкнул упрек...».

384. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 20.11.73

Дорогая Лидочка!

На днях получил Ваше большое письмо. Уже одним видом своим, *одним весом* оно порадовало меня, хотя и знал я, что не может быть в нем ничего очень уж радостного. Где там!..

О некоторых грустных событиях я знал из письма Володи....

А когда прочел Ваши строки о Тамаре Григорьевне (которою Вы вспомнили, глядя на Татьяну Максимовну у гроба), я вздрогнул. У нас в квартире ремонт, волей-неволей мне приходится приводить в порядок свой ужасный, безалаберный архив, перебирать и переставлять книги и т. п. И как раз в этот день на глаза мне попались три школьные тетрадки, куда я когда-то, по просьбе С. Я., заносил все, что вспомнится о Тамаре Григорьевне. И там, в последней тетрадке, — строчки, почти буквально совпадающие с тем, что пишете Вы:

«Помню ее в крематории на похоронах Соломона Марковича.

Стоит перед гробом на коленях (на одном колене — как рыцарь, как ангел, как паж, как воин перед знаменем), и так она в эту минуту хороша, так прекрасна, что не я один залюбовался ею в этом страшном месте. Александра Иосифовна призналась мне потом, что и она восхищенными глазами смотрела тогда на Тусю.

Она действительно *преобразилась* в эту минуту. Куда девались ее полнота, грузность, ее уже не молодые годы?!

Ни рыданий, ни всхлипываний, ни закушенных губ. Улыбаясь, — ясными, *веселыми* глазами смотрит она на того, кто через минуту должен будет провалиться сквозь землю и сгореть, нежно гладит его иссиня-желтую щеку, его высокий лоб, прощается с ним (вернее, говорит: “до свиданья”) и улыбается при этом ласково, любовно и как-то очень значительно, как человек и в самом деле знающий больше других»...

Простите мне, Лидочка, эту огромную цитату.

Не знаю, удалось ли мне передать то, что я запомнил (конечно, нет, не удалось), но сам я, как сейчас, вижу Тамару Григорьевну в этот день в этом страшном месте.

385. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11 дек. 73. (День рождения сверхрадости[1])

Дорогой Алексей Иванович.

Как я Вам благодарна за Вашу запись о Тусе. Помнить прекрасное — ведь это наша единственная защита. А вы *закрепили* все. Я помню, Вы сказали мне (тогда или на похоронах Евгении Самойловны?) «Т. Г. была так прекрасна, что даже не вызывала жалости».

Вот и Таничка. Но сейчас ей, видимо, с каждым днем тяжелее, хуже, *грустнее*. Она осталась одна в большой и разнообразно опустевшей квартире: мама ее в Лондоне (временно), одна дочка в Штатах — надеется, что временно, но уверенности нет, и только что родила; другая дочка в Москве, но живет не с нею и надолго ли в Москве — не скажешь... Сейчас Таня занята фотографированием его мастерской и последних работ. Занятие почти невыносимое. Она по-прежнему проста и естественна, но горестность, несчастливость и седина стала виднее.

На днях из Детгиза мне без всяких объяснений вернули мои Воспоминания о К. И. Закономерно!

[1] День рождения А. И. Солженицына.

386. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
25.XII.73

Дорогая Лидочка!

Почти целый месяц я занимался разборкой своего ужасно запущенного архива. Нашел очень много Ваших писем — еще довоенных. Одно из них начинается так: «Глубокоуважаемый Леня!» Вот какое давнее.

И много другого нашел и перечитывал. Несколько десятков писем Гриши Белых — оттуда.

Есть люди, которые всегда видны в их письмах. Завяжите мне глаза и прочтите вслух любое Ваше письмо, Ванино, Гриши Белых — сразу узнаю.

Никак не выражен в письмах С. Я. Как это ни странно, не выражена Тамара Григорьевна. В ее письмах (ко мне во всяком случае) нет ни грамма того, что так отмечало и отличало ее в жизни: юмора!

387. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/II 74

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за встревоженность. Пишу только для того, чтобы весть подать. Мне гораздо лучше; от гриппа я уже оправилась и в Переделкине выхожу, но вот в работу еще не влезла: все время отрываюсь от книги для мелочей — необходимых, но досадных. Вообще — не соскучишься.

За Ваше письмо в Союз[1], дорогой друг, не благодарю, потому что за чувство чести и дружества не благодарят. Разумеется, Ваши слова (как и все остальные) оглашены не были, и даже не упомянуты, но *до меня* они дошли. И мне это незабвенно.

[1] Л. К. была исключена из Союза писателей 9 января 1974 г. на заседании Секретариата Московского отделения СП РСФСР. Узнав о готовящемся исключении Л. К., Пантелеев написал в Союз протестующую телеграмму. Об этом см. примеч. 4 к письму **472**.

388. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
17.IV.74

Дорогая Лидочка!

Стало труднее писать не по причинам цензурным, они всегда были, а просто потому, что болезненнее стали ощущаться все беды, огорчения, напасти, сваливающиеся и на тебя и на твоих друзей и близких.

Легко, изящно, шутливо уже не пишется. (Чего захотел, — скажете Вы.)

А хочется, очень хочется сказать — если не в лицо, то — доброе слово людям, которых любишь и которых все меньше, на бумаге.

389. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/IV 74

Дорогой Алексей Иванович.

Ваше письмо от 17/IV дошло до меня молниеносно: сегодня 20/IV, я застала его, вернувшись с дачи. Отвечаю немедля, и оно будет послано Вам заказным сегодня вечером или завтра утром. (Почта ко мне стала доходить аккуратнее после того, как, не добившись толку от почтового отделения, я написала жалобу Министру Связи СССР[1]... Я написала: ничего не имею против распечатывания и чтения моих писем и писем ко мне, но требую, чтобы после всех манипуляций их доставляли по адресу.)

Я вообще не люблю переводы и вообще сейчас мало читаю. Когда мой друг М. С. Петровых подарила мне сборник стихов и прозы некоего болгарина Далчева — я приуныла: времени-то и глаз у меня совсем нет. Но я открыла прозу и потряслась. Стихи тоже отличные, а проза напоминает дневник Жюля Ренара, только без снобизма и сердечнее. Если можете — купите; книжка только что вышла: Москва, 1974, Изд. Худ. Лит., Атанас Далчев, «Избранное». Бывают же на свете чудеса!

[1] Речь идет о Н. Д. Псурцеве.

390. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Комарово
7.VI.74

Дорогая Лидочка!

Книгу Далчева я заказал, но до сих пор мне ее не достали. И никто из тех, кого я спрашивал, о ней не знают. Даже заядлые книгочеи[1].

У нас опять волнения: Маша готовится в институт. Но вряд ли ее допустят к экзаменам. Талант у нее признают, но требуют

от нее того, чего природа нашей дочке не дала: голоса, слуха, умения танцевать.

«Закон есть закон». Программа есть программа.

[1] Речь идет о книге: *Атанас Далчев*. Избранное / Перев. с болгарского. М., 1974.

391. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/VI 74

Дорогой Алексей Иванович.

Давно мы с Вами не перекликались. Я уж и не помню, кто из нас кому последний писал. Но это и не важно ведь, правда? Вы у меня всегда со мной, при мне, при себе — правда?

Люша рассказала мне о дне, проведенном ею в Комарове. Для нее это был счастливый день.

А завтра — годовщина страшнейшего дня: автомобильной аварии. О, какой вообще в прошлом году был у нас июнь! Жара; лифт не работал; я жила в чужой квартире[1], в городе, потому что дача была занята; и вот — это известие о Люше; лестницы, врачи у Склифосовского...

Но теперь все позади: и Люша здорова (почти), и квартиры той уже для меня нет[2]... И лифт у нас отлично работает.

Да, время несется. Тусенька мне говорила однажды так: «Старость — это скорость. Вспомните, что такое была гимназия: каждый класс — век. До этого детство — века... А теперь я живу так, будто меня кто-то стукает по затылку и я бегу с горы».

Книгу Атанаса Далчева я попытаюсь Вам достать.

[1] По соседству, в квартире жены А. И. Солженицына.
[2] После высылки Солженицына и отъезда его семьи.

392. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/VIII 74

Дорогой Алексей Иванович. Не очень уверенная, где Вы, на всякий случай пишу в город. Очень Вы меня огорчили вестью

о Машеньке. Интересно, что я никакого ее речевого дефекта (то есть дефекта в произношении) не примечала никогда.

Ох уж эти дети, которые могут *только одно* и ничего более. Я сама была такая. Пошла в Институт Истории Искусств на литературное отделение даже не столько из любви к литературе (ее мне хватало), сколько из невозможности научиться учиться чему-либо вообще: математике ли, биологии ли, языкам ли — ничему. Я ведь умудрилась прожить жизнь, не узнав ни одного языка; а меня с детства учили английскому, а позднее — немецкому, и все учителя высокого уровня. И — никакого толку. Чуть-чуть читаю по-английски... Над математикой — над арифметикой даже — выплакала глаза. К счастью, Тенишевское училище было не строгое: меня переводили из класса в класс, потому что по литературе и истории было хор., по биологии — уд., а «математике ее все равно не научишь». Митя потом уверял, что это учителя были виноваты, и пытался мне объяснять, но не преуспел. К старости тупость усилилась, и я с трудом соображаю, сколько надо получить сдачи.

А что за дурацкая идея, будто на сцене звуки надо выговаривать безупречно? Ведь множество людей не выговаривают «р» или «л» — и что? Вот когда вместо «который час» спрашивают «сколько время» — тогда худо.

Рада, если Вам понравился Атанас. Он весь вглубь. О мастерстве же перевода уж и не говорю. В прозе я нашла некоторые микроскопические неудачи, а стихи — само совершенство. Знаете ли Вы книжку М. Петровых «Дальнее дерево»? Замечательный она поэт, а уж мастер перевода — и не говорю. Если у Вас нету ее книжки, я попрошу Финищу переписать 2 моих любимых стихотворения и пошлю Вам.

393. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/IX 74

Дорогой Алексей Иванович.

Прежде всего, простите меня, пожалуйста, — я в этом году впервые забыла о дне Вашего рождения! Надеюсь, Вы поверите, что не забывчивость сердца, а просто затурканность бытовая,

рабочая; я понимаю, Вы не обиделись, но я сама на себя обиделась, потому что ведь для меня это праздник. Сама себя его лишила.

Вы спрашиваете, какие два стихотворения Петровых я больше всего люблю в «Дальнем дереве».

«Черта горизонта»
«Ты думаешь, правда проста»

и еще третье (нет под рукой, забыла начало, а кончается так:

Не часто слышишь от людей
Подобные слова.)[1]

А купили ли Вы Самойлова «Волна и камень»? Там просто чудеса.

[1] «Пусть будет близким не в упрек...»

394. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/XI 74

Дорогой Алексей Иванович.

Осень была в этом году необычайная. Теплая, тихая, смиренная осень.

28-ое прошло хорошо. Было меньше людей, чем всегда: обычно как-то везло, падали дни К. И. на субботу и воскресенье, а тут — понедельник, люди служат.

Было мирно, тихо — а на горе тоже темень и золотые листья и очень много свежих цветов.

Уже к концу — т. е. часам к 6, когда почти все разъехались, — приехал Непомнящий и прочел дивную пародию на чью-нибудь речь, обращенную к Пушкину-юбиляру. Академическую. Ну, этого не описать. Кстати, читаете ли Вы его статьи? Поразительный пушкинист — и, вероятно, вообще лучший из нынешних критиков.

395. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/XI 74

Дорогой Алексей Иванович.

Я не спросила у Вас, когда мы виделись (в самом деле, почти не виделись...). Но и в Переделкине (в субботу и в воскресенье видеться невозможно: нет уединения) — я не спросила, понравились ли Вам стихи Петровых? В книге «Дальнее дерево»?

Вот последнее ее четверостишие (кажется, будет напечатано в «Дне поэзии»):

Есть люди судьбы
И люди карьеры.
Вседневны примеры
Этой борьбы.

PS. Да, Вы знаете, какая у Люши великая победа? 79 «пропавших» писем К. И. к И. Е. Репину возвращены в Пенаты! Теперь их всего 97 — по-видимому, примерно столько их и было... Жду не дождусь, когда прочту; а это еще не сразу: регистрируют, фотокопируют и пр. Но прочту. И многое вспомню!

396. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/XII 74 Переделкино

Дорогой Алексей Иванович. Пытаюсь делать 2 работы параллельно — не умею, а надо. Да еще ведь каждую неделю езжу взад-вперед. Да еще внезапно свалилось счастье: переписка К. И. с Репиным, героически-дипломатически добытая Люшей, — и я ее прочла. Мне это трудно физически (глаза), да и душевно: они бередят мою память, это годы 1910 («Предыстория») и уже история 1912—1928.

Переписка с обеих сторон замечательная[1]. Дай Бог всем такой переписки. Видно, как К. И. любил Репина и как деятельно и постоянно был верен этой любви.

Слышала, что вышел том Ахматовой с послесловием Банникова (в Гослите)[2]. 50 тысяч тираж. Я его в руках не держала, и никто из друзей А. А. тоже. Вспоминаю, как А. А. когда-то говорила мне о том или ином своем стихотворении, о той или иной строфе:

— Когда меня не будет, приглядите, чтобы это не печаталось после... — ну, после или до — какого-нибудь стихотворения...

И вот я теперь «приглядываю»... Не имею возможности подержать в руках новый сборник. Хотя на «Беге времени» рукою А. А. написано:

«Лидии Чуковской мои стихи, ставшие нашей общей книгой».

Нет ли у Вас связей с букинистами? Вот вывод из приведенной новеллы.

[1] См. Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. 1906—1929. М.: НЛО, 2006.

[2] *Анна Ахматова*. Избранное / Сост. и послесловие Н. Банникова. М.: Худож. лит., 1974. В своем послесловии Н. Банников цитирует и пересказывает «Записки об Анне Ахматовой», — не называя имени автора: «Записки» тогда еще не были напечатаны ни в Париже, ни тем более — в России. Для своего предисловия он использовал рукопись, случайно попавшую ему в руки. Подробнее об этом см.: *Записки*. Т. 1. Примеч. к записи 25 июня 1940 г.

397. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

31.3.75

Дорогая Лидочка!

Сегодня (или завтра?) день рождения Корнея Ивановича. Вспомнил об этом, и потянуло Вам написать, хотя писать (и читать) мне еще не позволено. Впрочем, не ЕЩЕ, а УЖЕ. Было позволено, а потом опять запретили. Осложнения на роговице.

Читали ли Вы воспоминания М. Алигер об Анне Андреевне в «Москве»?[1] Мне прислала эту книжку журнала — еще в больницу — одна провинциальная читательница.

Простите за краткость этого КОНТРАБАНДОЙ писанного письма.

[1] *Маргарита Алигер*. В последний раз // Москва. 1974. № 12.

398. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/III [IV] 75[1]

Дорогой Алексей Иванович. Как я обрадовалась Вашему почерку на конверте!

Вы спрашиваете, читала ли я мемуары Алигер. Читала. Они не такие лживые, как «Вторая книга» Надежды Яковлевны, которая вся насквозь лжива — как бывают лживы голоса, походки, в каждом шаге и звуке; нет; беда мемуаров Алигер иная; в них встречаются крупицы *правды*. Я проделала важную работу: подчеркнула около 12 фраз А. А., которые действительно *точны*. Слышу по интонации.

— Какая сегодня погода? А разве на свете еще существует погода?

Это в самом деле Ахматова. Или:

— Когда я вижу, что в баночку из-под майонеза накладывают масло, — я сразу понимаю, что кто-то из друзей в больнице.

И притом — воспоминания *подлые*. Сознательно. Например: Алигер описывает жизнь Ахматовой в Ташкенте, в эвакуации. В Ташкенте в эвакуации Алигер *не была*; а была возле А. А. — я (я ее туда и привезла из Чистополя), а позднее — Надежда Яковлевна, ее старый друг. Но мое имя и имя Н. Я. употреблять не положено... Но вот Алигер пишет характеристику жизни Ахматовой в Ташкенте, не бывши там, нарочно — лишь бы Ташкент — ахматовский — оказался *без* нас. Мне наплевать, но я сужу человека по намерению... Затем: чудовищный абзац, преступный, о сыне А. А.; см. стр. 154, последний... Выходит, что она плакала о нем, и *молилась о нем*, только когда он стал солдатом... А *до*? И это бесстыдство при наличии *всемирно* известной *молитвы*! «А. А. *теперь* могла гордиться им...» А раньше — (и после!) *стыдилась*?

Очень глупо звучит самое начало воспоминаний: Ахматова радостно ахает, оказавшись наконец в квартире, где Шекспир — в подлиннике! А что же, у Лозинского, у Маршака, у Пастернака Ахматова не видывала Шекспира в подлиннике? Они переводили с потолка? Да и вообще у всех интеллигентных людей поколения А. А. на полках стоял Шекспир в подлиннике...

Виновата сама А. А. Как виноват С. Я., что первым написал о нем воспоминания Баруздин. Как виноват К. И., которого сфотографировали, когда он сидел на лавочке в Доме Творчества рядом с Верой Инбер (он терпеть ее не мог), и это была *первая* фотография К. И., появившаяся в газете после его смерти... А. А. была бездомна — и вот, кажется, 2 раза — приняла предложение пожить у Алигер. Я там бывала. А. А. относилась к М. О.[2] *не худо*; и благодарно; а в общем — никак. Разговаривала «внешне»,

светски; в сущности, они, будучи знакомы, *не общались*. (Я наблюдала это не общение; А. А. была великим мастером любезно общаться, не общаясь.) Ну вот — а теперь Алигер имеет полное право писать о ней воспоминания.

Никогда не забуду, какими глазами, с какой злобой, смотрела М. О. на *друзей* А. А., слушала ее расспросы об Иосифе[3]...

И все это пустяки. Каждое слово Ахматовой запечатлено.

Ничто
Не может пропасть.

Но мемуары — ух, какой трудный жанр! Ныне в России знаю одного мастера мемуаров: Л. Пантелеева.

[1] Датируется по п/шт — у Л. К. в дате описка.
[2] Маргарита Осиповна Алигер.
[3] Об И. А. Бродском.

399. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

18.IV.75

Дорогая Лидочка!

Когда Мириам Борисовна Кан прислала мне книжку «Москвы» с воспоминаниями Алигер и спросила: та ли это Ахматова, которую я знал и помню, — я ответил, что очень близко А. А. никогда не знал, но на некоторых страницах с радостью узнаю Ахматову. Я имел в виду как раз реплики, отмеченные Вами, — они записаны или запомнены. Но тогда же я написал, что мне представляются фантастическими те близкие отношения, о которых сообщает читателю мемуаристка...

А сама Кан, человек умный, тонкий, доверчивый, влюбленный в литературу и поклоняющаяся любому литератору, писала мне: «Но знаете, у меня было чувство, что Алигер, может быть, до конца не понимает, *что* именно она показала, что я понимаю это верней»...

Следующая фраза в этом письме: «Относительно Л. К. не сомневаюсь». Это я писал ей о том, кто оставит самые достоверные воспоминания об А. А.

На днях говорил с молодой редакторшей Детгиза о Шорине — о возможности переиздать его книги. Она книгу прочла, удивила ее 1-я часть. У меня впечатление, что я этой первой части раньше не читал — о вредителях и прочем подобном. Не знаете ли Вы происхождения этой главы?

400. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/V 75 Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Простите, что не написала Вам в прошлый раз о Шорине. Но я далеко не всегда имею счастливую возможность найти книгу, перечесть — или прослушать ее — вникнуть и пр. Ведь я, при своей слепоте, пишу 2 книги зараз; для каждой нужны справки, примечания; Фина не ежесекундно возле; я веду кочующий образ жизни — а потому *перечитывать*, искать, вдумываться во что-то не мое сиюминутно рабочее, мне не под силу. Если же хватает сил урвать 10 м., то сквозь лупу перечитываю «Евгения Онегина».

О Шорине. Книга сейчас передо мною. Надпись: «Из всех звуков незабываем первый и последний. Вы мне первая сообщили с искренней, кажется, и для Вас, радостью, что я стал “автор”. Лидии Корнеевне Чуковской от признательного автора. 16/XI 35 г. И. Шорин».

Как возникла 2 глава? Я не знаю. Нашла рукопись Шорина я, в самотеке. (С. Я. требовал, чтобы мы сами — а не младшие редакторы или Рахиль Ароновна[1] читали весь самотек, — и был прав.) Рахиль Ароновна дала мне очередную пачку. Менее всего меня тянуло читать рукопись, написанную карандашом, с сомнительными знаками. Но я прочла и восхитилась и в тот же день занесла ее С. Я-чу *домой* и, не застав его, оставила на столе со своими восторгами. Повесть о колхозе нам нужна была до зарезу, а эта — поэтическая, искренняя. С. Я. влюбился в нее, а посему поступил в нарушение обычая: работал над книгой не вместе со мной, а вместе с Т. Г. Я не бунтовала и не корила. (За что С. Я. меня однажды публично похвалил.)

Вот все, что могу сейчас написать о Шорине. Помнится, он писал для нас еще что-то — но не помню, что — и кончил ли? Погиб на финской войне.

[1] Рахиль Ароновна Брауде — сотрудница редакции Лендетиздата.

401. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
23.VI.75

Дорогая Лидочка!

За Шорина — спасибо, хотя Вы не сообщили мне почти ничего такого, чего бы я не знал. Была ли у него семья? Кто? Где? Впрочем, не знаю, решусь ли я писать предисловие, да и вообще вопрос о переиздании этой книги еще не решен.

Читал на этих днях Ваши старые, тридцатых годов письма. О многом хотелось бы поговорить, даже поспорить, но — увы — разделяют нас 647 км и даже больше.

402. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

г. Пушкин
26.VIII.75

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам — был погружен в работу, в болезни и, главное, в тревогу за Машу. Как Вы знаете, она передумала, отказалась от мысли поступать в Театральный, подала заявление в Педагогический, Герценовский. Все четыре экзамена, к моему удивлению, сдала на пятерки, но только на днях стало известно, что ее приняли в институт (могли и не принять: конкурс огромный, а у нее школьный аттестат — ниже пятерки).

Я живу в Пушкине, в пансионате для престарелых ученых. Здесь тихо, работать можно.

403. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Пушкин
18.X.75

Дорогая Лидочка!

Я все еще в Пушкине (в Царском бываю редко, и его все меньше и меньше остается, — все уже и уже тропинки меж озерных глухих берегов, где бродил смуглый отрок[1]). И Пушкин и Павловск (особенно Павловск) после войны неузнаваемы: многоэтажные каменные ящики выросли там, где была заповедная

старина и заповедная тишина. В Веймаре этого нет. В Эстергоме, в Венгрии — тоже. Тоже и в армянском Эчмиадзине. Даже центр Одессы — пушкинский, россетиевский — остался неприкосновенным. Но нарушена заповедность Ленинграда. На месте до́ма, где я родился (у Египетского моста), возвели огромный элеватор, названный гостиницей. Против Летнего сада — на том, Выборгском берегу, — тоже выросла уродливая *модерная* гостиница. Чего же ожидать от ленинградского пригорода — Пушкина?

PS. В Ленинграде замышляется сборник памяти М. М. Зощенко. Просили и меня дать воспоминания. Я вспомнил, что когда-то, после смерти и похорон М. М., я записал свежие впечатления и — послал их Вам. Помню, что позже я был в Переделкине, гулял с К. И., и он просил разрешения перепечатать мой рассказ. Не сохранились ли эти мои заметки?[2] Вообще-то затея со сборником кажется мне сомнительной. И фигура трагическая, и слишком узок круг возможных авторов. Комиссия по наследству обращается лишь к тем, кто не лягал Михаила Михайловича. А из близких к нему людей многие уже ушли. Нет Жени Шварца, нет Вс. Иванова, Н. П. Акимова...

[1] Скрытая цитата из Анны Ахматовой: «Смуглый отрок бродил по аллеям / У озерных грустил берегов...»
[2] См. письмо **107**.

404. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/XI 75, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Вашу телеграмму в день памяти Корнея Ивановича мы получили. Спасибо Вам. Он всегда Вас помнил, всегда говорил с любовью и восхищением, всегда удивлялся: как это может кто-нибудь не знать, что живет среди нас классик — Пантелеев. А за Библиотеку был благодарен до смертного часа... В этом году, как и всегда, Люша и Клара Израилевна устроили выставку — блестящую. К нам ведь поступили из Стокгольма новые материалы: письма К. И. к моей матери, да еще одно письмо Репина к К. И., да еще описание всех материалов фонда Чуковского, оказавшегося невесть каким путем (из Финляндии?) в Стокгольме... Многое нам прислали в виде кce-

рокопий, которые мы и выставили. Затем Люша читала вслух куски из тетради К. И. «Что вспомнилось»: о Сологубе, о Гржебине, о Балтрушайтисе, о Кропоткине. В доме и на могиле было человек 35.

405. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1 сентября 1976 г

Дорогой Алексей Иванович. Пишу Вам вздор, вместо того, чтобы сразу поблагодарить за подарки. Колокольня Никольского собора прекрасна. Кем и в какие времена выстроен этот собор? А известны ли Вам стихи Тарковского памяти А. А.:

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета —

если нет — пришлю.

406. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
4.9.76

Дорогая Лидочка!

Стихов Тарковского я не помню. Если пришлете — приму с благодарностью. Печатались они? Тогда много было написано о Никольском Морском соборе. Помню стихи Евтушенки, Смелякова (который безбожно напутал, упомянув что-то о петровских временах[1], тогда как Никольский собор строился гораздо позже — во времена Елизаветинские[2]. Строил его Савва Чевакинский — тот самый, автор Фонтанного Дома!).

Собор и его колокольня, на мой взгляд, — самый прекрасный из Ленинградских ансамблей. Вообще эти места — собор, Никольский рынок, Крюков канал — Лукомский называл красивейшими в Петербурге. Мне они дороги еще и потому, что это — места моего детства.

[1] Смеляков в стихотворении «Анна Ахматова» (1966) писал: «Мы ровно в полдень были в сборе / Совсем не в клубе городском, / А в том большом морском соборе, / Задуманном еще Петром».

[2] Никольский Морской собор был построен за период с 1753 по 1762 г.

407. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/IX 76[1]

Дорогой Алексей Иванович. Прилагаю стихотворение Тарковского памяти А. А. Оно напечатано в последнем сборнике его стихов, вышедшем в 74 г. Там, рядом, еще 3 — тоже ее памяти, они тоже хороши, но это лучше всех.

Я тоже очень люблю тот район Ленинграда, о котором Вы пишете. Я его помню. А вот не разгадаете ли одну загадку. В «Поэме без героя» (см. хотя бы сб. «Бег времени», где напечатана I часть) есть такие строки:

Вы ошиблись: Венеция дожей
Это рядом...

Речь идет о маскараде на Фонтанке — в Фонтанном Доме. Так вот, почему же рядом — Венеция дожей? А. А. знала историю Петербурга отлично и была чужда приблизительности. Я говорила со знатоками: рядом с Фонтанным домом существуют дома, построенные итальянскими архитекторами, но почему, все-таки, «Венеция дожей»?

Не разгадаете ли?

[1] К письму приложено стихотворение А. Тарковского «Когда у Николы Морского...».

408. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.XI.76 г.

Дорогая Лидочка!

...откликаясь на Вашу просьбу попробовать расшифровать слова из «Поэмы без героя»:

...Венеция дожей
Это рядом —

я писал, что нигде по соседству ничего венецианского нет и быть не может. Талантливые стилизации («Под Египетским портиком банка»[1]...) — все на Невском, на Морской, на Каменноостровском...

Вслед за Вами я думал, что речь идет об архитектуре, о *месте* города. Подумал — не Фонтанка ли с ее барками, лодками, пароходиками...[2]

И вдруг перечитал ахматовские строчки и думаю: а не о *комнатах ли рядом* идет речь? Не о том ли Зеркальном зале, где шумит маскарад? Зал этот в Фонтанном доме Аргунова и Чевакинского сработан Гваренги (см. примечание А. А.)[3]. Пожалуй, что так.

[1] Строка из стихотворения О. Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...».

[2] Разгадку этих ахматовских строк см. в опубликованной посмертно работе Лидии Чуковской «Герой “Поэмы без героя”»: «О Венеции — потому что в Петербурге много каналов... Но в “Поэме” не потому она говорит —

...Венеция дожей —
Это рядом...

что Петербург напоминает ей Венецию. А потому же, почему в “Эпилоге” сказано:

Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.

Ленинград ничуть не похож на Тобрук. Но это ахматовская расправа с пространством (Ленинград и Африка) и с временем — война у Тобрука сегодня, а за углом Фонтанки начнется завтра; маскарады бывали во времена “Венеции дожей” — а к ней ворвались накануне войны 41 года, напомнив ей канун 14 года» («Знамя». 2004. № 9. С. 136).

[3] Имеются в виду «примечания редактора», помещенные в конце «Поэмы без Героя» (написаны Ахматовой). В примечании 11 сказано: «Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора».

409. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/XI 76

Дорогой Алексей Иванович.

Очень возможно, что Ваше предположение насчет Гваренги и Белого Зала (в «Поэме» Ахматовой) правильно. Хотя все-таки, все-таки, все-таки нет в этом непреложности, обязательности. Но буду копать в этом направлении..

Люша читает верстку и очень счастлива[1]. (Я счастлива за нее, а вообще-то равнодушна, как ко всему искалеченному. Но Люша

и многие люди вложили в сборник памяти К. И. много труда, так что... пусть так. А я бы обменяла любые воспоминания о нем — и свои! — на *его* книги.)

[1] Речь идет о верстке сборника воспоминаний о Корнее Чуковском для издательства «Советский писатель».

410. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.XI.76

Дорогая Лидочка!

Радуюсь вместе с Люшей, с будущими читателями, что выйдет в этом году книга памяти К. И. Простите, но не понял я, на какие ЕГО КНИГИ Вы променяли бы эти воспоминания.

Я еще раз перечитал «Поэму без героя». Если бы мне удалось побывать в этом Белом зале, скользнуть по нему взглядом и обнаружить там хоть что-нибудь от «Венеции дожей» — я бы мог поручиться за правильность моей догадки. А то, что помянут в примечаниях Гваренги, — ничего, конечно, не доказывает. Гваренги строил и Екатерининский институт РЯДОМ и Мариинскую больницу в тылу Фонтанного дома...

Но — что же венецианского в этом классицисте?!

411. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

4/XII 76

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете, за какие книги К. И. я отдала бы все воспоминания о нем, даже самые лучшие. За те, которые не переиздаются, которых не только на прилавках, но и в издательских планах *нет*. Ни единой книги его *нет*, а ведь он в них вложил свою жизнь: «От 2 до 5», «Современники», «Живой как жизнь», «Высокое искусство», «Чехов», «Уолт Уитмен», «Книга об Александре Блоке», «Рассказы о Некрасове», ранние статьи — словом, я променяла бы воспоминания о Чуковском (в том числе и свои) на книги Чуковского. Ведь это естественно, не так ли? Ведь вот я очень люблю книгу К. И. о Чехове, но если бы меня спросили:

«что издавать: А. П. Чехова или книгу Чуковского *о* Чехове» — я ответила бы: конечно, Чехова; и что издавать — стихи Ахматовой или "Записки" Л. Чуковской *об* Ахматовой? Я ответила бы: стихи... Вот в этом смысле я и написала, что хоть и радуюсь сборнику воспоминаний о К. И. — более обрадовалась бы сборнику его статей или любой *его* книге...

Я думаю, что в этом предпочтении нет ничего обидного по отношению к тем любящим К. И. друзьям, которые с разной степенью ума, таланта и мастерства написали о нем свои воспоминания. Я от души люблю Ваши, затем Непомнящего, Петровой, Берестова, Паперного, Клары Израилевны и других. А сколько труда внесли в эту книгу ее составители!

Вот Вам вариант Вашей «Буквы "Ты"».

Девочка пошла в школу.

Мама спрашивает: — Как зовут твою учительницу? — На вы. — Нет, а как ее имя? — На вы. — Ну, а если ты хочешь у нее спросить что-нибудь, ну например: где мыло? тогда как ты скажешь? — На мы.

412. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

22.XII.76 г.

Дорогая Лидочка!

...Относительно Чехова и Чуковского — не знаю. Чехова я люблю, вероятно, не меньше Вашего, но если бы спросили: кого — Чехова или Чуковского? — я бы сказал:

— Чехова на книжных полках много, а прекрасную книгу Чуковского о Чехове знает не так много людей.

Почему Вы на эту тему заговорили — не понимаю; не помню, с чего начался разговор. Я бы не очень огорчился, если бы мои воспоминания о К. И. в сборнике «Советского Писателя» не пошли. Они не лучшее из *того*, что я писал о К. И. «Седовласый мальчик», как Вы знаете, не идет. Как не идут, вынутые мною из детгизовского сборника «Заметки о ремесле и мастерстве»[1]. Статьи же К. И. — самого — там напечатаны. Первое меня не может не огорчать, второе — не может не радовать.

[1] И «Заметки о ремесле...» и «Седовласый мальчик» не печатались из-за упоминания в этих статьях имени Л. К. Чуковской, которое автор отказался вычеркнуть.

413. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград, 11.4.77

Дорогая Лидочка!

Огорчил меня — и ужасно огорчил — Владимир Иосифович. К моему семидесятилетию Лендетгиз собирается выпустить сборник моих рассказов, спросили, кого бы я хотел видеть автором предисловия. Я назвал В. И. Глоцера. Знали бы Вы, каких трудностей стоило мне защитить его кандидатуру. «Не член союза», «не ленинградец», «никому не известный» — и еще похуже замечания приходилось мне многократно выслушивать и вычитывать. Я стоял твердо: или Глоцер, или не надо книги. Согласовали с Москвой и заключили договор с Глоцером. И тут была заковыка. От В. И. я узнал, что его «дискриминируют» — платят меньше, чем он заслуживает. Я добился, что ему дали высшую (для нелауреата) ставку. Было это полгода, если не больше, назад. Полгода он писал статью в один печатный лист. Я виделся с ним, писал ему и ни разу не спросил, как подвигаются его дела. Не хотел мешать ему, нервировать его. А он за эти полгода (за год, собственно, потому что начал готовиться к работе еще прошлой весной) не задал мне ни одного вопроса, ни о чем не посоветовался. Один раз я спросил: не надо ли подкинуть ему биографического материала?

— Нет, — ответил он. — Материала у меня достаточно. Мне важно донести до читателя мою концепцию.

И вот четыре дня назад наш милый Володя — без предупреждения — нагрянул к нам с готовой статьей. Скажу сразу: статья хорошая. На четверку во всяком случае. Немало страниц и на пятерку с плюсом. Но там есть вопиющие неточности биографического порядка. И неверно, неточно определена степень автобиографичности моих сочинений. «Ленька Пантелеев», оказывается, «сугубо автобиографическая повесть», а «Республика Шкид» — меньше. В то время как о своем герое Леньке я несколько раз публично заявлял, что это не автор, а «человек с очень похожей судьбой и с очень знакомым автору характером». «Республика Шкид», как Вы знаете, повесть-очерк. И все в таком духе. В «Букве Ты», оказывается, «еще меньше автобиографичного», а что там правда и что вымысел — «это навсегда останется писательской тайной».

— Почему? — спрашиваю. — Разве трудно выяснить, спросить у живого еще автора?

— Это не в моих правилах. Я держусь дистанции между собой и тем, о ком пишу.

Есть в этой статье ляпсусы вопиющие по своей фантастичности и неуважению к автору. «Вернулся Пантелеев в Ленинград в январе 1944 года, едва только отогнали врага». Так только враг и мог написать. Я приехал в блокированный Ленинград за неделю до начала решающих боев и самые горячие дни провел в городе. А уезжал из Ленинграда 27 января — в день, когда страна салютовала нашему освобожденному городу. Об этом узнать было просто,— проглядеть мои опубликованные дневники 1944 года.

Вообще-то таких ляпсусов немного — пять-шесть самое большее.

Говорил я с В. И. предельно спокойно (в этот, первый раз). Он выслушал меня, согласился, сказал, что все обдумает. На другой день я продиктовал ему по телефону точные справки биографического характера, он записал их, поблагодарил, а еще через день звонит и заявляет, что все, что я прошу убрать или изменить, ему «крайне важно», что это нужно для его «концепции», что я «не вижу, как рвется ткань с таким трудом сделанной вещи».

На следующий день Элико звонила к нему в гостиницу — он не подходил к телефону. Забеспокоившись, мы в воскресенье, по пути к Маше, заехали к нему в гостиницу, разбудили его. Он заявил, что все обдумал и — завтра расторгает договор. Рискуя опоздать к Маше, убеждали его, урезонивали. Я готов был предложить ему карт-бланш.

Пряча голову в подушку, он восклицал:

— Нет, нет, кончено! Да, конечно, убито пять месяцев жизни. Убито здоровье и т. д.

Я не выдержал и сказал, что ведет он себя не по-мужски.

Вечером Элико еще раз позвонила ему, не застала, просила соседа по номеру передать, что звонила и просила звонить *Пантелеева*. Он не позвонил.

Между прочим, еще год назад Элико предсказывала, что будет трудно и очень трудно. Я, конечно, тоже знал, что будет нелегко. И боролся за Глоцера, как Вы понимаете, лишь из желания ему услужить. В издательстве мне сказали, что статья Глоцера будет «пробным камнем», если она выйдет, ему закажут книгу...

Ужасно, ужасно оба мы огорчены. То, что он подводит и меня, и издательство я уж не говорю. Нарушаются, ломаются отношения с хорошим (но очень серьезно больным) человеком!

Что Вы подскажете? А что тут можно подсказать? Ничего ведь не подскажешь. А издательство его уговаривать не будет ни одной минуты.

Да, воспользоваться Вашим арбитражем я не могу — живем мы, увы, в разных городах, пока да что...

Простите, Лидочка, что заморочил Вам голову подробностями, но коротко написать не могу, нет времени.

PS. Сегодня утром, не дозвонившись к нему, послал телеграмму: прошу его не торопиться, не принимать решений сгоряча. И я, мол, подумаю. Мы, мол, продолжаем любить его. Просили позвонить. Он не позвонил и тут.

414. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
14.IV.77

Дорогая Лидочка!

Пишу вдогонку своему позавчерашнему письму. Глоцер вчера объявился — с букетом роз, с растерянной улыбкой на губах и — с каким-то анонимным пригласительным билетом: на обложке нарисованы цветными карандашами какие-то куколки, а в письме детскими каракулями кто-то приглашает Владимира Иосифовича вечером 13-го апреля пожаловать к нам в гости. И он, Володя, видите ли, решил, что это рисовала и писала и приглашала — Элико Семеновна!..

Вообще-то я рад, конечно, что он пришел, но — ощущение беды, болезни не оставило меня.

За один вечер мы сделали все, что нужно было. Мы с Элико сделали все, чтобы ни самолюбие, ни тщеславие его не пострадали.

415. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

23.V.77

Дорогая Лидочка!

Писал Вам на днях и вот пишу опять. Неотложно требуется Ваш совет.

Ужасно у меня получилось с Володей. С огорчением должен сказать, что Владимир Иосифович ведет себя в этой ситуации не лучшим образом. Неожиданно для меня, он вдруг задирает нос, требует высшей ставки гонорара. Статью он пишет бесконечно долго, берет двухмесячную отсрочку. И вот привозит мне готовую рукопись.

Вы знаете, что было дальше. Но не знаете того, о чем я не говорил, скрыл и от Вас, и от Люши, и от самого В. И. Статья мне не понравилась, не могла понравиться. Она вялая, неинтересная и по жанру — совсем не то, что требуется. Однако — против обыкновения — я правды автору не сказал, статью в целом похвалил, попробовал только убрать фактические неточности. И это, как Вы знаете, вызвало истерику.

Вчера мне звонила редактор[1]:

— Неужели вам нравится эта статья?

Став на ложный путь, я вынужден и тут лукавить, говорю, что статья — хорошая.

— Там же ничего нового. Повторение сказанного другими. Статья примитивна. И т. д.

Говорит, что это мнение всех, кто читал статью. Мне остается долдонить, что меня, как автора, статья вполне устраивает.

Спрашиваю:

— Вы Владимиру Иосифовичу писали?

— Не написала еще.

— Пожалуйста, прошу вас — напишите помягче, поделикатнее. Он болен. Он был не в лучшей форме, когда писал...

— А я уже вторую неделю этим и занимаюсь, что ищу *мягкий* тон.

В. И. уверяет, что писал статью 8 месяцев. В гостинице «Октябрьская» он кричал — на меня и на Элико! — утверждая, что только из уважения ко мне взялся за эту неблагодарную работу. — Только для вас! Уверяю: только для вас! — кричал он.

То, что я оказался в дурацком положении — с этим я могу смириться. Бог с ним. Предвижу торжество Неуйминой, гл. редактора, которую я довольно резко пробирал за то, что она не знает такого автора, как Глоцер. Хуже, что я изменил своему правилу — из побуждений дружеских веду себя не совсем принципиально, даю завышенную оценку рукописи. Никогда со мной этого не бывало.

Но тут я даже не об этом думаю, а о Володе: что будет с ним?

Знаю, что он обвинит меня: в статье, мол, была концепция, ее не стало после поправок, внесенных по просьбе Пантелеева. Это будет несправедливо. Статья не стала ни хуже, ни лучше, просто в ней стало меньше фактических ошибок... А концепция!!! Объяснить, что это за концепция, он не мог. О том, что творчество Пантелеева автобиографично? Об этом писал и Корней Иванович и Вера Васильевна...

И все-таки. Что будет с Володей, как он перенесет этот удар.

Элико, которой статья тоже решительно не понравилась, говорит:

— В этом случае ты должен был слушаться меня.

Не очень глубоко вникая в существо литературных дел, она куда лучше понимает существо человеческих отношений. И — уважая, любя Володю, она предупреждала меня — не биться за его кандидатуру. Она предчувствовала и предсказывала — то, что в результате получилось.

Лидочка, милая, что делать?!

Еще раз: я не о себе говорю. Готов идти на любой стыд и поношение, готов видеть в конце или в начале книги недостаточно яркую, скучноватую статью, готов не видеть никакой статьи, но — как быть с Володей? Он не пишет, не звонит. Знаю — очень страдает. Он ведь болезненно тщеславен, обидчив, легко раним.

Я так хотел помочь ему. Хорошая книга сразу помогла бы ему в его трудной жизни. Хорошо, что договор заключили не на книгу, а на статью.

Мне больно думать, что я могу потерять, а может быть, уже и теряю такого друга.

Жду Вашего слова, Вашего совета.

[1] Е. Д. Шнитникова.

416. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/VI 77

Дорогой Алексей Иванович, вернувшись домой, я застала Ваше письмо, полное тревоги о Володе. Я ее разделяю — но ничего толком сказать не могу. Нам он не звонит — ни мне, ни Люше. Я звоню по обоим телефонам: тщетно. Фине повезло —

она снова встретила его на улице, на остановке троллейбуса, неподалеку от нас. Она силой дотащила его до нашего дома, поднялась одна наверх, достала сама Ваш подарок (ни меня, ни Люши не было) и вручила (всучила!) ему. Пыталась узнать, где он живет. «И там и сям» был ответ.

Пишу Вам это письмо, а одновременно посылаю ему по обоим адресам записочки с просьбой позвонить мне. И с уверениями, что никаких *дел* к нему у меня нет.

Вчера виделась с Дав. С. Самойловым, который только сейчас впервые прочел Ваш Ленинградский Дневник, Ваши воспоминания о Шварце и Маршаке. Он говорил о Вашей прозе восторженно. Человек он сухой — и потому его похвалы вдвойне обрадовали меня.

Кстати, в № 5 журнала «Дружба народов» — цикл его стихов.

417. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

16.VI.77
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Вот уже — сколько и не знаю, — много дней прошло с тех пор, как мы распрощались с Вами на Фонтанке. Радуюсь, что повидал Вас, огорчен, что не мог проводить: в эти часы мы — у Маши.

Уже больше 8 месяцев она в клинике!

Нужно ли говорить, как мы чувствуем себя!

Ко всему прочему — еще Володя.

Не ответил редактору, не откликнулся на 2 моих письма, поставил меня в положение самое дурацкое: ведь я не только рекомендовал его, — я бился за него, за его кандидатуру, за высокий гонорар для него.

Меня спрашивают: почему он молчит? Не могу же я сказать, что он и мне не отвечает, этот человек, о котором я писал: «не знаю никого, кроме...»

И все-таки самое горькое — не судьба статьи, а судьба наших с ним отношений. Я писал ему оба раза с возможной кротостью, даже ласково... Не понимаю, как мог он не ответить на эти письма.

Я знаю, что Вам трудно что-нибудь подсказать. Ведь он, небось, и от Вас скрывается. Он *болен*, я *не сомневаюсь* в этом.

Что касается моего давнего письма о Михаиле Михайловиче, то как я уже говорил (и Вам, а еще раньше Корнею Ивановичу), я не возражаю, если оно будет процитировано в серьезной работе о Зощенке — в любом контексте, в любом объеме, без каких-либо купюр и аббревиаций с точным указанием автора и адресата[1].

[1] Речь идет о письме А. И. Пантелеева к Л. К. Чуковской о похоронах Зощенко. См. письмо **107**.

418. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

19.VI.77

Дорогая Лидочка!

Наши письма, как это не раз бывало, разминулись. Не успел я написать Вам, как пришло письмо, от Вас. Пришло (прилетело, примчалось) молниеносно: на следующий день после того как его опустили в ящик.

А вчера наконец пришло огромное, увесистое, на 9 листах — письмо от Владимира Иосифовича.

Письмо это окончательно утвердило меня в мнении, что он *тяжело болен*.

Письмо — сплошной стон, сплошная жалоба — на судьбу, на врагов и недоброжелателей и — на друзей тоже. Никто никогда не спросит, как он живет, над чем работает!

На следующих двух листах подробно рассказано, как вечером на ул. Горького его ограбили три глухонемых парня. И как он безуспешно через милицию разыскивал их.

Потом вдруг сообщает: «Моя жизнь усложнилась еще больше, в конце апреля у меня произошло несчастье, о сути которого я не стану говорить ни сейчас, ни когда-либо потом».

А двумя страницами ниже пишет:

«На фоне беды меня почти не тронуло — другое происшествие».

Что с ним случилось? Какая беда? Можно ли помочь? Как? Чем? Мы с Элико встревожены очень.

Узнать, что мои воспоминания о Маршаке и Шварце понравились Д. С. Самойлову, мне было приятно. Не знаю, какой он человек (Вы пишете — сухой), но поэт он большой. Недавно мы с Элико полтора часа слушали его по телевидению.

419. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/VI 77

Дорогой Алексей Иванович. Отвечаю сразу на два Ваши письма.

О Володе... Я рада все-таки, что он написал Вам. Самым ужасным мне казалось, если бы Вы потеряли друг друга. Но, конечно, и без этого — тревога за него большая. На мое письмецо с просьбой откликнуться («Где Вы? Что Вы? Позвоните!») он ответил записочкой, что очень занят, но скоро позвонит. Однажды позвонил Люше (меня не было); разговор был мирный, но тоже «занят», «не знаю, когда появлюсь» и пр. Кажется, в трехкомнатной прекрасной тихой и чистой квартире, которую оставили ему друзья, он все-таки не живет... Слышала про одну новенькую однокомнатную, от которой он тоже отказался. Значит, он в своей берлоге, среди злобы и неустройства — что же делать? Я опять звала его на дачу, где у нас простор и дивное благоухание — опять тщетно — т. е. на это место моей записки он не ответил. А история со статьей — стала ли ясней? Я думаю, в его попытке общения с издательствами и кроется основа разрушения нервов и пр. При этом я не думаю, что конкретно всегда не правы *они*, а он прав. Но ведь дело не в правоте или неправоте, а в хрупкости, при которой человек уже не выдерживает ни подлинной, ни мнимой неудачи. Я очень его люблю и очень в него верю и многим ему обязана. И не знаю, чем помочь: ведь он *мне* про всю историю с предисловием не рассказал, так что я и вмешаться не имею права.

PS. Рада, что [письмо повреждено. — *Е. Ч.*] Самойлова. И сам [он] замечательно умен и замечательно образован. Много понимает и знает, один из лучших знатоков русской поэзии... Читали ли Вы Распутина? (прозу). Здесь много о нем говорят — и мне интересно Ваше мнение («Живи и помни», «Прощание с Матерой»).

420. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.7.77

Дорогая Лидочка!

Володя меня потихоньку добивает. Он прислал мне копию своего письма редактору Шнитниковой. Письмо едва ли не больше самой статьи. И написано оно с бо́льшим блеском, чем эта злополучная статья. Но сколько в этом письме гонора, высокомерия, петушиной заносчивости. Письма Шнитниковой я не видел, но по Володиным ответам вижу, что ни одно ее замечание нельзя назвать глупым, несправедливым или буквоедским.

Выступить арбитром в этом деле я не могу: ведь статья *обо мне*. Елико, возможно смягчая выражения, написал обо всем этом В. И., теперь жду и боюсь новой бури. Только этого испытания не хватало мне на старости лет.

Распутина я читал (и читали мы с Элико вслух) совсем сравнительно недавно.

Пожалуй, это лучший из ныне живущих русских писателей. Во всяком случае, среди так называемых *деревенщиков* он — лучший.

А то, что Вы написали о Д. Самойлове, я прочесть, к сожалению, не мог, так как начинали Вы писать этот постскриптум на бумаге, а заканчивали строку где-то за ее пределами — на столе, на книге, на другом каком-нибудь листе.

Был ли у Вас наконец Владимир Иосифович?

421. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/VIII 77

Дорогой Алексей Иванович.

Я получила неслыханный дар: открытки К. И. к сестре и матери в Одессу из Лондона — 1901, 1903 годов и одну его открытку 1910 года, написанную им сестре, когда он возвращался с похорон Льва Толстого, из Ясной. Держу ее в руках и не верю глазам своим.

Объявился Володя. Был у меня в прошлое воскресенье. Он немного бодрее и спокойнее, но постарел, погрузнел — плечи, брюшко. Мы с ним сосчитали, что не виделись 4 месяца... О Вас он молчит — и я не заговариваю. Он подарил мне прелестную

книжку — «Дети рисуют, дети пишут стихи»[1] (как-то так называется) — прислал он ее Вам?

Не может ли кто-нибудь из Ваших знакомых, живущих в Комарове, пройти на кладбище и поглядеть надпись на могиле Сильвы Соломоновны Гитович? Мне нужны даты ее рождения и смерти[2]. И еще: не скажет ли Элико, какое грузинское имя соответствует русскому Арсений?

Читаю (бестолково, урывками) две замечательные книги: Анна Ахматова «О Пушкине» («Сов. Писатель», 1977) и том Лит. Наследства (87-й), где новые материалы — Чеховские, Гаршинские, Гончаровские. Особенно интересно письмо Гончарова о прозе[3].

PS. Скоро в журнале «Театр» появятся воспоминания Каверина о Шварце.

[1] *Вл. Глоцер.* Дети пишут стихи: Книга о детском литературном творчестве. М.: Просвещение, 1964.

[2] Для комментариев к «Запискам об Анне Ахматовой».

[3] См.: Литературное наследство. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860—1890. М.: Наука, 1977. Том открывает публикация О. А. Демиховской «Гончаров о писательском труде». Напечатаны письма И. А. Гончарова к Е. А. Нарышкиной и С. А. Толстой (вдове поэта А. К. Толстого) о романе Нарышкиной «Лорин».

422. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

18.VIII.77
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Не могу сейчас выполнить Вашу просьбу: в Комарове нет никого из близких мне людей, кто бы мог сходить на кладбище. Ведь тамошнее кладбище от станции далеко, километра три, от дома же творчества еще дальше, а все наши сверстники, как Вы знаете, не очень-то ходоспособны. И сам я, всегда быстроходный, подвижный, вдруг захромал.

Маше, слава Богу, чуть-чуть получше. Теперь ей назначили другие препараты.

Володя другая моя боль и беда. Еще совсем недавно я так радовался его письмам, теперь же пугаюсь, вздрагиваю, едва уви-

жу тяжелый, большой конверт, надписанный его рукой. Сам я пишу ему как можно сдержаннее, каждое мое письмо проходит через контроль Элико.

Огромные письма его пропитаны ядом, какой-то немужской злостью...

О том же, что представляет из себя его злополучная статья, можно судить уже по тому, что за 4 месяца у меня *ни разу* не возникло желание перечитать ее! И потому, что она скучна, вяла, и потому, что кое-что там попросту гадко.

У меня есть старый рассказ «Письмо к президенту». По совету К. И. я не включил его в Собрание сочинений, не вошел он и в тот сборник, к которому В. И. пишет предисловие. А В. И., из побуждений непонятных или, вернее, неожиданных для меня, счел нужным не только упомянуть, но и щедро процитировать этот мой опус. Я просил его не делать этого. Он заупрямился и лишь слегка сократил цитату.

А вот что он мне пишет теперь:

«Мне этот рассказ, Алексей Иванович, простите, неприятен, я не считаю его благородным. И я бы никогда не взял его "на вооружение". Мне неоткуда было знать, что Вы его отменили для себя»... Но он «*подробнейшим образом* описан и цитирован у Маршака»... И так далее. Без какой-либо логики.

В рассказе ничего «неблагородного» нет. Неблагородно примечание, вставленное рукой редактора в 1948 году. Но если считать рассказ неблагородным — благородно ли упоминать о нем, цитировать его?!

Простите, Лидочка! Мало того, что я свое время трачу на эту бесконечную, нудную, какую-то бабью тяжбу, я еще и Вас в нее втягиваю. Не буду!

В. И. пишет мне так:

«Вы подвергаете мои чувства к Вам нешуточным испытаниям».

Что это такое — эта фраза из милого старинного романа? Угроза?

Но я и сам знаю, что нашим отношениям, увы, не быть прежними. И все из-за того, что я хотел ПОМОЧЬ Володе, хотел достать ему работу, какую сейчас называют престижной. Теперь он пишет:

«Никогда бы не взялся за такую работу. Сделал это только для Вас!»

Люша, спасибо ей, прислала мне сборник памяти Корнея Ивановича[1]. Там много прекрасных воспоминаний: Клары Израилевны, Непомнящего, Паперного, Кузьмина, Благининой... Но так не хватает там «Повести о моем отце»!, как бы она украсила сборник. Жаль, конечно, что нет там и моего «Седовласого мальчика»[2]. Но о нем хоть Алигер в своей мемории вспоминает.

[1] Сб.: Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1977.

[2] И воспоминания Л. К. об отце, и «Седовласый мальчик» Л. Пантелеева не вошли в сборник из-за цензурного запрета на имя Лидии Чуковской.

423. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/IX 77

Дорогой Алексей Иванович.

Мне тоже очень жаль, что «Седовласого мальчика» в сборнике нет. Даже более жаль, чем своей работы — к своему отсутствию

Мне пристало повсюду отсутствовать[1] —

я уже как-то привыкла, а к Вашему и привыкать не хочу... А все-таки я рада, что сборник воспоминаний о К. И. *вышел*; и Вы там присутствуете, хоть и не в полную силу, и еще кое-кто ценный, и, сказать правду, главная радость: Люша освобождена! У нее уже все позади: и составление, и редактирование, и разговоры с издательством и добыча экземпляров и их рассылка. Теперь на ней осталась Чукоккала.

Между прочим, я только недавно вспомнила (в связи с Чукоккалой) одну стихотворную строчку:

...и в Манежный
забыла... ... ...заходил
К седому мальчику с душою нежной...
Увы! и он меня не утолил[2].

Напишите мне поскорее, в больнице Вы или дома?

Володю я видела, он провел у меня целый вечер — неделю назад. Ни о Вас, ни о статье ни звука... И я молчу. Есть ли надежда, что Вы не потеряете друг друга, что все зарубцуется?

[1] Неточная строка из стихотворения Ахматовой «Все, кого и не звали, в Италии...».

[2] Стихотворение З. Гиппиус «В раю земном» (см.: *Чукоккала*. С. 294—295). У автора: «Голодный, безнадежный, и в Манежный, / Влачась по стыди снежной заходил, / К седому мальчику с душою нежной... / Увы, и он меня не утолил!»

424. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

8.IX.77

Дорогая Лидочка!

Я писал Вам, что нет молодых друзей, способных съездить в Комарово на кладбище. Такой друг нашелся. Он приезжал очень издалека, отпущенный навестить могилу отца. Не виделись мы с ним 8 ½ лет. Перед отъездом он позвонил Элико и сообщил даты рождения и смерти С. С. Гитович. На могильном камне высечено:

Сильва Левина-Гитович
1913—1974
(Александр Ильич — 1909—1966.)

Недавно я (в пятый, кажется, раз) перечитал Вашу «Тусю» (и читал молодому другу — вслух). Вот кто мастер литературного портрета — Вы, дорогая Лидия Чуковская!

425. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
28.IX.77

Дорогая Лидочка!

Машу отпускают лишь на побывку — на 2—3, а бывает и на 4 дня. Читает немного. Но стихи — каждый день и помногу. И просит новых.

Только сейчас я понял, как много зла сделала в Машиной судьбе школа. Она очень хорошо читает «Крестьянский грех» Некрасова. Но недавно призналась:

— Все-таки они занудливые, эти стихи.

Да, тенденция, которую всячески подчеркивали школьные учебники и школьная программа, — лезет для нее на первое место в этой прекрасной балладе.

Читает и второсортных и третьесортных поэтов. Но когда читает, скажем, Огарева, радуюсь, что это те стихи, которые любил Бунин (во вкусе ведь Вы ему не откажете). И из К. Р.[1] читает не худшее.

С В. И. Глоцером мы поддерживаем переписку. По-другому не скажешь. Относительно же его статьи — вот что я недавно обнаружил: с апреля, т. е. почти полгода, я *ни разу* не перечитал эту статью. Не возникало желания.

Перед тем как я лег в больницу, мне звонила редактор Шнитникова (о ней В. И. в свое время сказал мне: умная, милая, интеллигентная). И вот что она мне сказала:

— А. И., я перечитала буквально все, что было написано о Вас, начиная с Чуковских, Горького и Маршака и кончая Путиловой, Сарновым и пр. И должна сказать, что нет второй такой скучной и неоригинальной работы, как статья Глоцера.

Каково мне было это слушать? Она сказала, что «из уважения ко мне они статью примут». Думаю, что я поступил правильно, попросив ее сделать все возможное, чтобы статья стала лучше, ярче. То есть попросить автора поработать.

Кто написал стихи о *седом* мальчике?[2] Среди десятков вариантов у меня был и «Седой мальчик». Но взял я «Седовласого». Почему? Стоит задуматься. Седовласый — уважительно, почтительно, почтенно. И удар — на этом слове. Седой же мальчик — ударение на мальчике. Значит белоголовый мальчик, мальчик-альбинос. В стихах по-другому. Там — контекст.

[1] К. Р. — псевдоним великого князя Константина Романова.

[2] См. примеч. 2 к письму **423** и письмо **426**.

426. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/X 77

Дорогой Алексей Иванович. У нас на даче бедствие — крысы. Обглоданы в комнатах все пороги. По ночам скребутся когтями и грызут, грызут. Я чувствую себя настоящим епископом

Гаттоном[1]. Но теперь за них возьмется Люша и им настанет конец.

О «Седовласом мальчике» и о седом. Оба определения естественны — каждое на своем месте. «...к седому мальчику с душою нежной» обращалась дама лет 58, когда К. И. было 38—9 и он только начал седеть. Для *нее* (она и выступала в литературе под мужским псевдонимом[2]) К. И. был седым — седеющим — мальчиком. А у Вас возрастные соотношения иные. Потому «седовласый» в Вашем случае естественен.

Все, что Вы пишете о Машеньке, огорчительно. Надеюсь только на то, что болезнь как пришла внезапно и невесть откуда, так и уйдет. Потребность в стихах — прекрасный знак и большая надежда. Судя по списку читаемого ею, она хочет, как и все в юности хотят, стихов наиболее эмоционально наполненных. Я помню, как в отрочестве любила Бальмонтовскую Чайку: «Чайка, сизая чайка с какими-то криками носится» и мне казалось, что лучше этого ничего и на свете нет. И К. Р. «Отворил я окно, Стало грустно невмочь, Опустился пред ним на колени...» Любовь к сдержанному, строгому стиху приходит позднее.

Удалось ли Вам (в лавке[3]) достать книгу Анны Ахматовой «О Пушкине»?

[1] Епископ Гаттон — персонаж баллады Р. Саути «Суд Божий над епископом». (Перевод с англ. В. Жуковского.)

[2] «Мужской псевдоним» Зинаиды Гиппиус — Антон Крайний.

[3] Имеется в виду «Лавка писателей», где книги продавали только после предъявления членского билета Союза писателей. В свободной продаже дефицитные книги были почти недоступны.

427. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

4.11.77

Машу на праздники отпустили домой. Третьего дня у них в клинике был октябрьский вечер, ее просили читать стихи. Я посоветовал прочитать 4 главки из «12» Блока. Но она передумала и читала другое: Цветаеву («Генералам 1812 года»), Ходасевича, Пастернака, Ахматову, Киплинга, Мандельштама, Гете и Гейне по-немецки. А блоковское прочла «Поздней осенью из гавани»...

Не поможете ли Вы нам с Машей понять пастернаковские строчки:

...И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной...[1]

Ахматовскую книгу о Пушкине я, конечно, прочел сразу же, как она попала в мои руки.

Знаете ли Вы книгу стихов Татьяны Гнедич?

[1] Строки из стихотворения «Никого не будет в доме...» (из книги «Второе рождение»).

428. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/XI 77 Москва

Дорогой Алексей Иванович. Строки Пастернака:

И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной

значат, я думаю, вот что: когда в комнате нетоплено, холодно, то на стекло — изнутри — намерзает иней, прежде всего — возле деревянной крестовины и этим сужает, «сдавливает», окно и *вид* из окна. Так я понимаю эти строки. Но кроме того я думаю, что в стихотворениях Пастернака не следует доискиваться до смысла отдельных строк, вырванных из текста. У него бывают строки — мазки на картине; отойдешь от картины на 3 шага, видишь ее *всю* и она *вся* понятна. А подойдешь вплотную, рассматриваешь отдельный мазок, и — не понять, к чему он. Смысл же есть всегда, только Пастернак не всегда утруждает себя разъяснением. Он пишет, внутренне предполагая, что читателю и без него известна суть, и сам он говорит по «поводу». В стихотворении «Никого не будет в доме...» он не сообщает, например, что это — его разрыв с женой («прошлогоднее унынье» и «вина») и появление новой женщины, на которой он вот-вот женится: «ты, как *будущность*, войдешь». «Сюжетная основа» как бы предполагается известной. Весь его «христианский цикл» был бы загадочен (*почти* весь), если бы Пастернак не предполагал жизнь Христа читателю известной.

И детство и бегство в Египет
Уже вспоминались, как сон[1].

Христу они вспоминались и нам вспоминаются, а Пастернак с нами говорит о последующих событиях, полагая, что предыдущие и промежуточные известны нам. Я, когда-то, накануне войны, собиралась писать сценарий о Лейтенанте Шмидте и прочла все книги и статьи, ему посвященные. Их много, но они обозримы. Читая поэму Пастернака о Шмидте, я убедилась, что понять в ней что-нибудь, не зная прочитанных мною (и им) книг — *почти* невозможно. В поэме существуют гениальные куски, а сюжет, фабула предполагаются известными.

Все это мало имеет отношения к заданному Вами вопросу, но меня отнесло в сторону.

[1] Неточная цитата из стихотворения «Дурные дни». Следует: «И бегство в Египет и детство...»

429. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/XII 77

Дорогой Алексей Иванович.

Сегодня Люша вынула из ящика сгоревшие листки. — Может быть, это и было письмо от Вас? (Так развлекаются мальчишки.) Поздравляю Вас с тем, с чем от души — себя: что 77 год пришел к концу. Обнимаю Вас. Кланяюсь Элико и Маше.

430. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.XII.77

Дорогая Лидочка!

Я две недели хворал. Из-за болезни я не мог поехать в Москву на вечер памяти Маршака. Впрочем, не только из-за болезни. Звал меня Союз. И семья Элика. Я послал очень большую телеграмму, но боюсь, что ее не огласили, т.к. напоминал я в этой телеграмме о заслугах Маршака-редактора и его редакционной школе — оркестре.

Ленинградские мальчишки развлекаются так же, как и московские. У нас тоже над многими почтовыми ящиками черные пятна копоти (но у Вас сгорело не мое письмо. Мое было послано очень давно, в начале месяца.)

В предыдущем, не дошедшем до Вас письме я писал, что не только Пастернак предполагает читателя знающим. И Данте и даже Пушкина нынешнему читателю надо толковать. Тоже и с «Лейтенантом Шмидтом». А «дровяной голод» — это уже не факт, который можно знать или не знать, это крайне сложная метафора. «Из которых хлопья шьют» — это Маша легко поняла и радостно ахнула.

431. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.2.78

Дорогая Лидочка! О Глоцере я *должен* Вам написать. Единственным оправданием тому, что он сделал, может служить предположение, что он тяжело болен.

Ни на одно из моих последних писем он не ответил. Статью продержал у себя, «дорабатывал» 8 месяцев! — и вернул ее в издательство за 5 дней до сдачи сборника, сделав 3 или 4 пустейших поправки (хотя по существу ее следовало и можно было — за восемь-то месяцев! — переписать от начала до конца).

В издательстве тем временем произошли серьезные перемены. Должны были уйти и редактор мой и главный редактор. У меня есть основания предполагать, что какую-то роль сыграл тут и рекомендованный мною и привлеченный ими В. И.

Новая редакторша[1] (тоже не показавшаяся мне дурой) познакомила меня с высокомерным и глупым (да, да, ужасно глупым) письмом В. И. Между прочим, она была убеждена — судя по его письмам — что Глоцер — старик, больной, брюзгливый, выживающий из ума. Очень удивилась, узнав, что ему 41 год.

Этот старик поставил в очень трудное положение и меня, и издательство. Сборник перед сдачей в производство оказался без вступительной статьи. Согласился написать предисловие — за 7 дней! Лев Успенский. Вы понимаете, как меня порадовала эта новость. К счастью, его статья оказалась и вовсе маразматической (она исповедальна и посвящена главным образом истории отношений автора с героем: «Мне много лет казалось, что Пантелеев что-то имеет против меня» и в этом роде).

Теперь, с согласия Люши, в виде вступления пойдет с некоторыми купюрами статья Корнея Ивановича, написанная для

моего Собрания сочинений. Конечно, это не то, не по существу, но — грех на душе Владимира Иосифовича.

Вообще грехов на его душе много. И в последнем варианте статьи он ссылается на рассказ, который — по просьбе К. И. — я не включил в Собрание. Ссылается из соображений самых низменных, конъюнктурных.

Я знаю, что Вам трудно что-нибудь сказать по поводу вышеизложенного.

Я убедился, к огорчению своему, что он человек недобрый. Когда-то Маша первая заметила, что в его «хорошести» есть некоторое преувеличение. Элико часто это вспоминает теперь.

В декабре В. И. звонил, говорил о статье и о своих гонорарных делах и даже не спросил: как Маша?

Впрочем, что ж говорить!.. Несколько раз я думал последнее время: почему я тогда, очень давно, не исполнил Вашей просьбы, не принял его, не помог ему в какой-то работе? На меня это в общем-то не похоже. Как будто предчувствие какое-то было. Не один я в нем разочаровался. С горечью писал мне недавно о В. И. — С. И. Сивоконь.

[1] Вероятно, упомянута Наталья Евграфовна Прийма.

432. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/II 78

Дорогой Алексей Иванович. Посылаю это письмо не заказным, потому что у моей помощницы грипп, а Люша буквально погребена под Чукоккалой, т. е. все дни, когда она не на службе, она в издательстве (они уже предлагают зачислить ее в штат) с 9 утра до 10 вечера. Там очередные замены. Она вычитывает строки с линейкой, с лупой — я очень боюсь за ее глаза. Я же хоть и здорова, но идти на телеграф (т. е. трижды по лестнице) не в силах.

Теперь о Володе. Я его видела в последний раз 28 октября, в день смерти К. И., когда я, как всегда, заехала за ним и мы вместе поехали на могилу. (Дни К. И. мы всегда с Володей вместе, а в день смерти Бины Савельевны[1] я езжу на ее могилу.) Уже по одному этому Вы можете судить, как дорог мне этот человек.

Вы — мой сверстник, и из-за Ваших плечей мне естественно видеть и Т. Г., и С. Я., и К. И. — мы с Вами, кроме дружбы, связаны и общностью жизненного пути и общей любовью к тем же людям и книгам, к тому же городу, где выросли и родились. И Вы и я *помним* и любим и Женю Шварца, и Николая Олейникова, и Б. С. Житкова, и Д. Хармса, и А. Введенского. Представьте же себе мое счастливое удивление, когда вдруг оказалось, что неизвестный мне юноша, Володя (встретилась я с ним случайно, на обсуждении повести Сусанны Георгиевской, а потом встречалась постоянно у Т. Г., а потом у С. Я., а позднее — у К. И.) — что неизвестный юноша, моложе меня на 20 лет, *знает и любит* то же, тех же людей, которые не *его,* а *наши* современники, а он их знает и любит.

Я теперь не видела его месяца три (*кажется*, после 28-го октября ни разу). Недели две тому назад он позвонил Люше; разговор был спокойный; но мне Володя не позвонил и к нам не пришел. Что я могу Вам сказать о Вашей ссоре. Что это *несчастье* — для него, для Вас и даже для меня. В жизни много бывает несчастий, много утрат — одна из утрат: Володя потерял Вас, а Вы — его. Кто в этом виноват? А кто был виноват в моей ссоре в 42 г. в Ташкенте с А. А., из-за которой мы не видались 10 лет? *Не знаю.* Я не могу ответить на этот вопрос, потому что до сих пор поведение А. А. со мною представляется мне внезапно и демонстративно *злым*. Никогда мы не были так дружны и так нужны друг другу, как именно в Ташкенте; в ноябре 42 г. (или в октябре, лень глядеть) А. А. подарила мне свою поэму, переписанную от руки, с лестной и благодарной надписью на первой странице. Повторяла мне много раз, что только благодаря мне оказалась спасенной во время войны и пр. А через 2—3 недели начала *при людях* обращаться со мною демонстративно-невежливо; я перестала ходить к ней — и мы не виделись 10 лет. Почему? А. А. была человеком очень трезвым и обдуманным. Причина была — но *я* этой причины не знаю.

Володя ни разу не рассказывал мне, что произошло между Вами. Один раз сказал: «моя статья об А. И. не удалась и не будет печататься... О, сколько я истратил на нее сил». Вот и все. Более никогда, ни звука. Ни о статье, ни о Вас, ни о Детгизе.

Вы пишете, что Маша когда-то почувствовала в нем недоброту, и Элико тоже, и Сергея Ивановича он обидел зря. Не буду говорить Вам, как прочно и нежно я люблю Вас, Машу, Элико.

Сивоконя знаю мало, но знаю с самой хорошей стороны. Но и Володю *я* знаю с самой хорошей стороны и уже 20 лет. Он столько раз помогал мне — и не мне — во множестве сложнейших литературных и нелитературных обстоятельствах. На моих глазах. Я на себе испытала его самоотверженье, трудолюбие, доброту. Что мне остается? С горем развести руками. Люблю ли я Вас, сознаю ли, скольким *я* обязана *Вам*? Люблю и сознаю.

Что же мне делать?

Люша говорит: «Володя очень переменился. Он наверное душевно болен». Может быть. Тогда я горюю вдвойне. Володя — не Пантелеев, прямого писательского дара у него нет. Но он литератор с головы до ног; он — библиограф; он — историк литературы; он — исследователь; он — человек большого вкуса; он редактор отличный (испытала на себе). Вот Машенька не реализовалась и заболела. Ведь за те 20 лет, что я его знаю, он тоже не реализовался — заболеешь. Он был и остался бедняком и тружеником, без дома и без имени. Из-за непонятных поступков с Вами — задержался выпуск Вашего то́ма, то́ма сочинений Пантелеева. Это — грех. Но ведь должна быть у всего этого несчастья какая-то причина...

Какая? Неизвестно. То, что Вы оба хотели друг другу добра, сомнению не подлежит. А вышло зло — для обоих (и для читателей).

Ну, вот, дорогой друг, все сказала, как на сердце лежит. Надеюсь, это письмо дойдет до Вас и не рассердит Вас.

[1] Мать В. И. Глоцера.

433. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

23.III.78[1]

Дорогая Лидочка!

Пишу накануне дня Вашего рождения.

Мои издательские дела — шваховые. Должна выйти книжка в Детгизе с предисловием К. И. (вместо глоцеровского). А на сборник, сделанный для «Советского писателя»[2], поступила разгромная рецензия тихого Э. Грина, которую я не видел, но о которой редактор сказала мне по телефону, что написана она —

совсем в другом жанре — в жанре доноса. Рецензент бросает мне в частности упрек в том, что я пишу — о Л. М. Квитко.

Надо бороться, биться, требовать объяснений.

Желание есть — но нет сил. То, что остается от работы, уходит на Машу. Или — наоборот.

[1] Письмо послано с оказией.

[2] Речь идет о сборнике «Приоткрытая дверь». Подробнее см. примеч. 2 к письму **477**.

434. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2/IV 78

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за память о дне К. И. В этом году день этот ознаменовался несчастьем. В понедельник 27 марта, в 3 часа, начался пожар в детской библиотеке. Прибыли 8 пожарных машин, и здание удалось — наполовину спасти. Сгорела крыша, сгорел коридор, сгорела одна стенка одной комнаты. Но погибло множество книг, автографов, портретов, фотографий, детских рисунков. Что не сгорело — то закопчено, а что не закопчено — то вымокло.

Пожар возник, по-видимому, из-за небрежного обращения с котельной. Библиотека по понедельникам закрыта. Служащие были в Москве, а газовый котел — топился, а дверь в котельную была открыта.

Пожарные прибыли через 7 минут после вызова и работали героически. Отстоять деревянное здание, когда *изнутри* взорвался котел, — почти невозможное дело.

Некоторые уникальные вещи нам с Люшей удалось выпросить на реставрацию и на хранение. Видели бы Вы обожженного «Кита» Конашевича, которому так был счастлив К. И.[1]

И мемориальная доска теперь у нас, попробуем восстановить. И некоторые фотографии — взмокшие, разбухшие — в том числе Ваша с надписью.

Тем не менее мы не отменили 1/IV. Никогда не было так много у нас народу, как вчера: 70 человек. Люша читала вслух отрывки из особого Дневника К. И. — как строилась библиотека. Там есть счастливая запись: «Сегодня Пантелеев прислал два ящика игрушек».

А сейчас там идет расследование причин.

Вот, милый друг. Видели бы Вы этот страшный остов.

Часть мебели перенесена в мой гараж — благо машины у меня больше нет.

Кто такой Э. Грин?

[1] В. Конашевич специально нарисовал и подарил библиотеке свою большую картину — «Чудо-юдо рыба-кит», иллюстрацию к «Коньку-горбунку» П. Ершова.

435. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7.IV.78

Дорогая Лидочка!

Только что узнал об ужасной беде, о пожаре в библиотеке. Как ножом резануло по сердцу.

Это ведь не мертвые вещи горели, — во всем, начиная от стен и кончая каким-нибудь неуклюжим детским рисунком на этой стене, во всем — отблеск души и создателя библиотеки и тех, кто ему помогал, и тех, для кого библиотека строилась.

Что же в конце концов удалось (или удастся) спасти, сохранить, реставрировать?

Вы спрашиваете, кто такой Эльмар Грин? Известный писатель, лауреат, автор романа «Ветер с юга» и др.

Будьте здоровы, Лидочка!

436. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/IV 78

Дорогой Алексей Иванович.

Вы не написали, чем кончилась для Вас история с рецензией неизвестного мне и весьма знаменитого Э. Грина.

О Библиотеке я не могу думать, не могу на нее глядеть. После пожара она обращена в свалку для мусора; этот мусор — полуобгорелые и мокрые книги, которые валяются грудами на полу. Библиотека не заперта, и книги постепенно растаскивают — все, кому не лень. Недавно Кларочка вытащила оттуда томы Турге-

нева и Гончарова, которые можно просушить и спасти. Но мы не в силах заниматься сортировкой; мы взяли «Кита», мемориальную доску, собрание сочинений К. И., автолитографии Васнецова: предстоят большие затраты денег и времени на реставрационную работу. Литфонд намерен библиотеку восстанавливать, и я с ужасом думаю, что спасенные вещи придется снова возвращать в те же равнодушные руки. Уровень понимания такой: Люша горестно говорит библиотекарше: «Как это ужасно, что сгорела вся витрина, где были книги с автографами». Та отвечает: «Это не беда. У нас есть дубликаты». Т. е. она воображает, будто водятся на свете дубликаты автографов, она не знает разницы между книгой просто и книгой с автографом.

Нашу дачу председатель Литфонда СССР Кешоков вычеркнул из списка тех, которые подлежат ремонту. И дачу Б. Л.[1], которая уже вся в руинах.

[В письмо вложена недатированная записка, написанная другими чернилами и явно переданная с оказией. — *Е. Ч.*]: Существуют альманахи «Память». Их делают здесь чистые люди. Я с ними связана. Там и политика, и художество, и все. Публикуется в «Хроника-Пресс» в Америке. Скоро выйдет 2 тома[2]. Там будет статья о Мите. Дневник Короленко (!). И мн. др. Ну вот: что, если опубликовать Ваше письмо *без* Вашего имени, т. е. под псевдонимом и заменить кое-какие [имена] в тексте. Подпись и зашифровка имен? И еще мечта: из блокадных дневников!

[1] Б. Л. Пастернака.

[2] Записка по содержанию датируется 1978 г., т.к. первый выпуск «Памяти» (Москва — 1976. Нью-Йорк —1978), а второй (Москва — 1977. Париж — 1979).

437. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

21.V.78 г.

Дорогая Лидочка!

Я почти не работаю (не пишу). Читаю только стихи и — на церковнославянском. И еще «Вопросы литературы», которые в этом году впервые зачем-то выписал. Впрочем, там попадает-

ся интересное. Читали ли Вы «Пушкинские штудии Ахматовой» — из дневников П. Лукницкого? А переписку Рильке — Цветаева — Пастернак?

Знаете ли Вы Инну Лиснянскую? Т. е. знакомы ли с ее стихами? А с посмертно вышедшей книгой Т. Гнедич?[1]

Не знаете ли Вы, где родился и провел молодость Ваня? Проверяю свою память. Мне это нужно.

[1] Упомянута книга стихотворений: *Т. Г. Гнедич*. Этюды и сонеты. Л.: Лениздат, 1977.

438. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/V 78

Дорогой Алексей Иванович. Насчет Вани. В журнале «Детская литература» — в каком году, не помню — была о нем посмертная (предсмертная?) статья Веры Васильевны, и там, кажется, были все биографические данные. Мы с Финой поискали, поискали этот номер, но пока не нашли. Мне остается только рассказать Вам, что я помню сама.

Ваня — родом из Вятки. Отец его (который как-то при мне приезжал в Переделкино) — приказчик. Ваня *кажется* одно время учился в гимназии и *наверняка* одно время был деревенским пастухом. Ваня — основатель вятского комсомола, и потому его портрет висит в Вятском Краеведческом Музее. Такова его *ранняя* молодость. Я познакомилась с Ваней в 20 или 21 году, школьницей. Мне было 13 или 14 лет, а ему 19 или 20. Он был представителем чего-то комсомольского на том общерайонном собрании школьников II ступени, где мы с Гришей Дрейденом были представителями УКТУ — Ученического Комитета Тенишевского училища. (Не помню, было ли уже тогда Тенишевское переименовано в единую 15 трудовую школу?) На этом собрании мы с Гришей были белые вороны; все выступавшие громили Тенишевское Училище за то, что нету у нас комсомола. И вдруг выступил какой-то весьма руководящий товарищ: Иван Халтурин. Он сказал, что, конечно, комсомол в Тенишевском Училище надо создать, но училище это — не дрянь, училище весьма ценное «и недаром Корней Чуковский

водил туда Герберта Уэллса»*. Затем руководящий Халтурин подошел, на виду у всех, к нам с Гришей, сказал: «а вы, ребятишки, не горюйте» — и даже пошел вместе с нами к кипятильникам, где нам выдали кипяток и хлеб (а то из очереди выталкивали). Такова была моя первая встреча с Ваней. Где он тогда жил — в Петрограде ли? или приехал из Москвы? — не знаю... Вторично я встретилась с Ваней (и тогда началась наша дружба), когда я... вот и забыла! Еще училась в Институте? Или уже работала в редакции? А он был женат на какой-то наркомпросовской даме, казавшейся мне старухой, и у него был маленький Талик. Потом опять исчез. Потом появился, как представитель «Молодой Гвардии»; мы, Ленинградская редакция, должны были ему передать наши рукописи «для старшего возраста». В общем, хронологию я путаю. Помню — но в какой это период? — как мы с Ваней ходили вместе очень часто к Житкову, на Матвеевскую; один раз решили соврать ему, что, мол, женимся; Б. С. очень чинно поздравил — и когда мы признались в обмане — обиделся. Помню, как Ваня получил получку и мы, по дороге к Б. С., решили покупать в каждом магазине род каждого продаваемого предмета в подарок Б. С.: купили пуговицу, вилку, ваксу и гвоздь. Потом помню себя уже у Пяти углов, с Митей — и как Талик, лет 12-ти, пришел с каким-то поручением от Вани ко мне — и очень тронул меня тем, что часа 3 играл с Люшей (пяти, или даже четырехлетней). Потом как Ваня познакомил меня с В. В.[1] на Невском, на мостике через канал Грибоедова... Потом Москва во время и после войны; тут я много помню Вас и Ваню вместе — у Любовь Эммануиловны[2]. Пили; Вы: «Ванька, где затычка». Недавно я перечитывала свой дневник 47 г., и там записано, как мы с Ваней едем вместе куда-то к Вам; Вы очень подтянуты и элегантны, но в комнате беспорядок, разгром и очень холодно; Ваня бежит за водкой.

Ну, это все вряд ли Вам надо, а номер «Детской Литературы» я поищу.

«Вопросы Литературы» я не выписываю, но те две публикации, о которых Вы говорите, у меня есть. Лукницкий о пушки-

---

* Водил себе на беду: тенишевцы встретили Уэллса так радушно, что тот написал: «встреча была подстроена».

нистских работах А. А. очень интересен; чувствуется, что человек пишет неинтересный, но А. А. все равно у него видна, и все очень важно. У Лукницкого архив богатейший, это только крохи. Я его у А. А. встречала и после ее смерти пыталась наводить разные справки. Но он ничего не давал — ни мне, ни В. М. Ж.[3], потому что хотел *сам* разобрать и опубликовать (что вполне естественно) и вот — не успел, а жена у него — туповатая, говорят, особа... Переписку трех гениев (в № 4 «Вопросов») я тоже читала — и — со сложным чувством, по правде сказать. Пастернак всюду умен, благороден, великодушен, ребячлив — кроме письма о «Крысолове», которого (письма) я решительно не поняла (впрочем, я не люблю и не понимаю и «Крысолова»). Рильке не очень-то выразителен сквозь перевод и, кроме того, предсмертно вял. Да и видно, что русский язык ему труден — во всяком случае, стихи на этом языке. (Вспомните: когда он был в России у Толстого, он посетил поэта Дрожжина! Ну как же ему было бедняге понимать Пастернака и Цветаеву?) Что же касается Марины Ивановны, то... ее письма, конечно, интересны, и хорошо, что они печатаются. Но не выношу я ее истерического многословия, истерической настырности, выкручивания словес. Чтобы написать 4 хорошие строки стиха, она перед ними пишет какой «хлыст — в христ» или «христ — в хлыст». Чтобы высказать верную мысль — сопоставить «Прощай, свободная стихия» с «Приедается все, лишь тебе не дано примелькаться» — она пишет страницу галиматьи: «Море мокрое. Море холодное. Море жидкое. По морю нельзя идти», «Море не гора», «Море твердое» и т. д. — и все это на голову бедному Рильке! А как она поступает с Б. Л.! Совершенно отняла у него мечту — поехать к Рильке вместе с нею, заслонила его — собой... Нет, читаешь, читаешь всю эту круговерть и радуешься, что есть на свете

Мороз и солнце, день чудесный[4]

или

Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость[5].

У Цветаевой, в ее поэзии, я более всего люблю начало, т. е., напр., «Стихи Блоку», многие — Ахматовой; люблю «Попытку

ревности», «Тоску по родине»; люблю «Куст» («Что нужно кусту от меня...») и еще кое-что — немногое; поэм не люблю. В прозе люблю «Световой ливень», «Пленный дух», «Герой труда», «Мать и музыка». А «Мой Пушкин» — не люблю.

С И. Л. Лиснянской я знакома. Стихи ее знаю и люблю. (Она мне недавно подарила «Виноградный свет»[6] — Вам тоже? — название вычурное, а многие стихи очень хороши.) И рядом с нею два больших мастера-поэта, которые повышают ее вкус[7]. В книге почти нет плохих стихотворений, хотя отсутствуют многие прекрасные. Вообще поэзия у нас сейчас сильная. А проза? Я знаю мало. Распутин «Живи и помни» — очень мне *не*, а «Прощание с Матерой» я не читала. Говорят понимающие люди о Белове: «Кануны», но я не достала. В Белова я вообще верю, а в Трифонова не очень-то. Он все-таки «якобы правда».

[1] Вера Васильевна Смирнова.

[2] Л. Э. Любарская, тетя Александры Иосифовны Любарской.

[3] В. М. Ж. — Виктор Максимович Жирмунский, филолог, академик, составитель тома стихотворений Ахматовой для Библиотеки Поэта (Большая Серия).

[4] Начало стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро».

[5] Строки из стихотворения Анны Ахматовой «В последний раз мы встретились тогда...».

[6] Название сборника стихотворений И. Лиснянской (М., 1978).

[7] Имеется в виду М. С. Петровых, с которой И. Л. Лиснянская была очень дружна и муж И. Л. Лиснянской — С. И. Липкин.

439. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

23.VI.78

Дорогая Лидочка! Ваше большое письмо, почти целиком посвященное Ване, давно получил, — простите, что так поздно отвечаю. Очень трудно живется.

Воспоминания Ваши о Ване, о знакомстве с ним в 20-м году и все дальнейшее — очень интересно. А вот биографическая справка — не точная. У меня в блокадных записных книжках упомянуто, что Ваня учился в Яранской гимназии, что и подтвердилось. Написал мне Талик[1] — не по моей просьбе, а по просьбе Н. В. Рудневой, бывшей помощницы Веры Васильевны. Он меня буквально засыпал копиями Ваниных документов, послужных списков и пр., что мне вряд ли пригодится.

В губернскую Вятку Ваня переехал уже будучи уездным вождем.

А Талик живет не в Москве, а на Памире, в Гарме, Таджикской ССР.

Вашего отношения к Цветаевой я не разделяю. Но в данном случае, в этом тройном романе — я тоже был огорчен за Б. Л., сердце мое на его стороне.

А что касается «круговерти», то мало ли ее у Пастернака? Мороза и солнца и у него не найдешь. И классической ясности «Последний раз мы встретились тогда»...[2]

Но вот какая странность!

В. Н. Орлов в предисловии к однотомнику Цветаевой писал что-то в том смысле, что она — поэт для избранных, народ ее не понимает и т. п. А Вы вспоминали о мечте А. А., чтобы стихи ее стали романсами, чтобы их распевали белошвейки.

Увы (а может быть, и не увы), белошвейки не поют. Пел Вертинский и почитатели его — симпатичного мне в чем-то таланта. А Цветаеву распевают вовсю. И Маша поет. И подруги Машины. Правда, это все стихи молодые, из тех, что и Вы любите.

[1] Талик — Виталий Иванович Халтурин, сын И. И. Халтурина от первого брака.

[2] Строка из стихотворения Анны Ахматовой «В последний раз мы встретились тогда...».

440. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/VII 78

Дорогой Алексей Иванович. «Избранное» жду терпеливо, знаю, каковы нынче порядки насчет авторских экземпляров. (Составителям и наследникам тоже очень хорошо.) А помните ли Вы то время, когда автору *даром* полагалось 25 экз.? Я помню.

Писала ли я Вам, что прочла с большою радостью «Кануны» Белова? Что попробовала читать, но бросила трифоновского «Старика»? Что «Живи и помни» Распутина не вызвало во мне радости. Что переписка трех поэтов (Цветаевой, Пастернака и Рильке в № 4 «Вопросов Литературы») вызвала во мне разнообразные чувства и мысли — и относительно М. И. по преимуществу неодобрительные?

Катаева (как и Ивинскую) твердо решила не читать.

Сейчас предо мною том писем Блока к жене[1]. Еще не читала — нет времени. Глянула только, как поступлено с похабнейшими воспоминаниями m-me. Очень искусно: похабство выкинуто. Но без похабства там ничего и не остается; «невинные» же строки все равно пахнут пошлостью. Вообще, туманный это вопрос — следует ли печатать супружескую переписку. Я и письма Пушкина к жене не люблю. Там какой-то Пушкин минус Пушкин. (Остатки после вычитания.)

Знаю, что Самойлов получил Ваше письмо. А как Вам понравилась его «Весть»?[2]

[1] См.: Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М.: Наука, 1978.

[2] Упомянут сборник стихотворений Д. Самойлова «Весть» (М.: Сов. писатель, 1978).

441. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/IX 78

Дорогой Алексей Иванович. Читаю и читаю Пантелеева[1]. И наново убеждаюсь, что — не знаю уж, как там Ерофеев, — а Л. Пантелеев, он, голубчик, самый обыкновенный и безусловный русский классик. Да, вот это и есть классическая русская литература. Я уверена.

Вы меня просили не перечитывать старое, но я сразу кинулась и перечла «Маринку», «Букву “Ты”», «Пакет», «На ялике», «Честное Слово», и даже не по одному разу. Опять полоснуло меня по сердцу (как когда-то в Ташкенте):

— Дядя, какой вы седой, какой вы старый!

Это не значит, что остальное «хуже». Просто — то уже приросло к сердцу, стало мною. А *себя* перечитывать всегда хочется (не свои книги, конечно, а свою душу).

А какое очарование — «Фенька»! А «Свинка»! А стихи «Веселый трамвай»! А как прекрасно написано о Житкове! Сколько раз я о нем писала, но *так* — никогда. Очень существенно — «О милосердии», «Хуже трусости», «Гори, гори ясно!» и обе статьи о названиях улиц. (Кстати, Люша мне привезла пачку открыток «Город Пушкина», и я рада была узнать, что Александр Сер-

геевич окончил «Евгения Онегина», живя в 1831 г. в Царском селе, в доме Китаевой на ул. Коминтерна.)

Жаль, что по причине «детгизости» отсутствуют Ваши «ме»: «Шварц», «Седовласый мальчик», «Маршак...». И в «ме» — как и во многих других вещах — Вы — безусловный классик.

Предисловие К. И. меня несколько огорчило[2]. Оно правильное, верное, точное, но ниже его возможностей, написано без блеска.

Теперь, как Вы просили, начинаю придирки. Они — не объективные, они — «на мой слух».

Белочка и Тамарочка[3]. Тут, по-моему, Вам изменяет «чувство соразмерности». Уменьшительные заданы: Бел*очка*, Тамар*очка*, дев*очки*, ма*мочка*. Так. Но тогда поменьше бы песочка, формочек, сандаликов, босичком... Мы бегали когда-то в детстве по песку босиком, а не по песочку босичком. Я понимаю, что маленькие нежные девочки умиляются всему: напр., теленок для них «теленочек». Но почему же у милиционера перчатки не белые, а «беленькие»? Для них он большой, строгий дядя.

А вообще-то эти рассказы хорошие, в них угадано детское и девчоночье и, наверное, они любимы детьми.

«Трус» чуть бледнее других. Думаю, потому, что тут Пантелеев лишает себя выразительности языка персонажей (ради Бога, простите родительные падежи). Рассказ исполнен блестяще, но как алгебраическая задача. Он абстрактен — нет арифметики.

В «Загадке» мне понравились только первые 2 строки, остальное вяловато.

Стр. 582, вверху — почему Вы пишете: к «Былое и Думам», а не к «Былому и Думам»?

Стр. 575, смею Вас уверить, что изображаемый Вами персонаж скажет не «жена в положении», а «супруга». Жен больше ни у кого нет, у всех супруги.

Стр. 577 — «смог». К. И. уверял, что совершенной формы глагола мочь в русском языке нет, т. е. во всех случаях *мог*, а не смог. См. Пушкин: «И лучше выдумать не мог». «С ней речь хотел он завести / И — и — не мог». У Ахматовой: «...моя любовь такая, / Что даже ты ее не мог убить»[4].

То же всегда утверждал и С. Я.

Между прочим, знал ли С. Я. французский и немецкий? Мне кажется, только английский.

Получили ли Вы пластинки, которые мы Вам посылали? Шекспир[5], Толстой и пр.? Там великолепен Зощенко.

[1] Речь идет о двух книгах, полученных в один день: *Л. Пантелеев*. Веселый трамвай: Рассказы, стихи, загадки. Л.: Дет. лит., 1977; *Л. Пантелеев*. Избранное: Повести. Рассказы. Литературные портреты. Публицистика. Л.: Дет. лит., 1978.

[2] Предисловие К. Чуковского к «Избранному» Л. Пантелеева..

[3] Речь идет о «Рассказах о Белочке и Тамарочке» в «Веселом трамвае».

[4] Цитата из стихотворения «А ты теперь тяжелый и унылый...». Последняя строка цитируется с перестановкой слов. Правильно: «Что даже ты не мог ее убить».

[5] Пластинка с голосом Пастернака, который читает отрывок из своего перевода «Генриха IV».

442. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

4.10.78

Дорогая Лидочка!

Только что получил Вашу открытку от 28. IX. Нет, большое письмо от 13 сентября в мои руки не попало. Простите, но как же это можно: ТАКОЕ письмо и — в ящик!

А вдруг дошлют?

На днях я получал орден — в Смольном, из рук самого Романова. Было это в торжественной обстановке под лучами юпитеров, и все-таки, когда Г. В. спросил меня, как живется и работается, я сказал, что работать и печататься трудно. Момент для такого разговора абсолютно не подходящий, и все-таки, знай я об этом почтово-цензорском пиратстве, я, пожалуй, сказал бы и об этом.

А нет ли у Вас копии этого письма? Мне же так важно знать ВАШЕ мнение даже об этом куцем Избранном... Особенно о новом, написанном в старом.

443. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
9.10.78

Только что получил Ваше письмо от 14 сентября. Но опущено это письмо в ящик, судя по штемпелю почты, не 14-го (и не 13-го, как писали и говорили по телефону Вы) *сентября*, а 6.10.78

в 10 ч. утра, т. е. три дня назад. Кстати, кто у Вас надписывает конверты? Человек этот, да простит он мне мою стариковскую критику, совершенно не понимает принципа и назначения индекса, пишет его так, что ни одна, самая умная машина адреса не прочтет.

Впрочем, в данном случае дело не в индексе. Просто письмо где-то лежало без малого месяц.

За добрые слова о моих книжках — спасибо. И за критику тоже. Но все это касается старого. То, что Вы не сказали ни одного слова (ни доброго, ни осудительного) о моих последних рассказах («Хиросима»[1] и четыре из цикла «Дом у Египетского моста»), разумеется, не могло меня не огорчить. Особенно после тех ухабов, которые им пришлось преодолеть, прежде чем они увидели свет.

Огорчительно, признаюсь, и другое. «Седовласого мальчика» нет в однотомнике не по причине его, однотомника, «Детгизости», а по той же причине, по какой его нет ни в одном сборнике памяти К. И. Неужели Вам, Лидочка, неизвестно, что стоило мне убрать из этой мемории ОДИН АБЗАЦ — и статья была бы напечатана и в этом сборнике, и в других?![2]

Сказать, что С. Я. знал немецкий и французский, — было бы неверно. Но объясняться мог. Помню, мы ехали с ним в трамвае, слегка навеселе, он хотел что-то сказать о ком-то, сидевшем рядом, и — зная, что я не владею английским, заговорил на таком немецком, который и мне был понятен.

[1] Рассказ «Рейс № 14—31—19», где говорится о том, как автор в группе туристов побывал в Хиросиме.

[2] Абзац с упоминанием имени Л. К.

444. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11/X 78

Дорогой Алексей Иванович.

Первое ощущение, когда начинаешь читать Вашу прозу — и когда закрываешь книгу, — это что ты попал в надежные руки правды. Чем оно обусловлено? Я не знаю. То есть ответ прост: тем, что Вы изо всех сил стремитесь писать правду, доходить «до самой сути» — а это стремление писателя

Во всем мне хочется дойти
До самой сути[1] —

оно всегда ощутимо. И еще, я думаю, тем, что пишете Вы, как очень сейчас немногие, на коренном, основном, русском языке. А этот основной язык, по природе своей, не зыбок, не двусмыслен, не уклончив, не *лжив*. Он дезинфекция против всего, он выражает правду.

Вот почему я думаю — и это есть моя главная мысль о Вас, — что Вы принадлежите к числу русских писателей-классиков, что Вы — классик. Я произношу это не как комплимент, не как похвалу к юбилею, а как свое давнее, выношенное, *точное* убеждение.

А как хорошо и *важно*: «О милосердии» и «Хуже трусости».

Я вообще думаю, что Вы, быть может и бессознательно, многое писали для «Круга чтения» Льва Николаевича — и он непременно взял бы туда и «Честное слово», и «Двух лягушек», и «Труса», и «Камилла...». Это рассказы толстовские — по отборности слов, краткости, по необходимости и ясности мыслей. (В «Камилле...» мне не нравится только слово «обязательно» вместо чуть архаичного «непременно» (стр. 507, 4 абз. сверху). «Рейс» не для «Круга чтения» — он сложен. И я, признаюсь, не совсем его поняла. Как будто дыхания у Вас не хватило на глубокий вздох, на глубину и полноту. И потом, отчего это: «Целуй бабушку»? А не «Поцелуй бабушку»?

Выход Ваших книг — большая радость; одну испытываю печаль: *дошли* ли они до читателя? Кого из друзей ни спрошу — никто не видел. А ведь эти книги нужны, необходимы, и детям, и взрослым — так ясно я представляю себе моих живых и знакомых Тань, Маш, Варь, Петь с Вашими книжками в руках, вижу и взрослых Ваших читателей — но лишь в воображении.

Кстати: письма идут уже? Получаете ли письма? Каковы отклики — споры — мнения.

Пишу Вам из Переделкина. Сегодня приезжала Люшенька, привезла из реставрационной мастерской «Кита» Конашевича и портрет Пушкина, — дивный детский рисунок. Воскресенье! Теперь множество вопросов: где повесить? где взять болты? как поддерживать должную t^0? Но радость на душе оттого, что вещи эти спасены и *пока* поживут у нас. Мемориальная доска, обгоре-

лая, еще у художника (Шаховской — ее автор, взялся исправить). А Библиотека стоит таким же вороньим пугалом; прохожие врываются к нам: «как? когда? почему? почему же *вы* ее не строите! Ведь К. И. подарил ее детям, а *вы* не досмотрели». Вот так.

[1] Начальные строки стихотворения Б. Пастернака.

445. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.X.78

Дорогая Лидочка!

Большое письмо Ваше получил; спасибо за доброе слово о моем «Египетском мосте». И за точные слова о «Хиросиме»[1]. Да, Вы правы, девочка более или менее удалась, а рассказ — нет. Когда его хвалят (а бывает и такое), я испытываю некоторое смущение и сомнение...

Мысль там такая: горе — всегда горе, независимо от масштабов, арифметики, статистики. И что-то еще есть там, перекликающееся с мыслью Достоевского о слезах ребенка. Вероятно, выражено все это очень туманно, а может быть, и сама мысль неверна. Тем более что в другом своем рассказе, «Земмель» (он не напечатан), я ополчаюсь на немецких детей, играющих на Alexanderplatz в футбол, пользуясь вместо мяча булочкой (Semmel), ополчаюсь на них и на их родителей, не испытавших голода, блокады и других ужасов войны.

Когда я несколько лет назад сказал своей японской переводчице, что хочу написать о Хиросиме, она взмолилась:

— Не надо. Не касайтесь этой темы.

А я все-таки коснулся.

Была там, в рассказе (как я теперь понимаю), и формальная задача, трудная, но заманчивая: попробовать — дать образ человека, ребенка, не прибегая к диалогу, т. е. к тому, что мне обычно помогает в работе. Из-за незнания языка девочка и автор разговаривают языком жестов. Рад, что хоть это удалось.

А то, что Вы похвалили рассказы «Египетского» цикла, — меня не только порадовало, но и окрылило. Вы ведь знаете, что значит для меня Ваше слово. А других откликов не было, да и не могло быть. В продажу книга не поступила, а в библиотеку — кто

же пойдет брать «Избранное»? «Избранное» — значит, старье (а на самом деле тут из 40 названий — 26 новое).

Читательские отклики были на «Маленького офицера». Он печатался в «Новом мире». Писали и звонили...

Очень меня заинтриговало и порадовало, что Вы опять пишете о своем детстве. Да, трудно, но ведь и радостно. Дай Бог Вам удачи!

[1] См. примеч. 1 к письму **443**.

446. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/X 78, Москва

Дорогой Алексей Иванович. Вчера, в день К. И., получила Ваше письмо. Получила, вскрыла — а прочла только сегодня, сейчас. Почтальон принес его в очень драматический момент. Обычай за 9 лет сложился такой: я приезжаю на могилу ровно в 2. Там меня ждут друзья. Обе могилы уже в цветах. Я кладу свои цветы и одна стою внутри ограды. Потом говорю: «ровно... лет тому назад, в 2 ч. 10 м., скончался Корней Иванович». Тогда все идут — или едут — к нам в дом. Там ждет Люша, стол, выставка. Едим и пьем. Слушаем, читаем, смотрим.

Вчера, в 1 час дня за мною и Финой (Люша уехала на дачу за день все приготовлять) должна была заехать приятельница. На машине. И вдруг, в 12 часов, я заметила, что вся ул. Горького пуста, транспорта нет, радио гремит с телеграфа и никакая машина приехать не может. В 12 ч. 30 м. явилась Фина, подтвердив, что подъезда нет и даже прохода почти нет. Приятельница позвонила из автомата: ее не пускают дальше определенного — довольно далекого — места. В эту минуту почтальонша принесла Ваши письма: мне и Люше. Я вскрыла, глянула — но читать не могла. Я знала, что на могиле и в доме меня ждут десятки людей. А поспеть я не могу, потому что и не ходок и ни на чем не ездок.

Оказалось: демонстрация по случаю 60-летия комсомола — и весь центр закрыт для машин и людей на неопределенное время.

Мы с Финой отправились в пеший путь на место встречи с приятельницей и машиной. Сели. Ехали часа 1 ½—2.

На могилу я пришла одна. Я пошла сверху, от церкви, вниз, вниз, вниз; мимо могилы Пастернака; тропинка между двумя березами; ниже.... еще ниже... и на могиле К. И. увидела кого-то одного, черного человека, в потертом пальто, с развевающимися на ветру волосами.

Это оказался Володя. Он стоял один возле могилы и плакал.

Я — не заплакала. В детстве, в юности, в молодости была отчаянная плакса, а теперь вот разучилась.

Володя помог мне положить мои хризантемы на обе могилы. Вниз мы спустились вместе. Я не видела его (и не слышала) несколько месяцев.

Ваше письмо о том, как т. Романов вручил Вам орден, я получила. Не ответила тогда потому, что наши письма пересеклись и я поджидала ответа на свое. Кажется, я никогда не была в Смольном; а иногда мне мерещится, будто бы была там в 19 г. по какому-то делу с К. И.

Помните, как отвечала Т. Г. на вопрос: «Что надо дать с собою в путь человеку, чтобы он не мог вырасти негодяем?» Она говорила: 1) чувство чести, 2) воображение, 3) волю. «Все остальное — производное от этих трех основ», — говорила она. Так вот: Ваше творчество кладет в душу эти три основы.

447. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31/XII 78

Дорогой Алексей Иванович.

Хочется написать о другом, но начинаю с дел — или, точнее, сначала с извинений, а потом с дел. Извинения примите в том, что я, вероятно, уже задавала Вам эти вопросы. Простите меня, что пишу снова. Если можете — ответьте.

1) Каковы, по Вашему, годы рождения и смерти Розалии Ивановны?[1] Тот же вопрос задаю Александре Иосифовне. Определите хоть «на глазок». Я не способна.

2) А. А. говорила, будто Симонов приезжал в Питер и очень ее порицал «в 49 г.». Я задумалась: почему в 49-м? Не в 47 ли? И если это было, то *где*? В Союзе? В газете?

Мы с Финой безысходно корпим. В городе я корплю над примечаниями, на даче пишу «Памяти детства». Конца не видать.

[1] Р. И. Вилцын.

448. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
5.I.79

Дорогая Лидочка!

Только что получил Ваше письмо, отвечаю не откладывая. Вы правы, ответить на Ваши вопросы я, к сожалению, не могу. В каком году приезжал Симонов в Ленинград — не знаю. Вопрос этот не волновал меня тогда, мало волнует и сейчас. Существа Ваших сомнений не понял: почему бы ему не порицать Ахматову и в 1949 году и в 1952-м?

Что касается возраста Розалии Ивановны, то, конечно, могу определить только на глазок. Появилась она у Маршаков в конце двадцатых или в начале тридцатых годов. Вероятно, ей было под сорок. А умерла она, пережив всего год-полтора Самуила Яковлевича. Думаю, что они были почти ровесники.

В Риге живет старая учительница М. Б. Кан, почитательница и корреспондентка Корнея Ивановича. Мне она, как и некоторые другие рижане, стала писать как раз в связи с Розалией Ивановной, вернее — с моим упоминанием о ней в воспоминаниях о С. Я. Сейчас не поленился, разыскал «Новый мир», где впервые были опубликованы с сокращениями эти воспоминания: октябрь 1966. А ведь пока написались, пока напечатались... Нет, могу утверждать, что умерла Розалия Ивановна не позднее 1965 года. А родилась, вероятно, в начале девяностых...

449. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/I 79

Дорогой Алексей Иванович.

Простите, что отвечаю не сразу. Очень была загружена и заверчена.

Морозы... Я к ним отнеслась равнодушно, хотя и у нас дома было не без стужи (мы в этом году впервые не заклеили окна),

и у нас не шла вода. Но это пустяки, а мы струхнули из-за дачи. И не в том дело, что там у меня в комнате было 6—8 градусов тепла, что ж! валенки! носки! куртка! шапка! — но, милый друг, *котельная*, где стоят газовые котлы. Туда я не вхожу (по слепоте), а между тем — трубы, за которыми надо следить. Если в трубах вода замерзнет и лопнет труба, напр., в кабинете К. И., где все его вещи и книги, — это для нас катастрофа. Кругом, на соседних дачах, было много аварий. В мое дежурство (36—42^0) как-то повезло, обошлось, а вот бедной Кларе Израилевне выпало на долю много хлопот, потому что в кухне из кранов перестала идти вода, а это знак близящегося бедствия. Она вызвала аварийную бригаду, которая явилась на 4-й день! Но в конце концов все обошлось, ничего нигде не лопнуло. У нас ведь ни дворника, ни истопника.

Вот это наш постоянный испуг: дача. Она ведь еле держится, для нее все опасно. И могилу надо держать в порядке, при любых градусах и снегах. Я же на гору не поднимаюсь.

Главное сейчас напряжение — это Люшин аврал, т. е. публикация Дневника К. И. с записями о Блоке для Литературного Наследства.

Клара Израилевна начала водить экскурсии — с Люши хоть это снято.

450. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

19.I.79

Дорогая Лидочка!

Звонила на днях Александра Иосифовна, благодарила за «Избранное». И я (уже не в первый раз) не мог не поблагодарить Бога — за то, что она никогда не была моим редактором. Я и без того очень не уверенный в своих силах и способностях автор. Всякую критику, даже явно несправедливую, я принимаю на веру. Как я понял, из моего нового Александре Иосифовне не понравилось ничто, кроме «Рейса № 14»... «Очаровательный рассказ». «Лопатка» — лучше других, но плохо построен. «Собственная дача» — не детский рассказ, о «Маленьком офицере» — «как-нибудь поговорим». «Живой китайчонок» произвел на нее «неприятное впечатление» — чуть ли не шовинистические нотки.

Конечно, в таких случаях нельзя не задуматься. В чем же дело? Откуда такая разноголосица? Люди одного круга, одной

школы, близких вкусов так по-разному оценивают одни и те же рассказы. Вы — из хорошего отношения к автору — переоцениваете его работу? Да, может быть. Такое бывает. Но ведь Вас не тронул «очаровательный» японский рассказ. И я не могу не согласиться с Вашей оценкой: девочка удалась, и многое другое удалось, а рассказа нет.

Маша по своей инициативе поздравила Владимира Иосифовича. Получила любезный ответ, в котором, к удивлению Маши, она не обнаружила привета родителям. Я — еще понятно. Но Элико-то при чем? За что ее-то?

451. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

27.I.79

Дорогая Лидочка!

Не знаю, дошли до Вас мои письма, где я отвечал на вопрос о Розалии Ивановне и другие, все Ваши до меня дошли, спасибо, а многое доставило радость, за которую тоже спасибо. Целый столбик на тетрадочной странице выстроился с циферками, всего не перечислишь. Начинать надо со вклейки, а дальше — я рад, что Вы еще в тепле, прелестны застигнута песней военной. Не весна. Война. И отрывки чудесны. И этот страшный, изглоданный страданьем лик и следующее[1]. Но есть и меньше понравившееся и совсем непонравившееся. Хороши (а второе не побоюсь сказать — монументально) два четверостишия.

Вот что я мог несвязно набросать в той спешке, в какой сейчас нахожусь[1].

[1] Это письмо — отклик Пантелеева на книгу стихов Лидии Чуковской «По эту сторону смерти» (Paris: YMCA-Press, 1978). Перечисляя понравившиеся ему строки ее стихов, он не ставит кавычки, понимая, что их переписка подвергается перлюстрации. Речь идет о стихах: «Я рад, что Вы еще в тепле...», «Застигнута песней военной...»; «Не весна. Война» — конец стихотворения «Вишни все в цвету. Весна...», отрывки — «Отрывки из Поэмы», «И этот страшный, желто-черный, изглоданный страданьем лик...», следующее — «Опять чужая слава...».

452. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/II 79

Дорогой Алексей Иванович. В известном смысле «разноголосица» неизбежна. А. А. говорила: «когда напишешь *много* сти-

хов, замечаешь: одним нравятся одни стихи, другим — другие. И это непредсказуемо». Оно так. Но насчет Александры Иосифовны у меня имеется одно подозрение.

Одна из лучших ее черт — верность. Но и лучшие черты иногда превращаются в свою противоположность. Шурина прекрасная верность — С. Я-чу, редакции, вкусам и работе нашей молодости постепенно превратилась в *косность*, в консерватизм, в неспособность (и нежелание) понимать *новое*, иное, другое. Я это наблюдала много раз (и в ее отношении к моей работе тоже). Почему Шура не принимает «Дом у Египетского моста»? Думаю, потому, что это не «Пакет», не «Республика Шкид», не «Часы»; что это *другой, новый* Пантелеев. (А любит ли она Ваши мемуары? не знаю.) «“Лопатка” плохо построена». Да, конечно, она построена *иначе*, чем, например, «Пакет» (который я очень люблю). В «Пакете» все стремительно, динамично, все в движении. «Лопатка» замедленнее, она *вглубь*. (Как и весь «Дом».) «“Дача” — не детский рассказ». А что за обязанность у рассказа быть *специфически* детским? Найдутся дети, которые и «Дачу» полюбят, — но действительно это скорее *о*, чем *для* — и я ничего дурного тут не вижу. Один из лучших рассказов Житкова — «Пудя» — не специфически детский; «Механика Салерно» дети читали бы с бóльшим увлечением. Ну и что? Что у Вас за пожизненная задача: быть «для детей»? Ваша задача — быть писателем, Вы ее выполняете, причем *меняетесь*, а Шура именно этого-то и не хочет (не может). Повторяю: я прежнего Пантелеева нежно люблю, но я понимаю, что жизнь писателя (и человека) есть *путь*; а для Шуры всякая *перемена* есть *измена*. Она не дает себе труда двигаться; кроме того, работая «в коллективе», она не имела возможности проявлять самоуверенность, непререкаемость, а теперь (когда рядом нет Т. Г. и С. Я.) она — сама себе госпожа. И выносит резолюции.

В чем она права, это — что «Рейс 14» рассказ «очаровательный». Подходящее слово. Очаровательный, если можно так выразиться, «экстракт японизма» — и японочка очаровательна, и ее отношения с автором, и ее капризы, и все поклоны родителей. Очаровательная игра с пространством (прилетели туда же, откуда вылетели). Но беда в том, что тут задана (восклицаниями Элико, хотя бы) *Хиросима*. И потому *очарования* тут мало, безупречного искусства — мало. Вы не даете *рифмы*, отзвука, ответа — взятой ноте. Если бы «Рейс 14» был бы не в Хиросиму — тогда

я была бы неправа. И знаете, мне мечтается, что у Вас эта не хватающая в рассказе нота еще может родиться. Вдруг. Сама.

Насчет живого китайчонка — это такой вздор, что даже опровергать не стоит. А «Маленький офицер» — это хоть рассказ не для маленьких, но прекрасный, глубокий. Пусть и маленькие и большие подумают.

Привычка к старой писательской манере и отталкивание от новой — это не только Шурино свойство. Вспомните, как любили «Кавказского пленника», «Руслана и Людмилу», «Бахчисарайский Фонтан». И — стоп. «Евгения Онегина» — не приняли... А как страдала А. А., стараясь разгадать, почему столь многие ее поклонники не любят «Поэму без героя»? Пыталась классифицировать этих нелюбителей. А дело было ясное: *очень любили* «Двадцать первое. Ночь. Понедельник». Было за что любить. Но Ахматова двигалась, менялась, становилась *другой*, а читатель хотел опять и опять слышать: «На столе забыты / Хлыстик и перчатка».

Шура хочет опять «Пакет» или опять «Маринку» (про блокаду; про блокаду — это ей родное). А Вы — о детстве... Не огорчайтесь, дорогой друг. Жалеть надо не Вас, а Шуру. У нее душа не трудится.

453. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/II 79 Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Да, я все Ваши письма получила. И то давнее, со сведениями о Розалии Ивановне, и сравнительно недавнее — с Вашим отбором по *плюс*у. Очень хотелось бы получить отбор *по минусу*[1]. А получили ли Вы мое письмо об Александре Иосифовне и ее критических высказываниях.

Все это пустяки, а мне на душе тяжко от того, что заболела моя близкая приятельница, мой любимый друг, мой любимый поэт — Мария Серг. Петровых. Она в больнице; через неделю операция. В субботу меня пустят к ней в больницу перед операцией в последний раз. Так что мне надо непременно за эти дни отоспаться и привести себя в порядок.

Ну, вот и все. Итак, жду разбора по минусу. Мне это важно. Обнимаю Вас. Будьте здоровы.

Вы написали: «Работаю через невозможность работать». Очень точно.

[1] Плюсы и минусы относятся к только что вышедшей книге стихов Л. Чуковской (см. примеч. 1 к письму **451**).

454. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

27.II.79

Дорогая Лидочка, давно не писал, не мог. Стихи читал с удовольствием я, за мной Маша, а потом и Элико. Между прочим, Элико услышала и отметила такое, чего я по беглости чтения сразу не оценил.

Вы просите «минусов». У меня давняя (может быть, дурная) привычка — ставить в оглавлении крестики. Один. Два. Три... Такое стоит у нас десятилетиями и у Тютчева, и у Анненского, и у Ахматовой, и у Кюхельбекера, и у Баратынского... Бывает и три, и 4, и 5 крестиков. Значит ли это, что остальное меня не трогает, не волнует, не радует?

Нет, конечно.

Я отметил то, что с тремя звездочками. Но Вы, я думаю, понимаете, что меня никак не может радовать то, что написано, скажем, на стр. 127, или на 124, 118...[1] Непонятно, что Вы подразумеваете под судьбой, когда рядом ставите «никем»[2].

А Вы знаете, Лидочка, я, кажется, нашел объяснение ахматовскому «Венеция рядом». Недавно мне нужно было читать не очень интересные воспоминания О. Морозовой, дочери известного русского лесовода Г. Ф. Морозова. Морозова была художницей, работала с Яковлевым, Григорьевым, Судейкиным. В частности, помогала Судейкину расписывать залы «Привала комедиантов». Сам Судейкин расписывал зал «на тему венецианского карнавала».

Я выписал:

«Это был, несомненно, лучший зал в подвале. На стенах из бархатно-черной глубины появлялись веселые маски: арлекина, коломбины и пьеро. Они плясали, обнимались, сбегались в простенки над канделябрами с пучками восковых свечей» etc.

Осенило меня, когда на следующей странице я наткнулся на имя Ахматовой. В том же «Привале комедиантов», в том же зале:

«Каменный профиль, шаль спадает с плеча... Королева!..»

Если провести прямую от Фонтанного дома до Марсова поля — это 300—400 шагов. Конечно же, рядом!

Не устроит ли Вас такая версия?

[1] Не понравились Пантелееву атеистические суждения Лидии Чуковской: «Сверкнет, начищенный до блеска валютный купол в небесах» (с. 127), «В этом доме я могу повеситься...» (с. 124) и «Открытка» (с. 118), где есть строки: «Но нет всемогущего Бога / А есть всесжигающий труд».

[2] Имеется в виду строка стихотворения «Я никем не хранима...».

455. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/III 79 Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за Ваши венецианские изыскания. Они очень интересны. Может статься, Вы правы. Будьте другом, пришлите мне библиографическую справку о книге (Морозовой), из которой Вы сделали выписки, — я постараюсь ее прочитать. Название, автор, год, издательство и пр.

Между прочим, А. А. говорила мне, что в «Привале комедиантов» (в отличие от «Бродячей Собаки») она бывала «всего раз или два, не более». Но это не меняет дела, и не уменьшает ценности Вашей находки.

Хочу прочесть эти воспоминания.

Очень сожалею, что Ваши беседы с Александрой Иосифовной о Ваших рассказах продолжаются. Зряшная трата нервов. Она сожалеет о напечатании «Дома у Египетского моста» в Детгизе? А как насчет детгизовского издания книги К. И. «Чехов»? Эта книга вышла там безо всяких перемен и изъятий, хотя писалась не для детей. Но подросткам (интересующимся литературой) она доступна. Она увлекает их. А «Детство Темы»? *Для* детей? А «Детство Никиты»? А — наконец — «Сказки» Пушкина? Как это не стыдно Шуре вместо радости — огорчаться, да еще в лицо автору! Знаете, я сержусь на Шуру почти каждый раз, как с ней соприкасаюсь (косвенно или прямо), но мне каждый раз вскоре после того, как рассержусь, делается ее жалко. Она сама себя обузила и обокрала. Ведь она не была такою раньше, Вы ведь ее

знали и помните. Конечно, зачатки самоуверенности, ревности, упрямства существовали всегда, но сколько было труженичества, самопожертвования, заботы о других, товарищества, дружеских чувств и даже героизма. Я это помню... Думаю, что Шурину душу сгубило безделье — внутреннее, не внешнее, внешне она занята. Вот она позволяет себе *не* писать воспоминания о людях, которых любила. Это грех. И от безделия — и сознания греха — осуждает, раздражается, вечно в обиде. Жаль ее, хоть она и кругом неправа.

Что Вы сейчас читаете? Я получила в подарок от Г. И.[1] двухтомник переписки Толстого с писателями — Некрасовым, Гончаровым, Фетом и т. д. Самое мое любимое чтение, только шрифт трудный и читаю помалу. Да и времени нет читать! Увы! Так, минут 15 в день.

Строчка: «Я никем не хранима» — означает «никем» в буквальном смысле слова. Никаким человеком. Никакими людьми. А чувство *судьбы*... что оно означает? Оно было с детства. Чем глубже глядишь назад, тем оно отчетливее: проступает замысел. Чей? Я не знаю.

[1] Г. И. Егудина.

456. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.III.79 г.

Дорогая Лидочка!

Книгу, о которой Вы спрашиваете, я еще не вернул, могу выписать нужные Вам данные:

Ольга Морозова. «Одна судьба». Повесть. Изд-во «Советский писатель». Ленинград, 1976.

Повесть — документально-биографическая, главным образом об отце автора Г. Ф. Морозове. О «Привале комедиантов» и о его судейкинском зале, расписанном «на тему венецианского карнавала», говорится на стр. 119—120. Об Анне Андреевне в том же «Привале комедиантов» — на стр. 122.

О. Г. Морозова умерла в 1975 году, 80 лет от роду.

Вы спрашиваете: Что я читаю? Представьте, тоже о Толстом. Только что закончил читать прелестную книгу А. Серге-

енко, сына П. А. Сергеенко, однокашника Чехова: «Рассказы о Л. Н. Толстом». Читаю тоже помалу.

Много времени уходит на Машу, на занятия с нею, на подбор материалов (и даже составление некоторых текстов). Она каждый день несколько часов занимается. Это — важно: не дать угаснуть работе ума и души. Но, разумеется, никакого насилия, нажима.

Стихи она вдруг стала читать и заучивать с меньшим удовольствием. И я не настаиваю. Уходит и вновь возвращается желание слушать музыку. Читаю я сейчас Р. Роллана о Бетховене: чтобы решить — давать ли Маше? Вообще-то она стала еще более инфантильной, чем прежде.

457. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/IV 79

Дорогой Алексей Иванович.

Прочитала я Ваше письмо — и как-то онемела. Дала прочесть Люше. Отвратительное ощущение своей беспомощности перед лицом Вашей беды. Вот уж и Элико падает с ног — уже не в переносном, а в буквальном смысле...

Пожалуйста, не переписывайте для меня Морозову, не трудитесь — я возьму книгу в Библиотеке Ленина.

День К. И. на этот раз был чрезвычайно удачен. Дни эти бывают «как когда» — то удаются, то нет. А на этот раз все было радостно и увлекательно. Люша читала выписки из дневника К. И. о Зощенко. С 1919 по 1958... Удивительный получился живой движущийся портрет. Затем прекрасную поэму прочел С. И. Липкин — один из умнейших и сильнейших поэтов наших.

А в соседней комнате... на стенде... на стендах... стояли... три экземпляра Чукоккалы!

Вы спросите: значит, она уже вышла?

Я отвечу: не знаю, хотя и держу ее в руках. Но там идет какая-то распря между Книготоргом, издательством и Комитетом, и в результате у нас всего 3 экземпляра. Но —

1) я уверена — все кончится хорошо

2) если кончится плохо — то все равно хорошо: 3 экземпляра Чукоккалы!

Люша подарила мне 1. Я его прочла. Чувства слишком смешанные рождает она во мне, чтобы я могла их выразить. Во всяком случае, я счастлива за Люшу: 14 лет непрестанной, кропотливой, немыслимо сложной работы (не говорю уж тревоги — а работы!) — позади... И в руках — книга. Увесистый, толстый том, пожалуй, толще Вашего, в глянцевитой суперобложке с уморительно злой карикатурой Анненкова на К. И.

Выяснилось, что за эту зиму в Переделкине произошло 29 аварий — из-за морозов — на 29 дачах. Но не на нашей — потому, что, как сказала мне Люша: «Ты и Клара следили за трубами». Вот. Я возгордилась. Но, например, держать руками крышу — этого мы с Кларой Израилевной не в состоянии. Даже мы!

458. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/V 79

Дорогой Алексей Иванович.

О Машеньке и госпитализации. Господи, кто же тут может — имеет смелость — право — безжалостен — Вам советовать?

Алексей Иванович, если Вам не трудно — т. е. если ничего не надо искать нигде, кроме памяти, — напишите, пожалуйста, когда в Ленинграде упала первая немецкая бомба? 31 августа 1941 года были только воздушные тревоги — или уже в городе падали бомбы?

Книгу Морозовой я пока не читала; я сейчас не эту проблему решаю. Но когда перейду к *этой* — прочту. А пока *интуитивно* думаю, что Вы правы. Не отвечайте мне через силу. Будьте здоровы.

459. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

20.05.79

Дорогая Лидочка!

К сожалению, я не могу — и никто из близких моих не может — назвать точный день первой бомбежки Ленинграда. Если

не ошибаюсь (а думаю, что не ошибаюсь) — первые немецкие бомбардировщики проникли в питерское небо во второй половине сентября, а раньше были артиллерийские обстрелы. Первый снаряд упал (опять-таки, если память не изменяет) на площади Труда в самых первых числах сентября. Для меня это были *сверх трудные* дни, поэтому никаких записей этих именно дней не сохранилось (точнее — их вовсе и не было).

Во всяком случае, 31 августа были только тревоги — т. к. шли воздушные бои на подступах. Это — точно.

Лидочка, Вы знаете, я часто (может быть, раза два в год) перечитываю Ваши заметки «Памяти Т. Г. Габбе». И совсем недавно — на той неделе опять перечитал. И, читая, не раз думал: Ах, как не хватает ее нам, несчастным, не хватает ее совета, умения находить (во всяком случае для других) выход из самого трудного положения. Это сочетание высокодуховного и житейского, практического, о чем Вы пишете.

460. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/V 79 Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Дело вот в чем. 1 сентября 1941 года, после того как семья Пуниных перебралась в полуподвалы Эрмитажа, оставив А. А. в Фонтанном Доме — *одну* — А. А. позвонила своим друзьям, Томашевским, и попросила их взять ее к себе. За ней зашел Б. В.[1] и повел ее на Канал Грибоедова, 9; по дороге их застала воздушная тревога и всех пешеходов, и их тоже, загнали в какой-то подвал. Они там сидели минут 40. «В промежутках между разрывами, — говорила мне А. А., — я подняла глаза и увидела: мы — в “Бродячей Собаке”». Один ленинградец, прочитавший этот отрывок, сказал мне: «Какие разрывы? 1 сентября 41 г. в Ленинграде никаких *разрывов* еще не было; тревоги были, но не разрывы; тут она или вы что-то путаете».

Она — вряд ли. Я — вполне возможно.

О Т. Г. Вы так замечательно написали. Да, да, соединение высокой духовности с простой житейской мудростью, я даже сказала бы — «сметкой». Да, она *умела дать* совет, потому что умела проникать в самую суть чужой беды, ставить себя на чужое

место; замечательно работало у нее *воображение*. Кроме того, она была *смела*; она решалась давать советы, *брала на себя* ответственность, на свои плечи. Рассказывала ли я Вам, что она говорила мне: «Обычно люди воспринимают поговорку “чужую беду руками разведу, а к своей — ума не приложу”. Люди думают: это хвастовство или ирония. А на самом деле — сказано всерьез. *Чужую беду* со стороны легче понять, чем самому — изнутри. Легче понять, как с нею справиться».

Не знаю, верно ли это рассуждение *вообще*, но *она-то* умела прилагать ум и руки к чужой беде...

Ее всегда не хватает всем нам, а Вам сейчас — в особенности.

Люша вчера съездила в Переделкино на могилу и внесла на гору из реки 18 ведер воды! Вернулась в город белая, как стена: «сердце болит». Никогда на даче ей не отдыхается, всегда все самое тяжелое — на ней.

[1] Борис Викторович Томашевский.

461. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.06.79

Дорогая Лидочка!

Думаю, что ленинградец, читавший отрывки, прав: 1-го сентября бомбежек (а пожалуй, и артобстрела города) еще не было. Немецкие воздушные разведчики прорывались к городу, работали зенитки, а они ведь тоже производят некоторый шум, особенно если их много.

Слово *разрыв* тут уместно.

Не очень понятна сама фраза:

«В промежутках между разрывами я подняла глаза»...

Такие промежутки возможны только при массированном арт. обстреле, при канонаде, при массированном огне зенитных орудий. А бомбы и в самые горячие дни падали на Ленинград, пожалуй, с той частотой, с какой в хорошую грозу обрушиваются на наши головы раскаты грома: «промежутки» довольно длительные. Было бы вернее сказать что-нибудь вроде:

«Освоившись слегка с подвальным полумраком и отдышавшись, я подняла глаза и увидела»...

Завтра я должен сдать книжку Морозовой. Поэтому, на всякий случай, перепечатал две странички, посылаю. Между прочим, я не отказался и от первой версии (Венецианский зал в Фонтанном доме). Решит Ваша интуиция, Ваше близкое знание А. А.

462. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.VIII.79

Дорогая Лидочка!

Вы просили меня выяснить или вспомнить, когда упала в Ленинграде первая немецкая бомба. Я был прав, когда писал Вам, что в августе в Ленинграде бомбы не падали.

Только что прочел слова О. Берггольц в ее письме к матери от 1 сентября 1941 года:

«Враг близок, но ни одной бомбы до сих пор не было сброшено на Ленинград»...

Кстати. Никогда не говорил с Вами об этой писательнице. С удивлением узнал, что она пользовалась благосклонностью Ахматовой. А Вашего отношения к ней — не знаю.

463. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/VIII 79 Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Относилась А. А. к О. Ф.[1] весьма сложно. Один раз я принесла ей № «Нового Мира» со стихами О. Ф. Прочла вслух такие строки:

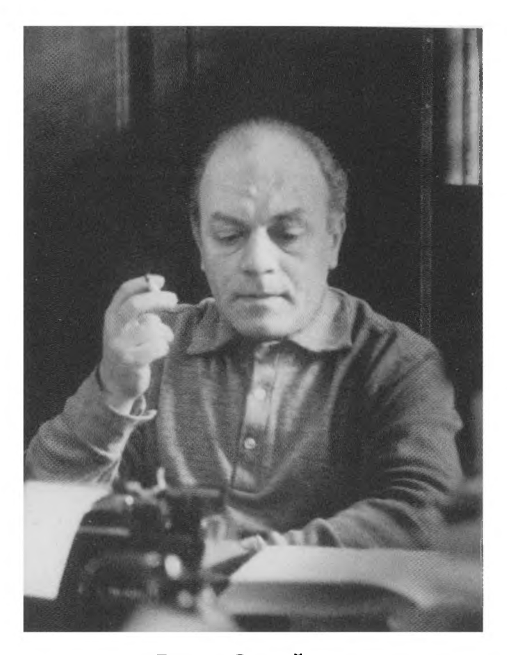
Друзья твердят: все средства хороши,
Чтобы спасти от горя и напасти
Хоть часть трагедии, хоть часть души.
А кто сказал, что я делюсь на части?

Мне эти строки нравились. А. А. выслушала меня и сказала: «Беда в том, что О. отлично умеет делиться на части».

Есть такая излюбленная литературная формула: «путь его (или ее) был сложен и противоречив». Путь О. Ф. был сложен

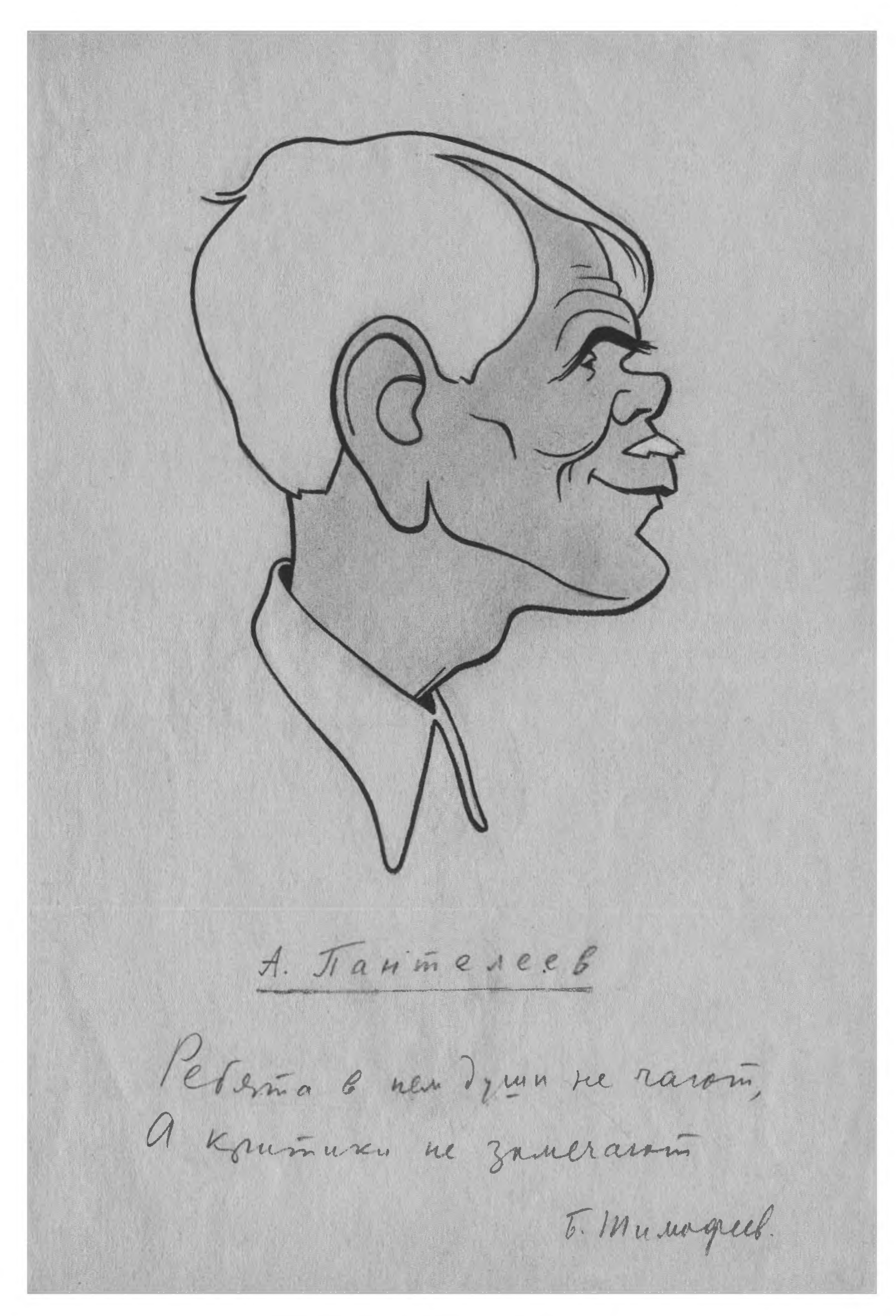

Лидия Чуковская.
Москва. Начало 1950-х годов

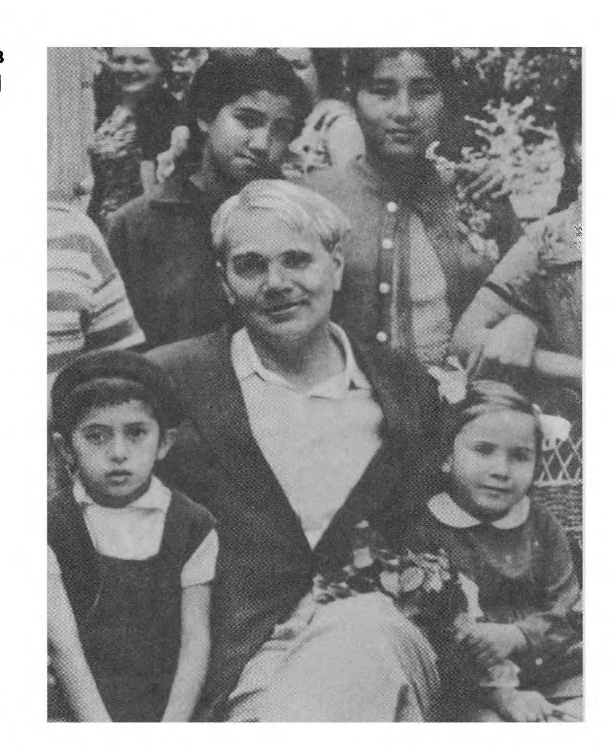
Давид Самойлов.
Москва. Около 1964 года

Слева направо: **А.И.Пантелеев. В.Н.Орлов *(стоит сзади),* Л.Н.Рахманов, Н.Н.Никитин. Дом творчества в Комарове. Начало 1950-х годов.** **РГАЛИ. Печатается впервые**

Шарж Б.Тимофеева. 1960-е годы

А.И.Пантелеев
с читателями. 1961

А.И.Пантелеев с женой
Элико Семеновной
и дочерью Машей

Г. Белых и Л. Пантелеев.
Республика Шкид.
Л.: Сов. писатель, 1960

Г. БЕЛЫХ и Л. ПАНТЕЛЕЕВ

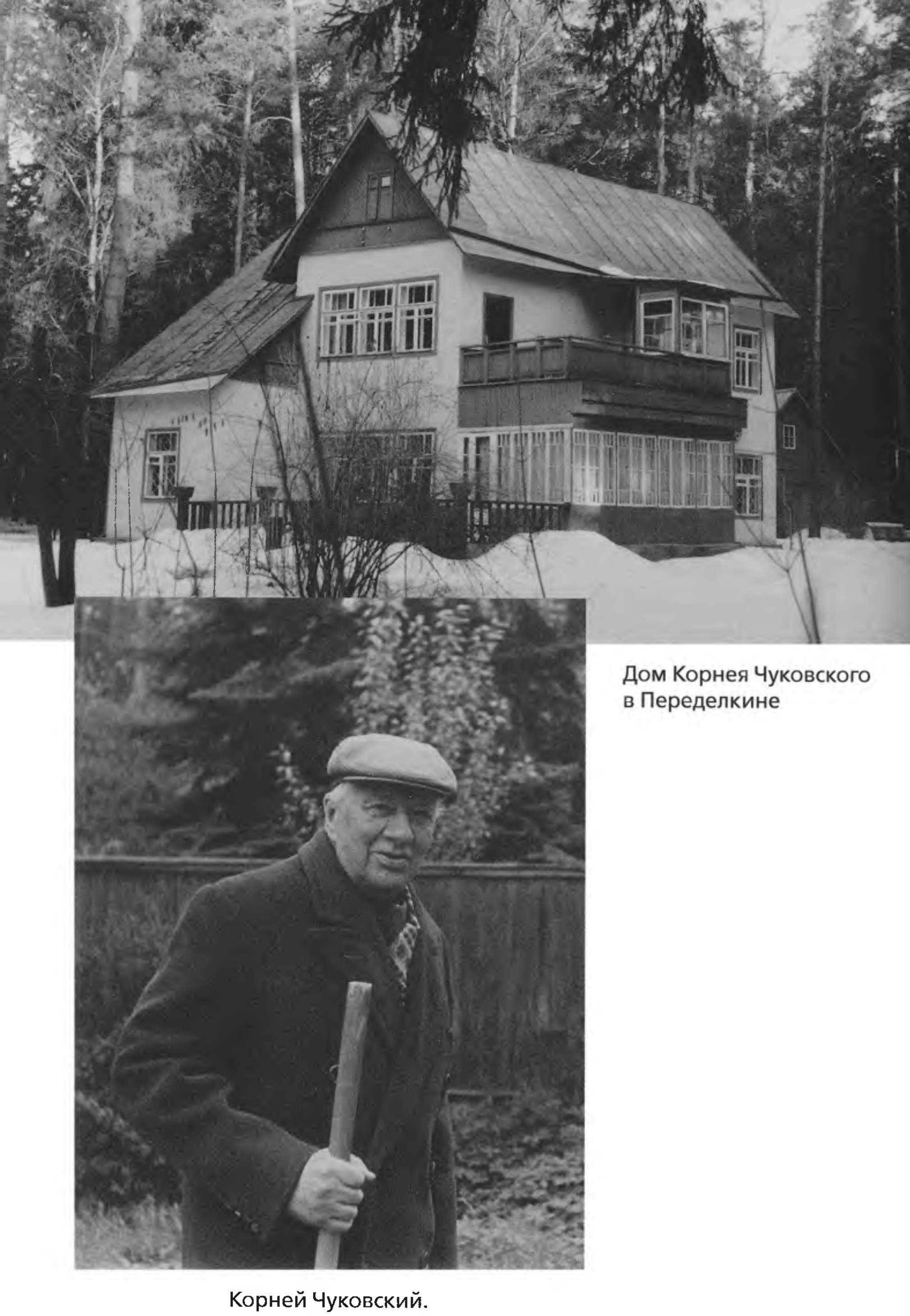
Республика

ШКИД

Советский писатель
Ленинград 1960

Надпись на книге: «Дорогая Лидочка, посылаю Вам эту старую, вернувшуюся из небытия книгу и не могу сказать, что меня переполняет радость. Нет, мне очень грустно сегодня. Вероятно, потому, что эта зеленая книжка – одна из тех вех, которых мы обычно не замечаем. А ведь вот уже – 25 лет спустя! Простите за многословие, дорогой друг! Ваш всегда – Л. Пантелеев. 15. XI. 60. Комарово.»

А.И.Пантелеев в рабочем кабинете. Ленинград. 1960-е годы.
Снимал Б.В.Уткин. ЦГАКФФД СПб. Печатается впервые

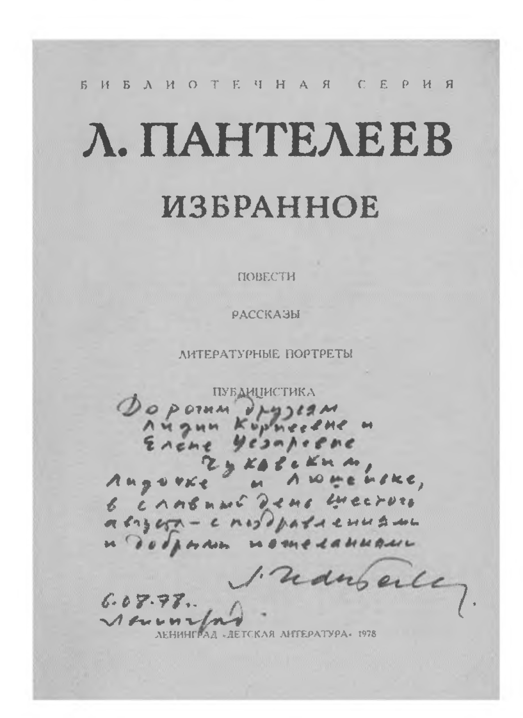

Дом Корнея Чуковского
в Переделкине

Корней Чуковский.
Переделкино. 1968. Снимал Л.Радищев

Александр Солженицын. Переделкино. Лето 1967. Снимал Э.Гладков

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

ИЗБРАННОЕ

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

Дорогим друзьям
Лидии Корнеевне и
Елене Цезаревне
Чуковским,
Лидочке и Люшеньке,
в славный день шестого
августа – с поздравлениями
и добрыми пожеланиями

Л. Пантелеев

6.08.78.
Ленинград.

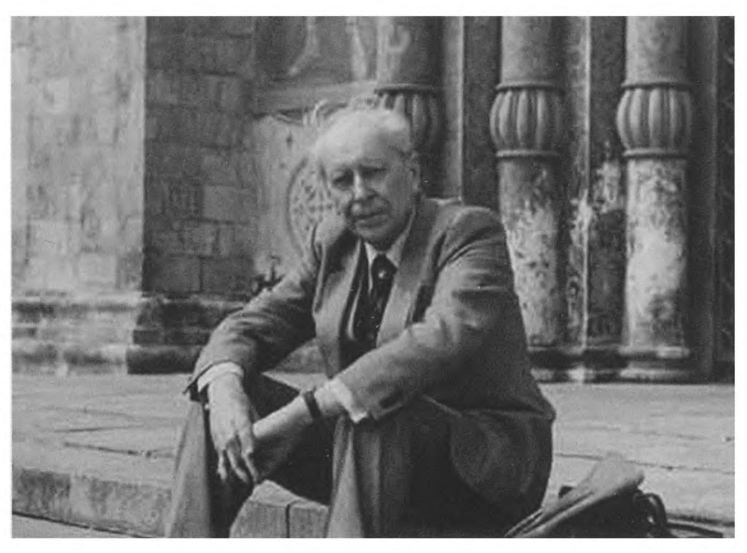
ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Л.Пантелеев. Избранное. Л., 1978.
Надпись: «Дорогим друзьям Лидии Корнеевне и Елене Цезаревне Чуковским, Лидочке и Люшеньке, в славный день шестого августа – с поздравлениями и добрыми пожеланиями. Л.Пантелеев. 6.08.78. Ленинград».
6 августа – день рождения Е.Ц.Чуковской

Лидия Чуковская с дочерью Еленой. Переделкино. 1968

Б.И.Тищенко, А.И.Пантелеев, Д.Н.Чуковский, Е.О.Путилова, Е.Б.Чуковский, В.Б.Бухаев и др. на открытии мемориальной доски на доме, где жил Корней Чуковский. Ленинград. Манежный пер., д. 6.
31 марта 1983. Печатается впервые

Д.С.Лихачев на ступенях Успенского собора в Кремле.
Москва. 1986. Снимал Д.Бальтерманц

Дорогой Алексей Иванович.   10/IX 64 Переделкино

Вы напрасно меня хвалите: я кончаю не „Герцена", т. е. не ту большую книгу для Мол. Гв., которую давно должна была написать — а книжечку в 5 л. для Гослита о Былом и Думах. Я рассчитывала сделать ее за 1½ месяца, — и вот через месяц год, как я сижу над этими пятью листами.

Если ничего не случится — я, по-видимому, действительно кончу ее дней через 10.

Но случается беспрерывно. Недели 2 назад, ~~ноч~~ вечером, мне позвонили в Переделкино из 58 медиц. пункта: Митя разбился. Ехал он на дачу, но на мотоцикле.

Письмо Л.К.Чуковской к А.И.Пантелееву. Переделкино. 10 сентября 1964

16.06.87.

Дорогая Лидочка!

Начал писать Вам (и написал вчерне [illegible]) большое письмо — гл. образом о нашем друге, но вынужден был оставить его. Пишу коротко.

Уже месяц я хвораю. Желудок. Давно уговаривали лечь в больницу. Сейчас требуют, чтобы ложился незамедлительно.

Ложусь без страха, но с тоской. И на сердце — жалко бедную Машу. И в любом случае не закончу к сроку работу.

Вчера получил письмо от Володи Глоцера. Он пишет о Вашем выступлении в Лит. институте и о той „преданной по силе и единодушию овации", которой вас встретила молодая аудитория. Много раз с радостью перечитывал эти строки.

Целую Вас и Люшеньку, дорогого Др. Сергеевича, привет Финочке и Кларе Израилевне. Дай Бог всем Вам доброго здоровья! К моим пожеланиям присоединяется и [illegible] Ивановна.

Ваш Пантелеев.

Последнее письмо А.И.Пантелеева к Л.К.Чуковской. Ленинград. 16 июня 1987

№ 36 1948

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

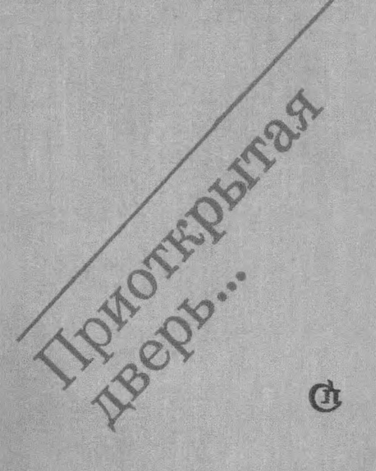
НОВЕНЬКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

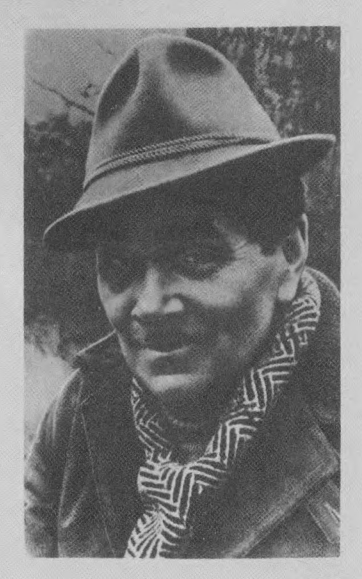

Обложки книг Л.Пантелеева, сохранившихся в библиотеке Лидии Чуковской

Л·ПАНТЕЛЕЕВ

ВЕРУЮ...

Последние повести

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Лидия Чуковская

Софья Петровна

Зима 1939–40.
Царское Село – Ленинград

Обложки книг Лидии Чуковской

Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

1952—1962

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ

В лаборатории редактора

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ 1

СПИСОК

великая отечественная литература

ЛИДИЯ

ЧУКОВСКАЯ

ПРОЦЕСС ИСКЛЮЧЕНИЯ

издательство эксмо

Лидия Чуковская.
Переделкино. Конец 1980-х годов

Алексей Иванович Пантелеев.
Ленинград. 1983

и противоречив; А. А. это понимала и относилась к ней — и к ее пути — весьма противоречиво. Она считала ее 1) очень талантливой, 2) кое-какие стихи любила, 3) терпеть не могла поэму о шофере, 4) о поэме «Верность» говорила так: «Я не могла бы прочитать ее, даже если бы мне платили по 10 р. за строку», 5) говорила: «относительно меня О. всегда вела себя безупречно» (это правда, кроме того О. и Г. П.[2] сохранили рукопись (машинопись?) книги «Нечет» — и этого А. А. никогда не забывала).

Вот Вам ответ на Ваш вопрос.

[1] О. Ф. — Ольга Федоровна Берггольц.

[2] Г. П. — Георгий Пантелеймонович Макогоненко, муж О. Ф. Берггольц.

464. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

10 октября 1979
Ленинград[1]

Дорогая Лидочка!

О Берггольц Ваше письмо получил. Не знаю. Ее стихи меня никогда по-настоящему не радовали, нет такой строфы, которая бы запомнилась, жила в памяти. По-моему, очень тонкая, умная, умелая версификация и — талантливая актриса.

А человек — *сложный*, как говорят в таких случаях.

Мне запомнилось одно собрание в союзе писателей в 1936 году. Я выступал, говорил на какую-то нейтральную тему. И вдруг О. Ф. с места кричит:

— Почему вы ничего не сказали о Белых?

А Гриши Белых уже не было с нами[2]. Я ответил, что никому не обещал и не собирался говорить о Белых. А через какое-то время она очутилась в Крестах. Через месяц, если не ошибаюсь, вышла. Подходит к моему столику в ресторане Дома писателей, присаживается и говорит:

— Ну, теперь мы с Вами сравнялись.

Я отшутился, что, мол, в Крестах я, слава Богу, не сидел.

И помню всегда, что говорил о Берггольц Самуил Яковлевич:

— Очень легко представить ее в июле 1914 года, стоящей на коленях на Дворцовой площади и поющей «Боже, царя храни!».

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] То есть Г. Белых был уже арестован.

465. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/X 79

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за телеграмму. Мы получили ее 29-го, потому что 28-го в квартире было пусто. Но, вернувшись вечером 28-го из Переделкина и увидев в двери бумажку с извещением о телеграмме, — я сразу поняла, что это Вы, — и так назавтра и оказалось.

День К. И. прошел как всегда (подумайте: 19 раз мы собираемся!): кто-то, кого очень ждали, заболел и не пришел; кто-то, кто был неприятен, — пришел; что-то очень важное успели; что-то очень важное — не успели, скомкали; и потом в сердце остается ералаш, сутолока и благодарность к людям, и недовольство собой — все как всегда. Мне трудно еще и потому, что и физически трудно — я еле успела выздороветь; да и слепота мешает всех увидеть, каждому слово сказать.

Люша сделала отчет о 10-летних успехах наших. На выставке очень выразителен был стол с копиями заявок на книги К. И., поданных ею в издательства, и отказы[1].

Мне бы очень хотелось, чтобы при моей жизни была установлена доска в Ленинграде, в Манежном пер. 6 — но ничто в этом смысле не движется. (На ул. Горького уж во всяком случае до моей смерти не будет... А вот доска на доме, где жил М. Луконин, уже установлена. Я рада. Я люблю наглядность, ясность.) Да ладно. К. И. и без доски будет жить в душах читателей, а Луконин и с доскою помрет, ибо никогда не жил.

Насчет Ольги Федоровны. Я не согласна с Вами, что стихи ее — все — одна лишь версификация. Нет, мне кажется, у нее был талант и некоторые, очень немногие ее стихи, где она уходила от риторики, — они стихи. Если бы создать избранное избранных — это стало бы видно... А вообще то, что Вы написали о ней (напр., о ее вопросе Вам насчет Г. Белых), — оно весьма выразительно. А было в ней и другое — и от того, что было и то и другое, — она и сломалась, я думаю.

Все более тоскую по Ленинграду.

[1] В 1970-е гг. из-за исключения Л. К. из Союза писателей оказался «посмертно репрессированным» и Корней Чуковский. Его книги для взрослых почти не переиздавались.

466. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7.XII.79 г.

Дорогая Лидочка!

Рад был увидеть Ваш почерк, Ваши густые черные буквы на белой, тонкой, почти промокательной бумаге.

Знакомы ли Вы с воспоминаниями Сильвы Гитович[1]. Теми, где рассказывается о некоем журфиксе у Ольги Берггольц, о том, как она в разгар вечера изгнала из своей квартиры А. А. вместе с правнуком Пушкина и его женой — француженкой? Страшные страницы. И о М. М.[2] тоже.

Переходящая все границы мнительность и бдительность А. А. (хорошо мне, впрочем, знакомая и понятная), когда она *боялась* Натальи Дилакторской, восторженной и бескорыстной ее поклонницы, всю жизнь собиравшей ахматовские портреты, рукописи, редкие книги.

О самом главном молчу.

[1] В опубликованных воспоминаниях Сильвы Гитович этот эпизод отсутствует. (см.: *Сильва Гитович.* В Комарове // Воспоминания об Анне Ахматовой: Сб. М.: Советский писатель, 1991. С. 503—519). Благодарю Н. И. Крайневу за сообщение, что в архиве С. Гитович, хранящемся в РНБ, в рукописи этих воспоминаний указано, что страницы с описанием «журфикса у Ольги Берггольц» изъяты редактором и не сохранились.

[2] М. М. Зощенко.

467. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/XII 79

Дорогой Алексей Иванович.

Рассказ (т. е. правда) о том, как О. Ф. выгнала А. А., мне известен. Думаю, что в эти часы О. Ф. была невменяема (каковой я ее вида́ла и Вы тоже).

Я прочитала «Экспериментальный театр»[1]. (Проклиная бумагу и шрифт.) Прочла с большой радостью. Эксперимент, поставленный Вами, — «писательский эксперимент» очень, на мой взгляд, удался. Форма — как бы «путевой очерк», «пустячок», а на самом деле глубокая мысль в этом мнимом очерке. Дело ведь не в том, что *одна* молодая женщина ничего не знала об *одном* советском городе... О, какая непереходимая бездна незнания

разверзлась между поколениями, нациями, городами, людьми![2] Ничего не слыхать о Ленинграде, ведь это значит ничего не знать о войне, блокаде и мн. др. ...Написан рассказ отлично.

Алексей Иванович, у меня к Вам странный вопрос. КЛЭ[3] указывает, что последняя работа В. Друзина — книга о Вс. Кочетове. Но ведь у Друзина было и начало. Когда-то он писал статьи, выступал на собраниях. КЛЭ как-то все это опускает. Не вспомните ли? Был ли он в ЛАПП'е?[4] Не возитесь с этим, но если что помните — напишите[5].

[1] Рассказ Пантелеева «Экспериментальный театр» впервые был напечатан в журнале «Аврора» (1978. № 12).

[2] Сюжет рассказа — Пантелеев и его жена в туристической поездке в Швейцарии посетили антивоенный спектакль. Потом при знакомстве с труппой оказалось, что жена режиссера никогда не слышала о Ленинграде и о его блокаде.

[3] Краткая литературная энциклопедия.

[4] Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.

[5] О В. П. Друзине Л. К. спрашивает для своих комментариев к «Запискам...». В комментарии, посвященном литературному пути Друзина, она пишет: «Поносил Друзин всегда тех, кого в данную минуту требовало поносить начальство: недаром после постановления 1946 года им, Друзиным, “укрепили” разгромленную редакцию журнала “Звезда”» (*Записки*. Т. 1. За сценой. 1940. Примеч. 41).

468. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

24.01.80

Дорогая Лидочка! Ужаснулся, посмотрев на дату Вашего последнего письма: конец декабря.

Время бежит — по тем законам, по каким оно бежит в тюрьме: каждый день тягостен, а в целом — мелькают с быстротой телеграфных столбов.

У нас были очень-очень трудные дни (в ряду ОЧЕНЬ трудных).

Что делалось и делается с нами — не говорю.

Понимая это, Вы не осудите меня за то, что я задержался с ответом, не написал Вам о Друзине. Мне он был известен как автор *первой* рецензии на «Республику Шкид». То, что он бывший лапповец, в этом я не сомневался, но на всякий случай позвонил своему соседу Горелову, тоже крупному деятелю Ассоциации, и попросил подтверждения.

— Конечно!!! — воскликнул Анатолий Ефимович и привел несколько фактов, не украшающих Валерия Павловича.

Спасибо Вам, Лидочка, за доброе слово о моем «Экспериментальном театре». В этом рассказе очень большую роль играют незаметные Ястребовы. А за них (за их оставление в рассказе) пришлось биться.

Вы очень верно поняли рассказ. Ястребовы — это намек на то, чего не знает молодая швейцарская учительница.

А Ольгу Федоровну осуждать я и не думал. Сам, как Вы знаете, прошел через эту болезнь[1]. Я спрашивал Вас не о ней, а о тех мемуарных заметках, где упоминается эта история с изгнанием А. А.

[1] А. И. Пантелеев, как и О. Ф. Берггольц после ареста, в молодости сильно пил и даже лечился от алкоголизма.

469. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/II 80

Дорогой Алексей Иванович.

Мне очень нужен год смерти Татьяны Евсеевны Гуревич. Она, как Вы знаете, погибла от бомбы, попавшей в Издательство Писателей, в Гостином Дворе. Но мне неизвестно, совершилось ли это в 1941 или в 1942 году. (Думаю, в 1941.)[1]

Послала Вам книжную бандероль — получили ли?

[1] Л. К. задает этот вопрос для комментария к первому тому своих «Записок об Анне Ахматовой» (см.: *Записки*. Т. 1. За сценой. Примеч. 58).

470. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

25.02.80

Дорогая Лидочка! Вы пишете: «очень давно от Вас нет ни слова». А я писал Вам. Дважды в течение месяца.

Что касается Ваших писем — то все до меня дошли. Начну с ответа на последнее. Таня Гуревич погибла осенью 1941 года — в одну из первых бомбежек. Я видел ее — и говорил с нею — накануне, на Аничковом мосту. Помню хорошо — солнечный осенний день.

471. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/IV 80

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо Вам, Элико, Машеньке — за две телеграммы.

День К. И. (подумайте: оказалось, мы без него собираемся уже 21-й раз!) прошел, можно было бы считать хорошо и люди были милые, и выставку Люша и Клара устроили великолепную, и отрывки из записей К. И. о Чехове Люша читала интересные, и поэты читали стихи — но приготовить прием для 35 человек, а потом принимать 50 — в комнате, которая вмещает 20, — на это тратится столько сил — Люшиных и Клариных и мн. др. (очереди, продукты, пироги, составленные столы, посуда), — что я задумываюсь, не оставить ли эту затею? Хотелось бы дотянуть до 100-летия (1982)... Да, а этот день был удачен, а кончился бедой: Люша упала с лестницы — Корнея Ивановича — скрыла это от меня, провела всю программу — а вечером у нее было 38.6.

Перепугалась я очень, но, к счастью, t^0 вызвана была не падением, а простудой.

У меня была большая радость — 26 марта вечер М. С. Петровых в Университете[1]. Я ведь обыкновенно никуда не хожу — на люди — а тут пошла. Впервые была в новом здании Университета, на пр. Вернадского. (Гуманитарные факультеты.) Здание снаружи некрасивое, но внутри удобное, просторное, аудитории амфитеатром. Вечер длился 4 часа — и 4 часа, затаив дыхание, молодые люди слушали стихи. Я и не предполагала такой жадной, такой восприимчивой аудитории. И сами они читали стихи очень хорошо. И те, кто говорил о М. С.[2], тоже были на большой высоте — в особенности А. М. Гелескул и Ю. М. Нейман. Конечно, было не без пятен — например, 40 минут читала стихи *актриса*. Но слушатели с такою ясностью отличали хорошее от плохого, что плохое было для них безопасно. Это — филологический факультет, заочники.

В нынешнем году в издательстве «Советский Писатель» должна выйти книжка стихов М. С. — «Предназначенье». Какое там богатство!

[1] Вечер организовала Наталья Родионовна Малиновская, преподававшая на филологическом факультете МГУ.

[2] О Марии Сергеевне Петровых.

472. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Март 1980

Дорогая Лидочка!

Пишу сразу же по прочтении книги — и только о том, о чем не сумел сказать в письме почтовом[1].

Книга прекрасная, сильная, но кое-где (чем дальше, тем меньше) задевал меня ТОН. Когда Вы кричали на заседании: «Сволочь!», это легко было понять, и объяснить, и простить. Но с высоты времени можно было бы, мне кажется, выразить свое презрение спокойнее и достойнее.

Когда я узнал, что Вас собираются исключать, я тут же — по велению сердца — составил телеграмму. И вдруг, в тот же день, если не в тот же час, появляется милая С.[2] и предъявляет мне письмо, читая которое я несколько раз чувствовал, как меня передергивает[3]. Простите, но он плохой психолог. Тот, кто в душе — куренок или кролик, не очнется и не похрабреет от того, что ему напомнили о его куриной сущности. Наоборот, еще больше забоится.

Мысль о том, что он или Вы или кто-нибудь еще, подумаете, что телеграмма моя возникла под влиянием этого грубого и высокомерного письма, — эта мысль оскорбляет меня.

Я зашел к себе в кабинет и вернулся с уже готовой, написанной раньше телеграммой.

Возможно, впрочем, что и эта моя *оскорбленность* тоже мелка.

А вообще — если бы я читал книгу в рукописи, вероятно были бы у меня кое-какие замечания и пожелания. Но, как я уже писал Вам, читали мы — в очередь с Элико — залпом, не отрываясь и то и дело выражая свое волнение и восхищение тем, что, помалкивая, как глухонемые, тыкали пальцем в страницу: смотри, мол, читай, мол!..

Что касается цитаты из меня, то, конечно, никаких «против» у меня нет[4]. Но, пожалуй, Вам следовало — не разрешения просить, нет, но — предупредить хотя бы. Застало меня врасплох. А выводы кое-какие уже делаются.

Лучшие страницы «Процесса» — это те, где речь идет не о процессе исключения, а о возвращении в Переделкино. Прекрасный *живой* портрет!

По-прежнему, у меня своя точка зрения на то, что Вы называете «арифметикой». Думаю, что бывают случаи, когда можно согласиться на оставление одного, самого маленького намека, в расчете на то, что sapienti sat[5].

Совсем недавно передо мной именно так стоял вопрос: или ничего, или немного. Я согласился на «немного», хотя и за немного пришлось отстаивать ниточку за ниточкой.

20 апреля 80

Пишу это письмо едва ли не два месяца. Сегодня позвонила Люшина подруга, хочет на днях зайти. Воспользуюсь оказией и попробую послать это письмо. Тем более что возникла новая тема.

Недавно, из письма Р. Д. Орловой я узнал, что в каком-то зарубежном альманахе «Память» напечатаны мои воспоминания о К. И. Как они туда попали? Дарил я их только одному человеку — Люше. Было это лет 7 назад. В Комарове. Но не могли же — нет, не могли! — ни Вы, ни Люша передать статью без моего согласия за границу[6].

22.IV.80

Получил письмо от Люши. Потрясен. Повторяться не буду. В 73 года ручаться за свою память, вероятно, нельзя. Но до последней минуты она (т. е. память) меня не обманывала.

Не меньше потрясен я и сообщением о гибели «Ахматовой»[7]. Какое счастье, что сохранились — хотя и не выправленные — копии.

Лидочка, из письма Люши я понял, что Вас огорчил не факт публикации, а сама статья моя. Но там ведь я никого не щажу: ни себя, ни Е. Л. Корней Иванович ведет себя героически.

Впрочем, я не знаю, что и как напечатано. Люша пишет, что редакторы признались, будто статья выкрадена из архива.

Это неверно. Но что за нравы!? Р. Д. пишет, что питает «высокое (даже высочайшее) уважение» к этому органу.

А что за хамство было публиковать «Волка»!
Не туда ли Вы просили моего «Зощенку»?
Жалею, что нет от Вас письма.

[1] Речь идет о книге: *Лидия Чуковская*. Процесс исключения. Paris: YMCA-Press, 1979. Почтовое письмо Пантелеева не сохранилось.

[2] С. — Сарра Эммануиловна Бабенышева.

[3] А. И. Солженицын обратился с письмом к членам Союза писателей с призывом протестовать против исключения Лидии Чуковской. Текст письма см.: *Процесс*. С. 153.

[4] Речь идет о фразе из телеграммы А. И. Пантелеева: «Не слишком ли мы спешим? Вспомним Зощенко, Пастернака, Ахматову, Заболоцкого и многих других, чья судьба на нашей совести?» (*Процесс*. С. 116).

[5] Для мудрого достаточно (*лат.*).

[6] О воспоминаниях А. И. Пантелеева «Две встречи» и о том, как они попали за границу, см. в следующем письме.

[7] То есть о пропаже рукописи 2-го тома «Записок» в парижской типографии. Подробнее см. в следующих письмах.

473. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30 мая 80, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Наконец-то могу ответить по всем пунктам на Ваше большое письмо. Передал Ваши два отрывка (вместе с «Белым Волком») в журнал «Память» — И. Серман. Вы знали его? Я знала, хотя и не видела лет 20. Он — муж Р. А. Зерновой. Когда я спросила редактора[1] (очень мною, впрочем, уважаемого), как они смели напечатать что-либо без воли автора, — он ответил, что им и в голову не приходило, что Ваша работа попала к ним без Вашего ведома.

Вы вместе с Элико дивились, почему я ничего не пишу Вам о Ваших отрывках, посвященных К. И. В самом деле, это было бы весьма странно, если бы ларчик не отпирался столь просто: Вы этих отрывков никогда не давали ни мне, ни Люше (Люше пересказывали в Комарове). А иначе, по какой другой причине, я могла бы молчать? Пишет мой близкий друг о К. И. ... Единственная причина молчания: никогда не читала, прочла только теперь. Очень, очень сожалею, что так поздно. 1) Я раньше прочла бы Вашу превосходную характеристику времени 2) услыхала бы живой голос К. И. 3) остерегла бы Вас от ошибок, которые вы

совершаете в датах. Сообщаю: МПБ[2] был арестован 6 августа 37 года (в день Люшиного рождения; не дома, а в Киеве; пришли же за ним ко мне в ночь с 31 июля на 1 авг.); Т. Г., Ал. Иос. и Серг. Конст.[3] — 4 сентября 37 г.; Майслер — недели через 2 или даже через месяц после них; Серебряников, Лебеденко, Матвеев — не помню когда. Рая Васильева — в 35 г. Вот и сравните с Вашим текстом. Конечно, по существу это не меняет дела... Но все-таки, проверьте с этой точки зрения абзац, начинающийся словами «Лето 1936-го года мы...», и мои даты Вам пригодятся.

Вы пишете, что накануне моего исключения «милая С.[4]» привезла Вам «грубое и высокомерное письмо А. И.». Я не нахожу это письмо ни грубым, ни высокомерным, но если бы я хоть минуту подозревала о его существовании — я бы это мероприятие категорически остановила. Никого и никогда не следует ни на что мобилизовать. Милая С. показала мне это письмо месяца через 3 после всего совершившегося. В ответ на мои упреки она сказала: «Я обратилась только к тем, кого вовсе не собиралась агитировать, кто и сам хотел выступить. У меня была другая цель: чтобы они послали свои письма *до* заседания, а не *после*». И хотя мне грех упрекать милую С., я и с этой целью не согласна. 1) Пусть *все* делают или не делают *когда* хотят 2) *практически* же ни *до* ни *после* никакого значения не имеет.

Значение имеет только самое движение души того, кто говорит по собственной потребности не молчать. И для шельмуемого то же — только вот эта потребность, испытанная его друзьями. (А иногда им самим.)

Еще один Ваш упрек — почему я не предупредила Вас о появлении «Процесса». О том, что упоминаю Ваше имя среди благородно за меня заступившихся — я мельком Вам однажды сказала; спрашивать — можно ли? считала бы оскорбительным для Вас; «хоть предупредили бы», — пишете Вы. Да разве мне было известно, появится ли моя книга через месяц или через год? Это *никогда* не бывает известно. Вот теперь я знаю, что должен выйти в свет 2-й том моих «Записок» (1952—1962). Когда? Не знаю. С ним было несчастье: его украли — готовые 40 листов! — *там в типографии*. Издатель скрывал это от меня 4 месяца. Затем мы стали готовить новый экземпляр — дни и ночи! — Люша взяла отпуск, я совсем перестала спать. Сделали работу заново.

Имеем подтверждение: она дошла... И только. Ладно, я так устала, мне уже все равно — выйдет не выйдет... Новый удар: книга в собранном по клочкам и неизвестно как и кем виде — переведена на французский язык и «имеет большую прессу». Я отказалась увидеть эту книгу, не читаю прессу (целые полосы газет) и от всего этого заболела и не могу оправиться до сих пор.

Сегодня 20 лет со дня кончины Бориса Леонидовича. Мне хотелось побывать на его могиле, зайти к Жене и Алене, которые всегда делают мне много доброго и очень дружат с Люшей. Куда там! Я и на могиле К. И. не была уже 2 месяца. И к ним не пошла, а доплелась кое-как до своей скамейки. Тогда стали приходить люди: «мы приехали к Пастернакам и решили зайти к вам» — знакомые и незнакомые. От этого мне стало совсем невмоготу, и когда Люша приехала за мною из города — я лежала в постели и комната передо мною кружилась.

О глазах — молчу.

Люди́ приходят ко мне, чтобы «оказать моральную поддержку» и «выразить», а я их встречаю как хамка.

Посылаю Вам «Память» № 2. Увы! Не в подарок, а, примерно, месяца на 1 ½ ... Уверена, что Дневник Короленко и Дело Вавилова будут Вам интересны. А вот № 3 у меня нет.

31 мая 80

Дорогой Алексей Иванович.

Приехав в Москву, застала Ваше письмо от 22/VI [V] [5]. Спасибо Вам — оно такое доброе. Но на все Ваши вопросы я уже ответила. Как же не ответить? Они жглись, и они *законны*. (Не по форме, а по сути.)

Насчет моего здоровья — все это, конечно, натворила последняя зима — и то, что случилось с моей книгой, и то, что случилось с А. Д. — ведь я пришла в его опустелый дом через 2 часа после несчастья[6]. И все вести оттуда не радуют. Вот и болезни — не железные мы̀ в конце концов. (Ваничка когда-то говорил мне: «ты — железная старуха».)

PS. Я тоже не могу смотреть на Библиотеку. Люша видела, как она горела, а я — как ее потом грабили.

Но мне предстоит снова вернуть туда спасенные и реставрированные Люшей вещи. Верну. А после — даю себе слово — не переступлю порога.

PPS. Посылаю Вам в подарок Митину книжку, только что выпущенную[7]. В предисловии много ошибок, которых не было бы, если бы его мне показали заранее. Но автор предисловия — и редакторы издательства — ко мне не заявлялись (хотя у меня все авторские права). «Процесс исключения» расширился: меня исключили сначала из Союза Писателей, потом из семьи К. И., а теперь из семьи М. П.

[1] Вероятно, имеется в виду Арсений Борисович Рогинский.
[2] МПБ — Матвей Петрович Бронштейн.
[3] Упомянуты Т. Г. Габбе, А. И. Любарская и С. К. Безбородов.
[4] С. — Сарра Эммануиловна Бабенышева.
[5] Описка. На самом деле: от 22/V.
[6] Речь идет о высылке А. Д. Сахарова в Горький.
[7] *М. П. Бронштейн.* Атомы и электроны. М.: Наука, 1980.

474. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7.06.80

Дорогая Лидочка! Очень меня огорчило, что моя слишком поспешная и, может быть, излишне резкая реакция на события, в общем-то не такие уж значительные, стоила Вам стольких душевных сил, энергии, отняла у Вас так много времени.

Не надо никаких извинений и опровержений. Одно только тревожит: не переврано ли, не искажено ли, как было в случае с Зощенкой.

Спасибо Вам за книгу Матвея Петровича[1]. Правда, издательство «Наука» могло бы, мне кажется, найти для ЭТОЙ книги бумагу получше, чем простая газетная.

Третьего дня встретил на улице Ваших молодых друзей. От меня они узнали о полученной Вами премии[2] и просили присоединить их поздравления к моим. Что я и делаю с радостью.

[1] См. примеч. 7 к предыдущему письму.
[2] Речь идет о «Премии Свободы» (Французская академия), которая была присуждена Лидии Чуковской в июне 1980 г. Председателем жюри был Эжен Ионеско.

475. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

25.07.80

Дорогая Лидочка!

Вместе с этим письмом с благодарностью возвращаю книгу.

На стр. 542 подтверждается то, о чем я знал раньше из рассказов покойной О. В. Малашкиной: о гибели на Кирпичном заводе Раи Васильевой[1].

29.VII.80

Посылаю то, что у меня написалось о «Белом волке»[2]. Написалось не то, что хотелось, и не так, как хотелось.

Не очень связно и вяловато. Без адреса. А это всегда сказывается на почерке, на голосе...

Если будет оказия — сообщите, пожалуйста, Ваши замечания. Если сумею и если стоит того — поправлю.

Сермана[3] я видел, но знаком с ним не был. С Р. А. Зерновой встречался в Комарове, давал ей читать свои «ме».

[1] Возможно, речь идет о втором томе «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына. В главе 13 части 3 впервые рассказано в печати о кашкетинских расстрелах на кирпичном заводе. Но имя Р. Васильевой там не упоминается. «Архипелаг...», изданный в Париже издательством «ИМКА-Пресс» в те годы распространялся подпольно из рук в руки.

[2] Пантелеев прислал рукопись «О “Белом волке”» (4 страницы на машинке, хранится в РГАЛИ). Автор рассказывает, как Е. Л. Шварц прочитал ему «Волка», выслушал его возражения. После этого Е. Л. Шварц ездил в Москву, там встретил Чуковского и, рассказывая Пантелееву об этой встрече, сказал: «Ты, конечно, был тыщу раз прав, я ошельмовал Корнея в своем “Белом волке”. Написалось с маху, сгоряча, под влиянием минуты... Найду время, непременно перепишу». И — не нашел, не переписал, не успел. Пантелеев приводит дружеское письмо Е. Л. Шварца к Чуковскому, написанное уже после «Белого волка». В этом письме Е. Л. Шварц пишет: «Увидел я Ваш почерк и не то что вспомнил, а на несколько мгновений пережил двадцать второй год. Увидел Вашу комнату с большими окнами, стол с корректурами переводов Конрада, с приготовленными к печати воспоминаниями Панаевой, с пьесами Синга.... Попав к Вам в секретари, я был счастлив. А Вы всегда были со мной терпеливы и ласковы...» В 1957 г., к 75-летию Чуковского, Е. Л. Шварц опубликовал статью «Некомнатный человек» («Нева». 1957. № 3), в которой сюжеты «Белого волка» были освещены по-другому.

[3] Об И. З. Сермане см. письмо **473**.

476. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/VIII 80

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо Вам за *Вашего* Анти Белого Волка. Я очень ценю не только самую эту Вашу вещь, но и то душевное движение, каким вызвано ее написание. Вещь полемическая и в то же время гармоничная, без задора и запальчивости. Возражение у меня одно и вопрос один. Возражение: журнал, где напечатан «Белый Волк», не эмигрантский. Он *создается здесь*, а не там. Позвольте мне вычеркнуть это слово. Вопрос же такой: что *Вы* хотите с Анти Волком делать? В архив — нам? У меня мелькнула мысль: не огласить ли его 28 октября, когда у нас соберутся человек 40—50? Прочесть? Положить на выставку других бумаг? Без Вашего разрешения я не стану делать ничего, положу в шкаф... Или переписать и дать экз. составителям? (Вряд ли.) Напишите, пожалуйста, про это.

И. И.[1] считал, что К. И. к старости «получшел»[2]. Возражений не имею, но соображения копошатся. 1) Все в *основном хорошие* люди к старости «лучшеют» 2) Игн. Игн. почти не знал К. И. Очень издали, очень поверхностно, очень «только знакомый» 3) Игн. Игн-ч смолоду дружил с Виктором Шкловским, который, особенно поначалу, терпеть не мог К. И-ча — и лично, и литературно. И. И. получил К. И. как бы из его рук. Ну, а потом увидел, что дорогой Витя не совсем прав.

О гибели Раи Васильевой во всех подробностях я (и Шура) знали уже давно от некоего ее солагерника, вернувшегося в 54 или 56 г. Он у меня был. Да, операция «Кирпичный завод».

PS. За это время у меня было много литературных бед. Сначала в Париже, в типографии, потеряли (!!) II том моих «Записок об А. А.», и мы делали экземпляр заново (три месяца труда моего, Люши и Фины и триста пудов волнений). Потом внезапно, без спроса и вопреки моей воле, в Париже по-французски вышел этот том — искореженный, искаженный и перепутанный[3]. (17 лет моего труда.) Когда я взялась писать письмо протеста в газету «Русская Мысль» — по радио услышала сообщение, что я получила за это французское издание премию Пен Клуба — премию Свободы...[4] Как же протестовать? Оскорблять жюри и 22 авторов,

пославших 22 восторженных отзыва? Теперь живу с этой раной в груди и жду, когда выйдет правильный *русский текст*. А когда — Бог весть и на радость ли? Подождем.

20/IX

PPS. Вот уж никак не думала, что наши письма пролежат чуть не месяц! Но 3 оказии сорвались — надеюсь, не сорвется эта.

[1] Упомянут Игнатий Игнатьевич Ивич.

[2] Это мнение Ивича Пантелеев приводит в своем «Анти Волке». Статья Пантелеева «О “Белом волке”» не напечатана до сих пор и хранится в моем архиве.

[3] Lydia Tchoukovskaia. Entretiens avec Anna Akhmatova (1938—1962). Paris: Albin Michel, 1980.

[4] Позже выяснилось, что премия Свободы была дана автору не за *Записки*, а за все книги, вышедшие на французском языке по совокупности.

477. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

№ 1
12.X.80

Дорогая Лидочка!

Сегодня, в мое отсутствие, дважды звонил Л. П.[1] У меня мелькнула мысль — может быть, он едет в Москву? И, торопясь, пишу это письмо.

Об «Антиволке». Хотя заметка эта написана из рук вон плохо, если и у Вас нет замечаний стилистического характера, я не возражаю против ее публикации. Для чего же и писал. Слово *эмигрантский* прошу заменить на *парижский*. Так мне в свое время сообщила Р. Орлова. То, что журнал создается и редактируется в Москве, меня, по правде сказать, крайне удивляет, и подчеркивать это обстоятельство я не считаю себя вправе.

Как мне следует ответить, если меня спросят, кому я передал заметку о «белом волке»?

№ 2
4.XI.80

Дорогая Лидочка!

Мое письмо тоже пролежало без малого месяц в ожидании оказии. После того, как письмо было написано, мы с Вами успе-

ли поговорить по телефону. Счастлив был услышать Ваш громкий, сильный и бодрый голос.

Сейчас пишу торопясь. Жду появления Л. П.

Посылаю Вам и Люше свою многострадальную книгу, вышедшую наконец в «Советском Писателе»[2]. Рожки да ножки. Иллюстрация к нашему давнему спору, в котором Вы занимаете позицию: «или все, или ничего». Признаюсь, когда я листал эту искалеченную книгу, не один раз мелькала у меня мысль:

— А может быть, Лида права?

А потом я натыкаюсь на места отвоеванные (в жестоких боях отвоеванные), страницы или абзацы, или хотя бы строчки (даже одно слово: «там») и думаю:

— Нет, хорошо, что хоть это вышло. Sapienti sat[3].

Но авторские мои страдания от этого не уменьшаются. Особенно когда листаю блокадные страницы. Буквально рожки да ножки.

[1] Леонид Петрович Романков, который часто привозил письма от Пантелеева.

[2] *Л. Пантелеев*. Приоткрытая дверь. Л.: Советский писатель, 1980. Дарственная надпись: «Дорогим друзьям Лидии Корнеевне и Елене Цезаревне Чуковским — с любовью. Л. Пантелеев. 4.X.80 г.».

[3] Для мудрого достаточно (*лат.*).

478. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/XI 80

Дорогой Алексей Иванович. Книгу Вашу получили. Спасибо Вам и поздравляю Вас и Ваших читателей. Много нового и много старого — и то и другое радость. Сейчас ее взяла читать Люша, а потом кинусь я — и начну с Дневников. Предвкушаю. Уверена, что и все перечту.

Мне лучше. Надеюсь, 11/XI врач отпустит меня впервые в Переделкино, и начнется мой обычный кочевой образ жизни. Мне это очень важно, потому что только там, в пустоте, я могу писать. Там сейчас кончают крыть крышу. Нет, не Литфонд и не Союз, а мы сами на собственные деньги наняли кровельщиков и купили железо. Содрав старую, они очень удивились, как под такой крышей можно было жить. Я тоже, глядя назад, удивляюсь. Если к отсутствующей крыше прибавить присутствующих крыс, отсутствующий фундамент, зиму, и испорченное отопление — то

действительно следует удивляться стойкости Клариного и моего организма.

На этом пока кончаю. Большое письмо впереди.

479. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/XI 80[1]

Дорогой Алексей Иванович. И я начинаю писать это письмо «впрок». Кончу его тогда, когда прочитаю Вашу книжку, — а пока ее читает Люша. Отправить это письмо я надеюсь в конце ноября — имею основания надеяться.

Пока отвечаю на что в силах.

О «Памяти». Тут все трудно поддается изображению. Скажу, что могу. Этот альманах редактируется и составляется и пишется *здесь*. В Париже он не издается, а лишь *печатается*. Люди, которые его здесь составляют, «в общем и целом» хорошие люди, но

а) не литературные

б) работают в немыслимо тяжких условиях, подвергаются преследованиям и обыскам — и вряд ли уцелеют.

Я собиралась иметь с ними дело (Память! Как же мне ей не сочувствовать?), собиралась дать туда несколько своих страниц о Цветаевой в Чистополе, собиралась предложить с Вашего разрешения анти-волка, но сейчас отношения наши из-за некрасивой истории с «Белым Волком» и их поступком с Вами — прервались. И вряд ли возобновятся. Да скоро, я думаю, и затея их будет прикончена. (Хорошо, если обойдется одним лишь прекращением, без человеческих жертв.)

После моего разговора с ними — уже давнего — они собирались прислать Вам свои извинения, лично и в печати, и *написали их*, но, по Вашему желанию, я прекратила все.

Там, во главе, стоит человек очень замечательный[2], но находится он в 100 км. от Москвы, болен, занят, *не* литератор, в Москве бывает редко — мальчики же у него под рукой весьма резвые и рьяные, но и весьма разные по своим душевным качествам. Неумейки и неряхи. Я решила с ними не вязаться.

Насчет моего решения «все или ничего». Да ведь оно только ко мне самой и относится — это раз, да и слишком общо Вы его формулируете — это два... Кроме того, моя жизнь предоставила такие возможности, какие она не предоставляет моим коллегам:

мое материальное положение не зависит от моей литературной деятельности; у меня на иждивении — никого, и я просто *не* делаю того, от чего у меня душу воротит, и делаю то, что доставляет мне радость: пишу без удержу и без запрета. А сейчас и без адреса. Вот например, сейчас пишу историю гибели М. П. [3] — кому? зачем? не знаю, но стараюсь изо всех сил сохранить и выразить все, что помню и знаю. Ни для кого. (Кстати — как замечательно написал в «Памяти» Поповский о Вавилове[4]. Многие им простятся за эту работу грехи. Делалась и она *здесь*.) Нет, мне так о Мите не написать. Я не знаю, каков был его путь и где его могила. Но все, что знаю, — напишу, и до этого не умру.

Мне уже известно, что в Париже *по-русски* вышел наконец т. 2 моих «Записок об Анне Ахматовой». У меня гора с плеч. Но я еще книги не видела. Я видела человека, который видел человека, который видел эту книгу в Париже (Дом, который построил Джек). Вот и все мои познания. Теперь живу в тревоге: когда и как получу? И что-то там от своего имени прочитаю? Так, например, во французском — пиратском — издании этой книги указанно, что Лермонтова звали Юрий, а Крылова Василий.

Господи, печататься бы на Луне! [Конец письма утрачен. — *Е. Ч.*]

[1] Письмо послано с оказией.

[2] Возможно, речь идет об А. Б. Рогинском.

[3] М. П. — Матвей Петрович Бронштейн. Книга, о которой пишет Л. К., опубликована посмертно. См.: *Прочерк*. М.: Время, 2009.

[4] См.: *М. А. Поповский*. Дело Вавилова. (Главы из книги). Вместо предисловия — интервью с автором. Примеч. И. Мдивани // Память: Сб. Вып. 2. М.; Париж, 1979. С. 263—373.

480. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/I 81

Дорогой Алексей Иванович.

Годика 2 назад знаменитый поэт Евтушенко выступил на страницах газеты со стихотворением, посвященным другому поэту, Маргарите Алигер. Для меня стихотворение это вырезали из газеты друзья и подарили мне. Оно довольно давнее. Я его недавно, наводя порядок в своих папках, нашла и выбросила. Но наиболее драгоценные строки запомнила наизусть:

Поэт теперь как никогда *писала.*
. . . .
Поэт когда-то *родила* двух дочек.
Одна умчалась в замуж очень дальний,
Другая умирала... *Вздумал* доктор,
Что мед ей нужен, свежий, натуральный.
. . . .
Я предложил машину ей (шел дождик).
Поэт подумала и отказалась.

Встреча двух поэтов состоялась на рынке[1].

«Поэт родила» — вот Вам точное мое восприятие таких словосочетаний, как «врач вошла» или «инженер сказала».

Вы пишете, что язык найдет выход, справится, что «городской голова» и пр. Наш могучий, великий и т. д., и т. п., конечно, справится со всем на свете, но пока он не справился, а я не привыкла, я ненавижу и не выношу «врач сказала» и никогда не привыкну. Пастернак писал «почтальонша мне протягивает бандероль» или «заметена (снегом. — *Л. Ч.*) газетчица», и я очень ему благодарна. И врачиху и врачицу я предпочту мертвому «врач сказала».

Еще немножечко о Вашей книге. Так, пустяки. У Вас Пип — навсегда связан с Диккенсом. Я понимаю. Но у меня, как это ни странно, с К. И. Он, иногда, зная мое пристрастие к «Большим ожиданиям», подписывал свои письма ко мне так:

Твой *Пип*.

[1] Цитаты из стихотворения Е. Евтушенко «Поэт», посвященного М. Алигер. Стихотворение было впервые напечатано в 1974 г. («Вечерняя Москва». 28 сент.).

481. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.02.81

Дорогая Лидочка! Я не думаю, что нам стоит продолжать диспут о неурядицах в современном русском языке. Тем более что, осуждая меня, Вы неточно цитируете мою книгу, так сказать — утрируете эту нескладицу. Я не писал (и не мог написать):

«врач сказала». У меня: «Желая разжалобить врача и в смутной надежде, а вдруг она выпишет мне какую-нибудь необыкновенную карточку»... [1] Согласитесь, что это не совсем то же.

Стихи Евтушенки я знал. Думаю, что в этих «поэт писала», «поэт родила» и т. п. есть немалая доля эпатажа. (Все-таки Евтушенко — поэтесса грамотный.)

Разумеется, поскольку «ткач — ткачиха», и «врач» требует «врачихи». Но — уже поздно! Сейчас это звучит иронично, неуважительно. А сербско-словацко-хлебниковскую врачицу мое ухо вообще не принимает.

О Пипе я не писал, что он для меня связан с Диккенсом (это у всех так), он навсегда связался у меня *с блокадой*!

Экземпляров я получил очень мало. Самойлову послал книгу (как сейчас ТОЧНО установил) 17 ноября 80 г. Ценной бандеролью. Никакого отклика не получил, несколько раз собирался спросить у Вас: не знаете ли Вы, где он и что с ним?

PS. Я — сын офицера и с детства с презрением смотрел на тех, кто говорит не «офицеры», а «офицера». Но вот читаю «Генералам 1812 года» Цветаевой.

Вас охраняла
длань Господня
И сердце матери.
Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

И — покорен. Поднимаю руки. Сдаюсь. *Можно* и так.

[1] Неточная цитата из книги Л. Пантелеева «Приоткрытая дверь...», с. 396.

482. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/II 81

Дорогой Алексей Иванович.

Я живу плоховато. Не то чтобы со здоровьем плохо (переменно), а работа идет очень медленно и как-то без смысла. В каждое мое переделкинское дежурство случается какая-нибудь мелкая

неприятность, которая отравляет жизнь. То — кусок штукатурки с потолка в моей комнате; то трубы замерзают, газовые котлы неисправны, и беда не в холоде, а в опасности взрыва. То придет кто-нибудь посторонний, чтобы условиться об экскурсии, и мельком произнесет что-нибудь такое, от чего у меня еще долго колотится сердце и дрожат руки. На днях, напр., пришла учительница московской школы (условиться, когда привезти детей) и сообщила мне: дачу нашу потому не ремонтируют, что мы с Люшей давно уехали в ФРГ, а здесь живут чужие люди, а К. И. перед смертью перевел свои деньги в швейцарский банк. Она не верила мне, что я — это я, и все повторяла: «дочь и внучка К. И. давно за границей». Я требовала от нее ответа: *кто* распространяет подобные неправды, от кого она получила эти сведения, — «Я не обязана вам отвечать». Бог знает, какие распространяются обо мне слухи: я уже слышала, что продала все вещи и книги и письменный стол К. И. — американцам и получила миллион золотом.

Долго потом я не могу очнуться. Но иду наверх, в комнаты К. И., проверяю трубы, открываю окна, гляжу на его стол и мантию, и постель, и на игрушки, фотографии, книги — и постепенно успокаиваюсь.

А все от того, что дача разрушается на глазах у сотен людей; многие требуют от начальства объяснений — ну вот, им и объясняют.

...Чтобы кончить более радостной нотой, сообщаю: по случаю открытия XXVI съезда партии, вчера у нас была иллюминация и на телеграфе пело радио.

Достались ли Вам два тома Воспоминаний о Блоке?[1] Я читаю. Кое-что интересно. Замечательны фотографии, где 5-летний Блок уже совсем Блок.

[1] К столетию со дня рождения А. Блока был издан двухтомник: Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худож. лит., 1980.

483. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

1/III 81 Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Наконец-то долгожданная оказия к Вам.

Пишу мало, потому что 1) спешка 2) нездоровится сегодня.

Посылаю Вам давно мною для Вас заготовленную копию моего Открытого письма в редакцию журнала. Не знаю, удачно ли, поместят ли[1]. Они ведь считают (так, черным по белому, напечатано в № 1 «Памяти», а также и др.), что люди, которым случайно попал в руки интересный документ, *обязаны, не спрашивая у автора*, пересылать документ *им*[2]. («Борьба за русскую культуру» бандитскими средствами.)

Я не стала бы отвечать на белиберду по поводу К. И., если бы Дюжева не поминала с похвалою меня. (Каков такт!)[3]

Одновременно с этим письмом послала Л. П-чу[4] 4-й машинописный экз. моего 2-го тома. *Книга* очень толстая (630 стр.), и потому ее не привозят, и не знаю, привезут ли и когда. Может быть, завтра, а может быть, через год. Меня уверяют зрячие люди, будто 4-й экз. хорош. Но я помню о Ваших больных глазах и не настаиваю. Разумеется, при первой возможности пришлю *книгу* (она очень красивая), а пока поступайте, как найдете нужным. Если откажетесь — я вполне Вас пойму.

[1] К письму приложена машинописная копия статьи. См.: *Лидия Чуковская*. Открытое письмо в редакцию журнала «Континент» [По поводу рецензии Н. Дюжевой] // Континент (Париж). 1981. № 27. С. 377—380.

[2] Неточный пересказ утверждения Револьта Пименова: «Я и посейчас полагаю, что те, кто в ответ на категорическое требование Солженицына не делать копий с его произведений под угрозой лишения возможности прочесть эти произведения, дают требуемое обещание Солженицыну и немедленно садятся за перепечатку его произведений, — делают святое дело» («Память». Вып. 2. С. 227). Револьт Пименов был одним из активных сотрудников «Памяти». Полемизируя с таким суждением, Л. Чуковская писала в своем «Открытом письме»: «Мне представляется, что нету у литератора права более неотъемлемого, чем авторское: право автора распоряжаться своим именем и своею рукописью».

[3] Л. К. возражает против такого утверждения Н. Дюжевой: «Чуковский — это еще один собирательный образ советского лубка, но ему еще и повезло — благодаря своей дочери, Лидии Корнеевне, он как бы приобрел новый кредит посмертного морального доверия...» (*Н. Дюжева*. Свободным от лжи языком // Континент. 1980. № 25. С. 350).

[4] Леониду Петровичу Романкову.

484. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
11.03.81

Дорогая Лидочка!

Сейчас я только по поводу Вашего письма-протеста[1]. Боюсь, что оно уже оглашено, и мои замечания и пожелания оказались

бы запоздалыми и ненужными. Все-таки одного замечания я не могу не сделать. Вычеркнутые Вами слова о наследниках Шварца придали этой фразе двусмысленный характер: получается, что автором *рассказов* (в том числе, значит, и «Белого волка») является Л. Пантелеев. Не согласитесь ли Вы, что подобная неточность и двусмысленность оскорбляют помянутого Л. Пантелеева.

Как Вы знаете, с протестом против самовольной публикации моего Чуковского я обратился непосредственно к виновникам контрафакции. Вы почему-то не посчитали возможным исполнить авторскую волю. Впрочем, тут я не настаивал и не настаиваю.

А вот с «рассказами о Чуковском Л. Пантелеева» я согласиться не могу и прошу поискать способ исправить это. Мало того, что меня печатают рядом с «Белым волком», мне еще (понимаю, что нечаянно) приписывают авторство этого пасквиля!..

Статья Н. Дюжевой свидетельствует об уровне грамотности и требовательности к себе как автора, так и всего журнала (которого я никогда не видел). В безграмотной статье этой Вы не отметили такой нонсенс, как «кредит доверия» (масляное масло).

За остальное — спасибо.

С глазами у меня, слава Богу, получше, но все-таки я до сих пор сижу на книжной и письменной диете.

Читаю все-таки.

Прочел недавно книжку Н. Ильиной[2]. Кое-что понравилось (Корнакова, Воейков, Вертинский), Ахматова и Чуковский — нет!

Впрочем, эти воспоминания я когда-то уже читал в журналах. И тогда не понравилось, и сейчас.

А как ВЫ относитесь к этому автору?

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] *Наталья Ильина*. Судьбы: Из давних встреч. М.: Советский писатель, 1980.

485. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

16/III 81

Дорогой Алексей Иванович. Получила Ваше письмо от 11/III. Все, что я могу сделать, чтобы исправить обнаруженную Вами оплошность, — сделаю. Но не надеюсь поспеть.

Не каждую тему в Вашем письме я поняла. Читаю и перечитываю — нет — сообразить не могу. Оставляю без ответа.

Насчет Н. И. Ильиной и ее книги. Я Наташу знаю давно (с 1954 г.), но вижусь с нею редко. Она человек «хороший и разный». Из ее книги я воспоминания о Вертинском не прочла по совершенному неинтересу к объекту; о Корнаковой прочла с интересом; о К. И. — со смешанным чувством интереса, досады и неудовольствия. С Ахматовой сложно. Сначала Наташа написала прекрасные о ней воспоминания: сама она за рулем, А. А. рядом. И вот записи, просто отдельные фразы А. А. Ее замечания в пути. Это было очень точно и хорошо. Но потом Наташа решила «развить», «расширить». А это у нее не вышло и не могло выйти: она не знает, не понимает поэзии. Получилась Ахматова минус стихи. Т. е. не Ахматова. Мелко. Один злой читатель назвал эти воспоминания так: «Записки камеристки».

Н. И. Ильина — талантливо пишет фельетоны. Я ее фельетоны люблю. Романы пишет плохо. Мемуары — и этак и так.

486. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

29.03.81

Дорогая Лидочка!

Когда я начинал читать Ваш Второй том, я думал: поблагодарю совсем коротко, напишу эзоповым языком — по почте. А чем дальше читал, тем глубже уходил в книгу, тем более понятным становилось: нет, эзоповым тут не обойдешься, почтой не воспользуешься, совсем коротко не выйдет[1].

Я только что захлопнул (не захлопнул, — бережно закрыл) черную крышку.

Читать было трудно — физически. И все-таки я отложил все и читал.

Вы знаете мое не самое горячее отношение к Вашей прозе. Вчера я перечитал обе повести: да, впечатление то же, что и 40 и 20 лет назад. Честь и слава мужеству и дарованию автора. Интересно. Волнует. Задевает. Трогает. И все-таки...

То же что с прозой Герцена!

Можно ли сравнивать, ставить рядом «Былое и Думы» и «Кто виноват?»?!

А ведь у меня еще задолго до «Ахматовой», еще когда я читал впервые «Тусю», мелькнула мысль, что у Вас *герценовский дар*.

Я знаю, что далеко не все со мной согласны в оценке Ваших повестей, но не представляю себе мыслящего читателя, которого бы не потряс, не пленил, не оглушил, не привел бы в состояние восторга Ваш трехтомный подвиг.

Простите мне это громогласие, но — других слов сейчас не найду.

Жду книгу! — чтобы сразу же перечитать ее. Пользоваться увесистой машинописью, поминутно обращаться то к (интереснейшим и необходимейшим) примечаниям, то к такому же необходимому стихотворному комментарию было адски трудно. При этом ведь у меня, как у многих «автодидактов», нет умения читать сидя, а читать лежа с таким фолиантом в руках — не по моим глазам. И все-таки я не мог ни отложить этого чтения, ни даже держаться предписанной мне глазниками «диеты».

Вот мои беглые заметки.

...Сколько людей! — и все живые, даже чуть обозначенные. И прежде всего — воистину монументальный образ самой Анны Андреевны.

Время. Люди. Обычная погода — дождь, снег, слякоть. И погода политическая.

Кинематографические наплывы. День сегодняшний. И день, выплывающий в памяти. 1913 год, 1917, 1937... Сороковые — роковые...

Ленинград. Москва. Царское. Переделкино. Комарово. И — Ташкент. И Новочеркасск. И — лагеря...

И голоса! Живой ахматовский. Живой маршаковский. Живой Тусин. Живой пастернаковский... И другие, которых я сам не слышал, а сейчас вот, сию минуту, слышу.

Есть ли такое, что меня огорчило, заставило задуматься, чего я не понял?

Да. На стр. 391 поразило меня, смутило, даже, пожалуй, напугало взятое Вами в скобки отступление.

«Один, два, много три человека»?!!

Неужели это написано не под влиянием минуты?![2]

Нет, Анна Андреевна, конечно, не обмолвилась. Ни тогда, когда говорила Вам о лишенной высшего блага ю. л. о.[3], ни тогда, когда писала о милой гостье с дудочкой!

Не столь серьезное огорчение, но все-таки огорчение. Еще одна «ошибка Вашей скорописи». Я уже писал Вам когда-то, что Вы ослышались, что не могли монахи при Вашем появлении в соборе шептать:

— Мирские, мирские пришли!..

Это, простите, клюква.

Появление мирян за церковной службой в монастыре событие обычное, каждодневное, совершенно будничное. Другое дело, если бы на богослужении появились северо-американские индейцы или, скажем, пигмеи. Но и тут благочиние не позволило бы монахам шептать что-нибудь вроде:

— Арапы! Арапы!

Если бы это место в Вашем дневнике прочла Анна Андреевна, думаю, что она объяснила бы Вам Вашу ошибку лучше, чем это пытаюсь — вторично — делать я.

«Врач сказала» — плохо. Согласен. Но намного ли лучше *докторша*, слово, которым Вы часто пользуетесь. Как ни ставь это слово, какими эпитетами ни снабжай, насмешливый, иронический, неуважительный оттенок не исчезает.

А что это за слово *вешальщица* (женщина-палач, что ли?). Чем худо устоявшееся в языке слово «гардеробщица»?

И уж совсем удивили Вы меня своим неожиданным: «в Дубулт*ах*». Простите, но тут звучит неуважение и к языку, и к народу. Латвийское название поселка: Dubulti. Я всегда считал, что отдыхаю в Дубулт*и*. Не скажете же Вы, съездив в Нанси, что побывали в *Нансях*. Впрочем, этот языковой бессознательный шовинизм имеет давнюю историю (в Келомяках, в Териоках и т. п.).

Сплошь и рядом радостно было убеждаться в совпадении наших вкусов. (Там, например, где о Заболоцком. О Чехове. О «Стране Муравии».)

Прекрасно Вы написали о «зрелом» Заболоцком: то ли слепок с мертвой руки, то ли пародия. Это было еще и в «Ночных беседах», в «Торжестве земледелия», раньше всего и больше всего мне полюбившихся. Ведь уже и там, напрягши слух, можно было услышать и Державина, и Тютчева, и — капитана Лебядкина.

2.IV

Жду оказии, перечитываю рукопись, проглядываю свои заметки.

Огорчило меня, что А. А., хоть и полушутя, назвала себя «хрущевкой».

XX съезд? Выпустил Леву? Но закрыл 10 000 храмов. А — кровь убиенных в Новочеркасске?!

Очень хороши (а некоторые «великолепны») записи голосов эвакуированных детей. Но — место ли этим заметкам в предисловии к ЭТОЙ книге?

Что значит «церковь *св.* Преображения»? В Переделкине — патриаршии храм Преображения Господня (престольный праздник — *6-го августа по-старому*[4], 19-го по мирскому, гражданскому календарю).

Можно ли сказать: «сидела, опираясь об одеяло ладонями»? (так же как о скатерть, о простыню). О постель, вероятно.

Впрочем, пишу обо всех этих мелочах и думаю: зачем? Книга вышла, прекрасная книга! Ошибки не поправишь, с какой же стати заниматься буквоедством?

Спасибо Вам, Лидочка! И за то, что дали мне возможность познакомиться с этим томом. И за обещание книги. И — прежде всего — за то, что делали эти записи, сохранили их, донесли до наших дней и до будущих!

3.IV.81

PS. Не зная Вашей книги, никогда бы не догадался, что «великан-кирасир» — это Александр III[5].

«Великан» и «кирасир» — тут скорее бы Александр I придет в голову. Но цари мне вообще почему-то в голову не приходили.

Читали ли Вы статью Д. С. Лихачева «Ахматова и Гоголь» в его книге «Литература — реальность — литература» (о связи «Поэмы» с «Невским проспектом». Так же и о многих других лит. ассоциациях — вплоть до «Подростка» Достоевского)?

[1] Письмо послано с оказией. Опубликовано с небольшими купюрами в «Знамени» (2005. № 8. С. 162—163). См.: «Сколько людей! — и все живые» (Отзывы читателей о «Записках об Анне Ахматовой»).

[2] Речь идет о записи от 4 ноября 1962 г. Пантелеев указывает на фразу Л. К.: «Чаще всего я как в тупик, как в стену, упираюсь в отношение ко мне двух, много трех, а самое страшное одного человека...» (*Записки*. Т. 2).

[3] ю. л. о. — Людмила Ильинична Толстая. Л. К. зашифровывала упоминаемых лиц по второй букве имени, отчества, фамилии. — *Сообщено Ж. О. Хавкиной*.

[4] Цитата из стихотворения Б. Пастернака «Август».

[5] Имеется в виду такая запись о стихотворении Ахматовой «Царскосельская ода»: «А на розвальнях правил / Великан-кирасир». Анна Андреевна объяснила мне: великан-кирасир — царь Александр III (*Записки*. Т. 2. Запись от 1 января 1962 г.).

487. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/IV 81

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за совет прочесть статью Лихачева «Ахматова и Гоголь». В самом деле, ведь 1-ая часть «Поэмы» — Петербургская повесть, и о «Шинели» она много думала, и о личности Гоголя, о которой говорила «и никогда не поймем». Я выписала книгу из Ленинской, но получу не сразу и прочитаю далеко не сразу — худо у меня со временем на чтение из-за дурацкого моего образа жизни.

О Герцене. Я уже лет 20 твержу всем (и уже всем надоело), что Герцен — это не «Кто виноват?» (посредственный роман), и не «Сорока-воровка» (плохая мелодрама), и не «Поврежденный», и не «Доктор Крупов», а — «Былое и Думы» и — не менее гениальные — статьи в «Колоколе» — «Концы и Начала», «Письма к старому товарищу», «Плач», «Убили», «1831—1863», «Письма к противнику», «Письма к путешественнику», «Письма к будущему другу» — да и просто многие письма, частные письма Герцена 50-х, 60-х и некоторые 40-х годов. (Невыносимы письма к невесте.) Статьи из «Колокола» тесно связаны с «Былым и Думами» и... с «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского. Вообще «Колокол» — это ведь тоже своего рода «Дневник писателя». И вот тут его гений.

Вы пишете, что у Герцена неудачно слово «вешальщица». Да, по-теперешнему — гардеробщица. Но в *его* время слово «гардероб» означало не ряды вешалок в вестибюле, а самую одежду: «весь ее гардероб состоял из двух платьев». «Гардероб» — как *место* хранения пальто — это плод последнего десятилетия.

Вот пока об Александре Иваныче — все.

Очень рада, что Машеньку заинтересовала блоковская пластинка. Там только Рождественский ужасен.

488. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/V 81

Дорогой Алексей Иванович. Я надеюсь, Вы уже получили мое письмо от 25 апреля. А я Ваше от 30/IV получила только вчера — 8/V — вечером, потому что оно пришло сразу после моего отъезда на дачу, и я вернулась вчера вечером.

В Переделкине милиция принимает строгие меры: за последние 2 недели воры побывали в трех дачах — у вдов: Малюгина, Гринберга, Вадковского. Но у нас, конечно, ничего не случится, потому что мы с Кл. Изр. не покидаем дачу ни на минуту — это раз; а кроме того «моя милиция меня бережет» (побывала недавно) — это два.

Но возвращаюсь к Вашему письму.

Нет, дорогой друг, Ваша критика меня ничем не задела, не оцарапала, не обидела; если что меня обидело, то это Ваше предположение, что Ваша критика обидела меня... Я Вам за нее глубоко признательна, она исходит из Вашей любви к литературе, из Вашего поразительного чутья к языку, слуха к слову. Очень Вас прошу, когда найдете новые нескладицы или ошибки — фактические или в стиле, — браните меня и поправляйте без всякого стеснения.

Я сейчас пишу об Матвее Петровиче (2 декабря ему исполнилось бы 75 лет) и очень от этого устаю, физически и душевно. Все приходится ворошить. Пишу «для себя» — ну, может быть, для Вас, для Люши и Фины, для Г. И.[1], который был его лучшим, ближайшим другом. Собственно об М. П. выходит у меня мало (с 6 августа 37 г. я мало о нем знаю), но о себе — много и очень горько.

Вообще в нашей семье — сплошные юбилеи: 2 дек. 81 — 75 лет М. П., а 82 весь юбилейный: К. И. — 100 лет, мне 75, а Люше 50... Будьте здоровы.

[1] Г. И. Егудин.

489. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

23/V 81

Дорогой Алексей Иванович.

Проводив благодетеля[1] до калитки, я вернулась в дом. Уже на крыльце услышала настойчивый телефонный звонок. Взяла трубку. Это Люша сообщала мне, что по решению Президиума Правления Союза Писателей мы должны не позднее чем через месяц освободить переделкинскую дачу.

Итак, музей, существующий и работающий 12 лет, музей, через который прошло около 27 тысяч человек — взрослых и школьников, — должен быть нами разрушен: 5 тысяч книг, картины Коровина, Репина, Григорьева, письменный стол К. И., его мантия, его рабочая лампа — словом весь его мир должен быть разрушен, уничтожен, а дача передана кому-нибудь из «молодых» и перестроена по их вкусу. Люша по телефону прочла протокол. Он имеет характер трагикомический. «Следует навести порядок в писательском городке. На даче Пастернака живут вдовы его сыновей; Катанян насильно вселился в дачу своих родителей; такой-то допустил сгорание гаража» и т. д.

Очень хорошо о вдовах сыновей Пастернака: младший сын Б. Л., Леничка, действительно умер; старший же, Евгений Борисович, к счастью, жив; его милая жена, Алена, отнюдь не вдова, и оба не покладая рук собирают, комментируют, публикуют наследие Бориса Леонидовича.

Так отметит Союз Писателей столетие со дня рождения К. И. (1 апреля 82). Уничтожением его дома. И статьями в газетах о «любимце советской детворы».

Я еще не собралась с мыслями. В. А. Каверин предполагает обратиться с каким-то письмом к т. Демичеву и Зимянину. Люша позвонила в Охрану Памятников Старины, чьи сотрудники часто бывали у нас. Потом позвонила директору городка[2]: он выражал ей горячее сочувствие: «я, Е. Ц., все понимаю, но поймите — я только исполнитель, я ничего не решаю, мне предписали». — «Имейте в виду, — сказала Люша, — что если вы исполнитель, то вам и придется исполнять уничтожение дома: *я* ни одной вещи из дома не вывезу». Потом она позвонила в Союз и потребовала, чтоб ей прочитали решение. Ей прочитали, но назвать подписи отказались.

Я всегда знала, что этот день настанет, каждый раз думала об этом, когда поднималась по лестнице в неприкосновенные комнаты К. И., к его столу, к его японскому паровозу.

Но не могу сказать, чтобы была готова подняться в последний раз.

Это будут какие-то вторые похороны. К. И. очень был фотогеничен — и его комнаты очень *его* комнаты.

Покуситься на дачу, где жил Пастернак! Ее собираются перестраивать для трех семейств. Ну как же не сообразить, что через 25 лет придется *восстанавливать*. И это будет труднее, чем сейчас рушить. Почему чиновники никогда ничего не помнят?

[1] Так Л. К. называла Л. П. Романкова, который всячески помогал ее связи с ленинградскими друзьями — Л. Пантелеевым, Г. И. Егудиным и другими, передавая им письма и книги. Он жил в Ленинграде, но часто наезжал в Москву.

[2] Упомянут директор Дома творчества писателей в Переделкине В. Т. Оганесян.

490. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

29.V.81

Дорогая Лидочка!

Только что получил Ваше письмо. Из каждых десяти слов понял лишь одно или два — так дурна бумага, так безбожно изменила Вам рука. И все-таки ужасный смысл готовящегося преступления дошел до меня сразу.

Позже — с помощью Элико — разобрал и кое-какие подробности.

Что делать? Писать Демичеву или Зимянину? Москвичам, в частности В. А. Каверину, виднее. Если бы понадобилась моя подпись — разумеется, готов в любую минуту. Но ведь нужны, небось, подписи не такие. Подпишут ли Михалков, Андроников... из молодых — Евтушенко, Вознесенский?...

Перебираю в памяти тех, кто *может прозвучать*. Нилин? Нагибин? Рихтер?

Детская литература, взлелеянная Маршаком и Чуковским, конечно, пройдет мимо.

Я думаю, что, не колеблясь, поставит подпись Д. С. Лихачев. Кто еще из ученых?

А как отнеслась ко всему этому охрана памятников?[1]
Простите, Лидочка, за бессвязное и бестолковое письмо.
Держитесь!!!

[1] Дом Чуковского в 1975 г. был взят под охрану государства, как памятник истории и культуры.

491. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/VI 81

Дорогой Алексей Иванович. Дела наши с дачей обстоят так: очень толковое письмо Демичеву написала Люша. Затем ему же написали Каверин, Образцов, Капица, Райкин. Текст их письма мне неизвестен. Но думаю, что толково.

Люша размышляет, не написать ли ей что-нибудь, обратившись к съезду писателей. Не только о даче, но и вообще: ведь нет ни переизданий книг для взрослых, ни Комиссии по литер. наследию, ни мемориальных досок.

Возымеют ли действия письма о даче — ясно станет по тому, получим ли недельки через 2 повестку в суд. (Литфонд грозится выселить по суду.). Поживем — увидим.

Спасибо, милый друг, за Вашу готовность помочь. Я в ней никогда и не сомневалась. Но сейчас трудно сообразить, что, как, куда, кто. Насчет дачи Пастернака написали письма двое: Рихтер и Евтушенко (по отдельности). Там — ремонт; 2 недели назад приезжал зам. предс. Литфонда и объяснял, что дачу разделят на 3 части, каждую часть устроят «по вкусу будущих владельцев» с отдельным выходом. Письма, наверное, подействовали, потому что сейчас уже никакой речи о трех семействах нет. Делается ремонт обыкновенный.

492. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VII 81

Дорогой Алексей Иванович. Я прочитала статью Д. С. Лихачева «Ахматова и Гоголь» из подаренной Вами книжки[1]. Статья интересная, но кое-что меня удивило. Сначала я собиралась написать об этом ему, но потом решила — лучше Вам. Может

быть, его не следует огорчать, он стар и болен, Вы уж решайте сами.

1) Он пишет о «Поэме» и о Гоголе, сопоставляя одну строку (о каретах) со строкой из «Невского проспекта», — но нигде не упоминает, что I часть «Поэмы» вообще имеет гоголевский подзаголовок: «Петербургская повесть».

2) На стр. 174, в примечании, он полемизирует с К. И. по поводу строки: «И валились с мостов кареты». Очень может быть, что прав в этой полемике он, а не К. И. Но вот что меня удивляет. Он ссылается на Жирмунского: тот, мол, мог слышать это толкование в частной беседе с К. И. или получить от него письмо... Между тем статья К. И. об А. А. с опровергаемым толкованием *напечатана* трижды (зачем же частные беседы и письма?): «Москва», 1964, № 5; Собр. соч., т. 5, стр. 744; «Современники», 1967, стр. 312... Не странно ли?

3. Очень удивляюсь и очень интересуюсь — где в «Поэме» подразумевается Е. Ю. Кузьмина-Караваева, т. е. Мать Мария? (Лихачев, стр. 174).

[1] *Д. С. Лихачев.* Литература — Реальность — Литература. Л., 1981.

493. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

22.VII.81 г.

Дорогая Лидочка!

Я перечитал статью Лихачева. Конечно же, Д. С. <Лихачев> допустил грубую и совершенно необъяснимую ошибку, не заглянув в статью К. И. и позволив себе при этом высказать догадку относительно того, каким образом стало известно В. М. Жирмунскому предположение Чуковского...

Но, пожалуй, не надо Вам сейчас писать Дмитрию Сергеевичу. Он очень плох. Даже в дарственной надписи на книге жалуется на усталость. Да и какой смысл был бы в этом Вашем заявлении! Признался бы, что — да, совершил непростительную оплошность. Извинился бы. И огорчился бы.

Если увижу его и если сочту момент подходящим и найду нужные слова — скажу ему.

Относительно моего «увлечения» XVII веком — сказано слишком громко. Можно подумать, что я просиживаю часами в

Публичной библиотеке, утонул в исторической литературе и т. п. Нет, конечно. На такое и у меня не хватило бы ни сил, ни времени. То, чем я увлечен, — это кровное для меня. Паскаль. Его сестры. Его окружение. И все это на фоне «акварелей Бенуа»...

У меня к Вам просьба, Лидочка. Если увидите Д. С. Самойлова (или будете писать ему), напомните, пожалуйста, что он посвятил Маше стихи «Дуэт для скрипки и альта». С пьяных глаз он мог и забыть, небось. Если бы это касалось меня, мне бы и в голову не пришло просить о таком напоминании. Но Маша — больная, у нее мало радостей в жизни, она очень обрадовалась обещанному посвящению. И если вдруг увидит стихи без посвящения или посвященные другому — огорчится, это будет для нее новым маленьким стрессом.

Относительно матери Марии — у Лихачева я как-то пропустил, а Вы меня заинтриговали.

494. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/IX 81
Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Последние известия о даче — никаких известий. То есть мы не выехали, как требовал Союз и Литфонд, но и судебной повестки — чем они угрожали нам — тоже пока не получили. Зато получили еще один интересный экспонат для нашей выставки. Группа граждан — экскурсантов (случайно) посетила дом, прослушала лекцию, осмотрела книги, картины, фотографии и пр. и, узнав о грозящем нам выселении, по собственной инициативе написала письмо в «Лит. Газету» о необходимости сохранить и отремонтировать дом-Музей К. И. Ч. в Переделкине. Месяца полтора ответа не было. Наконец первая из сорока подписавшихся получила ответ, который и поднесла нам: «Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо сообщаем, что никакого Музея К. Ч. в Переделкине нет, а есть только Детская Библиотека им. К. Ч.».

Хорошо, правда?

495. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
19.10.81 г.

Дорогая Лидочка!

О смерти П. Ф. Нилина я узнал от Вас — раньше, чем появились сообщения в газетах.

Человек он был сложный. Тем, вероятно, и интересен. Мы с ним виделись один-два раза в пять лет и радовались оба. Когда я ехал на очередной, июльский съезд, я думал: кого бы я там хотел увидеть? И, кроме Нилина, никого не вспомнил. В декабре в этом куцем списке был еще Каверин. Теперь я боюсь его встретить: надо говорить о его книгах. А читать их я не успеваю.

О даче вы пишете, что Суд не принял дела. Это меня и порадовало и удивило.

Люшино письмо не столь оптимистично.

496. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/X 81 Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Вы пишете, что Люша смотрит на наши дачные дела более пессимистичным взглядом, нежели я. Да нет, я тоже не обольщаюсь. Но, как говорится, «на сегодняшний день» Литфонд встречается с бóльшими трудностями, чем ожидалось. Уже дважды суд не принял дела к рассмотрению. Возникают юридические сложности. Дачи Литфонда приравнены законом не к ведомственным (т. е. государственным) домам, а к кооперативным. Если же арендатор (в данном случае — мы с Люшей) выплатили весь пай, то выселять его так же незаконно, как жильца кооперативной квартиры, выплатившего свой. Мы уже давно оплатили эту дачу раза в 4 сверх ее стоимости — не говорю уж, что сами, на свой счет, перекрыли крышу (400 р.), что *обязан* был сделать вместо нас собственник, т. е. Литфонд. Эх, Алексей Иванович, была бы я моложе и здоровее, я сама подала бы в суд на Литфонд: мы-то свои обязанности арендующих исполняем, а они — обязанности сдающих в аренду — нет. Штукатурка сыплется, лестница вот-вот

рухнет, балконы сгнили — а мы все платим и платим и платим — разве это законно? Они прислали хамскую бумагу, что в нашей даче поселится некий писатель-фронтовик. Да война окончилась 35 лет назад — что же это Литфонд, богатейшая организация, не построил за это время дачи писателям-фронтовикам? Сыновья К. И. от войны не прятались; Боба погиб — неужели за то отдал жизнь, чтоб нас теперь выселяли?

Видели бы Вы, с каким благоговением входят в этот дом донецкие шахтеры — снимая шапки и башмаки, поднимаясь по лестнице на цыпочках. Один педагог, директор детского дома, узнав от Клары Израилевны, что нас выселяют — т. е., что музея этого не будет, — заплакал. Один неизвестный мне человек при мне поцеловал косяк двери. Своими детскими книгами К. И. стал истинно народным писателем, и надо демонстрировать полное неуважение к общественному мнению (не говорю уж картинам, книгам, фотографиям, рукописям), чтобы *разрушать* рабочие комнаты К. И.

А как быть суду с решением Президиума Союза Писателей 1973 г. о создании в этом доме музея? Оно опубликовано в газете и никем не отменено. А как быть с решением Общества Охраны Памятников Старины, постановившим взять дом под охрану?

А 9 тетрадей с записями 27-ми тысяч посетителей?

Нет, судом, т. е. *законом, правом* тут не возьмешь, проиграешь. Поэтому я жду какого-нибудь беззаконного действия.

Насчет книги об М. П. — я ее действительно кончила, но, думаю, месяца через 2 снова за нее возьмусь: не нравится она мне.

А пока хочу привести в порядок запись о моей встрече в Чистополе с Цветаевой.

Я хочу, чтобы история с дачей меня ни на минуту не остановила.

497. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9/XI 81

Дорогой Алексей Иванович! Спасибо Вам, милый друг, за память, за телеграмму 28-го.

А сейчас пишу Вам по делу. На 99% уверена — зря, ничего этого не будет, но т.к. 1% все же существует — хочу Вас в одно проблематическое дело посвятить.

Усилиями людей совершенно посторонних и даже незнакомых нам, но любящих К. И. — Союз Писателей принял решение повесить доску на доме в Ленинграде, где К. И. жил безвыездно 20 лет.

Об этом сообщили мне наши благожелатели вчера. Им объявил о принятом решении Председатель Комиссии по увековечению памяти писателей — Владимир Соломонович Бахтин. Знаете Вы его? Я — нет.

На вопрос наших благожелателей, кого из родных они думают пригласить, ответ был: «Марину Николаевну, мы с ней знакомы». Ну, как говорится, все ясно. Обо мне и думать нечего (меня вообще нет); *единственную* законную наследницу они тоже уже не взлюбили. Им невестка сподручнее. Ну и пусть. Ни за каким фигурированием ни я, ни Люша не гонимся. Невестка — пусть невестка.

Но вот что меня тревожит: *место и текст*.

У дома К. И., где он прожил 20 лет (1918—1938), почтовый адрес был: Кирочная 7, кв. 6. Но к квартире К. И. этот адрес отношения не имеет. Ни подъезд, по которому мы ходили, ни окна квартиры — ничто — не на Кирочной. Ходили со стороны Манежного переулка (Манежный 6, кв. 6) — вот *там* и нужна доска. (Дом выходит еще и в Церковный пер., но это тоже не годится.) *Только* возле парадной дома Манежный, 6, должна висеть доска.

И второе, главнейшее: текст. К. И. не выносил бюрократической формы: «Чуковский К. И.». Не выносил и никакого «И.». См. его Собр. Сочинений (при жизни!)

Корней Чуковский

Он всегда боролся за это имя, настаивал на этом имени. Так и на его памятнике на могиле. Иногда он подписывал свои статьи К. Чуковский, но никогда не К. И. (Так же, как Ахматова не выносила А. А. Ахматова. И вот мы дожили: Ахматова А. А.)

Текст должен быть таков:

С 1918 по 1938 год
здесь жил и работал
писатель Корней Чуковский
(1882—1969)

Можно отдать слово писатель, можно отдать и работал, но нельзя

Корней Чуковский

и допустить любое место, кроме как у двери парадного хода с Манежного пер. 6.

Вы спросите: к чему я пишу это *Вам*? Совершенно на всякий случай. Вернее всего, никакой доски не будет. А если будет — то открытие казенное, т. е. с подставными лицами вместо родных и друзей. Но — чем черт не шутит. А вдруг Вы знакомы с этим Владимиром Соломоновичем? А вдруг он не сволочь и не дурак и даже догадается *сам* обратиться к Вам? А вдруг его знаете не Вы, но кто-нибудь из хороших людей — напр., Вл. Гр. Адмони? Вообще пишу это письмо *исключительно* на случай «а вдруг».

Я присутствовать на этом торжестве и не могу и *не хочу*. Люше тоже не хочется иметь дело с Союзом, который не ответил ни на одно ее письмо ни о даче, ни о создании Комиссии по наследию, ни о досках — Союзу хочется только выселить нас с дачи и поэтому Люшино отвращение мне вполне понятно. Но я-то считаю, что ей, как наследнице — и притом единственной, — приличествовало бы одолеть отвращение и *быть*.

Пишу это письмо Вам по секрету от нее. Пишу, так себе, для очистки совести. А вдруг? Я и Марине Николаевне написала.

PS. С дачей все на мертвой точке. Только посещение очень увеличилось.

498. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.XI.81 г.

Дорогая Лидочка!

Только что получил Ваше письмо и сразу же позвонил В. С. Бахтину, ленинградскому фольклористу и литературоведу. Он обещал сделать все, что еще не поздно сделать. Доска будет повешена на Манежном переулке, 6, у подъезда. Что касается текста — он записал предложенный Вами, но не уверен — не поздно ли? Текст утверждает Обком, там в Корнее (без Ивановича) могут усмотреть неуважение к советскому писателю. Тем не менее, все, что можно сделаем, Вл. С. обещал сделать — и позвонит мне.

Дошло ли до Вас мое письмо от 8.XI?

Я читаю воспоминания о Зощенке. Там на стр. 159 говорится о его отношении к Хемингуэю. Вам должно быть интересно это.

«Хемингуэй и его видение далеки от меня. Он иногда кокетничает своим мужеством и слишком любит заниматься рыбной ловлей. А мне чуждо это инфантильное занятие»[1].

В тех же воспоминаниях (Полякова) на вопрос, кого из современных западных писателей он ценит, «Зощенко назвал знаменитого тогда норвежского писателя».

Тут и Ваши, и мои симпатии и антипатии совпадают. Впрочем, у Хемингуэя я по-настоящему люблю (люб*ил*, давно не перечитывал) «Прощай, оружие!»

Сейчас я проверил, существует ли Манежный переулок, не переименован ли. Существует. Не переименован.

[1] Речь идет о сборнике «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников» (М.: Сов. писатель, 1981). Отзыв Зощенко о Хемингуэе см. на с. 160.

499. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

Москва, 21/XI 81

Дорогой Алексей Иванович.

Сегодня получила Ваше письмо о доске — спасибо! — а несколько дней назад — письмо от 7/XI. Очень рада, что Вы позвонили Владимиру Соломоновичу. Итак, неужели правда — доска будет? И даже без нашей денежной помощи? (Раз они не обращаются к Люше.) Чудесно, если там, где надо, — на Манежном пер. (Он *не* переименован.) А насчет «Корнея» вместо К. И. я напомнила бы Бахтину, что *прижизненное* собрание сочинений К. И. носит такое название: «Сочинения *Корнея* Чуковского». Такова была его воля. Звуковое собрание сочинений — посмертное — тоже озаглавлено «Собрание сочинений *Корнея* Чуковского». Над могилой «*Корней* Чуковский» (так он мне велел). У меня есть одно его письмо по поводу писательских имен. Издательство требовало, чтобы я сделала подпись под фотографией Ахматовой и Пастернака. Я написала: «Анна Ахматова и Борис Пастернак». Меня поправили: «А. А. Ахматова и Б. Л. Пастернак». Я спросила К. И. — в письме — как быть? Он ответил: «Анна Ахматова и Борис Пастернак своей работой в искусстве заслужили право на

свои имена. Смерть не лишила их этого права»[1]... Ну и его не лишила... При жизни вышел сборник: «Сказки дедушки Корнея». Библиотека детская называется: «имени Корнея Чуковского».

Я думаю о людях ленинградских, которые могли бы присутствовать при открытии. Кроме Вас — С. А. Богданович (со всей семьей он был очень связан, дружен, а мать С. А. Богданович — Татьяна Александровна — моя крестная мать); Вл. Гр. Адмони; Александра Иосифовна, которая в юности (до редакции) была его секретарем. Для приличия они «от семьи», наверное, пригласят Марину Николаевну — она им вполне сподручна. Ну и пусть.

Союз Писателей одной рукой уничтожает музей, другой — открывает доску. И уж конечно будут все виды показухи: газеты, радио.

С дачей ничего не известно — однако нервотрепка предстоит — и уже происходит немалая. Литфонд подал на нас в суд, требуя выселения. Суд — уже дважды! — не принял дела. Трудящиеся пишут десятки писем в разные места с требованием Музей сохранить. (У нас 6 альбомов отзывов; через Музей прошло около 30 тысяч человек.) Очень интересно ответила на письмо сорока человек «Лит. Газета»: «Вы, по-видимому, ошиблись: в Переделкине никакого Музея Чуковского нет, а есть Библиотека им. Чуковского». 28/X мы выставили на особом стенде всю переписку Люшину с Литфондом и Отделом Культуры и вот это письмо «Лит. Газеты».

После 28-го я, естественно, была 3 дня больна, но это уж всегда неизбежно. Хорошо было или плохо? Не знаю. Я — как в бреду. Говорят, было хорошо. Выступали с воспоминаниями: Ася Берзер, Кома Иванов, Инна Львовна[2]. Интересная выставка: юбилей Горького в 1919 г. Фотография: Блок, Гумилев, Гржебин — в первом ряду на стульях; во втором К. И.; еще много народа; посреди — юбиляр, а на ковре, впереди всех, простите, сижу — я. А возле К. И. — Коля и Боба[3].

Очень интересен Зощенко о Хемингуэе[4]. Спасибо, что прислали. Совпадает с А. А. Я у Хемингуэя любила и люблю «Прощай, оружие!», «В снегах Килиманджаро»; «Фиеста»; «Что-то кончилось» и, конечно, «По ком звонит Колокол». И «Кошка под дождем».

Моя работа о Мите сейчас «на проверке». Получу обратно — начну править. Пока пишу об М. Цветаевой в Чистополе — это немного. Потом опять возьмусь за Митю. Так я пробиваюсь

к 3-му тому... А еще надо написать о К. И., а еще — против Н. Я. Мандельштам... Господи, надо не думать. Столько долгов и так мало осталось сил (и глаз).

Дачу Пастернака отремонтировали, но оставят ли там Женю и Алену или поселят кого-то — неизвестно. Их тоже пытаются выселить. И вселить писателя-фронтовика. (За 30 лет Литфонд не построил дач для фронтовиков.)

[1] Письмо это напечатано. См.: Корней Чуковский. Лидия Чуковская. Переписка. М., 2003. С. 480—481.

[2] Ася Берзер — Анна Самойловна Берзер, Кома Иванов — Вяч. Вс. Иванов, Инна Львовна — Лиснянская.

[3] Эта фотография сделана на юбилее М. Горького во «Всемирной литературе». См.: *Корней Чуковский*. Дневник. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1997. Между с. 352—353.

[4] Отзыв Зощенко о Хемингуэе см. в предыдущем письме Пантелеева.

500. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
12.XII.81 г.

Дорогая Лидочка!

О мемориальной доске и надписи на ней я уже писал и Вам, и Люше. Настаивать на «Корнее» вместо К. И. вправе только родные, но боюсь, что тут никакая настойчивость не помогла бы — наоборот, всякий пересмотр ответственного решения в высоких инстанциях — чреват неожиданностями.

Мое мнение я сообщил Люше. Одно дело — книга, другое — паспорт, надгробная надпись, мемориальная доска.

Никто в наше время не надписывает книги именем и отчеством. Пишут: Николай Тихонов, Вячеслав Шишков, С. Маршак, Сергей Орлов, Леонид Андреев, а на мемориальных досках: Н. С., В. Я., С. Я., С. С., Л. Н.

Я не помню, что написано на кресте над могилой Анны Андреевны. Вряд ли: Анна Ахматова.

А в общем — простите, так ли уж это существенно?

Очень меня интересуют и Ваш Матвей Петрович и Ваша Цветаева.

Маша, слава Богу, вышла из состояния полной прострации, ничегонеделания, в каком она пребывала без малого *год*. По

своей охоте читает каждый день Чехова, Бунина, что-то немецкое. В остальном перемен нет.

501. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19 декабря 81

Дорогой Алексей Иванович.

Да, Вы совершенно правы насчет доски — и «чревато» и «несущественно». Я никаких мер предпринимать не буду. (Когда-нибудь расскажу Вам, *что* предпринималось, дабы это вообще *сделалось*. Очень смешно. Результат трехлетних усилий со стороны *незнакомых* людей...) Теперь меня забавляет, с каким упорством Союз Писателей НЕ обращается к наследнице: Люше. *По закону* все дела, касающиеся увековечения памяти К. И., должны совершаться с ее ведома и согласия. Но, от ненависти ко мне, Союз Писателей игнорирует и ее, хотя обязан был согласовать с ней выбор места, и текст, и выбор скульптора. Обычно, кроме того, наследник вносит деньги. (Когда устанавливалась доска на Библиотеке — скульптором был нами выбран ученик Фаворского, Шаховской; внесли мы 800 р.) Посмотрим, как они будут крутиться дальше. Вероятнее всего, накануне открытия пошлют телеграмму Марине Николаевне. Что ж, она носит ту же фамилию, и в этом доме (т. е. в Манежном переулке) *бывала* (там протекал ее роман с Колей)...

Пусть как хотят. Важно, что решение уже есть и даже опубликовано в «Вестнике Ленсовета». И указан — Манежный, 6. Это прекрасно.

Вы очень ждете от меня «о Матвее Петровиче и об М. Цветаевой». Книгу о Мите я запорола. Перечла, окончив, 10 печатных листов и убедилась, что герой мне решительно не удался. Вернусь к ней, но думаю — и не удастся. Он жил в науке; там была его жизнь; по-видимому, если не понимаешь в человеке главного — не следует о нем писать. Я, если почувствую себя лучше, сделаю еще попытку, но пока отложила... М. Ц. тоже мало удалась мне (40 страниц), но еще не понимаю насколько — Фина еще пока переписывает. (Седьмой раз!) Погляжу[1].

[1] К письму приложена книжная закладка с фотопортретом Корнея Ивановича, выпущенная в 1976 г. издательством «Сов. Россия».

502. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/I 82

Дорогой Алексей Иванович.

Люша сказала мне, что на днях отправила Вам письмо. А до тех пор ее терзал корректурный шквал. Впервые после смерти К. И. выходят «От 2 до 5» и «Живой как жизнь» («От двух до пятерох» и «ЖЖ», как он называл их.) Канонического текста нет; от издания к изданию К. И. совершенствовал эти книги (а иногда и портил их!) — хочется все сверить, возобновить и пр. Ссылки и справки перепутаны. «От 2 до 5» идет в Минске — междугородные переговоры с бездарной и малограмотной редакцией. Одновременно она готовила отрывки из Дневника К. И. для «Юности»[1]. Одновременно — отчет по лаборатории.

Я кончила работать над описанием своего кратковременного знакомства с М. Цветаевой. 42 страницы писала 2 ½ месяца. Что вышло — не знаю.

Прочитала книгу, которая меня потрясла, — переписку Б. Л. с его двоюродной сестрой, ленинградкой[2]. Если бы от него ничего не осталось, кроме этой книги, он был бы великий человек и великий писатель. И представьте себе — сестра его (профессор Университета) поразительно умна и талантлива; иногда — умнее его. Отрывки из ее Дневника волшебно комментируют переписку. Между прочим, по блокадной теме ее Дневник перекликается с Вашим (совсем не похоже по стилю души и письма, но материал тот же и степень выразительности — огромная).

Кажется, более ничего нового.

В прошлое мое дежурство тут была маленькая авария — хлынула вода с чердака, но, к счастью, не в комнаты К. И., а *между*, на лестницу и в переднюю, меня окатило с головы до ног, но потом добрые люди помогли, все уладилось. Только минут 5 было страшно, когда вода катилась по лестнице, и я думала, что обе комнаты и книги К. И. залиты. Нет. Сухи.

Пока новые аварии не совершились еще. Но они неизбежны — не вода, так газ или трубы или потолок или стены — дом уже не может сам выдержать себя.

Правда, меня утешает строчка Тарковского:

Живите в доме — и не рухнет дом[3], —

но эта строка — единственная опора крыш, фундамента и стен. Других — нет.

[1] *Корней Чуковский*. Без писания я не понимаю жизни...: Страницы из дневника / Публ. и примеч. Е. Чуковской // Юность. 1982. № 3. С. 83—86.

[2] *Борис Пастернак*. Переписка с Ольгой Фрейденберг. New York; London, 1981.

[3] Строка из стихотворения Арсения Тарковского «Жизнь, жизнь» («Предчувствиям не верю...»).

503. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26/I 82

Дорогой Алексей Иванович.

Вы, наверно, уже знаете, что создана Комиссия для чествования К. И. по случаю 100-летия со дня рождения. Во главе — Михалков. Члены — министр культуры Мелентьев, председатель Комитета по печати Стукалин и др. высокопоставленные лица. Из писателей — Вы.

Пишу Вам, потому что чувствую на расстоянии, как Вы взволнованы, обеспокоены — за нас, за судьбу дома.

Признаюсь, я думала, что выселять нас будут *после* юбилейных торжеств. Но нет. Сегодня мы с Люшей получили судебные повестки с требованием явиться в суд (Солнцевский р-н, г. Видное) для предварительного собеседования. Явиться мы должны 1 февраля. Люша просит, чтобы я не ехала. Ехать мне, конечно, тяжко, но не ехать — хуже.

По-видимому, выселение решено осуществить не *после* юбилея, а именно под гром юбилейных торжеств. Статьи, портреты, вечера, телевидение и пр. — и тут же выселение.

А дело ведь не в том для меня, что меня лишают дачи в Переделкине. Мне Переделкино не на пользу — и душе и телу. Дело в том, что уничтожат комнаты К. И., такие выразительные, такие *его*.

Через них прошло уже 30 тысяч человек. И видели бы Вы, с какими лицами люди оттуда выходят, как они благодарны, что комнаты сохранены, какие записи делают в наших книгах.

За что *у них* отнимают этот дом? Мне лично, да и Люше, будет только легче: мы разбогатеем — не придется платить каждый месяц 100 р. за дачу и 120 — Кларе Израилевне. Не придется ду-

мать о лампочках, испорченном водопроводе, крысах, невылазном снеге, засыхающих яблонях и т. д.

Ужасным моментом будет переезд. Непонятно, куда вывезти 5 тысяч книг, картины, письменный стол, лампы, шкафы, «штуковину»[1] и т. д. И потом — как все это будет похоже не на вывоз, а на *вынос*.

Если разорение Музея произойдет, то оно будет *необратимо*. Книги, все написанное К. И. — скажем, «Высокое Искусство», или «О Чехове», или «Современники» — будут переизданы — не в 82, так в 89 г., но комнаты — после уничтожения — собрать уже нельзя будет.

И все королевские лошади,
И вся королевская рать
Не могут Шалтая,
Не могут Болтая,
Шалтая-Болтая собрать[2].

Одновременно с нами затевается выселение семьи Пастернака и Кассиля.

В дом Пастернака — хотя в нем сохранилось немногое — тоже стремится ежедневно поток посетителей. Я их понимаю: глянуть из того окна, из которого глядел Пастернак, — уже счастье. Я бы всю эту местность назвала его именем — все тамошнее им воспето — рощи, Сетунь, вьюги, кладбище.

Вот начала Вам писать, чтобы утешить Вас и успокоить, а вышло нечто другое. Нет, не другое. Это мое письмо — моя любовь к Вам, мое утешение — Вам. Я знаю, что в эти тяжелые дни Вы с нами, то есть с К. И., с памятью о нем — не с тою, которую призван воплощать Михалков — а с истинною. Не огорчайтесь! Никто из читателей «Лит. Газеты» не спутает Вас с Алексиным и К°.

Я здорова. У Люши корректуры и бесконечные звонки — юбилейные — из всех журналов и газет. И повестка в суд. Она спокойна и разумна.

[1] Домашнее название шкафа с выдвижными полками для папок.

[2] Неточная цитата из английской песенки «Шалтай-Болтай», переведенной Маршаком. Правильно: «Вся королевская конница, / Вся королевская рать / Не может / Шалтая, / Не может / Болтая, / Шалтая-Болтая, / Болтая-Шалтая, / Шалтая-Болтая собрать!» (см.: *С. Маршак*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1968. С. 84).

504. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

9.02.82

Дорогая Лидочка!

Да, Вы правду написали: Ваше последнее письмо ничем утешить меня не могло.

Надеюсь, утешат последующие.

Я написал большое письмо Михалкову — уже не только как собрат по перу, но и как член юбилейной комиссии — ее председателю[1]. Обнаружив себя в числе членов этой самой комиссии, я, признаться, никакой радости не испытал. Теперь обнаружилось, что можно попробовать извлечь из этого членства какую-то пользу. Капля камень долбит: авось.

Получил третьего дня письмо от Д. С. Самойлова. Он, кажется, вышел из состояния депрессии. Пишет стихи. Но пить бросать не собирается. Говорит — ему это помереть. Всем нам, пьющим, до поры до времени так кажется.

[1] Позже Пантелеев прислал копию своего обращения к С.В. Михалкову. См. примеч. 1 к письму **534**.

505. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

20/II 82

Дорогой Алексей Иванович.

Жаль мне Вас, что Вам пришлось написать письмо С. В-чу[1], который и без Вашего письма обязан был бы все знать. Но никто из членов Юбилейного Комитета не удосужился *приехать* посмотреть... Письма о нашей даче и о даче Б. Л. пишут многие, и не только в Комиссию, а и в ЦК, и в Народный Суд города Видн*ого* (казалось бы, если он город, то следовало бы назвать его Видн*ый*, но у нас почему-то в названиях торжествует *средний* род: станция Сосн*ово*). Будет ли от этих писем толк — не известно никому. Писали и Каверин, и Образцов, а о доме Б. Л. — Рихтер. И когда его пригласили выступить с концертом в ЦДЛ, он передал по телефону через секретаря (ршу?):

— Писательская организация ведет себя позорно, и я играть там не буду.

(Он ведь очень был дружен с Б. Л.)

А самое замечательное — это недавно полученная мною копия письма Чаковскому, посланного одним рабочим — бывшим переделкинским, теперь загорским — в защиту музеев К. И. и Б. Л. и с приложением 5 рублей на народную стройку — для реставрации обоих домов. (Он не знает, что дача Б. Л. уже роскошно отремонтирована увы! не реставрационно — Литфондом.) Письмо очень достопримечательное.

За нас сильно вступается «Общество охраны памятников старины». Они уже много лет судятся за наш дом с Литфондом.

Все это может остановить, а может и не остановить выселение. Во всяком случае, повестки из суда еще нет. Это значит, что суд может еще и попросту, без разбирательства дела, отвергнуть иск Литфонда.

Чего бы мне очень хотелось выбить из Союза Писателей по случаю 100-летия — это мемориальную доску на ул. Горького, 6, в Москве. Я нисколько не прошу Вас брать на себя эти хлопоты, но *если* Комиссия соберется (в чем сомневаюсь) и *если* Вы будете привлечены к какому-либо обсуждению необходимых мер — хорошо бы напомнить этим деятелям, что на ул. Горького, 6 К. И. прожил 30 лет (дольше, чем в Ленинграде!) с 1939 по 1969 год (хотя последние 5 лет жил безвыездно на даче; но это в счет не берется)... Люша не желает хлопотать о здешней доске, потому что на стене возле нашей арки налеплена доска художнику Васильеву, большому прохвосту, написавшему однажды донос на К. И.[2] А я уверена, что если будет доска К. И. — никто не станет говорить: «дом, где жил Васильев», но — все таксисты! — «дом, где жил Чуковский».

На какой-нибудь из вечеров его памяти я постараюсь пойти. (Не в ЦДЛ, конечно.) Не пригласят меня, конечно, ни на единый. Меня нет и не было.

Мне пристало повсюду отсутствовать
Вот уж скоро четырнадцать лет, —

писала А. А.[3]

Ну, а мне — с 74 года. Впрочем, раньше. И я сама уже ловлю себя на том, что чувствую себя уже как бы отсутствующей.

[1] Сергею Владимировичу Михалкову.

[2] Подробнее об этом см.: *К. Чуковский*. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник 1936—1969. М., 2007. С. 72. Запись от 1 марта 1944 г. и примеч. к ней..

[3] Неточная цитата из стихотворения Анны Ахматовой «Все, кого и не звали, в Италии...». У автора: «Мне к лицу стало всюду отсутствовать...»

506. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

2 мая 1982. Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Слава Богу, юбилей позади[2]. В Москве было несколько вечеров удачных и, во всяком случае, сердечных. Я была на одном — ВТО (близко от нас). Очень хотела в Университет, где устраивал вечер замечательный человек, Гелескул. Но в этот день мне надо было в Переделкине сменить Клару Израилевну. Единственный вечер, устроенный безобразно, так что люди не толпились в проходах, как всюду, а *уходили* с доклада, — был в ЦДЛ.

Ну, этого и следовало ожидать.

Вы спрашиваете, пишу ли я воспоминания о К. И. К сожалению, нет. Вот уже год, как я совершенно запуталась в воспоминаниях об М. П. — из-за этого не пишу ни о К. И., ни об А. А. Я не умею ничего делать зараз. И вот кончу, кончу — и все остальное, что должно было бы непременно двигаться, что я *должна* успеть, стоит неподвижно. Я от этого в отчаянье, даже во сне чувствую свое неуспевание, много не сплю, потом много сплю, потом встаю и хватаюсь за работу, которая не идет, потом сильно и упорно болит сердце.

С огромным удовольствием прочла постепенно ту книгу, которую Вы мне подарили, — книгу Лихачева о литературе. Прекрасный сборник умнейших работ. Чума структурализма миновала его. Гелертерство[3] тоже. Всюду видно *понимание*, чувствуется слух и вкус. Замечательно об «Аптеке»[4], о Манилове, о слове у Достоевского, о крестьянине.

Очень рада, что Вы выступали на вечере памяти К. И. и по радио. Рада — это даже не то слово. Без Вас и праздник был бы не в праздник.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Речь идет о столетнем юбилее К. И. Чуковского.

[3] Gelehrter (*нем.*) — человек, обладающий книжной ученостью, схоласт, начетчик.

[4] Имеется в виду стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...», о котором пишет Д. С. Лихачев в своей книге.

507. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.07.82
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Напрасно Вы так огорчаетесь и зря нападаете в этом случае на Евгения Львовича[1].

Он нигде не писал, будто Чуковский НЕ ОЦЕНИЛ Житкова (и в Вашей цитате этого нет). Всем известно, что Чуковский именно ОЦЕНИЛ и направил Бориса Степановича к Маршаку. Корней Иванович тоже увидел в прозе Житкова большие задатки, иначе не направлял бы. А Самуил Яковлевич был издатель, дирижер, основатель известной Вам Академии — потому он и ринулся «со всей своей бешеной энергией».

История появления Житкова в литературе изложена у Шварца схематично, но ничего обидного для памяти Корнея Ивановича я здесь — повторю еще раз — не вижу[2].

[1] Письмо Л. К., на которое отвечает Пантелеев, не сохранилось. Евгений Львович — Шварц.

[2] В своем дневнике Шварц пишет о Житкове: «Гимназию кончил он в Одессе, вместе с Корнеем Чуковским, и, попав в Ленинград, свою рукопись принес ему, но тот ничего не сделал. Тогда Маршак заставил Житкова писать по-новому» (*Е. Л. Шварц*. Живу беспокойно...: Из дневников. Л.: Сов. писатель. С. 232; запись 11 октября 1952 г.). См также примеч. 1 к письму **523**.

508. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

31 июля 1982[1]

Дорогой друг, дорогой Алексей Иванович.

Простите меня великодушно за мое долгое молчание. Каждый день я была уверена, что сегодня уж непременно дорвусь до письма к Вам и каждый день не было — сверх 4 часов работы — ни одной сосредоточенной секунды. Люша героически затеяла два ремонта: 1) на даче ремонт фундамента (иначе дача не пережила бы зимы); 2) в городе — ремонт мебели, потому что у нас стулья, кресла, диваны до того прохудились — сыпалась труха,

торчали пружины и гвозди, стулья без ножек или без спинок — что не на чем было сидеть... И хотя ремонт в Переделкине идет в мое отсутствие, в мои городские дни (суббота, воскресенье), а ремонт в городе, наоборот, шел в мои дачные дни — все равно, хоть и все заботы совершенно сняты с меня — я от волнения все время просыпалась и не спала и худо работала: ужасно боялась (и боюсь) за тех молодых людей, историков, которые каждый свободный день отдают «стройке» — т. е., не поднимая полов, лазят под дом, таща на себе кирпичи, цемент и пр. Люша наняла каменщика за большие деньги, но он, проработав день, сбежал от этой каторги... Теперь представьте себе, что Люша и Клара должны каждый раз трижды накормить молодых героев (денег они не берут) и *параллельно* вести экскурсии, от которых отбоя нет.

Люша не отдыхает второй год. И вот сейчас, параллельно «стройке», у нее на руках корректура книги К. И. о Репине, к которой надо подбирать иллюстрации, которую надо оберегать от разбоя редакторов и т. д.

Ну вот, сквозь это все у меня еще хватает силенок для работы — а на письма не хватило.

Вы писали, что получили письмо от Д. С. <Самойлова>, и оно его показывает очень умным человеком. Ну конечно. Он, несмотря на свое легкомыслие и несимпатичное пьянство, человек большого ума и обширного образования. Русскую литературу знает во всех закоулках, в особенности поэзию — недаром написал «Историю русской рифмы» (XIX и XX век). Хорошо знает и немцев. Кажется, знает французский язык. Умен как бес... (Между прочим, есть у меня такое наблюдение: тенора могут быть очень глупыми, поэты — никогда. Все поэты, которых я знала, сверхумны́. Такая уж профессия. Поэзия, по словам Пушкина, глуповата, но поэт — никогда).

Насчет Е. Л. и его абзаца о К. И., Б. С. и С. Я.[2] Милый друг, я нисколько не нахожу этот абзац для К. И. оскорбительным. Он просто *неверен*. То ли Е. Л. запамятовал, как дело было, то ли не осведомлен. Но все произошло *не так*, как он в этом абзаце пишет. Беда небольшая — соответственные куски из Дневника и писем Б. С. опубликованы, воспоминания К. И. тоже. Так что вариант, неправильно рассказанный Е. Л., меня не трогает. Разве что за него: неточность мемуариста.

Получила внезапно международную телеграмму. Откуда бы? Из Лозанны. Ну, думаю, мистификация какая-то: у меня никаких знакомых в Лозанне нет. Оказывается: там состоялся Международный симпозиум по Цветаевой и были прочитаны мои воспоминания о единственной моей встрече с нею. Телеграмма благодарственная[3]. Я возгордилась. Но неизвестно рядом с кем, с чем, так что гордиться рано. Жду дополнительных известий.

Итак, не сердитесь и пишите.

PS. Достали ли Вы книгу Л. Гинзбург: «О старом и новом»? И видели ли в № 4 «Дружбы народов» повесть Можаева?[4]

[1] Датируется по п/шт.

[2] Названы инициалами Е. Л. Шварц, К. И. Чуковский, Б. С. Житков и С. Я. Маршак.

[3] Воспоминания Лидии Чуковской о Цветаевой — «Предсмертие» — были прочитаны на международном симпозиуме славистов, состоявшемся в Лозанне. Участники симпозиума 6 июля 1982 г. прислали автору телеграмму.

[4] Повесть Бориса Можаева называлась «Полтора квадратных метра».

509. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

19.VIII.82

Дорогая Лидочка!

Порадовался вместе с Вами телеграмме, о которой Вы пишете.

Завидую лозаннцам. Боюсь, что вторично мне в этот город не попасть. Может быть, есть другой способ познакомиться с Вашей «Цветаевой»?

Ни Гинзбург, ни Можаева я не читал.

Читать предпочитаю старое, т. е. перечитываю. Сейчас — протопопа Аввакума. Мориака.

Впрочем, с большим удовольствием перечитал и Белова — «Привычное дело». Остальное у него жидковато и вяловато.

510. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/IX 82

Дорогой Алексей Иванович.

Вы пишете, что Вам не столько хочется читать новое, сколько перечитывать. Мне тоже. Мечтаю о Толстом, о Чехове. Но

вряд ли доживу до этого счастья. Я систематически не успеваю делать свои ежедневные уроки. Если же иногда выпадает счастливый день и я зарабатываю себе право читать — то читать приходится то, что нужно для моих двух параллельно ведущихся работ, или то, что мне дарят, требуя отзыва, совсем чужие люди. Толстой и Чехов давно отступили в область мечты, как и многое другое.

Я очень хотела бы, чтобы Вы познакомились с моей Мариной[1]. Она сейчас гостит в Ленинграде, у моего друга. Но наладить Ваше свидание не берусь.

«Народная стройка», то есть добровольческий ремонт дачи К. И., продолжается. Молодые люди каждую субботу и воскресенье, сменяя друг друга и один лучше другого, приезжают в Переделкино и проводят свои свободные дни *под домом*, в лужах натекшей воды, в пыли обратившихся в пыль кирпичей. Они таскают *под дом* глину, песок, цемент, кирпичи и создают некое чудо прочности. Только для облицовки фундамента приезжает наемный специалист каменщик. Часть дома в лесах — мальчики штукатурят и будут красить. (Если бы сентябрь был сухой!) Дом уже не ходит ходуном, не трясется — если бы не они, он уже рухнул бы. А до сгнивших балконов доберемся, наверное, только будущим летом.

Я уже годика этак 3 вожусь с Митиной книгой, из которой ничего не выходит.

У нас в саду свои яблоки! Запах в комнате, когда их собирают и вносят, несказанный. Мы их раздаем. Пишите.

[1] То есть с воспоминаниями Л. К. о Цветаевой. См.: *Лидия Чуковская*. Предсмертие // Время и мы. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж. 1982. № 66.

511. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/X 82

Дорогой Алексей Иванович.

Конечно, худо, что Александра Иосифовна не позвонила Вам перед отъездом в Москву. Хотя я и не могу сказать, что наше свидание с ней состоялось — ибо я почти не способна была к собеседованию, — но все-таки она виделась с Люшей, со мной — хоть и в болезни — и могла бы поделиться с Вами своими впечатлениями.

А поссориться я действительно не хочу. Но не зарекаюсь.

Однако главное, чего я желала бы от Шуры добиться, — это ее воспоминаний о Т. Г. и об С. Я. Ведь у нее десятки их писем. Кроме того, она не потеряла память на хронологию, имена и пр. — как катастрофически теряю я. Но я уже устала разговаривать с ней на эту тему, побуждать ее и подталкивать. Да ведь каждый человек и сам знает свой долг.

Фундамент под дачу подведен, крыльцо выкрашено, весь вход оштукатурен. Были бы и балконы починены теми же героическими руками, да нет досок (Литфонд нам ничего не продает; кирпичи, гальку, краску мы купили, а вот доски не удается). Но началась сейчас новая беда, с которой добровольцам не справиться: испортился один из газовых котлов, надо вызывать газовщиков и водопроводчиков, а это дело сложное. Вообще же в последний мой приезд дом был накануне взрыва (на котлах — 120⁰ вместо 70. Трубы раскалены и притом неравномерно, т. е. не только котел испорчен, а внутри радиаторов — пробка.) Предстоит новая возня — т. е. новый предлог для Люши *не ехать* в отпуск. В последнее воскресенье провела 9 экскурсий, всего 120 человек. Очень мучительны иностранцы — многие без языка — и непонятно, что с ними делать. Пришли, например, 40 человек финнов — какое-то финское землячество — из которых 20 не понимают по-русски. И вообще по их лицам не понять, что они понимают и что им интересно.

...Третьего дня, вернувшись в город с дачи, я внезапно застала у Люши в гостях Вашего однодомца — Данилу Александровича[1]. Я его раньше никогда не видала. Что ж, и я присела за стол, и мы провели вместе минут 20 (он торопился на поезд). Признаюсь: впечатление неприятное. Омертвелое чиновничье лицо. Он прекрасно владеет своими лицевыми мускулами. Был благосклонен. Я была очень вежлива. Но имела глупость спросить о доске К. И. Он мгновенно «превратился в пуделя и ушел под кровать», как говорила А. А. Я очень себя ругала.

Мы приняли грустное решение: будем отмечать только 1 апреля — день рождения К. И. — а 28 окт., день смерти, не будем. Юбилей съел не только силы, но и переворошил весь материал — 4 выставки, 5 съемок и вечеров — и Люша более не в силах снова все поднимать.

[1] Даниил Александрович Гранин жил в одном доме с Пантелеевым.

512. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.X.82

Дорогая Лидочка!

Сегодня 28-е, день смерти Корнея Ивановича. Зная, что Вы не отмечаете теперь этот день, телеграммы не послали, но — помним и мыслями, как всегда, с Вами и Люшей.

Мы счастливы, что удалось побывать в Москве, трижды повидать Люшеньку, два раза — Вас. Огорчены, что не побывали на могиле.

В Ленинграде меня ждало Ваше письмо, опущенное в ящик в день нашего отъезда из Питера.

Отвечать, кажется, уже не на что, обо всем поговорили. Скажу только несколько слов о человеке, который и мне, и Вам не нравится, а Люшу чем-то привлекает. Все, что Вы написали, включая уползающего под кровать пуделя, — до последнего штриха точно.

На днях я встретил его на лестнице, мы доставали почту из наших ящиков. Он сказал мне, что был у Люши и видел Вас. Потом оглянулся и сказал:

— Скажите, А. И., вы должны знать: на какой почве поссорились А. А. и Л. К.?

— Если вы читали книгу Л. К., Вам должно быть известно, что этого не знает сама Л. К.

— Неужели она даже не делала попыток узнать?

— Насколько мне известно, нет.

Я пошел к выходу, он — наверх. И сверху крикнул:

— А вы бы стали пытаться?

Кто в нем говорит: художник, душевед или, наоборот, душегуб — не знаю.

Кстати, об А. А. Работая вчера над своими старыми записными книжками, я наткнулся на цитату из С. П. Жихарева: «Бог посетил меня с Новым годом и новым горем».

Что это — совпадение? Или застрявшие в памяти и ставшие своими слова (как это нередко бывает)?[1]

Читаю В. В. Иванова «Чет и нечет»[2]. Ох, ох! Дело не в том, что трудно, а в том, что не радует. Точные науки запятнали себя (для меня во всяком случае) в тот момент, когда появились на

свете атомная и водородная бомбы. Кибернетика и астронавтика в этом не повинна, но у меня и к ним отношение — не дружеское.

[1] Речь идет о перекличке со стихотворением Анны Ахматовой «С Новым годом! С новым горем!».

[2] *Вяч. Вс. Иванов.* Чет и нечет. М.: Сов. радио, 1978. Книга вышла под рубрикой «Кибернетика».

513. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

6/X [XI] 82 Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович. Да, впервые за 13 лет не было нашего траурного собрания 28/X.

Разговор на лестнице — прелесть. Я не думаю, чтобы это был вопрос *душегуба* — это просто *любопытство обывателя*, которого во всей книге заинтересовало самое неважное, но дающее повод почесать язык.

...А «отмененное» 28-ое было очень трогательно. Я приехала накануне, как мне и полагалось. Обычно в этот день я бываю на могиле в 2 ч. ровно — К. И. скончался в 2 ч. 10 м. дня. На этот раз я была в 4. Обе могилы были устланы цветами, а на скамье лежала записка мне — с фамилиями всех, кто был.

Когда я вернулась домой — на крыльце и даже в почтовом ящике лежали цветы.

По поводу книги «Чет и нечет». Я ее не читала, потому что ничего научного читать не в состоянии (даже в прекрасной книге Л. Я. Гинзбург мне неприятны «функция», «структура» и «система»). У Вячеслава Всеволодовича Иванова интереснейшие воспоминания о Б. Л., об А. А., вообще он редкостно много знает и *понимает*. Но о его «научных изысканиях» не сужу. Вообще не люблю, когда к человеку или к искусству подходят «научно». Однако с Вашей нелюбовью к точным наукам вообще — я не согласна. Герцен писал, что все зависит от того, кем и как наука употребляется, в чьих она руках, с какой целью ею пользуются. Согласитесь — без точных наук невозможны были бы те чудотворные медицинские операции, которые сейчас совершаются. Да

и вообще многое благо было бы невозможно. А что люди, вместо благ, создали бомбу — наука ли тому виною?

Здесь очень пышно и, говорят, очень мертво прошли вечера М. И. Цветаевой. Опубликованы 5 доселе неизвестных ее стихотворений. Из них мне понравилось одно:

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Впрочем, Вы, наверное, это уже и сами прочли — «Нева», 82, № 4.

Насчет совпадения Ахматовой с Жихаревым ничего не могу сказать. Ведь эти два *го* в ее первой строке — они кажутся такими естественными, что удивляешься: как это ты сам так не говоришь? Они как поговорка. Она могла и запомнить бессознательно, и сама воскликнуть.

PS. Мне вдруг пришло на ум: вот и Вы и я так хотим и так уговариваем Александру Иосифовну написать воспоминания... А может быть, это лучше, что она их *не* пишет? У нее память отличная, и литературность, владение пером, наличествует — но ведь *не* память, упрямство в ложных представлениях — тоже. Она, напр., сейчас молится на Т. Гр. и столь многое о ней помнит. Но она *не* помнит, как, незадолго до начала болезни Т. Г., начала пикироваться с нею в письмах (Туся мне эти письма читала), довела дело до ссоры — и угомонилась только тогда, когда узнала от меня, что у Туси — рак. *Этого* я ей никогда не напоминаю, но ведь и она никогда, ни разу, не сказала мне: «Как я перед Тусей была виновата». Она просто этого уже *не* помнит, а напомнишь ей — откажется.

PPS. Известно ли Вам, что наш общий Благодетель болен[2], лежит в больнице, перенес тяжелую операцию колена и ему предстоит больница еще *полгода*? Я получила от него письмо, очень мужественное, но все-таки горькое и очень огорчилась сама.

[1] Датируется по п/шт — у Л. К. в дате описка.

[2] Упомянут Л. П. Романков. О нем см. примеч. 1 к письму **489**.

514. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7 дек. 82 г.
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Вчера был у нас Леонид Петрович — с костылем, как Грушницкий на водах. Ему уже лучше, костылем он пользуется, как пользуются лонжей акробаты в цирке. Для страховки. Но ходит все-таки сильно хромая.

Больница его не тяготила (как никогда не тяготила она и меня в его возрасте).

Все, что Вы пишете об Александре Иосифовне, — очень верно. Я помню, как она — совсем незадолго до болезни Тамары Григорьевны — поносила ее последними словами. И помню, как удивило это Элико (которая только что познакомилась с нашей прелестной Тусей и была очарована ею).

Лидочка, мы тут как-то с Вами поспорили: может ли черный цвет быть ярким (так кажется)? Я говорил, что черного цвета нет, что это отсутствие цвета. Разговор был в связи с Вашей Цветаевой. И вдруг читаю Цветаеву — о Гончаровой, художнице, и натыкаюсь на такие слова:

«В Испании Гончарова открывает черный цвет, черный не как отсутствие, а как наличность. Черный как цвет и как свет».

Склоняю повинную голову. Да, бывает. Как цвет и как свет.

Специально выписал цитату, чтобы перед Вами повиниться.

515. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/XII 82

Дорогой Алексей Иванович.

...А мы живем так: 6/XII получили с Люшенькой повестку в суд, в г. Видный. 8/XII у меня был сердечный приступ; врач предписал мне «строгий постельный режим»; Люша отвезла справку в суд 10-го. Теперь разбирательства нашего дела (о выселении) перенесено на 13 января 1983 г.

«Мы с Тамарой ходим парой» — т. е. то же самое происходит с Пастернаками.

А пока мы живем в Зимнем дворце, в который превратили дачу наши доброхоты. Фундамент, штукатурка, новое крыльцо, обои!

И еще одна радость: прямо напротив нас поселился т. Ардаматский (автор знаменитого фельетона 53 года «Пиня из Жмеринки»), выселив Цилю Сельвинскую.

В городе слякоть, а в Переделкине мое любимое время года: зима. Какие ветви деревьев в лесу, какие шапки на заборах, какие нарядные столбики на наших заново выстроенных балконах!

И я намерена взять у самой себя отпуск и 10 дней не читать, не писать, а только учиться ходить (совсем разучилась) и слушать музыку. После этого, только после этого, возьмусь за новый труд. Надо быть в порядке («готов к труду и обороне»).

Читать помаленьку, конечно, буду: у меня лежит «Проза Пастернака», лежат «Personal Impressions» by Isaiah Berlin[1], отрывки из коих меня давно пленили.

Удалось ли Вам достать и прочесть книгу Л. Я. Гинзбург «О старом и новом»? Главным образом, ее III отдел? (Отличная проза.) Остальное тоже стоящее («Об одном курсиве в Онегине»[2] и мн. др.), но мне жаль, что она до сих пор не отмылась от шкловитянства, всерьез цитирует Шкловского и т. д. Итак, это пожизненно.

Я прочла предисловие Д. С. к «прозе» Пастернака[3]. Очень хорошее. Не нравится мне только заглавие («Звездный дождь») и то, что он, цитируя отзыв А. А. о Б. Л. (устный, в разговоре с ним — что, мол, в Б. Л. навсегда сохранилось детство), не приводит ее знаменитых строк:

Он награжден каким-то вечным детством,
Той зоркостью и щедростью светил...[4]

и т. д.

В этих строках, в сущности, сконцентрирована вся основа его предисловия.

На днях я получила записку от моей благодетельницы[5], ходебщице по делу о доске на доме, где жил К. И. (Она ходила по инстанциям годика этак четыре — в Союз Писателей и в Ленсовет — говорила и с Бахтиным — я уж не помню когда.) Так вот,

она пишет, что звонила Бахтину и он ей сказал, что доска в гипсе уже готова, а «о последующем буду извещать Вас» (т. е. это уже она пишет мне).

Вы очень смешно написали о Благодетеле — Грушницком. Надеюсь, не сказали ему.

[1] «Личные впечатления» Исайи Берлина.

[2] Эта главка на самом деле называется «Об одном пушкинском курсиве».

[3] Упомянуто предисловие Д. С. Лихачева «Звездный дождь» в сб.: *Б Пастернак.* Воздушные пути: проза разных лет. М., 1982.

[4] Строки из стихотворения Анны Ахматовой «Борис Пастернак». Правильно: «Той щедростью и зоркостью светил...»

[5] Хлопотала о доске ленинградка, Э. Б. Артес.

516. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.XII.82

Дорогая Лидочка!

Книги Л. Я. Гинзбург я так и не видел[1]. В книжной лавке я каким-то образом книгу эту прозевал, ни у кого поблизости ее тоже нет, в библиотеку я последние годы не хожу (как и вообще никуда не хожу).

Читаю — милостью Люши — третью книгу Блоковского «Лит. наследства». Знали ли Вы (по Тенишевскому училищу) сестер Люблинских. Одна из них — Вера— пишет сестре Татьяне (прекрасно пишет) об Анне Ахматовой на похоронах (отпевании) Блока...[2]

Кстати. Известно ли Вам, что в предпоследнем номере «Литгазеты» (в статье о Льве Озерове) Ахматова названа ВЕЛИКИМ ПОЭТОМ. Дожили и до такого.

[1] *Лидия Гинзбург.* О старом и новом. Л., 1982.

[2] Упомянуто письмо В. С. Люблинской от 15 августа 1921 г., в котором она пишет сестре: «Когда Ахматова подошла, наклонилась над Ним и крестилась, слезы текли у нее без удержу, хотя она закрылась вуалью... В простом и глухом сером платье, немодной большой шляпе с вуалью — я ее узнала среди тысячной толпы, никогда раньше не видав, и она оставила по себе такое прекрасное впечатление!.. Мне казалось, что я в первый раз в жизни увидала истинную красоту и что такая красота поистине “может спасти мир”» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 3. С. 535).

517. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/I 83

Дорогой Алексей Иванович.

В прошедшее воскресенье представитель Общества по охране памятников истории открыл (нет, точнее: присутствовал при открытии) доски на Доме К. Ч. в Переделкине. Выступали (экспромтом; ибо за 20 м. не было известно, придет представитель или нет) Л. Б. Либединская, Т. В. Иванова, Кома Иванов, Володя[1]. Присутствовали: толпы экскурсантов (по воскресеньям всегда толпы). Люша, Клара Израилевна. *Я сочла за благо* (для Дома) *отсутствовать.*

Это было не «открытие доски», как я написала выше, а всего лишь «установление доски». Открывать должны власти, организации. Их не было. Если пожелают — устроят открытие... Но *доска висит*. Первая мемориальная доска на доме, где жил К. И.

Люша говорит, что все сошло прекрасно. Экспромт удался. Пусть она Вам сама напишет.

Министерство Культуры РСФСР
ПАМЯТНИК ИСТОРИИ
В этом доме, с февраля 1938 по октябрь 1969 г.,
жил и работал
Корней Иванович Чуковский
1882—1969
Дом находится под охраной государства

Над доской — полочка, на полочке — живые цветы.

Выписка из решения Мособлисполкома (принято 10 октября 75 г.), нотариально заверенная, у нас на руках. Копия в суде.

Что будет дальше? Как и чем ответит нам Литфонд и Союз? Поживем — увидим.

Доска висит. Дети читают слова по складам.

Очень скромная и простая, деревянная. Шрифт строгий, простой.

Вы спрашиваете, знала ли я Веру Сергеевну Люблинскую, учившуюся со мною в Тенишевском? Нет, пока учились — не знала: она 905 г. рождения, т. е. старше на 2 года, я ее в училище не помню. Но потом мельком встречала в разных местах. Я знала ее двоюродных: Борю Люблинского и Лидочку; с Лидочкой училась я вместе на стенографических курсах и от нее первой

услышала: «Вы учитесь в Институте Истории Искусств? О, там у вас замечательная женщина, Там. Гр. Габбе». (Лидочка Люблинская, как и Т. Г., жила раньше в Выборге.)

Я близко и долго была знакома с И. М. Гликиным, за которым одно время была замужем Вера Сергеевна. Он два года учился в нашем Институте, потом перешел в какой-то Экономический ВУЗ. Потом спас мою «Софью». Потом умер в блокаде (на фронт его не взяли — он накануне войны переболел скарлатиной и приобрел порок сердца). Жену и дочку отправил в эвакуацию, сам остался. За день до смерти, пройдя пешком от Царскосельского вокзала до Галерной, передал мою тетрадь сестре[2]. Это был человек замечательный... Дочку свою приводил к Люше, когда я жила на Загородном. Девочке было 4 ½ г. Люша с ней играла. Возились с котенком. Девочка говорила: «Дайте кисаньке макароны!»

Письмо В. С. мне не очень понравилось. Да, это документ эпохи, ценный, содержательный. Но уж очень она там «вумная». Цитаты и пр. Совсем нет простоты.

Примечание к письму — дурацкое. Вл. Вас. Гиппиус был директором Тенишевского училища. Но дело не в этом. (См. «Шум времени» Мандельштама.) Вся семья Гиппиусов — и Вл. Вас., и Вас. Вас., и две дамы — люди, связанные с Блоком (вовсе не через училище)... Это понимает Вера Серг., это неведомо редакции «Лит. Наследства»[3].

[1] В. И. Глоцер.

[2] Тетрадь с рукописью «Софьи Петровны». Повесть, записанная автором от руки в общую тетрадь, по условиям времени существовала в единственном экземпляре. Усилиями И. М. Гликина и его сестры тетрадь сохранилась в годы блокады Ленинграда. После войны рукопись была возвращена автору. Повесть опубликована в России через 50 лет после написания.

[3] В примечании к письму В. С. Люблинской сказано о ней: «Она училась в Тенишевском училище, поэтому в письме уделено особое внимание Вл. В. Гиппиусу, преподавателю этого училища» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 3. С. 535).

518. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/I 83 Переделкино

Дорогой Алексей Иванович. Спешу исправить ошибку, допущенную мною — от бессонницы и спешки — в последнем

письме. Я неточно воспроизвела текст на доске. Последняя фраза такая:

Памятник подлежит охране
как всенародное достояние.

Только что приехала охранять этот «памятник», спешу послать Вам записочку с Финой, торопящейся на поезд.

Со временем пришлю фотографию.

519. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

3.02.83

Дорогая Лидочка!

Не понял я, чем Вам не понравилось письмо В. С. Люблинской. Почему она «вумная» и где Вы обнаружили цитаты? Там всего одна — и весьма уместная цитата из Блока — о «черной злобе, святой злобе». Боюсь, что Вы какое-то другое письмо имеете в виду. Это же — очень простое, женское, человечное письмо. А пишет его 16-летняя девочка. Плачущую над гробом Ахматову в большой немодной шляпе[1], духоту заупокойной службы в престольный день («А Смоленская нынче именинница...»[2]), натертые ноги, падающий в обморок мертвенно бледный А. Белый — все это трудно забыть.

Ответил ли Люше Михалков?

[1] См. примеч. 2 к письму **516**.

[2] Стихотворение Анны Ахматовой, посвященное похоронам Блока.

520. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/II 83, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

У нас ничего нового. Я по-прежнему каждую неделю провожу три дня на даче, охраняя всенародное достояние — причем мне никто не выдает ни прозодежды, ни оружия, ни зарплаты — напротив, я плачу за охрану сама, а единственное мое средство защиты — «снег по пояс и всему конец», как сказано у Пастернака[1].

Там тоже никаких новостей. Пауза. Она может тянуться месяцы, может — два дня.

Ответа из инстанций, куда мы, по совету юристки, обратились, тоже нет. Последнее определение суда: «отложить разбирательство вплоть до ответа из инстанций».

Главная инстанция — фактический оргсекретарь Союза Писателей т. Верченко. К нему мы не обращались, потому что он-то и возбудил дело.

А пока — пытаюсь работать, работаю очень плохо и очень плохо сплю. Почти никогда не выхожу на улицу.

[1] Л. К. цитирует слова Анны Ахматовой из стихотворения «Борис Пастернак»: «Кто заблудился в двух шагах от дома, / Где снег по пояс и всему конец».

521. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

18.03.83

Дорогая Лидочка!

Мне кажется, я где-то читал письма Житкова к сестре (прежде не читанные ни Вами, ни мною), где он подробно рассказывает о своем вступлении в детскую литературу, о роли, которую сыграл в его приобщении к этой литературе Корней Иванович. Не могу понять, наяву я это читал или во сне. По-моему, не во сне. Но где? Читаю ведь я сейчас не так много. Перечисляю мысленно все, что читал последние месяц-полтора, и не могу вспомнить. Если вспомню — напишу.

Как дела с дачей? Сколько эта постыдная история отнимает нервов и у нас с Элико.

522. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/III 83, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Только что позвонил мне по телефону «неизвестный доброжелатель» и сообщил, что 31 марта с. г. в Ленинграде будет установлена памятная доска на доме, где жил К. И.

Не знаю, приглашены ли Вы Союзом на это торжество. Но *я* (разумеется, неприглашенная) очень прошу Вас, если будет

у Вас возможность, вне зависимости от того, пригласит ли Вас Союз или нет — присутствовать.

(Манежный, 6, кв. 6; вход с Манежного.)

Пока что к *наследнице* К. И., Елене Цезаревне Чуковской, Союз *не* обращался (ни ради выбора скульптора, ни ради денег, ни ради выбора места, ни ради текста, ни ради чего).

Не знаю, получит ли приглашение кто-либо из семьи К. И. вообще.

В сущности, это мне все равно. А вот чтобы были Вы — друг! — хочется очень.

Часа не знаю, — но, может быть, Вы все-таки получите приглашение и там будет указан час? Или Вам сообщит Ваш учтивый сосед?

У нас идет подготовка к 1/IV.

523. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28/III 83

Дорогой Алексей Иванович.

Посылаю Вам только ответ на Ваш вопрос о Житкове. О том, как Житков пришел к К. И., рассказывал *нам* (Коле, Бобе, мне) интересные рассказы; как К. И. предложил ему записать их; как Б. С. принес ему тетрадь, которую К. И., прочитав, передал С. Я. — Вы можете прочесть в Воспоминаниях К. И. о Житкове, которые, наверное, есть у Вас[1].

[1] К письму Л. К. приложена машинописная выписка из письма Житкова племяннику И. В. Арнольду от 19 мая 1924 г. Это письмо напечатано в сборнике «Жизнь и творчество Б. С. Житкова» (М.: Детгиз, 1955. С. 486). Житков пишет: «Опытные люди говорят, что я уж больно скоро в ход пошел! Но этому дал толчок и способствовал К. Чуковский, мой детский приятель...» (с. 486). В сводке «Дат жизни и творчества Б. С. Житкова», составленной его сестрой В. С. Арнольд, читаем: «В конце 1923 года и в первых числах января 1924 года Житков часто заходил к К. И. Чуковскому. Он рассказывал детям Чуковского случаи из морской жизни, и они слушали его с напряженным вниманием. Корней Иванович Чуковский знал и раньше Бориса Степановича как увлекательного рассказчика. Он предложил Житкову написать книжку для детей. Через три-четыре дня Житков принес ему рассказ “Шквал”».

«“Редакторскому карандашу здесь решительно нечего было делать”, — вспоминает Корней Иванович. Перед ним была работа опытного литератора, хотя и не напечатавшего еще ни одной строчки. 11 января Корней Иванович направил Житкова к редактору детского журнала (альманаха) “Воробей” Самуилу Яковлевичу Маршаку».

524. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

31 марта 1983. Ленинград[1]

Полчаса назад открыл мемориальную доску в Манежном переулке. Все было хорошо. Пантелеев.

[1] Телеграмма. Открытие состоялось накануне 101-го дня рождения К. И. Чуковского (1 апреля).

525. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

26 мая 1983, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Даже по почерку Вашему видно, как Вы утомлены. Да и по фотографиям, в которые вглядываюсь: у нас целая пачка фотографий, сделанных в Манежном, во время открытия доски.

Какое для меня счастье, что это совершилось — какое огорчение, что без меня (я много лет мечтала: вот *там*-то я буду непременно, *этому* без себя совершиться не дам!) — и какое счастье, что были Вы! Если бы Вас не было, это значило бы, что нет К. И. у крыльца его дома... (Вы и он родственники, близкие родственники, по общей Вашей с ним матери — русской литературе.)

Раз были Вы — значит, присутствовала и благословила крыльцо этого дома — литература. Русская литература.

Но если Вас считать литературой (а оно так и есть!), то до чего же она, бедняга, *устала*. Еще бы!

Вы спрашиваете, как с дачей? Люша говорит, она Вам все подробно написала. Пока — затишье (я думаю, перед пленумом). Люди валом валят (лето, загород). Продолжение ремонта еще не началось, но скоро начнется. (Не можем достать досок.) Вопрос поступил на рассмотрение Совета Министров РСФСР — вопрос о том, оставлять ли да́чу под государственной охра́ной или из-под охраны снять (если снимут, то суд решит в пользу Литфонда, как уже случилось с тремя дачами). Ну вот. Люша послала туда — в Совет Министров — письмо, фотографию дома *до* нашего ремонта и фотокопию одной из книг записей... Совет Министров запросил Министерство Культуры. Министерство Культуры прислало к нам комиссию — Клара Израилевна все показала. Комис-

сия дала благоприятный отзыв, и мы получили бумагу из Мин. Культуры, что оно будет *против* снятия с охраны...

Теперь остается одно: ждать. Работать. Пытаться быть здоровыми.

Рада, что Вы получили книгу Л. Я. Гинзбург. Я ее прочла с превеликою пользою. Видно, что Л. Я. — *прозаик* (см. об Ахматовой!) и настоящий *историк* литературы, хотя иногда проступают «родимые пятна формализма».

526. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

15.06.83

Дорогая Лидочка!

Только что перечитал Ваше письмо от 26 мая. Да, Вы правы совершенно — фотографии не лгут: «они правдиво говорят»[1], что я постарел, осунулся, измотан. Но они не знают, что я все-таки держусь. Да, слава Богу, держусь.

На днях соберусь с силами и пошлю Вам еще одну фотографию, которую выпросила в райисполкоме «для Чуковских» (и для Пантелеева тоже) мой биограф, известная Вам Е. Путилова. Там я выступаю, т. е. произношу речь. Рядом и Митя, и Женя, и сын его[2].

Вероятно, Александра Иосифовна сообщила Вам о смерти Зои Моисеевны. Я не видел ее с 1964 г., со дня похорон С. Я. И не мог проводить ее в последний путь.

О книге Л. Я. Гинзбург я Вам уже писал. Совершенно согласен с Вами — она хороший прозаик. Добавлю — и теоретик превосходный — там, например, где пишет о поэтике Мандельштама.

Как ВАМ работается? Как Ваш третий?[3]

Надеюсь, с дачей все хорошо и она осталась за русской литературой и ДЛЯ русской литературы, для ее читателей.

Мой 1-й том выходит с опозданием на 3 месяца. Конечно, хорошо (и даже очень хорошо), что собрание выходит. Но радость сильно омрачена. Записные книжки войдут лишь в половинном объеме — не влезают в том. Нет в оглавлении «Маршака», «Седовласого мальчика», «Ремесла и мастерства» и кое-чего другого.

Это уж я сам распорядился — у издательства намерения были другие.

[1] Цитата из эпиграммы Роберта Бернса «Нет, у него не лживый взгляд...» («К портрету духовного лица») в переводе С. Маршака.

[2] Упомянуты внуки и правнук К. И. Чуковского.

[3] То есть третий том «Записок об Анне Ахматовой».

527. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

21/VI 83

Дорогой Алексей Иванович. В тот день, как я получила Ваше письмо от 15/VI, мы с Люшей получили еще одно: а именно новое письмецо из Министерства Культуры РСФСР. Нас известили, что Министерство просит считать свое предыдущее послание *недействительным*. В предыдущем, если помните, сказано, что оно — Министерство — будет поддерживать перед Советом Министром РСФСР наше ходатайство — *не* снимать дачу из-под охраны. Так вот, 14/VI принято решение (тем же Министерством Культуры!) «не возражаем против снятия дома из-под охраны»! Мотивировка? Союз Писателей разъяснил Министерству, что в Переделкине будет устроен общий музей — Фадеев, Федин, Пастернак, Чуковский — и *отдельный* музей Чуковского не нужен.

Это — конец. Теперь ждем повесток из Суда, а суд уже будет знать, как ему решить наше дело. Защиты у нас больше нет. Общество по охране памятников — всецело подчинено Министерству Культуры.

Очевидно, т.т. Марков и Верченко, главные враги дачи К. И., не потеряли времени на пленуме... Совет Министров РСФСР уже понимает, как поступить. Он проштемпелюет решение Министерства.

Конечно, мы еще будем барахтаться и шебуршиться. Но тщетно.

А у нас уже дважды — по субботам и воскресеньям — возобновлялись работы — снова молодые люди таскали на себе бревна, цемент, песок: продолжали ремонт. Люша не скрыла от них дурных вестей. Очень нам перед ними теперь неловко, и мы не знаем, придут ли они штукатурить и красить (остальное кончено) следующий раз.

Вот Вам мой подробный ответ на Ваш вопрос: как с дачей?

Я же теперь в большинстве случаев живу на даче не со вторника по пятницу, как зимой, а с понедельника. В мои дни посетителей нет и экскурсантов нет, и я с утра до вечера пишу (в 4-й раз!) свою книгу об М. П.[1] Я понимаю, что она будет все равно неудачной, но хочу сделать все возможное. Она сильно мешает 3 тому, но он потихоньку движется: работаю над ним в городские дни. Он каторжно труден. Очень трудны (для изображения!) годы 63—66 в биографии А. А.

[1] Книгу о М. П. Бронштейне «*Прочерк*».

528. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

29.06.83

Дорогая Лидочка!

К ударам и потрясениям нам, казалось бы, пора было привыкнуть. Ан нет — не привыкаем. Ваше письмо больно ударило нас всех.

Я понимаю, что вряд ли можно что-нибудь сделать, и все-таки хотел попробовать. Как на грех, время летнее, отпускное, никого нет в городе. Буквально никого — из тех, на кого я рассчитывал.

Пишу Вам от руки, т.к. лента как раз неважная.

«Резон», как Вы пишете, или, точнее, причина, заставившая меня отказаться от включенных в Собрание сочинений некоторых мемуаров, — один: я не мог согласиться с пожеланием редакции — «исключить» из воспоминаний имя человека, которого я считаю и публично называю своим другом.

Я всегда следовал правилу: лучше что-нибудь, чем ничего. В этом случае (по причинам, надеюсь, Вам понятным) держусь правила Вашего: или все, или ничего[1].

[1] А. И. Пантелеев не мог включить свои статьи о Маршаке и Чуковском в свое Собрание сочинений из-за того, что от него потребовали снять все упоминания имени Лидии Корнеевны, а он отказался это сделать.

529. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/VII 83, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Пока еще я почти 5 дней в неделю живу на даче; птицы; лес; цветы...

Боюсь, это последнее наше тамошнее лето.

О даче Люша Вам все написала подробно. Спасибо Вам за Ваши попытки. Мы тоже будем делать *все* попытки спасти этот дом. Сейчас и стройка (достройка) продолжается: штукатурят, красят. Кому? Для кого? Мы не скрыли от строителей, какова ситуация, но они *продолжают* еженедельно работать... Это было бы похоже на «сказку Чуковского», вообще на сказку, если бы еще у нее был «хороший конец».

Посетители — волнами. Вчера Клара Израилевна и Люша провели *8* экскурсий!

Вообще, как сказала однажды А. А., сидя у нас под соснами: «Здесь *преступно* хорошо».

530. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

5.08.83
Ленинград

Дорогая Лидочка!

Я тоже задержался с ответом. Писать было нечего, не о чем. Пытался что-то предпринять, но максимум того, что удалось сделать, — написал большое письмо Д. С. Лихачеву, который весной очень горячо отозвался на ложный сигнал, поданный Д. Е. Максимовым. Тогда многие откликнулись. Но я оказался в положении глупом, — должен был извиняться, объясняться.

— Простите, был введен в заблуждение.

Эх, кабы знать, что Дмитрий Евгеньевич слух пустил — пророческий.

Надеялся на В. В. Конецкого. Но вчера, на Машкиных именинах была у нас женщина-врач, от которой я узнал, что Виктор Викторович тяжело болен — подозревают самое страшное.

Остальных вообще нет в городе.

Знаете ли Вы Виленкина? Читали ли в последнем номере «Вопросов Литературы» его большую статью об Ахматовой?[1]

[1] *В. Виленкин.* Стимул точности в творчестве Анны Ахматовой. (Текстологические этюды) // Вопросы литературы. 1983. № 6. С.144—176.

531. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/IX 83

Дорогой друг, нас обеих сразу повестками снова вызвали в суд в город Видный — на вчера, на 11 утра. Мы обе перестали спать. Люшенька измучилась накануне суда отчаянно: снова металась, заверяя всякие бумаги у нотариуса и пр. Все это сквозь службу, хозяйство, экскурсии, ремонт... Люша уверила меня со слов нашей юристки[1], что мне ехать не надо, потому что раз Люша не получила ответа из Совета Министров и из Верховного Совета СССР — суд снова будет отложен. Я послушалась, не поехала, но все равно у меня высоко подскочило давление. Люша ехала из Москвы вместе с нашей адвокатессой, Женей Пастернаком, Светланой Леонидовной Собиновой-Кассиль (дочь Собинова, вдова Кассиля) — всех вызвали на один час. Потом она приехала ко мне на дачу, где мы ее ждали с Финочкой. Все оказалось правдой — наше дело отложили на 22 сентября, Пастерначье — на 13 сентября, а Светлану Леонидовну приговорили к выселению. Все вернулись убитые. Чуть только скончался Лев Абрамович, Светлана Леонидовна отдала Литфонду ½ дачи, а себе и дочери оставила одну комнату с балконом. Вот из этой комнаты ее победоносно выселяет Литфонд. А между тем она тяжело больна. Дали бы уж дожить... Очень трудно об этом думать.

А на даче К. И. пока что становится все великолепнее: вся отштукатуренная, выкрашенная заново в желто-золотой цвет. Выкрашены уже и все нижние окна, а вокруг дома, как прежде, растут высокие флоксы. Осталось только выкрасить окна в верхнем этаже — спешим, пока нет дождя. На днях позвонил молодой голос: «говорят незнакомые студенты. Разрешите нам приехать поработать на стройке». Вот завтра их ждем. Раздобыли лестницу. Но я весь день, сидя в городе, буду бояться 1) чтобы кто-нибудь не упал 2) как Люша одна справится с десятками экскурсантов и обедом для работающих?

Но, знаете, Алексей Иванович, Люшенька говорит: «Я не жалею, что выезжать нам придется из заново отстроенной дачи.

Не следует оставлять после себя выжженную землю. Пусть тот, кто въедет, убедится, что здесь жили люди, а не скоты».

Я согласна. Вот не знаю, согласятся ли наши строители — не роптать.

Я рада, что благодаря судебной волоките столько людей успело еще побывать в доме К. И. и еще успеет. Мы будем украшать дом и сад до последнего дня. Вот только сад — погибшие яблони, вишни и жасмин — восстановить не успеем.

В конце концов нас, конечно, выселят. Но и выселяться будем с достоинством. Уже и сейчас дом окружен симпатией, заботой, любовью людей.

Женя Пастернак говорил по телефону с одним средней высоты чиновником в Мин. Культуры. Тот сказал ему: «Нам трудно противостоять Союзу Писателей. Это очень сильная организация».

Оно так — если иметь в виду ее гениальную верхушку.

Не знаю, что я буду делать, когда начнут выносить вещи из дома Светланы Леонидовны, а потом Пастернака. Я Светлану Леонидовну почти не знаю, видела раза 2 в жизни (хотя К. И. знал ее с 5-летнего возраста). И все равно мне ее ужасно жаль. А с Пастернаками, Женей и Аленой и их детьми мы связаны тесно. К. И. любил Петю и Борю («дикие пастерначата»); Люша дружит с Аленой и Женей, а Петя и Боря уже плотничают у нас в доме. (Петя вернулся из армии, а Борю скоро берут.) Лизочка (ей 16) очень мила и добра. И хотя не все публикации Алены и Жени мне нравятся — они всю свою жизнь вкладывают в эту работу, всеми изданиями Пастернака мы обязаны им — кому бы, казалось бы, и жить у него в доме, как не им? Алена водит экскурсии великолепно, с глубоким и тонким пониманием. Она вообще существо удивительной душевной грации; они оба добры, очень образованны, вырастили прекрасных детей — не лоботрясов, а работяг. (Оба юноши — художники.)

Как же глядеть на весь этот разор?

Ну вот, наплакалась Вам в жилетку. Но вы, пожалуйста, не думайте, что мы как-то *жалуемся*; нет; у меня чувство *гордое*, — и на суде, когда буду говорить, буду говорить гордо (как и Люша).

[1] Упомянута А. А. Смирнова.

532. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

8.10.83

Дорогая Лидочка!

Нет, я отвечу Вам тотчас, хотя сил благодарить всех, кто письмом или телеграммой отозвался на наше горе, у меня сейчас НЕТ[1].

Ваше письмо — единственное, которое не только тронуло, но и *порадовало* меня. Вы так хорошо, с такой неподдельной любовью и уважением написали портрет Элико![2]

Могу добавить, что она была истинная христианка. В православной молитве, ектенье, есть слова о даровании кончины «безболезненная, непостыдная, мирная»... Так она и умерла. Опаздывала к субботней всенощной, бежала с двумя узлами теплой одежды для больной девушки, по-видимому, увидела подходящий к остановке трамвай «шестерку», прибавила шагу и — упала, чтобы уже не встать. Волновался я, сгорая от тревоги, весь вечер, но только ночью мы узнали, что она — в морге. «Неопознанная женщина в возрасте около 50 лет». (А ей должно было исполниться 68.)

[На полях: «Никто, кроме меня, не знает, что редкий вечер она не плакала».]

Спасибо, Лидочка!

Ваше письмо я перечитывал много раз. И Маше читал.

Ничего не пишете Вы о дачных делах. Почему не пишете — понимаю. Но ведь и это касается, волнует меня. Не помню, писал ли я, Вам или Люше, что получил письмо от Дмитрия Сергеевича[3]. Он убедительно советует не форсировать, тянуть, имея в виду момент.

[1] Скоропостижно скончалась Элико Семеновна Пантелеева.
[2] Это письмо в архиве Пантелеева среди писем Л. К. не сохранилось.
[3] Д. С. Лихачев.

533. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29/X 83

Дорогой Алексей Иванович.

Мне не хотелось врываться ни с чем посторонним в сосредоточенность Вашего горького горя. Но, милый друг, во-пер-

вых — это дело для Вас не постороннее, а во-вторых, Вы сами просили извещать Вас о нем.

Вы писали мне: «советую не форсировать дачного дела». Мы, наоборот, всячески тормозили. Последняя, юридически законная, отсрочка дана была нам судом по случаю Люшиного отпуска, который длится до 23 ноября. Так вот: мы получили повестки с приглашением в народный суд г. Видного утром 24 ноября...

Не 25, не 26 — а сразу, на следующий день после конца Люшиного отпуска. 24-го.

Как видите, мы не форсируем, но *кто-то* (т. е., конечно, руководство Союза Писателей и руководство руководством Союза Писателей) форсирует *весьма*.

Вчера было 14 лет со дня смерти К. И. Мы провели его с Люшей вдвоем. Впервые за эти 14 лет — ни снега, ни слякоти, дивный теплый сухой день. Мы пришли [на могилу] часам к 4-м — и я дошла почти легко! — до темноты. (Темнеет рано.) Там очень красиво: к тому времени, когда мы пришли туда, там уже побывали друзья (Володя, Клара и др.) — и обе могилы были устланы хризантемами.

Не невольте себя, не отвечайте, пока не захочется. На праздники увижу Благодетеля[1] — он расскажет мне о Вас поподробнее. Если у Вас случайно есть лишняя — любого времени! — фотография Элико, пришлите с ним.

Люша кланяется. Она в Переделкине сейчас. По субботам и воскресеньям приходят не десятки, а уже сотни людей, Кларе одной никак не справиться.

[1] Упомянут Л. П. Романков. О нем см. по Указателю имен.

534. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

6.11.83

Дорогая Лидочка!

Пишу Вам, не получив ответа на свое предыдущее письмо.

Я *не* писал Вам: «советую не форсировать дачного дела».

«Тянуть до благоприятных времен» (хотя бы до возвращения из ГДР Кочемасова) — это не мое некомпетентное мнение, а мнение хорошо знающего толк в этих делах Д. С. Лихачева. Он писал мне, что «все время в курсе дел переделкинских дач — че-

рез Дм. Ник. Чуковского». А Дмитрий Николаевич «пока не видит способов бороться».

Посылаю Вам копию письма, которое я послал Михалкову[1]. Может быть, это письмо когда-нибудь, зачем-нибудь пригодится. Нашел я его случайно, если не пошлю — оно опять и надолго затеряется. Письмо не датировано, из содержания следует, что это — прошлый год, прошлое лето.

[1] А. И. Пантелеев обращается к С. В. Михалкову как к руководителю писательского союза и как к председателю Юбилейной комиссии по празднованию 100-летия К. И. Чуковского: «Летом прошлого года мы говорили с Вами о даче К. И. Чуковского, и Вы сказали тогда: пусть живут. Я только что — стороной — узнал, что Литфонд передал все-таки дело о выселении в суд. Не в том дело, "живут" или "не живут", а в том, что рушится единственный в своем роде неповторимый и невосстановимый мемориал. Вы бывали у Корнея Ивановича и знаете, какой след оставила его личность на его жилище. Куда уйдут 5000 книг, стол, за которым он творил, его оксфордская мантия, наряд индейского вождя, говорящий лев?.. И — главное — где найдет пристанище дух Чуковского, в каком сарае, в каком чулане, на каких задворках? Удачное время выбрали для выселения: сотая годовщина со дня рождения выселяемого!»

535. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15/XI 83

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за копию Вашего письма к Михалкову. Я совсем не понимаю, что именно понадобится, но быть может — это. Спасибо.

Сергею Владимировичу писал и Вениамин Александрович. Копия у меня есть. Письмо, мало сказать, дружеское — задушевное, сердечное. Вам С. В. хоть устно когда-то ответил (не на письмо, а *до*); Каверину же не ответил никак. Ни телефонным звонком, ни письмом.

24/XI мы едем в Видный. Обещанная нам машина еще в ремонте. Люша мечется. Я уже отупела. Буду стараться только не оказаться в тягость Люше и юристке.

Конечно, Вы правы, было бы хорошо, если бы дело снова отложили и если бы вернулся Кочемасов. Но ни то ни другое от нас не зависит. Те же, от кого наше дело зависит — явно спешат. По той же причине, по которой мы изо всех сил, — медлили. Инстанции же подчинены не нам, а им.

536. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

27.XI.83

Дорогая Лидочка!

Очень благодарен Вам и Люше за то, что позвонили, сообщили добрую весть[1]. Я весь день волновался, молился, верил, что кончится хорошо, и колебался в этой вере.

Так редко меня что-нибудь радует теперь...

Но чего стоила вам эта победа! Время, нервы...

Не спросил, как Клара Израилевна, работает еще?

Я с ужасом думал, как сломается Ваш режим, весь ритм Вашей жизни, если суд вынесет решение — несправедливое.

Слава Богу, есть еще судьи в Видном!

О нашей сиротской жизни не пишу.

[1] На первом судебном заседании Суд выехал на место, осмотрел дом Чуковского в Переделкине, после чего прокурор заявил, что «мы не должны наносить ущерб культуре своего народа». Судья О. И. Широкова отказала Литфонду в его иске о нашем выселении.

537. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

29.XI.83

Дорогой Алексей Иванович. Не сердитесь, что пишу Вам не сразу, как следовало бы. Но два дня после 24-го я лежала в постели пластом, ни читать, ни писать и вот только сегодня, накануне отъезда на дачу, пишу Вам.

Что сказать? День 24-го был счастливый, потому что мы видели хороших, умных, справедливых, хотя и не весьма интеллигентных людей. Разумеется, и приговор в нашу пользу («в иске Литфонда отказать, аренду с Чуковскими продлить на 3 года») — это радость. Но она может оказаться недолгой, потому что истец намерен апеллировать. Апелляция должна быть подана в течение 10 дней. Итак, мы каждый день ждем повестки.

Моменты во время разбирательства бывали и тяжелые и очень напряженно-драматические. Тяжело было, когда директор городка и Дома Творчества[1] на вопрос судьи: «почему не совершался в доме ремонт?» ответил не моргнув: «Мы хотели делать

капитальный ремонт дачи К. И., но его наследники не позволили». А я ведь этого директора лет 25 знаю, он человек в общем добродушный, и не вор, и у К. И. бывал и даже на суде только что говорил правду в нашу пользу, а потом вдруг так... Это его научил кто-то, сам он не додумался бы до такой подлой лжи. Тяжело было выносить злобу, клокотанье и ненависть юрисконсульта Литфонда, он орал на нас просто с пеной у рта. Драматический момент — суд (уже, как мы тогда не понимали! клонившийся на нашу сторону) стал настаивать, чтобы Люша и я обязались впоследствии отдать «реликвии» Литфонду в их будущий музей. Это суду было нужно, чтоб решить дело в нашу пользу. Но Люша сказала:

— Нет. Литфонду ни единой нитки.

— Почему?

— Литфонд унижал, оскорблял нас целые годы. Ни на одно мое заявление никакого ответа. Разрушил дачу К. И.

— Значит, из-за обиды?

— Да, из-за обиды... И из-за того, что это — ненадежные руки. Я буду обдумывать судьбу дома и вещей, но Литфонду никогда ничего.

— И вы тоже, Л. К.? — обратились ко мне.

— И я тоже. У меня множество доказательств ненадежности этих рук.

Тут уж на нас кинулась и наша защитница, но мы стояли твердо. И я любовалась Люшиным металлом.

(На обратном пути наша юристка нас бранила. «Вы должны были обещать, вас это ни к чему не обязывало». — «Нет, мое слово меня обязывает».)

Но все это пустяки по сравнению с большими радостями! После моего выступления (сбивчивого) — речь прокурора *защитительная*! Это ли не радость!.. И все-таки мы не ждали успеха. И вдруг — суд идет! — и мы стоим и слышим: «В иске Литфонду отказать...» А потом чужая женщина, плачущая. Люша у нее: «Отчего вы плачете?» — «От счастья». И две чужие женщины при мне подошли к столу судей, поклонились:

— Спасибо вам.

(Это не «зала суда», а «комната суда», метров 18. «Публики» не было, т. е. было, кроме участников, человек пять...)

Очень хорошо прозвучали в моем выступлении слова, украденные мною из Вашего письма к С. В.[2] Почему я совершила

плагиат и не назвала ни Вас, ни его? 1) Приобщить этот документ к делу нельзя было, ибо обращен он *не в суд* 2) Вы на копии не поставили даты 3) юристка нам советовала говорить только о Литфонде, а не о Союзе Писателей 4) целиком мне Ваше письмо прочесть не дали бы, Ваш диалог с С. В. («ты сказал мне» и пр.) «не к делу». А прочла я замечательные строки о *духе* К. И., живущем в доме. Очень сильные, и их поняли и услышали все.

Я считаю, что защитил свой дом сам К. И.: у суда мнение переменилось, когда они *осмотрели* дом. И у судьи, и у прокурорши, и у заседателей.

Теперь сердце болит за Женю и за Алену — их дело назначено на 1 декабря. Ох, они в беде, там положение весьма сложное... Все равно надо спасать это святое место для будущего, но — как? не знаю.

---

25 и 26 с утра — шквал звонков не только московских, но и междугородних: Ленинград, Киев, Пярну, Одесса, Рига... Все поздравления (боюсь, преждевременные). Не верится мне, что мы злобу отбили.

Люша привезла в суд *чемодан* + портфель бумаг и ксерокопии всех наших посетительских книг (их — 6 томов...). Удивительная у нее толковая голова... Все приобщено к делу.

[1] Вартан Тигранович Оганесян.
[2] С. В. Михалкову.

538. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5/XII 83, Москва

Дорогой Алексей Иванович, вот Вам краткая рапортичка о наших делах. 1 декабря были вызваны в районный суд г. Видный, т. е. туда же, где были мы 24-го, Алена и Женя Пастернаки. Они взяли с собою Райкина и роскошную Бэллу Ахмадулину. Оказалось: судебное разбирательство отложено, потому что не явились истцы... (Т. е. Литфонд, проигравший дело против нас.) Приехавшие ответчики, в сопровождении Райкина и Бэллы, попросили

разрешения увидеться с Председателем Суда. Тот принял их очень вежливо и даже радушно, и сказал, что дело о даче Пастернаков отложено до 22/XII, потому что оно будет решаться в зависимости от решения Областного Суда по делу Чуковских... «Законодательство, касающееся Охраны Памятников, очень неясно: решение по делу Чуковских *беспрецедентно,* и теперь мы ожидаем, подтвердит ли его Областной Суд»...

Итак, ждем теперь Областного Суда. Ясно, что Литфонд кассацию подал. Не сомневаюсь также, что наши горячие поклонники с улицы Воровского тоже не дремлют: телефоны трещат, «Волги» катят взад-вперед.

Выходит, что на наших плечах теперь не только судьба дачи К. И., но и дачи Б. Л. ... Согласитесь, положение ответственное. Мне надо быть по крайней мере здоровой, по крайней мере быть на ногах ко дню нового суда. На успех я не надеюсь, но «делай, что должен; говори, что знаешь, и будь, что будет».

539. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/XII 83

Дорогой Алексей Иванович.

Краткая рапортичка.

Литфонд подал кассационную жалобу на районный городской суд (г. Видного) в Областной суд (находящийся в Москве).

Кассационный суд не изучает дело по существу, но рассматривает оба иска, решение суда и все ли правильно в процессуальном смысле. Нет ли процессуальных нарушений.

Суд назначен на 14 декабря, с утра. На Баррикадной улице, т. е. в двух шагах от ЦДЛ. Для того чтобы парировать нападки Литфонда, нам необходимо видеть, в чем они заключаются? Что именно говорит Литфонд в ответ на неблагоприятное для него решение? Люша собиралась ехать в Видный и там переписать текст кассационной жалобы. Позвонила туда в канцелярию о часах работы. Ей ответили, что все дело уже отправлено в Москву — в Областной суд — а копия литфондовской жалобы — нам, на ул. Горького. Но сегодня 10-ое, суд 14-го — а мы не получили ничего! И таким образом ни мы, ни наша юристка не можем подготовить ответ.

Вот так «сидим и околеванца ждем» (Чехов)[1].

Литфонд же и Союз Писателей между тем развили энергию. 1) Директору городка приказано «заболеть надолго», потому что на суде в Видном он провинился всего один раз, а в общем говорил правду, т. е. в нашу пользу. Значит, во время кассации Литфонд, кроме юрисконсульта (глупого и злого), будет представлен кем-нибудь новым, — кем-то, кто станет врать сплошь, а не изредка 2) на одном из коттеджей Дома Творчества возникла доска «Литературный Музей». Она вызывает у одних недоумение, у других — смех, ибо в этом коттедже продолжают жить по путевкам писатели, никаких экспонатов нет (разве что сами они — живые экспонаты), экскурсоводов тоже нет — а вывеска, между тем, уже висит. (Шулера, думаю я, собираются уверить суд, что дом Чуковского не нужен, т.к. вот-вот откроется Музей, где и ему будет «уделено место».)

Я на кассацию не пойду (по закону имею право не являться). Все тяготы дела падают на Люшу, она говорит, что в Видном я была нужна, и чуть ли не мое выступление решило дело, а тут я буду только во вред (ибо вмешается Союз Писателей), и что ей без меня будет легче. Ну, если ей так легче, то я и не пойду.

Вот Вам мой очередной рапорт. После 14-го постараюсь позвонить и уж во всяком случае напишу.

Когда будут силы — напишите, а вообще не невольте себя.

[1] *А. П. Чехов.* Иванов. Действие 2, явление 2.

540. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.02.84

Дорогая Лидочка!

После смерти Элико вдруг стал писать мне В. И. Глоцер. Отвечать ему мне трудно.

Мы с Элико часто о нем говорили, оба жалели, что он ушел (сбежал, если выразиться точнее) из нашей жизни.

— Я уверена, что рано или поздно он вернется, — сказала мне совсем незадолго до смерти Элико. — Но, ты знаешь, прежнего уже никогда не будет.

Да, без нее мне и вовсе трудно переписываться с ним, трудно найти даже верный тон. Не хватает ЕЕ такта и доброты.

Не знаю, что с дачей, когда суд, чего ждать и на что надеяться. Напишите, Лидочка!

541. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12/II 84

Дорогой Алексей Иванович.

Очередной суд назначен на 28/II. Но будет отложен по какой-то формальной причине, изысканной нашей адвокатессой. Я не совсем понимаю, зачем это надо, но т.к. все тяготы дела ложатся на Люшу, то я не вмешиваюсь в их затеи. К выступлению же на любом суде — я готова.

О Володе. Я тоже всегда огорчалась его с вами разладу. И всегда думала, надеялась: будет примирение. Но понимаю: примирение еще не означает *прежней* дружбы...

PS. Вышли две замечательные — и совершенно разные — книжки стихов: Мария Петровых «Предназначенье» и Олег Чухонцев «Слуховое окно».

542. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.II.84

Дорогая Лидочка!

Вспомнил, что на сегодня был назначен суд. Хотя его и отложили, дата эта осталась в памяти. Ах, если бы я мог чем-нибудь помочь в борьбе за это бесспорно правое дело!

Вероятно, Вы уже знаете о смерти Л. А. Будогоской. Она умерла в психиатрическом интернате, последние полтора-два года никого не узнавала.

Лет 10, если не больше, назад она вручила нам с Элико маленький чемоданчик и просила передать его после ее смерти — Владимиру Глоцеру.

Владимиру Иосифовичу я сообщил об этом еще при жизни Лидии Анатольевны.

Названных Вами книг я не читал. Читал главным образом воспоминания. Прочел Ардова, А. Цветаеву, Н. Ильину. У по-

следней хороши письма ее бабушки — тридцатых годов — из Ленинграда в Харбин.

543. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25/III 84

Дорогой Алексей Иванович.

О смерти Л. А. Будогоской я знала своевременно... Я очень любила и люблю ее удивительную лирическую прозу и очень уважаю — ее жизнь, хотя и знала я Лидию Анатольевну только издали. Человек она была совсем особенный, правда? Один раз, кажется — осенью 64 года — я оказалась одновременно с нею в Комарове. Каждый день мы с нею часа по 2 ходили гулять. Она поразила меня своею — как теперь говорят — спортивностью. Легко брала откосы, на которых я задыхалась. Могла идти и 2 часа и более подряд без перерыва, а мне требовалось раза 4 присесть, чтоб вынести 2 часа. Каждое утро она начинала с гимнастики: приседала и пр., а потом стояла на голове... Все это в ней было для меня полной неожиданностью. Но была и еще одна неожиданность, более интересная: Л. А. оказалась совершенно, начисто *выключившейся* из всего, происходившего вокруг. Как будто она жила на какой-то другой планете, на которой, к тому же, у нее не было знакомых. Она не читала ни газет, ни журналов, она не слушала радио, она представления не имела «who is who»[1]; те люди, о которых тогда без конца говорили, для нее не существовали. Казалось, всех людей, о которых она с такою достоверностью писала в своих книгах, она добывала из себя самой, ниоткуда. Наблюдательность, меткость определений в разговоре о тех, кого она видела своими глазами, была при этом очень зоркая и точная. Только перед глазами. А назовешь, скажем, имя Шолохова, она может спросить: «а это кто?»

Знала ли она литературу XIX века — не уверена. Вкус между тем был прекрасный... Вот какое необыкновенное существо... Работала она богомольно — много часов в день — и писала свою прозу, как пишут стихи: слово к слову, строка к строке. Труд ее, разумеется, недооценен — а какой мог бы выйти томик прозы — начиная с «Рыжей девочки» и кое-что исключив!

От природы она обладала насмешливостью, но насмешки ее были *добрые*. Шел по столовой Д. Я. Дар — очень быстро, к своему столику, маленький и с трубкой в зубах. Л. А. назвала его «паровозик». И так мы его всегда между собою и начали звать. Обиды тут нет — и очень точно. И говорил он тоже быстро, как паровозик.

[1] Кто есть кто (*англ.*).

544. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

22.IV.84

Дорогая Лидочка!

Вы просите строгого суда, забыв, вероятно, что я не только знаком с этими «ме»[1], но и писал к ним когда-то предисловие, напечатанное в журнале «Семья и школа»[2]. Да, на первых страницах есть налет некоторой идилличности, однокрасочности. Радуешься, когда К. И. кричит на прислугу или выбрасывает за окно игральные карты. Но дальше, когда и дети и отец их взрослеют, — ничто уже не коробит, не раздражает, все радует. Недоумение, вернее, некоторое недоверие вызывает одно только место: подарки, привезенные дедушкой. Как же они были вручены? Такое ни забыть, ни обойти молчанием нельзя.

Относительно несчастных, презираемых Вами «дачников» я уже очень давно и писал, и говорил Вам. Поверьте, что среди дачевладельцев бездельников и жуиров было не меньше, чем среди тех, кто, работая в Питере, снимал у местных финнов верх или низ весьма скромной дачи для семьи. Насколько мне помнится, дачницей были и Вы — в годы раннего Люшиного детства! В Сестрорецке же снимал дачу, если не ошибаюсь, и К. И.

Вы предпочли остаться на своих высокомерных дачевладельческих позициях, — ну, что ж.

Но это частности. В целом же «ме» проглатываются в один присест, что и было сделано мною, несмотря на отсутствие аппетита и на не оставляющее меня нездоровье.

«Последнее» помешало мне написать Вам своевременно.

[1] Речь идет о только что вышедшей книге. См.: *Лидия Чуковская*. Памяти детства. New York, 1984.

[2] Об этой публикации см. письма **361—371**.

545. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15 мая 1984[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Очень долго ждали мы, пока Видненский суд окончит составлять свое решение. Люша каждый день звонила в Видный. Наконец — готово. Люша поехала туда, списала решение (обоснованное — против нас, в пользу Литфонда). Привезла в город. Переписала на машинке и — к нашей юристке. Там они вместе часа 4 составляли кассационную жалобу для подачи в Обл. суд. Перечислили все нарушения правил, допущенные Видненским судом 24—25 апреля. Очень много. Язык тарабарский, среди изувеченных падежей мелькают пункты: статья 504-б и т. д. Затем Люша перепечатала эту жалобу, просидев много часов за машинкой. (В те же дни — у нее аврал в Институте, подготовка к Международному симпозиуму.) Так. Сегодня Люша на работе; завтра снова отправится в Видный (вчера, в воскресенье провела 7 экскурсий в Переделкине!) — подать жалобу, приобщить ее к делу. Затем Видненский Суд будет обязан передать все дело (пуды, мешки) в Суд Областной, в Москве, — а Обл. Суд назначит слушанье в течение десяти дней.

Вот в такой канительной скуке мы живем. И это еще надолго.

Насчет моих Куоккальских забав — я вовсе не забыла Ваших суждений, а спросила о них заново потому, что многое переменила. В частности, про дачников именно после Вашей их защиты сделала по-другому, но, видимо, недостаточно для того, чтоб стало ясно, каков был смысл для нас, детей, в этом слове *тогда*. Дачники были в наших глазах изнеженные барчуки, городские трусы, приезжавшие только на лето, а мы, местные, зимние, заодно с местными финскими ребятишками: босоногие, бегавшие, где хотели, лазившие через заборы, умевшие играть в камешки, в ножички, грести, плавать. А у них — гувернантки, пышные цветники с сияющими шарами, глиняными гномами, у них породистые собаки, носочки, туфельки... Ничего земле-дачевладельческого в нас не было, а в них *барское* было. Помню: мне лет 6—7, я в одних трусиках плескаюсь в воде возле берега. Строгая седая дама зовет меня к себе. Выхожу. Она с ног до головы закована в «купальный костюм». «Как тебе не стыдно, девочка, —

говорит она. — Ты купаешься *голая* вместе с мальчиками. Неприлично». Все, что мы делали, считалось для дачников — неприличным. К тому же они презирали финнов, а мы любили их (и они — нас); они нас землевладельцами не считали, мы были свои, местные — как Репин, у которого действительно было большое имение... Вот так.

[1] Датируется по п/шт.

546. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

27.V.84

Дорогая Лидочка!

Отвечаю на Ваше письмо, хотя после того, как я получил его, мы говорили с Вами по телефону. Я Герша Исааковича совсем не знал, видел его раза три, максимум — четыре, но сердечно разделяю Ваше горе и понимаю, что при всей сложности отношений между ними, горем явилось это событие и для Оли, и для Елены Феликсовны. Половина Вашего письма опять заполнена стрелами и молниями в адрес (по адресу!) дачников. Меня удивляеют не столько сами эти стрелы и молнии, сколько та серьезность, с какой Вы пишете о своем детском зимогородском отношении к приезжим.

А Вы знаете, что у меня есть рассказ, который как будто написан в ответ на Ваши филиппики в адрес (по адресу!) дачников. Вы читали этот рассказ. Он и называется «Собственная дача». Там фигурируют отрицательный персонаж дачевладелец, супердачевладелец — наследник-цесаревич и — дачники, т. е. я и мои сверстники и родственники. У нас *гувернантка* (бонна), которая приучает нас ходить босиком, а дачевладелельца — дедушку это шокирует. Все, как видите, наоборот. И ничто не придумано. Однако обо всем говорится с легким налетом юмора. Гнев и презрение вызывает лишь холуй — придворный лакей.

Кстати. В 1914 году мы были с Вами соседями — снимали дачу в Келомяках. Между прочим, никаких гномов в саду у нас не было. А вообще — простите за откровенность — чем эти бедные гномы хуже всяких репинских Шехерезад, Озирисов и Олимпов[1] (за приблизительность тоже простите)?

О даче переделкинской не пишу. Поверьте, что это — рана. Не самая, конечно, большая и глубокая, и все-таки рана.

[1] Названия построек в репинских «Пенатах».

547. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

Переделкино, 8 июня 84 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за слова участия. Смерть Г. И. (в которую не умею поверить) тяжелый удар. Не знаю, оправлюсь ли. Я дружна с ним 50 лет — с той минуты, как Митя сказал: «Вот, Лидочка, познакомься — это мой лучший друг, Геша Егудин».

Особенно подружились мы за работой (работа — прочный клей). В последние годы мы много работали над воскрешением Матвея Петровича — в науке и в жизни. Работа эта без участия Г. И. вообще была бы невозможна: почти все сверстники М. П. умерли, а те, кто остался (напр., я или брат М. П., Исидор Петрович) ничего не могли бы сделать одни, ибо чужды науке. (В особенности — я!) А сейчас, благодаря консультациям Г. И., вышли уже две большие статьи о М. П. — одна в очень почетном месте: в «Эйнштейновском сборнике»[1]. Кроме того, готовится целая книга об М. П. — она тоже без Г. И. не могла бы быть осуществлена[2]. И, наконец, я сама написала о Мите книгу (плохую), но и плохую могла написать только благодаря Г. И.[3]

Спасти его еще лет на 5 можно было бы, но в других условиях.

В последний свой приезд в Москву приезжал он прощаться. Жил у своей сестры, но был у нас в городе дважды, и на даче полдня — и мы побыли вместе в кабинете К. И. и на костровой площадке.

С дачей все неясно, но не безнадежно.

Получили ли Вы книжку стихов М. Петровых? Что о ней думаете?

[1] Имеется в виду статья Г. Е. Горелика «Первые шаги квантовой гравитации и планковские величины» (Эйнштейновский сборник, 1978—1979. М.: Наука, 1983). Вторая статья о М. П. Бронштейне — это разделы в книгах Г. Е. Горелика «Почему

пространство трехмерно?» (М.: Наука, 1982) и «Размерность пространства: историко-методологический анализ» (М.: Изд-во МГУ, 1983).

[2] Упомянута работа над книгой, вышедшей через шесть лет. См.: *Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель.* Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938). М.: Наука, 1990.

[3] Речь идет о «Прочерке». Рукопись своей книги Л. К. с оказией, через Г. Е. Горелика, переправила в Ленинград Г. И. Егудину, сделавшему множество важных дополнений и замечаний.

548. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

18.VI.84

Дорогая Лидочка!

Я ведь не только очень бегло и плохо знал Герша Исааковича, но и встречался с ним всего 3—4 раза. Мне было известно, что он — Ваш давнишний друг, но что эта дружба возникла через Матвея Петровича — этого я не знал. Не знал даже, что они работали в одной области науки.

Спасибо большое за стихи М. Петровых[1]. Они доставили много чистой радости и мне, и Маше.

Не убежден твердо, но, мне кажется, я видел Марию Сергеевну один раз у Маршака. Могло быть такое? Стихов я ее тогда не читал. С. Я. сказал: — Очень талантливая.

В Вашем письме согрели меня слова, касающиеся дачи: НЕ безнадежно. Что может сделать с душой человека — одно короткое — даже не слово, а частичка: *не*...

Хорошо ли Вы знали М. С. Петровых? Буду благодарен, если напишете о ней — то, на что хватит сил и охоты. Я знал (с Вашей помощью) ее стихи, но эта книга меня взволновала больше, чем «Дальнее дерево»[2].

[1] Упомянута книга: *Мария Петровых.* Предназначенье. М., 1983.

[2] «Дальнее дерево» — название предыдущего сборника стихотворений М. Петровых.

549. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

13/VII 84, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

...прежде всего поздравляю себя и Вас с выходом 2-го тома Ваших сочинений, с милой «Республикой Шкид» — поздравляю Вас и всех читателей Ваших. Когда этот подарок пришел к нам,

я была больна, лежала в темной комнате (больно от света, больно от звука), и Люша шепотом сказала мне об этой радости...

Разглядела — в лупу — Вашу и Гришину фотографии. Поздоровалась с Вами и с ним — Боже! какие вы оба молодые. В особенности — Вы. Вас я помню чуть постарше, но именно таким. Гришу я знала очень поверхностно — встречались мы только в редакции (даже у Маршака я его не видела), а Вас — кроме редакции — видела еще и у Маршака, и у Т. Г. (Помню, спросила один раз с завистью у Т. Г.: «Как это Вы умудряетесь говорить с Пантелеевым? По-моему, он умеет только щелкать каблуками — ну и писать». Она ответила: «Что вы! Он чудесный рассказчик!»)

Ну вот, с Вами мы потом встретились и подружились, а с Гришей — не пришлось... Лицо на удивление тонкое, юно-взрослое и умное.

Рисунки, увы! уже разглядеть не могу. Помню только Тырсу. Мне прислали «Республику» в Саратов (1926 или 27?) как некое чудо. Помню свое ошеломление, когда читала.

Нюхаю книгу — страсть к запаху типографской краски.

Спасибо!

М. С. Петровых Вы, конечно, могли встретить у С. Я. С. Я. ценил ее стихи и горько на нее жаловался: «Эта женщина — мой палач». Он тогда был членом Президиума Союза Писателей, а также редсовета издательства «Сов. Писатель» и непременно хотел издать сборник ее стихов. Она не разрешала. Это была женщина гордыни и скромности. Трудное сочетание. Сила в ней была большая (см. какая в некоторых стихах влекущая сила ритма). Полагаю, что одно из ее сильнейших (кончающихся: «Подумай! не стало тебя!»[1]) обращено к С. Я. Читала она свои стихи другим — редчайше. Наедине: «из души в душу», говорила она. Один раз, на одном из дней К. И., согласилась прочесть *одно*, то, в котором стрóки:

Откуда-то рифмы
Слетаются вдруг[2].

Краткая биография? Родила дочку, когда муж (отец дочери)[3] уже погиб. Должна была содержать девочку и старую мать. Во время войны — в Чистополе. Содержала семью переводами —

в этой работе она виртуоз, ас. Вела при Союзе Писателей семинар переводчиков, и лучшие теперешние переводчики — ее почитатели и ученики. В *свой* дар — не верила. Была идолом для армян и поляков — сборники их стихов выходили в ее переводах. Я познакомилась с ней у А. А., но сблизились мы, и очень тесно, только в последние годы жизни М. С. Ее дом был для А. А. *самый* любимый и подходящий по кругу друзей. И А. А., и О. Э.[4] верили в ее дарование. О. Э. был в нее влюблен (см. его стихи «Мастерица виноватых взоров» — очень точный портрет скромности и гордыни: «Я стою у твердого порога». Действительно, порог был твердый). Она мне потом рассказывала, что О. Э. столь неприятен ей стал, что она разлюбила все его стихи, даже ей посвященные. (За что ей отлично отомстила пресловутая Надежда Яковлевна[5].)

В 59 г., в Малеевке, М. С. познакомилась с Т. Г. и они стали друзьями. Но в 60 году Т. Г. уже скончалась, а М. С. умерла тою же болезнью через 20 лет. Я навещала М. С. в больнице, потом дома... В последний раз — за день до смерти. Выхаживали ее — дочь, Ариша, и Ника Глен.

Да, М. С., ко всему прочему, была отличной пушкинисткой, совершала открытия. Это тоже роднило ее с А. А.

У М. С., бедняги, был роман с А. А. Фадеевым. (Ему посвящены многие ее стихи, в том числе и знаменитое «Назначь мне свиданье» и потом о могиле — то, где она целует уже землю сырую, а не седую голову[6].) Она до конца своей жизни была предана его памяти и никому не позволяла говорить о нем дурно.

С дачей так: Люша хлопочет о «предоставлении отсрочки». Только и всего. Т. е. чтоб еще не приходил судебный исполнитель с милицией. Дадут ли отсрочку? И какую?

А пока что — люди приходят по субботам — человек 50, по воскресеньям — по 100. В последнее воскресенье четверо экскурсоводов провели 14 экскурсий. Приходят все с цветами. Уходя говорят: «А вы не бойтесь, *этого* не может быть».

[1] Строка из стихотворения М. С. Петровых «Горе».

[2] Неточная цитата из стихотворения «И вдруг возникает какой-то напев...». Правильно: «Откуда-то рифмы сбегаются вдруг...».

[3] Муж М. С. Петровых — Виталий Дмитриевич Головачев, дочь — Арина Витальевна Головачева.

[4] Осип Эмильевич Мандельштам.

[5] Надежда Яковлевна Мандельштам.
[6] Упомянуто стихотворение М. С. Петровых «Мы рядом сидим...».

550. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

6 авг. 84

Дорогая Лидочка!

Для меня поразительным открытием было то, что Вы написали о Марии Сергеевне и Александре Александровиче.

По-другому зазвучали многие стихи ее.

И мандельштамовские.

Леонид Петрович показал мне то место в Вашем письме к нему (от сентября прошлого года), где Вы пишете об Элико. Как вы хорошо написали... «Нарядная самоотверженность»! Для тех, кто знал и понимал сущность Элико, это не прозвучит парадоксом. Несоединимое соединялось в ней.

О нашем с Вами знакомстве. Мне кажется, Вы ошибаетесь. Я раньше познакомился с Вами, *а у Вас* с Тамарой Григорьевной. У меня где-то записано, какой *старой*, 25-летней и *вульгарной* показалась она мне, сидящая на столе в Вашей комнате где-то в районе Литейного и Бассейной. Вы запамятовали, что были редактором моих «Часов».

А с Т. Г. мы подружились значительно позже. Впрочем, не так поздно. Еще стояли и Знаменская, и Козьмодемьянская, и Греческая церкви...

551. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25 августа 84

Дорогой Алексей Иванович. Сижу у себя в комнате в Переделкине у открытого окна; сухо, тепло, не жарко; передо мною — пышная зелень, цветущие флоксы и кленовая аллея, посаженная К. И. За стеною слышу: Люша ведет экскурсию (шестую сегодня; сегодня суббота, и потому *только* шесть). На Люшу же обрушилась из Минска срочная корректура «Современников». Вот кончится экскурсия, она пойдет на кладбище убирать могилу, потом

вернется и начнет мыть крыльцо и лестницу... Где-то в промежутке: юристка, очередная жалоба и подготовка к докладу на конференции химиков в Ленинграде. А ведь то, что происходит в доме сейчас: дом цел и ухожен, люди приходят с цветами и любовью; это счастье. Будущее до́ма отнюдь не таково.

Заметили ли Вы в книжке Марии Сергеевны одно стихотворение с посвящением: В. А.? Это — В. Адмони. М. С. была долгие годы дружна с ним и с Тамарой Исааковной[1]. После смерти Т. И. они постоянно встречались с Владимиром Григорьевичем — и вот посвятила строки — ему и его горю.

Читали ли Вы в «Неве», в № 1, Л. Я. Гинзбург «Записки блокадного человека». Мне эта вещь — эта проза — показалась замечательной. А как — Вам?

[1] Т. И. Сильман — жена В. Г. Адмони.

552. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

14/IX 84

Дорогой Алексей Иванович.

Получила Ваше письмо об Александре Иосифовне. Вы перечисляете дурные ее слова, гадкие поступки, пишете, что много раз были накануне разрыва с ней... Пишете, что вряд ли все же дойдете до окончательного с нею разрыва.

Ох, милый друг, как это мне все понятно.

На следующее утро я получила от Александры Иосифовны необычайно ласковое, задушевное, доброе письмецо. Оно начинается так: «давно я не слышала твоего голоса, давно не видела почерка». И дальше — расспросы о доме, о Люше, о моем здоровье.

Ласковость вызвана тем, что Шура знает: мы с нею опять накануне полного разрыва, — пожалуй, никогда еще не были на такой грозной черте. И решать в данном случае — извинить ли ее *и* на этот раз — или нет, ни за что, никогда — решать буду *я*.

Вы пишете: «На одной жалости отношения не построишь». Это верно. Но и меня — и, наверное, и Вас — удерживает от последнего шага не одна лишь жалость. Но и память. Светлая и добрая. Из-за Шуриных плечей — лица Т. Г. и С. Я. И наша общая «окопная дружба». И Зоя. И два Сережи[1]. И Митя. И горы про-

вороченного вместе бессонного бескорыстного труда. И сколько пережитого вместе горя. Ведь я два десятилетия считала Шуру сестрой. Ведь она меня столько раз выручала — как самый надежный, самый энергический друг... Когда я, в одно зимнее утро, взяла за руку маленькую Люшу и ушла от Ц. С.[2] — ушла «в никуда» — Шура — приняла меня и Люшу в тогдашней своей 12-метровой комнатушке: мне отдала свой диван, Люша спала на сдвинутых стульях, а она — на тюфяке, на полу... Вот Вы пишете о ее ссоре с Т. Г., затеянной *ею*, Шурой, по совершенно вздорной причине. Да, так. Но ведь *до* этого Т. Г. изо всех нас ближе всех к ней, к Шуре; ведь они были не только друзья, но и соавторы; Шура была ближайшим другом Т. Г., ближайшим сотрудником... Ссора их длилась месяца 2, а до этого — Институтская дружба (4 года); редакционная — лет 10; еще один *общий* несчастный год: совместно пережитая блокада; вместе — в Москву; *вместе*, возле С. Я., военный и послевоенный период. А потом — это перед моими глазами, это я вижу, мы *вместе* с Шурой стоим у Тусиной смертной постели; Тусины судороги; Тусин последний вздох — при нас... И сразу от этой постели — вместе ко мне: по требованию С. Я. немедленно писать некролог: Твардовский обещал, если напишем сразу, некролог поместят в первом же № «Лит. Газеты» (для С. Я. это важно!). И похороны. Когда гроб опускается в черную бездну, Шура плачет, положив голову ко мне на плечо. У меня пальто мокро от ее слез.

А потом — Шура подолгу живет у меня и мы *вместе* — в больницу к Любовь Эммануиловне[3], потом *вместе* — на Метростроевскую.

Вот это *вместе*, вот это «долгих лет нескончаемой ночи страшной памятью сердце полно»[4], — вот это и удерживает меня от разрыва.

После смерти Т. Г. — разве мы не *вместе* разбирали ее бумаги в сияющем прекрасном бюро, за которым столько *вместе* трудились? Бюро было перевезено к С. Я., по его просьбе, и мы с Александрой Иосифовной привели его в прежний *Тусин* вид: медный Будда, подаренный ей Иосифом Израилевичем[5], фотографии родителей... Еще до смерти С. Я., Розалия Ивановна, пользуясь его слепотой, стала сваливать туда старые газеты и все разрушила, и это была наша с Шурой общая боль... Правда, после смерти С. Я. Элик отдал нам Тусины бумаги и фотографии, и мы разделили их (как и многие Тусины вещи) между нами тремя: Шуре, Зое, мне.

Вот кто и что для меня Шура. И вот почему, уже более лет этак 15-ти, я все уклоняюсь, уклоняюсь от разрыва, замазываю, залечиваю, фальшивлю, делаю вид... Но сейчас я уже не смею, не могу, не должна, сейчас уже вступает в силу другой долг — долг чести — и, набравшись сил, я прекращу и свое молчание, и свою уклончивость. Она потеряет возможность делать вид, что ей непонятно, почему это она давно не слышала моего голоса, не видела почерка...

В последний раз мы говорили с ней по телефону в страшный приближающийся день — 18/IX прошлого года — когда Вы, после 17-го, сказали мне: «Элико нет», «Элико умерла»... Тогда я в последний раз слышала Шурин голос: я позвонила ей с просьбой привезти ко гробу цветы... (Конечно, она была бы у гроба и без моего звонка; это я так пишу, как примечание к Шуриным словам, что она долго не слышала моего голоса.) Да. Долго. Целый год. А в промежутке — натянутые вопросы и ответы, вежливая переписка о здоровье и о наших дачных делах...

С дачей плохо — т. е. отсрочка по испол*нению* реш*ения* о высе*лении* на исходе: срок истекает 25 сентября. Но мы рук не опускаем. Ужасно совпадает с этим сроком Люшин отъезд на Международный Конгресс в Ленинград. Ну, да «надежда все поет в груди»[6]. Кольцо удава вокруг дачи сомкнулось, но и «порука добра»[7] в действии. А я готова ко всему.

[1] Упомянуты С. К. Безбородов и С. И. Хмельницкий.

[2] Речь идет о первом муже Л. К. — Цезаре Самойловиче Вольпе.

[3] Л. Э. Любарская.

[4] Строка из стихотворения А. Блока «Старый дом мой пронизан метелью...».

[5] И. И. Гинзбург — муж Т. Г. Габбе.

[6] Строка из «Реквиема» Анны Ахматовой. Правильно: «А надежда все поет вдали...»

[7] Слова из стихотворения неизвестной монахини XIX в.: «Человечество живо одною / Круговою порукой добра».

553. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/X 84 Переделкино

Дорогой друг, все очень мрачно. Вчера днем, в 3 часа, я пошла проститься с домом Б. Л. Для меня главное препятствие — шоссе. Поэтому я обыкновенно в ту сторону не хожу... Ну вот. А вчера пошла. На мое счастье, шоссе было пустое. А то бывает,

как на ул. Горького. Ну вот... Шла я по той же улице, мимо тех же дач, тех же деревьев, мимо которых шла в июне 60 г. на похороны. И как тогда — настежь ворота. Но ни цветов, ни людей... Во дворе три легковые машины и два контейнера. Возятся рабочие, укладывают, увязывают вещи... Я взошла на крыльцо. Весь первый этаж — пуст. Только веревка и бумага на полу. Я вошла в ту маленькую комнату налево, где впервые видела его мертвым. Там раньше был рояль. Пусто. Я обошла весь низ — бродят какие-то чужие тетеньки. Я — к лестнице наверх. Подошла ко мне какая-то высокая, молодая, с листом в руке. «Вы куда, гражданка?» (Я потом только поняла, что это была «судебная исполнительница».) *Я*: «— Хочу пройти в кабинет Б. Л.». *Она*: «Там уже ничего нет, вещи вынесены». *Я*: «Я видела этот кабинет, когда в нем стояли вещи, а теперь хочу посмотреть на него, каков он без вещей». Женщина пожала плечами и отошла. Я поднялась. Там был внук Боря. В кабинете пусто, только две полки без книг еще висят на стене, да люстра под потолком. Пустая комната кажется очень большой. Я постояла у окна. Нет, уже все не так, как при Б. Л.: выросли деревья, заслонили поле...

Машины, упаковка... Я поклонилась дому... Пошла к себе — опять повезло — шоссе пустынно.

Только вечером я узнала, что утром там побывало высокое литфондовское начальство в сопровождении... милиции. По-видимому, ждали толпу поклонников, читателей и почитателей поэта... Но не пришел никто (!), и к трем часам, когда явилась я, — охрана уже удалилась.

Дом свободен... Кто туда въедет — теперь? И через сколько лет будут выселять жильцов, искать *тот рояль*, *те* картины, *те* книги (с пометками Б. Л.), *ту* люстру...

Я порвала с Ал. Иос. Навсегда. Написала ей: «Голоса моего не услышишь больше, почерка не увидишь». Мне это очень больно, очень тяжко, да и ей, наверное, нелегко.

PS. Когда-нибудь — если урвете минуту, напишите мне, что Вы думаете о двух лицах: поэте Шестинском и критике Эльяшевиче? Каковы они были — т. е. *кем* по должности — в Ленинграде, в 63—64 гг.?[1]

[1] Этот вопрос вызван работой Л. К. над комментариями к третьему тому «Записок об Анне Ахматовой. (1963—1966)». В этом томе много записей, посвященных

хлопотам об И. А. Бродском, а Шестинский и Эльяшевич были общественными обвинителями от Союза писателей на суде над поэтом (см.: *Записки*. Т. 3. С. 148, 407—409).

554. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

6.XI.84

Дорогая Лидочка!

Не писал Вам, не ответил сразу на Ваше письмо, потому что без малого месяц хвораю. А кроме того, на меня свалилась своя «дача», т. е. свои неприятности с казенным домом. В четвертом томе режут мои Старые записные книжки, ссылаясь на постановление Госкомиздата о том, что не разрешается в собраниях сочинений публиковать *при жизни автора* его дневники, письма и записные книжки. Другой мотивировки нет.

Буду биться, бороться, но Вы сами знаете, сколько сил требует такая борьба и как все вилами по воде писано.

Вы очень хорошо рассказали о своем прощании с домом Б. Л.[1] Неужели такое же глумление предстоит перенести и другому дому?!

Александра Иосифовна мне звонила. О Вас и о разрыве ваших отношений — ни слова, но голос — убитый, и у меня сложилось впечатление, что позвонила она с одной целью — буду ли *я* говорить с нею, не повешу трубку.

Я трубку не повесил, поговорил минуты две...

О Шестинском и Эльяшевиче ничего определенного сказать не могу. Первый, если не ошибаюсь, в названные Вами годы был секретарем Ленинградской писательской организации. Я с ним никаких дел не имел (один раз он позвонил мне, предложил ордер на автомобиль); выглядел чиновником, толстый. Но не так давно я прочел в «Лит. газете» очень хорошие его стихи о Ленинграде[2].

Эльяшевич — критик и литературовед; работал ли он в бюро секции критиков, не знаю. Кажется, возглавлял его. Сейчас он тяжело болен.

Удивил меня и огорчил Д. С. Самойлов. Не ответил на мое письмо, касающееся весьма важных для меня и высоких вопросов. Знаю, что у него был инфаркт, но после этого он мне еще писал.

Лидочка, с трепетом жду каждого письма от Вас и от Люши. Не спрашиваю о музее, боюсь спрашивать. Но хочу верить, что он не погибнет, не закроется, не сгинет.

[1] Речь идет о Доме Пастернака.

[2] В рубрике «Творческая мастерская» под заголовком «Интервью накануне публикации» помещено интервью с Олегом Шестинским и публикация трех его стихотворений: «Невский проспект», «Сядем, седая няня...», «Послания болгарским поэтам» («Литературная газета». 1984. 18 июля. С. 6).

555. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

22/XI 84, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Я просто ошарашена запретом, наложенным на Ваши отрывки из Дневника и Записных книжек. Ведь в этом жанре Пантелеев так же силен, как в рассказе, в повести, в мемуаристике. И в чем тут дело, где собака зарыта, кто и почему и, главное, *зачем* это выдумал? Быть может, это было разумно в приложении к какому-нибудь определенному автору, а распространилось на всех? А «Наша Маша» — ведь это законченное, цельное произведение, хотя и имеет *форму* дневника. Но это гораздо больше, чем просто дневник, это на основе дневниковых записей, прекрасная проза. Но я хотела бы, чтобы спасена была не только «Наша Маша», а и все другое, — такое *отобранное* и такое сильное... Надеетесь ли Вы — спасти?

И как будет разочарован читатель, лишившийся этих вещей...

У нас — очередной отказ из очень высокой инстанции, куда Люша на прием попала чудом. (Т. е. заботами наших доброжелателей; а вообще-то люди записываются за 2 недели, съезжаясь со всей страны.) Люше же пришлось ожидать всего часа три. Она была не одна, а вместе с представительницей Центрального Управления Музеев. Принявшая их обеих дама очень внимательно и доброжелательно прочитала все бумаги, выслушала Люшины слова и горячую речь высокопоставленной дамы из Управления Музеями[1]. («Это лучший Музей такого типа... Богатый... Я приехала внезапно, никто меня не ждал, я была поражена обилием

экспонатов, высоким качеством лекции и, главное, множеством посетителей».) Дама из юридической инстанции ответила весьма сочувственно, но объяснила, что это дело вне компетенции судебных инстанций; что она поражена поведением Союза Писателей; что вступиться за Дом Чуковского должно Министерство Культуры. Согласилась вытребовать дело из Видного к себе, но сказала, что решить его она и ее коллеги *не могут* и истребование дела даст нам только отсрочку исполнения...

Как использовать эту отсрочку? Союз Писателей заткнул рот прессе, затыкает рты всем нашим защитникам. Защитники тычутся всюду и получают всюду один и тот же стандартный ответ: «Почему только Чуковскому и Пастернаку? Надо и Фадееву, и Федину, и Соболеву, и Кочетову. Мы построим общий музей для всех выдающихся писателей, живших в Переделкине». — «Да позвольте, ведь *этот* музей уже существует, зачем же его *разваливать*?» Тогда в ход пускают меня: «Л. К. исключена из Союза Писателей, и ей не место в Переделкине... У нее в Москве две квартиры» (sic! это путают с Пастернаками) или: «у нее в Москве квартира в 100 метров». (У нас 53 метра.) — «Но дело не в родственниках К. И., — отвечает рьяный защитник — а в нем самом! Ведь Дом Чуковского — это *его* дом, дом, который хранит память о *его* личности, *его* труде». — «Вот построят общий музей, и там будет комната Чуковского, комната Пастернака». «Но комната в общем Музее не передаст духа, стиля жизни Чуковского!..» «А почему же именно Чуковский, а не Фадеев?..» Ну, одним словом — мочало, начинай сначала.

Иногда проступает уже нечто сюрреалистическое или кафкианское. Напр., один гражданин, побывав в Доме К. И., написал о Доме пламенное письмо: «Чуковский равен Андерсену, бр. Гриммам и пр.». «Культура начинается с пеленок, и все дети начинают с Чуковского». Ответ — на бланке! — получил такой: «Уважаемый тов. NN! Заверяем Вас, что дача Пастернака не будет перестраиваться».

На даче великого поэта проживает ныне кто-то, именующий себя «сторожем». Семья в 4 человека, машина, собака. На вопросы любопытствующих прохожих ответ загадочный: «Тут будет музей Пастернака». Явная липа, чтобы обезоружить спрашивающих.

Я, разумеется, в восхищении от того, что т. Г. М. Марков получил вторую звезду Героя Социалист. Труда. Полагаю, что он вполне заслужил ее.

Читаю сб. «Ленинградская Панорама». Это мучительно тяжелая операция: шрифт недостаточно для меня черен, боль и резь в глазах начинаются после двух абзацев. Однако я прочла Мандрыкину (куски Ахматовской прозы)[2]; «Мистерию 9 января» Мандельштама[3] и «Лики слова» Д. С. Лихачева. Конечно, это радость, что Мандрыкина одаряет нас кусочками, цитатками из Ахматовской прозы, но жаль, что всего лишь кусочками. Собственные же ее соображения либо тривиальны, либо ложны — напр., конец, что, мол, Ахматовские блокноты показывают, как сильно А. А. интересовалась общественной жизнью. Вот открытие! А стихи — не показывают? И еще: они печатают отрывок под заглавием «Будка», а это не заглавие, а пометка: то место, где отрывок был написан (Комарово). Д. С. <Лихачев>, как всегда, интересен и полновесен и говорит *о важном*, но неужели он действительно принимает всерьез Вознесенского и Эйдельмана? Первый бездарен, а второй не владеет русским языком. Я пробовала было читать книжку о Лунине (я его люблю и немного знаю), но бросила, потому что язык, на котором изъясняется Эйдельман, несносен.

Книгу Гранина о Блокаде я не читала и не видела. Я сейчас вынуждена весьма и весьма ограничить себя в чтении. Люша говорит, что хотя там многого нет, но многое *есть*. (Думаю, две темы: блокада и лагерь — не допускают недомолвок. А впрочем, не смею решать.)

Тому, что Вы *не* повесили трубку в разговоре с Александрой Иосифовной, я от души рада. Я ведь очень ее жалею и себя тоже, но в *моей ситуации* иначе нельзя было.

Вы пишете о странном молчании Давида Самойловича. Оно действительно странно и нехорошо. Давид Самойлович, с которым мы переписываемся годами и виделись каждый раз, как он приезжал в Москву, — теперь не пишет, а приезжая — не звонит. Я думаю, вызвано это не тем, что его отношение к Вам или ко мне переменилось. Тут дело хуже: он, по-моему, переживает тяжелый душевный кризис. Да и физический. Он не может при-

мириться с *новым своим* возрастом и ограничениями, которые накладывает на него болезнь, возраст, и, главное — к плодам весьма легкомысленно прожитой жизни. Он не хочет отстать ни от вина, ни от курения, ни от многолюдства. Семья огромная и вся в разброде; денег нужны многие тысячи; необходимо выступать, халтурить на телевидении; он привык к успеху, к лести, к сутолоке вокруг, а сил на все это уже нету, и, главное, он уже не может сказать:

Но зато квартет для скрипки
И альта[4].

Он это сознает, терзается, капризничает, небрежничает, *понимает*, что закрутился, а переменить «образ жизни» не в силах.

Алексей Иванович, не вспомните ли Вы, в каком году после блокады Вы оказали мне гостеприимство — на Знаменской, напротив рынка, неподалеку от дома, где жила Т. Гр.? Думаю, это было в 44 г. Приютили меня тогда Вы, Александра Васильевна и Александра Ивановна. В той же квартире жила некая особа, которую Вы сокращенно именовали (за глаза) Хипой... Припомните-ка и напишите, а то у меня с хронологией — schwach![5]

PS. Непременно напишите, как дела с Вашими 4-мя томами?

[1] Упомянута Елена Прокофьевна Щукина (Научно-методический совет при Министерстве культуры СССР), которая была со мной на приеме у зам. Председателя Верховного Суда СССР.

[2] *Л. Мандрыкина.* «Я... видела события, которым не было равных» // Ленинградская панорама. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 464).

[3] *О. Мандельштам.* Кровавая мистерия 9-го января / Публ. П. Нерлера // Там же. С. 487—490.

[4] Строки из стихотворения Д. Самойлова «Дуэт для скрипки и альта». Правильно — дуэт, а не квартет.

[5] Слабо (*нем.*).

556. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

2.XII.84

Дорогая Лидочка!

Начну с вопроса о Вашем посещении Ленинграда во время войны. Александра Ивановна, которая больна и не могла сразу

этим заняться, установила (по фотографии, Вами ей подаренной), что Вы гостили у нас в июле 1944 года. Меня в Ленинграде не было, я жил и работал в Москве. Мама была больна, лежала в больнице. Вы жили в моей комнате, выходившей окнами на Знаменскую. Между прочим, дом, где мы жили, не «напротив рынка». Рынок на Бассейной (Некрасовской), минутах в 5-ти ходьбы; дальше, чем от нас до Тамары Григорьевны.

Все, что Вы пишете о Музее Чуковского, — фантасмагорично. Только спасительное время помогает несколько смириться с мыслью, что музея, *может быть,* и не будет.

Но — дай Бог — будет!

О своих делах я стараюсь не думать и не говорить. Написал Пастухову, ответа не получил. Боюсь, что книга тем временем печатается в ополовиненном виде. Я *запретил*, но что я смогу сделать *после* выхода IV тома?! Судиться? Погрозил, что буду, но хватит ли на это сил и охоты.

Может быть, напишу Романову, бывшему секретарю нашего Обкома. Тоже силы нужны. И охота.

«Ленинградскую панораму» я не читал, хотя и ленинградская. Несколько месяцев не был в книжной лавке. Одичал бы, если бы не то Высокое, что всегда, во всех жизненных переделках поддерживало и спасало меня.

О Вознесенском. Лет 10 назад он приезжал ко мне (в Комарово) «знакомиться». И показался — честно говоря — дурак дураком. Удивляет меня отношение к нему Бориса Леонидовича. Если верить самому Вознесенскому, он был любимейшим учеником Пастернака. К сожалению, учитель не научил его элементарной грамотности.

О Самойлове читать было грустно.

557. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

25 декабря 1984

Дорогой Алексей Иванович.

Пишу Вам 25/XII декабря, накануне надвигающегося неотвратимо, как оглобля, Нового Года.

Вы спрашиваете (в последнем письме от 2/XII 84) о Люше — она, дескать, не пишет. Наверное, ее посылочка и письмо к Вам разминулись с Вашим вопросом. Она послала Вам ценной бандеролью Библиографию Корнея Ивановича и в ней письмецо. Эта неказистая брошюра, выпущенная крошечным тиражом, доставила ей превеликую радость. Это — 15 лет труда Дагмары Андреевны[1] — и — конечно — Люши. («Чукоккала» стоила 14 лет.) Я ничего в библиографии не смыслю (даже на экзамене у С. Балухатого в Институте когда-то провалилась!), но догадываюсь, что, по-видимому, это действительно — ценный новый вклад в чуковсковедение.

Сейчас она не ходит на службу! Отпуск! О поездке же куда бы то ни было на отдых — и думать нечего. (Из-за музея Чуковского... Защита, по-видимому, безнадежна — но — обязательна.)

Спасибо Вам за разъяснения о моей поездке в Ленинград летом 44 года. 40 ½ года прошло! Не шутка! И вот какие игры играет со мною память: я помнила верно, что жила на Знаменской и верно, что у Вас в комнате; но я почему-то воображала, будто в то же время и Вы жили тут же, т. е. в той же квартире. Уступив мне свою комнату, сами временно теснились где-то вместе с Александрой Васильевной или Александрой Ивановной. Комнату же Вашу помню как нечто совершенно *черное*.

У нас была, по случаю мороза, на даче авария: лопнула труба во 2-й комнате К. И., залило стену... К счастью, не в мое дежурство, а в дежурство Клары Израилевны. Она, бедняга, вызвала срочную аварийную машину; но т.к. одновременно лопнула труба на даче Федина, то рабочие трудились там, к нам явились только через сутки... Чинить зимою нельзя ничего; пришлось выключить наверху целую секцию.

Простите, что с таким опозданием отвечаю. Пытаюсь работать!

[1] Д. А. Берман в течение многих лет составляла библиографию К. И. Чуковского. Брошюра, о которой пишет Л. К., малотиражное (200 экз.) ротапринтное издание библиографии. Полный «Биобиблиографический указатель» Корнея Чуковского вышел в 1999 г. (М.: Восточная литература РАН), уже после смерти Дагмары Андреевны.

558. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/I 85, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович.

Весть о Вашей победе на фронте 4-ого тома была единственной приятной вестью за последние месяцы. От души поздравляю Вас, читателей Ваших, себя.

Спасибо за 3-ий том. По вечерам, минут 10—15, читаю. (Трудно глазам и сердцу: шрифт! вес!) Как хороши «Кожаные перчатки», «Спички», «Настенька» — не говоря уж о старых моих любимцах: «Маринке», «На ялике»... (Я когда-то о двух этих рассказах писала, но что сделалось с моей писаниной — не помню...) Помню, что «На ялике» сравнивала я с некрасовским «Ну, мертвая! — крикнул малюточка басом» и пр...

А читая Вашу «Соловьевку»[1], вспомнила, как я один раз навещала Вас — пришла вместе с Ваней. Было лето; помню деревья и как Вы провожали нас до ворот. Знаете, что сказал мне Ваня за воротами? «Непонятно, почему Алексей Иванович остается здесь, а я ухожу домой. Нам с ним следовало бы поменяться»... А знаете ли Вы, что на свете уже 2 года живет новый Ваня Халтурин? У Талика пять взрослых дочерей, трое внуков, и, вот, два года назад, родился — от новой жены — сын... Ваничка.

О даче ничего толком не могу сказать, ничего никто не понимает. Неделю назад мы получили повестку с известием, что выселение (т. е. «судебный исполнитель» и милиция) назначено на 22/I. В тот же день (когда пришла повестка) позвонили нам из Литфонда с просьбой считать сей документ недействительным... Так. А пока дело затребовано Прокуратурой РСФСР. Общество по охране памятников и многие граждане продолжают слать письма и телеграммы, а также обивать пороги инстанций. А также ломиться к нам в дом, не пугаясь морозов.

Я мало работаю и много лежу. Милую снежную зиму вижу только из окна — и то счастье: снег! ветви в снегу! Заборы в снегу!

PS. От Самойлова — ни звука. Говорят, он в депрессии.

[1] Речь идет о рассказе «Письмо в Соловьевку» (*СС-П.* Т. 3. 1984. С. 256—259).

559. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7.02.85

Дорогая Лидочка!

Очень давно не писал Вам. Не мог. Было худо и с Машей и со мной. Одно с другим связано.

Дня четыре назад снова стал вопрос о госпитализации Маши. Она этого не знает. Все вокруг, включая Александру Ивановну, говорят — нужно. И, мол, прежде всего для меня. Себя я, видите ли, должен пожалеть, поберечь — ради той же Маши. А я уже четыре ночи не сплю.

Этот вопрос ставился и при жизни Элико. Ответ у нее был один:

— Только через мой труп.

Мы оба знали, какой травмой, каким ужасом оказалось для Маши пребывание в бехтеревском институте. Пишу это и не знаю, зачем. Сердце сжимается.

Хотел ведь написать о другом. Хотел спросить, где Вы вспоминаете разговор с Тусей о бессмертии души? Ее слова о том, что бессмертие души надо «заработать». Что Пушкин, например, его *заработал*.

Я не ошибаюсь, или это мне мои с нею старые-престарые разговоры вспоминаются? Если она говорила о Пушкине и Вам, то не скажете ли Вы, КАК Вы поняли эти ее слова? Почему Пушкин, а не Гоголь, не Достоевский, не Толстой?

Мне важно знать, как ВЫ понимаете это?

560. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/II 85, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Все, что Вы пишете о себе и Маше, — потрясает. Поэтому молчу, молчу, советов не даю. Не сомневаюсь, что друзья Ваши дают Вам свои советы от самого доброго сердца, напрягая разум, но — понимаю, что тут никто не советчик. Тут — только Вы — один Вы — наедине с собою — Вы *один* можете решить.

По праву наибольшей боли.

Вы спрашиваете, что говорила Тамара Григорьевна о бессмертии души? Она говорила так: «люди, воспитавшие себя на земле, *вполне* бессмертны. Вот, например: Пушкин, Толстой»...

(Достоевского не назвала, и Гоголя тоже нет, но ведь она говорила: «например».) Я сказала: «То есть, их бессмертие — в нашей памяти о них, вообще в памяти потомков?» — «Нет, не только, — ответила Т. Г. — Более материализованно».

Что это значит — я не поняла.

После полугодового молчания, получила я, наконец, письмо от Д. С. <Самойлова>. Я тоже молчала, чуя, что в этом эпистолярном перерыве не содержится обиды или забвения, а просто человек не всегда письмоспособен. Письмо трагическое, хотя и не без иронии относительно себя самого. Объективно же дело обстоит так: у него, как он пишет, была «по-научному — депрессия», а «попросту не могу привыкнуть к старости». Затем ремонт, который тянется без конца и съел все деньги... В Москве у него мама, и ей 90 лет...[1] Пишет он правильно, что можно было бы примириться со старостью, получив взамен «покой», но покоя нет, а надо «работать, зарабатывать»[2].

Жаль мне его очень: хороший поэт. Да и человек он не худой, нисколько, — однако ему всегда хотелось жить полегче, жить на всех парах, не думать о болезнях, не бросать пить, и чтобы пустые люди крутились вокруг, и побольше людей... А сейчас вот неотступно «не возмездие, а *последствия*», как писал Герцен.

С дачей так: дело все еще в обл. прокуратуре, ответа *пока* нет. А 13/II в «Лит. Газете» было напечатано интервью с т. Кешоковым и там, прямо и косвенно, дается ответ всем, кто заступался за дачу Пастернака и К. И.[3] Легко опровергнуть каждую его фразу, да ведь не напечатают.

[1] Мать Самойлова — Ц. И. Кауфман.

[2] Это письмо Д. С. Самойлова опубликовано. См.: Давид Самойлов — Лидия Чуковская. Переписка 1971—1990. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 224—225.

[3] Речь идет об интервью председателя правления Литературного фонда СССР Алима Кешокова, опубликованном под заголовком «Еще одна ступень». Кешоков сказал: «Литературная общественность внимательно и заинтересованно относится к дачным строениям, которые арендовали А. Фадеев, А. Серафимович, К. Федин, М. Шагинян, Б. Пастернак, К. Тренев, К. Чуковский и другие. Они не подлежат реконструкции, если даже этого пожелают новые арендаторы, которые в будущем поселятся там.

В то же время нам хотелось бы максимально сохранить памятные места, связанные с жизнью и творчеством выдающихся литераторов.

В связи с этим Министерство культуры СССР и Союз писателей СССР обратились в Совет Министров СССР с предложением построить за счет средств СП СССР филиал Государственного литературного музея в пос. Переделкино. Учитывая, что не все ушедшие из жизни писатели оставляли Литературному фонду завещания, было бы

благородно, если бы их наследники, родственники, друзья и знакомые отдавали в целях лучшей сохранности для будущего музея биографические предметы, материалы, книги, принадлежавшие писателям. Так поступают многие. Музейные учреждения получили ценнейшие экспонаты от родных и близких А. Фадеева, Л. Соболева и других. Начата уже работа по сбору материалов и для переделкинского музея».

561. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

15/III 85

Дорогой Алексей Иванович.

Люша просит передать Вам, что она написала свое письмо раньше, чем получила Ваше. Благодарит.

Чувствует себя лучше[1].

Я бываю у Люши раз в неделю, минут по 20. О судьбе дома, о суде и пр. она не говорит — очень демонстративно НЕ — и я молчу. Я понимаю: она понимает, что сломал ей позвоночник — *дом*.

На основании больничной справки нам дана отсрочка. Формулировка очень странная: «отсрочка исполнения вплоть до конца пребывания больной в лечебном учреждении; не позднее 15 апреля». Из больницы Люшу выпишут недели через 2, но бюллетень закроют месяцев через 8. Она и дома должна будет долго лежать; будет понемногу ходить и стоять, но не сидеть. Так что ни о каком выселении и речи быть не может — если соблюдать закон.

Гуманнее организации, чем наш Литературный Фонд, я не видывала. И зачем только основали его Дружинин, Тургенев и Григорович.

На даче снег — тает снег — надо спасать крышу и балконы от снега. Надеемся на помощь *не* Литфонда.

[1] 1 марта 1985 г. я упала на улице, сломала позвоночник и попала в больницу.

562. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

20.03.85

Дорогая Лидочка!

Спасибо, что написали подробно о Люше. Люшино письмо я тоже получил, оценил ее героизм, но отвечать сразу не стал, чтобы не изнурять ответными письмами.

То, что происходит с дачей (отсрочка до выздоровления, но не позже 15 апреля), — уже не вызывает ни усмешки, ни ужаса. Надо надеяться, что формальность будет соблюдена и что 8 месяцев в резерве есть. А за это время, дай Бог, прояснится что-нибудь в сферах. Может быть, возникнет ситуация, при которой можно будет думать о новом письме. Только оно должно быть совсем короткое, на одну-полторы страницы. Предыдущее письмо загубили, мне думается, его размеры. Адресат читать его не мог, ему докладывал референт.

PS. Знаете ли Вы, что в прошлую пятницу умер Вл. Ник. Орлов, первый муж Элико. Умер в реанимации, десять дней находился без сознания. Похоронили его на Литературных мостках, недалеко от могилы Блока, для которого он много сделал. А болезнь у него была такая же мучительная, как и у Блока.

563. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

19/IV 85

Дорогой Алексей Иванович.

Боюсь верить — но вчера до нас дошел *слух*, что музей К. И. будет оставлен в покое «вплоть до постройки нового общего музея»[1]. Если это *правда*, то и музей К. И. спасен, и Люша спасена от каждодневного ежеминутного напряжения, которое охватило ее, чуть только она после всех больничных мучений вернулась домой.

Не могу не поделиться с Вами этой *почти уверенностью* — потому пишу открытку: так быстрее.

[1] Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС по идеологии и культуре В. Печенев рассказал в своей книге о перипетиях борьбы за музеи Чуковского и Пастернака в высших эшелонах власти. В частности, он вспоминает о том, как в 1984 г. Г. М. Марков, тогдашний руководитель Союза писателей, в «секретном» письме отказал Генеральному секретарю ЦК КПСС К. Черненко в его просьбе сохранить в Переделкино музеи Чуковского и Пастернака под тем предлогом, что в поселке «будет построен специальный музей, который увековечит память большой группы видных советских писателей». См.: *Вадим Печенев.* Взлет и падение Горбачева: Глазами очевидца. М.: Республика, 1996. С. 115—121.

564. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

23.04.85

Дорогая Лидочка!

Порадовала меня Ваша открытка. Хотя, грешный человек, *словам* не всегда верю. Помню мой разговор в Кремле — с Михалковым:

— Лидия Корнеевна там живет?

— Живет.

— Ну, и пусть живет. Никто ее тревожить не будет.

— Даете слово?

— Д-даю с-слово.

А через месяц-два, если не ошибаюсь, — суд, кассации, апелляции etc, etc.

БУМАГУ БЫ!

От Л. П.[1] сегодня узнал, что на этот раз обнадеживающие слова были изречены каким-то работником Литфонда. Может быть, его слова больше весят и больше значат, чем Михалковские... Дай-то Бог!

Простите мне мой скепсис и мои сомнения. Очень хочу, чтобы такое решение БЫЛО и чтобы «новый музей» строился — без лишней спешки, основательно, неторопливо — по меньшей мере до 2000 года.

Благодарю Вас за пластинку Анны Андреевны. Еще не слушали, может быть, сегодня Маша будет в лучшем состоянии.

[1] Л. П. Романкова.

565. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9 мая 85. Салют. Москва

Дорогой Алексей Иванович.

С дачей все загадочно. 18 апреля В. Т. Оганесян (наш «истец», директор Городка Писателей) в ответ на телефонный вопрос нашей юристки, не знает ли он, когда будет назначено очередное заседание суда, которое должно дать новую отсрочку из-за болезни ответчицы, сказал: «По распоряжению т. Маркова, музей Чуковского оставляют открытым вплоть до того времени, когда откроется общий музей “Литературное Переделкино”».

Так. Мы усумнились, потому что директор Городка Писателей, В. Т. Оганесян — наш истец — очень много лгал против нас на суде. Т. В. Иванова, деятельная наша доброжелательница, пробовала дозвониться т. Маркову и еще кое-кому — тщетно; тогда она позвонила тому же Оганесяну. Он повторил прежнее свое сообщение.

«Весь город» поздравлял нас. И Люша перестала строчить свои апелляции.

Так. А вчера, вернувшись в город, я услышала от Люши новость: из Видненского суда получено нами извещение, что по случаю болезни ответчицы Е. Ц. Ч. «исполнен*ие* решен*ия* о выселен*ии* откладывается до 26 сентября...

Срок не малый (дан на основе Люшиной справки из больницы), но — где же истина? Ведь не к сентябрю же выстроен будет Музей «Литературное Переделкино». Значит ли это, что В. Т. Оганесян специально солгал нам, чтобы мы перестали обороняться и, главное, чтобы прекратился град телеграмм и писем во все инстанции от посетителей дома?

Ничего не понимаю. Однако радуюсь и сроку, потому что что бы ни было впереди, а Люша успеет собраться с силами. Простите «бытовое» письмо.

566. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.06.85

Дорогая Лидочка!

Вечность не писал Вам, совсем выбился из колеи. Последние полгода, если не больше, Маша мучилась беспрерывно и мучила меня.

5-го июня ее увезли в больницу. К моему удивлению (и радости, конечно), она спокойно отнеслась к перемене места. В больнице в первый же день вышла на прогулку (дома 5 с лишним лет отказывалась выйти даже во двор).

Дома пусто. На душе совсем тоскливо. Но, дай Бог, эта госпитализация пойдет Маше на пользу.

Потерпим — и она, и я.

Как Вы обе? Где? Перебралась ли Люша в Переделкино?

Утвердилось ли затишье на дачно-музейном фронте?

Как Вам работается?

У меня бывает мой старый (но по возрасту еще молодой) читатель, композитор Б. И. Тищенко. Он — автор нескольких музыкальных спектаклей на стихи Корнея Ивановича, а кроме того, им написана музыка к «Реквиему» и несколько романсов на стихи Анны Андреевны. От Б. И. я узнал, что составительница сборника Ахматовой Жирмунская включила туда и «Реквием». И — до последней минуты! — он был в сборнике — и в рукописи, и в гранках, и в верстке. Но тут, в «последнюю минуту», кто-то сказал: стоп![1]

[1] Речь идет о сборнике, подготовленном академиком В. М. Жирмунским для Библиотеки Поэта (Большая серия): *Анна Ахматова*. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. В 1971 г. — задолго до выхода сборника — Жирмунский умер. Сборник был сдан в печать его вдовой, Н. А. Жирмунской.

567. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.06.85

Дорогая Лидочка! Самое огорчительное в Вашем письме — это то, что Вы недовольны своей работой. Хочу думать, что это от усталости и от излишней требовательности к себе.

Я пробую приводить в порядок свои до крайности запущенные дела. Отвечаю на письма. Их скопилось десятки, если не сотни.

Некая В. А. Биличенко (я о ней Вам кое-что писал) просила выступить с воспоминаниями об Ахматовой — в Музее, который ей удалось-таки открыть в Доме культуры им. А. А. Жданова. Дали ей будто бы 6 (!) комнат.

Одиозности этого «мероприятия» она не понимает.

568. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12 июля 85 Москва

Дорогой Алексей Иванович. Удивило — мягко выражаясь! — удивило меня чье-то намерение расположить памятные комнаты А. А. в таком странном месте. Это из цикла «Нарочно не придумаешь». Как Вы полагаете, это в самом деле нарочно или по забывчивости? А, быть может, это еще и не состоится.

Как-то складывается Ваш быт? Разгребаются ли хоть понемногу дела и письма?

Дозвонился ли до Вас Л. П.?

Нет, милый друг, книга моя мне действительно не удается. Я могу судить об этом потому, что за последние 4 года иногда на целые месяцы от нее отрывалась, и видела ее потом «свежими глазами», как, помните, говаривал С. Я. Но все равно я работаю над ней, *мне* она необходима — даже если она совсем не нужна читателям. Я ее обламываю на даче, а в городе другое.

Между прочим, не слыхали ли Вы *случайно*, жив ли Г. О. Мишкевич? Здоров ли этот почтенный старец?

569. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

18.07.85

Дорогая Лидочка!

Валентина Андреевна Биличенко — человек искренне любящий искусство. Клуб, в котором ей удалось «выбить» 6 комнат для музея, обслуживает учащихся ПТУ. Если не ошибаюсь, там много лет работал, вел литкружок Давид Яковлевич[1]. Я не один раз намекал ей на одиозность сочетания инициалов А. А. и А. А.[2] Может быть, по относительной молодости своей она не слышит странности этого сочетания. Только радуется, что музей будет.

Жив ли Мишкевич, я не знаю. И никто из людей, с кем я общаюсь, этого не знает и знать не может.

[1] Д. Я. Дар.

[2] То есть Анны Андреевны Ахматовой и Андрея Александровича Жданова, выступавшего с докладом о постановлении ЦК КПСС против Ахматовой и Зощенко.

570. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

30/VII 85

Дорогой Алексей Иванович.

Вы спрашиваете, как поживает Клара Израилевна? Да трудновато. На плечи ей 2 г. назад лег новый груз: внук.

Один из результатов: дом К. И. своими двумя этажами все более тяжко ложится на Люшину поврежденную спину.

Когда я получила Ваше письмо с укором, что мы с Люшей не поздравляем Машеньку с днем ее рождения, — мы сразу кинулись к «Нашей Маше» и установили этот день. Потом пришло Ваше письмо Люше, где Вы прямо указываете дату. Спасибо. Мне в самом деле горько, что я могла огорчить Машу.

И еще, дорогой Алексей Иванович, зачем Вы разъясняете мне, как Вы — и все Ваши знакомые — далеки от общения с почтенным старцем? Помню ясно — в своем письме к Вам я писала: «не знаете ли Вы *случайно*, жив или нет Мишкевич». *Случайно* всякий может знать о своем согражданине, жив он или помер. Вот я, например, даже сидя в Москве, *случайно* узнала: он *жив*. (Прочла в «Новом Мире» рецензию на какую-то его книжонку; совпадение вдвойне странное, потому что давно уже я никаких журналов не читаю и не перелистываю.) Жизнь переполнена *случайностями*.

571. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

10/VIII 85

Дорогой Алексей Иванович.

Разумеется, если все Машенькины дни рождения праздновались в Луге — или вообще не в Питере — то я ни на одном из них не была.

Но вот моему вопросу: помнит ли она свое четырехлетие? — Вы удивляетесь напрасно. Почему бы нет? Разные люди помнят себя с разного возраста. Не подряд, конечно, а молниями, кадрами, пятнами. Я помню многое из своей жизни не только в 3 года, но и раньше. (Мы живем на Суворовском пр. 40 а, няня водит нас в Таврический сад. У меня «шум сердечный», и, т.к. я огромная и тяжелая, швейцар, а не няня, на руках несет меня на наш 4-й — или 5-й? — этаж. Я помню его бороду и пуговицы. Помню свой тогдашний капор.) Совершенно ясно помню тот день, когда мама вернулась из больницы с новорожденным Бобой. Мы живем на даче Анненкова. Помню, как папа несет пакет, а мама потом разворачивает и показывает братца — мне и Коле. Мне он совсем не нравится, но я уже смекаю, что выдавать это чувство нельзя. Мне тогда 3 года и 1 месяц.

Так что вопрос мой к Маше: «помнишь ли ты» не был глуп — в четыре года можно помнить — но я перепутала дату праздника — в чем и приношу свои извинения.

Примешивается и еще кое-что (семейная традиция): К. И. никогда не помнил и не праздновал и до старости не хотел праздновать ничьих дней рождения. Ни Колино, ни мое, ни Бобино рождение у нас в семье никогда не праздновалось. В день рождения нашей мамы папа, помню, дарил ей цветы (в горшках), которые она очень любила. Свой день рождения начал праздновать лет с 40, да и то не всегда. О наших говорил: «почему я должен дарить своим детям подарки именно в эти дни? Я их люблю одинаково в любые дни!» Так что семейной традиции «поздравлять в дни рождения» у нас, увы, нет! (Я в этом отношении мыслей К. И. не разделяю.) Сам он полюбил свои 1 апреля уже в старости. «Люблю подарки! — говорил он. — В этот день я смотрю всем приходящим в руки»... Странная существует запись у него в дневнике. Дело в том, что он ведь и праздничных застолий не признавал. И вот — Мурочке нашей 2 года. Ее он любил больше, чем всех нас троих, взятых вместе. И вот мама устраивает праздник: Мурочкин день рождения. Ей два года. Пироги, дети, подарки, друзья. Запись К. И.:

«Мурочкин день. День для меня светлый. Но ненавижу столь организованное безделие»[1].

Свой день рождения я начала праздновать, когда вышла замуж, когда подружилась с Ал. Иос., Т. Г. и Зоей Моисеевной. Ходила к ним в их дни, и они ко мне — в мой. (Это еще на Манежном.) Приходил с ними и С. Я. — прелестно пел песни... Потом, уже у Пяти Углов, трижды праздновала свой день: в последний раз в 37 году. Затем отменила (для себя) этот праздник навсегда. (А когда еще праздновала — никаких телеграмм от родителей или братьев никогда не получала.)

Люшин праздновали и празднуют — но без меня. Потому что день 6 августа для меня траурный[2]. Дарю что-нибудь Люшеньке, но на ее празднике не присутствую.

Да, память — сложная и странная вещь. Вы прислали недавно Люше (для архива К. И.) воспоминания Рисса о «Дюймовочке»[3]. Фамилию эту смутно помню, но фамилия ничего не говорит мне. Так вот: в его воспоминаниях решительно *все* перепутано. Вижу я — не нарочно эта ложь, а просто ему уже изменила память. Для меня же незабываема «Дюймовочка» и все, что связано с нею, потому что писала «пьесу» (совместно с Андерсеном!) *я*. Да, да — вундеркинд. Училась я тогда в Таганцевс-

кой гимназии (угол Моховой и Пантелеймоновской. Там теперь почта). Все актеры (девочки; мальчик — один) наш класс. Ставил — К. И. Декорации писал Ю. Анненков (да, да, тот, кто иллюстрировал «12» Блока). Он — приятель К. И. и наш сосед (Кирочная, 9 или 11). Мы еще тогда не были всей гимназией переведены в Тенишевское училище (мужское, рядом), но, по ходатайству К. И., нам для спектакля был предоставлен Тенишевский зал (да, да, тот самый, где шел когда-то «Балаганчик» Блока, где читал Маяковский, где К. И. и многие другие читали публичные лекции). У меня хранится фотография: после премьеры сняты все актеры в костюмах — а справа сидит К. И., слева — Юрий Павлович. На обороте мною записаны (тогда же) имена всех актеров, — да я и так всех помню. Дюймовочку играла вовсе не какая-то Люся (как пишет Рисс), а Таничка Ткаченко, о которой К. И. говорил (тогда), что в ней сидят 5 Савиных и 3 Коммиссаржевских. Я играла лягушку — так и стою там в брюках и в зеленом сюртуке. Старуху — Нина Вейтбрехт (в будущем — плохая драматическая актриса и жена Черкасова). Таничка сделалась потом актрисой-«травести» в ТЮЗ'е... Ну, так я могу без конца... Он пишет, что «Дюймовочку» К. И. поставил в Доме Искусств... Этого никогда *не было*.

Когда Таганцевскую гимназию объединили с Тенишевским Училищем («15 единая трудовая школа»), мы с Колей написали пьесу «Каракакула». (Он — стихи, я — прозу.) Действие происходит в аду. Шура Зархи играл черта, влюбленного в принцессу Чертеццу, и, накануне самоубийства, должен был у самой рампы сказать: «Не вините никого в моей смерти». На всех репетициях говорил: «Не винуйте», за что и получал тычки и пинки от режиссера Лели Арнштама. (Оба, впоследствии, кинорежиссеры.)

Афиши были такие:

К черту Мольеров, Шекспиров, Островских!
Зал загремит от неистового гула,
Когда увидит пьесу Чуковских
Каракакула!

Во как!

Рисс пишет, будто о «Дюймовочке» развешаны были афиши на улицах. Этого никогда не было: афиши — в двух наших школах; зрители — учащиеся двух школ и некоторые родители.

Правил ли К. И. текст моей «Дюймовочки»? Да, но немного. Устранял переводческие обороты речи.

Вы можете говорить о моих суждениях Риссу или нет — как Вам удобнее. Можете и не говорить.

Вопросы к Вам: были ли Вы когда-нибудь знакомы с поэтессой Н. Грудининой? Член Союза Писателей; руководительница литературных кружков на заводе «Светлана» и во Дворце Пионеров. (В 1964 г.) Я ее стихов никогда не читала, а встречалась с ней раза три[4]. Знали ли Вы ее и не знаете ли, что и как с ней сейчас, то есть жива ли?[5] В последней писательской книжке ее почему-то нет.

Вот какое письмище я накатала!

Милый Алексей Иванович! Я на Вас никогда не сержусь — не за что!

PS. Из-за отсутствия семейной традиции я так и не научилась вовремя поздравлять. С тех пор как мы с Ал. Иос. в разных городах, я, вне всяких ссор, то поздравляла ее, то нет. То же с Гершем Исааковичем. Мы были безоблачно дружны 49 лет. В особенности в последние лет 7, когда он стал главным консультантом по работам молодых физиков о Мите. Мы часто говорили по телефону, всегда переписывались, да и в Москву он приезжал часто. Но увы! Я то поздравляла его, то нет. И в последний год его жизни — 1984 — забыла... и не перестаю угрызаться. Хотя он меня не упрекал, а только острил по этому поводу.

[1] Неточный пересказ дневниковой записи К. И.: «Вчера было рождение Мурочки — день для меня светлый, но загрязненный гостями. Отвратительно. Я ненавижу безделье в столь организованной форме» (*Корней Чуковский*. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006. Т. 12: Дневник. С. 12).

[2] В этот день в Киеве в 1937 году был арестован М. П. Бронштейн.

[3] Эти воспоминания не опубликованы. Рукопись была мною отдана Лидии Корнеевне и, вероятно, вместе с ее архивом находится в РГАЛИ. Основная часть архива О. В. Рисса передана его женой известному книговеду Аркадию Эммануиловичу Мильчину, который любезно сообщил мне, что у него хранятся письма А. И. Пантелеева к О. В. Риссу. В одном из писем Пантелеев знакомит Рисса с замечаниями Л. К.

[4] Встречалась Л. К. с Н. И. Грудининой в связи с «делом» Бродского. См.: *Записки*. Т. 3 (по Указателю имен).

[5] О Н. И. Грудининой см. также в письме **222**.

572. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

26.08.85

Дорогая Лидочка!

Когда я читал Ваше последнее письмо — страницы, посвященные детской памяти, — я вспомнил часто повторяемое в нашем доме выражение: «В булочную? — Нет, в булочную».

Это — старый английский анекдот. Встречаются два глухих старика:

— Куда? В булочную?

— Нет, в булочную.

— А-а, а я думал — в булочную.

Я писал Вам, что Маша свой четвертый день рождения не помнит, но сам я помню себя — вспышками — и в гораздо более раннем возрасте. Помню толпу на улице у памятника Славы и объяснение:

— Умер Лев Толстой.

А Вы отвечаете:

— Нет, я помню себя трехлетней и т. д.

Маша не помнит даже своего ПЯТИЛЕТИЯ. У нее память артистическая, т. е. актерская. События, места помнит плохо. Запоминает слова, мимику, интонации... Отлично помнит стихи.

Адрес Грудининой мне узнать не удалось. Я звонил по телефону, указанному в справочнике 1981 г. Мне ответили: — Такая не проживает. Александра Иосифовна видела ее последний раз — у Вас.

Постараюсь выяснить.

Напишу.

573. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/IX 85, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Л. П. писал мне — уже дней 10 назад — что он был у Машеньки, ходил с нею гулять по парку, и они слушали Моцарта (магнитофон).

Спасибо Вам за справку о Н. Грудининой. Отрицательный результат — тоже некоторый результат.

Читали ли Вы в последнем номере «Нового Мира» статью под названием «Эксперимент»?[1] Я вообще не выписываю и не читаю никаких журналов, но эту статью (об экономике Советского Союза) надо прочитать непременно. В том же номере «Флорентийские письма» Цветаевой. Мне интересно, что Вы скажете о них.

Читаю воспоминания Журавлева...[2] Ахматова, Пастернак, Нейгауз, Рихтер, Е. Я. Эфрон и А. С. Эфрон, М. И. Цветаева, Зоя Лодий и пр. Хотя я терпеть не могу «художественное чтение», хоть и раздражают «чтецкие», специфически эстрадные словеса, но человек встает из-под всего этого хороший, добрый — что делать! безвкусный, как и сама его специальность. Книга, однако, живая, а главная ее ценность — документы: одно письмо Пастернака о музыке, замечательные письма Рихтера, некоторые, точно переданные, реплики Пастернака.

Разница между мышлением литератора и мышлением актера видна разительная. Очень разные миры.

Со мною Д. Н. Журавлев поступил не очень хорошо (в очерке об А. А.), но так поступают *все*[3]; и я пытаюсь привыкнуть. По-видимому, он полагает, что поступил вполне корректно, потому что прислал мне свою книгу *сам*, хотя мы незнакомы.

PS. Ваш анекдот о двух глухих стариках очень мил и остер. Охотно принимаю всю глухоту на себя.

[1] Речь идет о статье Василия Селюнина «Эксперимент» в восьмом номере «Нового мира».

[2] *Д. Н. Журавлев*. Жизнь. Искусство. Встречи. М., 1985.

[3] Л. К. имеет в виду, что Журавлев в своей книге процитировал записанные ею слова Анны Ахматовой без ссылки на «Записки». В 1985 г. имя Лидии Чуковской в СССР было еще под полным запретом.

574. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

30.09.85

Дорогая Лидочка!

Спасибо за письмо и за посылку. С каким трепетом и волнением слушал я живой голос Корнея Ивановича! Хорош, почти всюду, и Володя[1].

В последнем письме я, кажется, обошел стороной вопрос о «Дюймовочке». Олег Вадимович Рисс, которому я, в несколько смягченном виде, передал Ваши замечания, клянется, готов присягнуть, что видел на улицах афиши, извещавшие о постановке «Дюймовочки» в доме на Мойке.

Память всем нам начинает изменять. Но тут, я думаю, она изменила Риссу. Вряд ли Вы, автор и участник спектакля, забыли бы эту постановку в Доме Искусств.

Я уже писал Вам, что помню Рисса по 20-м годам, не видел его 60 лет (помню шестнадцатилетним), но лет десять мы с ним переписывались.

Между прочим, Рисс пишет, что бывал у Вас в Манежном, хотя «по малолетству понятия не имел, кто Лидин отец». В апреле 1919 г. он был зачислен в класс «Г» бывшей гимназии Таганцевой. Вы учились тогда в классе «Д».

Наташу Грудинину я знал, кажется, с начала 50-х годов. Умный, добрый, всегда о ком-нибудь заботящийся человек.

[1] Речь идет о пластинке «Корней Чуковский разговаривает с детьми: архивные записи из фондов детского радио. 1956—1967. Автор и ведущий Владимир Глоцер» («Мелодия», 1985).

575. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

8/X 85

Дорогой Алексей Иванович.

Голос К. И. на этой пластинке так *точен*, что я, прослушав ее один раз, более не могу себя этому подвергать. Ощущению *его* присутствия при сознании его отсутствия... Но, право же, К. И. — уникален. Этот крик «асса!» при входе в Детский сад (почему?), эти реплики в сторону, когда они хрюкают — «Профессора! Академики!» — вся эта возня с босой козой (к сожалению, она сокращена из-за отсутствия места; а дети там путаются уморительно) — все это будто бы некий волшебный цирковой номер — и притом импровизированный. Одна беда у этой пластинки: она двуадресна... Владимир Иосифович обращается к взрослым; К. И. — к детям.

Я помню Наташу Грудинину совершенно также, как Вы: доброй, открытой, деятельной, хлопочущей (об одном человеке

мы хлопотали вместе)[1]. Теперь уже я и ее адрес узнала, но одного не знаю: жива ли она?

Прочли ли Вы статью «Эксперимент» в августовском номере «Нового Мира»? И «Флорентийские письма» Цветаевой (пренеприятнейшие) там же?

Получили ли Вы «Эйнштейновский сборник» со статьею о Матвее Петровиче? Послан он был Вам 22/IX ценным пакетом — и до сих пор от Вас нет подтверждения... А мне эта статья дорога, потому что там приведено письмо К. И. к Сталину — в защиту М. П. Да и вообще — место почетное. В следующем номере того же сборника — снова статья о нем и одна его работа[2].

Имя «Олег Рисс» мне говорит что-то — но что? не помню. У меня с памятью очень плохо. Но вот он пишет о классах «Г» и «Д» в Таганцевской гимназии... Не знаю, не помню, когда, вместо прежнего счета были введены Г и Д и пр. Я помню гимназию (с осени 17 г.) еще такую: классная дама в синей форме, мы, девочки, в коричневой; начальница; очень умный и светлый священник, преподававший нам Закон Божий... Наша классная дама однажды подошла ко мне на перемене с вопросом: «Скажите, вы не из тех Чуковски́х»? (Она привыкла к Трубецки́м.) А я не знала — из тех ли я или не из тех...

[1] Об Иосифе Бродском.

[2] В «Эйнштейновском сборнике 1980—1981» (М.: Наука, 1985) помещены две работы М. П. Бронштейна: «Квантовая теория слабых гравитационных полей» (1936) и «О возможности спонтанного расщепления фотонов» (1937).

576. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

12.X.85

Дорогая Лидочка!

Повестку на бандероль я получил недели две, если не три назад. Вместе с другой повесткой. Думал, что это очередная партия лекарства, которые мне продолжают посылать читатели и доброжелатели из разных городов Союза. Это не мне, а Маше. А она сейчас на казенном довольствии. Поэтому идти на почту я не спешил.

Увидев Ваш почерк, обрадовался. Понял, что это книга. А увидев заглавие, понял, что речь в ней идет о Матвее Петровиче. Поспешно вскрываю пакет и, не найдя в нем никакого сопроводительного письма, заглядываю в оглавление. Имени Бронштейна нет. Заглавия статей непосвященному ничего не говорят. Суюсь в библиографию. М. П. Бронштейн упомянут шесть раз. Радуюсь. Но и — удивлен немножко.

Начинаю читать — то, что более или менее доступно моему пониманию. С интересом прочел статьи Ильи Пригожина и Б. Кузнецова, касающиеся вопроса, для меня наиважнейшего[1]. Еще что-то читаю. И только на четвертый или пятый день, листая книгу, обнаруживаю Ваш жирный черный фломастер на полях. Вот оно, оказывается, где!

Конечно, все, что относится к М. П., читал с волнением, если не с трепетом[2].

А теперь пришло и письмо Ваше.

Вы почему-то невзлюбили моего милого корреспондента, своего давнего однокашника... «Не помню, не знаю». Называете его то *Рис*, то *Рысс*. А он Олег Вадимович Рисс (два с). Между прочим, года два-три назад вы писали мне, что, *кажется*, он был в Вас влюблен.

Между прочим, классы А, Б, В, Г и Д в советской школе существовали. Я-то в них не учился (в Шкиде у нас были не классы, а отделения), а Вам миновать их нельзя было.

Кстати, относительно бандероли. Встречный вопрос: дошел ли до Вас мой IV том? Впрочем, знаю, что дошел. Люша писала. А читать Вам там нечего. Все читано.

Вчера поздно вечером переходил в темноте улицу. Кто-то взял меня под руку. Посмотрел — Михаил Дудин. (Мы с ним живем в одном доме.) Среди прочего сообщил, что только что послал в Москву предисловие к двухтомнику Ахматовой.

— Тяперь она — уже в вяках[3], — сказал он.

Я ответил, что не только теперь.

С тех пор как оттуда ушли Твардовского, «Новый мир» я не выписываю. А читали ли Вы когда-нибудь книгу Э. Шредингера «Жизнь с точки зрения физики»?

[1] *И. Пригожин*. Эйнштейн: триумфы и коллизии; *Б. Г. Кузнецов*. Необратимость времени и детерминизм // Эйнштейновский сборник 1978—1979. М.: Наука, 1983. Из

следующего письма ясно, что наиважнейшим для А. И. Пантелеева был вопрос «о возникновении всего сущего из ничего, т. е. о Создателе этого всего сущего».

[2] О М. П. Бронштейне и его работах рассказано в статье: *Г. Е. Горелик*. Первые шаги квантовой гравитации и планковские величины // Эйнштейновский сборник 1978—1979. М.: Наука, 1983.

[3] Ироническое подчеркивание произношения М. Дудина.

577. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

4.XI.85

Дорогая Лидочка!

Пользуясь доброй оказией, пишу Вам без оглядки, более или менее свободно.

Спасибо за второй Эйнштейновский сборник (милая описка: Вы пишете «Посылаю Эйзенштейновский сборник»).

Статьи Матвея Петровича мне, конечно, не по зубам. А статья Горелика и Френкеля очень хороша, и я разделяю Вашу радость, но ведь статья эта противоречит Вашему давнему (несогласному с моим) убеждению, что лучше ничего, чем не все. Когда я поддался однажды нажиму цензора или редактора и напечатал, не помню о Белых или о Хармсе: «тогда-то трагически погиб», Вы написали мне, что не следовало так писать, — мол, читатель может подумать, что Белых попал под трамвай.

В статье о М. П. даже год смерти не указан. И все-таки слава Богу, что статья напечатана. Держусь прежнего своего принципа: лучше что-нибудь, чем ничего. Sapienti sat. Надеюсь, на этот раз Вы не будете со мной спорить.

В обоих сборниках я с интересом и даже с волнением читал статьи, касающиеся вопросов космологических. Эйнштейн называл себя «верующим физиком» («мы, верующие физики...»), хотя его космическая (спинозаическая) религия — далека от веры Ньютона, Лейбница, Паскаля или Ломоносова. Верующим (верящим в бессмертие души) был Эрвин Шредингер — и многие физики следующего за Эйнштейном поколения. Точнее — послефридманское поколение, когда теория расширяющейся Вселенной привела физиков к гипотезе о возникновении всего сущего из *ничего*, т. е. о *Создателе* этого всего сущего.

Конечно, меня интересует отношение к этому наиважнейшему вопросу Матвея Петровича. В статье о нем авторы говорят об интересе Бронштейна к космологической проблеме. Разумеется,

надо помнить, что это была *заря новой физики*, с тех пор много воды утекло — 50 лет!

На верхней фотографии М. П. действительно очень похож и хорош. На нижней я бы его не узнал.

О Маше Вам расскажет Леонид Петрович. Он, спасибо ему, опекает ее, часто навещает.

На днях я ставил на проигрыватель пластинку с голосом К. И. А ночью увидел его во сне. Он неподражаемым СВОИМ голосом читал такие «стихи»:

— Мама, ах, мама, —
Звучит голосок, —
Дай мне часок
Поиграть в «волосок»...

— Мила, ах, Мила...

Дальше не запомнил, заспал.

Помните ли Вы, как мы с Вами ездили в Комарово на кладбище? Как я опустился перед могилой на колени и молился, а потом Вы спросили, есть ли тут поблизости церковь? Я сказал, что есть — в Шувалове и в Лисьем Носу. Почему Вы задали этот вопрос — не знаю. Я искал могилу В. Ф. Пановой. Вы со мной не пошли, — думаю — из-за Давида Яковлевича[1] (который, кстати, почти каждую неделю приезжал на Комаровское кладбище).

Какой это год? Вероятно, Вы знаете, ведь Вам помогают дневники.

PS. «Новый мир» я достал. «Эксперимент» прочел с интересом, но не понял, чем так воодушевила и взволновала Вас эта статья. На эту тему — и в этом духе — последние годы пишут много, печатают часто. Может быть, здесь вопрос поставлен острее. Но — толку что?

А «Флорентийские письма» читать не могу. Цветаева, переведенная с французского!

...«в данный момент Вы безошибочны». Прочел эту фразу и дальше не захотел.

Да, про Ахматову было сказано так:

— Тяперь она в вяќах.

Между прочим, Маша любит этого человека, зовет его дядя Миша[2]. Знает его с тех пор, как помнит себя. И он о ней всегда хорошо говорит. Поздравляет ее со всеми праздниками, дарит ей свои рисунки. А рисует он лучше, чем пишет.

[1] Д. Я. Дар, муж В. Ф. Пановой.
[2] Речь идет о М. А. Дудине.

578. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

11 ноября 85

Спасибо, дорогой Алексей Иванович, за Ваше такое сердечно сердитое и сердечно доброе, и щедрое, и строгое письмо. Не могу удержаться, чтоб не ответить сразу.

Но это будет «сумбур вместо музыки», потому что пишу быстро. Почему быстро? Потому что расширила каплями зрачки, это — возможность единственная читать и писать часа 3 в день, а я вот, вместо уроков, доставляю себе радость: пишу Вам по *горячему следу*.

Л. П. был у нас, рассказывал и о Маше, и о Вас немножко. (Например, о Ваших рассказах ему.) Удивительно он хороший человек и притом какой-то незнакомой породы. Я его появлению в моей жизни рада.

Вы спрашиваете, помню ли я нашу с Вами поездку на кладбище к А. А.? Ну конечно. Этот день был для меня «не пустой день, а музыкальный», как написал Блок[1]. Потому что А. А., потому что Вы, потому что Комарово — и так близко Куоккала, т. е. детство — и по дороге такие памятные названия мест, и там, дорога на кладбище, это дорога на Щучье Озеро, где я была один раз в великолепный морозный день — красавицы сосны в снегу! — и отдыхала на лавочке у кладбища, не подозревая тогда, что тут будет потом могила А. А. ...Нашу с Вами поездку помню хорошо, но, к сожалению, не могу на все вопросы ответить. На главный: *когда?* Я со своими записями в разлуке, и справиться *сейчас* не могу; постараюсь. Помню же только, что было это не в последний моей приезд в Ленинград (когда, помните? мы с Вами сидели в Михайловском саду, а напротив, за столами люди тихо

играли в шахматы?), а в *предпоследний*. Но это Вам вряд ли даст что-нибудь... Почему я тогда спросила: есть ли близко тут церковь? Точно ответить не могу, но полагаю: потому что Комарово — это км 5 (по берегу) от моего Куоккала, а в Куоккале была церковь, и не очень далеко от нас, и меня туда водила бабушка, когда у нас живала. Насчет могилы Веры Федоровны[2] — почему я ее не хотела искать? Решительно не помню. Раскидываю умом. Я любила и люблю ее прозу. С нею самою я была знакома еле-еле (познакомились в 62 г., весною, в Ялте, где была вместе с Александрой Иосифовной). Она встретила меня надменновато и суховато. Она дружила с Колей и Мариной, с Саррой[3] (особенно), так что я ее знала не непосредственно, и *через* других скорее... С Давидом же Яковлевичем я подружилась в последние годы *очень*; мы переписывались; храню его талантливые, чудаковатые, восторженные письма. (В письмах он более *выражен*, чем в том, что печаталось.)

Рада, что Вам понравилась фотография М. П., и именно *верхняя* — на нижней он совсем не он. Моя описка «Эйзенштейновский сборник» вместо «Эйнштейновский» показывает, что я перехожу уже от склероза в маразм, с чем и поздравляю себя и окружающих. На Ваш *главный, философский* вопрос (насчет создания мира из ничего с точки зрения тогдашней физики) ответить не берусь. Слышала вокруг разговоры об Эйнштейне, о несохранении энергии и несохранении вещества (Ландау, Иваненко, Амбарцумян, Крутков, Бронштейн), но не понимала ни звука, да и они-то, эти собеседники, не очень-то до меня снисходили. (И правильно делали.) На упрек же Ваш мне, что, дескать, я от Вас как-то потребовала *полноты* изложения, а теперь вот сама радуюсь и *неполноте*... Отвечаю смиренно: 1) упрек мой был глуп: каждый должен сам перед собой ставить этот вопрос и сам решать его для себя, и нечего было мне лезть со своей указкой 2) еще в 79 году я, в одной своей писанине, заявила, что правомерным считаю *оба* пути 3) что касается молодого биографа М. П.[4], столь много для него сделавшего (в особенности по части сбора материала под руководством Г. И.[5]) — то для него — ему 37 лет — не только не существует *двух* ответов на этот вопрос, но даже и самого вопроса не существует. Человек он хороший, добропорядочный, трудовой — но он сын своего времени и своей профессии. У него и жажды такой нет 4) что касается меня... то *я*, лично *я*, для себя самой (т. е. для своей работы) вопрос этот решила, и не по

умному рассуждению, а по невозможности поступать иначе — и вот уже более 4½ лет гоняюсь за этой полнотой, чтобы успеть до слепоты добиться ее во что бы то ни стало. Ведь только *я одна* и могу... И я стараюсь, мне не удается, но я приговорена к этой каторге. Сама себя приговорила. Результат будет *плох, бездарен, неудачен*, — но, клянусь, *полон*.

Письма Цветаевой я прочла и хотела, чтобы прочли Вы, чтобы сверить наши впечатления. Мне они отвратительны — и не из-за перевода, а по *сути*. Муть, фальшь, эгоцентризм, какая-то душевная распущенность. Хорошая проза там только в конце; одна страница о ее встрече с адресатом; встреча написана сильно, но это ее издевательство над адресатом тоже вызывает отвращение. В общем, я за нее огорчилась. Мелко!

А статья, которая опубликована в том же номере того же журнала, интересна, по-моему, не мыслями своими — они распространены — а *цифрами*. Меня поразили цифры.

Вышел сборник воспоминаний о Заболоцком. Он лежит у меня — но нет времени и *глаз* читать. И книжка Абрамович о Пушкине... Тоже манит тщетно. Авось либо когда-нибудь...

А вот IV том Пантелеева читаю иногда перед сном, как самую любимую книгу — т. е. «открыв наугад», с любого места.

PS. Наши дачные дела таковы — ждем ответа из Прокуратуры Р.С.Ф.С.Р. Он будет на днях.

[1] Слова Блока о юбилее М. Горького (*Чукоккала*. С. 224).
[2] В. Ф. Пановой.
[3] Коля и Марина — старший брат Л. К. и его жена. Сарра — С. Э. Бабенышева.
[4] Молодой биограф Матвея Петровича — Г. Е. Горелик.
[5] Г. И. Егудин.

579. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/XII 85, Переделкино

Дорогой Алексей Иванович, ставлю интереснейший опыт: пишу Вам в полной тьме. Я на даче — и погас свет.

Получила Ваше письмо от 20/XII. Дали свет!

Вы спрашиваете, как дом? Ответить не могу не потому, что это длинно, а потому, что сама не знаю. Во всяком случае, но-

вой повестки о выселении мы пока не получали, хотя после отказа из Прокуратуры РСФСР могли бы уже и получить. От замминистра Министерства Культуры получили феноменальное письмо: дома, мол, Пастернака и Чуковского будут обращены в Филиалы Литературного Музея, где, наряду с экспозициями, характеризующими жизнь и творчество Пастернака и Чуковского, будут развернуты экспозиции, характеризующие творчество Федина, Фадеева, Соболева, а также Катаева и Прилежаевой. «В настоящее время происходит подготовка к научной разработке экспозиций»... Так отвечают гражданам, пишущим письма «наверх».

Катаев и Прилежаева здравствуют. По-видимому, в будущем научном музее они послужат живыми экспонатами.

Все это, как написал один из защитников нашего дома, уже превращается в нечто булгаковское.

У меня к Вам два вопроса. Но не пугайтесь, они легкие, т. е. Вам ни в чем не придется рыться, кроме как в собственной памяти. Вспомните — ладно, а нет — так и не надо.

1) Не помните ли Вы, в каком году введены были для советских граждан паспорта? Я хронически путаюсь в хронологии. Мне кажется так: сначала были удостоверения личности. Потом трудовые книжки. Потом паспорта. Я помню, что в 38 году происходил уже обмен паспортов (или в 41-м?). Но когда они были введены *изначально*?

2) Не помните ли Вы, как и где отмечался в Питере 75-летний юбилей Анны Ахматовой? (Июнь, 64 г.) Может быть, никак и нигде. Лето, Вас, вероятно, не было в городе. Но на всякий случай — спрашиваю.

580. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

14.01.86[1]

Дорогая Лидочка!

Вы простите мне мое молчание: ведь почти два месяца я хворал.

С паспортом получилось вроде бы даже комично. Я долго ломал голову, напрягал память, рылся в старых бумагах. Знаю, что было это ДО моего призыва на действительную военную службу. А когда?

Потом вдруг спохватился, вытащил с полки 32-й том второго издания БСЭ и открыл этот том на словах «паспортная система». Вот выписки из этой большой статьи:

«П. с. в СССР была введена ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г.»*)

На второй вопрос относительно юбилея А. А. отвечаю утвердительно: скорее всего так — никак и нигде. (Между прочим, летом ленинградский Дом писателя не работает.)

Но вот еще об Ахматовой.

Я Вам, кажется, писал, что некая весьма энергичная молодая учительница литературы, В. А. Биличенко, хлопочет об открытии музея Анны Ахматовой. Оказывается, музей этот — при Доме культуры им. А. А. Жданова — давно открылся и функционирует. На днях я получил от Биличенко письмо. Она просит меня выступить на вечере 5-го марта. Пишет, что у них в Музее уже побывали Д. Хренков, еще кто-то и — Л. Н. Гумилев!

Приглашение я отклонил и написал, что некоторых читателей и почитателей Ахматовой смущает одиозность сочетания этих двух «А. А.». Боюсь, что до нее это не дойдет. Что ж удивительного, если не дошло и до Л. Н. Гумилева.

---

*) В первом издании БСЭ о паспорте было сказано менее деликатно: что-то вроде «принадлежность полицейского государства».

[1] Письмо послано с оказией.

581. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

7.03.86

Дорогая Лидочка!

Давно не писал Вам. — Винюсь.

Живется трудно. Других объяснений давать не буду.

О музее Ахматовой Вам написал, вероятно, Леонид Петрович. Пятого он там не был, но был мой старый читатель — композитор Б. И. Тищенко (родился в 1939 году, а сейчас он лауреат, заслуженный деятель и профессор). Б. И. разделяет мою, известную Вам, позицию: лучше что-нибудь, чем ничего. Но в данном случае я не могу стать на эту позицию. У нас с Вами

идет спор о количестве. А здесь это «что-нибудь» еще и неважного качества. Все в копиях (оригинален лишь скульптурный портрет Анны Андреевны, работы Т. И. Сильман, подаренный музею Владимиром Григорьевичем[1]).

Было многолюдно, помпезно и — казенно. Открыл вечер М. Дудин. *В духе клуба* [нрзб] выступил Д. Хренков. Плохо, по словам Тищенки, пел хор мальчиков из капеллы им. Глинки. Что-то звучало в магнитофонной записи. И ничего — по духу — достойного той, ради которой все это творилось. Здание клуба — в районе новостроек — далеко за Нарвской заставой, в Автове. Хоть бы за Невской заставой устроили — там, куда к Скорбящей ходил когда-то паровичек[2].

66-й сонет (маршаковский) я хорошо помню.

...И неуместной почести позор...

Были на вечере Вечеслова, Адмони, Л. Гумилев...

Вот Вам не очень толковый пересказ того, что я услышал от Бориса Ивановича. Он тоже человек не без странностей. Но знаете ли Вы, что он — автор «Реквиема», который исполняли всего один раз на гражданской панихиде в Доме писателя? Играл сам Тищенко. Упоминание об этой его работе — на конвертах почти всех его пластинок (а их у нас Машей скопилось штук двадцать).

Читали ли Вы статью Г. Макогоненко в последнем номере «Вопросов литературы»?[3]

[1] В. Г. Адмони, муж Т. И. Сильман.

[2] Намек на ахматовскую строчку «Паровик идет до Скорбящей» в стихотворении «Петербург в 1913 году».

[3] Упомянута статья: *Г. Макогоненко.* О сборнике Анны Ахматовой «Нечет» // Вопросы литературы. 1986. № 2.

582. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

24/III 86

Дорогой Алексей Иванович. Спасибо за телеграмму[1]. Обрадовалась я очень — в особенности письму. Получили ли Вы книжку Д. Самойлова «Голоса за холмами»? Он меня уверял,

будто послал ее Вам. Я читаю помаленьку. Очень по душе (по моему возрасту и состоянию) «Старый Тютчев». А вообще у меня сейчас так худо сделалось с глазами, что ничего «вольного», т. е. не для насущной работы, я не читаю. Стопка непрочитанных книг: Переводы поэтов востока, Осповат и Вацуро о Пушкине, том писем Пастернака — еще что-то и еще что-то.

Основная мечта жизни: перечесть Толстого и Чехова.

Ладно, ладно, согласна и не дожить до этого счастья. Я ведь дала себе слово ни о чем не мечтать, ничего не хотеть — только бы выздоровела Люша! И вот она *почти* здорова и даже сверх всяких сил готовит выставку и пр. к 1 апреля. На этот раз будет на выставке и черновик телеграммы К. И. в Ленинградское Отделение Союза Писателей в день похорон А. А. Цитирую: «Удивительно не то, что она умерла, удивительно, что она жила среди нас» — это точно, а дальше я по памяти: «прекрасная, величественная, бессмертная при жизни».

[1] 24 марта — день рожденя Л. К. Вероятно, телеграмма была поздравительной.

583. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

Ленинград
24.04.86

Дорогая Лидочка!

Спасибо за цитату из письма К. И. в Союз писателей (в день похорон Анны Андреевны).

В Ахматовском музее я не был, никакими впечатлениями делиться с Вами не мог. Писал Вам со слов Леонида Петровича и Б. И. Тищенко. Рассказывал мне еще об этом вечере А. Горелов. В 1934—37 гг. он был первым секретарем ленинградского Союза писателей. И на вечере 5.III.86 г., выступая, «каялся перед народом и перед памятью Анны Андреевны»:

— Не могу простить себе, что, возглавляя Союз, я не удостоился узнать, что она голодает. Мой помощник Тихонов не доложил мне...

Это его буквальные слова.

А статью Макогоненко я читал с большим интересом и хотел писать Вам, но Вы меня опередили.

Вообще же я *нового* читаю мало. Перечитываю. Вот наткнулся в письме М. И. Цветаевой к А. Тесковой на упоминание, что

она с упоением читает (открыла для себя) «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет. Я порадовался, потому что сам лет 30 назад читал этот роман с наслаждением. Достал его и перечитываю. То есть читаю как будто заново и с тем же наслаждением.

Книгу от Самойлова я получил, но до сих пор ему не ответил. Там одно стихотворение («Моцарт») посвящено Маше. Я Маше об этом сказал, но книги ей не показывал. Она не тщеславна, но ее радовали эти стихи и посвящение. И вдруг — открываю книгу — посвящение вписано от руки: шариковой ручкой. На титуле Д. С. пишет, что в московском издании напечатано: М. П. Почему же не прислал московское?

Касайся это меня лично, я бы, наверно, даже не поморщился. Но самая маленькая царапина на Машиной руке — меня ранит.

Маша стала читать, радуюсь этому. Читала стихи (Баратынского, японские хокку), перечитала «Анну Каренину», читала Бекетову о Блоке, Шиллера, сейчас читает Диккенса...

Леонид Петрович последнее время звонит не часто — занят. Меня это огорчает. Я его очень полюбил.

Посылаю вырезку из газеты — о вечере Ахматовой[1].

[1] Вырезка из газеты у Л. К. не сохранилась. Вероятно, речь идет о заметке Н. Ольгиной. «И зазвучали стихи». В заметке говорилось: «В Музее Анны Ахматовой, созданном в СПТУ—84, прошел вечер памяти большой русской советской поэтессы. Этот пока единственный в стране музей Анны Ахматовой учащиеся создавали в течение нескольких лет. Инициатором интересной работы стала библиотекарь профтехучилища В. А. Биличенко... На вечере памяти звучали стихи поэтессы в исполнении будущих молодых рабочих и заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии Т. М. Вечесловой, выступил хор мальчиков из Академической капеллы имени М. И. Глинки. Художница Н. П. Славина преподнесла в дар музею портрет А. Ахматовой» («Ленинградская правда». 1986. 8 марта. С. 2).

584. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

28 апреля 86, Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Не сердитесь — писать не было времени.

А если бы Вы знали, как я *горжусь Вами* — и вообще, всегда, а сейчас — в особенности — ну хотя бы за Ваше отсутствие на поминальных мартовских торжествах.

Более, чем самые торжества, угнетает меня, скажу правду, то обстоятельство, что среди друзей — ближайших! — идет спор: хорошо ли или плохо, полезно или неполезно, нравственно ли или безнравственно. Люди одного возраста, одной культуры, одного жизненного опыта подвергают обсуждению нравственные истины — азбучные! — и — думают *разно*. Ах, я не борец за единомыслие, но иногда словно в пропасть обрываешься — от удивления[1]. Как? Вы — Вы! — говорю я кому-нибудь — Вы не понимаете, что... и т. д.

---

1 апреля в этом году было тяжело и мне и Люше *физически*, но, разумеется, на душе легче, чем в прошлом. Тогда Люша была в больнице... какой же праздник? А сейчас — непосильно, да, непосильно — а радостей было много, как и хороших людей и хороших стихов.

Читаю сейчас статью Л. Я. Гинзбург в «Неве» — «О старости и инфантилизме»[2]. Интересно. Кроме того, читаю увлекательнейшую книгу «Ленинградские писатели-фронтовики»[3]. Видели ли Вы ее? Столько знакомых: Мирошниченко, Хмельницкий, Данько, Вольпе, Макогоненко, Валов.

О, Господи... А принцип отбора неясен.

Что думаете о книжке Самойлова («Голоса за холмами»)? Я собиралась его навестить в больнице (первый диагноз: инфаркт; затем — нет, не инфаркт, а тяжелый спазм) — но врачи не советовали навещать... Случился этот инфаркт или спазм, когда Д. С. приехал в Москву на «сороковины» по Слуцкому и там очень сильно напился. Между прочим, разные люди, разных литературных «позиций», «школ», пристрастий, поколений и т. д. всячески корят меня: они знают чуть не все стихи Слуцкого наизусть, он — могучий новатор, а мне... мне он как поэт совсем не нужен. А Вам?

Видели ли Вы в апрельском «Огоньке» — Гумилева?[4]

[1] Вероятно, намек на вечер памяти Анны Ахматовой. См. письмо **581**.

[2] Упомянуто название одной из записей, вошедших в публикацию: *Л. Я. Гинзбург*. За письменным столом: Из записей 1950—1960-х годов // Нева. 1986. № 3. С. 112—139.

[3] Ленинградские писатели-фронтовики. 1941—1945 / Автор-составитель Владимир Бахтин. Л.: Сов. писатель, 1985.

[4] Этот памятный номер «Огонька» был посвящен 116-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. На обложке — Ленин с телефонной трубкой, внутри — разворот: Ленин в своем кабинете в Смольном. Привычные советские штампы и вдруг еще разворот — портрет Гумилева, заголовок «К 100-летию со дня рождения Н. С. Гумилева», небольшая вступительная статья В. Енишерлова, в которой сказано, что «жизнь Н. С. Гумилева трагически оборвалась в августе 1921 г.». В конце статьи Гумилев назван «одним из лучших русских поэтов начала XX века». Вслед за статьей напечатано несколько стихотворений: «Волшебная скрипка», «Андрей Рублев», «Капитаны», «Орел», «Лес», «Портрет мужчины», «Жираф». В 1986 г., в самом начале перестройки, этот номер вызвал потрясение. Это было началом возвращения запретных имен, наглядным свидетельством поворота исторического колеса.

585. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

12 мая 1986. Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за вырезку из «Ленинградской правды»[1]. Скупо как-то они осветили крупное событие культурной жизни Ленинграда. Так, например, не всех выступавших перечислили.

Теперь о Самойлове. Когда я получила от него в дар «Голоса за холмами» (с большим опозданием, потому что он послал экземпляры в Москву для передачи и отсылки друзьям — не непосредственно, а с оказией к сыну, а у того они валялись чуть не месяц) — да, так вот, когда я получила книгу, я прежде всего схватилась за «Моцарта» и ахнула, увидав, что посвящения — нет. Не только ахнула, но послала письмо ему в Пярну, объясняя, какую *боль* он причинил Машеньке (по небрежности — читает корректуры не он), что если бы дело было в посвящении не *ей*, то все пустяки и вздор, а вот с нею в такие игры играть — нельзя. Ответа я не получила, а от общих друзей случайно узнала: Д. С. в Москве, в больнице, у него либо множественный микроинфаркт, либо тяжкий спазм. Я хотела навестить его — врач советует «повремените». Конечно, если даже я и пришла бы к нему в больницу — о проделке с Машенькой я все равно говорить теперь не стала бы... Пока не выздоровеет. А насчет «московской книги» Д. С. я просто ничего не знаю...

С завистью прочитала в Вашем письме, что Вы перечли «Кристин, дочь Лавранса». Я тоже когда-то прочла и полюбила эту книгу, но вряд ли успею когда-нибудь ее перечесть. Я читаю,

мне иногда (очень редко) находят время почитать тó, что мне надо «для работы».

Иногда это драгоценно. Так, например, недавно прочла в № 6 «Невы» — прозу Лидии Гинзбург «О старости и инфантилизме». Читала мучительно (напечатано в два столбца мелким шрифтом!) — и теперь хочу приобрести где-нибудь этот номер — и очень, очень советую Вам прочесть. Очень.

С горечью написали Вы про Леонида Петровича. Надеюсь, теперь он уже опять звонит и приходит к Вам часто, и горечь прошла. Знаю, у него был — в рабочем смысле — весьма напряженный март—апрель. Он сдавал работу сверхсрочно. Спал не более 4 часов в сутки. (Думаю, это вреднее всего.) В его любви, уважении, живом интересе к Вам, к Вашей работе, к Вашему быту, мыслям, в жажде к общению с Вами — я не сомневаюсь.

Будьте здоровы. По поводу дачи, полагаю, решение не замедлит. Какое? Поживем — увидим. (Увы!) 1 апреля прошло полноценно на этот раз... а «что дальше, что впереди?» твержу я Герценовские слова.

[1] Имеется в виду газетное сообщение о вечере памяти Анны Ахматовой (см. письмо **583**).

586. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

28.05.86

Дорогая Лидочка!

Узнал, что Леонид Петрович едет в Москву и решил воспользоваться этой оказией. Хотя мог бы воспользоваться и почтой. Школу прошел хорошую. Писать научились.

Знаю, что Вы продолжаете работу над книгой о Матвее Петровиче. Радуюсь этому, но, вместе с тем, жалею (как и многие), что задерживается, откладывается окончание 3-го тома.

Спасибо, что написали мне о Давиде Самойловиче, рассказали о его болезни. Это удержало меня от дурного поступка: я собирался (хотя, к счастью, долго и не решался) попенять ему за Машу (за вписанное от руки посвящение).

Можно ли ему (к нему?) вообще написать?

Читаете ли Вы «Лит. Газету»? В последнем номере публикация записных книжек К. А. Федина. И там запись, посвященная теме «вошла врач». И что же Вы думаете? Классик советской литературы — огорошен встретившимся в газете словом *пловчиха* (женск. от слова *пловец*).

«Спрашивается — а как надо? — пишет он. — А никак. Женщина будет тоже пловцом, как она врач, агроном, ученый, товарищ, борец, а не врачиха, не агрономша, не ученая, не товарка, не борчиха... Мыслимо ли от бойца — бойчиха? И как будет от хитрец?»*

С Фединым я согласиться не могу. Мое мнение — прежнее: все дело, употребляя пушкинские слова, «в чувстве соразмерности и сообразности».

Вас когда-то укололо у меня в дневнике: «Врач склонилась над столом и пишет». Здесь по-другому не скажешь (пловчиха привилась, а врачиху я тоже отвергаю).

А вот вчера я прочел в газете:

«Я потребовала у кассира жалобную книгу. Не дает и не отвечает. Тогда я попросила вызвать директора. *Обе* заявили, что книги в магазине нет».

Все это ерунда, мелочи. Но ухо режет поминутно. И больно за русский язык, который все это умнет, приспособит, но лучше от этого не станет.

Знаете ли Вы композитора Б. Тищенко? Он мой старый (с детских лет) читатель. Кстати, автор известной Вам, вероятно, театральной триады на стихи Корнея Ивановича. На днях он подарил мне книгу Б. Каца «О музыке Бориса Тищенко». Там, на стр. 115 упоминается его «“Requiem” на слова Ахматовой». Борису Ивановичу даже за это *упоминание* пришлось драться с редактором (-шей?).

«Неву» со статьей Гинзбург достал, но еще не читал. Много скопилось обязательного чтения.

PS. А вот какой мне попался недавно курьез — на тот же мотив «врач присела». Читаю, что Е. Ю. Кузьмина-Караваева (Мать Мария) какое-то время состояла в партии эсеров и в 1917 г., после Великой Февральской революции «несколько месяцев была *городской головой* г. Анапы». Изящно? Спрашивается: правильно

это или неправильно? Просится *«городским»*. Но тогда это «врач села» наоборот.

---

*) Старый писатель не нашел, а 4-летняя Маша на ходу выдумала: — Папа хитрец, так, мама хитричка, а я — хитрюшонок.

587. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

9 июня 86 г., Москва

Дорогой Алексей Иванович.

Сейчас, когда я пишу Вам эти строки, Финочка стоит на почте и посылает Вам — для Маши — книжку Д. Самойлова. Книга послана «ценной бандеролью». Квитанцию храним.

Авторская надпись на титульном листе — Маше. Посвящение сохранено в виде: «М. П.».

Мне он книжку тоже подарил и надписал. Но я ее еще не читала. Надеюсь — прочту. «Свидание хотя и состоялось, но...» Д. С. пробыл 3 недели в больнице в городе, потом около месяца под Москвой «в больнице полусанаторного типа». Выйдя, совершил два недопустимых (главным образом, медицински) поступка: 1) публично читал в ЦДРИ свои стихи 2) поссорившись с женой, переехал к своему старому другу... Я собиралась к нему на квартиру (так было условлено по телефону), когда он внезапно позвонил мне: «Л. К., я на ул. Горького возле вас и через 10 минут меня к вам доставят». Явился — несчастный, худой, почти ослепший, взбудораженный, руки дрожат, сам говорит непрерывно. *Переписывает* прозой свои новые баллады; в промежутках по телефону звонит от меня жене, домой, но там все время занято. Я не понимаю, чем и как его отвлечь, да он, собственно, и не слышит ничьих слов. Приходит за ним его товарищ. Наконец удается Д. С-чу дозвониться жене. И они оба — т. е. Д. С. и его товарищ — отправляются к Галине Ивановне (жене).

На следующий день Д. С. позвонил. «Л. К., простите, я вчера был у вас... не совсем... собран. Теперь все в порядке. Еду в Пярну. Оставляю у своего приятеля 2 экземпляра своей московской книги: для Вас и для Маши Пантелеевой».

Вот и все. Я счастлива, что отправлять книгу он *не* поручил своему секретарю — это раз; и еще более, что между Вами и им не произошло никакого грустного и оскорбительного недоразумения.

(Я сейчас очень берегу — и себя и других — именно от *недоразумений*. Иное дело — своя или чужая вина, через которую переступить, которую простить *нельзя*. См. у Пушкина «Когда твой друг на звук твоих речей...»).

Да, да, Вы правы — в конце концов язык все «умнет», все приведет, как говорил К. И., «к складу и ладу» и, как сказал Пушкин — все зависит от соразмерности и пр. Но больно видеть (слышать!) полное равнодушие интеллигенции. Представьте себе, я часто объясняю знакомым, что не К*е* Чуковский, а К*а* Чуковский... То есть что существует русский алфавит с определенным названием букв...

«Кассир и директор об*е* уверили» — это, конечно, прелесть. Но объясните мне, ради Бога, почему я прочла недавно: «М. Петровых была известна как переводчик»? Почему не переводчица. Уже и учительница географии превращена (кое-где) в учителя.

Редактор или редакторша? Врач или врачиха? Тут я буду следовать мудрому совету Т. Габбе: «Выход один — как можно скорее дать врачу или редактору женское имя и отчество. “Мой редактор, Клара Николаевна, сказала...” “Мой врач, Марья Степановна, велела...”»

А вообще — пусть все *как хотят*. Недавно один молодой человек спросил меня, почему я говорю «Чи́стополь»? — «А как надо?» — «Я сам оттуда, мы говорим Чисто́поль». — «Ну и на здоровье». Другой, когда я сказала ему «включи́м радио», — просто меня не понял. «Что?» «Включи́те, говорю, радио». Он рассмеялся: «Л. К., надо говорить: «вклю́чим»... Да, да: «вклю́чим», «подклю́чим».

Я решила никого не поправлять, но говорить, как говорю. Знаете, К. И. один раз сказал мне: «Русский язык требует склонений. Нечего иностранные слова, вошедшие в быт, употреблять как посторонние. Следует писать и говорить: “польты”, “здесь много польт” и пр. Это в духе нашего языка». Но *я* так говорить и писать не стану.

PS. Очень, очень прошу Вас, дорогой друг, если будете писать в Пярну[1] — не пишите укоризн. Право же, не стоит.

[1] То есть писать Д. С. Самойлову, который жил в Пярну.

588. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

8.07.86

Дорогая Лидочка!

Я не собирался спорить с Давидом Самойловичем, и никаких «оскорбительных недоразумений» между нами не было и не могло быть. Я просто долго не писал ему (но и он на мое последнее письмо не ответил). Сейчас, получив (не без Вашего, конечно, доброго вмешательства) московский сборник, написал, поблагодарил, пожалел, что нет там моего любимого «Снегопада».

С чувством благодарности прочел в «Ленинградской правде» текст выступления на съезде Д. С. Лихачева (в «Литературной» его, кажется, не было)[1], где он настаивает на академическом издании Чуковского и на признании его музея в Переделкине.

Надежда, которой я все эти годы жил, как будто как-то подкрепляется. Дай Бог не ошибиться.

Как рад я был услышать Ваш голос по телефону. Не сразу узнал — поверил.

Передал Ваш привет Маше. Она обрадовалась. Очень любит и Вас, и Люшу. Близких-то, ведь, немного осталось.

Неожиданно — и тоже через Вас — возник в нашей жизни Леонид Петрович.

Вчера получил от Маши письмо. Грустное письмо это заканчивается словами: «Отрадно, что придет милый Л. П.».

Потрясли меня Ваши воспоминания о том, как К. И. учил Вас говорить «польта» и «польт».

А Вы знаете, что наш Шкидский президент Викниксор, В. Н. Сорока-Росинский, человек с университетским образованием, требовал, чтобы мы склоняли именно эти слова. И все-таки не заставил, не убедил.

Ке Чуковский? Удивляетесь? А удивляться поздно. Как кому хочется, так и произносится. Радио и телевидение слушаете хоть иногда? ФЭЭРГЭ (ФРГ), СЭШЭА (США). Переименовали названия букв? Нет. В той же передачке можете услышать ЭРЭСЭФЭСЭР (А не РЭСЭФЭСЭРЭ).

[1] В «Литературной газете» от 2 июля (с. 7—8) это выступление было опубликовано в сокращенном варианте. Говоря о Собраниях сочинений русских писателей и о музеях, Д. С. Лихачев сказал: «Память должна быть действенной, памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной. Если мы не будем по-настоящему

чтить память наших духовных предков — забудут и нас». Об этом выступлении Д. С. Лихачева см. также примеч. 2 к письму **589**.

589. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

27/VII 86

Дорогой Алексей Иванович.

У меня для Вас и Машеньки припасены два подарка: сборник М. Петровых «Черта горизонта» (ее стихи и воспоминания о ней), а также пластинка с записями голоса. Жду оказии в Ленинград: боюсь, что на почте пластинку разобьют. Книгу могу послать заказной бандеролью хоть завтра — но боюсь, не разбудит ли Вас почтальон.

А голос у нее — дивный. И какое лицо!

Получила коротенькое письмо от Самойлова. У него умерла мать. Раньше она жила в Москве у старшего внука, а в последний месяц в Пярну, у Д. С. Умерла у него на руках. Ей было 90 лет... Письмецо Д. С. коротенькое и скорбное («мама перед смертью звала свою маму»), а кончается оно фразой: «получил необычайно трогательное письмо от Алексея Ивановича».

Многие выступления на Съезде были очень хороши и остры[1]. Благодарность моя академику Лихачеву безмерна... Что касается результата — то — разумеется — отклик во всех душах благотворный — но... далее не знаю. Ни насчет дачи Б. Л., ни насчет дачи К. И.

Я Вам, наверное, не точно написала о «польтах». К. И. говорил, что он считает правильным, т. е. соответствующим духу языка — «польты», «польт», «польтами». «Но, — прибавлял он, — *сам* я так ни говорить, ни писать не стану ни за что».

[1] Речь идет о VIII съезде писателей СССР, проходившем в Москве 24—28 июня 1986 г. В своей речи, напечатанной в «Ленинградской правде» 29 июня, Д. С. Лихачев сказал: «Ждет своего научного издания наследие Корнея Чуковского, как ждет признания и музей его в Переделкине».

В наши дни работает музей «Дом Чуковского в Переделкине» (филиал Государственного литературного музея), а в 2001—2009 гг. вышло Собрание сочинений Корнея Чуковского в пятнадцати томах (Москва: Терра—Книжный клуб).

590. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

18/IX 86

Дорогой Алексей Иванович.

Посылаю Вам, наконец, давно обещанную пластинку Петровых. Надеюсь, «Черту горизонта» Вы уже получили.

Пользуюсь случаем познакомить Вас с давним моим другом, Анатолием Генриховичем Найманом. Дружбе моей с ним уже лет двадцать.

Крепко обнимаю Вас и Машеньку. Думаю о том, как тяжко обошлась вам обоим траурная дата[1].

Всегда с Вами.

[1] Т. е. день смерти Э. С. Пантелеевой.

591. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

23.09.86

Дорогая Лидочка!

Только что позвонил Анатолий Генрихович[1]. Будет через 30—40 минут. Хочу успеть написать Вам за это время, поблагодарить Вас за пластинку, которой еще не видел. Книгу М. Петровых тоже не получил.

Рады — и Маша и я — возвращению Леонида Петровича. Он был у нее в воскресенье, показывал сделанный им фильм «Елениум» (что-то вроде «Вампуки»[2] на гомеровский сюжет).

Е. Путилова прислала мне на днях свою книгу «Началось в республике Шкид» — обо мне, — книгу, вызвавшую у меня уныние и тошноту еще в рукописи. Хороши там только некоторые фотографии (в том числе Корнея Ивановича).

2.10.86

Дописать не успел. А. Г. привез пластинку, за которую горячо Вас благодарю. А дня два спустя получил на почте и книгу...

Не написал Вам сразу (не дописал письма) потому, что был испорчен, не звучал проигрыватель, ждал человека, который мог его починить. Сейчас починили, слушаю. И Тушнову, с которой встречался в 40-е годы.

Спасибо Вам за бесценный подарок.

И за то, что прислали пластинку с Анатолием Генриховичем. Я ведь знал его, встречались у Анны Андреевны в Комарове, и — не узнал сразу.

Видеть и говорить с ним было в радость.

Спешу дописать письмо. И так я его писал больше недели, кажется. Хотел послушать Марию Сергеевну. Видел ее, кажется, один раз, у Маршака, а голос узнал с первого слова.

PS. Новостей (точнее — добрых слухов) вокруг много. Был у меня третьего дня молодой (на наш с Вами взгляд) сотрудник журнала «Нева». Он предложил редактору напечатать «Requiem». — А что это такое? — спросил тот. Узнав, возбоялся. Вопрос будут ставить на редколлегии. А ведь два года назад и такое было невозможно (чтобы ставили на редколлегии).

[1] А. Г. Найман.

[2] Опера-пародия «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера» (музыка В. Г. Эренберга по тексту пьесы М. Н. Волконского), высмеивающая условности и устаревшие традиции в оперных спектаклях, поставлена в Петербурге в 1909 г. Название «вампука» обычно используется как обозначение всего искусственного, банального и нелепого.

592. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

3/XI 86

Дорогой Алексей Иванович.

Очень заинтересовало меня известие о «Реквиеме» Ахматовой. Вы писали, что вопрос о напечатании «поставлен на редколлегию», и это уже большой шаг вперед... Конечно! Надеюсь, вы не замедлите сообщить, чем обсуждение кончилось — или кончится. Получат ли, наконец, читатели хлеб насущный? Дай-то Бог! Когда-то «Реквием» был представлен автором в «Знамя» и в «Новый Мир» (в 1961 или 62 г.), но отвергнут, а в сборниках появлялись 3 стихотворения из всего цикла.

Прочла я в «Правде» статью Д. Гранина об академике Д. С. Лихачеве[1]. Обрадовалась этому факту. Автор несущественен, важен факт публикации... И знаете, случилось нечто удивительное — нечто телепатическое! Только что я, в беседе с приятелем, произнесла: «Я слышала, в “Правде” большая статья

о Лихачеве...» — как раздался телефонный звонок, и я услышала голос Дмитрия Сергеевича. Буквально в ту же минуту...

28/X я была на могиле. В этом году осень какая-то кувырком: в конце сентября — холод и снег, а в последнюю декаду октября — в те страшные дни умирания и смерти К. И., когда шел снег и на стекле машины работали щетки — в этом году, в нынешнем, *впервые* за 17 лет! — тепло и сухо... Мы теперь ведь ничего 28-го не устраиваем; на этот раз 28-ое был вторник, день моего обычного дежурства на даче (с вечера вторника по вечер пятницы), но поехали мы с Люшей не вечером, а засветло. Вез нас один милый (но еле знакомый!) человек на своей машине. На кладбище тихо, пусто, могила прибрана, ухожена — еще и до нас свежие цветы! Мы с Люшей положили свои цветы; наш гость — водитель ушел тактично на другие могилы, потом Люша — на могилу Б. Л., и я побыла одна... «Черный грай ворон»[2], нагие деревья, шум электричек... Потом сели мы в машину и вдруг вижу: идет кто-то по склону, в руках цветы... Кто? Оказалось: Володя Глоцер. Я кинулась к нему, я так обрадовалась, потому что всегда в этот день и 1-го мы с Финой за ним заезжали, а в этот раз не заехали (случайно, из-за чужой машины!), и я испытывала стыд... Потом поехали все вместе в дом, обогрелись гречневой кашей и чаем. Все торопились обратно в город, я осталась одна. Разложила чемоданы, папки, потом послушала музыку (Шостаковича).

Были ли у Вас время, и силы, и возможность вчитаться в «Черту горизонта» М. С. Петровых? В ее стихи? Если да — то напишите мне, пожалуйста, какие полюбились Вам. Какие Маше. И голос на пластинке? По-моему, на пластинке, кроме ее стихов собственных, *дивен* ее перевод «Горной дороги»...[3] А на портрете — помните, стихи Осипа Мандельштама, обращенные к М. С.:

Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ[4].

[1] *Д. Гранин.* В служении Отечеству. Мастера культуры / Творческий портрет Д. С. Лихачева // Правда. 1986. 12 окт.

[2] Анна Ахматова. Из пьесы «Пролог».

[3] Стихотворение Маро Маркарян.

[4] Стихотворение О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...».

593. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

15.XII.86

Лидочка, дорогая, я не забыл Вас, я без малого месяц хвораю.

С благодарностью думаю о Вас, перечитывая «Черту горизонта». Вы спрашиваете: какие стихи полюбились мне? У меня старая (с юности) привычка — ставить в оглавлении птички или крестики. Так в этом сборнике у редкого названия не стоит две, три, а то и целых пять птичек. Конечно же, самое яркое, самое пронзительное — это фадеевский цикл.

Но и в молодых, в юношеских стихах, и в стихах последних лет (как и в переводах) звучит ее неповторимый чистый голос.

Маше я книгу не возил: боюсь, пропадет. Но кое-что она знает и помнит еще по «Дальнему дереву» («Назначь мне свиданье на этом свете...»). А вообще память — на стихи — у нее стала хуже. Где-то живут, но временами тонут, глохнут, временами выплывают.

То, что статью о Д. С. Лихачеве написал Гранин, — хорошо. Он обычно знает или чувствует, куда и откуда дует ветер.

О «Requiem'е» ничего написать не могу, не знаю. Тот, кто говорил мне, болен, давно у меня не был.

Вы правы, назвав дивным перевод «Горной дороги» Маро Маркарян.

Недели три назад приезжал ко мне Б. И. Тищенко, привез магнитофонную запись своей новой оперы «Краденое солнце». Не знал, что сказать ему: не тронуло. Еще ужаснее было мое положение, когда он привез свой массивный «филлипс» с записью «Блокадной симфонии», посвященной МНЕ. Во всех газетах симфонию хвалили, а я и тут не радовался. Огорчил его, хотя обидного ничего не сказал. Молчание и брови тоже могут сказать многое. Храни Вас Бог!

594. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

12.03.87

Дорогая Лидочка!

Спасибо за волшебное письмо, за добрые и бодрые слова. Единственное преимущество письма обычного, идущего по почте, — то, что его можно перечитать, а это — увез вместе со своим

ящиком Леонид Петрович. А ведь так хотелось еще раз послушать и Вас, и Люшеньку, не послушать, а вслушаться[1].

Вы спрашиваете: когда и куда переехал из Дома книги Детгиз? Куда — отвечу не задумываясь: на ул. Бродского, бывшую Михайловскую, рядом с филармонией. А когда? В тридцатые годы. Какие именно — сказать не могу. Пытался выяснить, отыскивая дату на книгах и журналах тех лет. Не нашел. А память мне ничего не говорит. Ведь в те годы я очень редко бывал в издательстве. В стенгазете 1937 года своими глазами читал статью, что *враги* народа обвинялись в том, что специально платили деньги Пантелееву, чтобы тот — не писал — года 3—4. Я, действительно, ничего не публиковал, кроме переизданий.

Я помню в Детиздате на ул. Бродского — Комолкина, Криволапова, Желдина, Чевычелова, Савельева, О. Фридмана, Диллакторскую, но ни Вас, ни Самуила Яковлевича, ни Зою Моисеевну — не вижу. Все вы как будто остались на Невском, на пятом этаже, под зингеровским глобусом.

Простите, что не мог услужить Вам. Одно могу сказать: середина тридцатых годов. Скорее всего — 35-й.

Спросить, кроме А. И. Любарской, не у кого. А к ней обращаться не хочется.

(Позвонил все-таки. Не помнит. Согласилась со мной, с тем, о чем сказано выше, — 35-й, середина.) И все-таки жалею, что позвонил. Как всегда, отвратительный осадок. Я упомянул о заметке в стенгазете, где говорилось о Пантелееве, подкупленном врагами.

— Такого текста там не было! — заявляет она не терпящим возражения тоном.

— Значит, я это придумал?

— Я не говорю, что вы придумали, но такого текста я не помню.

Трубку я сразу не повесил, но постарался как можно короче свести разговор к финишу.

От С. А. Лурье слышал, что Вы не только знаете о готовящейся публикации «Реквиема», но что с Вами консультировались, сверяли текст.

[1] Л. К. передала А. И. Пантелееву с оказией «звучащее письмо» — запись голоса на кассету.

595. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

4.04.87

Дорогая Лидочка!

Третьего дня я получил повестку на ценную бандероль. Хотя почта далеко, а времени у меня было мало, я поспешил на ул. Куйбышева, думая, что это пришли лекарства для Маши, которые добывает и посылает мне Ваша милая соседка. На почте очень огорчился, увидев, что мне протягивают не пакет, а конверт. Но тут же огорчение переходит в радость: на конверте Ваше имя. Вскрываю конверт и — опять в огорчении: журнал и в нем — ни самой маленькой записки. Листаю «Квант» и нахожу рассказ и фотографию Матвея Петровича с Вашей дарственной надписью[1], которая опять выводит меня из состояния уныния: почерк молодой, крепкий, четкий...[2]

Значит, Вы можете писать. Вчера у меня был А. А. Крестинский и похвалился — показал Вашу открытку, написанную так же неузнаваемо четко и молодо.

А что же Вы, дорогой друг, меня забыли — и Вы, и Люша! Разве до Вас не дошло мое письмо, где я среди прочего пытался ответить на Ваш вопрос о времени переезда Детиздата на ул. Бродского?

Рассказ (глава из книги) Матвея Петровича блестит, как все, что выходило из-под его пера. Огорчила меня врезка. Ни слова о его участи! Как Вы позволили?!

Это на тему нашего давнего диалога:

Вы: все или ничего!

Я: Хоть что-нибудь! Sapienti Sat[3].

Здесь же и Sapienti ничего не поймут и не узнают.

А когда-то Вы упрекнули меня в том, что в воспоминаниях о Белых или Хармсе я пошел на сделку и позволил напечатать: трагически погиб.

«Могут подумать, — писали Вы мне, — что он попал под трамвай».

Было это во времена — другие, гораздо более суровые. (Мне грозили, что книга «пойдет под нож»...) Сейчас погода как будто другая.

Вот пример. Лет 5 назад я обратился в издательство «Сов. писатель» с предложением заключить договор на переиздание моих записных книжек. «Только по представлении и принятии рукописи», — любезно ответили мне. А недавно ко мне обрати-

лось то же издательство *с просьбой* что-нибудь издать или переиздать у них.

Подумав несколько дней, я сказал, что дам сборник, куда войдут воспоминания о Маршаке и другие воспоминания, новые и старые записные книжки, но — с одним условием, что будут восстанавлены все купюры.

Мне ответили:

— Сейчас можно на это пойти.

Сразу сборник не составить, но — включаю (намерен включить) и «Маршака», и «Седовласого мальчика», и «Заметки о ремесле и мастерстве» и другое, не включавшееся мною ни в «Избранное», ни в Собрание сочинений — по известным Вам причинам.

Посмотрим!

6.IV.87

Я получил письмо от С. Д. Дрейдена. Он просит рассказать ему о «Белом волке», т. е. о запоздалом сожалении Шварца и обо всем остальном, о чем Вы хорошо знаете. У меня (где-то!) есть заметка «О белом волке», ее Вы тоже знаете. Я читал эту заметку на вечере Чуковского или Шварца, не помню, в Доме писателя года четыре назад. Печатать ее я не давал, — не потому, что она не лезла в печать, а потому, что там была ссылка на заграничную «Память» и упоминание о том, что мои воспоминания о Чуковском были опубликованы без ведома и согласия автора (что и дало мне возможность и основания сказать все, что я знаю о «Белом волке». Раньше таких оснований не было. Ведь «Белый волк» в советской печати не публиковался).

На том, давнем вечере председатель вечера критик Д. Молдавский, пожав мне руку, сказал, что я «оказал неоценимую услугу советскому литературоведению»...

Этим я и утешился.

Печатать же статью, повторяю, не спешил и даже не знаю, сохранилась ли она[4].

Посоветуйте: что́ мне ответить Дрейдену? Если найду статью, как мне изложить историю появления «Белого волка» и «Двух встреч» в Парижском альманахе (в свое время Вы меня уговорили назвать издание *московским*, сделать это у меня почему-то рука не повернулась)?

Слыхал я, что издатели-составители, талантливые и героические люди пострадали, что они репрессированы. Тем более.

Радуюсь, что не напечатал статью четыре года назад. С упоминанием о самовольном издании за границей, пожалуй, напечатали бы. Но ведь эта ссылка меня и удерживала. А без ссылки статья рушится. О чем же идет речь, если статья не публиковалась?!

Дайте, мне, Лидочка, совет: что делать? Тем более что Симона Дрейдена навели на мой след Вы с Люшей.

PS. Благодарю Вас за добрые слова о «Маршаке». Рад был слышать их от Вас — Вашим же голосом. Переписал это письмо на свою кассету, угощу Машу.

7.IV.87

Подписал письмо, составленное А. А. Крестинским, — с требованием отменить постановление об Ахматовой—Зощенко, о снятии имени Жданова с Ленинградского университета и Дворца пионеров. Крестинский — поэт и детский писатель, член КПСС. Он не хочет, чтобы письмо подписывали Гранин и Дудин, обращается к 15-ти или 20-ти ленинградским писателям. Пока подписал только я. Сегодня он должен звонить Д. С. Лихачеву.

Успеет ли послать!

Давно ли (в этом же письме) я писал Вам о «другой погоде». Да, другая, но надолго ли?

М. С. Г[5]. не приехал в Прагу, и вот уже настораживаешься и даже волнуешься. Жду Вашего письма, Лидочка!

[1] В журнале Квант (1987. № 2) был опубликован фрагмент из книги М. П.Бронштейна «Изобретатели радиотелеграфа».

[2] После глазной операции, сделанной С. Н. Федоровым, у Л. К. улучшилось зрение.

[3] Для мудрого достаточно (*лат.*).

[4] Об этой статье см. примеч. к письму **475**.

[5] М. С. Горбачев.

596. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

5 марта [апреля] 87, Москва[1]

Дорогой Алексей Иванович.

Спасибо за справку, которую Вы мне дали о переезде издательства на Михайловскую (кажется, номер 2, но этого не про-

веряйте, это для меня несущественно). Я подозревала такие названия: Михайловская или Караванная. Вот какая я стала плохая ленинградка! А когда Леня сказал мне: «ул. Бродского» я вытаращила глаза... Да, я помню тоже всех нас на Невском, 28, или у С. Я., на углу Литейного и Пантелеймоновской, а не там. Однако году в 34 или 35 или 36 — мы оказались там, и читать интересную Стенгазету я ходила именно туда[2]: прямой коридор, а потом такой же прямой — направо, и вот там, за углом, она висела. (Когда я пришла прочесть, меня, по приказу Криволапова, вывел пожарный; успела я прочесть *не все*... Затем, благодаря *чуду*, почти все статьи из этого номера, оказались у меня в копиях...) Самоуверенность Александры Иосифовны меня уже не удивляет. Она отсутствовала с 4 сентября 37 года по 14 января 39-го. Таким образом, сама она никакого № газеты видеть и не могла. Видела она лишь мои копии, а между тем: 1) у меня, повторяю, не все статьи № 1 и, во-вторых, выходил и № 2 (по слухам), который Вы видеть могли, а она — никак, и я тоже, после скандала с пожарным, читать не пошла. Жаль, если Вы не упомнили имени автора этой увлекательной статейки.

Когда-то, когда определилось, что волею судьбы мы с Т. Г. после войны остались в Москве, а Шура в Ленинграде, Т. Г. говорила: «Шура одна, без С. Я., без вас и без меня, без нашей общей работы, — одичает».

Так и случилось. «Одичать» — озлобиться, обособиться, утратить масштабы, потерять живое и человечное воображение. В последние и в предпоследние годы я слишком часто ощущала ее прямую *злость*, обдуманную, неправую и, наконец (после того, как она приняла участие в низкой клевете), написала ей: «Голоса моего не услышишь больше, почерка моего не увидишь».

Больно — а иначе нельзя.

Хочется еще раз сказать Вам, какое сильное впечатление произвели на меня мемуары Ваши об С. Я.[3] — мне прочла их вслух Финочка месяц назад, — и я все так ясно увидела, все и всех тогдашних людей, и отчетливее всех С. Я., и его работу с нами. Я ведь сейчас тоже пишу (т. е. писала до болезни) о том же — и — многое совпадает — напр., пепельница у него на столе (наша работа с ним над «Солнечным Веществом» Бронштейна), да и многое, многое... Но, конечно, мне не хватает пантелеевской мускулатуры таланта![4] Ваши воспоминания — шедевр художественной

точности, живопись, графика, чего хотите. Да и в некоторых отношениях, «домашнего» знали Вы С. Я. *иначе*, чем я. Страшные 2 эпизода помню я об С. М.[5] (Конечно, писать о них не стану.) И не согласна с Вашей характеристикой Розалии Ивановны. Она предана была С. Я-чу без меры, и он изводил ее, случалось, капризами — но она совсем не понимала его, а преданность без понимания — бесплодна и не ведет к добру.

...Каждый эпизод и вся Ваша вещь в целом — прекрасное художественное произведение, достоверное и фактически и художественно... Виден действительно не только сложный, но *сложнейший* характер. Сочетание инфантильности со зрелостью, практичности с беспомощностью, расчетливости с безрассудностью, тщеславия с жертвенностью...

Да, вот так.

PS. О «Реквиеме» скажу, что с С. А. Лурье я не знакома, не знаю, кто это, а также впервые узнаю́ из Вашего письма, что текст «Реквиема» со мною сверен... Кто, как, когда?

Если увижусь с З. Б. Томашевской — выскажусь о ее поступке с полной точностью[6].

[1] Дата поставлена по п/шт — у Л. К. описка в месяце.

[2] О стегазете см. примеч. 1 и 2 к письму **308**.

[3] Речь идет о воспоминаниях Л. Пантелеева «Маршак в Ленинграде» (*Л. Пантелеев.* Живые памятники. Л.; М.: Сов. писатель, 1966). По причинам внелитературным они не были напечатаны ни в Собрании соч. Пантелеева, ни в сборнике воспоминаний о Маршаке.

[4] Статья Корнея Чуковского о Пантелееве была опубликована впервые под названием «Мускулатура таланта» («Литературная газета». 1954. 4 дек.).

[5] С. М. — Софья Михайловна, жена С. Я. Маршака.

[6] Публикация «Реквиема» в «Неве» была осуществлена З. Б. Томашевской.

597. Л. К. Чуковская — А. И. Пантелееву

17/IV 87

Дорогой Алексей Иванович. Начну со срочного дела: с С. Д. Дрейдена.

1 апреля, у нас, в Переделкине С. Д. прочел отрывок из своих воспоминаний о К. И. Он знаком с К. И. — и был влюблен в К. И. — со своих 12 лет. Он тенишевец. Я была очень дружна — в школе и после школы, с братом С. Д. — Гришей. Вплоть до

Гришиной смерти (лет 10 назад). Наш Коля дружил — в юности — с С. Д., а наш Боба — с Шуриком[1]. Поэтому К. И. надписал одну свою книжку их матери, Софье Ильиничне, так: «Мамаше дрейденят от папаши чуковят»...

Сима Дрейден бегал за К. И. как влюбленный за барышней. В детстве, в юности, всегда. В старости нарочно брал путевку в Дом Творчества в Переделкине, чтоб каждый день видеть К. И. Тот называл его «Симочка», а наша домработница — «Семячкин».

Теперь этому Семячкину — 82 года. Он на 90% слеп и на 50% глух. Кроме того, он одинок. Кроме того, теряет память. Кроме того — не жалуется. Видимся мы с ним — т. е. я с ним — редко, но между нами сохранилось школьное «ты».

По профессии он — театро-кино-специалист. Автор многих статей, рецензий, книг об актерах, режиссерах, кино и театральных постановках, а также капитального труда «Ленин в театральных креслах». Провел 5 лет в лагере (во времена «борьбы с космополитизмом»). Вернувшись, сказал мне: — Знаешь, я, кажется, экзамен выдержал — ну, на троечку, и заплакал один раз: когда вдруг, лежа на нарах, услыхал по радио голос К. И. ...«Мойдодыр»... Надо мною там товарищи смеялись: взрослый мужик из-за «Мойдодыра» ревет... А я из-за голоса...

Итак, 1 апреля... С. Д. по моей просьбе прочел отрывок из своих воспоминаний о К. И. Т. е. не он читал — он читать не может, слеп — а за него, по его выбору, Клара Израилевна. Это была переписка К. И. со Шварцем (которого С. Д. чрезвычайно ценил и ценит). Переписка попала ему в руки вполне законно (он вообще человек порядочный). Кончалась «цепочка» письмом К. И. к Екатерине Ивановне, в котором К. И. пишет о «Драконе» как о пьесе не столько талантливой, сколь гениальной.

Через день С. Д. позвонил мне и сказал, что многие наши гости очень заинтересовались перепиской, спрашивали его: почему он не упомянул о «Белом волке»? И что я ему советую теперь делать? Он согласен: *прятаться* от этого вопроса не следует, вопрос — обоснован.

— Знаешь, — сказала я, — мне говорил мой друг, Алексей Иванович Пантелеев, что Евгений Львович сам об этой главе своих «ме» сожалел, признавая неправоту свою. Ты обратись к Алексею Ивановичу, он тебе и ответит по правде.

С. Д. обратился... Мне кажется, Вам надо ему ответить. Никакой *библиографии* не требуется. Напишите коротко и ясно, то,

что было Вами заявлено с писательской трибуны. Вот, мол, Шварц читал мне то-то, согласился со мною в том-то; я об этом публично впоследствии заявлял и подтверждаю снова... Вот и все... Если можете — напишите скорее, потому что «Семячкин» очень ждет... Если я поставила Вас в неудобное положение — извините меня, я, значит, не все учла.

Снова я хочу о Ваших «ме». Когда я их слушала — делала свои пометки на обложке какого-то своего блокнотика — и притом — вслепую. Блокнотик затерялся, а теперь я снова нашла его. Это так, попутные соображения, беглые и никчемные... Но сообщаю их Вам, просто делюсь ими, безо всякой цели... Меня всегда поражало, что Ахматова не любит Чехова. Постепенно я узнала и поняла, что не любило его целое литературное поколение. Цветаева (в письме к Пастернаку). Мандельштам (противник его пьес). Пастернак полюбил в конце жизни (прибегал к К. И. по соседству и брал том за томом). И вот теперь, читая Ваши воспоминания об С. Я., вспомнила *сама*, что Маршак тоже не любил Чехова (выше всех русских прозаиков он ставил, кажется, Гоголя). Один раз С. Я-чу для какого-то доклада понадобилось несколько строк из «чьего-нибудь классического пейзажа». Я сказала: поищу у Чехова. «Ну, Лида, Чехов вообще вздор». Когда я пришла и принесла ему чеховскую цитату (о снеге в Москве вечером, а из какой вещи — не помню), он был удивлен и рад... Современных поэтов, которыми тогда увлекались мы (и, смею сказать, увлечены и теперь), т. е. Ахматову, Мандельштама, Пастернака — не жаловал. Пушкин, Лермонтов (слабее), Хлебников, Блейк, Шекспир — это был его постоянный набор. Но С. Я. все-таки менялся с годами. Пастернака он полюбил поздновато (так же как и Тамара Григорьевна) — примерно со стихотворения «В больнице». Но, конечно, масштаб понимал *всегда*. Когда я приехала однажды навестить С. Я. в Барвиху — в 60 году — он, дрожащей рукою, протянул мне объявление о смерти члена Литфонда — «мерзавцы!» — и заплакал. Ахматову тоже недолюбливал (в наши редакционные времена), а потом, позднее, восхищался «Летним Садом», в особенности строчками: «И лебедь, как прежде, плывет сквозь века, / Любуясь красой своего двойника»... Вы пишете о его образованности. Это так. Думаю, основы тут две: 1) годы учения в Англии, весьма интен-

сивного учения, хотя и не обычного 2) Т. Г. много читала ему вслух, пересказывала, читала в отрывках. С. Я. восторженно говорил о ней (мне): «Т. Г. скорее ведь *читательница*, чем писательница».

Дорогой друг, Вы упрощаете мою формулу «либо все, либо ничего». Это сложнее. Что касается автора врезки в журнале «Знание — сила»[2], то с него другой спрос, чем со многих: в своей *книге* об М. П. он говорит уже «все как есть, даже с датами», а я его удерживаю...[3]

Будьте здоровы.

[1] Гриша, Сима и Шурик — братья Дрейдены, ровесники детей К. И. Чуковского — Коли, Лиды и Бобы.

[2] Название журнала «Знание — сила» (вместо «Кванта») появилось, вероятно, из-за того, что Л. К. познакомилась с рукописью статьи Г. Е. Горелика «c • G • h =? На пути к теории квантовой гравитации» («Знание — Сила». 1988. № 2). Это был первый научно-популярный рассказ о главной научной работе М. П. Бронштейна.

[3] Книга об М. П. — см. примеч. 2 к письму **547**.

Относительно «удерживания» Г. Е. Горелик вспоминает: «Знакомство с Л. К. было одним из самых сильных жизненных уроков, которые мне довелось получить, и я прекрасно помню, как она говорила о своем отношении к формуле “все или ничего”.

Впервые я увидел ее 18 октября 1980 года. Пришел я к ней по делу — в поисках научных рукописей М. П. Бронштейна, толком не понимая ее общественного положения, не зная о ее книгах и статьях и не зная даже книг МПБ. Привел меня мой интерес к никак не поддающейся проблеме физики (квантование гравитации). В статье МПБ 1936 года я обнаружил поразительно глубокое проникновение в проблему, почему-то не воспринятое наукой. И, узнав, что вдова физика живет в Москве, подумал, не сохранились ли в его рукописях какие-то пояснения или развитие его идей, которые он не успел опубликовать до своего исчезновения в 37-м...

Все его рукописи, сказала мне Л. К., уничтожили во время обыска, — пол был устлан бумагами, и “эти бандиты” своими сапогами ходили по листам, к которым она боялась прикоснуться.

Она как-то сразу начала рассказывать, и я ощутил, что нашел нечто не менее ценное, чем неопубликованные старые рукописи... В этом рассказе, который занял несколько вечеров, соединялись события разных времен. И я тогда впервые услышал о “теории почтовой марки”. Если вы хотите, чтобы написанное вами письмо дошло до адресата, вы приклеиваете марку, не особенно заботясь о том, что на ней изображено. Если есть выбор — портрет Сталина или цветочек, вы можете выбрать по своему вкусу. Но в сущности это не важно, главное — чтобы письмо дошло до адресата. Так и советский литератор, написав нечто своему адресату — читателю, приклеивает к своему сочинению “почтовую марку” — в виде цитаты из марксизма-ленинизма, или в виде демонстрации советского оптимизма. Литератор при этом надеется, что его читатель отличит письмо от марки.

Этой теорией пользовались литераторы, к которым Л. К. относилась с полным уважением, и — до некоторого момента — она сама. Но в какой-то день она поняла,

что никаких марок больше наклеивать не будет. Не хочет. Не может. Даже если из-за этого ее письма не дойдут до адресатов. Понимая, насколько разлука с читателем тяжела для писателя, она не требовала такого же решения от других. Она ожидала лишь более вдумчивого отношения к выбору марки. Например, сказать "безвременно погиб" или "жизнь трагически оборвалась" о тех, кого убило сталинское государство, нехорошо, — читатель может подумать, что "утонул" или "попал под машину". Лучше сказать просто "погиб" без всяких эпитетов или даже вообще не говорить о смерти, если содержание "письма" этого прямо не требует.

Такой подход мне казался тогда (и сейчас) нравственно чистым и честным. И я его принял для себя.

В письме от 8 июня 84 г. (№ 547) Л. К. пишет о "воскрешении М. П. — в науке и в жизни". Это в точности соответствовало моему чувству. Я даже имею наглость думать, что сам оборот Л. К. переняла от меня. Занимаясь воскрешением Бронштейна, я исходил из содержания и назначения публикации. Врезка к публикации в журнале "Квант" огорчила Алексея Ивановича тем, что там "Ни слова о его участи!" (4.04.87. Письмо **595**). Но "Квант" — журнал для старших школьников, увлеченных физико-математическими науками. И сами по себе главы из книги М. П. — в таком журнале — не требовали, на мой взгляд, рассказа о его судьбе. Врезка очень краткая, а как кратко рассказать о том ужасном горе, которое постигло миллионы? Я не умею. Но, главное, для воскрешения этого и не требуется.

Это требуется для понимания истории родной страны. И в других публикациях я по мере сил и способностей это делал.

Есть существенная разница в восприятии разных поколений. При всей горечи и ненависти к злодеям, люди моего поколения, не пережив того, что досталось Л. К. и А. И., видимо, обречены на некоторую "бесчувственность". Могу лишь засвидетельствовать, что Лидия Корнеевна своими книгами сделала возможным для меня и, надеюсь, для следующих поколений почувствовать, каково это жить, "под собою не чуя страны"». — *Примеч. Г. Е. Горелика.*

598. А. И. Пантелеев — Л. К. Чуковской

16.06.87

Дорогая Лидочка!

Начал писать Вам (и написал вчерне наполовину) большое письмо — главным образом о нашем друге, но вынужден был оставить его. Пишу *коротко*.

Уже месяц я хвораю. Желудок. Давно уговаривали лечь в больницу. Сейчас *требуют*, чтобы ложился незамедлительно.

Ложусь без страха, но с тоской на сердце — жалко бедную Машу. И в любом случае не закончу к сроку работу.

Вчера получил письмо от Володи Глоцера. Он пишет о Вашем выступлении в Лит. институте и о той «редкой по силе и единодушию овации», которой Вас встретила молодая аудитория[1]. Много раз с радостью перечитывал эти строки.

Целую Вас и Люшеньку, дорогой друг. Сердечный привет Финочке и Кларе Израилевне. Дай Бог всем вам доброго здоровья! К моим пожеланиям присоединяется и Александра Ивановна.

Ваш Л. Пантелеев[2]

[1] Начиналась перестройка, и Л. К. впервые за последние пятнадцать лет была приглашена выступить 30 мая на Пастернаковских чтениях в Литературном институте. Когда объявили ее выступление, весь зал встал. А на следующий день «Лит. газета» упомянула ее до этого запрещенное имя среди выступавших. Для Лидии Чуковской начиналась полоса возвращения на родину ее статей и книг.

[2] Это — последнее письмо от Алексея Ивановича. Получив это письмо, Л. К. записывает в дневнике: «Как страшно изменился почерк... Алексей Иванович... Алексей Иванович. Он, наверное, сейчас весь в молитве о Маше. Почерк, почерк и мужественность, а под спудом — прощание» (дневник, 23 июня 1987 г.). И еще запись через две недели: «Умер Алексей Иванович. Сегодня утром, 7 ч 35 м. Самая страшная строка из его последнего письма мне: “не успел окончить работу в срок”» (9 июля 1987 г.).

Публикация и комментарии Елены Чуковской

Указатель имен *

Цифры соответствуют номерам писем

* Указатель составила Л. А. Абрамова.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Иванович Пантелеев — Лидия Корнеевна Чуковская

ПЕРЕПИСКА
(1929—1987)

Дизайнер
Е. Поликашин
Редактор
Е. Шкловский
Корректор
М. Смирнова
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 41. Тираж 2000. Заказ № 1393
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж т. (495)973-32-82
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46
«Фаланстер» — М. Гнездниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:
Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59
«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53
«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;

ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:
«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:
«Галерея»

в Красноярске:
«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:
«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:
ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.
ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:
ООО «АВР» — т. (044)273-64-07
Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com)
ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423),
т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02
Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:
Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm,
т. 08-651-11-47

а также в Интернете:
www.bolero.ru
http://lavkababuin.com
www.mkniga.com
www.ozon.ru

Дорогая Лидочка!

Начал писать Вам (и на-

черне написанную) большая

гл. образом о ... нашем др.

пришлось было оставить его.

хорошо.

Уже месяц я хвораю. Желудок...

Л.Пантелеев. 1950-е

4/I 35

Заказное

Ленингр. обл.

Детское Село.

Ул. Ленина, 9

Дом отдыха КСУ

Лидии Корнеевне

Чуковской.

Одесса, Лондонская гостиница № 58

Л. Пантелеев

Конверт письма Л.Пантелеева Л.Чуковской. 1935

Дорогой Алексей Иванович. 10/IX 64 Переделкино

Вы напрасно меня хвалите: я

не „Герцена", т. е. не ту большую

для Мал. Гв., которую давно

была написать — а книжечку.

для Гослита о былом и дум

сделать ее за 1 1/2 мес.

меньше год как я

крупно листами.

не случится — я, повиди-

вши ... получу ее днем

Л.Чуковская. 1968

ПИСЬМА И ТЕЛЕГ
В МОСКВУ АДРЕ
УКАЗАНИЕМ ИНД
НОМЕРА ГОР. ОТД. СВЯЗИ

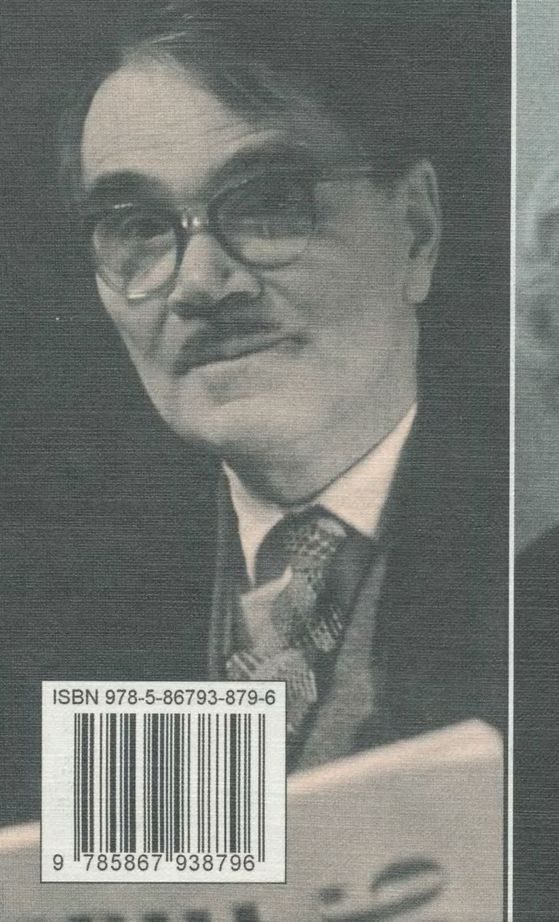
Куда Ленинград, П-46
Малая Посадская
8, кв. 6
Кому Алексею Ивановичу
Пантелееву
Адрес отправителя

Конверт письма Л.Чуковской Л.Пантелееву. 1964

Переписка А.И.Пантелеева (1908–1987) с Л.К.Чуковской (1907–1996) продолжалась около шестидесяти лет. Читать эту книгу, содержащую почти шестьсот писем лучше всего медленно, неторопливо, проживая вместе с ее героями их собственные судьбы и судьбу страны, в которой им выпало жить и трудиться. Какими бы горькими не оказывались те или иные повороты этих судеб, радость и гордость от сделанного не умалится. Перед нами – исторический портрет эпохи, свидетельский «очерк литературных нравов» и вереница ярких портретов замечательных людей.

Эта переписка – сам собою сложившийся *роман* о дружбе, о взаимном доверии. Большинство писем публикуется впервые.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ISBN 978-5-86793-879-6

9 785867 938796